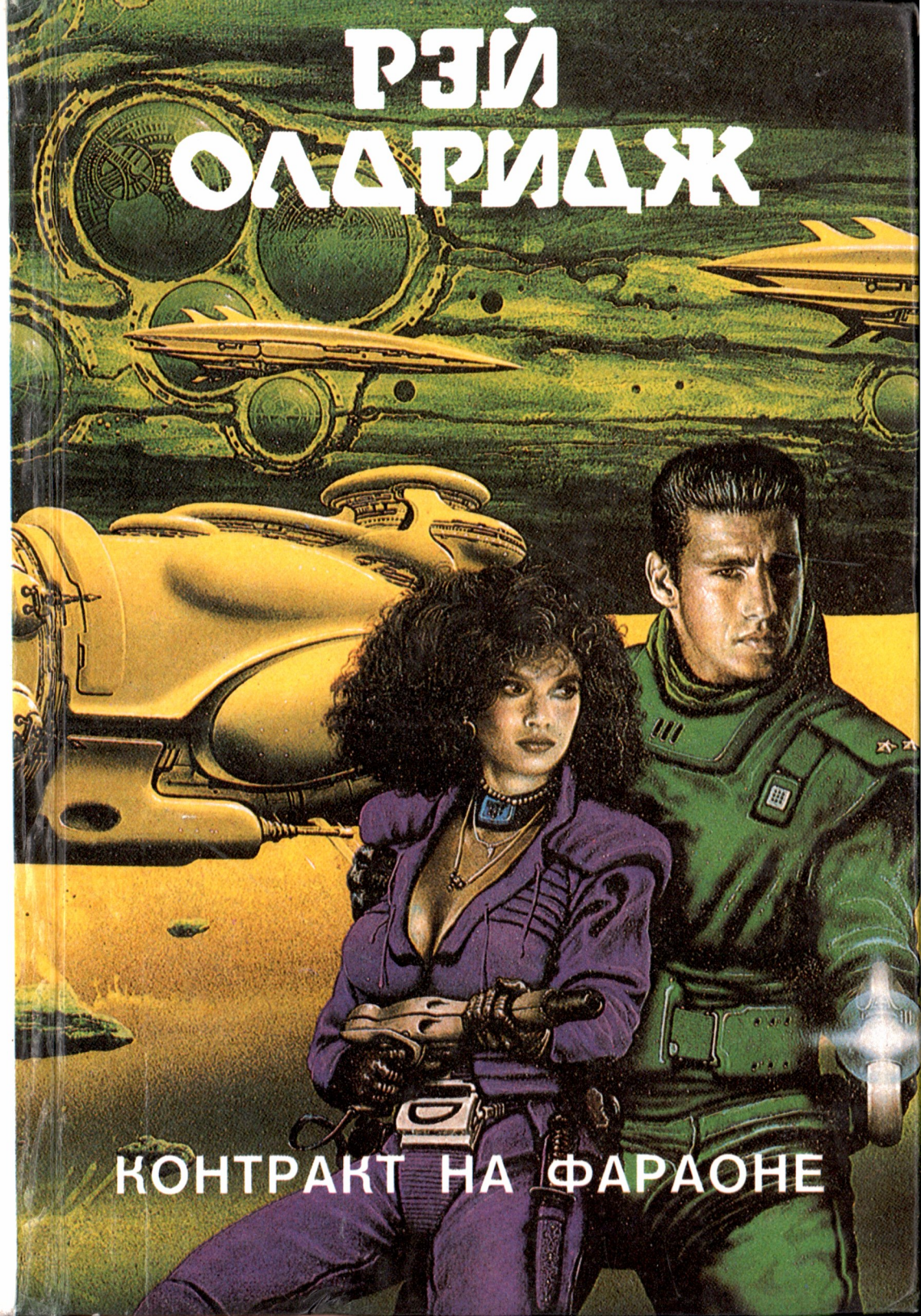
РЭЙ ОЛДРИДЖ

КОНТРАКТ НА ФАРАОНЕ

Р. ОЛДРИДЖ • КОНТРАКТ НА ФАРАОНЕ

МВ

МОСКВА
ГФ «ПОЛИГРАФРЕСУРСЫ»
ТОО «ТРАНСПОРТ»
1994

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

14

РЭЙ ОЛДРИДЖ

КОНТРАКТ НА ФАРАОНЕ

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

14

РЭЙ ОЛДРИДЖ
«КОНТРАКТ НА ФАРАОНЕ»

Этой книгой издательство знакомит читателя с творчеством известного писателя-фантаста Олдриджа. Путешествия по другим планетам, перевоплощение главного героя в различные разумные формы. Книга захватывает с первых страниц и читается на одном дыхании. На суд читателя представляется трилогия Р. Олдриджа, издаваемая в 2-х книгах серии «Монстры вселенной».

Перепечатка данных романов только с разрешения правообладателя и автора.

Отзывы на данную книгу присылайте по адресу: Издательство «Транспорт», г. Москва, ул. Верхоянская, д. 6, кор. 1. Тел. 095-470-03-38.

© Транспорт

© Перевод Слуцкой Л.

ISBN 5-85550-015-2

Посвящаю моей матери, Мьюриэль Райс Олдридж, которая всегда так удивительно не удивлялась моим успехам

Цветут кандалы на лозах цепей,
железные розы.
Из тьмы доносится скрежет лопат...
Кто здесь садовник?

— нацарапано на разбитой стене
на руинах казармы рабов на Сууке.

Глава первая

В приглушенном красном свете Уровня Зверятников искатели наслаждения толкались тесно возле Руиза Ава, море одичалых глаз, слюнявых ртов, скользких от пота тел. Он осторожно пробирался сквозь грохот и вонь. Его защищал хаос. В этой тесной толкотне кому заметить Руиза Ава, кому донести на него его хозяевам?

Мысль о том, что его обнаружат, заставила дрожь пробежать по его спине, кожа покрылась мурашками. Следователи Лиги Искусств спросят:

— Руиз Ав, скажи нам: что именно делал ты на Дильвермуне? Какой злой умысел привел тебя в логово Накера Учителя, печально знаменитого уловителя умов, объявленного вне закона?

И еще:

— Руиз Ав, как это получилось, что ты оказался там так скоро после того, как получил свою сеть? Скажи нам, Руиз Ав.

Руиз никак не мог придумать объяснения, которое удовлетворило бы этих мрачных людей.

Он представил себе, что уже чувствует смерть, ее сеть позади глазных яблок, как она опутывает его мозг и сжимается.

Не могут же они быть везде, сказал сам себе Руиз. И еще: слишком поздно идти на попятную. Мысли эхом отдались: слишком поздно, слишком поздно.

Но никто не показывал пальцем, никто не выкрикивал его имя. Напряжение в шее и плечах слегка спало, когда он подошел к сектору вольного убийства. Как только он окажется в этом спасительном полумраке, в стороне от роботов-мониторов, которые ползали по потолкам в туристических секторах, он будет чувствовать себя в большей безопасности. Там, где можно было на законных основаниях проливать кровь, он справится.

Он помедлил в том месте, где сходились полдюжины коридоров, где большой зал с куполообразной крышей давал возможность собираться целым стадам.

В полусвете сияющих ламп-полосок над головой зал кипел. Зверятники ходили, переваливались, переступали на полусогну-

тых ногах, бегали вприпрыжку. Каждый вариант человеческого рода был представлен здесь. Везде трепетали заостренные уши, поблескивали зубы, мех роскошно произрастал в садах человеческой плоти. Блестящие селеновые скарабеи — персональные шпули, приборы, которые наполняли мозг каждого зверятника личностью выбранного зверя — прилепились к основанию каждого черепа. Никаких больше украшений или одежд не дозволялось на Уровне, ничего такого, что могло бы скрыть оружие.

Руиз присматривался к скользящим мимо лицам искоса, пряча свое любопытство, завороженный животными похотями и страхами, яростью, которые искажали человеческие черты. Его собственная персональная шпуля, установленная на разрешенный законом минимум, показывала ему туманные фигуры, которые жили внутри зверятников, призрачные бесцветные силуэты, которые кружились вокруг человеческой оболочки. Например, вот тот высокий, костлявый старик с аккуратно подстриженной гривой седых, белоснежных волос. Что подвигнуло его на то, чтобы покинуть стол управляющего ради ненадежности Уровня Зверятников, чтобы играть роль благородного оленя? А как насчет этой весьма ухоженной молодой женщины? Она была искусно накрашена модными тонировочными красками для тела, ее густые апельсинового цвета волосы были заплетены в «любовный узел», а ее острые ноготки были отполированы до кровавого совершенства. Она приобрела личность огромной змеи. Она поджидала в тени, а в глазах ее был медленный, таящийся голод.

Приближаясь к противоположной стороне открытого пространства, Руиз заметил стаю волчеголовых, которые прижимались к краю, с дюжину мужчин и женщин с широкими желтыми глазами, шерсть на лицах слиплась взъерошенными колючками, мохнатые тела были тверды, как черепица, и такие же узкие.

Когда Руиз подошел, вожак стаи выступил вперед, глаза его зажглись интересом.

Руиз подавил раздражение. Волчеголовый ухмыльнулся, показав длинные клыки и толстый красный язык.

Руиз скрыл свое лицо за маской равнодушия, хотя его походка стала чуть напряженнее, почти незаметно. Он прошел под биолюминесцентным лозунгом, который переливался словами: ПАНГАЛАКТИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ КОНЧАЮТСЯ ЗДЕСЬ, и пошел в более темный коридор за ним. Руиз чувствовал за спиной движение, потому что там сплачивалась стая.

Леро собрал собратьев вместе, издавая пофыркивающие вопросительные звуки.

— Мясо разгуливает по землям убийства,— сказал он и за-

рычал, мягкий тихий звук, исполненный приятного предвкушения.

— Опасно?— спросила Камилла, его самка, вторая в стае.— Оно шло с большой уверенностью. Оно пахло очень большой целенаправленностью и почти совсем не пахло страхом.

Леро оскалился, и Камилла попятилась, испугавшись его силы.

— Может, мясо слишком глупое, чтобы бояться,— сказал Леро.— Оно в одиночку, мягкое от человеческого естества. Неужели мы не сможем поесть?

Все вокруг в стае выразили согласие. Красные языки прошлись по черным губам; предвкушающий визг разнесся по коридорам эхом.

Леро замолчал надолго, вспоминая и пересматривая свои впечатления от этого мяса. Его человеческое сознание не так глубоко ушло под влияние его персональной шпули, чтобы он забыл разум и сообразительность Камиллы, которые были куда выше его собственных. Поэтому он думал дальше, так осторожно и вдумчиво, как только позволяли голод и кровожадность.

Мясо представляло собой высокого мужчину, широкоплечего, с медной кожей и короткими черными волосами. Мышцы мягко перетекали под кожей на этом крепком каркасе. Мясо, которое не обратило внимания на Леро, когда проходило мимо, но Леро показалось, что он заметил огонек вызова в жестких глазах мужчины.

И к тому же шпуля мужчины была установлена на очень низкий уровень, так что он издавал только слабый намек на нечеловечность, какое-то хищное существо и все. Но у него не было ЛИЦА, лица, которое носили все зверятники, гельмаска, которая искажалась и трепетала в буре животных инстинктов.

Леро решился. Мясо может сопротивляться, мясо может бежать, но стая сильна и быстра, а мясо было всего лишь человеком, не вооруженным свирепостью. Насколько же он мог быть опасен?

— Охотимся,— Леро растянул губы в предвкушении, в счастливом оскале, и стая завыла от восторга.

Леро повернулся и медленно побежал в темноту, следуя за запахом. За ним вразброд побежала стая.

Руиз слышал стаю слабо на расстоянии, и он ускорил шаг почти до бега. Волчеголовые никогда его не поймают, но он боялся, что они привлекут других хищников. Поэтому он побежал, придерживаясь наиболее темных сторон коридора, тратя только минимум дыхания, чтобы выругать Накера. Уловитель умов жил глубоко в секторе вольного убийства, где невозможно встретить никого, кроме разве что наиболее фанатичных

зверятников и несколько самоубийственных или фатально невежественных туристов. Но, по крайней мере, логово было далеко от любопытных глаз, и, таким образом, по большей части Руизу нравилось его местоположение — за исключением тех случаев, когда ему приходилось мчаться к месту назначения, словно оленю, хотя он гораздо больше предпочел бы идти туда удобным прогулочным шагом.

В конце одного из длинных сумеречных коридоров Руиз на секунду остановился, чтобы услышать, как за ним быстро топочут ноги. За спиной его мелькали тени. Пораженный скоростью стаи, Руиз ускорил собственный ход, увеличив длину шага и прокачивая через легкие огромные порции воздуха. Погоня поотстала, и Руиз улыбнулся.

Скоро, скоро, подумал он, он придет к логову уловителя умов, — и у него останется масса времени, чтобы пройти длинную процедуру доказательства своей личности, как того требовал Накер.

В этот момент труп с разорванной глоткой выпал из неосвещенной ниши прямо на дорогу Руиза. Рефлекторно Руиз как можно выше перепрыгнул внезапное препятствие. Все бы могло кончиться хорошо, если бы не то, что кровь образовала скользанку, как раз там, где нога Руиза снова коснулась земли. Даже в этом случае Руиз упал бы с наименьшим вредом для себя, если бы тигросердечная не выскочила вслед за своей добычей, налетев на полной скорости на Руиза, прежде чем она заметила его присутствие.

Руиз растянулся, подвернув под себя левую ногу под неестественным углом. Он почувствовал, как рвутся усиленные связки колена. Секундой позже боль резко пронзила его.

Руиз откатился, ожидая каждую секунду почувствовать когти тигросердечной. Но, когда он вскочил на ноги, он увидел, что она занялась тем, чтобы вернуть себе свою трапезу. Ее окровавленные клыки сомкнулись на шее трупа, и она издала глубокое гортанное рычание, утаскивая свою добычу обратно во тьму. Она присматривалась к Руизу блестящими глазами, ее бледные волосы спутались возле широкого плоского лица. Кровь, которая окутывала узловатые очертания ее тела, казалась черной в слабом свете.

Руиз отскользнул назад, не обращая внимания на свое поврежденное колено. Тигросердечная исчезла в своем логове, и оттуда понеслись влажные, раздирающие звуки ее еды. Он развернулся и побежал, боясь, что услышит за спиной звуки погони волчьей стаи. Его походка перестала быть его обычным умелым бегом. Теперь Руиз бежал, прихрамывая. Словно кинжал пронзал его колено каждый раз, когда его левая ступня касалась стального покрытия коридора. Пока что боль была терпима, но повреждение ограничивало его скорость. Он не смел насиловать ногу больше определенной границы, иначе это мо-

гло привести к тому, что колено вовсе выйдет из строя. Дыхание больше не вздымало равномерно грудь Руиза, сердце его теперь гремело, и пот стекал ручьями по напряженному телу. Запах страха кипел вокруг него. Этот густой запах подстегнет стаю, подумал он.

Немного времени прошло, прежде чем он услышал цокот когтистых лап. Вращая глазами, он искал дорожные указатели. Сколько же ему еще осталось до логова умоуловителя? Вот оно! Это пятно багряного биолюма, граффити в стиле Длинноголовых Крокодильчиков. И вот! Этот искривленный столб черного железа на пересечении трех коридоров — он ясно помнил это со времени своего последнего визита.

Руиз, окрылённый, мчался дальше. До Накера оставалось не более трехсот метров.

Он начинал верить, что положение более не ухудшится. Как только он попадет в логово уловителя умов, Руиз воспользуется самым лучшим восстановительным оборудованием, и его сила поправится за несколько часов. Лицо Руиза напряглось в ухмылке усталости и оптимизма.

Тут стая выскочила из бокового прохода, только на секунду отстав от Руиза, разразившись спонтанным дружным хором высокого визга. До Руиза, когда он пытался отпрянуть в сторону от когтей, дошло, что стая воспользовалась коротким путем. А почему бы и нет? Наверное, много добычи бежало именно этим путем.

Прежде чем он добрался до ротонды, где находилось хозяйство Накера, Руиз смог опередить стаю на несколько шагов. Все же у него не хватило бы времени на всю процедуру опознания и входа, ему придется найти хорошее место, где он смог бы опереться о стену, прежде чем его колено совершенно откажет. По мере того, как травма становилась все тяжелее, а усталость мешала сосредоточить внимание, ему становилось все труднее справляться с болью. Теперь каждый шаг был раскаленным вертелом, который пронзал всю ногу от начала до конца. Почти таким же отвлекающим, как боль, было скрежещущее, скользящее чувство в колене, там, где медленно разрушалась связка.

Руиз ворвался в ротонду, которая освещалась полосками слепящего голубого люма на потолке. Руиз заметил на полу там и сям темные пятна и маленькие кучки обглоданных костей. Вглубь вело около дюжины открытых коридоров, но только один бывший коридор, запечатанный герметичной дверью, вел в логово уловителя умов. Руиз пролетел по загаженному полу ротонды к этой двери, высоко поднимая колени, а дыхание уже всхлипывало в его легких.

За его спиной стая вырвалась из прохода и издала победный клич.

Перед лицом этой куда более непосредственной опасности

Руиз забыл свои страхи перед наблюдением Лиги. В связи с этим он приблизился к запечатанной двери и проревел:

— Это Руиз Ав! Скажите Накеру! Это Руиз Ав! Впустите меня!

Как и следовало ожидать, никакого ответа не было. Когда он подтянулся к двери, он перестал ковылять и обернулся лицом к стае.

Они не стали прыгать на него немедленно. Вместо этого они растянулись полукругом вокруг него, а он присел, прислонившись спиной к дверям Накера.

Стая состояла поровну из мужчин и женщин. Там, где мех редел, открывая кожу, никакой жир не портил линии плоских, пружинистых мускулов. Укрепленные ногти были заточены, словно кинжалы, и клыки отросли до максимальных разрешенных границ. Вожак прыгал вперед-назад, делая маленькие ложные выпады, ухмыляясь, его желтые глаза горели предвкушением и хорошим настроением. Когда он заговорил, голос его разнесся из самых глубин его глотки.

— Хорошо бегаешь, мясо,— сказал он.— И все-таки, твой бег окончен.

Руиз не стал тратить дыхание и время на ответ. Если они потеряют впустую достаточно времени просто на то, чтобы дразнить его, к нему еще вернется дыхание, а Накер может открыть дверь.

Но вожаку стаи не терпелось. Он прыгнул на Руиза, выпустив когти, и почти в то же самое время прыгнули и трое других.

Руиз напряг свои кисти так, чтобы они превратились в жесткие лезвия, и ударил вожака, вгоняя кончики пальцев в плоский нос волчеголового, загоняя осколки кости глубоко в мозг. Летящее тело волчеголового окаменело в судороге, и желтые глаза погасли. Ударом левой руки Руиз отбросил труп направо от себя, где он смахнул двух других волчеголовых, впечатав их в стену.

Теперь оставалась напавшая с другой стороны. Он смог слегка увернуться от ее первого замаха когтистой лапой, и ее когти прочертили тройную кровавую борозду на его плече, вместо того, чтобы распороть его глотку, как она собиралась сделать. Но Руиз не мог избежать ее когтей, и она впилась в крупный мускул на правой стороне его груди. Она подняла колени, собираясь вырвать зубами кусок мяса из Руиза, который ей удалось ухватить зубами, и ее вес угрожал тем, что Руиз мог потерять равновесие. На секунду он был уверен, что упадет под ноги стае.

Однако ему удалось опереться на здоровое колено и оттолкнуться от стены. Тем же самым движением он защелкнул обе руки у нее на голове за острыми ушами и был вознагражден сладким звуком ломающейся кости. Она затрепетала и упала.

Нетронутые волчеголовые собирались встать на ноги, и Руиз прополз несколько шагов вдоль стены.

— Идите сюда,— сказал Руиз тихим голосом так свирепо, как только мог.— Идите сюда.

Он обнажил собственные зубы, которые, пусть и не столь внушительные, как клыки волчеголовых, но были все-таки белыми и сильными.

Волки на секунду заколебались в неуверенности. Двое из их наиболее опасных сотоварищей были уничтожены очень быстро. Но они были только имитацией волков. Персональные шпули, заставлявшие их действовать, были всего лишь грубой подделкой, вызывающей только кровожадность и наглость. Им не хватало природной осторожности настоящих волков. Руиз увидел, как глаза их зажглись обновленной яростью.

Волчеголовые подошли ближе. Одна из самок наклонилась над трупом вожака, гладя свалявшуюся шерсть его морды.

— Леро, Леро,— сказала она тихим жалобным голосом. Она закрыла неподвижные глаза и облизала окровавленную руку.

Она повернула взгляд к Руизу. Он смог издать презрительный смех. Лицо ее налилось кровью от ярости, и она прыгнула на него. Остальные члены стаи не были готовы немедленно прыгнуть вслед за ней, поэтому Руиз смог убить ее ударом в горло. Она извивалась на стальном полу, подыхая.

— Накер,— позвал Руиз, глядя на то, как стая снова набирается храбрости.— Накер! У меня смертная сеть, Накер! Впусти меня, прежде чем Лига все про тебя услышит.

Вдруг герметическая дверь наклонилась назад так внезапно, что Руиз ввалился в защитный шлюз, приземлившись навзничь.

Прежде чем стая решилась последовать за ним, двое из здоровенных рабов-охранников Накера с Дирма вышли из дверей, размахивая нейронными кнутами. Волчеголовые, оскалившись, попятились, и дверь закрылась.

Когда Руиз встал на ноги, он увидел, что Накер сидит в своем протезе-поплавке под куполом из прозрачного хрусталя. Уловитель умов выглядел, как уродец, которого заспиртовали в стеклянной банке, какой-то невероятный гибрид морского слизняка и человека. Собственно говоря, Накер был всего-навсего человеком, у которого совершенно не было тонуса мышц, волос, не было ни единой здоровой косточки. Руиз узнал, что для болезни Накера у медицины не было средств. Накер страдал от фобий, которые включали почти все естественные человеческие природные функции. Поэтому уловитель умов избегал, насколько это было возможно, всяких вещей вроде еды, выделений, потения, дыхания.

Сеть черепных проб-присосок окружала венком голову На-

кера. С их помощью он общался с миром и выполнял свою работу.

Искусственный голос, которым он встречал Руиза, всегда менялся от случая к случаю. На сей раз он был чистый и высокий, голос эльфа.

— Руиз Ав. Ты прибыл недостойным образом.

Слабо оформленное лицо Накера было неподвижно, когда он говорил, а глаза не сосредоточены.

Руиз с досадой обследовал свои раны. Кровь капала у него с груди с тех ран, что там были, а колено его раздулось до размеров небольшой тыквы.

— Живи ты в более цивилизованном районе, я бы прибыл в лучшем стиле. Что же ты так долго не открывал?

Руиз дотронулся до основания черепа, выключая персональную шпулю.

— Если бы я жил там, где Лига могла бы легко меня достать, они бы меня выжгли, ты же хорошо это знаешь, Руиз. Они считают, что я почти так же хорош, как генчи. Мы-то лучше знаем, а? А что касается моей медлительности, так ведь я двигался быстро, как только мог, не подвергая себя опасности. Я бы никогда не подверг опасности и тебя преднамеренно. Или, по крайней мере, той опасности, с которой ты не мог бы справиться. В любом случае это было очень занимательно, смотреть, как ты работаешь.

Раздался прелестный смех.

Неисповедимы пути Накера, подумал Руиз. Накер, по слухам, был весьма состоятельным существом, поэтому не только деньги, которые Руиз ему платил, заставляли Накера ему помогать. Уловитель умов, казалось, любил Руиза по-своему, но что с того? А может быть, уловитель умов ненавидел Лигу Искусств и наслаждался возможностью водить ее за нос. В любом случае, к счастью, Накер с охотой был готов оказать свои неоценимые услуги Руизу. Шесть раз до этого посещал Руиз уловителя умов и шесть раз работа оказывалась прекрасной. Накер считался достойным доверия. Обширное следствие, которое провел Руиз, не обнаружило ни одного случая, когда бы Накер предал своего клиента Лиге.

— Значит,— продолжал Накер,— ты носишь смертную сеть? Ты хотел бы стандартную процедуру? Хорошо. Каум отведет тебя в больницу, а потом мы начнем.

Седалище Накера тихо выплыло из шлюза.

Глава вторая

Больница Накера была оборудована в совершенстве и удобно. У пациента был большой выбор развлечений: сенсисны, голодрама, небольшой эйфориум, сурроигры всех родов. Одна-

ко Руиз Ав был не в том настроении, чтобы развлекаться, поэтому он сидел и злобно глядел на безобидного Каума, пока раб-охранник Дирм присоединял диагностический прибор вокруг его колена. Диагностический экран немедленно засветился красными ярлычками-диагнозами.

Глаза Каума цвета лунного камня расширились, и фиолетовые мембраны его ушей окаменели от удивления, когда он постучал по экрану.

— У-у-у-у, Руиз, сюда ты добежал на одном дыме.

Дирм пристроил диагностический аппарат в более удобное положение с преувеличенной осторожностью.

— Угу,— ответил Руиз ядовито монотонным голосом. Руиз все еще был в бешенстве от Накера и распространял это чувство на все, что принадлежало Накеру. В дополнительных травмах, полученных Руизом, не было виноватых, кроме Накера, особенно в тех ранах, что Руиз получил возле его дверей.

К сожалению, Руизу нужен был Накер. Без Накера он никогда бы не взялся за дело на Фараоне. Он вздохнул.

Каум промокнул раны Руиза гелем-репликантом и покрыл их восстанавливающе-стимулирующими подушечками.

— Этого должно хватить, Руиз,— обычно кроткие глаза раба-охранника Дирма светились обидой, когда он выпрямился.— Дадим на это два часа, ну, три. Тебе станет получше.

Руиз почувствовал угрызения совести. Каум был доброжелательным существом. Его рептилоидная раса — пусть не очень-то разумная — была сильной, верной и не склонной к пустой агрессии и насилию. Именно поэтому на них всегда был большой спрос как на низкого развития рабочую силу. Руиз выдавил из себя кривую ухмылку.

— Спасибо, Каум. Мне уже стало немного получше.

Он похлопал охранника Дирма по массивному плечу.

Каум, казалось, стал веселее от слабого комплимента Руиза, и он улыбнулся на манер их расы, раздувая ноздри у вершины черепа.

— Не стоит благодарности, Руиз. Я всегда счастлив помочь такому красавчику, как ты.

Каум нежно ущипнул Руиза за щеку пальцами, похожими на чешуйчатые сосиски, и потопал прочь.

Руиз подавил содрогание.

— Эй, Каум,— окликнул он вслед.— Когда Накер собирается подготовиться?

Ему нельзя было задерживаться в логове Накера. Лига скоро заметит его отсутствие.

Каум задержался у дверей.

— Как только ты избавишься от боли. Он на свой лад очень заботливый.

Руиз откинулся на кушетку.

— Думаю, да.

Ни одна мышца в теле Руиза не была способна на движение. Беззвучные помпы, вставленные в его главные сосуды, гнали и насыщали кислородом его кровь. Ни звук, ни свет, никакое другое внешнее впечатление или раздражитель не достигали его. Единственной активной нервной тканью в его теле был мозг. Это было особенно беспомощное чувство. Руиз сосредоточился на том, чтобы заковать себя в плотное твердое ядро личности.

В голове Руиз слышал синтетический голос Накера. Он зарычал на уровне инфразвуковых ревущих тонов, потом взвыл в высоких октавах, пока Накер экспериментировал, ища совершенный резонанс.

— Проверка. Раз-и-два-и-три-и-четыре. Кого любишь, Руиз, в мире?

Руиз заскрежетал бы зубами, если бы такое было возможно.

Накер хохотнул.

— Так что, Руиз,— сказал он,— тебя что-то беспокоит? Ну хорошо, хорошо, я уже чувствую эту смертоносную сеть. Какая-то особенно мощная. Ты уверен, что твои работодатели рассказали тебе все, что тебе надо знать про это задание?

— Ты что имеешь в виду?— Мысль поднялась прочь от Руиза, улетела в черноту, где ее перехватил Накер.

— Лига, кажется, особенно озабочена тем, чтобы ее интересы не были разоблачены, и еще, чтобы они получили хоть что-нибудь, любую малость, когда сеть стянется и пошлет свои данные домой. Ты собираешься умереть и передать данные при первом же намеке на опасность... Сценарии смерти все особенно подробны и предусмотрительны, они гораздо больше и шире, чем это оправдывается простой игрой в поимку браконьеров. Я бы подумал, друг мой, что ты серебряная пуля, нацеленная на какого-то скрытого монстра.

Руиз молчал. Вот уж воистину неприятное открытие.

— Что ты можешь сделать?

— Как всегда, Руиз, весьма много. Скажу без ложной скромности, что никто больше не сможет тебе хоть сколько-нибудь примечательно помочь. Лига сотворила весьма добротное дело. Может ли быть такое, что они сомневаются в твоей верности?

Руиз услышал синтезированный смех, словно насекомое царапало по незащищенной поверхности его мозга.

— Нет-нет, разумеется, нет, ведь ты же их самый лучший, разве не так? Нехорошо с моей стороны поднимать такой вопрос в самый уязвимый момент.

Накер перешел к делу.

— Так вот. Смертная сеть, как и всякая работа генчей, не может быть совершенно снята. Я могу притупить остроту потребности умереть — дать, может быть, тебе время изменить

параметры ситуации таким образом, чтобы получить передышку. Но ты все равно умрешь, если не выберешься вовремя из триггерной ситуации. Или же я могу до какой-то степени разрушить оперативные связи смертной сети таким образом, что, если сеть включится, ты только страшно заболеешь, но все-таки не умрешь. В таком случае сеть не отправит по назначению никаких данных, а ты к тому же переживешь значительное разрушение личности, если только выживешь. Выбирай, пожалуйста.

Последние слова Накер произнес почти официальным тоном.

Руиз задумался. Решение, которого требовал Накер, вращалось на оси философского вопроса: есть ли на свете что-нибудь хуже смерти? Кое-кто без колебаний ответил бы: нет. Но он подозревал, что немногие из подобных абсолютистов работали на беспринципные корпоративные единства типа Лиги Искусств или же обладали широчайшим опытом Руиза в жизни на многочисленных мирах-клиентах Лиги. Руиз безо всякого труда мог представить себе бесчисленные сценарии, в которых он предпочел бы смерть. С другой стороны, именно любовь Руиза к его собственной жизни и привела его сюда, к Накеру, сквозь опасности Уровня Зверятников и куда более смертельные опасности, которые выпали бы на его долю, прознай Лига хоть на волосок, что он здесь.

И все же... если он когда-нибудь окажется беспомощным в руках своих врагов, Руиз Ав, который может выйти живым из неудавшейся смерти, больше не будет Руизом Авом, а станет каким-то чужаком. Он знал жертв неудавшегося уловления ума. Они плавали по неверным течениям их ограниченных жизней, осторожно, аккуратно, с вялыми лицами, разинутыми ртами, тусклыми глазами. Предметы жалости и омерзения. Он предпочел бы определенную смерть такой несовершенной имитации жизни.

— Замедли триггерную рамку сети как только сможешь, но оставь рабочие связи нетронутыми.

— Как скажешь. Мне придется призвать на помощь кое-какие опорные воспоминания, пока я не найду, куда можно закрепиться,— голос Накера приобрел сильный оттенок неодобрения.— Ты все-таки настаиваешь на том, чтобы погрузиться в мозг самому, вопреки всем профессиональным советам. Паранойя, паранойя, Руиз. Каждый раз, когда я плаваю в твоем сознании, геометрия его другая. Ты слишком много областей закрыл или замкнул на себя. Чудеса, да и только, что даже генч смог к чему-то прикрепить сеть.

— А у них никогда вроде бы проблем с этим не бывает. И они столько не разговаривают.

— Теперь проваливай,— сказал Накер, и Руиз стек вниз, в свое самое глубокое и безопасное место.

Накер на миг замер, прежде чем начать смотреть собственными сенсорами в неподвижное тело Руиза. Руиз лежал на иммобилизационном ложе, заключенный в янтарный блок шокгеля, на голове его торчала густая щетина серебряных проводов. Шрамы от встречи Руиза с волчеголовыми быстро бледнели. Если уловление ума займет побольше времени, шрамы станут невидимы, прежде чем Накер вернется в свою стеклянную банку и в свое собственное болезненное тело. В геле у темной кожи Руиза был почти металлический оттенок, гладкость и плотность, словно она могла бы отразить удар ножа, словно ее можно было отполировать до зеркала в форме человека. Накер присмотрелся к рукам Руиза, они плавали в геле, кисти согнулись, словно держали мячик. Накер восхищался этими руками. Подумать только, что такие опасные предметы могут быть такими красивыми. Сильные пальцы сужаются к кончикам костяшки пальцев, словно великолепные скипетры из кости. Все вместе связано жилистыми, пружинистыми мышцами и облечено в блестящую кожу.

В этом приятном созерцании прошла минута. Потом Накер погрузил свой щуп внутрь и осторожно, деликатно, рассекая холомнемоническое море Руиза, упал, словно игла острием вперед, в пропасть. Он погружался глубже и глубже, без усилий скользя вокруг средней глубины рифов самозащиты Руиза. Он ловко, как в танце, увернулся от массивных чувствительных канатов генчианской смертной сети, структуры, которая коренилась в бездонных пропастях и каналах. С такой же ловкостью он избежал тонкого сплетения послания-на-задание Лиги, которое мутило глубины, словно щупальца огромной требовательной каракатицы.

В конце концов Накер расположился на дне сознания Руиза и пристроился среди ила мертвых воспоминаний, распавшихся фрагментов жизненного опыта, которые постоянно дождем падали сверху. Там он долго лежал спокойно, медленно выпуская наверх свои сенсоры, нанося на карту вещи и вехи личности Руиза, пока они проплывали над ним медленными течениями.

Когда он был удовлетворен, он выпустил пузырек стимуляции из своего собственного естества. Он поднялся, мерцая, пока не раскололся о каменно-твердое дно одного из самых ранних воспоминаний Руиза, массивную глыбу, так плотно покрытую защитным слоем, что, вероятно, недоступно самому Руизу.

Руизу было пять лет, и он помогал своему полуотцу в сарае. Особой обязанностью Руиза было собирать теплые шарики плоти орма из гнезд, когда ормы толпились в проходе, чтобы позавтракать. Это была приятная обязанность, одна из самых любимых у Руиза. Свежеснесенные шарики поеживались у него

в руке, пока он собирал их в корзинку для инкубатора, их крохотные щупальца искали на его ладонях кормящие поры, которых не было на его человеческой коже, и ощущение было такое, словно его приятно и шутливо щекочут. Вес инкубаторной корзины, когда обязанность была выполнена, был еще одной наградой: каждый шарик представлял собой небольшое, но вполне измеримое количество кредита, способствующего независимости его семьи. Хотя для его юного ума идея независимости была весьма смутной, он знал вне всяких сомнений, что независимость — это ХОРОШО, и что обратное понятие, рабство — ПЛОХО. Это он понял по вытянутым лицам и приглушенным голосам за обеденным столом, когда бы ни произносилось последнее слово. В последнее время лица вытягивались еще больше, а голоса не так приглушались, положение, которое беспокоило Руиза, когда он об этом думал.

Казалось, больше не помогало то, что Руиз приносил столько же шариков, сколько всегда. И неважно, насколько сильно он уговаривал ормов, они отказывались нестись больше, чем обычно, шариков было прежнее количество. Они таращились на него своими тусклыми фасетчатыми глазами, не понимая, чего от них хотят, когда Руиз серьезно пытался им объяснить, как важно было, чтобы они постарались нестись лучше. Иногда, если голоса за обеденным столом были чересчур громкими, Руиз, в конце концов, плакал возле ормов, бессильный от гнева. Ему очень хотелось швырнуть в них камешками, чтобы наказать их за глупость.

Но не сегодня. Сегодня он был счастлив. Он нес инкубаторскую корзину через весь комплекс к маточному сараю, когда блестящая штуковина ворвалась во внутренний дворик и приземлилась в вихре взметнувшейся пыли. Руиз был так поражен, что уронил корзину, просыпав множество шариков в пыль. Он немедленно поставил корзину и стал снова собирать драгоценные шарики. К тому времени, когда он их всех подобрал, двери воздухомобиля с пневматическим шипением поднялись. Оттуда шагнул надсмотрщик, тощая змея с длинной, заплетенной в косички, бородой и татуированными бровями. Звали надсмотрщика Боб Пийуль, имя, которое приносило в семейные беседы столько же напряжения, сколько и упоминание рабства.

Из общего дома, построенного из топленого камня, вышли почти все старшие члены семьи. Руизу было очень любопытно, и он очень хотел остаться и послушать, но шарики были его ответственностью. Если их как можно скорее не отнести в маточный сарай, то они умрут. Поэтому он занес их внутрь и распределил между пустыми передатчиками.

Когда он покончил с этим, Руиз выскочил обратно во двор. Но когда он увидел, что все члены семьи глядят на него с разной степенью скорби, он словно врос в землю от страха. Прочие дети смотрели на него широко открытыми глазами из тем-

ноты окон дома. Ему стало еще страшнее, когда все взрослые отвели взгляд, кроме его кровной матери Ласы, которая стояла перед ним, а слезы струились по ее обычно спокойному лицу.

Руиз почувствовал надвигающуюся трагедию. Он подбежал к Ласе на непослушных ногах, слезы задрожали в его глазах. Она подняла его, прижав к себе так, что он едва мог дышать. Но она ничего не сказала, ни она, ни кто другой.

— Что такое? Что случилось?— спросил Руиз голосом, который пищал от страха.

У надсмотрщика был ханжеский, носовой голос.

— Вы слишком много шума разводите из-за ребенка. Вы его без надобности пугаете,— сказал Боб Пийуль, хватая Руиза за плечо.— Не бойся, Руиз. Ты поедешь в большую семью, не в такую свалку копателей грязи. Ты пойдешь в Школу Лорда. Если ты будешь прилежным, то в один прекрасный день ты наденешь красивую одежду и будешь служить Лорду.

Руиз теснее прижался к Ласе. Боб Пийуль попытался его оторвать, но безуспешно.

— Послушай, Ласа,— сказал надсмотрщик,— разве это достойно?

Полуотец Руиза Релито заговорил:

— А что достойного в воровстве детей, Пийуль?

Голос Релито, обычно жесткий, теперь, казалось, проходил через кучу камней, набившихся в глотку.

Боб Пийуль отпустил Руиза и повернулся к Релито.

— Воровство детей, говоришь? Как же может Лорд Баллисте воровать то, что уже принадлежит ему? Менее щедрый хозяин давно бы разобрал вашу семейку по кусочкам и перераспределил на более эффективные производственные единицы, как я ему много раз советовал. Вместо этого он милостив.

— Да, милостив,— горько рассмеялся Релито.

Узкое лицо Боба Пийуля покраснело, а глаза опасно заблестели.

— Хватит,— сказал он.

Он схватил Руиза за руку и грубо оторвал его от Ласы, которая упала на колени, словно что-то в ней сломалось.

Тут воспоминание разлетелось в клочья и уплыло прочь в темноту. Накер все еще тихо лежал в иле на дне сознания Руиза. Крестьянский мальчик, обычный раб,— подивился Накер. Кто бы мог догадаться? Нелепость этого каждый раз развлекала Накера, когда он погружался в сознание Руиза.

Прошло много времени, прежде чем еще одно воспоминание-веха приплыло достаточно близко, чтобы его стимулировать, оно было достаточно длинным, чтобы Накер успел испугаться, как бы одна из нитей-щупалец послания-на-задание Лиги не притронулась бы к нему и не спровоцировала бы на включение смертную сеть, прежде чем он смог бы убраться прочь.

Или же что его могут атаковать огромные хищные нейронные схемы, умело порожденные Руизом для того, чтобы защитить его мнемонической океан от грубого вторжения. Но ничто не касалось его, и в конце концов Накер выпустил еще один стимулирующий заряд. Он взорвался еще об одно воспоминание: Руиз уже почти превратился в мужчину.

На Руизе были те самые нарядные одежды, которые покойный Боб Пийуль обещал ему столько лет назад, и он скорчился по правую руку от Лорда Баллисте. Но больше ничто не было в том порядке, в каком должно было быть. Перед парчового камзола Руиза затвердел от засыхающей крови, крови последнего раба-охранника Лорда. Сонический нож булькал в руке Руиза, передавая свое голодное жужжание его руке.

Они прятались в маленьком проходе комнаты для аудиенций Лорда Баллисте. Лорд Баллисте ласкал инкрустированный драгоценными камнями карабин-ломовик, перекидывая его из руки в руку. Лорд постарел и ослаб душой и телом. Его губы, посиневшие от больной печени, дрожали, дыхание со свистом вырывалось из иссохшейся груди.

Лорд бесконечно что-то шепотом кудахтал, пока они затаились в ожидании.

— Когда они тут окажутся, когда они сюда доберутся, тогда мы посмотрим, а, Руиз, мы посмотрим... Мне мороженого хочется, свеженького, лимонного хорошо бы... А почему ты в красном?

Лорд продолжал болтать, но Руиз не обращал на него внимания. Он напрягал уши, прислушиваясь, какие звуки еще будут раздаваться, теперь, когда самые громкие взрывы смолкли. Вольные стрелки-освободители уже покончили с делами внизу, и в любой момент они могли появиться, чтобы завершить свой контракт с бывшими рабами Лорда Баллисте.

Лорд Баллисте шептал все более настойчиво:

— Ну, Руиз, скажешь ты мне или нет? Я же с ними хорошо обращался, я соблюдал приличия. Как же это так, что они обратились против меня и пожирают меня?

Руиз не отвечал. Он услышал осторожное клацанье шагов в комнате аудиенций.

— А ну, тихо, Лорд. Может, они нас тут не найдут, если мы совсем притихнем.

— Да-да, ты прав, молодой Руиз, ты единственный, кто остался верен.

К счастью, Лорд Баллисте заткнул пасть.

Прошло долгое томительное время. Было тихо. Потом гобелены, которые прикрывали проход, зашевелились. Секунду спустя один из освободителей медленно отвел гобелен в сторону дулом полузаряженного дротикового ружья. Это был крупный гибкий человек в потрепанной и поцарапанной угольной

броне, и он последовал за дулом своего ружья с плавностью и легкостью ласки, которая проскальзывает в крысиную нору. Руиз застыл совершенно неподвижно, надеясь, что он и Лорд хорошо спрятались за пыльной грудой стульев, поставленных один на другой у дальней стены темного прохода.

На протяжении шести ударов сердца человек стоял совершенно неподвижно, потом он повернулся, чтобы уйти, и Руиз приготовился медленно выпустить воздух, который он так долго задерживал в груди.

В этот момент Лорд Баллисте решил подняться и выстрелить из своего церемониального карабина. Взрыв разнес ногу освободителя. Сила удара развернула человека, и он выпустил из рук оружие. Он соскользнул вниз по стене.

Лорд рассмеялся и шутливо прицелился снова своим ружьем.

Руиз принял решение.

Он встал и всадил лезвие своего сонического ножа в длинный череп Лорда, как раз впереди уха. Карабин со стуком упал на пол. Руиз дернул нож, он с ревом вышел из черепа Лорда, разбрызгивая вокруг разжижившиеся мозги, превратившиеся в тонкую дымку, которая нимбом окружила голову Лорда на то мгновение, когда он упал и умер.

В следующий миг еще двое освободителей вкатились под гобелены, готовые стрелять. «Подождите!» — резко сказал раненый, и они застыли. Сдержанность, которую Руиз посчитал необходимой при каких-то обстоятельствах. Но оба ружья и две пары глаз нацелились на Руиза, пока он выключал свой нож, откладывая его в сторону, и потом скрестил руки на голове, встав абсолютно неподвижно.

Раненый посмотрел вниз на свою раздробленную ногу, потом снова на Руиза.

— Тебе понадобится новая работа,— сказал он.— Если мы остановим кровотечение, может, я ее тебе и дам.

Накер почувствовал, как через все его естество, сосредоточившееся в щупе, пробежала дрожь. Каждый раз, когда Руиз Ав приходил к нему, Накер касался этого воспоминания. И каждый раз Накер находил его очень тревожным. То решение, которое Руиз принял, было абсолютно правильно. Это было единственное решение, которое могло дать ему хоть какой-то шанс выжить. Нет, Руиза нельзя было судить ни на этических, ни на практических основаниях за его предательство бывшего Лорда-рабовладельца. Скорее, та скорость, с которой Руиз поменял свои ценности, тревожила и заставляла холодеть. Накер в первый раз понял, что Руиз может отреагировать с такой же молниеносной губительностью, если он и Накер когда-нибудь окажутся по разные стороны баррикады.

Накер полагал, что именно от освободителей Руиз усвоил

основы своего ремесла: устрашение, пытки, убийства. Вероятно, освободители были хорошими учителями, но Накер был уверен, что Руиз был особенно понятливым и способным учеником. Накер вспомнил экономную ловкость, с которой Руиз уничтожил волков, странный огонь при этом в глазах Руиза.

Эти мысли не давали сосредоточиться Накеру, поэтому он постарался отрешиться от них. Он снова ждал, пока целая гроздь вех-воспоминаний не приплыла в поле действия. Накер по очереди активизировал их быстренько, уже не обращая внимания на содержание, только имея в виду хронологию.

Последнее воспоминание, которого коснулся Накер, было мелочью, которая мелькала среди более глубоких течений, быстрое и неуловимое. Накеру показалось, что Руиз оставил это воспоминание незащищенным, словно надеялся, что оно умрет. Но память была слишком сильна, слишком деятельна, воспоминание было таким ключевым для человека, которым стал Руиз. Поэтому любопытство Накера проснулось.

Руиз ждал смерти. Мысли его были замедленны, слабо оформлены. Он проваливался в безответную трясину своего угасающего тела. Поэтому солнце Линии уже не палило его так свирепо и немилосердно, как три дня назад, когда линианцы прикрутили его к игольному дереву. Боль уже не была непосредственной, когда шипы дерева пробирались все глубже и глубже в его тело. Время от времени шип проникал в очередной чувствительный орган, и Руиз несколько секунд извивался, пока не истощались небольшие запасы его сил. Но кричать он уже перестал.

Та часть его, которая все еще была жива, путешествовала по воспоминаниям... Руиз прибыл на Линию ночным десантом. Он упал с неба в обществе двух сотен таких же освободителей, все они были полны самоуверенности и праведного возмущения. Он вспоминал свое собственное «я» чуть моложе по возрасту с такой же долей изумления, как и презрения. Он едва мог представить себе, что вселенная казалась ему такой простой. Рабство было плохо. Стереть его с лица земли.

... Чудовищная, потрясающая небрежная жестокость линианцев, чужеродных, но развитых разумных китообразных, которые разводили людей в небольших изолированных сообществах, чтобы продать на различных специализированных рынках. Чужеродные людоводы совершали невыразимые действия против своих рабов, которые словом, делом или помышлением поддерживали бунт. Образы скользили в мозгу Руиза: страшная смерть, пытки, все цвета ужаса: красный цвет крови, черный — горелого мяса, бледная комкастая плоть трупов. В чем из этого виновата была его непростительная наивность, в чем была его личная вина? Руиз попытался покачать головой, но иглы держали крепко.

... Отчаяние, которое Руиз почувствовал, когда, после многих месяцев отчаянной борьбы, в которой погибли тысячи, он обнаружил, что его группа освободителей была нанята Лигой Искусств, огромной мультисистемой, конгломератом, который многие тысячелетия контролировал большую часть законной работорговли в пангалактических мирах. Он пришел к своему командиру, полный ярости от того, что его предали.

— Почему? — спросил он.

— Потому что это лучше. Это не совершенство, но это лучше. Линианцы — чудовища. Лига занимается бизнесом.

Лицо его командира померкло в воспоминаниях, пока перед Руизом не оказалась только стальная маска, нечеловеческая форма, лишенная всякого выражения.

— Так лучше, Руиз.

... Чистое, ничем не замутненное бешенство заставило Руиза набрать среди своих сотоварищей-освободителей группу, чтобы сражаться как с линианцами, так и с Лигой.

... Его бесполезная компания, которую не поддержали рабы, он преуспел только в том, чтобы продлить агонию на Линии. Закончилось дело еще одним предательством, которое привело его к этой медленной жертвенной смерти на игольном дереве.

Последний остаток воспоминания, то, что только небрежно было запечатлено на нем, был связан с агентами Лиги, которые сняли Руиза живым с дерева. Никакого оттенка благодарности в воспоминаниях не было — только каменное согласие принять освобождение.

Когда геометрия воспоминаний прочно установилась, Накер протянул свой сенсорий вдоль подножия сознания Руиза, проползая сквозь накопившийся ил мертвых воспоминаний. Накеру пришлось окружить корни смертной сети там, где они вросли глубоко в основание психики Руиза. Невозможно было никакое прямое нападение на сеть. Любое такое усилие немедленно было бы замечено и активизировало бы сеть. Но определенным образом многое все-таки можно было сделать. Тонкая скользкая пленка страстной силы, взятой из сексуального резерва Руиза — суть любви к жизни — могла быть подсунута под якорную систему смертной сети. Если сеть была бы активирована, канаты будут скользить вхолостую несколько драгоценных моментов, прежде чем они сомкнутся. Единственный недостаток такого подхода состоял в том, что это сделает Руиза, чей мозг постоянно будет бомбардирован сексуальной энергией, довольно податливым на романтические порывы. Но ничего никогда не удавалось достичь без потерь. Накер нашел это забавным — и лично для него удовлетворительным — решением проблемы Руиза.

И, кроме того, подумал Накер, ни одно другое решение не сработает так же хорошо.

Он выбрал отнюдь не легкую технику. Каждую точку анкеровки надо было обрабатывать с исключительной осторожностью. Собственно вливание смазки требовало такой аккуратности, которой могли бы похвастаться не более полудюжины генчианских уловителей умов во всей пангалактике.

Наконец он закончил работу.

Но, прежде чем он убрался прочь, Накер позволил себе насладиться недавним воспоминанием — Руиз в своем убежище.

Накер с комфортом наблюдал глазами Руиза, как Руиз вышел на террасу, построенную на краю большой пропасти. По краям террасы в беспорядке были расставлены тепличные кадки, где цвели цветы с сотен других планет. Снаружи — ничего, кроме голых скал. Внутри — сладкие запахи цветов.

Руиз наполнил длинноносую лейку из-под крана и начал поливать свои клумбы, медленно и методично. Свирепое голубое солнце было смягчено до теплого, ласкового света тем же самым полем, которое удерживало атмосферу террасы. Единственный звук исходил от пчел, которые кружились над цветами, летая туда-сюда между клумбами и ульем, который стоял в затененном углу террасы.

Накер погрузился в это воспоминание поглубже, ища мысли Руиза, которые могли бы сопровождать эту его работу, но он, казалось, был пуст от мыслей, пуст от чувств, существуя только в этом одном моменте, и Накер подивился, как такое возможно.

Каждый раз, когда Руиз приходил к нему, Накер находил такое воспоминание и поражался ему. Как странно, что Руиз Ав — внедритель Лиги Искусств, которого все боятся, человек, который убивал с прямотой и отстраненностью, которые наверняка были патологичны, мог проводить свое свободное время в пустом безжизненном мирке, выращивая цветы в полном одиночестве.

Очень странный человек, Накер убрался в себя и вспомнил разговор, который однажды состоялся у него с Руизом при одном из визитов внедрителя в его берлогу.

— Ты ведь сам в прошлом раб,— сказал тогда Накер полным извращенного любопытства голосом,— как же ты можешь работать на такого охотника за рабами, как Лига?

— Есть и худшие хозяева. Лига обращается со своим добром настолько хорошо, насколько это практично.

— Неужели ты не чувствуешь угрызений совести?

Руиз посмотрел на него нейтральным взглядом.

— А что, я должен их чувствовать?

— Ну... может быть. Некоторые бы наверняка их чувствовали.

Руиз долго не отвечал, потом заговорил терпеливым голосом:

— Ты когда-нибудь слышал о Серебряном Долларе, ледяном мире? Это где-то около границы пангалактики, ее вращением выносит наружу. Шахтерская планета.

— Нет,— ответил Накер.

— У них есть там что-то такое, что можно назвать разумными рыбами. Они живут подо льдом большую часть года, вылезая на открытую воду только во время экваториальных таяний. Ну, это не совсем рыба. Она теплокровная. Но у них есть жабры, поэтому я называю их рыбами. Может быть, рыбы эти в действительности не разумные, поскольку у них нет никакой технологии, но у них есть их собственный язык, и они рассказывают странные рыбьи мифы, которые почти можно понять. Они поглощают новые языки с поразительной легкостью. Это не просто способности так называемого «мудрого идиота», эти рыбы пользуются большим спросом как переводчики поэзии и романов и прочих словесных произведений искусства. Кажется, у них есть способность преодолевать барьер разных видов, передавать и переводить напряжение и специфический эмоциональный окрас произведения. Никто не понимает, как это возможно, не понимают, кажется, сами рыбы. Их существование породило несколько соперничающих школ нейролингвистики, но никто в действительности не понимает, как они это делают.

— Они, должно быть, очень ценные.

— О да. Долгие годы единственными поставщиками были охотники, которые рисковали забраться под лед. Опасный промысел, если принять во внимание других хищников Серебряного Доллара. Клоны, которые растили на Серебряном Долларе, были невербальны, бесполезны в качестве переводчиков. Какой-то неизвестный фактор в их собственном родном окружении заставляет эту способность развиваться. Следовательно, цена одной рыбки была очень высока, пока предприниматели не прибыли на Серебряный Доллар и не построили инкубатор. Они окружили подходящее пространство открытой воды силовым забором и прожгли полоску льда, открыв воду. Рыба, думая, что таяние пришло пораньше, скапливалась в полоске воды, там ее легко вылавливали, клонировали во множество, а потом выпускали в воду внутри безопасного поля. Это хорошо сработало, и предприниматели разбогатели.

Накер не мог понять, в чем суть истории Руиза.

— А какое отношение это имеет к твой работе?

— Рыбы стали рабами, ты согласен?

— Да...

Руиз отвернулся от него, так что Накер не видел его лица.

— Инкубатор крепко охраняется как на планете, так и на орбите. Силы охранников — с Дильвермуна, они многочисленны и хорошо обучены. Никакая прямая атака не одолеет их, разве что нападающие захотят прожечь дыру в океане — а это само по себе уничтожит цель, ради которой все и делается.

Руиз остановился, словно его рассказ кончился. Накер наконец потерял терпение.

— Ну, и?

— Ну, и,— вздохнул Руиз.— Что, если ты согласился бы работать кем-нибудь в инкубаторе? Что, если одной темной ночью ты подкрался бы с сачком и ведром? Какой подход освободит большее количество?

Руиз замолчал.

Накер подумал над рассказом. После длительного молчания он сказал:

— Значит, так, Руиз. И что, большая польза от твоего сачка?

Но Руиз потерял интерес к разговору и не стал отвечать.

Накер взобрался вверх по щупальцу минимального калибра и начал сложное дело: подъем к поверхности сознания Руиза.

Руиз слышал, как последний разжиженный шокгель уходил прочь, хлюпая в стоках иммобилизационного ложа. Он открыл глаза. Накер сидел возле него, как всегда, неподвижный.

— А, вот ты и снова с нами,— сказал Накер.

Синтетический голос был усталым шепотом, для пущего эффекта. Накер легко мог бы обратиться к своему голосу эльфа или любому другому стилю голосовых тонов, которые нравились уловителю умов.

Руиз провел пальцами по мокрым волосам, сметая серебристый ореол зондов-щупалец.

— Да... с каким успехом?

— Достаточно, мой друг. Хотя, как всегда, я напомню тебе о моем любимом лозунге: я делаю хорошую работу. И все же, не попадайся.

Глава третья

Руиз Ав быстро пробрался обратно через Уровень Зверятников без происшествий, движимый посланием-на-задание Лиги, которое переполняло его мозг. Когда он оказался в цивилизованных коридорах Дильвермуна, он взял туннельное такси до стартового комплекса, где он держал свою лодку.

«Вигия» была небольшой межзвездной лодкой, побитой снаружи, но хорошо ухоженная с точки зрения механики и роскошная изнутри. Руиз поднялся на ее борт с чувством человека, который возвращается домой, а когда ее люки задраились за ним, он в первый раз за много дней почувствовал себя в безопасности.

Послание-на-задание в его мозгу приняло его возвращение на борт как приемлемый ход, направленный на скорейшее завершение той миссии, которую он подрядился выполнить, поэтому его настойчивое давление на сознание прекратилось. Руиз почувствовал ослабление давления как приятную истому

и решил насладиться этим ощущением, пока позволяет время. Руиз взял рюмку хорошего бренди в холле, где он удобно развалился в своем любимом кресле. Он втянул воздух и медленно его выдохнул, снимая с себя напряжение. Он сделал согревающий глоток, потом отставил рюмку и закрыл глаза. Он подумал относительно того, как Накер проанализировал его миссию. Что Лига Искусств готова была даже потерять его, лишь бы получить хоть кусочек сведений о браконьерах, которые работали на Фараоне. Почему? Это правда, Фараон был весьма прибыльным миром, но ведь Лига владела тысячью столь же выгодных миров. Что такого было в этом мирке, что делало его таким особенным? Или дело было в чем-то другом?

Руиз еще раз вспомнил свой визит к фактору Лиги, который нанял его на этот раз. Фактором оказалась старая дама с длинным лицом и тонкими костями циньянки, по имени Альдиусен Миктиас.

— Входите, входите,— сказала она, кланяясь и потирая запястья на циньянский манер.— Всегда рада видеть вас, гражданин Ав. Я так счастлива, что вы оказались свободны.

Руиз осторожно кивнул и выбрал стул подальше от письменного стола Миктиас.

— Сигарету? Порошок? Влагу?— Миктиас показала на бар, который шел по задней стене ее кабинета, за большим холопейзажем Лугов Завтрашнего Дня.

Руиз покачал головой.

— Нет, спасибо. Вы предлагаете мне контракт?

Миктиас широко улыбнулась, показав маленькие голубые зубы.

— Действительно, и я рада видеть, что вы не потеряли ничего из своей такой освежающей прямоты. Значит, к делу! Мы страдаем от нелегальных сборщиков нашего урожая в примитивном мире с низким уровнем технологии, которым мы владеем на центральной границе в Манихейском регионе. Вы о Фараоне слышали?

Руиз потер подбородок и задумался.

— Пустынный Трудный мир? Какие-то там артисты? Фокусники?

Миктиас хлопнула в ладоши, издав тихий неприятный звук.

— Действительно, вы хорошо осведомлены. Да! Мы хотели бы вас туда послать, чтобы собрать сведения и, если возможно, прекратить нелегальный сбор урожая, хотя наш контракт может считаться выполненным, если вы сможете определить и назвать местопребывание преступников, чтобы с ними расправилась рука закона нашего возлюбленного работодателя. Но, как всегда, за прекращение преступления полагается неплохая награда.

Фактор подмигнула и рассмеялась, ее лошадиная физиономия дрожала от неискреннего веселья.

Руизу стало немного не по себе, как всегда бывало, когда он принимал работу от Лиги Искусств. Но он сохранил на лице выражение вежливого интереса.

— Какой информацией вы располагаете?

Фактор оборвала свой смех на половине раската. Серьезное и сосредоточенное выражение лица сменило веселье, словно на лицо опустили занавеску.

— Ну, что же. Довольно небольшой. Вот почему мы решили немного поднять нашу обычную ставку.

Фактор тощими пальцами развернула экран так, чтобы Руиз мог видеть его. По экрану пронеслась туча янтарных цвето-символов, описывающих тарифную сетку для каждого возможного вида услуг. Руиз наклонился вперед и внимательно посмотрел на экран. Его немного сбил с толку колоссальный размер вознаграждения, и на горизонте его мыслей зажегся красный огонек осторожности.

— Многие ваши позиции касаются посмертной компенсации,— сказал он бесцветным голосом.

Фактор тяжело вздохнула.

— Такова природа вашей работы, гражданин. Разве нет?

— Так и есть,— согласился Руиз.

— Случись самое скверное, о ваших наследниках как следует позаботятся.

Руиз не видел повода упоминать, что у него нет наследников.

— Я что, первый, кто будет изучать эту проблему? Нет? Тогда какую информацию собрали ваши оперативники?

— Как я уже сказала, весьма немного. Браконьеры, кажется, обладают мощной контрразведывательной структурой. Наши люди исчезали, не оставив никакого следа. Естественно, вы не должны упускать из виду, что они могли проникнуть на Станцию Орбиты Фараона или в инфраструктуру Лиги на Фараоне.

— Естественно,— сухо сказал Руиз. Он долго думал, пока Миктиас не стала нетерпеливо ерзать.

— Так как же,— сказала Миктиас.— Ваше мнение?

Руиз откинулся назад.

— Ну неужели нет никакой информации? Какую помощь вы можете оказать?

— У нас замечательная культурная подготовка, обучение языку, картографическое обучение — все самое обычное. Мы можем дать вам досье на нелегально захваченные труппы, но эта информация ограничена. Браконьеры очень чисто захватывают добычу. У нас разветвленная сеть наблюдений на Фараоне. Они помогут вам всем, чем только вы захотите. Ваши расходы по сути дела неограничены. Мы очень обеспокоены этой проблемой, мы требуем решительных и быстрых действий.

Руиз задумался.

— И что же вы хотите от меня?

Фактор потерла запястья, издавая сухой змеиный звук.

— Послание-на-задание — усиленной степени, разумеется. И сеть финальной необходимости — наша самая тонкая генчианская работа.

Руиз почувствовал, как живот его словно сдавило, хотя он ожидал смертной сети. Никто не заплатит такого количества денег без гарантии, что хотя бы часть вложений окупится.

— Это что, совершенно необходимо? Смертная сеть?

Лицо фактора сморщилось от неодобрения.

— Неужели вам надо так о ней говорить? Сеть финальной необходимости — это же только механизм для фатальной ситуации. Ну, разумеется, мы надеемся, что вы вернетесь в добром здравии, но ваша работа — дело рискованное, и, если вы встретитесь с бедой, мы хотели бы знать, почему. Гораздо вероятнее, что мы сможем отомстить за вашу гибель, если сеть передаст обстоятельства вашей кончины. Разве вы этого не хотите?

Руиз вздохнул.

— Да, разумеется, разумеется. Когда?

Миктиас наклонилась вперед, глаза ее зажглись требовательностью.

— Сейчас. Сегодня. Наш генчианский доктор ждет вас в лаборатории. Он готов установить сеть. Что вы на это скажете?

Руиз долго сидел молча, размышляя, вглядываясь в глубины своего сердца. Наконец он сказал:

— Почему бы и нет?

Миктиас провела Руиза на дюжину уровней ниже, в медицинские отсеки Лиги.

Лаборатория была неясно освещена красными полосками люма, из уважения к ночному существу, которое тут работало. Генч не обратил внимания на их приход. Он сидел неподвижно, если не считать его трех крохотных глаз, которые, казалось, путешествовали по его скальпу совершенно беспорядочно. На самом деле, волосообразные сенсоры на скальпе существа просто зажигались и гасли последовательно, создавая иллюзию движения.

Желчь Руиза разлилась. Во влажном воздухе лаборатории вонь генча, похожая на вонь разложившегося дождевого червя, была одуряющей. Из его треногого мешковатого тела торчали пучки жестких желтых волокон. Пучки сжались в маленькие жесткие бутоны, потом распустились, когда фактор оказалась перед инородцем.

— Ваш пациент, уважаемый генч,— сказала Миктиас, похлопав Руиза по плечу.— У вас есть спецификации?

Генч задвигался на стуле, и его глазные пятна собрались

в гроздь впереди черепа. Вертикальная щель на горле раскрылась и сказала шепчущим голосом:

— Разумеется.

— Замечательно, замечательно,— сказала Миктиас, потирая запястья.— Тогда, может, начнем.

Генч пожал плечами, движение, которое прошло по всему его телу против часовой стрелки, и поднялся на ножные присоски.

— Как вам угодно.

Существо показало жестом на стул, приспособленный к человеческой форме, и Руиз уселся и откинулся назад.

Генч не делал никаких приготовлений, не использовал ничего вроде той сложнейшей технологии, которой пользовался Накер, чтобы потом распутать работу генча. Он просто встал перед Руизом и протянул блестящую белую нить из одного из своих ртов. Нить растягивалась, пока не стала тонкой, как волосок. Потом она притронулась к правому виску Руиза и пронзила его кожу.

— Я вспомню вас снова,— сказало существо, и тогда Руиз провалился в беспамятство.

Как всегда, он проснулся скорее, чем ожидал, но он продолжал держать глаза закрытыми, поэтому услышал последние слова, которыми обменялись фактор и доктор-генч.

— Работа прошла успешно?— спросила озабоченно Миктиас.

Генч вздохнул.

— Достаточно хорошо. Умственное море — вот это всегда очень трудно, в нем трудно плавать. Он хорошо себя защищает, почти так же, как Настоящая Раса.

Миктиас хихикнула:

— Настоящая Раса...

— Можете веселиться, если хотите. Мы, генчи, превращали сами себя в богов, когда люди еще были кусочками слизи, плавающими в море. Неужели вы думаете, что все они, как я, дрессированные животные в вашем зоопарке? В остальных местах генчи все еще Становятся Достойными.

В этом шепчущем голосе ничто не выдавало гнева или какого-либо другого чувства, но что-то словно дотронулось до Руиза холодными пальцами.

— Ладно, не обращайте внимания. Сеть заанкерена хорошо, послание-на-задание вживлено?

— Да, ваша крыса пробежит свой лабиринт, а когда она умрет, вы узнаете то, что знала она. Этот, по крайней мере, даст сильный сигнал,— сказал генч.

Руиз позволил своим векам затрепетать. Фактор бросилась к нему, чтобы помочь ему сесть.

— Гражданин Ав! Как вы себя чувствуете?

Руиз провел дрожащей рукой по лицу и взглянул вверх на

генча. Существо снова уселось на стул, и его глазные пятна уже мелькали на обратной стороне головы, только временами появляясь на виду.

— Достаточно хорошо,— ответил Руиз.

Теперь Руиз отставил бренди в сторону и поднялся на ноги. Стены холла были нежного прохладного белого цвета, так же, как и обстановка. Единственное цветовое пятно сияло из ниши в дальней стене. Руиз подошел к нише и остановился перед ней. Каждый день «Вигия» ставила в нишу холла очередную красивую вещь, которую Руиз присоединял к своей коллекции. На сей раз это была маска духа с Линии, ее гуманоидные черты были вырезаны из единого монолитного голубого лунного камня, а потом маску инкрустировали красным желеобразным опалом.

Лодка выбирала наугад, но иногда эти выборы имели для Руиза суеверное значение, словно выбор украшения что-нибудь предвещал. Он посмотрел на маску, и его передернуло. Маска из лунного камня оказалась у него из-за глупости и доверия не к тому, кому можно было доверять. Это был сувенир предательства. Он держал ее не только из-за ее красоты, но и затем, чтобы напоминать себе, как опасно доверие.

В ходе кровавых лет в этом суровом мире Руиз влюбился, его возлюбленная доставила его прямиком в руки врагов, и он наконец научился цинизму, который теперь заменял ему совесть.

Он понял, что ему теперь очень хочется разорвать контракт на Фараоне, но при этой мысли послание-на-задание зашевелилось в его мозгу, отталкивая желание прочь. Он почти чувствовал смертную сеть в глубинах своего мозга, глубоко укоренившуюся, словно рак, который моментально активизирует свою мощь, а пока ждет, чтобы его убить.

— Слишком поздно,— сказал он маске из лунного камня.

Казалось, она смотрела на него, смеясь, ее пустые глазницы были полны неоформившейся уверенности.

Он отвернулся, уже не способный расслабиться.

— Пора ехать,— сказал он «Вигии».

Часом позже Дильвермун стал гаснущим серебристым сиянием на экранах заднего обзора, и Руиз стал обучаться. За время трехнедельного перелета на Фараон Руиз Ав принимал погружение в информацию каждые восемь часов, заполняя память Фараоном — язык, обычаи, религия, миллионы деталей, которые ему понадобятся, чтобы проскользнуть незамеченным через этот мир. В промежутках между этими периодами он как можно больше спал, но когда просыпался, то занимался изучением карт единственного обитаемого плато Фараона, которое высоко поднимается над кипящей пустыней, которая покрывала остальную часть поверхности Фараона. В центре плато

много лет назад корабль-матка приземлил свой груз эмбрионов, монументальный просчет, когда кругом было так много нежных плодородных миров, из которых можно было выбирать. Но колония укоренилась и теперь процветала со своеобразными ограничениями.

Карты поблескивали в холорезервуаре, чистые линии основных цветов, но Руиз видел образы из информационного погружения, которые накладывались на карту. Бесплодная глина сухого плато, пронизанная миллионами мертвых оттенков коричневого и черного. Рассеянные оазисы, зелено-лиловые, каждый в середине собственной паутины, кружевного сплетения бассейнов-уловителей и каналов, словно сплел сеть чудовищный паук.

В мутном тумане под плато жили чудовищные существа. Время от времени кое-кто из них забирался на плато и разорял страну до тех пор, пока не умирало такое существо от разреженной атмосферы плато и относительного холода. В конце концов фараонцы ввели этих чудищ в свою религию, как демонов, и построили стену вокруг края своего мира, чтобы удержать их от вторжения.

Фараонцы медленно и мучительно решали проблему нечастых дождей и ограничили рост рождаемости совершенно жестко с помощью священного отбора. Постепенно их жизни стали солидными, сидячими и достаточно безопасными, чтобы разрешить процветать искусству.

Фараонцы превосходили остальных в камнерезном искусстве, делали потрясающее стекло, фарфор больших достоинств и динамики линий. Некоторые из этих изделий были достаточно ценны, чтобы их можно было вывозить на экспорт. Из яда местных рептилий фараонцы гнали мощные галлюциногены, которые пользовались спросом, правда, ограниченным, на пангалактическом рынке — они нравились богатым клиентам, которые наслаждались примитивным набором переживаний.

Их технология была типичной странной смесью, которую встречаешь на долгое время колонизируемых трудных мирах — тех планетах, на которых человечество держится за существование весьма ненадежно. Их металлургия была довольно развита. Они строили паровые машины хорошего качества, но их попытки построить железную дорогу всегда подавлялись агентами Лиги, которые старались предотвратить установление основы для широкомасштабного промышленного развития.

Но, как на всех мирах, самые выгодные виды торговли на Фараоне сводились к работорговле. Фокусники Фараона приносили неслыханные доходы на пангалактических мирах. Эти артисты создали высокое искусство своим поразительным престидижитаторством. Их великие представления были страстными спектаклями, усиленными шедеврами иллюзии. Лов-

кость рук была тем фактором, который связывал вместе все аспекты жизни на Фараоне.

Ремесло фокусника составляло единственное практическое средство продвижения вверх по строго кастовой системе. Знаменитый фокусник, который по каким-то причинам не был собран как урожай Лигой, получал великолепный шанс сделаться благородным. А если его собирали, его же соотечественники фараонцы отмечали его исчезновение, как вознесение на небо и преображение, и завидовали его новой жизни полубога в земле Награды. Лига Искусств поощряла развитие искусства и другими путями. Исключительные представления награждались дождевыми бурями — их производила невидимая технология Лиги, но это было якобы одобрением богов. Эти номархии, богатые фокусниками, таким образом были богаты всем.

Как-то Руиз посмотрел плоскоэкранный рекламный ролик, который Лига Искусств распространяла среди потенциальных покупателей фараонских фокусников.

Первый кадр представлял марку Лиги, стилизованную не то мужскую, не то женскую фигуру, красную на черном фоне, на ней были серебряные цепи, выполненные из соединенных пятиконечных звезд. Загремел гимн Лиги, мощная оркестровка с прекрасным хором.

— Добро пожаловать, граждане,— сказал уверенный голос, заглушив музыку.— Данная презентация сделана для вас Лигой Искусств, автономной корпорацией, зарегистрированной на Дильвермуне и имеющей лицензии на всех пангалактических мирах. Лига Искусств — ведущий поставщик разумного товара в галактике более чем за три тысячи стандартных лет. Лига Искусств — ведущий специалист в величайшем искусстве, а именно в искусстве формирования человеческого интеллекта.

Гимн усилился и завершился на драматической звенящей ноте.

Рекламный текст поблек, и его сменила фотография Фараона, висящего в темном космическом пространстве. Камера наехала на вид, резко снижаясь к поверхности Фараона.

— Это Фараон,— сказал голос,— один из наиболее интересных и необычных миров. Сегодня мы приглашаем вас посмотреть одно из великих религиозных представлений, называемых Искуплениями.

Руиз перемотал запись, чтобы пропустить местный колорит, пока не дошел до начала представления. Он слушал объяснения голоса, что представления служат как религиозным, так и юридическим целям, в представлении развлекают богов, а преступников казнят. В крупных представлениях преступника называют феникс и его призывают добровольно участвовать в представлении, в надежде, что достаточно великолепное представление приведет к тому, что после представления фе-

никс воскреснет — надежда, которую поддерживали техники Лиги, которые иногда реанимировали и оживляли жертву.

Он снова промотал пленку вперед. Экран показывал представление Искупления в разгаре, фокусники исполняли свои роли с преувеличенными, гротескными жестами, характерными для докинематографического театра. Они представляли с таким напряжением, с такими горящими глазами, что Руизу стало не по себе, и он снова перемотал запись вперед, остановив ее на том моменте, когда камера передвинулась на сцене, показывая движения тех, кто работал в плотной тьме, управляя аппаратом, который делал иллюзии возможными. Тут был другой род напряжения, но все равно на него больно было смотреть, подумал Руиз. Никто из этих людей не понимал, что старался превратить себя и своих сотоварищей-фараонцев в наиболее привлекательную приманку для потенциальных покупателей Лиги. Фараонцы забыли свои пангалактические истоки, кроме как в нескольких сомнительных легендах сохранились сведения об этом, о людях со звезд. Наверное, они знали, вселенная кончалась на краю их плато, внизу были только демоны, вверху — боги, всех надо было бояться.

Он выключил экран.

Наиболее требовательными, но все же наиболее приятными моментами поездки на Фараон были те, которые Руиз провел, практикуя небольшие шедевры престидижитации. Эти навыки окажутся необходимыми, когда он пойдет по пыльным дорогам Фараона в своем избранном наряде продавца змеиного масла, одного из касты бродячих торговцев наркотиками, которые привычно выполняли такие трюки в процессе нахваливания своих товаров. Пангалактическая технология могла во многих случаях заменить сноровку, но все же оставалось усвоить основные принципы обмана зрения и ловкости рук.

Руиз обнаружил, что чувствует странное чувство удовлетворения в том, что он усвоил несколько трюков, и то время, которое он проводил между очередным восстановлением сил и погружением в информацию, он отдавал полировке своего нового навыка, пока не смог выполнять свой репертуар без сучка, без задоринки.

Глава четвертая

Когда «Вигия» достигла орбиты над Фараоном, голова Руиза болела от нового знания, которое в нем поместилось. Он приблизился к орбитальной платформе Лиги Искусств с чувством, похожим на облегчение. Тут будут люди, множество людей: работники Лиги, консультанты, контракторы, агенты по перевозке. Возможности развлечься казались многообещающими.

Снизу платформа казалась менее интенсивной чернотой на фоне тьмы космоса, она не испускала никаких огней, которые мог бы заметить какой-нибудь начинающий гений с Фараона. Грубый примитивный телескоп был вполне в пределах технических возможностей культуры внизу, и, хотя такое развитие могло быть подавлено инфраструктурой Лиги, когда бы оно ни оказывалось на грани реализации, Лига все равно предпочитала не рисковать.

Руиз аккуратно и осторожно вел «Вигию» в заранее предписанное место, и когда последние клацающие звуки стыковки пропали, он расстегнул амортизационную сеть и вздохнул.

— За работу,— пробормотал он.

Он оделся в черный комбинезон на молнии — подходящая одежда для внедрителя Лиги Искусств — и потом спустился с борта. В секторе шлюза его ждала молодая женщина. Она была невысокого роста и немного полновата, с короткими, вьющимися светлыми волосами и, похоже, искренней улыбкой.

— Гражданин Ав? — спросила она, выступив вперед.

— Да.

— Добро пожаловать на орбитальную станцию Фараона,— сказала она, просияв.— Я Аулисс Монсипор. Я должна привести вас в кабинет фактора Принфилика. Следуйте за мной, пожалуйста.

— С удовольствием,— ответил он, более дружелюбно, чем требовала того ситуация. Аулисс Монсипор казалась приятной и милой особой для работника Лиги, но Руиз удивился, почему он вообще думает о таких вещах. Он шагал за ней, пока она указывала дорогу сквозь один из коммуникационных коридоров, которые связывали вместе модули платформы. Он обнаружил, что с восхищением любуется колебаниями ее ягодиц сквозь тонкий материал форменного комбинезона Лиги, который она носила. Что со мной такое? — подумал он. Господи, он чувствовал такой жар, такое возбуждение от близости этой хорошенькой, но, в конце концов, ничем не примечательной женщины! Он резко потряс головой, надеясь, что это прояснит ее. Конечно, путешествие было длинным и одиноким с самого Дильвермуна, но обычно он откладывал свои романтические поползновения до такого места и времени, где его профессия и репутация были неизвестны, как вопрос принципа и элементарной безопасности.

Они прибыли в кабинет фактора, который охранялся небольшим механическим убийцей. Вид убийственного устройства восстановил чувство пропорций у Руиза хотя бы в какой-то степени, и он в состоянии был поднять глаза к лицу молодой женщины, когда она повернулась к нему.

— Я объявлю о вашем приходе, гражданин Ав. Минуточку, пожалуйста.

Она вошла, и прошло гораздо больше минуты. Когда она

вернулась, она взяла Руиза за руку и провела его в дверь. На краткий миг он остро почувствовал тепло ее руки.

Фактор был древним уроженцем Дильвермуна, женомужем, высоким и тощим, с непропорционально тяжелыми грудями. У этого существа были явно удлиненные и сексуально неопределенные черты его рода, обрамленные роскошно причесанной гривой седых волос. Голубой знак касты сиял на его сморщенной иссохшей щеке, показывая, что он — член высокого и уважаемого клана. Существо протянуло руку для приветствия.

— Руиз Ав,— сказало оно.— Я так счастлив встретить вас. Я Принфилик, к вашим услугам.

Руиз неохотно коснулся его несколько влажной руки, а потом, не спросясь, уселся. Аулисс вышла через боковую дверь, улыбаясь через плечо.

Руиз заставил себя насторожиться. Женомужи Дильвермуна были среди его наименее любимых форм самосозданной жизни, их аморальная смекалка стала легендарной. Он удивился, что женомуж достиг такого высокого поста в Лиге, которая совершенно параноидно относилась к лояльности своих работников, точно так же, как любая другая широко разветвленная организация-конгломерат.

Принфилик сложил свои великолепно ухоженные руки и откинулся назад. В глазах его мелькнул огонек скрытого презрения. Как все женомужи в целом, он, вероятно, великолепно отдавал себе отчет в том, какое впечатление он должен производить на немодифицированных людей. Но он легко улыбался.

— Ваше присутствие тут более чем желательно, Руиз Ав. Потери перешли дальше всех приемлемых границ в последний год или около того. Но вы прибыли сюда гораздо скорее, чем я ожидал.

Руиз поднялся на еще более высокий уровень настороженности. Не было ли в тоне женомужа едва уловимого оттенка хитрости? Был ли женомуж каким-то образом связан с браконьерами на Фараоне? Руиз напомнил себе, что надо быть максимально осторожным, пока он остается на платформе.

— Центральный штаб Лиги не сообщил вам? — спросил он.

— Да-да... но... сообщение прибыло в почтовом беспилотном корабле не более шести часов назад. Вероятно, вы законтрактовались немедленно после решения открыть эту новую линию расследования и отбыли без промедления.

Руиз ничего не сказал. Он позволил молчанию словно бы сгуститься, пока женомуж не прочистил горло и не заговорил снова.

— Ну вот. Ваши полномочия весьма внушительны. Лига, вероятно, очень доверяет вам. На время вашего пребывания здесь вы будете фактором. Как я могу ускорить и облегчить ваши расследования, Руиз Ав?

— Пока не знаю. Когда пойму, я вам скажу.

Руиз оглядел кабинет фактора. Он был элегантно украшен, правда немного напыщенно. Стены были покрыты какой-то зернистой серебряной кожей, которая соединялась вертикальными полосками велюра винного цвета. На ровно размеченных отрезках стен в озерах белого цвета на уровне глаз висели фараонские статуэтки. Руиз встал и подошел к ближайшей. Это была, как решил он, оскаленная башка пылевого медведя, вырезанная из чего-то, что показалось ему макушкой человеческого черепа, окрашенная ржавой краской и окруженная пучками черных перьев. Красный шнур держал пучок пальцевых костей и маленькие серебряные колокольчики. Руиз коснулся их, и они издали странный, сухой, дрожащий звук.

— Замечательное произведение, а? — сказал Принфилик у самого его плеча, и Руиз с трудом подавил желание подпрыгнуть.— Я собираю прекрасные произведения с пылевой стороны. Это дает мне возможность проводить время в развлечениях, заодно моя отставка может быть чуть более выгодной, по крайней мере, я на это надеюсь. Как вы думаете, это ценная вещь?

Руиз отодвинулся в сторону. Близость фактора заставляла его кожу покрываться мурашками.

— Не мне судить,— сказал он.

— А-а. Ну хорошо, сколько вы с нами пробудете?

— Недолго. Я бы хотел, чтобы моя лодка прошла техническое обслуживание. Потом я сразу примусь за работу.

Казалось, Принфилик искренне разочарован.

— Ох, нет! Вы ведь должны провести с нами день-другой, по крайней мере. Почему бы в последний раз не вкусить пангалактической жизни, прежде чем вы отправитесь к этим грязекопателям?

Руиз с любопытством поглядел на Принфилика.

— Почему вы сказали «в последний раз»? Я планирую вернуться как можно скорее.

Щеки женомужа покраснели, это произвело дикое впечатление на таком старом и изрезанном морщинами лице.

— Я имел в виду, разумеется, последний раз перед таким долгим отсутствием, какого потребует ваша миссия на пылевой стороне. Пожалуйста, примите мои извинения, если я чем-либо оскорбил вас.

— Все в порядке,— сказал Руиз.

Последовало еще одно молчание, и Руизу представилось, что он чувствует на себе тяжесть неодобрения фактора. Он проигнорировал это и продолжал расхаживать по кабинету, рассматривая статуэтки, которые украшали стены. Вот дневная летучая мышь, ее свирепая хищная голова была вырезана из гранита ржавого цвета, хорошо отполированного, а рубины были посажены возле ее неровной клыкастой пасти, словно капельки крови. Была там и ящерица арройо с глазами из голубого

сапфира и янтарными зубами. Обсидиановая адская собака завывала на луну с диска золотой и серебряной филиграни.

Руиз наслаждался зрелищем этих произведений с чувством радости, он словно заряжался от них бурной жизнью, не сдерживаемой ограничениями цивилизации. Ему наконец стало не по себе, почему, он не мог сказать, и он перестал их рассматривать.

Когда он обернулся, Аулисс Монсипор вернулась. Он почувствовал снова тот странный жар и слабое чувство смущения. Вероятно, до нее дошла какая-то часть волн-флюидов, которые он испускал, и, казалось, она восприняла это хорошо, с блеском в глазах и легкой улыбкой на прелестных губах. Фактор устремил на Руиза проницательный взгляд, потом перевел его на Аулисс.

— Ступайте с гражданином Авом, Аулисс. Проследите, чтобы он получил все, в чем нуждается,— сказал Принфилик. Он к тому же и улыбался, хотя его улыбка была не такой привлекательной, как у Аулисс.— И пожалуйста, Руиз, подумайте еще раз, наверняка вы можете повременить день-два. Или, по крайней мере, ночь? А?

Аулисс провела Руиза сквозь проходы платформы, но теперь она шла рядом с ним, время от времени касаясь его мягким бедром и направляя его, клала руку ему на локоть.

— Наверное, сначала вы хотите устроить вашу лодку, думаю я,— сказала она.— Мы пойдем в сектор технического обслуживания. У вас есть талоны на обслуживание?

Он похлопал себя по карману.

— Отлично. Я должна бы знать, что вы подготовились как следует.

Она бросила на него бесхитростно-кокетливый взгляд.

— Да. Всегда готов.

— А после того, как приготовят вашу лодку? Тогда что?

— Я собирался уезжать. Вы можете предложить лучший план?

Она рассмеялась.

— Да.

Руиз проинструктировал флегматичного техника насчет того, что ему требуется. Он похлопал бронированный бок «Вигии», жест дурацкой сентиментальности.

Наконец, он уполномочил техника на доступ к некритическим частям лодки.

Аулисс быстро провела его обратно к своим комнатам, которые находились в маленьком модуле в дальнем конце длинного луча.

Когда они вошли, он признал интерьер достойным дома фараонца благородной касты, но небольшой родословной.

В центре выложенного зелеными плитками входного дворика маленький фонтанчик лениво журчал в небольшой искусственной гравитации. Во влажном воздухе плыли клубы благовоний с запахом сладких цветов пустынных растений.

— Входите,— сказала Аулисс, втягивая его внутрь.— О чем вы думаете? Как вам все это?

— Приятно,— сказал он, разглядывая обстановку.

— Что ж, вероятно, на нас оказала большое и ненужное влияние культура пылевой стороны. В конце концов, это наше главное развлечение — подглядывать за ними в их маленькой странной жизни.

Казалось, она словно извиняется, как будто Руиз поймал ее на том, что она провинциальна.

— Нет-нет, это потрясающая культура,— сказал Руиз.— И это счастливое совпадение, что вы устроили свои комнаты с таким подлинно фараонским духом. Я смогу начать акклиматизироваться, прежде чем покину платформу.

Но, говоря это, он подумал, что вряд ли ему придется посещать благородные дома.

Однако Аулисс по вкусу пришлась его дипломатичность.

— Отлично! Мне так хочется вам помочь,— она погладила его руку и слегка прижалась к нему.

Казалось, она передает какой-то плотский ток его телу, еще одну напряженную дрожь страсти. Он встревожился. Он не мог понять, где источник этих внезапных страстей. Все было так, словно его мозг на мгновение стал чужим. Он подумал, не относилось ли это тревожащее его состояние на счет работы Накера.

— Но сперва,— сказала она,— обед и фараонское вино. Вы еще его не пробовали?

В ней был невинный энтузиазм, словно в ее вопросе не было никакого другого значения, чем то, что лежало на поверхности.

— Нет,— ответил он,— хотя я не прочь бы попробовать.

Она покраснела, и он понял, что она весьма хорошо его поняла.

Занавес в дальнем конце комнаты отодвинулся, и очень юная фараонка вошла в комнату и остановилась, потупив глаза и сложив руки.

Аулисс взглянула на нее.

— О, это Мераклен, моя рабыня. Она великолепная кухарка. Пока мы едим, если хотите, она может развлечь нас традиционными песнями пустыни. Голос у нее вполне сносный.

В горле у Руиза внезапно пересохло. Аулисс была привлекательна, но Мераклен была прекрасна — разница между вульгарным искусственным драгоценным камнем и кабошоном черного опала. У Мераклен были длинные густые черные волосы, зачесанные назад с овального лица с высокими скулами. У ее кожи был оттенок бархата цвета слоновой кости, и ее тем-

ные губы были самим совершенством. На ней было кисейное платье, которое не скрывало ничего из ее тела, оно было элегантно худощавое, такое же, как ее лицо.

— Хозяйка? Вам нужен будет обед на двоих?

Когда она говорила, иллюзия совершенной красоты немного тускнела. Голос у нее был носовой и плаксивый, и Руиз мысленно отметил, что не станет просить ее петь. Может быть, она умеет танцевать, подумал он, и к нему частично вернулось равновесие духа. Это прямое доказательство того, что он работал на работорговцев, слегка охладило его пыл, но не настолько, чтобы ему захотелось уйти. Может быть, подумал он, Аулисс не хуже меня, хотя это рассуждение не до конца успокоило его.

Аулисс провела его во внутренний дворик, где они пообедали под куполом армированного стекла, который давал возможность видеть диск звездного космоса.

Когда они поели, Аулисс исчезла на несколько минут и появилась в наряде, который, казалось, был пангалактической интерпретацией гаремного наряда, в дымчатом аквамариновом шарфе, который обертывался вокруг бедра, обнимал ее талию, потом прикрывал маленькие грудки туманной цветной дымкой, чтобы наконец завершиться узлом на ее плече. Кожа у нее была очень гладкой. Она скоро показала ему, что узел на плече развязывается от единственного прикосновения, стоит только потянуть, и он убедился в этом.

Она занималась любовью больше с пылом, нежели искушенно. Руиз решил, что это очаровательно и обезоруживающе.

После того, как они полежали вместе, глядя сквозь купол на звезды и потягивая сладкое фараонское вино, она спросила:

— Позвать Мераклен? Я ее сама выучила, но у нее природные способности. По-моему, это заложено в их культуре.

На миг это предложение соблазнило Руиза. Но он почувствовал легкое раздражение. К тому же, может быть, Аулисс примет любое проявление интереса к ее рабыне как разочарование в ее неискусной любви.

— В другой раз, может быть.

Аулисс улыбнулась, и Руиз понял, что он принял правильное решение.

— Может быть. Жалко, что ты не облачился уже в свое фараонское одеяние, мы бы попросили ее сказать, насколько убедительно и подлинно оно выглядит. Как ты пойдешь туда? Ты легко мог бы сыграть роль благородного человека, с твоим ростом и фигурой.

— Увы! Такая привлекательная роль не для меня. Я больше узнаю и легче буду путешествовать, как продавец змеиного масла, чем как барин, хотя постель моя и не будет такой мягкой.

Руиз нежно притронулся к грудям Аулисс и положил на них

руку. Она рассмеялась и притянула его вниз на подушки, чтобы более степенно и размеренно разделить наслаждение.

Часом позже, когда ему стало скучно, Аулисс, казалось, почувствовала это и не приняла на свой счет. Может быть, она составляла компанию и другим агентам Лиги, чье послание-назадание оставляло им возможность немного расслабиться. Немного погодя она предложила одеться и пойти в сектор развлечений для экипажа орбитальной станции.

— Почему бы и нет?— сказал он.

Когда они уходили, он взглянул на рабыню Мераклен, и она дерзко ответила на его взгляд.

Сектор для развлечений экипажа начинался с широкого коридора в главном модуле станции. На станции работали тысячи людей и какое-то количество негуманоидов, и с первого взгляда Руизу показалось, что для всех были различные бары, отмеченные лентой сверкающих холовывесок, которые исчезали за поворотом.

Аулисс потянула его к одной такой вывеске, которая гласила «Маленький Друг».

Внутри бар был совершенно темен, если не считать голубоватого свечения холорезервуара в углу. Столы были тесно составлены вокруг резервуара, и с десяток людей толпились там, внимательно вглядываясь в мерцающие образы.

— Иди сюда,— сказала Аулисс,— посмотрим, что удастся увидеть.

Она провела его к столу, сделала знак бармеханику, обменялась приветствиями с несколькими людьми. Скоро стало ясно, что она была завсегдатаем «Маленького Друга».

Бармеханик поставил перед ними напитки, бледное дымчатое бренди, которое посоветовала Аулисс. Руиз смотрел на холотанк, ему стало любопытно, что именно Аулисс сочла таким занимательным.

Горячее солнце Фараона сияло вниз на сухой песок, где трое детей, две девочки и мальчик, играли в какую-то сложную игру. Им, казалось, было лет двенадцать-тринадцать, как раз порог зрелости.

Дети стояли в нескольких метрах друг от друга, примерно в углах воображаемого треугольника. У ног каждого была кучка камней. В игре вроде бы нужно было догадываться, блефовать и проявлять недюжинную ловкость. Дети обменивались оживленными репликами, смеялись и корчили рожи, потом при каком-то неуловимом сигнале они протягивали вперед руки, в которых было разное количество камешков. Раздавались вопли, и дети метались к кучкам камней друг друга. Время от времени они сталкивались, и это заставляло их смеяться еще больше. Точка зрения холотанка менялась, показывая игроков, но чаще всего давался крупный план мальчика, у которого были

чистые правильные черты лица, сильные белые зубы и миндалевидные глаза с тяжелыми ресницами.

Вообще-то говоря, трогательная сцена, подумал Руиз. Он посмотрел на своих сотоварищей по бару и удивился тому, с каким напряжением они наблюдают за детьми.

— Это мальчик,— прошептала Аулисс.— В нем все дело.

О чем она говорит? Он стал было спрашивать ее, прося объяснения, но холотанк сменил режим показа. Сцена играющих детей ушла в нижнюю треть экрана, а сверху появился пухлый улыбающийся человечек, одетый, как фараонец.

— Здравствуйте, здравствуйте,— сказал он.— Введите, пожалуйста, ваши ставки.

Руиз почувствовал, как напряглось его лицо.

Аулисс радостно ему улыбнулась.

— Хотелось бы мне, чтобы мальчик был мне по карману, но для меня цена за него слишком высока. Мне пришлось шесть месяцев экономить на всем, чтобы купить Мераклен. И она уже стареет, ей сейчас не то шестнадцать, не то семнадцать. Придется мне начать снова копить.

Казалось, она уловила его неодобрение, хотя он изо всех сил старался, чтобы на его лице ничего не отразилось.

— О, это абсолютно законно, Руиз. Лига дает своим локальным агентам личную квоту, только они не должны ее брать из традиционных семей фокусников и не должны брать специальные помеченные экземпляры. Только фокусники, в конце концов, могут быть выгодно экспортированы за пределы планеты. Это ведь только справедливое возмещение наших здешних лишений, разве нет? И это делает наше пребывание здесь на платформе куда более цивилизованным.

Руиз несколько нервно кивнул.

— Наверное.

Его плоть покрылась мурашками там, где Аулисс ее касалась. Везде вокруг них посетители бара вводили свои ставки за мальчика с помощью клавиш, установленных на каждом столе, кругом стояло возбужденное бормотание предвкушения...

Минутой позже зажегся прожектор, чтобы высветить потного брыластого мужчину, чьи собутыльники завопили и захлопали его по спине.

— Надо же, он взял мальчика совсем дешево,— сказала Аулисс, и выглядела она явно огорченной. Но потом к ней, казалось, вернулось ее хорошее настроение.

— Ладно, может быть, мне точно так же повезет в следующий раз. Надеяться-то мне можно.

— М-м-м-м,— сказал нейтрально Руиз.— Дорого это, держать двух рабов?

Она наклонила голову, немного смущенная.

— Да, собственно говоря — с тем, что платишь за их содержание, и еще налоги на роскошь. Но если я не смогу продать

Мераклен кому-нибудь, у кого другие вкусы, я смогу подвергнуть ее стиранию памяти и выпустить в ее естественную среду. В конце концов, я не тот человек, который способен выбросить в космос нежеланную рабыню.

— Я рад это слышать,— сказал сухо Руиз. У него возникло всепоглощающее желание уйти — не видеть больше Аулисс Мосипор.

— Э-э-э... мне вспомнилось, что мои инструкции технику были неполными... извини, я на минутку выйду.

Она кивнула и рассеянно похлопала его по руке. Ее внимание уже сосредоточилось на холотанке, который теперь показывал сцену, которая, как догадался Руиз, разыгрывалась на школьном дворе Фараона. Десятки детишек, одетых в лохмотья, играли на утоптанной глине. Холокамера полетела вниз, чтобы показать маленькую девчушку с нежными чертами лица и большими фиалковыми глазами, которая серьезно разговаривала с примитивной куклой.

Руиз бросился вон из «Маленького Друга», его выворачивало наизнанку. Он направился прямо в док, где стояла «Вигия», собираясь покинуть платформу как можно скорее.

Он вошел в широкие стальные двери дока и тут же увидел, как фигура в комбинезоне механика крадется потаенно от верхней выхлопной трубы« Вигии». Инстинктивно Руиз спрятался за колонной, в которой проходил технический водопровод, и стал наблюдать.

Механик был невысоким худощавым человеком, который быстро озирался, потом достал из выхлопной трубы подносноситель, на котором, вероятно, был ранее укреплен какой-то хрупкий и большой предмет, если судить по болтающимся ремням и контурам на прокладке, которой был снабжен поднос.

Тщательно подпитываемая паранойя Руиза немедленно вспыхнула костром. Он последовал за техником, скользя от укрытия в укрытие, пока механик не вышел из дока. Он остановился возле складского помещения и занес туда поднос. Руиз шагнул в склад, не производя ни малейшего шума. Механик, занятый тем, что ставил поднос на место в стеллаж, не заметил его.

Руиз пинком захлопнул дверь и схватил механика за плечо. Развернувшись, он впечатал его в стену, ударив его лицом, но не так сильно, чтобы убить, однако достаточно, чтобы оглушить. Человек отскочил от стены и упал на спину, лицо его было залито кровью. Руиз встал коленями ему на грудь и обыскал карманы, однако оружия не нашел.

— Что ты сделал? — мягко спросил Руиз.

Механик взглянул на него сквозь кровавую маску и попытался улыбнуться. Он вытолкнул языком изо рта осколки зубов.

— Сэр?

— Что ты сделал с моей лодкой?

— Разумеется, техническое обслуживание.

Руиз схватил человека за нос, который, вроде бы, был сломан, и крепко его повернул. Человек открыл рот, чтобы завизжать, и Руиз припечатал рукой его трахею. Как раз за секунду до того, как глаза человека стали закатываться, Руиз ослабил хватку.

— Не шуми.

Человек кивнул, но больше не улыбался.

— Мы еще раз попробуем. Что ты сделал с моей лодкой? Не раскисай. Когда я покончу с тобой, я все равно заползу в трубу и сам посмотрю, поэтому можешь мне сам сказать. Пока ты будешь собираться с мыслями, скажи мне, кто приказал тебе сделать то, что ты там сделал.

— Ну, раз дело такое...— сказал человек и умер.

Руиз еще стоял на коленях на трупе какую-то секунду, глядя на то, как стекленеют глаза. Странно, подумал он. Наверняка он не размазал этого парня по стенке до такой степени. Смертная сеть? Но где же заговорщики найдут генча, чтобы выполнить такую работу здесь, в этом неразвитом мире?

Руиз взял пояс с инструментами техника и пошагал обратно в док. В вентиляционной системе он открыл крохотный, с булавочную головку, прожог, где механик прожигал шкуру «Вигии», чтобы перерезать кабель сенсора, который обслуживал трубу. «Вигия» не смогла бы доложить, что в ее внутренности забирались. Он прополз по верхней выхлопной трубе и нашел на кончике инжектора довольно крупный блок монокристаллической взрывчатки, достаточной для того, чтобы превратить «Вигию» в облако плывущих в космосе молекул. Он очень внимательно обследовал корабль, но не нашел никаких следов мин-ловушек или какого-то свидетельства того, что взрывчатка могла быть активирована дистанционно. Вероятно, саботажники рассчитывали на то, что Руиз обязательно включит трубу, когда будет проходить атмосферу Фараона, и это был простой и совершенно безошибочный план. Он бы замечательно сработал, если бы не тот факт, что Руиза охватило такое омерзение в зале «Маленького друга».

Руиз отделил блок взрывчатки и спустился по трубе. Он вынес блок в кладовую и положил его рядом с трупом, потом промчался как можно скорее обратно к «Вигии», забрался в лодку и застегнулся наглухо, задраив все люки, чтобы приготовиться к старту.

У него был беспокойный момент, когда он просигналил доку дать добро на выход и открыть стартовую щель. Послушается ли его док?

Поле в доке погасло, выжимая внешний воздух в дальний конец шлюза. Руиз почувствовал перемещение поля как то, что

его потянули за все внутренности. Внешняя оболочка станции открылась, и свет звезд ударил вовнутрь.

Руиз откинулся на спинку кресла.

— Выноси нас отсюда,— сказал он «Вигии», и она ответила милым гармоничным гудением, звуком своих моторов. Лодка проплыла сквозь раскрывающуюся стартовую щель в свободный космос, и Руиз внезапно почувствовал легкость на душе.

Он ускорился по орбите вокруг планеты, пересек границу солнечного света и приготовился спускаться.

Глава пятая

Руиз провалился в мутные туманы ненаселенных низин, в ста километрах от края большого плато, на котором сумела выжить фараонская культура. Фараонцы называли земли, лежащие ниже туманов, Адом, и Руиз мог понять, почему. Температура в глубинах была чуть ниже точки кипения воды, воздухом невозможно было дышать, а животные, которые жили в Аду, были крепки, опасны и так страшны, как самые наиболее живо придуманные демоны.

Он провел «Вигию» сквозь корродирующие туманы, пока не завис в ста метрах ниже края плато, где его не могли увидеть фараонские жрецы, которые держали обсерватории вдоль крепостной стены.

Тогда он стал обдумывать события последних часов. Была сделана попытка стереть его с лица земли, прежде чем он сможет начать свою миссию. Следовательно, браконьеры находились в сговоре с персоналом на орбитальной платформе Лиги. Но кто? Фактор? Дильвермун был самым первым кандидатом в подозреваемые у Руиза, и это был самый очевидный выбор. Но очевидный выбор далеко не всегда был самым правильным. В такой широкой организации, как Лига, к сожалению, мошенничество внутри подразделений и соперничество между ними были неизбежны. Могли существовать десятки групп, которые боролись за ведущую позицию на платформе, которая — как, впрочем, и любой стратегический отдаленный пункт, кипела интригами. Это могли быть действия одного человека — просто техника, которому дали указание следить, не появятся ли агенты Лиги, а потом устраивать смертельные несчастные случаи. Или... Он вдруг пожалел о том, что был таким искренним с Аулисс Монсипор. Или, действительно, это мог быть и фактор, в этом случае Руиз находился по-прежнему в страшной опасности.

Он посвятил этому вопросу какое-то время и мысли, пока «Вигия» висела в парном тумане, потом он отдал приказ, и корабль начал двигаться. Пока «Вигия» продвигалась вдоль-

периметра плато, она ставила радиорепитеры на разном расстоянии друг от друга. Репитеры занимали места в облаках.

Четырьмя часами позже «Вигия» окончила свой объезд плато. Руиз коснулся видеоэкрана, набрал личный код фактора. Сигнал прошел по системе репитеров, устремился вверх, когда он находил случайную выбранную точку, потом прыгал к следующей. Принфилик немедленно ответил:

— Алло? Руиз Ав? Это вы?

Фактор казался слегка помятым и взъерошенным, словно часы с момента отбытия Руиза оказались обильными неприятными событиями.

Руиз позволил видеоэкрану передать его образ.

— Да, говорит Руиз Ав.

— Откуда вы говорите? Я что-то не могу никак зафиксировать ваше положение.

— И очень хорошо. Это просто предосторожность. Вы нашли мертвого убийцу?

Глаза Принфилика слегка забегали.

— Да,— сказал он.— Убийцу, вы говорите?

— Разве вы не нашли блок взрывчатки?

Странное гладкое лицо Принфилика слегка побледнело.

— Врывчатку? Какую взрывчатку?

Руиз внимательно смотрел на женомужа. Либо Принфилик был великолепным актером,— в этом не было ничего невероятного,— либо фактор не до конца владел ситуацией на платформе.

— Кристаллическую взрывчатку, которую я вытащил из задницы у «Вигии» и оставил возле тела. Она исчезла?

Принфилик сделал глубокий вдох, и на его щеке запрыгала мышца.

— Она исчезла.

Руиз улыбнулся.

— Тогда и у вас проблемы, так мне думается. В любом случае, я был вынужден принять политику разделения на секторы. Вероятно, элементы, враждебные Лиге, оперируют в вашей организации. Вы согласны со мной?

Фактор злобно смотрел с экрана, глаза его стали дикими. Но секунду спустя он кивнул своей элегантной головой.

— Похоже на то.

— Вот как я должен действовать, фактор. Я пошлю беспилотный кораблик с сообщением на Дильвермун, на случай того, что этот враждебный элемент взорвет кристалл прежде, чем вы сможете его найти. В то же самое время я собираюсь начать свои исследования здесь, на поверхности. Вы со своей стороны должны немедленно ввести полное запрещение, разрыв связи между орбитой и поверхностью планеты. Вы понимаете необходимость такого шага?

Теперь фактор был, очевидно, близок к истерике.

— Но, мои квоты...

Руиз оборвал его.

— Это не подлежит обсуждению. Если каналы останутся открытыми, кто знает, какие опасные инструкции могут достичь тех врагов, с которыми мне предстоит сражаться там, внизу? «Вигия» будет контролировать спектр радиоволн и выпустит еще один беспилотный кораблик, если кто-нибудь на платформе нарушит этот приказ. Дайте мне понять, что вы поняли меня.

На какую-то секунду Руиз думал, что Принфилик выступит против него, но потом фактор кивнул, лицо его неожиданно стало мрачным.

Руиз прекратил передачу.

Несколько часов Руиз спал, ожидая темноты, потом приготовил свой камуфляж с тщательностью и заботой. Он наложил на голову депилятор длительного действия. Он дал команду медицинской аппаратуре наложить на него татуировки, временные, которые он выбрал за время перелета на Фараон, потом стоически перенес ощущение иголочек с чернилами, которые прошлись по его голове. Потом он посмотрел в зеркало и увидел там чужого варвара. Татуировки кружились по его голове и лицу извилистыми пятилинейными узорами ясного красного цвета и темно-зеленого, они извивались вниз вдоль бровей, подчеркивая сильно выступающие скулы, лезвие носа. Узкие глаза злобно смотрели на него из зеркала, посверкивая металлом жесткости. Он пытался улыбнуться сам себе, но усилие вышло неубедительным, и улыбка не пошла дальше оскала рта. Через минуту она превратилась в свирепый оскал.

Руиз встряхнулся и обернулся прочь от зеркала. Он переоделся в причудливые одежды продавца змеиного масла, многоцветные слои разрезанных на полоски и заплетенных в косички тканей, поскольку он исходил из принципа, что самый дикий наряд иногда бывает самым лучшим камуфляжем. Он обнаружил, что глаз бескритично скользит по деталям диковатого зрелища. Он был уверен, что никто не опознает в нем чужака из другого мира. Он поздравил себя с тем, что его татуировки очень искусны, что его собственные медная кожа и черные глаза очень походили на природные цвета фараонцев. Он надел на пальцы полдюжины дешевого вида серебряных колец. Это были микроприборы, с помощью которых он мог бы творить небольшие иллюзии, которые были частью обязательных социальных ритуалов на Фараоне. Он подвел глаза сурьмой, наклеил мушку на щеку и прикрепил серьги из серебра и агата. Среди своего тряпья он спрятал многочисленное оружие и инструменты, все они были камуфлированы под фараонские религиозные объекты — амулеты, фетиши, иконы.

Когда Руиз наконец был готов, он взял специальный жезл, который он спроектировал и сам смастерил в мастерской «Ви-

гии», положил в сумку у пояса маленький пистолет, стреляющий занозами — камуфлированный под волшебную палочку — и потом натянул на спину мешок, в котором находился приличный запас наркотиков, добытых из яда рептилий, именно они составят его запас товаров. Он пробрался сквозь «Вигию» к воздушному шлюзу. Стоя в шлюзе, он отдал кораблю последние распоряжения. Он в последний раз втянул в ноздри запах пангалактической цивилизации: металл-пластик-озон, машинное масло и дезинфицирующая жидкость.

Он взял одноразовый респиратор и набор горных крюков-кошек из шкафчика.

— О'кей,— сказал он,— давай наверх. Зависни как раз под линией туч.

Руиз почувствовал, как потянуло его ускорение, когда «Вигия» резко взмыла вверх. Он пристегнул респиратор на лицо и кошки на ноги.

Потом «Вигия» остановилась, и люк открылся, его трап чуть коснулся скалы. Отравляющие туманы Ада ввалились в шлюз, и Руиз выскочил наружу, соскакивая на скалу, кошки звякнули. Кошки выпускали стальные прутья в легко крошащуюся скалу и тем самым поддерживали его вес. Он повернулся, чтобы посмотреть на «Вигию», но она уже втянула трап и упала вниз, в скрывающий ее туман, чтобы ожидать его возвращения.

Он продвинулся выше к облакам на несколько метров и переждал. Он осторожно поднял голову над туманами, в ясную фараонскую ночь. Две из трех маленьких лун Фараона плыли высоко в небе, давая достаточно света, чтобы Руиз легко мог увидеть над головой Стены Мира и ближайшую сторожевую башню от демонов, в ста метрах слева от него, которая выступала консолью из стены.

Никакого огонька не виднелось на башне. Охранники держали свои обходные галереи темными, чтобы их ночное зрение оставалось острым. Он упал обратно в туман, чтобы подумать над ситуацией. У него не было никакого желания оставаться на скале. Чудовищные хищники могли собираться в темноте и карабкаться снизу на скалу, терзаемые голодом. С другой стороны, ему не хотелось, чтобы он столкнулся с патрулем охранников от демонов, которые поджидали его на крепостной стене, хотя это было меньшим из двух зол. Поэтому он несколько раз глубоко втянул воздух из респиратора, отбросил его прочь в темноту. Потом он вырвался из тумана и заскользил вверх по скале, а потом по стене Мира, пробираясь по темному камню не хуже, чем перепуганная ящерица.

Он добрался до вершины Стены Мира без происшествий и поздравлял себя с тем, что он так чисто прибыл на место, когда втянулся на парапет. Но, стоило ему отстегнуть кошки с ног, как он услышал позади себя быстрое шарканье шагов. Он раз-

вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как высокий тощий человек в мундире охранников побежал на него со страшного вида трезубцем. Как только человек открыл рот, чтобы прокричать предупреждение остальным охранникам, Руиз отпрянул от удара и тем же самым движением ударил его только что снятыми кошками. Кошки впились человеку в глотку, и крик превратился в неприятный булькающий звук. Руиз подхватил трезубец, прежде чем он звякнул о камень. Несчастный охранник упал со Стены Мира и беззвучно исчез в Аду.

Руиз присел у парапета, надеясь, что не подняли тревогу.

Прошло несколько минут, но все оставалось тихо. Пока он ждал, у Руиза было время горько сожалеть о том, что он убил охранника, который всего-навсего только исполнял свой долг. Он пытался проследить, чтобы монстры из Ада не бродили по краям плато и чтобы боги Ада оставались внизу. Руиз чувствовал глубокую печаль, ощущение, от которого он страдал всякий раз, когда его работа заставляла его наносить вред неповинным существам. В такие времена он думал, почему он по-прежнему делал то, что он делал, и не мог придумать никакого удовлетворительного для себя ответа. Была ли у охранника семья? Будут ли они поджидать его после его ночной вахты на стене? Перед глазами Руиза разыгралась небольшая драма. Он увидел детей с широко раскрытыми глазами, которые глядели из окна хижины. Увидел перепуганную женщину, которая притворялась не обеспокоенной ради детей. Он увидел плач и горькую скорбь — и все это, все это его вина.

Чуть позже он заставил себя оттолкнуть эти мысли. Он соскользнул по ступенькам, вделанным во внутреннюю сторону стены. и скрылся в ночи Фараона.

К тому времени, как забрезжил дневной свет, Руиз уже шагал по пыльной дороге, которая тянулась прямая, как струна, сквозь огромные плантации кошачьих яблонь. По мере того, как всходило солнце, крестьяне выходили из маленьких хижин, поставленных под пружинистыми ветками, и начинали ухаживать за деревьями, которые были увешаны трубками и ведрами, чтобы собирать жидкий сок. Крестьяне, приземистые и круглолицые мужчины и женщины, загорелые почти дочерна под фараонским солнцем, смотрели на Руиза узкими подозрительными глазами и отказывались говорить с ним, даже когда он облокачивался на каменную стену, которая тянулась по обе стороны дороги, и приветственно махал им. Он вспомнил, что, за исключением редких и выдающихся праздников, крестьянство не могло себе позволить наркотики удовольствий, которые продавали торговцы змеиным маслом, и, совершенно естественно, они завидовали беззаботному, как у кузнечика, существованию продавца змеиных масел.

Он пожал плечами и пошел дальше, пока не вышел на от-

крытое пространство, где люди, на которых были надеты ножные кандалы, работали над тем, чтобы выкорчевать мертвые пни кошачьих яблонь из сухой земли. Множество надсмотрщиков в полосатых красно-белых юбках стояли вокруг, касаясь самых ленивых заключенных короткими плетками.

Руиз снова остановился и подозвал одного из надсмотрщиков, высокого костлявого человека с проваленными щеками и зигзагообразными татуировками надзирателя второго класса. Надсмотрщик уставился на него без всякого выражения, долгое время смотрел на него, а потом подошел к стене и стоял, шлепая рукояткой плетки по руке. Он ничего не говорил.

Руиз улыбнулся и униженно склонил голову.

— Благородный надзиратель, могу я побеспокоить тебя просьбой о глотке воды?

Надсмотрщик изучал его, потом резко сказал:

— Покажи мне твои документы.

Руиз послушно кивнул и стал копаться в поисках небольшого бруска блестящего фарфора, в котором была впечатана фальшивая печать, на которой черным лаком была выведена строка красивых курсивных письмен. Все фараонцы, которые путешествовали за пределами своего родного номарха, должны были носить с собой такие бруски, которые описывали их личность и что им разрешено делать.

— Сейчас, сейчас... все в порядке.

Надзиратель выхватил у него брусок, внимательно его осмотрел. Минуту спустя он хрюкнул и вернул его.

— Заплатить можешь? Тут милостыню не подают. Мерка будет тебе стоить целый медный нинт.

Показно копаясь в своем тряпье, Руиз вынул маленькую потертую шестиугольную монетку и протянул ее надзирателю. Надзиратель сунул ее в карман и повернулся к своим подопечным, которые слегка замедлили скорость работы. Надсмотрщик взбешенно закричал на своих подчиненных, они старательно стали работать плетками.

На дальнем краю расчищенного поля стоял потрепанный паровой фургон под драным тентом. В маленьком кусочке тени стояла тренога, которая поддерживала большую глиняную красную цистерну. В цистерне была вода. Руиз перескочил через стену и прошел мимо заключенных, которые искоса смотрели на него покрасневшими глазами.

Когда он подошел к фургону, маленький хмурый человечек с полоской жирной сажи через весь лоб появился из фургона, держа в руках большой гаечный ключ. По его грубой коричневой робе, точно такой же, как и у заключенных, Руиз решил, что это староста заключенных, который завоевал доверие начальства. Как и все остальные свободнорожденные заключенные, он носил татуировки, но они плохо были видны из-за блестя-

щих розовых шрамов. Однако вполне достаточно было видно, чтобы понять, что однажды староста тоже был продавцом змеиного масла. Руиз подавил дрожь предчувствия.

— Ах, добрый сэр,— сказал Руиз, широко улыбаясь.— Может быть, вы поможете мне...

— Маловероятно,— сказал человечек, не меняя выражение лица.

Руиз сохранил улыбку.

— Ваш благородный надзиратель был так добр, что согласился продать мне мерку воды.

Старóста рассмеялся коротким, взрывчатым смехом без веселья.

— Воистину, «благородный надсмотрщик». Ты друг Ронтлесеса?

— Нет-нет. Я продаю мечты, я просто бродячий торговец.

— В таком случае, я тебе помогу.

Староста положил гаечный ключ и заковылял к цистерне. Руиз увидел, что ноги его были сломаны, а потом срослись, но никто не накладывал ему шины.

— Сколько он с тебя содрал, благородный Ронтлесес? Пусть миллискорпионы поселятся у него в паху.

Староста протянул грязную руку.

— Давай свой мех, торговец.

— Медный нинт,— ответил Руиз и протянул свой мех, который был совсем пуст. Староста снова горько рассмеялся, выудил из кармана ключ и отомкнул цистерну. Он повернул кран, и мутноватая вода полилась в мех Руиза.

— Вода-то вонючая, знаешь ли,— сказал спокойно староста.— Наверняка зеленым дерьмом от нее заболеешь.

Руиз взял свой наполненный мех, надеясь, что его иммунизация была достаточно хорошей.

— Спасибо, добрый сэр,— сказал он и сделал глоток. Как и было ему обещано, вода была мерзкой. Он подавил желание вытошнить ее обратно. Потом он закупорил мех и повесил его себе на шею.

Староста пожал плечами и замкнул цистерну снова.

— Не благодари меня. И не проклинай меня, когда твои кишки превратятся в слизь. Я бы тебе дал водички из личных запасов надсмотрщика, если бы только посмел. Но я не хочу, чтобы мне снова переломали ноги. В следующий раз я могу не научиться так же хорошо ходить.

Руиз объявил, что он всем доволен, на что староста так поглядел на него, словно бы его диагноз «сумасшествие» подтвердился.

— Ну что, если человек должен быть дураком, пусть, по крайней мере, будет счастливым дураком, а не кислым,— сказал староста.

— Хорошо сказано. Может, ты мне дашь совет?

— Почему нет, пока Рентлесес не замечает, что я не в брюхе этой кучи металлолома.

— Что ты мне можешь сказать про Стегатум? Это веселый город?

Стегатум был столицей местной номархии, центр дистилляции сока кошачьих яблонь и прочей сельскохозяйственной продукции. Он лежал в пяти километрах дальше по этой же дороге, и там агент Лиги держал трактир.

Староста сделал безнадежный жест и махнул рукой.

— Стегатум? Дыра как всякая другая дыра в заднице. Фермеры не проявят интереса к твоим товарам, но несколько торговцев и ремесленников в этом городе сводят концы с концами, и, конечно, там есть и свои осколки блистательной аристократии с навозной кучи.

Руиз почесал подбородок, словно задумавшись.

— Можешь посоветовать там хороший трактир?

Староста раскатисто рассмеялся от души, так, что привлек внимание надзирателя. Староста немедленно посерьезнел, снова подобрал свой гаечный ключ и растаял в дебрях фургона.

Руиз пошел дальше, отвесив почтительный поклон надзирателю, когда проходил мимо. Он подумал про себя, какое такое преступление совершил староста, чтобы его присоединили к одному из штрафных батальонов номарха. Продавцам змеиного масла полагалось несколько больше поблажек, чем обычным людям, чем остальным мелким торговцам, хоть они и пользовались меньшим почтением. Их, как правило, считали безумными, из-за того, что они по необходимости и по доброй воле постоянно пробовали собственный товар, галлюциногены, которыми торговали, поэтому их эксцентричность принимали снисходительно, в некоторых местах ими даже восхищались. Принимая во внимание все это, Руиз был доволен тем камуфляжем, который он выбрал, но состояние старосты с переломанными ногами указывало на то, что все же это не было безупречной легендой.

Дорога миновала последние плантации кошачьих яблонь и поднялась на еще более сухую возвышенность, территорию серых небольших камней, скупо разбросанных на плоской серой гальке и красном кварце. Руиз часами шел по этой дороге и не видел ничего, кроме случайных паровых фургонов. Эти грузовые фургоны водили исхудавшие женщины в выцветших голубых одеждах, ни одна из них не удостоила Руиза даже взглядом. Он быстро научился уходить с дороги, завидев первое же облачко пыли. Дважды мимо него проезжали люди верхом на верховых животных — высокие, двуногие, рептильного вида существа, они были покрыты тонкой чешуей и двигались аккуратной скользящей походкой. Одно животное было черное, второе — цвета старой бронзы, на обоих были отделанные серебром седла и украшенные драгоценными камнями удила.

Ни один всадник не ответил на приветствие Руиза, хотя он вежливо кланялся.

В середине пополуденного времени Руиз спускался по ухабистой боковой дороге в менее бесплодную долину, в которой цвели обширные сады и, вдалеке, где долина была поглубже, кучка одно- и двухэтажных глиняных хатенок стояла в тени пушистых ветвей старых деревьев димвельт. На плоском возвышении как раз над деревней была публичная площадь, так называемое Место Искусных страданий, обычное место для каждой деревни и города на Фараоне. Выше снова начиналась бесплодная земля.

В долине воздух был чуть прохладнее и немного влажнее, и у Руиза возникло приятное чувство конца пути.

Полдюжины маленьких мальчиков появились у дороги, чтобы уставиться на него большими глазами. Они растянулись в ряд, от самого высокого до самого маленького, и в руках у них были различные предметы, самодельные и примитивные: обручи на палочке, самозапутывающие веревки, импровизированные монетницы, с которыми они, вероятно, играли в фокусников. Руиз улыбнулся им. Они слегка отодвинулись прочь, но ничего не сказали.

— Привет вам, юные благородные джентльмены,— сказал Руиз.

— Мы не такие,— дерзко ответил самый смелый из них.

Руиз развел руками жестом недоверия.

— Как же я мог знать, поскольку я совершенно не знаком с обычаями вашего прелестного района?

— Смешно как разговаривает,— сказал еще один пацан.

— Да уж ему-то должно быть понятно, что мы не сэры. От сэров не воняет дубленой ящеричьей шкурой, и они не носят мешковину. Сэры себе ездят на верховых зверюгах.

Это произнес самый маленький из мальчишек, который говорил, осторожно подбирая аргументы. Остальные закатили глаза, затем тот, кто говорил первым, натянул драную шапчонку на лицо малыша.

— Он молодой еще,— объяснил тот, кто говорил первым.

— Понимаю,— сказал Руиз, пытаясь спрятать улыбку.— Ну что же, может, вы поможете мне, поскольку вы столь хорошо осведомлены. Есть ли тут в Стегатуме приличная гостиница, потому что я слышал, что именно Стегатум называется ваша деревня?

Самый смелый парень потер свой острый подбородок.

— Все зависит от того, что вы называете приличным. Насколько у вас воображальные идеи?

— Не до невозможностей. Постель без представителей дикой природы, приличная еда удовлетворят самые смелые мои надежды.

— Тогда Приют Денклара ближе к вам, чем Придорожная Гостиница Пугрибальта. Вы ночь ночевать будете?

— Да вот, собираюсь.

— И правильно. Слышали про беспорядки на Стене Мира? Прошлой ночью, не дальше тридцати километров отсюда, демон поднялся на край плато и съел стражника целиком. Сегодня он наверняка будет шастать в глубине страны, ища себе еще один бесплатный обед. Сегодня как раз хорошая ночь для того, чтобы храпеть за крепкой дверью, а у Денклара на этот счет тоже получше прочих. Хотя и стоить будет — ого-го.

Самый смелый парнишка произнес свою речь со спокойным удовольствием.

— Благодарю вас. Не премину воспользоваться вашим советом,— Руиз поддернул свой мешок и пошел бы дальше, но мальчики смотрели на него с большим ожиданием, что могло быть просто вызвано его диковинным одеянием. Он вспомнил, что они, должно быть, ждут новых фокусов от путника, который был дружелюбно настроен, поэтому он вздохнул и кивнул.

Темные лица озарились белозубыми ухмылками.

— Теперь смотрите на мои руки,— приказал им Руиз и показал им свою правую руку со всех сторон, а потом медленно сжал ее в кулак. Они смотрели со странным для своих лет напряжением.

Один из перстней Руиза превратился в бутон внутри его кулака, небольшой кристалл памяти, который быстро превратился в подобие алого граната размером с наперсток.

Он открыл кулак и показал камень. Мальчики еще не достаточно удивились, хотя они были достаточно вежливы, чтобы дождаться чего-то более примечательного.

— Это не может быть настоящим,— сказал с сомнением маленький, за что получил шлепок по плечу.

Руиз рассмеялся.

— Нет, разумеется, это не настоящий гранат. Собственно говоря, это редкая и прелестная куколка сказочной рубиново-крылой бабочки.

— Ну, раз ты так говоришь...— сказал самый маленький, не потеряв дерзости. Но он выглядел таким же заинтригованным, как и все остальные.

— Смотрите снова,— приказал им Руиз. Он прикрыл гранат второй рукой, потом крепко сжал руки вместе. Кристалл распался в сияющую пыль, беззвучно, невидимый зрителям. Его кольцо выдавило на поверхность еще один кристалл, и Руиз почувствовал, как он зашевелился на ладони, имитируя жизнь. Через секунду он раскрыл руки, и крохотный крылатый жучок расправил свои сверкающие крылья. Он секунду сидел на его руках, а потом вспорхнул и рванулся вверх. Он будет лететь к солнцу, пока не истощится его крохотная батарейка, а потом он распадется на летучий порошок.

Руиз бросил сияющую пыль от раздавленного кристалла в мальчиков, которые засмеялись, показывая свой восторг.

— Неплохо,— сказал самый маленький.

Руиз низко поклонился и продолжал идти по дороге в деревню.

Глава шестая

Низа, любимая дочь короля, раскинулась на диване. Голубой шелк из Ада покрывал подушки. Глядя вниз, она восхищалась контрастом между этим ярким цветом и гладкой плотью ее обнаженного тела.

— Как хорошо,— сказала она, вздохнув.

Ее любимая рабыня Делия растирала ее ноги, медленные, теплые движения, которые посылали приятные волны по всем ногам Низы. Аллабаб, ее любимый раб, втирал душистое масло ей в плечи. Руки его были сильны и осторожны, и Низа вся отдалась наслаждению этого момента.

Аллабаб тихо заговорил:

— Сегодня будут уроки, Принцесса?

Низа повернула голову, чтобы видеть прохладную зелень царских садов, которые виднелись в низкое окно. Окно было открыто, и звук бегущей воды стал вдруг ласкать ее уши, и вдруг она решила, что быть принцессой — очень хорошо.

— Может быть,— сказала она.— Может быть, мы проведем урок в саду.

Руки Аллабаба напряглись, стали чуть более неуклюжи, чуть менее искусны. Но через секунду он вернулся к своим обязанностям и стал внимательнее.

— Это может оказаться небезопасно, Принцесса. В саду есть неприязненные уши. Временами.

Низа чуть рассмеялась.

— Я любимая дочь. Кто посмеет подслушивать?

— Как ты скажешь, Принцесса,— голос его потеплел от предвкушения, и его руки продвинулись вниз по ее телу — так же, как руки Делии вверх, чтобы встретиться в сладостном сотрудничестве.

— Ах,— сказала мечтательно Низа,— хорошо быть Низой.

Низа полдничала на самой высокой террасе дворца. Прохладный ветер шевелил белый тент над ее лоджией, а она смотрела на столицу своего отца. Дворец возвышался над вершиной холма, на котором был построен город, поэтому она могла видеть далеко за пределами высоких крепостных стен, далеко в пустыне.

Она ела сладкую розовую дыню и маленькие кусочки наперченного и приправленного мяса, запеченные в тесте. Вино было

бледно-зеленым Сесталем, таким хорошим, что она выпила больше, чем собиралась сначала.

Чуть спустя, немного опьяневшая, она стала раздумывать над обстоятельствами, которые сделали ее жизнь такой замечательной.

Давным-давно, в Первые Дни, ее предки решили путешествовать с места на место, развлекая Первых Людей своими неуклюжими маленькими иллюзиями — вместо того, чтобы применить свои способности к тяжкой обязанности добывать жизнь из нещедрой почвы Фараона.

Она подошла к парапету и облокотилась на камень.

— Вы были не очень-то умны,— сказала она всем неизвестным ей людям внизу, тем безликим, которые усердно работали, чтобы сделать ее жизнь прекрасной.— А мы были...

Как странно думать, что эти давно умершие бродяги и их дешевые трюки основали династию ее благородного и славного отца, Бхасрахмета, Царя Царей, всемогущего Повелителя всего Фараона.

Нет, но как забавно!

Она рассмеялась. Хорошая штука, подумала она, что в Первые Дни фокусники еще не стали так искусны, чтобы привлечь внимание богов. Иначе ее предки могли быть унесены в Страну Вознаграждения, и Низа никогда бы не родилась.

— А вот это бы совсем никуда не годилось,— сказала она. Она поставила свой фарфоровый кубок на край парапета и посмотрела вниз. Далеко внизу маленькие фигурки спешили через двор — слуги, посланные с поручениями, торговцы, солдаты.

На секунду двор очистился. Низа приставила пальчик к кубку и слегка толкнула его.

Он упал, медленно кувыркаясь в резком солнечном свете, отбрасывая быстрые блики белого.

Она отвернулась, прежде чем он упал.

Кошмар начался в саду, часом позже. Она учила Делию по книге сказок, поправляя ее рабское произношение. Аллабаб смотрел через плечо Делии, рассеянно размахивая веером.

— Бхас наблюдает за нами снизу,— сказала Делия, произнося имя бога в правильной манере, с придыханием.

Чье-то холодное, леденящее присутствие, казалось, заполонило сад. Оно пронизало холодом спину Низы. На секунду она думала, что это произошло из-за упоминания имени бога, такого страшного, и сама посмеялась над своей реакцией. Потом Аллабаб ахнул и упал лицом вниз, уронив свой веер. Делия издала сдавленный крик и отвернулась.

Низа оглянулась через плечо и увидела тонкое холодное и застывшее лицо Верховного Жреца, который смотрел на них сквозь перья горшечной пальмы. Его обсидианового цвета глаза были уставлены на книгу сказок, которая открытой лежала

у нее на коленях. Она закрыла книгу, чувствуя первое прикосновение страха.

Верховный Жрец вышел из своего укрытия.

— Значит, это правда,— сказал он веско.

Трое из личной охраны царя появились из кустов, пряча глаза.

Низа не могла придумать, что сказать, поэтому она просто подняла подбородок и подождала, пока Верховный Жрец заговорит снова.

Он сел на скамейку поближе к ней.

— Низа, твой отец очень опечалится.

Он сделал жест, и люди царя рывком подняли на ноги ее рабов и увели их прочь. Аллабаб шел молча, а Делия подавляла рыдания. Низа, казалось, не могла оторвать глаз от лица Верховного Жреца.

Он похлопал ее по колену своей хрупкой рукой.

— Мне очень жаль, Низа, что дело дошло до этого, но какой у меня выбор? Никто не возражал, когда ты брала любовников из низких сословий. Женщина твоего статуса может позволить себе маленькие прихоти. Но нельзя давать этим прихотям право на власть. Ты должна была бы знать это. Какой дьявол вселился в тебя, что ты стала учить их читать?

Горло Низы так пересохло, что она еле могла говорить.

— Я сама не знаю. Это казалось таким безобидным... Я подумала, что им понравится читать сказки самим... Им нравилось слушать, как я рассказываю им старые истории.

Верховный Жрец печально покачал головой.

— Сперва сказки. Потом ученые книги, потом рабы научатся, как разбивать цистерны, и мы все высохнем насмерть. Наверняка тебя учили этой последовательности, Низа.

— Да... но они были больше, чем рабами. Они были мне друзьями.

Голос ее прервался, и она вдруг смогла отвести глаза от Верховного Жреца. Она посмотрела на сад с его зеленью и нежно окрашенными цветами, его прохладную сладкую влажность, крохотные очаровательные звуки, которые производили птицы, которые порхали и мелькали в тени. Она почувствовала в сердце резкую, рвущуюся боль. «Теперь все пропало. Это больше не мое. Как я могла быть такой глупой, такой дерзкой?» — подумала она.

— Теперь я должен приказать отдать твоих «друзей» в пустыню. Бессмысленная потеря ценного имущества. А тебя я должен отдать на искупление, что меня крайне огорчает и заставляет скорбеть. Это наверняка разобьет сердце твоего отца, но я должен.

Верховный Жрец выглядел искренне убитым горем, поэтому Низа порывисто протянула руку, чтобы похлопать его по руке, и улыбнулась.

— Я понимаю,— сказала она.
Но на самом деле она не понимала.

Преступники обычно ожидали Искупления в железных клетках, которые стояли на Площади Искусной муки. Эта пытка была частью их наказания. Они умирали в Искуплениях стандартизированной формы. Те, чьи преступления были особенно примечательны, или те, кто принадлежал к высокой касте, размещались в Храме, под охраной жрецов, пока не попадалась возможность устроить особенно поучительное Искупление. И преступление, и сан Низы были очень велики, поэтому она была заперта в личной камере Верховного Жреца.

Ее камера была сурова, но не противна. Дважды в день ей давали простую еду, и дважды в неделю ей разрешали вымыться, используя таз и тряпку. Тюремщики были вежливы, но молчаливы. Одиночество заменило ее страхи. К ней никого не пускали.

Время от времени ее отдых прерывался воплями других заключенных, которых допрашивали в комнате в конце коридора. Поскольку она честно и искренне признала свою вину, подобные знаки внимания были признаны излишними в ее случае, поэтому у нее было множество времени подумать над своими глупостями. Очень быстро она прониклась величайшим презрением к той личности, которой она была. Разве она действовала из желания улучшить судьбу ее рабов? Нет, горько подумала она. Она учила их читать не из благородных побуждений, но из-за того же праздного желания получить удовольствие, которое ей могло доставить обучение ручной пылевой ящерицы вставать на задние лапы, чтобы попросить кусочек сладости.

Прошел месяц, за ним второй.

В какой-то момент она стала надеяться, верить, что ее отец никогда не даст ей умереть такой ужасной смертью. В конце концов, она была Низа.

Но он так и не пришел. А однажды Верховный Жрец пришел, его древнее лицо окаменело от решимости, и он хотел передать ее фокусникам, которые выполнят ее Искупление.

Глава седьмая

«Приют Денклара» был низким широким зданием, в хорошем состоянии и недавно оштукатуренным, в котором было множество окон с муслиновыми занавесками. Агент Лиги, который держал гостиницу, видимо, слегка гордился своим занятием.

Руиз вошел в общий зал, который в такой ранний час вмещал в себя только трех бездельников, которые сидели вместе

в темном углу, посасывая маленькие кружки пива из шипоягодника.

Хозяин стоял за низким баром, вытирая кружки вонючей тряпкой. На первый взгляд он казался полным фараонцем среднего возраста, который был татуирован татуировками гильдии трактирщиков. На второй взгляд Руиз обнаружил некоторые неуловимо неверные детали: не-фараонская прямота взгляда, неуловимо городской вид, отблеск здоровья.

Человек, который, несомненно, должен оказаться Виламом Денклaром, агентом Второго класса, уставил неодобрительный взгляд на его лицо.

— Ты сможешь заплатить-то за то, что потребуешь, бродяга? Нам тут в Стегатуме некогда заниматься благотворительностью.

Руиз улыбнулся и поклонился.

— Как и везде. Конечно, я смогу заплатить, если цены разумные.

— Хм. Ну так у меня цены вывешены там,— Денклар показал на грифельную доску, где мелом были написаны цены на услуги.— Читать умеешь?

— Немного,— сказал Руиз, нарочито прищурившись на доску.

Чуть погодя, он заказал шипоягодниковое пиво, за которое сразу заплатил, и взял на столик сбоку. Он тихо уселся на скамью и расслабился, время от времени потягивая из кружки пиво. После той ночи и целого дня усилий он полагал, что бессонницы ему бояться нечего.

Тьма сгустилась, прежде чем Руиз покончил со своим пивом, у которого был неприятный смолистый привкус и кислинка. Но в конце концов голод победил его усталость, поэтому он заставил себя встать и перейти в соседний обеденный зал гостиницы. Он нашел столик в темном углу и выжидательно уселся. Время шло, и комната заполнялась местными ремесленниками, а также несколькими процветающими фермерами, которые, вероятно, предпочитали кухню трактира кухне своих жен.

Тарелки пахучего жаркого, буханки темного хлеба и высокие стаканы стали появляться на столах перед посетителями, их приносили два тощих молодых раба. Никто не подходил, чтобы принять заказ у Руиза.

Мальчики-разносчики стали бросать беспокойные взгляды на Руиза, проходя туда и обратно. Все же они никак не подходили достаточно близко, чтобы он мог протянуть руку и схватить кого-нибудь из них, поэтому он вздохнул и в конце концов поднялся с сиденья. Он пошел следом за одним из них на кухню, где Вилам Денклар следил за тремя потными поварами.

Заметив Руиза, Денклар развернулся и раздраженно уставился на него.

— Что тебе надо? У меня для тебя работы нет.

Руиз дружелюбно улыбнулся.

— А как насчет ужина? Это у тебя есть?

Денклар нахмурился.

— А заплатить ты можешь? Я не стану брать в уплату никаких твоих зелий. Только идиот покупает змеиное масло у бродячего торговца, такого ничтожества.

Руиз вытащил две потертые серебряные монетки, заставил их затрепетать в его руках и потом исчезнуть.

— Купит ли это мне ужин, ночлег на чистой постели и завтрак?

Денклар более не хмурился, хотя он и не улыбался.

— Может, и так, если они настоящие. Один фелк вперед, это тебе купит ужин, если ты не слишком зарываешься в корыто. Второй утром — это за ночлег и завтрак — кашу на воде со скирфруктом.

— Заметано,— сказал Руиз,— я возвращаюсь в обеденный зал, дрожа от нетерпения.

— Сперва монету.

— Разумеется,— сказал Руиз и поймал серебряный фелк из воздуха. Он уважительно положил его на стойку и вернулся за стол.

Несколько мгновений спустя мальчик-разносчик поставил перед ним тарелку жаркого. В жирном белом соусе плавали куски бледного мяса и крахмалистые куски какого-то пятнистого голубовато-розового корнеплода.

Руиз в первый раз пробовал настоящую кухню Фараона, осторожно начав и затем продолжив с большим энтузиазмом. Он решил, что это вовсе не так плохо, как можно было опасаться, хотя довольно обильно сдобрено перцем и какой-то незнакомой сладковато-горькой травкой.

Когда Руиз покончил с ужином, мальчик-разносчик пришел и провел его в его комнату. Они миновали Денклара в холле, где хозяин ругательски ругал горничную за какую-то мелкую провинность.

— Ты держишь хороший стол,— сказал, улыбаясь, Руиз.— Такой же славный, как «Предок желудя», почти что.

«Предок желудя» был широко известным заведением, удобно расположенным в штаб-квартире Лиги на Дильвермуне, куда ходили работники Лиги в увольнительной. Руиз уставился на трактирщика значительным взглядом, а потом подмигнул.

Рот Денклара на мгновение приоткрылся, но он захлопнул его и вернулся к выяснению отношений со своей работницей.

Руиз пошел дальше.

Комната была едва ли крупнее, чем чулан для метелок, но солома была чистая, и даже одеяло, казалось, свободно было от насекомых. Единственное окно было защищено тесно посаженными металлическими прутьями. Оно выходило на Площадь Искусного страдания, которая была пуста, за исключе-

нием нескольких металлических ящиков в рост человека. Руиз зажег маленькую масляную лампу, поставил свое ружье, оно же волшебная палочка в пределах досягаемости, и стянул сандалии. Ноги его слегка потерлись, поэтому он втирал в них успокоительную мазь, пока ждал прихода Денклара.

Мотылек с кисейными веселыми зелеными крылышками появился из какого-то уголка и стал кружить над лампой. За те минуты, пока Руиз ждал, он наконец начал чувствовать непрочность своего положения — он был один в чужом и опасном мире, без друзей или союзников. Чувство было не совсем жалостью, но однако было достаточно близко к жалости к себе, чтобы Руиз почувствовал что-то вроде презрения к самому себе.

Много раз он оказывался в подобных ситуациях и таким слюнявым мыслям ни разу не поддавался. Что такое с ним было не так? Неожиданно перед ним возникло лицо Накера. Что такое сделал с ним Накер, что он вдруг почувствовал себя таким уязвимым? Он потряс головой и попробовал освободить мозг от рассеивающих мыслей. До какой-то степени ему это удалось, хотя он все еще чувствовал разочарование и беспокойство.

Когда Денклар вошел в дверь, Руиз схватился за ружье.

— Почему ты наставляешь на меня свой магический посох? — веско сказал Денклар. — Хочешь превратить меня в лягушку-квакушку?

Руиз отвел ружье в сторону и выстрелил занозу в дверь. Каменная кладка задрожала от удара, а Денклар слегка побледнел. Он поднял пустые руки.

— Никаких агрессивных намерений. Просто попытка пошутить. И, я надеюсь, ты не станешь держать на меня зло за то, что я вел себя с тобой раньше таким образом. Я просто не выходил из роли, я делал свое дело.

Голос его изменился, стал легче и более образованным, и он говорил на пангалактической лингвафранке.

Руиз поморщился от этой небрежности.

— Нас никто не может тут подслушать?

— Нет-нет. Я поместил тебя в комнату, где самые толстые стены. А окно выходит на Площадь Искусного страдания и на свалку. Иногда торговцы змеиным маслом кричат во сне, а это беспокоит прочих постояльцев. Никто из тех, кто проводит ночь на площади, не хочет слышать вопли других, так мне кажется.

Руиз отвел в сторону посох, хотя и не опустил его.

— Убедительно. Мне придется время от времени испускать вопли.

Денклар довольно противно осклабился.

— Не слишком громко, пожалуйста. Местный мукети, Лорд Бринслевос, развлекается с двумя простыми потаскушками в комнате для новобрачных. Если ты его побеспокоишь, то

закончишь свою карьеру, распевая в муравейнике — и я ничего не смогу с этим поделать. Очень чувствительный и легкий на обиду, его лордство. Я тебе рекомендую избегать его внимания, если возможно, хотя это и будет нелегко. Он человек, помешанный на змеином масле, и он, конечно, про тебя уже прослышал.

Руиз мигнул.

— Я ценю твой совет.

— Это моя работа. Теперь,— сказал Денклар, потирая руки,— займемся делом. Кто ты и что привело тебя в Стегатум?

Руиз вытащил свой брусок фарфора и потер его определенным образом. Белый фарфор стал прозрачным, и в нем проявился пылающий золотистый факел, который показывал, что он агент Лиги со Сверхфакторскими полномочиями.

На Денклара это, казалось, произвело впечатление. Его широкое лицо покрылось пленкой пота, хотя воздух уже заметно похолодал.

— Понятно,— сказал он.

Руиз отложил брусок в сторону.

— Хорошо, я могу сказать тебе вот что. Я здесь для того, чтобы проанализировать определенные упущения в деятельности. А когда я покончу с расследованием, полетят головы.

— Не моя, я уверен. Описание моей работы очень простое и точное. Я слежу за развитием запрещенной технологии, я обеспечиваю кров для агентов Лиги, которые посещают этот регион, и я пытаюсь укротить самые худшие импульсы Бринслевоса...

— Вот как?

— Да, конечно — мы хотим, чтобы жизнь крестьян была тяжелой, иначе какое еще давление может заставить их стараться усовершенствоваться в фокусах? В конце концов, это единственный выход для самолюбивого ребенка с амбициями. Но революции, слишком вероятно, принесут нежелательные перемены, а Бринслевос особенно небрежен со своим добром.

— Вот оно что,— Руиз внимательно смотрел на Денклара.

Вне сомнения, трактирщику было что скрывать, какому работнику Лиги скрывать было абсолютно нечего? Ключевым вопросом был один: был ли Денклар частью заговора, который пытался устранить Руиза, а если так, то успели ли конспираторы передать Денклару новые инструкции? Руизу казалось, по крайней мере, возможным, что времени было слишком мало, чтобы сформулировать в отношении него политику и отдать соответствующие приказания. В любом случае, Денклар прореагировал на внезапное появление чужака в своем трактире без всякого лишнего беспокойства, что говорило в пользу его невиновности — или неинформированности. А подозревать каждого агента Лиги на Фараоне в двойной игре было, вероятно, неумной паранойей. Возможно.

Денклар беспокойно заерзал.

— Чем я могу тебе помочь?

Руиз позволил ему поерзать, пока на его лице сохранялось хмурое выражение подозрительности.

— Ну что же,— сказал он наконец.— Я скажу тебе потом. Я остановлюсь в твоем трактире, продам немного масла, и изучу, как тут дела. Акклиматизируюсь. Ты заметил, что с орбитальной станции больше ничего не передают?

Денклар страшно удивился.

— Собственно говоря... нет. У нас тут, разумеется, есть разведывательные бусины, которые передают данные наверх, на платформу, но очень мало связи идет к нам вниз. Это не самая важная явка, в конце концов. Любой ребенок, который проявляет талант к фокусам, немедленно продается в школу магов в одном из крупных городов, поэтому тут не происходит никакого серьезного сбора рабов.

Казалось, свет просиял в глазах Денклара.

— Ты здесь для того, чтобы разобраться в действиях браконьеров? Да?

Руиз нахмурился еще свирепее.

— Моя миссия секретна. Не любопытствуй. То отсутствие связи, о котором я упоминал, теперь включает и твою связь с платформой. Мой корабль патрулирует спектр частот в поисках любых нарушений. Это очень хороший корабль.

— Конечно, конечно. Хорошо, рассчитывай на меня. Как мне тебя называть, кстати?

— Зови меня Вухийя. Не меняй своего поведения по отношению ко мне, кроме как разреши мне продавать свои товары в твоем общем зале.

— Я бы не хотел, чтобы ты это делал. Могут пойти слухи, а потом продавцы змеиного масла будут мне тут поганить все углы.

— Ты с этим справишься.— Руиз неожиданно почувствовал страшную усталость.— Теперь уходи, мы поговорим утром.

Денклар ушел, явно не в счастливом настроении. Руиз забаррикадировал дверь. Потом поставил многочисленные тревожные маяки и ловушки, которые могли сохранить ему жизнь, пока он спит.

Как раз перед тем, как Руиз готовился спать, зеленый мотылек налетел на лампу и исчез во вспышке блистающих искр.

Глава восьмая

В ста километрах оттуда, в каменном городе Кобатуме, за столом сидел человек, глаза его были пусты, рот растянут в гримасе беззвучного блаженства. Время от времени глаза его закатывались, а он сам подергивался. На столе перед ним был

небольшой ящичек черного пластика, из которого плоский кабель вел к пристегнутому к основанию его черепа индуктору.

Высоко вверху, на границе неба, облако крохотных предметов пролетело сквозь первые следы атмосферы. Несколько из них слишком отвесно падали, поэтому сгорели, но остальные в конце концов благополучно упали в стратосферу.

Когда они оказались в более густом воздухе, они выпустили тоненькие крохотные крылышки и разлетелись во всех направлениях. Часом позже они разлетелись по всем регионам обитаемого плато Фараона, ища феромонные маяки.

Один расположился как раз за окном человека. Он прижал свой крохотный интерфейс к приемнику, который был укреплен на подоконнике, включив тем самым низкий, настойчивый тревожный сигнал, пульсирующую ноту, которую не мог не услышать человек в комнате.

Когда его устройство наслаждения выключилось, человек заметил сигнал и снял индуктор.

— Что еще?—сказал он бесцветным голосом, обращаясь к пустой комнате.

Он подошел к приемнику и нажал на кнопку, которая выключала сигнал тревоги. Сообщение с орбиты ввелось само в маленький экран приемника, и человек нагнулся, чтобы увидеть, как оно пробегает вверх по экрану.

СВЕРХФАКТОРИАЛЬНЫЙ АГЕНТ НА ФАРАОНЕ, ВЕРОЯТНО, ЗАМАСКИРОВАН ПОД БРОДЯЧЕГО ПРОДАВЦА ЗМЕИНОГО МАСЛА. КРАЙНЯЯ УГРОЗА ДЛЯ ВСЕХ ОПЕРАЦИЙ. В ЕГО МОЗГУ ИМПЛАНТИРОВАНА СМЕРТНАЯ СЕТЬ ГЕНЧЕЙ. ОПОЗНАТЬ И УСТРАНИТЬ БЕЗ СЛЕДА. ДЕЙСТВОВАТЬ С МАКСИМАЛЬНОЙ ОСТОРОЖНОСТЬЮ.

Вслед за сообщением появилась грубозернистая фотография. Худощавое красивое лицо дерзко смотрело с экрана — уверенное, целеустремленное лицо.

— Максимальная осторожность,—пробормотал раздраженно человек. Он схватил посыльное устройство с окна и сдавил его между пальцами, скатывая его в крохотный шарик фольги. Он щелчком выбросил его из окна и уселся подумать. По всей вероятности, агент работал в чьем-то еще секторе, и это была не его проблема. «Ну и хорошо»,— подумал он. Он предпочитал убивать просто, прямо, задушевно. Это задание потребовало бы отвратительно тонкого подхода.

Все же убийство было убийством, и он стал надеяться, что агент окажется достаточно глупым, чтобы залезть в его сектор.

Он выложил свою собственную маскировку, которая тоже состояла из потрепанной яркой одежды продавца змеиного масла.

— Вероятно,—сказал он сам себе,—мы одинаково мыслим.

Он проверил свои татуировки, которые пока были яркими. Он убедился, что определенные виды оружия были заряжены и в порядке. Он выложил свой запас змеиного масла и убедился, что ни один из его флаконов не просрочен больше, чем надо. Он упаковал несколько предметов пангалактической роскоши — нелегальные подкожные шприцы, запрещенные нейронные индукторы, развлекательные шпули с черного рынка. Он их использует, чтобы подкупать прочих агентов Лиги, когда необходимо будет их сотрудничество. Все эти вещи он разложил перед собой аккуратными рядами, потому что это был человек осторожный и аккуратный.

Наконец он подошел к стене и открыл тайник в камне. В тайнике он спрятал все пангалактические вещи, которые ему придется оставить. Потом он улегся на подстилку и отдыхал в ожидании утра. Но он не спал, он лежал в темноте, широко раскрыв глаза, а рот его застыл в трепещущей улыбке.

На заре Руиз проснулся от звуков звенящей упряжи и криков, звуков, которые слабо доносились сквозь его окно. В этих криках была некая особенность, какой-то диссонанс, который пробудил любопытство Руиза. Взгляд из окна ничего не открыл, кроме пустой площади с ее зловещими ящиками и свалки, серой и пустой под восходящим солнцем. Он встал с постели и вышел в холл, хотя глиняный пол был ледяным под его голыми ногами.

В конце зала было занавешенное окно, которое выходило во двор гостиницы. Руиз слегка приподнял занавеску и выглянул.

Высокий стройный дворянин в черном кожаном охотничьем костюме стоял во дворе, визжа на двух конюших, которые пытались оседлать крупное верховое животное. Животное было очень нервное, как оказалось, а дворянин получал извращенное наслаждение в том, чтобы сделать задачу конюших более трудной, поскольку он орал на них как раз тогда, когда они держали седло наизготовку, чтобы положить его на спину зверя.

— Быстрее не можете что ли, свиньи? Солнце зайдет, прежде чем вы закончите!

Лицо дворянина привлекло внимание Руиза. Оно было типичным для фараонской знати, узкое и с тонкими костями — хотя в данном случае его искажало безумие. Рот подергивался, глаза вылезали из орбит, а два лихорадочных пятна подчеркивали выступающие скулы. Руиз предположил, что это и был местный номарх, Лорд Бринслевос.

Минутой позже, когда конюшие были почти у цели, Брин-

слевос рванулся вперед и ударил животное своим кнутом, так что оно отпрянуло от человека, который собирался удержать его. Конюшие бросили на дворянина злобные взгляды, но не протестовали.

Наконец, смилостившись или наскучив такой забавой, Бринслевос позволил, чтобы седло наконец надели. Он грациозно вскочил на зверя. Это заставило животное встать на дыбы, и конюшие разбежались.

— До свиданья,— сказал Бринслевос, широко растянув рот в какой-то дурацкой ухмылке, и галопом умчался прочь. Звук его скачки медленно замирал в отдалении.

Руиз отвернулся от окна и вернулся в свою комнату, беспричинно подавленный. Он сидел на кровати и собирался с силами. Наконец он стал строить планы.

Когда он наконец спустился к завтраку, столовая была пуста, а каша загустела и стала холодной, как камень. Но красивая молодая женщина в грязной сорочке вбежала в столовую и отрезала ему щедрый кусок. Он догадался, что она, должно быть, и есть одна из «простых шлюх», которых Денклар поминал в связи с Бринслевосом. У нее на щеке темнел синяк, и двигалась она очень осторожно, но в остальном она казалась весьма веселой. Она иногда улыбалась ему, пока расхаживала по столовой по своим делам, собирая грязные тарелки, а он улыбался в ответ.

Когда он покончил с кашей, он откинулся назад на стуле и стал ковырять в зубах острым шилом, которое он носил на цепочке на шее. Его внимание, по каким-то причинам, сосредоточилось на ногах девушки. Ноги у нее были длинные, гладкие и загорелые, а ее ступни были красивы красотой ног, которые никогда не знали ботинок.

Он оторвал от нее взгляд и снова опустил глаза в пустую миску из-под каши. Ему становилось немного страшно из-за его неуправляемых мыслей. Накер наверняка покопался в его нравственных ценностях. Ему придется очень внимательно следить за собой, пока он не покончит с этим и не найдет какого-нибудь другого уловителя умов, достойного доверия. Если он доживет до того, что снова увидит Накера, то ему придется отучить это чудище от того, чтобы упражнять свое чувство юмора за счет Руиза. Руиз покачал головой. Если он позволит себе отвлечься в критический момент, может статься, он не сможет отплатить Накеру за его шутку. А разве не позорно это будет?

Он заставил свои мысли снова вернуться на более продуктивный путь. Сперва он проведет несколько дней, продавая масло местным болванам. Он попробует исследовать структуру планеты Фараон. Голова его чуть не лопалась от фактов, диалектов и социологических анализов — но они существовали в холодном интеллектуальном вакууме. А ему надо было знать, что означало БЫТЬ фараонцем, прежде чем он мог без-

опасно продвигаться к своей цели. Он преднамеренно выбрал для себя появление в такой богом забытой провинции, чтобы дать себе немного передохнуть от интриг. Он расслабится и более старательно сольется со своей личностью продавца змеиного масла, а потом уже направится по своим делам. Послание-на-задание зашевелилось в глубине его мозга, причинив ему крохотную боль позади глаз, а потом успокоилось, поскольку, вероятно, могло разрешить ему помедлить какое-то время.

Девушка кончила убирать со стола и подошла, чтобы сесть у его стола, не дожидаясь приглашения.

— Привет,— сказала она, обнажив в улыбке зубы.

— Привет,— сказал он, возвращая шило в ножны.

— Какой миленький ножичек,— сказала она.

— Спасибо. Моя мать дала мне его. Она сказала, что он защитит меня от опасных женщин.

— Он сработал?

Он театрально вздохнул.

— В последнее время что-то нет. Но я продолжаю надеяться, весьма набожно.

Она рассмеялась, явно в восторге.

— Ты не очень-то любезен.

На его лице появилось выражение комического трагизма.

— Увы, я вдобавок и не очень богат.

Она придвинула свой стул поближе к нему и положила теплую руку ему на плечо.

— Я тебе назначу особую цену. Как один мастер развлечений другому. Или можно устроить бартер.

Он улыбнулся. Но его беспокойство относительно Накера и его решимость держать свои мысли только на деле вместе охладили его пыл.

— Это очень мило с твоей стороны. Я еще, может быть, напомню тебе о твоем обещании.

Она, вероятно, почувствовала его бесстрастность, но, казалось, не обиделась на это. Она похлопала его весьма дружелюбно по руке.

— Тогда дай мне знать. Меня зовут Релия. А тебя?

— Вухийя. Меня иногда зовут Вухийя Слишком-Мало-Слишком-Скоро.

Она снова рассмеялась.

— Я почему-то в этом сомневаюсь. Кроме того, это может оказаться получше, чем слишком-много-слишком-долго. Например, прошлой ночью... и ее лицо потемнело.

Но потом она улыбнулась и отправилась обратно в кухню, приятно раскачиваясь. Руиз смотрел, как она уходила, чувствуя легкую грусть.

Несколько минут спустя вошел Денклар и уселся.

— Какие у тебя теперь планы?— спросил Денклар, он вы-

глядел немного помятым, словно прошлой ночью почти не отдыхал.

— Я обоснуюсь в твоем общем зале. Я не стану слишком усердствовать и перехватывать у тебя клиентов, а если кто-нибудь спросит, я скажу, что ты получаешь треть того, что я зарабатываю.

— Да, все в порядке,— Денклар забарабанил пальцами по столу.

Руиз ободряюще улыбнулся.

— Успокойся, Денклар. Я скоро уеду, и я ничего не сделаю, чтобы возбудить твою деревенщину.

Денклар ответил Руизу беспокойным взглядом.

— Я надеюсь, что ты прав. Я также надеюсь, что ты не сочтешь неуважительным с моей стороны, если я скажу... но, понимаешь, от тебя веет чем-то неприятным, словно, понимаешь, плохие вещи прилипли к тебе. Беспокойство и боль.

— Успокойся,— сказал Руиз резче, чем раньше,— если я и несу неприятности, то не тебе, если, конечно, ты не враг Лиги.

Позже Руиз выбрал себе место в общем зале, где он мог привалиться спиной к стене и видеть все двери. Он достал кусок пыльного черного бархата из своего заплечного мешка и расправил его на столе. На нем он стал раскладывать свои товары. Тонкие стеклянные флаконы масла появились из мешка, дюжины различных бледных оттенков, каждый обозначал иной вид масла. Верхушки флаконов были запаяны огнем, и оставшийся кусочек стекла был изогнут и заплетен в фантастические узлы. Ряды флаконов составляли красивое зрелище на фоне бархата, сияя, как овальные драгоценные камни, а их верхушки в причудливых узлах отбрасывали искры.

В сторону Руиз отложил коллекцию трубок для тех, кто не мог дождаться и обязательно хотел тут же попробовать товар. Была тут маленькая водяная трубка зеленоватого фарфора, украшенная стилизованным рельефом лироязычной ящерицы. Была тут и трубка, похожая на стеклянный дутый пузырек, с причудливым переплетением ствола из отдельных трубок, по которым дым проплывает фантастическими узорами... Была тут и простая медная трубка, ее длинный ствол был оправлен в цветную кожу, а еще короткая трубка из красного камня, которая изображала вставшего на дыбы верхового зверя.

Во всех этих вещах была определенная красота, связанная с тем, как любовно употребляли эти вещи, как вдумчиво ими пользовались, и Руизу доставляло определенное удовольствие держать их в руках, восхищаться старательной работой ремесленника, которая отмечала каждую вещь. Он вынул и лампу курильщика. Высокая серебряная подставка изображала стройную обнаженную женщину, которая танцевала в пламени — пламя при ближайшем рассмотрении оказывалось змеиным

гнездом. Фитиль виднелся из тамбурина, который она держала высоко над головой. Руиз посмотрел на маленькое личико, и ему показалось, что женщина безумно хохочет. Он стер пятно паутины и наполнил лампу, а потом зажег. Она горела дымным желтым пламенем, которое и должно было быть у лампы без стекла, но масло, которое ее питало, было с очень приятной мускусной отдушкой. Руиз откинулся назад, пока что он с удовольствием будет ждать.

Его первый клиент появился в трактире как раз перед полуднем. Коротышка с задиристым выражением лица, на котором была татуировка гильдии операторов паровых каров, вошел в бар и минуту стоял у дверей, видимо, давая глазам привыкнуть к сумеречной комнате. Немного погодя его взгляд остановился на Руизе, и его мрачные черты лица озарились заинтересованной улыбкой, словно зрелище Руиза, его флаконов, трубок и ламп было непревзойденно прекрасно.

— А-а-а,— сказал он восхищенным голосом,— новый продавец змеиного масла.

Он быстрым шагом подошел к Руизу и уселся. Он, прищурясь, смотрел на флаконы, его лицо приобретало все более жадное выражение.

— У тебя есть розовый грасилик!

— Я вижу, вы знаток,— Руиз уселся попрямее, изобразив на лице маску дружелюбного ожидания.

Оператор откинулся на спинку стула и вдруг нахмурился.

— Но я тебя не знаю.

Руиз пожал плечами.

— Фараон — большой край. Такой ничтожный человечек, как я, может приобрести известность только в очень небольшой его части.

Его клиент кисло усмехнулся.

— Ей-богу, правда. Ну что ж, мы тут вдалеке от караванных путей, поэтому у нас не было своего постоянного продавца змеиного масла с тех пор, как Ефрем разгневал Лорда, и Ронтлесес поломал ему ноги. Я могу у тебя купить, если только ты мне докажешь, что тебе можно доверять.

— А почему бы тебе мне не доверять?— Руиз вытащил брусок фарфора, и мужчина тщательно его рассмотрел. Наконец он кивнул.

— Вроде как все в порядке. Но я не такой храбрый, чтобы рисковать пробовать дрянное масло. Не хочу, чтобы потом у меня изо рта пена пошла и я грыз бы собственное мясо на руках. Ты со мной покуришь?

Руиз сделал великолепный жест согласия.

— Если я должен таким образом завоевать твое доверие и кошелек... Но сперва — деньги!

После четверти часа оживленного спора они пришли к взаимно приемлемой цене за розовый флакон.

Деньги перешли из рук в руки, и покупатель взял очень бережно розовый флакон.

— Кстати,— сказал он,— меня зовут Ниджинтс.

Руиз кивнул.

— Вухийя, к вашим услугам.

Он взял медную трубку и открыл небольшой каменный ларчик-кисет, из которого он взял щепотку растертых водорослей. Он набил ими крохотную чашечку трубки и подождал, пока Ниджинтс выбирал фарфоровую и приготавливал ее.

На широком красном лице Ниджинтса было выражение приятного предвкушения, и он, казалось, не торопился. Он любовно держал флакон, рассматривая его на свет, который пробивался сквозь соломенную крышу. Наконец он вздохнул и постучал горлышком флакона по краю стола, пока горлышко не отвалилось. Он выпустил только самую маленькую капельку в трубку Руиза.

Руиз изобразил на лице выражение подходящего к случаю предвкушения удовольствия и наклонил трубку к огоньку лампы. Он втянул сладкий дым глубоко в легкие, и Ниджинтс расплылся в солнечной улыбке.

— Ты куришь решительно и без страха,— сказал Ниджинтс и капнул каплю масла куда поболее в собственную трубку.

Змеиное масло наполнило сознание Руиза замечательной остротой восприятия. Ряды флаконов на секунду показались пылающими звездами в черноте космоса.

— Звездный свет — это самый опасный наркотик,— пробормотал он.

Лицо Ниджинтса казалось почти прекрасным в его неприкрытой напряженной жадности.

Релия-потаскушка мела общий зал, и на секунду Руиза покорила ее замызганная прелесть. Потом, слегка запаниковав, он пригасил свои сенсорные восприятия, пользуясь дорого обошедшимися ему мозговыми рефлексами, и сцена общего зала трактира приобрела свои нормальные очертания.

Ниджинтс зажег свою собственную трубку и блаженно затягивался... На миг глаза его закрылись, и он, казалось, был готов заснуть, но потом он широко открыл глаза и посмотрел вокруг с новым, напряженным интересом. Он увидел Релию, она стояла, вытирая стол, наклонившись вперед, и ее гладкие округлые бедра виднелись из-под сорочки. Лицо Ниджинтса озарилось новой целью, расцвело от радости. Он заткнул флакон кусочком свернутой кожи и положил выкуренную трубку в сторону.

— Извини, пожалуйста, я пойду,— сказал вежливо Ниджинтс, и Руиз задумчиво кивнул ему.

Ниджинтс трусцой подбежал к Релии и стал с ней договариваться. Секундой позже они оба исчезли в задних комнатах трактира.

Руиз разжал хватку рефлекос и позволил маслу снова позолотить его мировосприятие — пока не появится следующий клиент.

Глава девятая

Два дня прошли очень приятно. Время от времени придирчивый и подозрительный покупатель требовал от Руиза, чтобы тот пробовал его собственный товар, но постепенно жители Стегатума решили, что он достоин доверия, и стали покупать у него без осторожности. Руиз общался с самыми различными горожанами и стал чувствовать себя более уверенно в своей роли.

Однако немногие из местных могли позволить себе ту цену, которую он назначал, поэтому на третий день дела пошли значительно медленнее. Руиз сидел в одиночестве два часа после обеда, ожидая следующего покупателя. Никто не приходил, и Руиз решил, что, возможно, настало время переходить в следующий город, побольше, когда он услышал лязг и шипенье подъехавшей паровой кареты. Секунду спустя посыльный от Лорда Бринслевоса, топая, вошел в общий зал, одетый в черную ливрею слуги Лорда.

Посыльный был крохотный человечек; почти карлик. Но перед столом Руиза он вытянулся так, как только позволяло его тело.

— Лорд требует твоего присутствия во Владении Бринслевоса.

Руиз поднял бровь.

— А? А почему это, если ты будешь столь любезен объяснить подробнее?

Человечку некогда было удовлетворять любопытство Руиза.

— Требование Лорда — достаточное объяснение. Вне сомнения, Лорд вознаградит тебя за ловкую и скромную службу — или накажет тебя, если ты того заслуживаешь.

— Несомненно,— мрачно сказал Руиз.

Он стал собирать свой товар и заталкивать его в мешок. Ему казалось, что перед ним несколько возможностей. Он мог ударить человечка по голове и пропасть в пустыне, только для того, чтобы рискнуть быть выслеженным взбешенным от его непослушания Лордом. И его охотниками, которые верхом на животных и с помощью вынюхивающей своры могли без малейшего труда поймать его.

Он мог трахнуть посыльного по голове и украсть его паровую карету. Это могло бы дать ему возможность убежать от местного Лорда, но недостаток плана был в том, что это навсегда налагало бы на него пятно великого мошенника, поскольку

ку только у Лордов были личные паровые экипажи, и они серьезно относились к этой привилегии. Каждый законопослушный человек на Фараоне будет против него.

Или же он мог спокойно пойти по вызову, понравиться Лорду и спокойно пойти дальше через несколько дней. Кто знает, может быть, он узнает что-нибудь полезное во владениях Лорда. В конце концов именно на деньги Лордов устраивались Искупления — магические представления — которые были главной формой искусства на планете.

Руиз вздохнул. Ему вспомнилось безумное лицо Лорда Бринслевоса... Воспоминание вряд ли располагало к тому, чтобы желать скорее познакомиться с Лордом.

И все же, был ли еще какой-то разумный выбор?

— Мне надо уплатить свой долг трактирщику,— сказал Руиз, когда закончил упаковывать свои флаконы.

Посыльный равнодушно кивнул.

Руиз нашел Денклара в кладовой, где он проверял счета.

— Меня вызывает Лорд,— сказал мрачным тоном Руиз.

Денклар не выказал удивления.

— Тогда придется тебе идти. Хочешь моего совета?

— Разумеется.

— Тогда слушай. Семейная линия Бринслевоса очень древняя. Первый Бринслевос был фокусником во Второй Эпохе, почти шестьсот лет назад. Его потомки становились с веками все страннее и страннее. Нынешний Бринслевос скор на обиду, а его каталог того, что может считаться оскорблением, постоянно пополняется и расширяется. Ну вот пример: не критикуй ничего, что ты увидишь во Владениях, ни слуг, ни живности, ни кухню. А она почти невыносима, должен предупредить тебя. Я думаю, что Бринслевос специально распаляет себя такой кухней, чтобы тем более наслаждаться своими приездами сюда. Не будь ни в коей мере дерзок. В то же самое время избегай даже дуновения неискренней покорности. У Бринслевоса нос замечательно тонкого нюха на неискренность, невзирая на то, что он сумасшедший. И прежде всего, не гляди с восхищением на его жен.

— Я постараюсь сохранить в памяти все это. Пока что не отдавай мою комнату никому другому. Я вернусь назад через день-другой. Вот, сохрани мой жезл, пока меня нет... Лорд, несомненно, не даст мне пронести в замок ничего, что напоминало бы оружие.

Денклар взял посох-ружье осторожно и аккуратно.

— Не даст, это точно.

Денклар ничего больше не сказал, но Руизу показалось, что он увидел проблеск жалости в жестких глазах Денклара, что показалось ему дурным предзнаменованием.

Снаружи немного ржавая паровая карета ждала его. Она была низкая, удлиненной формы, словно удлиненный пушеч-

ный снаряд на четырех унизанных спицами колесах, с небольшой кабиной спереди и прицепом-углевозом сзади. Посыльный жестом пригласил Руиза в кабину. Руиз уселся на вытертое сиденье и оглянулся вокруг с большим интересом, поскольку это должна была быть его первая поездка в фараонской машине. Инженерное решение казалось фундаментально разумным, пусть даже несколько пышным и своеобразным. Крепления были приукрашены изысканными резными узорами, главным образом, цветущими лозами с острыми шипами. Обивка некогда была роскошной красной ящеричьей кожи. Остались следы первоначального цвета. Даже головки болтов были выполнены в виде маленьких ехидно смеющихся лиц. Их широкие улыбки образовывали шлицы для отвертки. На петлях были стилизованные солнечные вспышки. Тысячи мелких деталей показывали, что машина была сделана с художественным вкусом и старанием, но уровень ее содержания оставлял желать лучшего.

Посыльный влез на водительское сиденье, которое было усеяно подушками, чтобы дать ему возможность видеть сквозь заматовевшее стекло. Он бросил пылающий взгляд на Руиза, словно желая посмотреть, осмелится ли он сделать какое-либо замечание насчет подушек. Руиз спокойно улыбнулся. Посыльный снял машину с тормоза и толкнул вперед рычаг включения, чтобы энергия передалась высоким железным колесам.

Машина слегка закачалась, издала протестующее шипенье, а потом зачухала прочь от «Приюта Денклара». Руиз оглянулся на выбеленное здание, чувствуя странное сожаление. Его пребывание тут было приятным и нетревожным, если принять во внимание все обстоятельства.

Крохотный человечек вел машину с небрежной грацией, медленно набирая скорость, пока их трясло на ухабах дороги и они выбирались на лучшие места. Когда они свернули на главную дорогу, он передвинул рычаг до упора, и карета, казалось, заскакала по дороге, больше напоминавшей стиральную доску. Амортизаторы-рессоры были не очень-то эффективны, и, прежде чем они проехали километр, у Руиза начали болеть почки. Он подумал, не занимал ли уж посыльный свою теперешнюю должность с самого раннего детства и уж не мучения ли, с ней связанные, замедлили его рост. Пятнадцать минут спустя, когда уже подножие плато, на котором стояло Владение Бринслевоса, было перед ними, Руизу представлялось, что он стал на несколько сантиметров короче, чем когда они выехали из Стегатума.

Посыльный резко замедлил ход, чтобы машина могла взобраться на холм. Дорога туда, казалось, была в еще худшем состоянии, чем та, что вела вниз, в Стегатум, и Руиз постоянно сидел в готовности немедленно выброситься из машины, если только осыпающаяся дорога начнет сползать под весом кареты. Но они благополучно добрались до бронированной

подъемной решетки, которая была утоплена в скалу. Дорога вела сквозь двадцатиметровый тоннель, прорезанный сквозь скалу основания плато, а потом в главный двор, где карета остановилась среди выхлопов дыма, которые заслонили вид Владения Бринслевоса.

Когда пар и дым рассеялись, Руиз мрачно огляделся, не в силах устоять от приступа самого черного пессимизма. Множество железных клеток висели на крепостных стенах, а в них скрючились иссохшие трупы. В центре двора из маленькой часовенки торчали высокие острые колья. Самый их вид предполагал весьма скверное назначение их, что усугублялось их непосредственной близостью к виселице с тремя петлями. Руиза передернуло. Денклар претендовал на то, что ему удается усмирять поведение Лорда — интересно, как это, подумал Руиз...

— Приехали,— сказал посыльный с видом мрачной категоричности. Его маленькое личико не отражало никакой радости по случаю приезда, и Руиз догадался, что Бринслевоса не очень-то любили его верные слуги.

— Так я и понял,— ответил Руиз.

— Ну, тогда вылезай. Вон тот управляющий проведет тебя в твою комнату, а Лорд призовет тебя, когда захочет.

Посыльный указал на маленькую дверцу во внутренней западной стене, где его поджидал пожилой горбун, чьи бугристые черты лица освещало выражение дружелюбного идиотизма.

Руиз вылез из кареты и дружелюбно кивнул посыльному:

— Одно удовольствие с вами ездить,— сказал он искренне,— у вас замечательная машина.

Лицо посыльного слегка потеплело.

— Да, этого у нее не отнимешь. Хотя она заслуживает лучшего ухода, чем сейчас.

Но потом он покраснел, словно сказал опасную вещь и тем сделал глупость. Лицо его снова стало замкнутым. Карета пропыхтела к гаражу, который, очевидно, находился за виселицами, под низкой широкой аркой.

Руиз пожал плечами и понес свой мешок к дверям — вероятно, это был вход для прислуги.

— Привет,— сказал он горбуну.

Горбун наклонил голову, широко открыл дверь и жестом приказал Руизу следовать за собой. Руиз подумал, что горбун не умеет говорить.

Они прошли через темный холл к узкой лестнице. Управляющий зажег свечу и пошел впереди Руиза по лестнице, которая изгибалась и извивалась самым причудливым образом. Они прошли множество крохотных лестничных площадок. Окон нигде не было. Наконец они пришли на тот этаж, где предстояло разместиться Руизу, и управляющий отомкнул и дверь на лестничную площадку, и дверь в комнату Руиза, которая оказалась маленькой и промозглой. Внутрь Руиз зашел

весьма неохотно. Вероятно, Лорд Бринслевос держал своих гостей в вертикальной тюремной башне. Высоко в стене узенькое окошечко-щелка пропускало солнечный луч. Простенькая кровать с веревочным матрасом, ночной горшок, умывальник и потрепанное клетчатое одеяло составляли убранство комнаты. Руиз вздохнул. Денклар и его «Приют Денклара» показались ему задним числом убежищем комфорта и безопасности. По крайней мере, подумал Руиз, комната относительно сухая, и никаких крупных грызунов или насекомых видно пока не было.

Горбун беззубо ухмыльнулся и, поклонившись, вышел. Он закрыл дверь, и секундой позже Руиз услышал лязг ключа в замке. За ним последовал еще один звук, потише, когда управляющий запирал дверь на лестницу. Замки были своеобразным утешением. Они недолго устоят против орудий Руиза, если ему понадобится выйти отсюда, но они успокоили его относительно его собственной безопасности, по крайней мере, на время.

Он устало опустился на веревочный матрас и стал оценивать свое положение. Он не мог стряхнуть с себя дурные предчувствия, хотя, думал он, это вполне понятно, при таких-то условиях. Он был в руках человека, который, очевидно, не знал границ своим капризам, никакого ограничения своей власти,— а это никогда не бывает здравой ситуацией. Вдобавок, Руиз все еще чувствовал себя не в своей тарелке, из-за того, что Фараон был чужим миром, а он лично не совсем уверенно вжился в свою роль.

Он улегся на койку, сосредоточив внимание на грубом камне потолка. Он надеялся, что Бринслевос соблюдал местные фараонские обычаи, которые признавали за продавцами змеиного масла большие права на эксцентричное поведение, чем за остальными низшими кастами. Он надеялся достаточно развлечь Бринслевоса, чтобы избежать его неудовольствия, но в то же самое время ему нельзя стать настолько притягательным для Лорда, чтобы тот предложил бы ему постоянное место в своем владении. Мысль о том, что придется оставаться здесь долгое время, наполняла унынием, поэтому он отбросил ее в сторону и вместо этого сосредоточился на том, как ему поймать браконьеров.

По всему Фараону труппы фокусников соревновались в поисках славы и ради «вознесения в землю Вознаграждения». Вознесение — это была фараонская интерпретация того, что происходило, когда бригада по сбору урожая забирала труппу, готовую к тому, чтобы ее забрали. Об этом обычно докладывали наблюдатели Лиги, следящие, когда появится такая труппа. Избранной труппе обычно позволялось дать одно последнее представление, которое почти всегда принимало форму одной из гигантских религиозных мистерий, называемых Искуплениями, во время которых жертва, обычно — осужденный преступ-

ник, отдавалась в распоряжение искусных фокусников-палачей. Немедленно по окончании пьесы лодка-ловушка, принадлежащая Лиге,— ее делали невидимой с помощью пангалактической технологии — вступала в действие и забирала труппу. С точки зрения зрителей происходило чудо.

Религия процветала на Фараоне, как и на большей части низко развитых миров — поставщиков рабов, которые принадлежали Лиге. Лига считала эффективным и легким эксплуатировать религиозные импульсы рабских миров, воистину, нет лучшего способа скрыть следы своей сомнительной деятельности. На Кардуне, откуда Лига экспортировала поразительно прекрасных женщин, самые красивые выбирались на крупных религиозных праздниках, а потом их приносили в жертву богам. Этот процесс состоял в том, что их грузили в лодки и посылали их по подземной реке. Персонал Лиги выхватывал жертвы из их лодок как раз в тот момент, когда река исчезала в огромном подземном сифоне.

На Мортадиндере, знаменитом качеством своих гладиаторов, мужчины и женщины соревновались между собой за милость богов, играя во множество разнообразных смертельных игр. А выжившие становились святыми — а потом продуктом, товаром, отправляемым на рынки пангалактических миров, которые разрешили у себя такие кровавые развлечения.

На Скарфе ученые пытались превзойти друг друга в интеллектуальных занятиях, ради славы богов. Самые совершенные отправлялись в монастыри на высоких скалах, из которых никто не возвращался, поскольку монастыри были базами для занесения ученых в каталог, а затем переправки на рынок.

На Фараоне гораздо большее, нежели религия, заставляло фокусников подниматься на вершины своего искусства. Те фокусники, которые не были настолько блистательными, чтобы завоевать вознесение в Землю наград, но все же были способны на постоянное разнообразие и высокий уровень своих представлений, могли подняться вверх сквозь весьма жесткую в остальных случаях кастовую систему, они могли даже получить статус аристократов. Любой человек, даже крестьянин, мог пробовать себя в ремесле фокусника и стараться добиться успеха.

Проблема, над которой бился Руиз, состояла в отборе. Если учесть, что на Фараоне каждую неделю бывает до дюжины представлений высокого класса, как ему было найти одно, то, которое выберут браконьеры? Предположительно, у браконьеров были какие-то возможности выбирать самые лучшие труппы, которые пока еще не были предназначены к захвату. Лодка-ловушка Лиги никогда еще не вступала в конфликт с лодкой браконьеров. Вероятно, структура Лиги на местах была пронизана людьми, которые охотно сотрудничали с браконьерами

Руиза это очень беспокоило, поскольку он не мог прийти ни

к какому решению, пока веки его не отяжелели, а мысли не расплылись в отрывочные спекуляции. Наконец он уснул.

К тому времени, когда Руиз проснулся, солнце ушло из высокого окна. Позже горбун принес ему еду, которая была заметно менее приемлема, чем еда в «Приюте Денклара». Руиз стоически ел. Много позже он снова провалился в неспокойный сон.

Еще один человек в пышном и ярком наряде продавца змеиного масла прибыл в Стегатум на закате и пришпоривал свое верховое животное по песчаным улицам. Усталый зверь шел спотыкающейся рысью. Он остановил свое животное возле «Приюта Денклара» и воплем позвал мальчишку-конюха. Мальчик появился почти немедленно и увел зверя в сарай.

Человек протолкался в дверь общего зала, задев плечом пару выходящих крестьян, которые злобно уставились ему в спину. Человек же подошел к бару и заказал Денклару кружку пива. Денклар услуживал ему с необыкновенной готовностью и радостью, потом оглянулся, чтобы проверить, не стоит ли кто возле бара.

— Что привело тебя в Стегатум так скоро, Анстевик?— спросил Денклар тихим голосом.— Я уж и не ждал увидеть тебя раньше, чем через три месяца.

Анстевик ответил Денклару испытующим взглядом, что заставило трактирщика слегка отпрянуть.

— Дела.

Он опрокинул кружку, выливая пиво себе в глотку, а потом громко рыгнул. Он наклонился вперед и обратился к Денклару доверительным шепотом:

— Я займу свою обычную комнату, если есть такая возможность. Ты придешь повидаться со мной попозже, когда никто не свяжет твое отсутствие со мной.

Денклар кивнул, и секундой позже человек ушел, оставив после себя вонь немытого тела и вспотевшего верхового зверя.

Спустя час, когда самый спрос на ужин несколько прошел, Денклар вернулся в самое старое крыло трактира, где его поджидал Анстевик.

Он сидел на кровати, курил трубку нерафинированного серого масла, которое относилось к самым дешевым и грубым сортам. Его узкие глаза бегали и поблескивали от видений, и Денклар слегка испугался. Анстевик всегда казался ему самым непредсказуемым из всех агентов-внедренцев, которые приезжали с визитами, чтобы собрать сведения у местных резидентов.

— Ты сказал, дела?— спросил Денклар, стараясь убрать из своего голоса всяческие следы насмешки.

— Да,— медленно ответил Анстевик.

Глаза его сосредоточились на Денкларе в первый раз, и Ден-

клару стало еще страшнее. Что Анстевик собирался делать, если на его лице застыло такое странное выражение? Это было лицо человека, который рассматривает мертвую рептилию, которая вызвала его любопытство. На какое-то головокружительное мгновение Денклару почудилось, что агент пихнет его палкой, чтобы увидеть рану, убившую гада.

Денклар встряхнулся. Сумасшедшие мысли! Анстевик был человек грубый, пристрастившийся к змеиному маслу, и, вероятно, к еще более пагубным порокам, но, невзирая на все это, он был из пангалактики и служил в Лиге. У Денклара не было ни одной насущной причины подозревать его в бесконтрольной агрессии.

— Чего ты хочешь?— спросил Денклар, его беспокойство заставило его говорить резко.

Странные глаза Анстевика затуманились, и он посмотрел в сторону.

— Я охочусь за человеком.

Взгляд его метнулся назад, на Денклара, и он уставился на трактирщика с горящим напряжением во взгляде.

Денклар немедленно подумал про Вухийю, Сверхфактора, который нынче утром отправился во Владения Бринслевоса. Однако он быстро прогнал эти мысли, вспомнив, как Сверхфактор настаивал на секретности.

— Вот как? И за кем же?

Анстевик улыбнулся со странно двусмысленным выражением на лице, а потом снова отвел глаза.

— Не стоит тебе забивать этим голову.

Денклар услышал эти слова с глубочайшим облегчением и немедленно в них поверил.

— Ну что же, если я смогу помочь...

— Разумеется. Но на сегодняшний вечер и ночь, единственное, о чем я тебя попрошу— это держать от меня подальше твоих деревенских дурачков,— Анстевик провел рукой по своему гладко выбритому черепу и хихикнул.— Я должен ехать быстро, и поэтому у меня нет времени продавать змеиное масло. Если кто будет спрашивать, скажи, что я еду не продавать, а покупать.

— Да, с этим не будет сложностей,— сказал Денклар, заставляя свой голос звучать уверенно и радостно.— Нам с этим повезло. Еще один продавец змеиного масла проезжал тут и пробыл пару дней. Он уже обчистил все денежки, прежде чем Бринслевос вызвал его во Владения.

Анстевик встал и похлопал Денклара по плечу.

— Что, жалко несчастного головастика? Когда он отправился во Владение?

Денклар нервно рассмеялся.

— Как раз сегодня утром.

Он сам удивился, что вообще упомянул Сверхфактора. Ви-

димо, он очень хотел проявить дружелюбие к Анстевику, подумал он. Ему снова стало не по себе. Но он стал убеждать себя, что, если Анстевик и вправду искал Сверхфактора, то про то, куда он делся, ему мог сказать любой любитель выпить, который приходил в бар. Даже хорошо, что так получилось. Анстевик не сможет его упрекнуть в том, что Денклар не хотел с ним сотрудничать — просто Денклар вел себя тактично и осторожно. Чтобы сменить тему, он сказал:

— Насколько я помню, у тебя с Бринслевосом никогда не было никаких проблем.

Анстевик дружески стиснул его за плечи, отчего кости в плечах Денклара болезненно затрещали.

— Ты прав. Бринслевос и я всегда замечательно ладили. Это потому, что мы два сапога пара. Тебе не кажется?

На этот вопрос, казалось, не было нейтрального ответа, поэтому Денклар мотнул головой и уклончиво хихикнул.

— Ладно, теперь мне обязательно нужно немного отдохнуть,— сказал Анстевик.— Но у меня и для тебя кой-чего есть.

Отпустив Денклара, он подошел к своему седельному мешку, который висел на гвозде. Он немного покопался там и вытащил маленький пакетик.

— На, вот тебе,— сказал он, протягивая его Денклару.

Денклар развернул его, обнаружил там черную информационную полоску, одну из тех, которые Лига запрещала своим локальным агентам иметь при себе. Сенсорная порнография, закодированная на полоске, была единственным пороком Денклара, от которого он не мог отказаться, и он благодарно улыбнулся Анстевику, который был его единственным поставщиком свежего материала. Анстевик много лет назад подарил Денклару контрабандно привезенный проигрыватель-сенсор. Денклар сам считал свой порок единственной вещью, которая делала его пребывание на Фараоне сносным.

— Самый последний и крутой фильм с Дильвермуна,— сказал Анстевик.— Теперь дай мне отдохнуть. Мне надо быть в пути через час-два, хотя не исключено, что ты снова меня скоро увидишь... А может, и нет.

Убийца Анстевик снова наполнил свою трубку, когда толстый трактирщик ушел. Положение вряд ли могло быть больше ему по вкусу, чем сейчас. Бринслевос был печально знаменит своей вспыльчивостью. Кто станет подозревать Анстевика в том, что он замешан в смерти Сверхфактора? Как-нибудь он накажет трактирщика за то, что тот небрежен и не помог ему как следует, но не сегодня.

Денклар, к сожалению, должен будет еще пожить на этом свете. Когда Сверхфактор встретит свою кончину, будущие следователи не должны будут найти никаких дополнительных насильственных смертей, чтобы они не смогли связать их с ги-

белью важного агента. Они могут расспрашивать Денклара, но трактирщик постарается скрыть визит Анстевика, чтобы, не дай бог, следователи не пронюхали про контрабанду. А через несколько месяцев Анстевик вернется в Стегатум и срежет вот эту оставшуюся нить, которая может привести к нему.

Масло показывало ему приятнейшие видения — ножи раздирали нежную плоть животов, гарроты врезались в мягкие шеи, почерневшее лицо трактирщика застывало в ужасе и изумлении. Он наслаждался этой весьма приятной картиной несколько минут, пока его трубка не погасла и не остыла.

Потом он собрал свои пожитки и пошел в конюшни.

Глава десятая

К полуночи Анстевик добрался до плато, на котором стояло Владение Бринслевоса, и поставил своего хромающего зверя в маленький уголок, защищенный скалами. Из своего мешка он вынул прилегающий к телу комбинезон и сменил свое тряпье продавца змеиного масла на почти невидимый комбинезон. Когда он включил в нем ток, он стал почти неразличим в ночи, как тень на камне, поэтому он смело пошел к подъемной решетке и отмычкой отпер замок.

Он вошел без всякого труда, потому что вход охраняли только во времена осады, а с тех пор, как Лига приобрела Фараон примерно тридцать поколений назад, никаким войнам не разрешалось мешать гладкой доставке ценного товара в рабские казармы Лиги.

Он довольно поверхностно знал Владение Бринслевоса, но во время своих прошлых визитов он оставил маяки-локаторы в различных частях замка и теперь настроился на тот маячок, который был оставлен в личных покоях Бринслевоса. Он вынул инфракрасный фонарик из кармана и настроил очки комбинезона. Потом он отправился сквозь светящуюся красным тьму. Никого больше он в коридорах не встретил.

Четверть часа спустя он открывал ларчик, в котором Бринслевос держал свои трубки и измельченные водоросли. Ларчик был изысканным серебряным изображением ящерицы арройо, которая вся словно состояла из челюстей и зубов, а ее склоненная голова раскрывалась, в ней и находился сам ларчик. Он вынул кисет Бринслевоса, где хранились водоросли.

Из кармана своего комбинезона он достал распылитель и побрызгал порошок. Он встряхнул его, чтобы распределить яд ровнее, потом вернул кисет в ларчик и закрыл челюсти ящерицы. Ларчик издал слабый щелчок, и Анстевик застыл. Из спальни Лорда донеслось бормотание и вздох. Тишина.

Минута проходила за минутой, Анстевик все ждал. Но он

ничего более не услышал и в конечном итоге выскользнул из покоев Лорда.

Когда он вернулся к скалам, среди которых он оставил своего верхового зверя, он откинул капюшон комбинезона и рассмеялся с детской непосредственностью и удовольствием. Это оказалось так легко. Бринслевос будет настаивать на том, чтобы купить товар у Сверхфактора, а потом Бринслевос умрет. Его охранники немедленно повесят Сверхфактора на крепостной стене — следуя старой религиозной догме Фараона, что жертва год страдает в Аду за каждый час, на который убийца его переживет. А потом Анстевик сможет вернуться к наслаждениям Кобатума, как только успешно выполнит задание. Ему придется подождать до этой ночи, чтобы убедиться, что агент умер, но это не так важно... самое трудное было сделано. Когда заря омыла плато бледным светом, Анстевик удобно устроился под навесом скалы, который даст ему убежище на самое жаркое время фараонского полдня.

Утром дверь отворилась нараспашку, и горбун ввел в камеру надсмотрщика с мрачным лицом. Руиз уселся на койке и с удивлением узнал Ронтлесеса, у которого он покупал воду в свое первое утро на Фараоне.

— Мое почтение, благородный надзиратель,— сказал вежливо Руиз.

— Встань, когда со мной разговариваешь,— ответил Ронтлесес.

Руиз выкарабкался из койки.

— Как ваша милость скажет.

Ронтлесес казался запыленным и усталым, словно только что прибыл с плантаций кошачьих яблонь.

— Мне велено передать тебе распоряжения. Сегодня ты будешь прислуживать Лорду. Он попробует твои масла, и ты будешь сопровождать его в путешествии. Будь очень осторожен с тем, что ты позволишь ему попробовать. Если он заболеет, он решит, что ты отравил его, и ты умрешь страшной смертью. Палач Лорда — человек с фантазией.

— Я сохраню в памяти ваши назидания на все времена,— ответил Руиз совершенно искренне.

— Гляди в оба, что делаешь.

Надсмотрщик повернулся на каблуках и ушел. Горбун принес завтрак, который был еще менее аппетитным, чем ужин, если такое вообще было возможно. Остаток дня прошел медленно, не скрашенный ничем, кроме легкого желудочного расстройства. Наконец Руиз уснул.

Звон ключа в замке разбудил Руиза, и он резко поднялся и сел. Голова его на секунду закружилась. Потом он собрался и приготовился. Солнечный луч исчез, и комната стала темной.

Он почувствовал, что прошло много часов, и что сейчас уже очень поздно. Руиз соскользнул с койки к стене, приготовившись встретить любого врага, который появится.

Но это был только горбун-управляющий, который всунул свою некрасивую башку в приоткрывшуюся дверь. Он ничего не сказал, но стал делать жесты своей коптящей лампой, показывая, что Руиз должен следовать за ним.

Руиз поднял свой мешок и пошел с величайшей неохотой. Он чувствовал, что обстоятельства угнетают его больше обычного. Он был уверен, что он меньше, чем нужно, управлял ситуацией. Может быть, он шел бы нога за ногу, если бы горбун не шагал так быстро, а лампа не была единственным освещением коридора.

Управляющий провел его сквозь лабиринт грубо вытесанных туннелей, через комнаты, отдававшиеся эхом, сквозь залы, полные бывшего великолепия, пока они не дошли до комнаты для аудиенций Бринслевоса.

Вдоль стен, увешанных гобеленами, горели факелы, около сотни. Эффект был весьма драматический, но в зале совсем не было придворных. Протертый до дыр ковер отмечал красную тропинку среди черных фарфоровых плит, которыми была вымощена комната. Дорожка вела к позолоченному трону, на котором развалился Бринслевос. За Лордом, в позе зловещего любопытства, стоял придворный фокусник и палач Лорда, коротенький человек с круглым туповатым лицом и безгубым ртом, который был одет в черный плащ и держал в руках украшенный жезл слоновой кости.

— Входи, входи,— позвал Бринслевос своим странно попискивающим голосом, который дрожал от сумасшедшего веселья.

Руиз пробежал по ковру со всей приличествующей спешкой и упал на колено перед троном.

— К вашим услугам,— сказал он тихо.

— Да-да,— сказал Лорд.— Вставай. Покажи-ка нам свой товар. Кстати, как тебя зовут?

— Вухийя, о великий.

Руиз открыл свой мешок, и два мальчика в ливрее Лорда выбежали из прихожей, неся столик, который они поставили перед Руизом. Руиз кивком поблагодарил их и положил свои флаконы на стол. Они представляли собой прекрасное зрелище, сверкая в свете факелов, и Лорд сошел с трона, чтобы осмотреть их.

На миг Руиз заглянул в глаза Лорда, которые сверкали от какого-то неясного, но очень сильного чувства. Руиз вдруг ужаснулся, хотя его страх ни в малейшей степени не отразился на лице. По крайней мере, он на это надеялся. Вот, подумал он, действительно опасный человек, если бы он не был столь безумен. И даже в этом случае...

Руиз скромно отошел назад, а Лорд щупал его флаконы, на его узком лице играла жадная улыбка.

— Интересно, интересно,— Бринслевос выбрал фиал зеленого латигара,— опиши мне действие вот этого, добрый мой Вухийя.

— Это яд дракона латигара, о великий, перегнанный искусством Джингов, которые спускаются по склонам Ада на северной стороне мира. Сны, навеянные латигаром, тонкие и вдумчивые, они очень связаны с природой реальности. Масло, возлюбленное философами.

Бринслевос отставил зеленый латигар, выбрал флакон голубовато-лилового кансума.

— А это?

— Яд кансума-удава, о великий — его делают с помощью процессов, известных только Инклатам, живущим в пещерах, которые не носят татуировок и кормят своих змей человеческой плотью. Очень редкий. Очень дорогой. Он приносит мечты о смертности. Он показывает лицо жизни таким, какое оно есть, просто маска на черепе. Опытный курильщик учится ценить маску, так, по крайней мере, говорят.

— Ты никогда не пробовал это масло?

— Нет, о великий.

Бринслевос взвесил флакон в своей элегантной руке.

— Тогда мы отправимся в путешествие вместе, чтобы открыть его достоинства, Вухийя.

Фокусник Лорда нахмурился и одарил Руиза взглядом, исполненным холодного недружелюбия. Но ничего не сказал.

Бринслевос ушел, оставив Руиза ждать в пустой комнате для аудиенций. Он снова упаковал свои флаконы, потом провел несколько беспокойных минут, переминаясь с ноги на ногу. Владение было необыкновенно тихим, если не считать шипения факелов. Когда горбун-управляющий снова пришел, чтобы отвести его в апартаменты Лорда, он почти почувствовал облегчение. В зале были темные флюиды, трепещущая аура древних ужасов, словно невыразимо мерзкие деяния творились на черных фарфоровых плитах.

Управляющий провел его сквозь еще один лабиринт извилистых коридоров. Руиз начал думать, что Владение гораздо больше, чем он первоначально себе представлял. Вероятно, большая часть его пространства была вырезана в скале, а крепостная стена, которую он видел, подъезжая к Владению, должно быть, только небольшая видимая часть этих огромных подземных коридоров. Руиз попытался запомнить повороты, но к тому моменту, когда они пришли к Лорду, он не был уверен, что сможет найти обратную дорогу.

Лорд Бринслевос обставил свои покои на эксцентричный манер. Стены были увешаны охотничьими трофеями так густо,

что грубый камень почти совсем заслонялся ими. Некоторые были весьма внушительными, и Руиз подумал: «Неужели сам Лорд их убил?» Тут был панголин-бородавочник, чья башка с огромными клыками была задрана в красноглазой свирепости. Была тут и шкура зеленоспинного демона Ада, которая покрывала десять метров стены. В дальнем углу стояла огромная речная ящерица — набитое чучело, которая стояла на задних лапах. Ее кошмарные челюсти были разинуты. Полы были покрыты глубокими мягкими коврами, которые переливались бледными оттенками: персиковым, бледно-зеленым, слоновой кости. Пухлые подушки, покрытые золотой парчой и с бахромой из рубиновых блесток, рассыпались по полу беспорядочными кучами. Там и сям стояли столы красного и черного лака. Руизу такое сочетание показалось странным, словно комнаты оформляли категоричный художник и неумолимый чучельник.

Бринслевос сидел на подушке у стола, который был покрыт тканью и усеян принадлежностями для курения масла. Лорд сделал знак управляющему уйти, потом поманил Руиза, который выступил вперед.

— Вы оказываете мне слишком много чести, о великий,— сказал Руиз.

— Глупость,— Бринслевос посмотрел вверх, и лицо его напряглось.— А ну, сядь — не стой здесь, глядя на меня сверху вниз. Неужели у тебя совсем нет почтения?

Руиз поспешно сел, прежде чем раздражение на узком лице Лорда успело перейти в бешенство.

— Мои извинения, о великий.

Бринслевос секунду злобно глядел на него, и Руиз уставился вниз, на свои сложенные руки. Он с отчаянием понимал, что сейчас он был в куда большей опасности, чем в ту ночь, когда он впервые взбирался из Ада на Фараон. Лорд был более непредсказуем, чем Адский демон, и, вероятно, более смертоносен, как свидетельствовала огромная шкура на его стене.

— Ну ладно, неважно,— сказал Бринслевос,— я человек снисходительный. Я почти всем позволяю сделать одну ошибку. Если я тебя полюблю, я могу тебе позволить две ошибки, хотя не советую проверять мою привязанность. Пока.

— Да, великий,— говоря это, Руиз смотрел Бринслевосу в глаза и приятно улыбался, вспомнив совет Денклара — что Лорд считает излишнюю униженность такой же раздражающей, как и дерзость.

Бринслевос рассмеялся. На секунду он был похож на ребенка, которому чужда злая воля. Видимо, порыв его безумия, подумал Руиз.

— Ладно. Давай курить.

Руиз кивнул и из своего мешка достал свою простую медную трубку, которая больше всего ему нравилась, и набил ее водорослями. Он подумал, уж не сошел ли он тоже с ума, насто-

лько он был спокоен. Ведь он собирался курить змеиное масло с опасным сумасшедшим. Но теперь, казалось, нет выхода.

Бринслевос открыл серебряный фигурный ларчик, выполненный в форме ящерицы арройо, и вынул из нее фарфоровую водяную трубку. Он наполнил ее из своего собственного кисета, потом добавил капельку масла кансума сперва в свою трубку, потом в трубку Руиза.

Лорд приказал, чтобы лампы пригасили, так, чтобы видения без труда подавляли реальность. Невидимые руки поспешно выполнили распоряжение, так что комната наполнилась темнотой и дикими тенями, которые отбрасывали мертвые существа на стенах.

Бринслевос дождался, пока Руиз зажег свою трубку от огня и глубоко затянулся. Потом он последовал его примеру.

Лавандового цвета дым струился из горбатого носа Лорда. Через секунду он вдруг резко выдохнул воздух, и то же самое сделал Руиз.

— Ах-х-х-х... прелесть,— сказал Бринслевос. Странное дело, но Лорд теперь казался спокойным, словно масло перевернуло какую-то полярность в его голове, склонив его к здравому уму.

Руиз почувствовал, как в его теле поднимается волна, колючий поток беспокойства. Его дорогостоящие имплантированные рефлексы автоматически включились, гася начавшиеся было галлюцинации. Он встряхнулся. Он заставил эти рефлексы слегка расслабиться, так, чтобы он мог сопровождать Лорда в его путешествии в другой мир. Не годится, чтобы Лорд заподозрил Руиза в каком-то мошенничестве — этот мир был полон рук, которые действовали быстрее глаза.

— Скажи мне, что ты видишь,— приказал Бринслевос после нескольких затяжек.

— Да, великий,— ответил Руиз.

Он открыл шлюзы свего сенсориума пошире и ждал, что будет.

Зловещие видения вползли на маленьких когтистых лапках.

Он глубоко вздохнул и вздрогнул. Потом стал бормотать.

— Я вижу себя слугой в доме, где живут два прекрасных чудовища. Они меньше похожи на человека, чем демоны Ада, которые выползают на Стену Мира, но они разговаривают тихими нежными голосами, они носят одежду паучьего бархата, они пахнут, как пустыня — чистотой и смертью.

— На что они похожи, как они выглядят, Вухийя? — глаза Лорда были словно лунные камни, пустого серого цвета.

— Словно настоящие трупы. Кожа их белее самого тонкого фарфора, без единой морщинки, гладкая и твердая. У них длинные волосы, и у женщины, и у мужчины. Лица их кажутся человеческими, но под тучами своих волос они прячут по сотне

глаз, которые смотрят во все стороны. Иногда я вижу блеск этих глаз... Их пальцы — ножи, нет, скорее, сосульки.

— Ах-х-х-х...— вздохнул Бринслевос, откидываясь назад и закрывая глаза.— У тебя такой красивый голос. Продолжай.

Руиз более свободно отдался видению и стал более ясно видеть кошмары, которые описывал. Он рассказывал картины, которые рисовал ему наркотик.

— Ноги совершенной формы, узкие, с высоким подъемом, душистые. Они ступают, словно человеческие существа, но там, где они ставят ноги, глубоко прорастают корни, крошечные белые проволочки, которые ползут вниз, словно черви, рожденные молнией. Они берут силу у земли. Когда чудовища поднимают ноги, черви отрываются от них и умирают, и их не видно.

Прекрасные чудовища носят тонкие багряные пояса вокруг бедер, их гениталии спрятаны. Теперь они снимают пояса, и я вижу только яркий гладкий металл у них между ног. Я не знаю, что они от меня хотят, но я никогда в жизни так не боялся.

На секунду это было правдой, и он боролся с ужасом и паникой.

Руиз замолчал, и никто из них долгое время не заговаривал. В комнате было так тихо, что Руиз слышал биение собственного сердца, которое отмеряло секунды.

Пот струился по лицу Бринслевоса, и он неслышно что-то бормотал. Потом Лорд сказал более сильным голосом:

— Я слышу шум машин в темноте — сперва скрип и дрожь крохотных шестеренок, а потом движение множества маленьких поршней. Звук растет и меняется, пока не становится стальной музыкой, и я знаю, что огромная машина, невидимая в ночи, поднимается по обе стороны от меня, к звездам и выше. Мне кажется, я лечу, легкий, как дым, в центр этой машины, которая теперь кажется такой большой, что ни один мир не сможет ее удержать. Я ничего не вижу, кроме блеска звезд сквозь решетки, рычаги и колеса.

Сперва мне казалось, что я в центре этой машины, но теперь я понимаю, что пойман в одном из ее уголков, и что в ней летят миллионы других, каждый в своей отдельной клетке. Это и есть клетка. Теперь я это чувствую и удивляюсь, за что меня туда заперли.

Бринслевос застонал. Это был звук удивленного страдания, который грозил затянуть Руиза в видение Лорда. Руиз приглушил свои реакции на наркотик и выплыл из его глубин.

Бринслевос заговорил поспешно, с нарастающим ужасом.

— Почему? Почему?! Рычаги гремят, работают быстрее и быстрее, пока тьма не задрожит от их движения, и я не слышу более ничего, даже собственных мыслей. Я становлюсь все

тяжелее, я начинаю проваливаться к страшной опасности внизу, к грызущему металлическому зверю, у которого шестеренки вместо зубов и прутья вместо мускулов. Он голоден, а у меня нет никакого оружия, я наг, холоден и слаб.— Бринслевос заметался и стал размахивать руками.— Что-то не так...

Он завизжал, от этого звука Руиз окончательно протрезвел. Лицо Лорда неожиданно исказилось от ужаса, словно какое-то страшное существо пробралось ему под кожу и пыталось выбраться наружу. Глаза его вылезали из орбит от непередаваемого ужаса. Рот напрягался, чтобы выдавить последний, отчаянный вопль, казалось, он больше не может дышать.

В любой момент слуги или охранники могли прибежать на крики. Что тогда скажет им Руиз Ав?

— Извините. Кажется, я отравил вашего Лорда. Теперь извините, мне надо идти...

Руиз наклонился и прижал свое розовое кольцо на левой руке к вздувшимся жилам на шее Лорда. Противоядие полного спектра действия и сильное успокоительное немедленно были введены в сонную артерию Лорда, и Бринслевос откинулся назад, потеряв сознание. Его лицо стало расслабляться.

Секундой позже что-то взорвалось в затылке Руиза, и он ничего не помнил долгое время.

Глава одиннадцатая

Руиз медленно приходил в себя, чувствуя жару и ограниченное пространство кругом. Кроме того, всюду был горький запах ржавчины. Голова его пульсировала болью в регулярном ритме, колющая боль гнездилась за глазами. Он застонал и сел в полутьме, чтобы обнаружить, что раздет догола.

Его сознание на минуту помутилось, и он осторожно дотронулся до затылка. На поверхностной ране запеклась кровь, но его испытующие пальцы не нашли никакого свидетельства тому, что череп его был расколот.

Где он?

Лучи жаркого света проникали в его тюрьму сквозь прорези в сварной железной конструкции, которая окружала его. Он осторожно поднялся на четвереньки и приложил глаз к одной из таких щелей. Сердце его упало. Он находился на площади Искусного Страдания.

Одна из прочих железных клеток была видна сквозь его щель, и над ней развевался черный вымпел, знак того, что в ней сидит осужденный преступник. Руиз подумал, кто же может быть тот второй, и почему этот несчастный был выбран, чтобы разделить кару Руиза.

Бесполезно об этом думать. Его немедленной и непосредственной задачей было бежать отсюда. Это должно было про-

изойти как можно скорее, прежде, чем начнется представление, в котором он должен будет искупать свой грех перед Лордом Бринслевосом. Он уже сейчас чувствовал беспокойство смертной сети, которая натягивалась вокруг анкерных точек в его мозгу. Он будет жить только до тех пор, пока ситуация не станет бесповоротно безнадежной. Потом он умрет, и малозначительные обстоятельства его смерти будут переданы в Лигу. Руиз покачал головой. Достаточно скверно мучительно умереть, но еще хуже — умереть бессмысленно. Он ничего не знал, кроме того, что на орбитальной платформе процветал какой-то заговор, то есть те данные, которые Лига могла логически предположить и без его возможной смерти.

Он отвел свои мысли с той мрачной дороги, по которой они покатились. Ситуация была далека от безнадежной. Естественно думать, что Денклар, когда услышит о постигшем его несчастье, непременно свяжется с ним, а потом это просто будет вопрос того, чтобы трактирщик принес мешочек пангалактических инструментов, спрятанных в его комнате. Руизу только надо проявить терпение и пережить время, которое придется ждать в железном ящике. Несомненно, будет жарко, но, без сомнений, палач Лорда предпочитал иметь дело с живыми жертвами, а не с наполовину вареными.

Словно в ответ на его предположения, пара крепких женщин появились в поле его зрения, пыхтя под коромыслами с огромными ведрами. Они поставили ведра на землю возле второй клетки с театральными вздохами усталости, и потом стали лить воду на круглую крышу ящика.

— Кондиционирование воздуха,— пробормотал Руиз, а вскоре он услышал, как вода льется на крышу его собственной клетки.

— Эй! — закричал он.— Что за глупость? Я не причинил никому никакого вреда. Позовите Лорда, скажите ему, что я невиновен.

Одна из женщин сардонически хохотнула.

— Лорд плохо себя чувствует. Собственно говоря, я слышала, что твое Искупление отложили на день, пока Лорду не станет настолько лучше, чтобы он мог насладиться представлением как следует. Я-то сама тебе вовсе не сочувствую — раз ты спортачил дело. Существует столько тонких и надежных ядов. Какое безумие тебя одолело, что ты дал Лорду как раз такую дозу, чтобы он заболел, но не помер? Если бы ты его успешно убил, то они тебя повесили бы на крепостной стене, и тем бы дело и кончилось — чистая смерть и быстрая к тому же.

— Как неразумно с моей стороны,— сказал приятным тоном Руиз.— А второй заключенный?

Женщина снова рассмеялась, но на сей раз это был звук чистого, ничем не замутненного удовольствия.

— Это Рентлесес, который не заметил, как ты подменил

масла, тем самым отравив Лорда. Это был его долг, и ответственность лежит и на нем. Что еще хуже, его хромоногий староста донес Лорду много дней назад, что ты и надзиратель сговаривались на плантации кошачьих яблонь, а это место совсем уж неподходящее для разговоров. Поэтому Лорд подозревает заговор между тобой и Ронтлесесом, хотя никто из его советников не может представить, зачем вам заключать такой сговор.

Она наклонилась поближе к клетке.

— В Стегатуме мнения разделились. Хотя ты и не воспользовался своей возможностью избавить нас от Бринслевоса, по крайней мере, ты привел к смерти Ронтлесеса, а это радует почти всех, кроме него самого.

— Что ж,— сказал Руиз,— в каждой бочке меда есть ложка дегтя. Со своей стороны я предпочел бы не сопровождать Ронтлесеса.

— Несомненно,— сказала женщина, чей голос слабел по мере того, как она отдалялась.— Сегодня представят Искупление Ронтлесеса, а завтра вечером — твое, так что можешь радоваться, что тебе осталось жить еще по крайней мере день. Кто знает, может, он заговорит при допросе, убедит Лорда, что ты не виноват. Скорее всего, нет. Ронтлесес — жестокий человек. Он будет рад твоему обществу в Аду, даже если ты и невиновен.

Больше Руиз ничего не слышал. Он упал на пол, сжав больную голову руками.

Вилам Денклар стоял в комнате, которую раньше занимал Вухийя, продавец змеиного масла. Он смотрел из окна, выходившего на Площадь Искусного Страдания, ломая руки. Ему силой навязывали принять неприятное решение, но он не видел выхода. Агент в железной клетке был Сверхфактором. Вне сомнения, он нес на себе смертную сеть. Если Денклар проигнорирует его, не поможет ему в его несчастье, позволит этому агенту умереть за свою глупость (а Денклар именно так и поступил бы, будь этот идиот менее высокого ранга), известие о его преступном бездействии немедленно достигнет Лиги. Вскоре после этого неумолимые люди явятся с визитом.

— Денклар,— скажут они,— скажи нам, почему ты ничего не сделал, чтобы спасти Сверхфактора.

А что он ответит? Они посчитают его в лучшем случае профессионально непригодным. В худшем случае — предателем.

Он был настолько погружен в свои мысли, что не расслышал легкий шаг Анстевика за спиной, пока рука не упала ему на плечо. Он резко обернулся и увидел Анстевика, который выглядел пыльным, усталым, глаза его покраснели, словно он провел в пустыне целую ночь. Денклар было открыл рот, чтобы выругать Анстевика за то, что тот так напугал его, но убийца стиснул глотку Денклара, перекрыв ему дыхание. В другой руке Ан-

стевика блеснул кинжал, тонкий, как проволока. Этот кинжал он втолкнул в открытый рот Денклара так, что конец уперся в небо. Денклар пытался отпрянуть, однако безрезультатно. Он попытался закрыть рот, но лезвие, хоть и тонкое, было прочным, как металлический прут, и жестоко держало его рот открытым.

— У тебя, как вижу, есть вопросы,— сказал тихо Анстевик.— Они должны подождать, может быть, навсегда. Сперва я задам свои вопросы, и, я надеюсь, ты дашь мне верные ответы.

Денклар кивнул, сделав крохотное осторожное движение, и Анстевик улыбнулся.

— Хорошо,— сказал он. Он убрал кинжал изо рта Денклара.— А теперь тихо расскажи мне, что случилось.

Хватка Анстевика немного разжалась, и Денклар втянул воздух, судорожно разевая рот.

— Сегодня утром из Владения Бринслевоса пришел человек... с Ронтлесесом и продавцом змеиного масла. Он называет себя Вухияй.

С ужасающей скоростью Анстевик схватил Денклара за грудки и швырнул его на каменную стену, о которую тот ударился с глухим стуком. Анстевик рывком поднял оглушенного трактирщика на ноги и заговорил жестким голосом.

— Не раскисай, расскажи мне, кто в действительности этот продавец масла.

— Хорошо, хорошо. Он агент Лиги. Сверхфактор. Я не хотел сделать ничего плохого — он велел мне никому не говорить — но вспомни, я про него упоминал раньше. Я верный друг, Анстевик.

Анстевик ободряюще улыбнулся.

— Говори дальше.

— Я на самом деле не знаю, что случилось. После того, как они посадили заключенных в клетки, они вошли в трактир и заказали завтрак. Они сказали, что продавец змеиного масла попытался отравить Лорда, а это не имеет смысла. Он Сверхфактор, в конце концов, если бы он действительно этого хотел, он сумел бы довести дело до конца, это ясно. Ронтлесес умрет, сказали они, потому что он дежурил в прошлую ночь, глядя из укрытия, чтобы не произошло никакого предательства, когда Лорд и Вухийя курили вместе. Я совсем ничего не понимаю.

Анстевик что-то пробормотал вполголоса.

— Невезение,— сказал он неопределенно.

— Да... невезение,— Денклар начал видеть и положительный аспект в неожиданном присутствии Анстевика.— Но я рад, что ты здесь. Ты можешь вызволить его из клетки и из Стегатума гораздо легче и быстрее, чем я — это больше по твоей части работа, правда же? Я трактирщик, а не герой.

— М-м-м...— сказал Анстевик.— Ты с ним связывался? Смог он передать тебе какие-нибудь сведения?

— Нет-нет... Я просто раздумывал, что лучше сделать.

— Хорошо, очень хорошо. Жаль, кстати сказать, что Лорд выжил. А? Тогда бы они покончили с ним во Владении, и нам бы ничего не пришлось делать... Но Лорд убежден в необходимости публичных наказаний, поэтому, я полагаю, нам надо действовать.

Анстевик хохотнул, видимо, снова в хорошем настроении.

Денклар стал расслабляться. Дело забрали из его рук в более компетентные руки — это было огромное облегчение.

Нож-проволока прошел в мягкую плоть под его подбородком, сквозь небо и в мозг. Анстевик ловко повернул лезвие.

Денклар почувствовал мгновение холодного колючего изумления, а потом сразу же умер.

Крови было совсем немножечко. Анстевик закатил труп под кровать и уселся ждать с трубкой в руках.

Утро проходило, и к Руизу постепенно вернулось душевное равновесие. Он исследовал свою клетку, но не нашел никаких утешительных для себя особенностей. Клетка была сработана прочно, с тяжелыми коваными петлями и солидной дверью, закрывалась она на массивный засов. К счастью, петля засова была обращена к решетке, выпиленной в двери. Будь у него кусок проволоки, он бы потихоньку расшевелил засов и открыл бы его, но он был голый, а пол клетки тщательно выметен. Клетка становилась все жарче, невзирая на воду, но невыносимой жары не было. Руиз уселся, скрестив ноги, в центре клетки и сосредоточился на своем положении. По мере того, как затихала пульсирующая боль в голове, он все больше и больше думал над тем, какие события привели его на Площадь Искусного Страдания.

Лорда отравили, хотя это был не Руиз. Лорда в Стегатуме не очень-то любили, равно как и в округе. Вне сомнений, у Лорда было множество врагов, один из которых ухватился за возможность убрать Лорда с этого света таким образом, чтобы вина пала на Руиза. Не было никакого смысла думать, кто это сделал и почему. Важно было одно-единственное: Руиз все еще был жив. Вероятно, Денклар поможет, и Руиз сможет убежать под покровом темноты. А потом Руиз будет уже на пути к своей цели. Если, конечно, думал он, Денклар не является частью того заговора, который проявил себя на орбитальной платформе. Это была тревожная мысль, и она привела к дальнейшей цепи неприятных рассуждений. А вдруг Лорда отравили не его враги, а враги Руиза? В таком случае, Денклар может как раз постараться ничего не делать, только посмеяться, когда Руиза из его клетки поволокут на смерть. Нет-нет, это было малове-

роятно, ведь Руиз открыл Денклару, что он Сверхфактор, поэтому Денклар должен был предположить, что у Руиза есть смертная сеть. Даже если Денклар и принадлежал к заговорщикам, он будет последним идиотом, если посмеет рисковать, так как им займутся следователи Лиги, которые будут знать все про обстоятельства смерти Руиза, как только она произойдет.

Если же произошло бы так, что Бринслевос умер, а Руиза немедленно казнили, такой план был бы очень хорош. Неужели это и был их план?

Руиз потряс головой. Такие рассуждения сейчас были бесплодны. Пока что он должен собраться с мыслями и терпеливо ждать, когда Денклар ему поможет, что наверняка не сможет произойти до темноты. Когда он освободится, он тщательно допросит трактирщика. Эта мысль была приятна и успокаивала.

Остальная часть дня прошла в жаре и тишине, и Руиз удивился, что ему даже стало скучно. То, что грозящая ему неминуемая смерть не смогла отвлечь его от скуки на несколько коротких часов, показалось ему пугающим и зловещим фактом, пусть даже только абстрактно. Он постучал кулаками по голове. «Бдительность, Бдительность, Руиз»,— сказал он сам себе.

Когда солнце опустилось на уровень окружающих холмов, горожане Стегатума стали появляться, гуляя по Площади Искусного Страдания парами и маленькими группками, словно это был мирный парк. Дети сновали взад-вперед, останавливаясь только затем, чтобы бросить камень в железные клетки, которые издавали громкий звон. Вскоре Ронтлесес стал рычать страшные ругательства. Руиз не говорил ничего, заткнув собственные уши пальцами, вследствие чего дети истратили все свои снаряды на клетку Ронтлесеса. Их родители смотрели на них с серьезным одобрением. Никто не пытался заговорить с Руизом Авом.

Когда солнце опустилось и закат догорал, горожане ушли ужинать, а бригада грузчиков привезла на площадь небольшую сцену на колесиках, установила ее поровнее, а потом водрузила на нее самые разные, но неприятные предметы. Там была высокая железная рама, хорошо и обильно снабженная ремнями и цепями, ящик-гроб, длинный стол с темными пятнами, засохшими по краям.

Руиз почувствовал, как мурашки пробежали у него по спине, и ему тут же перестало быть скучно.

Когда тьма совершенно окутала город и воздух стал холоднее, ряд факелов зажегся за сценой. Выглядывая в щелочку своей клетки, Руиз увидел, как горожане Стегатума собираются на вечернее развлечение. Площадь заполнялась. Возможно, крестьяне из отдаленных районов прослышали про казнь, потому что на площади, казалось, столпилось больше людей, чем жили в городе. Зрители толпились близко от клетки Руиза, а множество подростков-мальчишек взобрались на саму клет-

ку, где их подбитые гвоздями ботинки производили невообразимый грохот. Видимо, пока на него решили не обращать внимания.

Когда площадь почти заполнилась, появилась паровая карета, чуть больше и диковиннее, чем та, что привезла Руиза во Владение. Толпа притихла. Карета остановилась перед сценой, и ее средние двери откинулись так, что стал виден Лорд Бринслевос, который лежал на роскошной кушетке, накрытый меховым покрывалом, подтянутым до подбородка. Лорд был очень бледен и напряжен. Он поднял руку и сделал повелительный жест.

— Начинайте,— сказал он слабым голосом.

Он бросил взгляд на клетку Руиза, и Руиз подумал, что он увидел столько же удивления, сколько злобы в глазах Лорда.

Фокусник Лорда, который был одет в плащ чернильного цвета, появился на платформе, и факелы засияли ярче.

— Горожане Стегатума,— сказал он хорошо поставленным голосом.— Добро пожаловать на это Искупление и Назидание.

Он роскошным жестом поклонился.

— Привести сюда обвиняемого!

Два солдата в черных мундирах открыли клетку Ронтлесеса и вытащили его. Ему меньше повезло, чем Руизу, во время дневной жары, и сперва его ноги отказывались поддерживать его, глаза слепо смотрели вдаль, без понимания того, что видят. Когда один из солдат предложил ему какой-то напиток в кожаной чашке, он схватил ее и осушил в два глотка.

Как раз возле своей клетки Руиз услышал удовлетворенное хихиканье от человека, которого он не мог видеть. Этот человек прошептал:

— Он слишком спятил от жажды, чтобы отказаться от настоя, который сделает его совершенно покорным и одновременно обострит его нервное восприятие, так что он будет чувствовать каждое страдание сильнее. Ха-ха, ей-богу, он этого просто-таки заслуживает.

Руиз передвинулся к другой щели, и теперь он мог видеть в профиль приятные черты Релии, местной проститутки из «Приюта Денклара». Она повернулась, чтобы посмотреть на него, и сказала:

— Ты здесь, в этой клетке, Вухийя? Мне кажется, я вижу блеск твоих глаз.

— Да,— ответил он,— я здесь.

Она печально покачала головой.

— Мне так жаль видеть тебя здесь. Ты мне казался приличным парнем для продавца-то змеиного масла. Какая муха тебя укусила дать Лорду плохое масло?

— Не знаю...

Прошло короткое молчание, за это время солдаты наполовину втащили Ронтлесеса на сцену. Они привязали его голое те-

ло к железной раме, и к нему, казалось, вернулось сознание, он злобно смотрел пылавшими глазами на Лорда и толпу.

Релия вздохнула.

— Попозже я постараюсь принести тебе тростинку с водой, так что ты сможешь отказаться от настоя, когда завтра придет твоя очередь.

— Спасибо тебе,— сказал он, но она отодвинулась подальше от клетки. Сострадательная женщина проститутка Релия, подумал он. Но он надеялся, что уйдет, прежде чем она принесет ему воду.

Началось представление, и Руиз смотрел с болезненным интересом.

Сперва фокусник подогрел толпу серией небольших трюков, унизительных и болезненных, но пока не членовредительских. Он притворился, что сдавливает голову приговоренного надзирателя, и из его ушей показался коричневый дым. Он притворился, что отыскивает на теле у жертвы множество ядовитых огромных насекомых, тут и там, которых он брезгливо убирал щипцами, однако не прежде, чем они болезненно укусят Рентлесеса, так что жертва визжала и извивалась с удивительной энергичностью. Потом из распяленного рта Рентлесеса он начал вытаскивать блестящее розовое яйцо, которое оказалось слишком большим, чтобы его можно было вынуть. Фокусник возился над задачей извлечения этого яйца, торчащего изо рта жертвы. Сперва Рентлесес побагровел, а потом посинел, когда фокусник сжал вместе его ноздри, как бы для того, чтобы лучше ухватиться за его лицо. В конце концов палач похлопал по яйцу своим жезлом, и из него проклюнулись жирные сонмы белых сегментчатых червей — некоторые из них упали на пол, некоторые, казалось, заползли в рот и глотку Рентлесеса. Рентлесес выкашлял червей и судорожно втянул воздух. Лицо его уже переменилось каким-то существенным образом, поэтому он казался совершенно иным человеком.

Руиза тошнило до печенок, но он не мог отвернуться.

Начался первый крупный акт Искупления Рентлесеса. Фокусник набросил тонкий белый шелк на бывшего надзирателя, который обвис в раме, вероятно, истощенный вступительными пытками. Складки шелка сомкнулись над жертвой, как туман, и благодаря какому-то трюку, казалось, прикрывали какое-то нечеловеческое тело, скорее, что-то чудовищное, что-то, чреватое безобразием. Факелы на секунду погасли, по шелку пробежало движение — и потом фокусник сорвал его прочь.

Рентлесес подвергся ужасному преображению и теперь напоминал огромного паука с получеловеческим лицом. Каким-то образом связки его ног были растянуты или разрезаны, чтобы можно было завернуть его ноги за голову и через плечо. Пальцы ног смотрели вниз совершенно неестественным образом. Они слабо подрагивали, а руки его бешено размахивали где-то

за ягодицами. К его животу прикрепили четыре искусственные лапы, они размахивали куда энергичнее, чем его естественные члены, и мгновением позже Руиз увидел, что они представляли собой змей, которые были заключены в прозрачные трубки. Рептилии без разбора кусали и друг друга, и плоть Рентлесеса, с большим энтузиазмом.

Рентлесес не мог кричать, видимо, потому, что паучья маска, которая теперь была на нем надета и закрывала нижнюю половину лица, одновременно была и кляпом. Но глаза его были безумными от боли, и он бешено мотал головой в разные стороны, добавляя к впечатлению от его нового тела весьма драматический штрих.

Фокусник низко поклонился Лорду Бринслевосу.

— Таким образом, мы видим Искупающего вину в его подлинной форме, как насекомое, которое кусает руку своего господина.

Искупление продолжалось.

Фокусник рассыпал на тело Рентлесеса сотни насекомых, которые зарылись в кожу жертвы и исчезли, пока фокусник не хлопнул в ладоши и не прокричал заклинание, после чего насекомые вылезли и улетели. Выходные отверстия после них составили ярко-красную надпись угловатыми фараонскими буквами. Казалось, это было извинение, но прочесть его можно было только секунду, прежде чем кровь побежала по торсу Рентлесеса и замазала буквы.

Последовал антракт, пока фокусник приводил свою жертву в себя от шока и унимал кровь.

Когда Искупление возобновилось, бывший надзиратель едва казался человеком, если не считать его глаз, которые смотрели на мир с равной долей изумления и боли. Он свисал с рамы и принимал дальнейшие издевательства, причиняемые ему, с большей покорностью, чем палач считал пристойной. Пошли в ход огонь, ножи, многочисленные разъедающие яды, и снова Рентлесес извивался настолько активно, насколько позволяло его перебитое тело. Над ним были проделаны варварские ухищрения и самые изощренные пытки в течение примерно еще получаса.

В конце концов Руиз больше не мог выносить этого зрелища, поэтому он пропустил смерть Рентлесеса, которую отметило молчание толпы. Молчание показалось таким зловещим, что он встал, и, выглянув из своей клетки, увидел финал.

Труп Рентлесеса сел в своем гробу и указал бледным пальцем на клетку Руиза.

Рот его открылся и начал двигаться в правдоподобной имитации живой речи.

— Во всем виноват Вухийя, продавец змеиного масла,— прокричал труп металлическим звенящим голосом, который

абсолютно не подходил говорящему.— Вухийя убил меня, но больше он зла не совершит.

Мертвые губы раздвинулись над разбитыми зубами в мрачной пародии на улыбку.

— Ха-ха-ха-хаха!

Руиз подивился, что за аппарат оживлял труп и чей голос исходил из его рта. Глаза были мутными и смотрели немного в разные стороны. Это, по мнению Руиза, было самой слабой частью иллюзии.

— Вухийя пытался убить моего Лорда, из зависти и безумия, он замутил мне мозг своими ядами, поэтому я не смог выполнить свой долг и заслуживаю не меньше того, что я получил. Но я получил и прощение моего Лорда, и теперь я в Земле Вознаграждения без сожалений о прошлом.

Труп опустил свой трепещущий палец, почтительно наклонил голову в сторону Лорда Бринслевоса, потом упал обратно в гроб.

Спектакль окончился. Шепот разочарования пробежал по толпе, и кто-то рядом заговорил:

— Лорд слишком мягко обошелся с Рентлесесом. А жаль! Он заслуживал гораздо худшего, а теперь вместо него будет страшно страдать продавец змеиного масла.

Руиза передернуло. Если он только что был свидетелем снисхождения, то в чем же состояла жестокость? Информационные погружения уклончиво говорили о некоторых деталях уголовной юстиции Фараона. Поэтому некоторые подробности остались за кадром. Руиз почувствовал, как смертная сеть тянет сжаться вокруг его мозга, несколько сильнее, чем раньше, и на секунду он почти соблазнился поддаться ей и избавить себя даже от возможности, даже мыслей о подобной муке, подобном унижении. Но он встряхнулся и крепче взял себя в руки, зажав в кулак свои непокорные чувства.

Скоро здесь будет Денклар, сказал он себе и заставил себя поверить в это.

Глава двенадцатая

Но Денклар не пришел. Грузчики унесли прочь гроб с телом Рентлесеса и площадь опустела. Температура упала, пока Руизу не пришлось стоять в центре клетки, поскольку он не в состоянии был чувствовать прикосновение металла, ледяного в это время ночи, к своему обнаженному телу. Он обернул себя руками и прыгал с ноги на ногу, сводя до минимума то время, которое каждая нога оставалась в соприкосновении с железом. Кроме этого, такое упражнение давало возможность вызвать его внутреннее тепло.

Проходили часы, огни Стегатума погасли, пока город не

лег, темный и тихий, под звездным блеском, а Денклар все еще не приходил. Руиз начал стучать зубами, а настроение его падало.

Много позже полуночи он услышал шорох осторожных ног перед своей клеткой и подавил взрыв истерического смеха. Но шаги казались легче, чем могли быть шаги Денклара, и голос слишком нежный и мелодичный для трактирщика заговорил с ним из темноты.

— Вухийя? Я принесла тростинку с водой. Вот она.

Тоненькая трубочка скользнула сквозь щель в клетке, и Руиз благодарно ее принял.

— Спасибо тебе. Ты такая добрая.

— Это так мало,— сказала потаскушка Релия.— Я бы сделала больше, если бы могла, но чем я могу помочь? Вот еще одна тростинка. Сбереги ее до самой крайней нужды.

Она просунула еще одну тростинку через щель.

Руиз отломил конец тростинки и дал кисловатой от сока воде стечь в рот, пересохший, как пепел, как из-за лишений этого дня, так и от пережитого ужаса. Жидкость показалась ему замечательной на вкус, и на какой-то миг он был всем доволен. Это чувство ушло почти так же быстро, как и пришло.

— Релия,— сказал он, прислоняясь к холодному железу и выглядывая наружу,— скажи мне, ты сегодня вечером видела Денклара? Как он выглядел?

Релия шмыгнула носом.

— Он мне всегда кажется одним и тем же, но сегодня? Не могу сказать. Он пропал. Никто не знает, где он. Повара страшно растерялись, потому что такой наплыв людей, деревенщина пришла посмотреть на казнь и все такое. Очень странно, Денклар всегда на месте, когда можно подзаработать серебра.

Настроение Руиза снова упало. Где трактирщик? Неужели он сбежал по какой-то причине, которой Руиз не знал? Или что-то еще было не так, что-то, что еще не пришло ему в голову? В нем росло убеждение, что второе объяснение каким-то образом более верное, но день, проведенный в клетке и Искупление надзирателя, которое ему пришлось наблюдать, в сочетании замедлили его мышление, и оно уже не было таким тонким. Он стал стучать себя кулаком по лбу. Думай, Руиз Ав, заставлял он себя. Но никакие мысли не появлялись.

— Ну что ж,— сказала Релия тоном мягкого сожаления,— мне теперь надо идти, ночь холодная, а я не одета.

— Подожди! — Руиз бросился действовать. Релия была для него единственным выходом.— Ты сказала мне, что помогла бы, если бы только могла.

— Да. Но что я могу сделать?

— Ты можешь принести мне кое-что еще?

— Возможно. За клетками ночью не следят. Никто не додумается, как их открыть, снаружи или изнутри.

— Хорошо. Хорошо. В моей комнате, в той, в которой я спал раньше, до того, как отправился во Владение... я оставил пакет религиозных предметов, они спрятаны в одной из ножек кровати. Ты могла бы его мне принести?

Релия беспокойно зашевелилась, и Руиз почувствовал ее сомнения.

— Я бы плюнула Лорду в глаза, если бы я могла это сделать и не пострадать за это,— сказала она,— я его ненавижу, как и любой, в ком есть сердце. Но мне не хотелось бы искупать здесь мои грехи.

Руиз прижал голову к железу, стараясь говорить тоном спокойного убеждения.

— Нет. И мне тоже не хочется.

— Надо думать! Мне не хотелось бы видеть, как твое красивое высокое тело раздерут на сцене. Это будет такая потеря.

Релия гортанно хохотнула, звук этот при подобных обстоятельствах показался Руизу гротескным и неподобающим.

— Ты правильно говоришь,— сказал он горячо.— Можешь ты принести его, этот пакет? Он небольшой, он пройдет сквозь щель, хотя тебе, возможно, придется подавать по одному предмету. Он завернут в коричневую промасленную ткань, и в нем несколько металлических амулетов. Они столько для меня значат! Не играй с ними,— предостерег Руиз.— Они священные.

Предметы в пакете, если их неосторожно включить, могли бы легко убить Релию, прежде чем она донесла бы их до Руиза.

— Попробую,— сказала она.

Она пошла прочь.

— Погоди! Нет ли у тебя кусочка проволоки? Может, шпилька?

Она задумалась.

— Это не поможет, Вухийя.

— Это мне хоть время займет. Мне слишком холодно, чтобы спать.

— Ладно. Вот тебе ржавая шпилька, про которую никто не сможет сказать, что она моя, если ее у тебя найдут. Все же, если я не смогу принести тебе твой пакет с фетишами... обещай мне, что ты вытолкнешь шпильку в щель, прежде чем станет светло. Или, если ты решишь вскрыть себе вены, то вытри кровь со шпильки, прежде чем выбросишь ее, тогда они подумают, что ты сделал это зубами.

Дрожащими пальцами он взял у нее шпильку, длинную, тонкую, пружинистую, такую прекрасную для его целей.

— Обещаю.

Руиз сражался с замком целый час, пока его распухшие пальцы не онемели от холода и напряжения. Но замок казался

упрямым. Его внешняя примитивность скрывала бездну необыкновенных хитростей. В конце концов он прекратил эту работу и признал себя побежденным. Ничего удивительного, подумал он, что в мире, полном магов, замки должны быть хорошими. Он впал в краткий период дремы, но потом он вспомнил, что Релия должна скоро принести его инструменты. Скоро. И сон, и отчаяние слетели с него.

Он продолжал надеяться, пока на небе Фараона не начало светлеть.

Стегатум просыпался рано, и торговцы грохотали на площади, проезжая туда и сюда, пробуждая Руиза от его апатии. Он обнаружил, что ждет дневной жары после ледяной ночи. Таков был близорукий инстинкт тела.

Он смотрел, как свет усиливается над городом, понимая, что никогда больше не увидит такого прекрасного рассвета, когда повелительный стук по его клетке не заставил его перейти в затененную часть. Он выглянул и никого не увидел, потом подумал, что надо приложить глаз к щелке пониже. Тогда он увидел самого маленького мальчика из тех, которые встретились ему, когда он входил в Стегатум.

— Привет,— сказал он.

Мальчик серьезно смотрел на него с минуту.

— Нам очень жалко, что ты умрешь.

— Мне тоже.

— Это нехороший способ умереть... хотя они говорят, что ты принесешь хороший ливень.

— Да неужели?

— Ага. Они говорят, что твое Искупление... Искупление, да?.. отложат до завтрашней ночи, так что лордов гад-палач сможет придумать новые трюки. За то, что надзиратель помер, ни одна капля с неба не упала... старье все это, мы это все сто мильонов раз видали.

— Старье, говоришь?

— Ага. Не легкое это дело, быть лордовым палачом, у нас тут столько дураков, что Лорду только и делов, что их всех поубивать. Трудно придумывать новые трюки.

— Наверное.

Беседа была удручающей на одном и том же уровне, но приносила большое облегчение. Если мальчику можно было верить, то ему предстояло прожить еще одну ночь. Опять же, мальчик мог всего-навсего передавать сплетни.

Мальчишка не проявлял никакого желания уйти.

— Слушай,— сказал он задумчиво,— поскольку тебе не понадобятся твои трюки, может, ты покажешь мне, как ты сделал ту штуку с драгоценным камнем и жуком, то, что ты нам показывал, помнишь? Я такого никогда раньше не видел.

Руизу в голову пришла идея.

— Может, я и мог бы. Но мне нужен мой аппаратик, а они все забрали.

— Ой,— сказал разочарованно мальчик и стал поворачиваться, чтобы уйти прочь.

— Подожди! У меня есть мысль!

— Чего такое?

— Ну... послушай. Ты сегодня где-нибудь видел Релию? Сегодня утром?

— Это Денкларовскую-то шлюху? Не-а. И его самого тоже не видел. Может, они вместе удрали?— мальчик хохотнул в слишком взрослой для его лет манере.— А почему ты спрашиваешь?

— М-м-м-м... дай-ка подумать.

Он думал и думал. Денклар исчез? Релия исчезла? Единственные двое, кто могли ему помочь, вдруг пропали. Что это подсказывало? То, что кто-то активно работал против него, кто-то, о ком он ничего не знал.

— Как тебя звать?— спросил он мальчика.

— Брумбет.

— Брумбет, а? Многообещающее имя. Ты хочешь стать фокусником?

— А кто не хочет? Если я не стану фокусником, не могу же я быть продавцом змеиного масла. Кому хочется весь день слышать голоса ниоткуда и проводить ночь в плохих снах? Потом, ей-богу, еще кончу свою жизнь вот так на сцене, связанный, как ты.

Мальчик произнес свою речь в спокойных, флегматических тонах.

— Правильно думаешь. Хотел бы я быть таким умным, когда мне было столько же лет, сколько тебе. Скажи мне, Брумбет, ты не видел в городе новых лиц?

Мальчик прыснул.

— Ага. Весь город ими полон, примчались сюда поглазеть на убийства.

— М-м-м-м... а раньше, скажем, за пару дней до этого?

Мальчик потер подбородок в странно взрослой манере.

— Ты имеешь в виду вроде того другого продавца масла, богатого человека?

— Правильно! Когда он приехал?

— В ту ночь, когда ты уехал, а потом он снова уехал, но теперь он вернулся. Хотя я его не видел.

— Тогда откуда ты знаешь, что он здесь?

Брумбет презрительно посмотрел на него.

— Его зверь в конюшне. Ты что думаешь, я так воняю оттого, что целый день вилами перекидывал маргаритки?

— Я не заметил. Как он выглядит?

— Высокий тип, но не такой, не с барским лицом, вроде твоего. Все же он годится для того, чтобы ящерицам головы ре-

зать, понимаешь. Ничего хорошего в нем нет, но такой хитрый, что его не поймаешь. Не как ты.

— Противный и хитрый, да? Где, по-твоему, он может быть?

— Не знаю, но может статься, Денклар поселил его в твою комнату, ту самую, сзади, подальше от приличных людей. Может, он там и есть, отсыпается с похмелья.

— Может быть. Может, и так. Понимаешь, вот в чем проблема. Я оставил свой мешочек с фокусами, спрятав его в этой комнате, прежде чем я отправился во Владение. Если он все еще там... понимаешь, я мог бы показать тебе, как делать пару фокусов, если сегодня ночью я еще буду здесь.

Мальчик наклонился поближе к клетке, личико его зажглось возбуждением.

— Ей-богу, правда? Я принесу твои фокусы. Ты мне скажи, где их найти.

Руиз заставил себя говорить нехотя.

— Ну да, а что, если противный человек сидит там? Я тебе покажу мои фокусы, но я готов оставить их ржаветь, чем отдать их чужому типу.

— Не беспокойся. Я подожду, пока он не пойдет в сортир или на ужин, или я заору «Пожар!» в холле,— мальчик ухмыльнулся.— Я не такой дурак, неважно, что там говорит про меня мой братец.

— Да ладно, договорились,— сказал Руиз.— Я скажу тебе, где найти фокусы, а ты мне их принесешь. Ни в коем случае не играй с ними, пока я тебе не покажу, как с ними обращаться. Они опасные, по крайней мере, некоторые из них.

Мальчик презрительно поджал верхнюю губу.

— Я же тебе сказал, что я не дурак.

Руиз вспомнил, что он на Фараоне, где иллюзии были действительно весьма мрачного свойства, а фокусы жестоки, поэтому он кивнул.

— Я тебе верю. Будь очень осторожен с тем, кто годится рубить головы ящерицам. Он, может быть, даже вреднее, чем ты думаешь.

День тянулся медленно. Женщины пришли, чтобы вылить воду на крышу, но на сей раз им не хотелось сплетничать.

Когда они снова вешали свои ведра на коромысла. Руиз спросил их, придется ли ему сегодня пережить свое Искупление. Они обменялись жалостливыми взглядами.

— Нет,— сказала женщина, которая разговаривала с ним накануне,— Лордов палач изыскивает новшества.

— А-а-а — мрачно ответил Руиз, стараясь скрыть свой восторг.

Женщины ушли, и Руиз остался ждать.

Ночь пришла, но никто не приехал, чтобы ставить сцену. Руиз на миг обмяк от облегчения, но потом напрягся от надежды и страха. Где мальчик? Неужели его поглотила та же дыра, которая уже сожрала Денклара и Релию?

Через час после заката он услышал топот маленьких босых ног и прерывистое дыхание перепуганного ребенка.

— Что такое? — прошептал он.

Секунду не было никакого ответа, но потом маленький дрожащий голосок все же отозвался.

— Мертвые,— сказал Брумбет,— в твоей комнате мертвые. Я подождал, пока тот человек пойдет ужинать, и переполз по крыше в окно зала. А там, в твоей комнате под кроватью, мертвые: двое их, толстяк и девушка, но я на лица смотреть не стал.

Сердце у Руиза упало.

— А фокусы ты достал?

— Конечно,— они были как раз там, где ты сказал. Я не дурак. Я и к профосу тоже не пошел. Мертвые подождут, пока ты не покажешь мне свои фокусы. Может, я вообще никому не скажу, потому что они уже начинают вонять.

— Правильно думаешь. Ладно, давай сюда фокусы.

Брумбет, казалось, раздумывал.

— Подожди. А откуда я знаю, что ты мне все покажешь?

— Ты умница. Я вот что тебе скажу: я буду делать по одному фокусу, а потом снова отдам их обратно тебе.

— Ладно. Который сначала?

Мальчик развернул сверток, и металлические предметы засверкали в звездном сиянии.

— М-м-м-м-м...— пробормотал Руиз, делая вид, что раздумывает.— Сперва простой фокус прохождения через металл.

Брумбет шмыгнул носом, на него это не призвело впечатления.

— Все знают фокус с кольцом, даже младенцы.

— В этом варианте есть хитрая особенность. Дай мне цилиндр с дырочкой... да, вот этот. И серебряное полукольцо, и ту вещь, которая похожа на рубку с петлями на конце.

Весьма неохотно Брумбет передал предметы через щель. Когда же они оказались у Руиза, он почувствовал себя снова живым.

Он сложил булавочный лазер вместе и выжег замок в фейерверке розовых искр.

Он вышел на свободу и глубоко втянул в себя воздух. Площадь была пуста, и из города не доносились никакие тревожные звуки. Брумбет уставился на него, шок стянул его личико.

Руиз выхватил у мальчика пакет с инструментами.

Брумбет начал протестовать, но Руиз посмотрел на него, и мальчик отпрянул, словно он увидел нечто страшное на лице Руиза.

— Ладно, плевать,— ответил мальчик, вдруг смирившийся

с ситуацией,— ты тоже мерзкий человек, еще хуже того, теперь я это понимаю. Я не дурак.

— Нет, ни в коем случае нет. Мне очень грустно, что мне пришлось тебя обмануть, но это было необходимо. Я тебе очень благодарен, но, к сожалению, я не могу сейчас тебя вознаградить.

Брумбет шмыгнул носом.

— Я еще молод. Еще год — и ты меня уже не обманул бы.

— Наверное, да. Иди домой, Брумбет, и никому ничего не говори. Иначе мне придется причинить тебе вред,— посоветовал ему Руиз рассеянно. Он уже думал про человека в трактире и про то, как лучше захватить его. Он в последний раз посмотрел на Брумбета и был поражен тем презрением, которое он прочел на маленьком личике. Потом Брумбет побежал прочь.

Никакой свет не пробивался из окна. Может быть, его враг все еще ужинал. Хотя Руиз предпочел бы сперва убедиться, где находится его враг, он все еще был голым, все еще приговоренный преступник, и он не мог придумать никакого способа безопасно попасть в обеденную залу. Поэтому он подпрыгнул, поймал край подоконника и осторожно подтянулся.

Запах смерти был очень силен в комнате, но в темноте ничто не двигалось. Руиз вырезал лазером прутья решетки и проскользнул внутрь. Никто не напал на него.

Он неподвижно стоял несколько мгновений, прощупывая все своими чувствами, пытаясь прочувствовать, не осталось ли в комнате опасных ловушек или каких-либо еще сюрпризов. Он ничего не услышал, ничего не почувствовал, не увидел никакого предательского блеска. Он повернул верньер лазера, чтобы тот светился мягким красным светом, и тщательно осмотрел комнату.

Седельный мешок незнакомца висел на гвозде. Его Руиз не стал трогать, боясь сигнализации или других ловушек. Он не нашел никаких прочих мер предосторожности и подивился уверенности или некомпетентности человека. Он нашел тела Денклара и Релии, засунутые под кровать, которая носила следы недавнего использования. Трактирщик был мертв уже день или два. Релия — более короткое время, но на ее теле виднелись раны и синяки, которые свидетельствовали о том, что ее смерть не была легкой. Руиз позволил ледяному гневу наполнить свое сердце.

Он присел у стены возле двери и подрегулировал свой лазер. Он не чувствовал усталости. Скорее, его тело пело от желания насилия, и он жадно поджидал, становясь все нетерпеливее с каждой проходившей минутой.

К тому времени, когда тяжелые шаги прошли по коридору к комнате, а потом небрежно прошаркали внутрь, Руиз почти

смеялся над глупостью этого человека. Абсолютно списать со счетов возможность мести Руиза — невероятно! Свет из коридора был вполне достаточен для целей Руиза. Не поднимаясь, он провел лучом лазера по позвоночнику человека. Прежде чем ноги стали подкашиваться под ним, он провел лучом по одному локтю, потом по второму.

Человек упал лицом вниз, парализованный, руки его больше не слушались. Он взвизгнул, высокий звук, в котором было столько же изумления, сколько и боли. Руиз аккуратно и осторожно подошел, не обращая внимание на вопли, полагаясь на заверения Денклара насчет звукоизоляции комнаты.

Он перевернул убийцу на спину, пихнув его ногой, нацелив лазер ему в лоб.

— Вот мы и встретились наконец,— сказал Руиз с чистейшей радостью.

Человек глотнул воздуха и перестал визжать. В темноте лицо его было неясным пятном.

— Что же мне с тобой делать, раз я тебя заполучил?— промурлыкал задумчиво Руиз.

Человек продолжал молчать, только дыхание его свистело.

— Неужели ты не можешь говорить? Если ты мне скажешь, почему ты вытворял эти штуки со мной и с Лигой, я могу обещать тебе легкую смерть. Иначе я оставлю тебя для Бринслевоса. Он разочаруется, что я убежал, но у него будешь ты. Я был очень аккуратен с лазером, и ты проживешь еще день-два. Мне представляется, ему будет очень приятно открыть заговор продавцов змеиного масла, а один так же хорош, как и другой, правда?

Наконец человек улыбнулся.

— Тебе не отдать меня Бринслевосу.

— Почему нет?— Руиз с интересом наклонился вперед.

Но человек дернулся и умер, так же внезапно, как и механик на борту орбитальной платформы.

«Это поразительно досадная вещь,— подумал Руиз. Вся его сила словно вытекла, и он уселся отдохнуть и подумать.— Смерть убийцы отдавала теми же методами, что и смерть механика. Совпадение? Наверняка нет». Он подумал про генчей и задумался еще сильнее.

Немного погодя он встряхнулся и зажег лампу. Он обыскал комнату и не нашел ничего нового. Он подошел к седельным мешкам с особой осторожностью, но обнаружил, что они не защищены. «Вот ведь какая наглость»,— подумал с удивлением Руиз. Мешок хранил флягу с водой, мешочек с сушеными фруктами и мясом, связку флаконов — менее полную, чем были запасы Руиза. Под фальшивым дном он нашел коллекцию пангалактических подкожных шприцев для наркотиков, множество нейронных индукторов, обойму персональных шпулей. Под

этими товарами-контрабандо, на самом дне, он обнаружил информационную полоску.

Он попил из фляги, надеясь, что отсутствие осторожности у мертвеца было правдивым и что вода не отравлена. Он активировал полоску и аккуратно проверил ее защиту. Строение защиты было рудиментарным, и Руиз легко обошел ее. На полоске не было ничего другого, кроме списка трупп фокусников. К каждой папке, связанной с труппой, прилагался список персонала, перечень основных иллюзий труппы, расписание представлений и номер по классификации.

Руиз изучал список с напряженным интересом. Одна из трупп была обозначена самым высоким классификационным номером. Через три дня эта труппа должна была выполнить великое Искупление в городе, называемом Биддерум, в ста километрах к югу.

«Вот уж воистину удача»,— подумал он. Тут перед ним лежал член организации браконьеров, в этом не было сомнения. Он подумал, как можно было бы сравнить этот список с официальным списком Лиги. Вне всякого сомнения, списки не были бы одинаковыми.

В Биддеруме он будет через три дня.

Он преодолел свое омерзение и раздел труп, а потом оделся в тряпье убийцы. Убийца носил целый арсенал под одеждой. Это оружие Руиз тоже взял, так же, как и фарфоровый брусок с именем мертвеца. Он взял седельные мешки и вышел из комнаты.

Трактир был совершенно тих. Видимо, население Стегатума мирно спало. Руиз добрался до комнаты Денклара, никого не встретив, и забрал свой посох-ружье.

В конюшне Руизу сперва пришлось трудно, когда он седлал верховое животное убийцы, которое, очевидно, почуяло смерть на одежде своего бывшего хозяина.

Но наконец он благополучно выбрался из Стегатума, проехав через пустыню под луной, и ощущение бегства, свободы было таким прекрасным чувством, какого он не помнил в своей жизни.

Глава тринадцатая

Руиз Ав присел на корточки в слабой тени глинобитной стены, ожидая пара. Пот струился по его телу, хотя солнце быстро заходило.

Горожане Биддерума заполняли улицы, ведущие на площадь. Они держались на осторожном расстоянии от Руиза, уважая его чужестранность. Чтобы подбодрить их, он стянул лицо в маску дружелюбного сумасшествия.

Руиз чувствовал, как под его ногами дрожит плотно утоп-

танная глина улицы. Когда толпа сосредоточилась на затененной стороне улицы, он услышал пыхтение и свист паровых топотунов. Он встал в подобающе почтительной позе. Парад медленно подползал к нему по улице, двигаясь в медленном темпе, важным шагом, который вполне соответствовал ритму топотунов. Люди, управлявшие топотунами, прошли мимо него по три в ряд, огромные стальные лапы их машин грохали в глину улиц со всесокрушающей силой, в абсолютный унисон. Когда топотун подскакивал в воздух, каждый из мужчин ловко выступал вперед, подталкивая свою машину вперед, изо всех сил напрягаясь, держа за ручки, которые крепились к машине. Было ясно, что это занятие не для слабаков, потому что все эти мужчины — мощно сложенные парни, потели и напрягались, толкая свои машины к центральной площади. В более ранние времена те, кто управляли топотунами, должны были бы нести связки строевого леса, чтобы ими сотрясать землю. «Прогресс на марше»,— подумал Руиз и хохотнул.

Позади них были музыканты в традиционных фараонских траурных одеяниях, которые состояли из массы колючих кустов, привязанных к их телам кожаными ремнями. Руиз видел, что музыканты были обоих полов, и возраст их был самый различный, у многих были весьма примечательные уродства. У всех в руках были самые необычные музыкальные инструменты, но маршировали они в тишине. Это была художественная и хорошо подобранная труппа, колючки были так плотно подогнаны к телу, что кровь стекала струями по их запыленным худощавым телам, что указывало на то, что на постановку спектаклей они денег не жалеют. С флангов оркестра танцевали клоуны, жонглеры, маги рангом поменьше, жонглеры с лентами, престидижитаторы.

Последний плакальщик, древний старик в шрамах, с особенно многочисленным и неуклюжим кустистым собранием колючек, шел впереди паровой машины, которая тащила сцену. Эта машина была выполнена в форме скарабея, украшена рельефно отлитой сталью, и под ней вертелись колеса в рост человека, усеянные спицами.

Сцена, которую машина волокла, была отделана сверкающими гобеленами с металлической нитью, на которых были вытканы сцены из фараонских мифов. На центральной платформе был установлен роскошный позолоченный саркофаг, резные узоры представляли различных зверей, демонов и многих богов Фараона, богов искупления и воскрешения. По четырем углам сцены стояли члены труппы с фениксом. Каждый старался стоять в ритуальной позе, насколько это позволяло качанье и подскакиванье сцены. Трое были людьми в годах, в ярких костюмах старших фокусников, одна — молодая женщина неземной красоты. У нее была бледно-оливковая кожа и черные с медным отливом волосы фараонской знати, на ней

было льняное одеяние будущего феникса. Когда сцена, дергаясь, проехала мимо, она посмотрела прямо на Руиза Ава, потом ее взгляд скользнул мимо, невидящий и безликий.

Он понял, что на секунду перестал следить за тем, чтобы его лицо изображало безумную улыбку — она пропала с его черт.

За сценой топали три толстых доктора, они должны были засвидетельствовать смерть. Через плечо у них были перекинуты выдубленные шкуры огромных ящериц арройо, черепа и зубастые верхние челюсти ящериц были надеты на их головы как шапки. Это символизировало их профессию, чреватую случайностями и неожиданностями, хотя Руиз предполагал, что костюм был еще и жестом профессионального достоинства. Ящерицы обеспечивали им много пациентов.

Руиз Ав наклонил голову и уставился на свои грязные босые ноги. Информационное погружение дало ему некоторое представление о том, что последует дальше. Он неохотно присоединился к толпе, которая просачивалась на площадь.

Низа, бывшая любимая дочь царя, сосредоточилась на своем равновесии, когда сцена, нервно дергаясь, потянулась к Площади Искусного Страдания, силой воли прогоняя прочь все мысли, загнав свое сознание в отдаленый золотистый уголок души, не чувствуя ничего, кроме пульсации жизни в жилах. Наркотик облегчил это. Она вспомнила, как аптекарь приготовил для нее зелье, растворяя красные гранулы в бледном вине. Он с церемонным видом вручил ей бокал, и в его выцветших глазах старика она прочла сразу и зависть, и сострадание.

С этой минуты у нее были только отрывочные воспоминания, словно сны или кошмары человека, спящего беспокойным сном.

...Костюмеры, которые растерли ее душистыми маслами, пока она пассивно стояла, подняв руки, закрыв глаза, и чувствовала на своем теле прикосновение их рук, ласкающее, дразнящее.

...Фломель, который помог ей подняться на сцену, его темные глаза горели на узком лице. Он притянул ее к ее предназначенному месту на сцене, словно она не шла, а летела по воздуху. «Ты будешь великолепна!» — прошептал Фломель, взяв ее лицо в свои чуткие, длинные пальцы.

...Жара, пыль, запах людей на улицах, узких улочках Биддерума, вонь свалок из пастей переулков. Она дышала всем этим, словно это были самые лучшие благовония, наполняя себя этими ощущениями в последний раз.

Как раз перед тем, как сцена втащилась на центральную площадь Биддерума, она увидела необычную фигуру в толпе, которая стояла по обеим сторонам ворот. Человек этот был одет в фантастические одеяния продавца змеиного масла, высокий, словно в его жилах текла благородная кровь, лицо у не-

го было, как у дневной летучей мыши, острое, с повелительным выражением. Он был настолько неожиданным зрелищем, что она на секунду была выбита даже из наркотического тумана. Ее глаза на миг скрестились с его взглядом, и его глаза напомнили ей зеркальный зал во дворце ее отца, где Низа могла смотреть в отполированный металл и видеть, как она все уменьшается с каждым новым отражением. Глаза его были жестки, как стекло, но на миг они смягчили свое выражение.

Она позволила своему взгляду скользнуть прочь. Разве ее не предназначили для Искупления? Если бы она была дома, во дворце своего отца, она послала бы своих охранников за этим странным человеком вне касты и, вероятно, должна была бы теперь искупить еще одну глупость. Потом наркотик снова затянул ее в небытие, и она более не думала.

Площадь в Биддеруме была широкой и ровной, окруженной глинобитными стенами, которые давали все больше тени по мере того, как солнце клонилось к западу. Руиз протолкался сквозь давку, не обращая внимания на брошенные ему вслед ругательства, пока не добрался до низенькой подпорки у стены, которая давала возможность замечательного обзора. Он бесцеремонно согнал оттуда группку мальчишек, которые уже угнездились там; весело размахивая своим посохом, он грозил им, пока они не убежали, ругая его на все корки. Он подобрал свои лохмотья и уселся на корточки, чтобы дождаться начала представления.

Слева от него женщина, на которой был надет забрызганный глиной халат горшечницы, разговаривала со своим соседом, стариком с татуировками писца.

— Попомни мои слова,— сказала она, громко говоря писцу в ухо,— это нездоровое развлечение. В ваши дни все было по-другому, а?

— Да-да. Мне иногда кажется, что молодые слишком уж полны амбиций.

— Слишком? Вы уж очень мягко про это выражаетесь, уважаемый Дудмоз.

Ее кустистые брови сошлись в гримасе справедливого гнева.

— Кто другой назвал бы это святотатством. Я что-то пока не видела феникса. А ведь это пятая попытка за год в Биддеруме. И, кроме того, это ж царская дочка. Чем все это кончится?

Писец выхаркнул комок мокроты и неаккуратно сплюнул.

— Я придерживаюсь своего мнения.

Потом этих двоих оттеснили водовороты в толпе, подслушать и речи стало невозможно.

Площадь была забита народом, не только горожанами, но и крестьянами и ремесленниками из прилегающих районов номархии. На дальней стороне площади Руизу был виден сияющий павильон, полный местной знати, которая пила вино и ку-

рила змеиное масло. Взвод охранников номархии стоял перед павильоном, потея в кожаных корсетах и железных шлемах. Солдаты завистливо поглядывали на простой люд, особенно на тех, кто пришел, вооружившись винными мехами, корзинками с едой и одноногими табуретками.

По толпе прошло волнение, когда старший маг выступил со своего места к переднику сцены. Это был пружинистый человек старше средних лет, его татуировки подчеркивали его благородство и умеренность в выборе красок. Голос его был красив, звучный баритон.

— Граждане Биддерума, я приветствую вас от имени Царя Царей, которому навеки отдана жизнь, Бхасрахмета, сына Халахума, Бхасрахмета, называемого великим, который милостиво разрешил эту попытку изобразить глубочайшие тайны нашей веры.

Из воздуха фокусник вынул позолоченную деревянную табличку, запечатанную печатью царя, красивого темно-синего цвета. Величественным жестом он передал ее ожидавшему его командиру охранников, который быстро пронес ее в павильон. Номарх Биддерума, стройный, нервного вида юноша, который только недавно получил этот пост, взял разрешение на представление и жестом выразил свое одобрение.

Фокусник низко поклонился. Он повернулся к двум своим сотоварищам, хлопнув в ладоши с таким звуком, словно дерево ударило по металлу. Они выскочили вперед в вихре богатых одеяний, оставив женщину неподвижно стоять на заднем плане сцены. Младшие маги церемонно соприкоснулись руками, а когда они отошли друг от друга, между ними появился жезл полированного черного дерева и стал расти. Их предводитель схватил жезл и вонзил его в пол сцены. Вспыхнул красный свет, и вверх взлетела пелена красного шелка, его ловко подхватили на лету его два ассистента. Волоча за собой переливающееся облако ткани, они бросились обратно и ловко накинули ее на женщину, ткань складками покрыла ее неподвижную фигуру. Главный маг сделал несколько пассов жезлом, которые разрешились драматическим жестом в сторону покрытой тканью женской фигуры. В фейерверке золотых искр покрывало упало на пол сцены. Руиз наклонился вперед, увидел, как упавшее покрывало исчезает в щелях сцены, стекая туда, словно кровавая ртуть.

Трое актеров сплели руки и стали кружить в тесном хороводе. Скорость их вращения все нарастала, и их ведущий маг стал размахивать над головой жезлом, издавая стонущий звук. Огромная колонна блестящей голубой ткани медленно поднялась вокруг танцующих магов-фокусников, поднимаясь все выше и выше, пока она не стала колыхаться над платформой, как огромная змея. Топот ног фокусников и свист жезла, рассекающего воздух, ясно слышались зрителям. Когда звуки достигли

такой скорости, что невозможно было поверить, что их производят человеческие существа, колонна изрыгнула вверх небольшое облачко металлического блеска и пустая упала на платформу.

Во время длинного антракта, который последовал за этим, Руиз Ава откинулся назад и попытался устроиться поудобнее, опираясь на плотно сбитую глину возвышения.

Ослепительный последний луч солнца упал за зубастые скалы Холмов Сенмута. С наступлением сумерек на сцене ожили и вспыхнули факелы, а знать приказала зажечь в павильоне плошки, которые, как и жаровни, должны были прогнать быстро наступающий холод.

Когда темнота окончательно окутала землю, двое бродяг с выбитыми и кривыми зубами попытались лишить Руиза его выгодного места, но он завращал на них глазами, словно сумасшедший, и заставил свой посох-ружье испускать в их сторону инфразвуковые колебания самого зубодробительного регистра. Бродяги пропали из виду с почтительной скоростью, делая на ходу знаки, оберегающие от нечисти и проклятий.

Плакальщики-музыканты, которые расположились ритуальными рядами между сценой и павильоном, начали играть трогательную траурную песнь. На сцене поднялась крышка позолоченного саркофага. Когда тяжелая каменная крышка совершенно откинулась на скрытых петлях, оттуда выпрыгнули трое магов. Оркестр издал финальное скрежещущее крещендо, а потом резко замолк.

Трое фокусников стояли рядом на авансцене, подняв руки, на всех были мрачные черные одежды, лица их были скрыты под фантастическими масками Мертвой Троицы. В центре стоял Бхас, бог засухи, бог смерти, жара и удушающей пыли. Нижняя часть его маски состояла из сложного рта какого-то насекомого, верхняя часть, с бронированными отверстиями для глаз, была черепом смертоносной ящерицы, той, которая носила яд в шипах спины. Маска была разукрашена плюмажем желтых и ржаво-рыжих перьев, которые символизировали засуху.

По бокам Бхаса стояли два его сына от потерянной богини Нехрет, божества непредусмотрительности. Слева стоял Тетри, бог голода, замаскированный под изможденное дитя. Справа стоял Менк, бог рабства, с глазами человека, но собачьей мордой.

За ними четвертая фигура появилась из саркофага, поднятая скрытым поршнем. Это была богиня Хашипут. В этот момент Руиз с трудом узнал в ней феникса. Ее покрывали вышитые одеяния богини, она была похожа на драгоценный бледный камень в богатейшей оправе. В фараонском театре боги выступают в масках, но богини показываются с обнаженным лицом.

Ее лицо с тонкими прекрасными чертами теперь было пол-

но живости, словно удовольствие от представления победило страх.

Флейты взвизгнули, и темные боги сорвали свои маски, показав маски поменьше, которые крепко обхватывали их головы, и они были еще противнее и еще реалистичнее, чем верхние маски. Верхние маски боги швырнули в кучу посреди сцены и прыгали в хороводе, а богиня не обращала на них внимания. Облако зеленого дыма заслонило маски, а когда оно рассеялось, груда масок шевелилась от неприятного зловещего движения. Фокусники отошли в сторону и стояли как статуи. Куча масок взорвалась с шипеньем и воплем боли. Шакалоподобное существо вырвалось из нее на свободу, волоча задние ноги, а за ним в погоню устремилась бронированная ящерица. Одним прыжком ящерица настигла шакала, вспрыгнула ему на спину, размозжив его лисообразную голову одним сжатием челюстей.

Пока ящерица пировала, звуки крушимых костей стали заглушать шорохи лапок насекомых. Руиз удивился, видя, что первые ряды зрителей, поближе к сцене, отпрянули назад под аккомпанемент перевернутых стульев и пролитого из мехов вина. Потом он увидел первых бонанов, насекомых с болезненным и толстым, но не ядовитым жалом. Крылья этих насекомых были так толсто покрыты позолотой, что они могли делать только коротенькие перелеты среди визжащей толпы, но, пролетая среди факелов, они представляли собой очень красивое зрелище.

Стоило раздавить под ногами последнего бонана, а зрителям — занять прежние места и малость успокоиться, как ящерица бросилась к краю платформы. В ответ на это раздались подлинные вопли ужаса из зрительного зала, даже в павильоне знати кое-кто бросился бежать. Но ящерица провалилась в люк в метре от края сцены. Слабый вопль из-под сцены вызвал мрачное перешептывание среди зрителей.

Во все время этой свирепой суматохи и страха феникс смотрел вперед с легкой, погруженной в себя улыбкой на устах.

Тут началось представление традиционной пьесы, называемой «Гибель мира».

Это было в Эпоху Зелени, еще до Ошибки, когда земля была покрыта сладкой травой, а вода бежала неприкрыто под небом. Трое были в великом изгнании, запертые в тюрьме Ада, далеко внизу под краем мира. Трое покрывались там язвами миллионы лет, и все наверху было спокойно и безмятежно.

В один прекрасный день богиня Хашипут гуляла у края мира совершенно одна. Это было задолго до постройки Стены Мира, поэтому она могла встать на краю и смотреть вниз на ядовитые облака.

Она услышала сухой голосок, который звал ее откуда-то

очень издалека. «Хашипут, прохладная, беленькая Хашипут»,— говорил он.

Она остановилась и посмотрела в бездну Ада, потому что голос, как ни невероятно это было, казалось, исходил из пустоты. Но она ничего не увидела, кроме испарений Ада. Потом она почувствовала страх, и это было в первый раз за все время веков ее существования. Больше она ничего не слышала, поэтому она пожала своими совершенными плечами и вернулась во дворец своего отца.

На следующий день она не гуляла, не пошла она на прогулку и день спустя.

Когда наконец она возобновила свои прогулки, она держалась подальше от края мира. Но когда она услышала этот голос снова, то он стал сильнее, и под его сухим скрипеньем она услышала несомненные нотки силы. «Хашипут, прекрасная, прохладная, с облаком волос, Хашипут,— говорил он, а потом голос перевел дыхание, как меха, которые раздувают огонь.— Я могу показать тебе хитрый фокус, Хашипут».

Она подождала на безопасном расстоянии от края почти до темноты, а потом убежала домой, чувствуя странное смешение ужаса и любопытства. Миллион длинных лет прошел с тех пор, как у нее был новый поклонник.

Руиз был поражен тонкостью представления. Нежными, продуманными штрихами феникс играл роль богини, нежной и глупенькой, так впечатляюще это было, что Руиз забыл о примитивном механизме представления. Иллюзия была поразительна.

Трое фокусников собрались вместе на нижнем уровне сцены. Из их группы время от времени вверх выстреливала тоненькая оранжевая змейка, символизировавшая отравленные мысли, которые адресовались добрым богам наверху. Змеи уплывали в ночной воздух и падали среди зрителей, которые раздирали их на части ради дешевых бумаг и конфет, которыми они были начинены.

Жезл Руиза задрожал в руках, сигнализируя, что неподалеку движется большая масса металла, и Руиз перевел внимание на дисплей жезла, замаскированный как инкрустация эмалью. Он неровно мерцал. Но минутой позже индикатор вернулся к норме. Руиз нахмурился. Либо жезл реагировал на случайное скопление в толпе, в которой было много всякого металла, либо на том корабле, на который он надеялся попасть, были очень хорошие гасители.

В любом случае пока он не мог сделать ничего, поэтому он вернулся к представлению.

Теперь Хашипут приходила к краю мира каждый день, но голос молчал.

Однако неделю спустя, когда она почти потеряла интерес, он вернулся, и сила в нем была, как в лавине пыли.

— Хашипут, гладкокожая, росистая Хашипут, ты меня забыла?

— Кто ты?— спросила она, набравшись храбрости.

Внизу, под краем мира, Бхас остановился в своих попытках подняться, он был страшно доволен. Прекрасные боги наверху по-настоящему забыли про него.

— Я дух этого места,— ответил он.— Я могу доставить много удовольствия.

— Ты просто покажись,— сказала она.

Руиз увидел, как актер натянул черный шелковый капюшон на страшные черты Бхаса. Он влез на верхнюю часть сцены ловким движением, имитирующим ползанье змеи. Он стоял перед Хашипут, из его сжатой руки рос букет ядовитых розовых колючек, перемежающихся черной бритвенной травой.

Он представился богине интересным. Он был высок, изысканно тонок, и, хотя его черные одеяния были не в моде, она увидела, что он одевается с щегольским вниманием к деталям.

— Вот мы и встретились,— сказал он, низко кланяясь. Он вручил ей букет.— С подножий Ада, для вас.

Она взяла букет, но цветы укололи ее, а когда она его уронила, бритвенная трава порезала ей пальцы.

Она рассердилась, красноватая дымка наполнила воздух.

— Это мир моего отца,— сказала она.— Прочь отсюда, прежде чем я позову его, и он тебя пожрет.

— Как тебе угодно,— сказал Бхас.— Но сперва позволь мне принести свои извинения, пожалуйста.

Он высоко поднял руку, и красная дымка ее гнева стянулась из воздуха в его сложенную ковшиком руку. В одно мгновение в ней появилась серебряная чаша, и Бхас протягивал ее богине.

— Вот, прелестная Хашипут, промой в ней свои пальчики,— сказал вежливым тоном Бхас.

Ее гнев слетел с нее так быстро, что она была сбита с толку и послушна, поэтому она бездумно опустила руку в прозрачную жидкость. Кровь с ее пальцев темным вихрем закружилась в чаше, и жидкость стала темнеть от винного цвета к темно-багровому, затем к черному. Хашипут почувствовала невыносимую боль в руке. Она рывком отдернула ее.

— Что ты сделал?— ахнула она.

Бхас рассмеялся. Это был сухой, каркающий смех злорадства.

— Бедная Хашипут,— сказал он весело,— ты не должна с этим обращаться к отцу. Если ты станешь искать его помощи, то твои пальчики никогда уже не станут красивыми. Посмотри-ка, Хашипут.

Она посмотрела на руку, и это было еще хуже, чем боль. Кожа стала темной и пятнистой, пальцы раздулись, как пять мерзких колбас.

— Ты заплатишь за это...— сказала она, но Бхас схватил ее руку горячей сухой лапой.

— Я заплатил, не сомневайся,— заскрежетал он низким и злобным голосом,— но эти времена прошли. Помни, если ты пойдешь к своему отцу и скажешь ему об этом, руке станет гораздо хуже. Подумай о морщинах, о обвисшей плоти старости, о противных костях под ней.

Тут он ее отпустил, и она побрела прочь как можно быстрее.

Во дворце она прокралась в свои покои, пряча руку в складках платья, пробираясь малоизвестными коридорчиками. Она не встретила никого из богов и полубогов и была этим счастлива. Боль в ее руке утихла, спала, превратилась в тупую и тянущую, сосредоточенную в пальцах и запястье. Она со страхом смотрела на нее, держа ее перед глазами.

В те времена боги были выше смерти и разложения, они были, можно сказать, бессмертны. Хашипут смотрела на свою руку, иссохшую, с распухшими костяшками, с синими венами, покрытую пятнами старости. Она издала маленький, затравленный крик и упала без чувств на пол своей спальни, выстланный золотыми листьями.

Глава четырнадцатая

Пот струился по лицу Руиза Ава, хотя теперь воздух был вполне прохладен. Он понял, что не был готов к тому, что пьеса так быстро кончится. Феникс неподвижно лежал на полу сцены, отброшенный за ненадобностью увядший цветок. Зрители, казалось, как один человек затаили дыхание. Черный занавес спустился складками сверху, скрыв сцену.

Несколько секунд спустя он поднялся, и перед зрителями предстала Хашипут. Обе ее руки были обернуты в радужную кисею, и она прислуживала за гигантским столом своего отца, бога богов, Канеша.

Она стояла подальше от огромной, всепоглощающей пасти своего отца. Он никогда не пожрал бы ее намеренно, но его рот был столь велик, а голод его столь могуществен, что могли произойти всякиее случаи. Лапы ее отца, длинные и узловатые, как ветви тернистого дерева, загребали жертвы в пасть бога. Наконец он очистил стол, и тут же немедленно появились новые кучи еды: быки, корзины сладких плодов, бесчисленные сонмы птицы, снопы спелого зерна, свиньи большие и поменьше — и все это присылали ему его жрецы, которые видели смысл в том, чтобы держать самого капризного и могущественного из богов постоянно занятым. Все на свете исчезало

в глотке ее отца, но, хотя его челюсти бешено работали, он никогда не мог до конца справиться с потоком жертв или перегнать появление изобилия еды. Кое-что из еды падало, и крошки подбирали и уносили смертные прислужники, крохотные, словно насекомые, под столом божества.

— Отец! — приветствовала она его, собираясь признаться в своей глупости и положиться на его силу и способность все исправить.

— Дочь, как приятно мне тебя видеть,— ответил Канеш громовым голосом.

Хашипут почувствовала неприятное жжение в руке.

— Отец,— начала она,— очень странная вещь произошла со мной.

Она подавила вопль, когда ее рука вспыхнула страшной болью. Она держала ее под длинным столом, где ее отец не мог увидеть, что с ней. Украдкой она посмотрела на руку. Вверх по ее запястью ползла омерзительная темная полоса. Выше была гладкая, как полированная, кожа богини. Ниже была пятнистая, мерзкая плоть старости.

Она вспомнила предупреждение демона.

— Я... я страдаю болью... боль в животе, называют ее смертные. Возможно ли такое, отец?

Полоса разрушения остановилась чуть выше ее запястья, но не попятилась назад. Хашипут почувствовала, что сейчас снова упадет без чувств.

Ее отец долго смотрел на нее, слегка замедлив пережевывание. Потом он улыбнулся.

— Это все потому, что ты такая привереда в еде. Ты раньше не замечала, что обжорство мстит даже богам.— Канеш рассмеялся громовым хохотом. Его рыгание обволокло Хашипут зловонным облаком, и она затаила дыхание.— Может, ты выпила слишком много нектара из амбровых ягод?— Наверное, так и есть,— сказала она. Она смогла выдавить бледную улыбку и тихо ушла из трапезной своего отца.

Руиз смотрел, как феникс, снова вернувшись в свои покои, разматывает кисею с руки, медленно и методично. Он передернулся от сострадания и омерзения, когда она подняла руку, такую изуродованную, хотя информационное погружение сказало ему, что ее нервы были блокированы, прежде чем рука ее была поджарена в кипящем масле, а потом высушена в грубой вакуумной сушке. Рука стала страшной когтистой лапой, и феникс, не веря своим глазам, глядел на нее, прежде чем снова упасть в обморок.

Занавес возвестил окончание первого акта — только в этом случае он взвился со сцены вверх, волшебным образом подвешенный в ночном небе.

Во время короткого антракта Руиз уперся взглядом в землю и пытался думать о чем угодно, только не о фениксе и его боли.

Занавес упал, чтобы начать вторую половину пьесы. Феникс встал на колени главы фокусников, его божественная маска все еще была скрыта под капюшоном. В отдаленных углах сцены стояли остальные маги, тоже в масках. Факелы по периметру сцены то гасли, то зажигались, пульсируя без всякого внешнего вмешательства. Живая картина долго пребывала в неподвижности, прежде чем Бхас поднял руки в угловатом приветственном жесте.

Хашипут нашла Бхаса, который ждал ее на краю мира. Она положила руку к его ногам, плача и стеная:

— О, ради богов,— сказала она,— пожалуйста, скажи, чего ты хочешь от меня?

Ей отозвался сухой властный голос, который нежно говорил ей:

— Ах, прекрасная Хашипут, я же только хочу помочь. Мука необходима, чтобы стать залогом твоего будущего счастья. Это истина!

Хашипут, дрожа, молча подняла обезображенную руку.

Бхас долго молчал, глядя на нее, словно бы даже с нежностью. Потом он заговорил, и голос его вибрировал от любопытства и жалости, по крайней мере, так показалось Хашипут.

— Хашипут,— спросил он,— как получилось, что ты никогда не совокуплялась? Никогда за все долгие тысячелетия?

На секунду она забыла про боль и выпрямила спину в гордой царственной позе.

— Какое тебе дело до всего этого?

Бхас стал выше, шире, темнее. Его голос прокатился по ней, давя ее своей силой:

— Ты забываешься, Хашипут! Мое дело то, которое я сам себе назначу.

На сцене факелы замигали быстрее, а из оркестра раздался низкий, режущий ухо вопль инструментов. Звук резанул Руиза по нервам.

Сыновья Бхаса подошли ближе. Там, где ступал Тетри, бог голода, прорастала трава засухи, извиваясь с судорожной силой. Там, где ступал Менк, бог рабства, прорастал смертник вонючими клубками, и запах этого противного растения прошелся по зрителям, гнилостный, затхлый. Богиня поднялась и отпрянула, заметив этих двоих в первый раз.

— А эти чудовища, кто они?— спросила она с такой издевкой, какую только позволяли ей дрожащие губы.

Бхас схватил ее за руку и наказал ее болью, болью, которая прожгла ее руку и схватила ее за сердце. Она упала на землю, катаясь из стороны в сторону, колотя больную руку здоровой,

чтобы наказать источник своих страданий. Когда наконец боль прекратилась, она села и посмотрела на Бхаса глазами, в которых больше не было непокорности.

Бхас улыбнулся под маской, и впечатление было такое, что под черным шелком проползли черви.

— Вот тебе на выбор, Хашипут,— сказал он, показывая на своих сыновей.— Один из них станет твоим супругом, супругом, который был тебе обещан, когда мир еще был молод, так же, как ты была обещана нам, прекрасная Хашипут. Твой отец никогда не говорил тебе про этот договор, нет?

— Нет,— сказала она.

Она не могла заставить себя смотреть на ужасную троицу, но их божественные эманации касались ее, словно горячий грязный ветер. Черная сила Бхаса, пустая алчность Менка, безнадежное отчаяние Тетри.

— Но это правда, о да, это правда.— Бхас шагнул к ней. Запустив свою тощую сильную руку ей в волосы, он рывком поднял ее на ноги. Она была слишком слаба, чтобы сопротивляться или даже самой перенести свой вес на ноги, поэтому она висела в его руке, как добыча.

— Могу ли я,— сказал Бхас,— представить тебе моих любимых сыновей?

Он показал своей свободной рукой.

— Это мой первенец, Менк.

Менк отвесил униженный поклон, деревянно, как оживленный труп. Хашипут передернулась, и Бхас для предостережения потряс ее.

— А это,— продолжал он,— Тетри, мой младший.

Тетри не кланялся. Он протянул вперед руки молящим жестом. Там, где одеяние открывало, спадая, его руки, они казались почти лишенными плоти, кости были покрыты туго натянутой кожей, а пальцы казались когтями.

Хашипут наконец нашла в себе силы встать, и Бхас отпустил ее. Он отступил, положив руку ей на плечи.

— Ты должна выбрать,— прошептал он ей на ухо.— У тебя нет выбора, кроме как сделать выбор. Если ты не выберешь, ты не умрешь, но пожелаешь себе смерти. Тебе придется прятать свое уродство в самой глубокой пещере, какую ты только сможешь найти, чтобы те, кто тебя превозносили за красоту, не забили бы тебя камнями от бешенства и омерзения. А?

Хашипут не смела сомневаться в его словах.

— Разве для твоих сыновей нет жен в Аду?— спросила она, и голос ее звучал смиренно, полный поражения.

Бхас рассмеялся, и руки его сомкнулись на ее плечах, впиваясь в тело. Но эта маленькая боль была как ласка, в сравнении с болью в ее руке.

— Может, и есть,— ответил он,— но женщины Ада грубы и жестки в сравнении с тобой, зрелая, сочная Хашипут.

Словно для того, чтобы подчеркнуть его слова, боль в ее руке вспыхнула с новой силой так, что она почти потеряла сознание.

— Да,— сказала она,— я сделаю выбор.

Руиз дрожал в нарастающем холоде. Он смотрел, совершенно завороженный, как продвигается пьеса.

Он смотрел, как богиня выбрала Тетри. Он смотрел, как боги сняли с себя маски, и Хашипут снова лишилась чувств. В вихре голубого сияния сцена превратилась во дворец отца Хашипут. Действие пьесы становилось все динамичнее, когда Хашипут провела Бхаса и его сыновей в позолоченные палаты, где сладкие плоды свисали с ветвей, растущих из прохладного белого камня, где молодое вино струилось из каждого дворцового фонтана. Фокусники выполняли чудеса обмана, переменяя сцену не хуже пангалактической холодрамы, а красота феникса становилась измученной, ее терзали боль и ужас. Лицо ее бледнело с каждой секундой, волосы слипались от пота. Бог засухи и его сыновья крались по коридорам и садам, и там, где они проходили, за ними следовала смерть, останавливая фонтаны и иссушая цветы.

Руиз почувствовал холодный ужас. Невзирая на свое выученное равнодушие, отстраненность от этой сцены, он стал смотреть на феникса, как на нечто... человеческое, нечто большее, чем безымянная жертва на богом забытой планетке-поставщице рабов. По мере того, как она извивалась и боролась, катясь все ниже по сужающемуся тоннелю сюжета, все ближе и ближе к собственной смерти. Руизу все труднее и труднее становилось смотреть. Глаза ее, казалось, смотрели внутрь, ее полные губы были сжаты в тонкую линию несчастья, но сквозь все муки она играла свою роль безупречно, восхитительно, все еще она была нежной, глупенькой богиней.

Приближалась развязка пьесы. Руиз шевельнулся, спуститься со своего выгодного места. Он стал скользить в толпе, не встречая никакого сопротивления от биддерумцев, которые были еще более захвачены пьесой, чем он. Руиз протолкался поближе к сцене, его навыки взяли ситуацию под контроль, пока его сознание все еще было захвачено мистерией и ее чудесами и ужасами.

Во дворце Канеша, где раньше все было сплошной усладительной прохладой, воцарилось засушливое запустение. Бхас делал, что хотел, разлагая все во дворце, даже те жертвы, которыми питался отец Хашипут, поэтому величайший из богов смертельно заболел. У Канеша едва оставались силы, чтобы смести загнивающие остатки в пасть, и, когда Канеш ослабел, весь Фараон был близок к смерти. Менк и Тетри бродили по земле, заражая мир своими особенными кошмарами и страхами.

Что же до богини Хашипут, то она сидела на дальнем конце пиршественного стола ее отца и смотрела, думая о своей брачной церемонии на следующее утро. Она не верила, что проживет долго после этого, после того, как Бхас укрепит свою триумфальную победу, и, в любом случае, Фараон станет пылью окончательно и вовеки.

Руиз стоял у передника сцены, ожидая. Посох дрожал в его руке. Но он был так захвачен пьесой, что посох повысил уровень своего сигнала до болезненной вибрации, прежде чем он ответил на него и посмотрел на индикатор. Поблизости двигался металл, масса, похожая по размерам на ту лодку браконьеров, которую поджидал Руиз. Он оглянулся через плечо, пытаясь вглядеться в темноту за зрительной площадкой, хотя он знал, что у такого корабля должна быть великолепная визуальная защита. Он почувствовал, как ему знакомо сводит лопатки, что ему надо принять все меры к тому, чтобы прочистить мозги от очарования пьес. Индикаторы снова встали на нулевые отметки, и он немного расслабился. Видимо, браконьеры готовы были подождать до конца пьесы.

В последний раз Хашипут стояла на южном краю мира, глядя вниз в Ад, ее шелковые туфельки касались осыпающегося края, там, где человек потяжелее не осмелился бы стоять. Горячий ветер вздымал облако ее прекрасных волос и бросал ей в ноздри запах ее тела. На ней было ее любимое платье, так что ее прекрасная плоть видна была под прозрачной тканью. Ее погубленная рука была завернута в шелковое полотнище, стянутое нитями черных песчаных жемчужин. Она снова являла собой великолепное зрелище, настоящая богиня.

С севера пришел Бхас, чтобы выполнить церемонию единения, последнюю, чтобы окончательно укрепить свое могущество. С востока прибрел Тетри, жених, придерживая свое раздувшееся брюхо, словно оно могло отпасть прочь. С запада пришел Менк, завистливый свидетель на церемонии. Они медленно окружали богиню, которая подошла еще ближе к краю.

Бхас в тревоге выкрикнул:

— Осторожно, прекрасная Хашипут, бездна очень глубока. Тебе не понравятся испарения Ада, а я не стану спускаться туда за тобой.

Тетри издал слабый булькающий звук и протянул ей свои руки скелета.

— Видишь,— сказал Бхас,— как волнуется твой будущий муж. Пожалуйста, отойди от края.

Она вытянула вперед руку, перевязанную лентой.

— Я ведь уже не так прекрасна, правда?

— Неважно,— ответил Бхас, незаметно придвигаясь к ней.— Тетри не очень разборчив.

— Так я и поняла.

Бхас остановился так, чтобы Хашипут до него не достала. Он беспокойно посмотрел на бездну Ада, потом немного отступил назад.

— Менк,— приказал он,— оттащи ее от края.

Менк скрестил на груди свои массивные лапы.

— Нет, отец. У меня не хватит смелости еще раз миллион лет карабкаться наверх. Если хочешь, оттащи ее сам. Или, может, лучше пусть Тетри это сделает.

Менк рассмеялся тихим издевательским гортанным смехом.

Конец наступил быстро.

Тетри рванулся вперед с вырвавшимся у него криком желания, и богиня приняла его в объятия. Бхас тоже бросился вперед, но слишком поздно, те двое уже упали с края мира: Тетри — визжа от ужаса, Хашипут — улыбаясь, как невеста, крепко прижавшись к нему.

На сцене специальные приспособления выстрелили вверх, унося Бхаса и Менка выше, за пределы света факелов, создавая иллюзию, что Тетри и Хашипут падают. Их тела, поддерживаемые какими-то невидимыми способами, извивались и трепетали в потоке воздуха, который ветродуй под сценой гнал на них. Мгновением позже они «упали» до уровня первых паров Ада, представленных цветными вуалями, которые появились в воздухе. Эти переливы кисеи постепенно пополнялись все более темными и темными слоями ткани, по мере того, как двое падали все глубже и глубже в Ад, чистый белый цвет постепенно желтел до охры, темнел до багрянца артериальной крови, наконец, до самого темного черного цвета. Перед тем, как факелы погасли почти совсем, Тетри упал, размахивая руками, вглубь, а потом внутрь сцены, а тело богини упало на выступ, который выдвинулся, чтобы принять ее тело. Оно высоко подлетело в воздух, безвольное, а потом упало неподвижной грудой.

Руиз яростно надеялся, что удар от падения убил ее или, по крайней мере, лишил сознания. Он продолжал смотреть и пришел в ужас, когда она стала слабо шевелиться на камне.

Потом она дернулась, глаза ее расширились, а лицо превратилось в маску неестественной красоты, маску обычной женщины, переживающей смертельную боль. Она стала кричать, но звук заглушили колючие стебли, которые выросли из ее рта. Тело ее затрепетало в последние секунды жизни. Потом лозы проросли из ее живота вместе с фонтанчиками крови.

Потом она наконец упала и осталась лежать неподвижно. Лозы все росли и росли вверх, потом расцвели, покрыв тело огромными, белыми, сладко пахнущими цветами.

Руиз был потрясен. Феникс был казнен стилетной лозой, ра-

стением-эфемером, которое произрастало на верхних склонах Ада и которое могли принести только рабы-адоныряльщики.

Зажегся свет и показал главного фокусника, который стоял над телом феникса, а с двух сторон стояли его сотоварищи-артисты. Он начал традиционную мораль.

— И вот богиня Хашипут встретила свою смерть в Аду. Но благодаря ее жертве мы не знаем Голода, благодаря ее жертве власть Страшной Троицы уменьшилась, так что наша жизнь стала сносной. Но никогда мы не должны забывать, что Тетри ползет вверх по стенам Ада, и в один прекрасный день вернется, если жрецы, что следят за стеной мира, не будут бдительны.

Трое актеров поклонились, и Руиз увидел странное чувство в их глазах. Он внезапно и отчетливо понял, что эти люди ожидают вознесения в Землю Вознаграждения. Они поставили спектакль всей своей жизни, кульминацию их искусства и веры, и они это знали. Только худощавый фокусник, который играл Тетри, казалось, чувствовал некоторое сомнение в том, что ему действительно нужна эта награда, хотя трудно было прочесть какие-либо чувства на его татуированном диковатом лице.

Посох Руиза постоянно и ровно жужжал. Он пробился к сцене сквозь последний ряд молчаливой толпы.

— Так и сама Хашипут восстанет в один прекрасный день, потому что даже смерть не вечна,— заключил фокусник, когда Руиз бросился на сцену, распростершись перед носилками феникса.

У Руиза было достаточно времени, чтобы он увидел шок и возмущение на тонком аристократическом лице главного фокусника. Потом вокруг сцены образовалось облако-ловушка, и ударило парализующее поле. Фокусники упали, словно подрубленные топором, и даже Руиз, невзирая на свои усиленные рефлексы и тренировку, чувствовал, словно невидимые руки запихивают вату ему в уши, словно его кожа отделяется от тела, словно глаза его наполняются непрозрачным клеем. Он неподвижно лежал, как ему казалось, целые годы. Потом он зашевелился пытаясь собрать свои конечности, решить, где верх, где низ. Потом он успешно сел, спихнув с ног одного из фокусников.

Руиз действовал, как в амоке. Если бы большая часть его сознания оставалась в действии, он мог бы проклинать свою глупость и невнимательность. В тот момент, однако, единственным сильным током в сознании Руиза было чувство, с которым он смотрел на окончание мистерии с фениксом, глубокое печальное сожаление, сосредоточенное на изуродованном теле женщины. Когда его зрение стало проясняться, все, что он мог видеть — это было ее неподвижное тело.

Свет в транспортировочном шаре был пронизывающий —

жесткое, окрашенное фиолетовым, излучение, которое не давало ничего скрыть. Руиз нашел свой посох, неуверенно поднялся на ноги, спотыкаясь и почти упав на тело неподвижного фокусника. Одной рукой волоча за собой посох, он подошел к носилкам, где лежал феникс. Голова Руиза была полна гудением, исходившим непонятно откуда, кости его дрожали в хватке ускорения, которое на корабле браконьеров не было экранировано. Думать было невозможно. Он стоял, глядя вниз на феникса. Никаким воображением нельзя было теперь представить или назвать ее красивой. Цветы увяли и опали на ее тело, как грубый пожелтевший снег, а сами лозы теперь почернели и разлагались.

Почти рассеянно Руиз уронил посох и стал вырывать лозы. Они распадались в черную слизнь, но те части, которые были погружены в тело, были еще достаточно крепки, чтобы держаться одним куском. Они издавали страшный чмокающий звук, когда он вытаскивал их, но Руиз заметил, что сами раны были довольно маленькими. Не было и большой кровопотери.

Он устроил ее так, чтобы она выглядела чуть приличнее, и закрыл ей глаза. Он все еще не в состоянии был думать по-настоящему, но ему казалось, что он мог бы сделать больше. Вместе с этим чувством пришло беспокойство, беспокойство, которое, казалось, было связано каким-то образом со временем. Казалось, что есть нечто, что он должен выполнить как можно скорее, если он вообще это выполнит. Руиз гнался за этой мыслью по темным глубинам своего мозга, но она ускользала, как угорь. Наконец его взгляд упал на посох, который лежал возле носилок. Беспокойство кольнуло еще глубже. Он поднял посох, держа полированное дерево, как будто касался его в первый раз. Руки его сделали совершенно автоматически странное вращательное движение и посох распался.

Из углубления в головке посоха выпали различные предметы, и Руиз наклонился, чтобы их рассеянно разобрать, снова уронив посох, когда его внимание рассеялось.

Потом, обуреваемый импульсом, который только весьма смутно имел для него смысл, он поднял медицинскую прилипалу и ампулу заживляющего геля общего назначения.

Жужжание в голове стало сильнее, и движения его стали еще менее уверенными. Наконец, нахмурясь в свирепой сосредоточенности, он наложил медицинскую прилипалу к восковому телу женщины на шею, возле того места, где были худшие повреждения. Показания на дисплее вспыхнули красным, и из прилипалы немедленно выстрелили щупальца, которые защитным жестом обвились вокруг ее черепа. Через длительный промежуток времени из прилипалы выстрелили другие щупальца, чтобы исследовать прочие раны, нанесенные стилетной лозой.

Он разломил ампулу и нежно нанес на разорванную плоть серый гель. У геля был сладковатый запах, который неприятно

смешивался с вонью гниющих цветов. Геля было вполне достаточно, чтобы покрыть им изуродованную руку, поэтому он развернул шелк и заставил себя это сделать. Он смотрел, дрожа от слабости, пока гель не впитался, а потом заметил, что яростная красная пульсация прилипалы смягчилась до янтарного цвета. Кожа женщины была уже не такой серой, а грудь стала еле заметно вздыматься и опускаться.

Кровь грохотала у него в ушах, и его зрение померкло. Он последним остатком сил собрал содержимое посоха, снова поместив его в тайном отделении, потом соединил посох вместе. Ноги его постепенно отказывали служить ему, и он упал на сцену. Секундой спустя посох выкатился из его рук, и он заснул вместе с остальным грузом рабов.

Руиз Ав проснулся первым. Если бы произошло иначе, если бы какой-нибудь не снабженный усиленными рефлексами примитив раньше сбросил бы с себя парализующее поле, Руиз был бы очень удивлен.

Его обнаженное тело лежало на теплом металле и пластике. Над ним сиял такой ослепительный свет, что он резал его запекшиеся глаза. Воздух пах дезинфектантами и мочой. Пронизывающее завывание ускорения ушло из его костей, и это вызвало к жизни первую сформированную и цельную мысль. «Мы на месте,— решил он,— чем бы это место ни было».

Глава пятнадцатая

Кореана восхищалась своим беспилотным кораблем, пока он сидел и охлаждался на посадочном круге. «Синвергуэнца» был неплохим корабликом. Он мог похвастаться автономным мозгом, наследником знаменитого Банш-Пилота многих давних столетий. Он был очень маневренным и быстрым для своего размера, его системы тщательно дублировались, и его изящный силуэт был бронирован красивой бледно-фиолетовой броней.

После схождения по орбитальным платформам безопасности он был в очень хорошем состоянии. Индикаторы поддержания жизни показывали полную загрузку живого груза. Каждый гроб был задействован. Стадо, конечно, надо будет провести через выбраковку. Это всегда приходилось делать.

Но у нее все было прекрасно, в этом она была уверена. Она ненавидела любое нарушение в ее приятном и гладком течении жизни. Другие пусть ищут в ремесле работорговца приключения и разнообразие, восторг из-за власти над человеческими существами или еще по каким-то причинам, еще более пакостным.

Только не Кореана. Она стала работорговцем, потому что это было наиболее выгодное ремесло, которое было открыто для человека с ее биографией. Богатство защищало ее от ужа-

сов ее юности. Смутно вспоминаемое ей время, когда она могла только мечтать о том, чтобы еды было вдоволь, чтобы над головой была крыша и спасение от подгонявших надсмотрщиков, которые прохаживались по стальным шахтам Добравит, где давным-давно она была просто промывщицей, к тому же еще и работающей за кров и стол.

И, конечно, только ее богатство могло купить ей такие замечательные игрушки: ее лицо, ее раба-Мока, свирепого охранника и воина, услуги прекрасных рабов. И у нее были и другие источники удовольствий. Она ценила чувственное наслаждение прекрасной едой. Ей принадлежали замечательные повара. Она была знатоком несмертельных по вредности разновидностей химических наслаждений, знала толк в богатых винах с сотен планет, бесконечное разнообразие курений, понимала прелесть тонких психоактивов, собранных в безумных джунглях Поссета. Свои самые острые удовольствия она получала в спальне, и здесь ее профессия тоже оказывала ей неоценимые услуги. Она была довольна своими апартаментами здесь, на Сууке, которые были утоплены глубоко в безопасную скалу основания планеты. Ее соседи и товарищи по профессии не представляли для нее угрозы. Пунг, который владел этими квартирами, знал, как поддерживать порядок. Хотя ее бизнес принадлежал к одним из небольших в этом регионе, возможности ее вполне соответствовали ее уровню деятельности.

Ей доставляло удовольствие, что ее маленький кораблик благополучно добрался назад с богатым грузом, грузом, который она обменяет еще на хорошее количество благополучия.

Она встала и потянулась. На экранах полдюжины охранников-Пунгов осторожно приближались к остывающему корпусу корабля, внимательно следя, нет ли каких признаков опасности, хотя в действительности это было маловероятно. Опаснось подстерегала неосторожных и неудачливых, а она не принадлежала ни к тем, ни к другим.

— Пошли, Мармо, настало время посчитать,— сказала она.

Мармо поднялся со своего места в углу командирского центра и завис на своем летательном пузыре. Ее адъютант существовал и функционировал с помощью многочисленных устаревших протезов, хотя это делало его похожим на плохо спроектированного андроида, который кое-где был небрежно залатан человеческой плотью. Он оскорблял глаз Кореаны, но он был не только ценным союзником, он был самым близким подобием друга, которого она могла себе позволить. Поэтому она не настаивала, чтобы он сменил внешность на более приятную.

Стоило им покинуть командный центр, как сзади зашагал раб-охранник Кореаны, всегда тихий, если не считать царапанье его когтей по стальной палубе.

Даже мышцы его глаз сперва отказывались работать, но постепенно их функции восстановились, и Руиз Ав смог сосредоточить взгляд на том, что его окружало.

Он лежал обнаженный на глубоком металлическом корыте, которое пугающе напоминало стол в морге. Широкая полоса монопласта крепко прижимала его грудь. Боковины корыта поднимались так, что он не мог видеть ничего, кроме металлического потолка, оснащенного полосками для освещения и висящего неприятно низко. Сеть неразрываемого монолина покрывала корыто. Внутренняя сторона его была снабжена очистными трубками и сенсорами.

Единственным звуком было непрерывное жужжание вентиляторов.

Он сосредоточился на том, чтобы полностью восстановить владение своим телом. Постепенно оно стало отвечать на его усилия — тут сокращение мышцы, там дрожь. У Руиза было достаточно времени, чтобы начать думать. Он перечислил положительные стороны своего положения: он не умер, он не был в камере допросов и пыток, он был на пути к тому, чтобы узнать, кто такие были браконьеры. Когда он рассмотрел отрицательные стороны, длина этого списка на миг его оглушила. Парализующее поле... это было настоящим ударом: его дорогие мозговые рефлексы его не спасли, он все равно был пойман полем. Призрачное воспоминание секунду беспокоило его: успел ли он что-то сделать, прежде чем поле поймало его? Нет-нет, решил он, парализующее поле было слишком сильным, оно выследило тот уголок сознания, где таились его слабости.

И все-таки, почему он чувствовал стойкое беспокойство? Это было похоже на чувство, которое он испытывал после своих редких, но памятных гулянок, такое подозрение, что он сделал нечто памятное, потрясающе глупое. Нечто, что он должен был бы помнить, но не мог, зато другие наверняка запомнят.

Он стал сгибать и разгибать мышцы, насколько можно незаметно, пытаясь разогнать в них кровь и вернуть чувствительность. Осторожность требовала, чтобы Руиз приготовился к решительным действиям. Если, конечно, понадобится.

Руиз услышал первые слабые стоны и охи от своих сотоварищей по рабскому плену по обеим сторонам от его корыта. Он решил, что шевелиться безопасно, и понял, что движения даются ему по-прежнему легко. Он протер запекшиеся веки и сосредоточился на том, чтобы не терять спокойствия. Его товарищи-рабы не делали никаких попыток сохранять хладнокровие. Руиз услышал хор перепуганных стонов, когда остальные обнаружили, что находятся в незнакомом окружении, и стали завывать, визжать, ругаться и молиться.

По мере того, как их мышцы приходили в себя после парализующего поля, звуки из корыт, вызванные тем, что пленники

колотили ногами и размахивали руками, стали просто оглушительными. Их новое окружение никак, ни в малейшей степени не соответствовало фараонскому представлению о райских кущах, где все они ожидали проснуться после такого успешного завершения мистерии с фениксом. Неужели боги сперва сделали их пленниками в собственных непослушных телах, а потом в стальных гробах? Неужели рай пахнет рвотой и мочой?

Проходило время, и ругательства стали звучнее, чем молитвы, по крайней мере, по степени громкости.

Руиз стал присоединяться к ним, не желая казаться неестественно спокойным, на тот случай, если грузовой трюм был под наблюдением. Его естественным желанием было ругаться, но он вместо того стал молиться, надеясь произвести впечатление кроткого и послушного человека. Он стал извиваться, имитируя панику настолько, насколько он мог метаться из стороны в сторону без риска повредить свои долго бездействующие мышцы.

Он настолько был поглощен своим занятием, что даже не заметил первого дуновения наркотизирующего газа. Но стоило ему заметить посторонний запах, как он стал молиться с меньшим рвением, а постепенно переходил к безвольному лежанию, хотя газ был слишком примитивный, чтобы преодолеть его усиленные рефлексы. Все же газ вселил в него определенный искусственный оптимизм, и ему пришлось сделать усилия, чтобы сохранить реалистическую степень мрачности и подавленности.

Вскоре трюм снова стал тих и спокоен.

Слегка взрогнув, корыто, в котором лежал Руиз, стало двигаться вперед, потом наклонилось. Через несколько минут Руиз стоял на ногах наклонившись вперед на эластичную монолиновую сетку. Теперь он увидел, что его корыто было частью транспортного конвейера, который содержал полдюжины таких же корыт. По другую сторону прохода он увидел полки таких же контейнеров, пока находившихся в горизонтальном положении.

Кое-кто из прочих пленников на его транспортере тоже привалились к сетке и строили Руизу веселые рожи. Руиз ответил им тем же и стал ждать развития событий.

Где-то со скрипом открылся люк, и Руиз почувствовал, что давление возросло, когда более плотный воздух проник в трюм. Шаги он услышал секундой раньше, чем инспекционная комиссия вошла в трюм.

В компании было трое: женщина, которая, казалось, возглавляла остальных, мужчина и раб-воитель с Мокрассара. Вид Мока-воителя задушил в сердце Руиза надежду на немедленное освобождение и бегство. Размер его был весьма внушительный даже по стандартам Мокрассара: выложенные эмалью узоры на его хватательных щупальцах говорили о боль-

шом возрасте и высоком происхождении. Огромное насекомообразное носило замызганную ливрею елизаветинских времен, перешитую так, чтобы подходить к его многочленистому телу. У него было, собственно говоря, шесть конечностей. Руизу было хорошо видно, что перепачканная ткань когда-то была роскошной. Средние манипуляторы Мока были снабжены встроенными энергоизлучателями. Вонял он, как бочка утопленных тараканов.

Мужчина был образчиком киборгирования человека. Его безногий торс был приделан к консоли летательного пузыря, вместо одной руки у него была многоцелевая оружейная установка, в которой сейчас был зажат еще и нейронный кнут. Череп его имел металлический свод, только ниже носа лицо его оставалось с человеческой плотью. Шею ему заменял сегментированный металлический воротник. Он был похож на пирата из холодрамы, слишком уж он был колоритен, чтобы быть настоящим. Все же он размахивал нейронным кнутом весьма уверенно, видно было, что практика в этом деле у него была весьма большая.

Но после первых нескольких моментов именно женщина приковала к себе все внимание Руиза. Она была высокого роста. У нее было то неоригинальное совершенство форм, которое было доступно любому жителю пангалактики со средствами: высокая, с небольшой высокой грудью и длинными гладкими мышцами. Там, где из-под простого белого космического комбинезона видна была ее кожа, она казалась насыщенного цвета старой слоновой кости, испускавшей почти сияние. Волосы ее свисали по спине простой удобной косой, тяжелой, как черная змея. Вот лицо ее, именно лицо делало ее незабываемой. Руиз узнал в нем руку Арлена Младшего, мастера пластической хирургии, чья работа никому не обходилась дешево. Глаза были простого голубого цвета, брови темные, слегка вразлет, губы пухлые цвета природного коралла. Но из этих непритязательных составляющих Арлен создал один из своих великих шедевров. Это было лицо, которое говорило о силе и власти, власти, прежде всего, неукрощенной, не смягченной никакими нежными чувствами. Властью, которая сама себе служила оправданием и никаких других оправданий знать не желала. Это было лицо, которое требовало поклонения, и Руиз почувствовал внезапный взрыв ощущений в паху. Эту реакцию он погасил как можно быстрее. В его теперешнем совершенно раздетом состоянии такая реакция самым смертельным образом могла бы его предать. Это могло бы стать доказательством, что газ на него не действует. При мысли о том, что могло бы случиться потом. Руиз постарался применить всю свою силу воли, чтобы не дать яичкам втянуться в живот.

Корыто Руиза было возле дальнего конца конвейера, поэтому у Руиза было время пронаблюдать за троицей, пока она

медленно продвигалась вдоль конвейера, обсуждая прочие экземпляры пойманных рабов.

Голос у женщины был как колокольчик, сладкий, нежный, высокий и отчетливый. Она разговаривала на торговом пангалактическом наречии со следами добравитского акцента.

— Мармо,— сказала она, обращаясь к пирату-киборгу,— тебе придется поломать голову над алгоритмом захватывающего поля. Пузырь поля захватывает слишком много посторонних и зевак. Это серьезное упущение. Захватчики Лиги никогда не бывают такими неряшливыми. Ведь не хотим же мы дать начало каким-нибудь новым религиозным движениям, правда? Очень скоро деревенские дураки начнут взбираться на сцену, надеясь, что мы заберем их немедленно в рай, а у нас появится разрушительная перегрузка. Кроме того, зачем подбирать мусор?

Она остановилась перед корытом, в котором лежал простолюдин с лицевыми татуировками и крупными мышцами каменотеса.

— Например, вот этот. Видишь, какие у него татуировки? На кой черт он мне? Наша специальность — изысканный товар. Этот тип не стоит даже переработки.

Крестьянин покатал головой по сетке, рассеянно улыбаясь и пытаясь схватить женщину.

Она бесстрастно изучала его. Потом она откинула крышку предохранителя и нажала кнопку. Внутренняя сторона корыта вспыхнула белым огнем. Секунду спустя пепел просочился в решетку в полу и исчез.

— Я обязательно со всем вниманием займусь этим предметом, Кореана, как только доставим этих, как следует, в бараки,— ответил пират сочным рокочущим басом. Она посмотрела на него, потом нажала пластинку на его панели управления. Когда он заговорил снова, голос его стал заметно слабее.

— Банш-мозг отказывается производить селекцию — ты же знаешь, каким упрямым он может быть в некоторых вопросах, поэтому я должен прогонять алгоритм по вспомогательным системам. Еще одна трудность заключается в том, что стоит нам сделать захватывающий купол слишком маленьким, как мы рискуем потерять часть труппы или их оборудования.

— Тогда сделай лучшее, что возможно в этих условиях,— сказала она.

Мармо потер рот тыльной стороной своей человеческой руки.

— Может быть,— сказал он,— может быть, мне удастся разработать утилиты, которые смогут распознавать узоры татуировки. У нас есть весьма обширная база данных, с которой можно было бы работать. Таким образом, селекция будет производиться до того, как сомкнется купол.

Она кивнула.

Прежде чем они достигли корыта, где лежал Руиз, еще двое пойманных были сожжены, и Руиз понял, что ему очень трудно сохранять маску невинного идиотизма. Он слышал запах духов женщины, их сладкий запах перебивал вонь сожженного мяса, самые разные мерзкие запахи трюма и перекрывающую все на свете вонь Мока. Неожиданно, из-за какого-то извращения чувств, этот цветочный запах стал для него воплощением смерти или, по крайней мере, смерти бессмысленный, неожиданной и жестокой. Хотя он знал, что он ничего, по сути дела, не может предпринять, его самые потаенные отделы мозга выли и молили об освобождении. Когда она остановилась перед ним, он почти был парализован страхом. Он изо всех сил старался не показать ничего, кроме ошеломленного и веселого любопытства. Он увидел, как отвращение и досада молнией мелькнули на этом прекрасном лице, а затем какая-то другая, менее понятная мысль промелькнула в ее чертах — но она не потянулась к кнопке разрушителя.

— Еще один случайный,— сказал Мармо.— Судя по татуировкам, торговец змеиным маслом. Наверняка у него все мозги выжжены, а он сам болен.

И Мармо откинул крышку предохранителя.

Кореана ударом откинула руку Мармо без малейшего усилия. Это произошло так быстро, что Руиз не успел даже отреагировать.

Прошло много времени, прежде чем она решила отвернуться от него и сказала:

— Этого отметь для моего личного использования. Может, мы из него сделаем мальчика для удовольствий. У него очень интересные черты лица. Продадим его, это точно, или я уже ничего не понимаю в рабах. Хоть что-то, чтобы покрыть расходы на нашу перегруженность, правда?

Она просунула руку под сеть и поставила ему на плечо голубую точку, что-то вроде опознавательного знака.

Облегчение дрожью пробежать по спине Руиза. Все еще жив, все еще жив... У него не было непосредственной угрозы со стороны смертной сети, это не произойдет до тех пор, пока взявшие его в плен не опознают его окончательно и бесповоротно как агента Лиги. Ему можно было оставаться в живых и собирать сведения до тех пор, пока он был в безопасности.

Его облегчение длилось до тех пор, пока трио с обходом не дошло до конца трюма. Он почувствовал неожиданное сильное напряжение в атмосфере, в настроении и услышал, как женщина, Кореана, выругалась, короткий взрыв ругательств на самом подоночном жаргоне Добравита. Руиз повернул голову, чтобы сквозь сеть разглядеть, что происходит.

Она вернулась к пангалактическому наречию.

— Это еще что за черт? — прошипела она, показывая на корыто в самом конце конвейера.

Руизу было видно только колено, прижатое к сети, необыкновенно гладкое и хорошенькое колено. Почему-то это зрелище воскресило в Руизе беспокойство, которое он почувствовал при пробуждении.

— Это медицинская прилипала, как мне кажется,— сказал пират неуверенным тоном.

— Это я и так вижу! Что это вообще делает на моем корабле? Это пангалактическая штука! Каким образом она оказалась на шее какой-то фараонской шлюхи?

Руиз неожиданно полностью уверился, что он сделал какую-то ошибку, страшную, непоправимую, во время путешествия в захватывающем куполе. Он пытался вспомнить, но наркотический газ все-таки смутил его мышление как раз настолько, чтобы ему невозможно было ничего вспомнить. Что же такое он сделал?

Пират никак не ответил на риторический вопрос Кореаны.

— Ну,— рявкнула она,— спроси корабль, идиот!

— Сию секунду,— ответил пират.

Он стал нажимать кнопки на консоли, которая выдвинулась из борта его летающего пузыря. Потом он поднял взгляд и сказал:

— Корабль ничем не может нам помочь, Кореана. Когда корабль рассортировывал добычу из купола, женщина была в таком виде, как ты ее сейчас и нашла. Ее жизненные функции были тогда практически на нуле, однако корабль решил, что стоит попробовать оставить на ней прилипалу.

— Он врет, Мармо?

Пират пожал плечами.

— Ну... трудно сказать. Банш был страшный бабник, надо сказать, а женщина очень привлекательна. Банш так стар и так хорошо защищен, что я счел бы его вполне способным на такое вранье. Может, это он сам прикрепил прилипалу... Но я понятия не имею, где он смог бы раздобыть такую штуку.

Кореана посмотрела на киборга холодным взглядом.

— Это непонятное происшествие я не могу допустить. Узнай, в чем дело, Мармо.

Кореана шлепнула ладонью по панели управления, и сеть исчезла. Она протянула руку вовнутрь. Рука ее снова появилась в поле зрения Руиза, и она держала прилипалу, которая извивалась, показывая щупальца, испачканные красным. Почему-то сердце Руиза сжалось. Он сам не мог понять, по какой причине. Прелестное колено вздрогнуло, потом опустилось.

— Ты, пожалуйста, позаботься о том, чтобы разобраться, почему так произошло, Мармо. И надо бы прекратить сжигать излишки. Надо бы сохранить их, пока мы не узнаем, кто нацепил на нее эту штуковину. А пока что держи ее вместе с прочими. Для фараонки она очень ничего, мы найдем ей подходящее применение.

Кореана швырнула прилипалу на палубу, раздавила ее каблуком.

Прилипала издохла с коротким траурным жужжанием.

Руиз быстро отвернулся, прежде чем они заметили его интерес к происходящему.

Корыто стало снова двигаться на конвейере. Когда конвейер вывалился из беспилотного кораблика на колесном транспортере, Руиз увидел, как новая серия корыт наклонилась вертикально, чтобы удобнее было осматривать захваченную добычу.

Когда они вышли из трюма, Кореана уставилась на Мармо недобрым взглядом.

— Это тот симпатичный продавец змеиного масла. У него опасная физиономия.

— Я его немедленно убью,— ответил приглушенно Мармо.

— Идиот! А что, если он — агент Лиги? Что, если у него смертная сеть?

— Мы его заморозим и положим в гибернатор.

— Нет. Нам надо узнать побольше. Посмотри за ним. Может, он сам покажет нам, что он такое.

Посадочный круг был очень сильно укреплен, поэтому Руиз ничего не видел, кроме бетона и стали, освещенных ослепительными голубыми прожекторами. Крыша была свернувшимся цветком черного металла. Возле корабля стояли десятки маленьких человекоподобных инопланетян, сероватого цвета, представители расы, которых Руиз никогда непосредственно не встречал. Они были приземистые, с крепкими мышцами, кожа у них была бородавчатая, вся в складках. На голове был пучок перьев тускло-пурпурного цвета. Сами головы были довольно плоские. На них были мундиры, в лохмотьях которых можно было заметить былую пышность и великолепие, и вели они себя с большим достоинством и осторожно. Руиз порылся в памяти. Пунги? Название казалось правильным, хотя он не мог вспомнить никаких подробностей.

Они выпустили его с транспортного конвейера после того, как аккуратно нацепили на него нейронный воротник. Его ладонь отметила временный стадный номер, его провели в лифт, который рухнул глубоко вниз, в шахту комплекса, в камеру-одиночку, высеченную в скале. Вместо решетки кристаллическая пластинка постоянно вспыхивала и жужжала в дверном проеме, создавая постоянный раздражающий фон. Волны отпугивания затрудняли подход к двери, и Руиз знал, что, если дотронуться до кристалла, это вызовет страшнейшую мучительную боль. Это была простая предосторожность против побега, и Руиз, к своей досаде, почувствовал определенное профессиональное уважение и одобрение. Единственной мебелью были кровать из мягкого камня-пуховика, кран питательной си-

стемы и сток в одном из углов. Одежды ему не дали, но температура в камере была установлена такая, что человеку было приятно.

По мере того, как рассеивались эффекты наркотического газа, Руиз припоминал, что он делал немедленно после того, как купол захвата накрыл их. Его охватила паника, которой он в чисто лечебных целях позволил бушевать бесконтрольно, чтобы выбросить из организма ненужные гормоны. «Ну как же так,— спрашивал он себя,— как он мог себе позволить быть таким глупым и импульсивным, как он смел оживить феникса? Как?!»

В конце концов он взял себя в руки. Ничто не связывало его с фениксом в глазах захватчиков. Вся остальная часть его пангалактической коллекции, так же, как и его камуфляж, продуманный Лигой, была специально спроектирована так, чтобы устоять перед любым анализом и расследованием. Его имущество даже отталкивало отпечатки пальцев и на генном уровне затирало оставленные на ней органические фрагменты человеческих выделений и тканей. Вероятно, устройство сработало, иначе его уже схватили бы, как того, что вмешался в судьбу феникса. Если его просто опознают как жителя пангалактики, его дело еще не безнадежно. Его личность-маска, личность небольшого работорговца, действующего на свой страх и риск, устояла бы перед любым промыванием мозгов, разве что очень сильный профессионал смог бы пробить этот щит.

Если люди, захватившие его в плен, знали уже, кто он такой, его можно было считать уже мертвым. Но в том, чтобы рассматривать именно эту возможность, не было ничего приятного или полезного, поэтому ему надо выбросить это все из головы и действовать так, словно у него были хорошие шансы выжить и выбраться отсюда. Правда, у него не было в распоряжении его обычного оружия, но могло быть хуже. По прошествии часа ему стало скучно, а потом он стал думать над судьбой прочих пленников.

Он стоял так близко к двери, как только было возможно из-за отталкивающего поля, глядя через коридор на противоположную камеру. В редкие промежутки времени запирающее поле его камеры попадало в фазу с полем противоположной камеры, и тогда ему виден был его сотоварищ по плену, старший из фокусников, которые играли в Биддеруме. Жесткий взгляд черных глаз фокусника был устремлен на Руиза с такой злобой, что Руиз отошел от двери подальше, чтобы не быть на виду у соседа. Имея в виду возможное наблюдение, он вел себя, как примитивный дикарь, но такой, который вполне способен сдерживать истерику. Руизу вовсе не хотелось, чтобы его заклеймили необучаемым или неукротимым. Его слишком впечатлило то, как небрежно производила Кореана отбор среди своих рабов.

Руиз не мог найти в памяти никаких данных, касающихся рабовладельца или работорговца по имени Кореана. Неудивительно, невзирая на все огромные средства, которые Руиз потратил на погружение в информацию. В конце концов, на пангалактических мирах действовали неисчислимые количества работорговцев. Но немногие из них могли позволить себе такое лицо, как у нее, и Руиз сообразил, что это была нигде не зарегистрированная работа великого мастера пластической хирургии, который ее выполнил. Это само по себе было показателем власти и богатства Кореаны. Только незаурядная сила и неординарное богатство могли заставить художника такой славы и масштаба работать анонимно. Такая мысль устрашала.

Когда за ним пришли двое серых охранников-Пунгов, он притворялся, что спит на камне-пуховике. Он услышал, как отключенное поле двери щелкнуло и задребежало, а потом услышал шипение пневматической аппаратуры, чтобы откатить дверь.

Руиз услышал, как осторожно шлепают по полу крупные круглые ноги охранников, когда они вошли в камеру, а потом в его ноздри ворвался слабый запах их тел, напоминавший рыбий жир.

— Спит, как шпротина,— пробормотал один из них на пангалактическом торговом языке.

— Наверное, не хуже, чем ты, когда засунул его сюда,— огрызнулся второй.— Наша сука дала вполне определенные указания: голубой знак — в камеру-одиночку, остальных в бывшие казармы Старого Трари Три. Попробуй еще раз так промахнуться, она тебе голову откусит и жабры выдерет, ты, ощипанная башка.

Руиз услышал шипенье и постукиванье. Он предположил, что это означало реакцию на обиду. Руиз слегка приоткрыл один глаз и увидел, как первый охранник надувает свой горловой мешок.

— Я ощипанная голова?— провизжал он.— Мои перья сидят как следует! Видишь? Голубой знак у него есть на плече, я же тебе говорил. Просто эта сука переменила свое решение. И все равно, ничего плохого не произошло. До тех пор, пока особая часть стада сидит в камерах-одиночках, все в порядке. Вот если бы я сделал наоборот, как ты в последний Ветродень, давеча, тогда бы мне было из-за чего беспокоиться. Ты уже все забыл?

— Да откуда мне было знать, что этот безобидный головастик — людоед?

Дальнейшая перепалка прекратилась, поскольку Руиз сделал вид, что просыпается.

— Демоны!!! — завопил он на фараонском.

Потом он отскочил в угол, где сжался, весь дрожа, в комочек, прижавшись к камню.

Охранники выкатили друг на друга выпученные и без того глаза. Тот, что покрупнее, выхватил сеть и оскалил зубы, пытаясь, видимо, принять ободряющий вид.

— Иди-ка вперед без фокусов, ты, длиннолапое живое чучело,— сказал он, показывая рукой на дверь.

Руиз обратил внимание, что между нитями сети проскакивали и шипели искры. Не желая, чтобы его оглушили, он оторвался от стены, собрался с духом и покинул камеру, делая устрашающие гримасы.

Они прошли, казалось, через мили подземных коридоров, прежде чем вышли на солнечный свет. Стены все еще были высоки, проход — узкий, он сверху был прикрыт жужжащими отпугивающими полями, но Руиз поднял голову к солнцу, чтобы погреть лицо. По тысяче мелких деталей — горячий свет, притяжение земли, насыщенность воздуха, запах соли, запах невидимой пока растительности — Руиз понял, что он находится на Сууке, печально известным прибежищем пиратов и работорговцев, а также целой коллекции прочих чудовищ. Он почувствовал дрожь предвкушения и страха.

Если бы он мог каким-то образом убежать и отправить торпеду с сообщением в штаб-квартиру Лиги на Дильвермун, его задание было бы выполнено, а послание-на-задание, которое гнало его вперед, растворилось бы и унесло бы с собой смертную сеть.

Но вместо этого он решил, что весьма вероятно будет как раз то, что смертная сеть потащит его на смерть.

Глава шестнадцатая

Узкий проход изворачивался и извивался, когда они шли и шли по нему, настолько он изобиловал поворотами.

Сотни, возможно, тысячи незарегистрированных и незаконных работорговцев, должно быть, держали тут свои рабские казармы. Точно так же поступали пираты, похитители людей и контрабандисты всяческих плотских удовольствий.

В ходе своей работы Руиз неоднократно бывал в различных рабских казармах Суука и в переправочных станциях, но ничего из того, что он сейчас увидел, не показалось ему знакомым. Не помнил он и действующих, больших казарм, укомплектованных охранниками-Пунгами. Ему не было это странно или удивительно: Суук был крупной планетой, а Шарды, инопланетные собственники Суука, энергично сопротивлялись попыткам картографировать поверхность планеты, и эта дополнительная неясность еще больше привлекала преступников, которые держали здесь базы для своих операций.

Тут и там в стенах были прорезаны наблюдательные окошки. Окошки были древние, их стекло было покрыто спекшейся пылью и царапинами, но Руиз мог видеть вполне достаточно, чтобы удивиться разнообразию товара. В казармах были представители большинства рас, которых Руиз знал, были и такие, каких он никогда не видел. Большинство экземпляров относились к людям или человекообразным формам.

Он увидел представителей Ноктилей, особи поменьше осторожно столпились вокруг своего главного на маленьком травянистом холме. Главным была в данном случае женщина с тощей фигурой, чем-то похожая на волчицу, с огромной гривой огненно-оранжевых волос. Цвет тех особей, что были поменьше , варьировал от центра к краям группки, так что с внешней стороны оставались гладкие светлые головы и пухлые уязвимые тела. Главный витийствовал. Руиз подивился тому, какой переливающийся узор представляла эта группа, каждый жест главной женщины подхватывался теми, кто был младше в иерархии, повторялся и переводился тем, кто находился снаружи. Он хотел бы остаться и посмотреть, если бы это было возможно. Вот где, действительно, были ценные экземпляры. Но охранники гнали его дальше.

Каждое наблюдательное окошко было окном в чужой мир. Он увидел несколько мастеров-клонов, которые славились на Нарбалонге исполнением йодлей, группку древесных гномов с Мира Сакетта, большую коллекцию адаптированных к морским условиям человекообразных из океанского мира Чолдера — они плескались в огромном глубоком зеленом бассейне. И много, много разных других. Рабские казармы впечатляли обилием, разнообразием и размером.

Когда они подошли к казармам, где содержались фараонцы, Руиз впал в подавленное и серьезное настроение.

Окошко было вделано в стену прямо возле дверей прогулочного двора, и Руиз заглянул вовнутрь, пока более крупный из охранников копался в сумке на поясе в поисках молекулярного ключа, который отпирал замок. Ландшафт внутри прогулочного двора имитировал небольшой оазис на Фараоне, там не было ни полей, ни каких-либо еще ловушек для желающих убежать. В центре прогулочного двора приютилась небольшая хижина, окруженная перистыми кронами деревьев-димвельт.

Дверь зашипела, поднялась вверх, открыв шлюз-проход, уставленный стеллажами для хранения провизии, одежды и прочего. С другой стороны шлюз был закрыт еще одной дверью.

— Марш внутрь,— сказал охранник, ударив Руиза по пяткам нейронной сетью.

Руиз повиновался с приличествующей скоростью. Как только они оказались внутри, второй охранник открыл стеллаж, вытащил оттуда грубую коричневую рубаху и швырнул ее Руизу.

Руиз надел ее, а потом сандалии, которые ему дал первый охранник.

Охранники осмотрели его.

— По-моему, выглядит как положено. А прочие, кажется, просили, чтобы им дали побрить головы?

Второй охранник рассмеялся полузадушенным не то свистом, не то бульканьем.

— Ему, кажется, не надо. Натуральный лысый — выщипанные перья! Не верится, правда?

Руиза охватило беспокойство. Он надеялся, что больше никто не заметит, что ему не приходится выполнять этот своеобразный момент фараонского туалета. Его депиляция еще действовала на несколько недель, но татуировки сотрутся, прежде чем депилятор прекратит свое действие — вот и еще одна проблема.

Один из охранников коснулся контрольной панели. Первая дверь упала, и секунду спустя открылась внутренняя дверь. Охранники весело выгнали его из шлюза. Дверь захлопнулась за ним с лязгом.

Руиз стоял один возле двери, и суукское солнце немилосердно лупило его по голой голове.

Он с любопытством оглянулся вокруг. Загон, казалось, покрывал примерно гектар пространства, более или менее округлого. Стены были высокими и гладкими, сделанные из того же топленого камня, что и остальная часть. Верхняя часть стен была защищена переливающимися силовыми полями, которые простирались высоко над двором-загоном, образуя в воздухе кружевной узор, там, где они пересекались с прочими полями. Сияющие поля, должно быть, очень красивы ночью.

Он пошел по тропинке к хижине в центре загона.

Он решил и дальше притворяться невинным фараонцем, который случайно попал вместе с ними. Это давало ему возможность легко общаться со своими товарищами по рабству, собирать сведения, но самому не давать никакой информации. Он подошел бы к их группе совершенно незаметно, а тогда стал бы ждать первой же возможности улучшить свою ситуацию. В конце концов, это было его ремесло, которое он до сих пор применял с немалым успехом и сноровкой. Он покачал головой, все-таки не в силах разогнать пессимизм.

Аккуратно обходя жгучие перья деревьев, Руиз обогнул заросли деревьев-димвельтов и вышел на центральную часть загона. В полуденной жаре она была пустынна, но секунду спустя приземистый полный человек с татуировками старшего по гильдии появился из одного из темных выходов хижины.

— Человек или демон? — спросил он у Руиза голосом, хриплым от подавляемого ужаса.

Руиз постоял молча, принял спокойную дружелюбную по-

зу, развел руками, чтобы видно было, что у него нет никакого оружия.

— Больше, чем человек, меньше, чем демон, а может быть, наоборот. Иногда трудно бывает сказать,— весело ответил он.

Человек прищурился на Руиза, потом расслабился.

— Это же продавец змеиного масла, судя по татуировкам и речам.

В ответ на это утверждение с полдюжины прочих фараонцев высыпали в загон.

— О, да,— сказал Руиз,— я продаю мечты, но, увы, как раз сейчас мечтаний и снов у меня не осталось. А, может быть, это тоже сон? А? По крайней мере, это куда более странный мир, чем те, которые мне доводилось посещать верхом на змеином масле.

— Ты верно сказал, Старшина Гильдии Дольмаэро,— сказал тощий парень с одним слепым глазом и татуировками дрессировщика зверей.— Я думал, что сроду не стану привечать никого из подобного племени, но он более приятное зрелище, чем эти серые бородавчатые кошмары.

Они смотрели на Руиза усталыми красными глазами. Наконец Дольмаэро заговорил:

— Какова будет наша судьба? Ты что-нибудь слышал об этом?

Руиз развел руками удивленно и беспомощно.

— А я-то надеялся, что вы мне скажете.

Лица у людей вытянулись. Постояв, фараонцы повернулись и зашаркали обратно в хижину. Последним ушел Дольмаэро, который остановился и сказал добрым голосом:

— Тут жилище бескастовых,— Дольмаэро показал подальше, на здание, на котором были следы того, что там долго никто не жил.— Дважды в день демоны приходят и зовут нас есть. Ты должен будешь ждать своей очереди, но еды всегда множество.

Выражение очень сильной печали тронуло черты широкого лица Дольмаэро.

— Вот только змеиного масла тут нет.

Потом он ушел, оставив Руиза одного на площадке. У Руиза было неприятное ощущение, что множество глаз следит за ним из тенистых дверных проемов, которые выходили на площадку. Там размещалась остальная часть труппы фокусников, возможно, тридцать или сорок человек, мужчин и женщин, которые, работая с люками и перегородками, создававшими иллюзию, были под сценой, когда корабль-захватчик снялся с места и забрал их.

Руиз пожал плечами и пошел к двери показанного ему здания. Висячие вилифибровые занавески, которые когда-то были повешены, чтобы не пропускать насекомых, были порваны

в клочья и ни на что больше не годились. Он оттолкнул их в сторону и вошел.

Внутри все было темно и немного прохладнее. Какое-то время глаза Руиза привыкали к темноте, и он почувствовал, что хижина, к его удивлению, не пустует. Он отодвинулся в сторону от двери, свет из которой обозначал его силуэт, и всеми чувствами старался обследовать хижину. В дополнение к затхлым запахам пыли, старой кожи и древесины он почувствовал тонкий запах органического вещества — запах болезни. Когда его глаза привыкли к темноте, Руиз различил два ряда развалившихся коек по стенам. Одна из коек была занята.

Руиз осторожно продвинулся вперед. Женщина на кровати лежала неподвижно, потом болезненно зашевелилась, заметалась, словно в бредовом сне. Слабенький стон вырвался из бледных губ феникса.

Руиз вздохнул и осторожно сел на ближайшую койку, которая выдержала его вес, только несколько раз крякнув и треснув. Он долго сидел, глядя на ее беспокойный сон, сон спасенной им женщины. Она была чем-то неестественным для его врагов, источник подозрения, средоточие их паранойи. Руиз был среди врагов, и очень легко было заразиться от этой женщины аурой подозрительности, она была очагом распространения всего того, чего его враги боялись. Он какое-то время подумал, не задушить ли ее — никто не сможет сказать, что она не померла попросту от своих ран. Когда она умрет, возможно, его ошибку забудут.

Потом Руиз никак не мог вспомнить, когда именно он отбросил эту блестящую идею. Он смотрел на то, как она спит, смотрел, как на прекрасной линии ее верхней губы появляется капелька пота, смотрел, как ее темные ресницы трепещут на прозрачной, воспаленной от жары щеке. Почти задним умом он изобрел логическое объяснение тому, что он ничего с ней не сделает: девушка уже, вероятно, была внесена в каталоги работорговцев — ее смерть или исчезновение напомнят им об обстоятельствах ее появления на корабле.

Наконец он положил руку ей на лоб и почувствовал, как лихорадка огнем горит в ней.

— Слишком жарко,— прошептал он, словно она могла его слышать.

Он покопался в отбросах у задней стены хижины и нашел выщербленный пластиковый таз и кучу грязных тряпок. Он вышел из хижины, нашел краны с водой в специальном сарайчике. Внутри, в дополнение к традиционной ванне, были универсальные краны, такие, какие работорговцы устанавливали, когда не знали какого рода руки будут у их будущего товара.

Когда тряпки были выстираны дочиста, он отнес их обратно в хижину. Она слабо пошевелилась, когда он стягивал с нее рубаху, но она была не просто во сне — она была без сознания.

«Работорговка должна была бы оставить прилипалу подольше»,— подумал Руиз Ав.

Он вымыл ее, как только мог, а потом продолжал обтирать ее прохладной водой. Он не чувствовал никаких сексуальных поползновений, когда проводил тряпкой по ее прекрасному телу — она была все еще слишком больна, чтобы быть красивой, слишком близка к смерти. Но в том, что он ее касался, было более отвлеченное наслаждение. Это было такое ощущение, что он проводит рукой по прекрасной статуе. Кожа ее была гладкой, как полированное дерево, все планы ее тела были столь чисто слеплены. Шрамы от ее краткой смерти были всего лишь еле видны в сумраке хижины. Гель-репликант будет все равно продолжать свое дело, пока они не пропадут окончательно. Даже ее рука чисто заживала, вернув себе юный и прекрасный вид.

Весь остаток дня она спокойно проспала. Время от времени Руиз выжимал ей в рот струйку воды, используя самую чистую тряпку. Она могла глотать, и скоро ее губы уже не выглядели такими пересохшими. Руиз начал получать от своих усилий по выхаживанию больной смешанное с чувством вины удовольствие. Когда он сам понял это, в нем проснулся гнев на самого себя, но он продолжал начатое дело. Она стала выглядеть чуть спокойнее и спать стала нормально.

Когда солнце садилось, в загоне прозвенел гонг, и Руиз выглянул из хижины. Он увидел роботележку, которая неуклюже въехала на площадку, а за ней шел серый охранник, держа наготове нейронный кнут.

Прочие фараонцы показались из своего здания. Руиз удивился тому, как много их было. По меньшей мере пятьдесят фараонцев, по большей части мужчины, все почти простолюдины. Фокусников, видимо, держали в камерах повышенной надежности внизу, как подобало обходиться с более ценными рабами.

Фараонцы молча стояли и смотрели, пока охранник не сделал им знак подойти. Как только они окружили тележку, она откинула крышку и внутри обнаружились дымящиеся котлы фараонской снеди: рагу из песчаных улиток, горячие маринованные овощи, серое месиво толченого зерна джеммера. Рабы осторожно зачерпывали еду, не выказывая большого аппетита.

Когда все взяли свои порции, подошел Руиз, и остальные отпрянули. Он увидел, что пища только с виду напоминала фараонскую. На самом деле это была синтетика, грубо сделанная и окрашенная, чтобы с помощью пищевых ароматизаторов напоминать привычную еду. Руиз взял одноразовую тарелку и наполнил ее доверху самыми съедобными на вид кусочками.

Набив рот безвкусным псевдо-ячменем и синтетическим мясом ящерицы, Руиз подошел к Дольмаэро, который прислонился к стене и мужественно жевал. Чуть дальше возле стены стоял высокий угловатый человек с татуировками надзирателя.

Он опустился на корточки и злобно глядел на Руиза, изображая всем видом презрение. У человека этого были огромные кисти рук, и они сами собой согнулись хищными когтями, как только Руиз подошел к Дольмаэро. Руиз остановился на почтительном расстоянии.

Проглотив еду с определенными трудностями, Руиз вежливо заговорил:

— Почтеннейший Дольмаэро, облагодетельствуйте меня своей мудростью.

Дольмаэро взглянул на Руиза, работая своими тяжелыми челюстями. Он крякнул, что Руиз расценил как разрешение продолжать.

— Ты был столь добр сегодня днем,— продолжал Руиз,— и рассказал мне, какие тут правила. Не мог бы ты снова проявить такое же великодушие и сказать мне, что за женщина лежит в Доме Одиноких.

Дольмаэро отвел глаза, и сперва Руиз подумал, что он не ответит. Потом он посмотрел на Руиза жестким взглядом и сплюнул на землю кусок синтетического красностебельника.

— Ее принесли сюда демоны. Она едва была в сознании. Я приказал женщинам перенести ее в Дом Одиноких, чтобы наши души не осквернены были ее смертью.

— Может быть, она вовсе не умирает,— сказал Руиз.

— Раны ее были ужасны,— сказал Дольмаэро.— Ты был в Биддеруме, когда она умерла?

Руиз на секунду растерялся. Почему-то он не был готов к этому вопросу, поэтому он ответил уклончиво.

— Сейчас ее раны кажутся ничтожными. Кто знает, что служит богам развлечением?— сказал Руиз.

Дольмаэро горько рассмеялся.

— Где бы мы ни находились, это не Земля Вознаграждения. А теперь пошел вон. Твоя фамильярность оскорбляет мое достоинство.

Высокий мужчина встал и принял угрожающую позу. Лицо его превратилось в маску неодобрения и радостной готовности к драке и насилию.

Руиз пожал плечами и вернулся к роботележке, чтобы снова наполнить свою тарелку. Он снова отнес ее в хижину и, войдя внутрь, почувствовал, что феникс не спит.

— Кто... кто здесь?— спросила она слабеньким пересохшим голоском.

Без особого успеха она пыталась сесть. Руиз поспешил ей помочь. Отставив тарелку в сторону, он приподнял ее, так что она смогла опереться о стену. Она не совсем понимала, что с ней происходит, как это бывает с каждым, кто пережил смерть, пусть недолгую, и пришел в себя.

— Не бойся, Благородная Дама,— сказал Руиз тихо и обод-

ряюще.— Это Вухийя, простой продавец снов, который ухаживает за тобой.

Глаза ее широко расширились.

— Это Земля Вознаграждения?— спросила она чуть более окрепшим голосом.— А где же свет, где же божественные слуги? Я не слышу никакой музыки. Что случилось?

Губы ее дрожали, глаза наполнились слезами в предчувствии чего-то трагического. Она посмотрела на Руиза и отпрянула, прижимая к себе грубую рубаху, которая свалилась, когда она попыталась сесть.

— Ты же бескастовый!— сказала она обвиняющим тоном.— Ой, что-то получилось не так?

Руиз почувствовал сильнейшее желание утешить ее — но как? Она сжалась в комочек у стенки, глаза ее заметались по запустелой хижине.

— Постарайся успокоиться,— сказал Руиз.— Правда, это не Земля Вознаграждения, но все могло быть гораздо хуже. Ты жива, тут вода, и пища, и защита от солнца. А скоро ты почувствуешь себя лучше.

Она не услышала ничего из того, что он сказал.

— Мои слуги... такой ужасный сон...— пробормотала она, голос ее снова ослабел. Пальцы ее запутались в ее слипшихся волосах, а ткань, что покрыла ее тело, сползла, обнажив ее шрамы, которые еще слегка стягивали гладкую кожу ее живота. Она рассеянно посмотрела вниз и увидела их. Глаза ее расширились, она открыла рот, словно собираясь закричать, а потом глаза ее закатились.

— Ты очень уж много падаешь в обмороки,— сказал Руиз, поймав ее обмякшее тело, прежде чем она ударилась головой об стену. Руиз как мог удобнее уложил ее на койку, потом смыл с лица выступивший на нем от усилий пот. «Лучше было дать ей как следует поспать»,— подумал он. Он устроился поудобнее, чтобы доесть свой остывший обед. Он ел машинально, но прикончил все до последнего кусочка. В первый раз с тех пор, как они покинули Биддерум, он почувствовал себя сильнее.

Он сидел у ее постели до глубокой ночи, долго после того, как уже не мог видеть ничего, кроме бесформенной тьмы там, где она лежала.

Когда утром снова появилась роботележка, она все еще спала. Руиз вышел из хижины, чтобы взять свою порцию на завтрак. Остальные пленники держались от него по-прежнему на расстоянии, хотя Дольмаэро удостоил его короткого кивка. Руиз нашел кусочек стены на солнышке, подальше от остальных. Еда по-прежнему была невкусная, но, видимо, достаточно питательная, чтобы поддерживать рабов в продажном состоянии, чтобы они не утратили товарный вид. Видимо, она включала в себя множество благотворных добавок, и Руиз вернулся

еще за одной порцией, когда справился с первой. Когда она проснется в следующий раз, его подопечная, Руиз попробует впихнуть в нее хоть сколько-то еды.

Дольмаэро провожал Руиза взглядом, когда тот снова доверху наполнял тарелку, и у него появилось ощущение, что Дольмаэро наблюдает за ним с большим подозрением, чем раньше. Высокий надзиратель, который вел себя, как верный пес Дольмаэро, встал и сделал попытку подойти к Руизу, ноздри его раздулись от предвкушения драки. Руиз обезоруживающе улыбнулся и вернулся в свою хижину.

Феникс все еще лежал тихо, и, притронувшись тыльной стороной кисти ко лбу женщины, Руиз почувствовал, что кожа ее стала прохладной. Он отставил еду в сторону, на потом.

Пока он ждал ее пробуждения, Руиз стянул рубаху и стал делать упражнения, чтобы разогреть застывшие мышцы. Он не удивился, когда открыл, что пребывание на корабле работорговца отняло у него много сил и гибкости. С каждым медленным, рассчитанным движением он обнаруживал неожиданные боли, опасные маленькие слабости в мышцах. Он изгибался и напрягался, растягивая связки, растирая мышцу о мышцу. Потом он стал получать знакомое удовольствие от знакомых ритмичных движений, и его тело, которым он столько времени не занимался, стало отвечать на его усилия, двигаясь быстрее и быстрее, пока мир не превратился в смазанную картинку, а сердце не стало бешено колотиться.

Когда он закончил упражнения, по коже струился пот, а мышцы покалывало от свежей, горячей крови. Он вытер пот тряпкой и оделся.

Он уселся возле феникса, глубоко дыша, сознание его было свободно от мыслей, он чувствовал себя счастливее, чем за все прошедшие недели.

Она проснулась. Глядела на него широко открытыми глазами, словно он был странным дрессированным животным, которого она встретила в зверинце.

— Благородная Дама,— сказал осторожно Руиз,— ты проснулась? Это хорошо. Не хочешь ли позавтракать?

Она не ответила.

— Может, кружку воды?— спросил Руиз, вставая, чтобы принести воды.

— Да,— сказала она наконец осторожно,— совсем пересохло во рту.

Он снова помог ей сесть, хотя она вздрогнула и отшатнулась от его прикосновения. Потом он дал ей чашку. Казалось, она не заметила, что рубашка упала у нее с груди. Она жадно пила теплую воду, настороженно поглядывая на Руиза.

Когда она выпила воду, то протянула чашку, прося еще. Руиз забрал чашку и сказал:

— Подожди немного. Посмотрим, как твой желудок примет воду.

Глаза ее на секунду вспыхнули, словно она хотела напомнить ему о его низком положении, но тут она вспомнила, где они находятся.

Руиз был доволен ее самообладанием. Оно указывало на то, что в ней была незаурядная сила, что было очень привлекательно.

— Я рад,— сказал он,— что ты сегодня спокойнее.

— Ты называл мне свое имя?— спросила она немного погодя.

— Вухийя из Саммадона,— сказал Руиз, слегка поклонившись,— в последнее время я жил в Биддеруме.

Глаза ее потемнели, и Руиз пожалел, что вообще упоминал Биддерум.

— Ах, Биддерум,— сказала она. Голос ее стал чужим.— Биддерум, далекие места. Хотя не такие противные, как это. И тогда, в Биддеруме, я чувствовала себя лучше, хоть не надолго.

Она посмотрела вниз, на свой обнаженный живот. Шрамы почти прошли, они только слабо виднелись в смутном свете хижины. Она ахнула и потерла пальцами кожу на животе.

— Посмотри,— сказала она,— разве я умерла? Разве меня воскресили? Земля Вознаграждения, где мы должны были возродиться совершенными — я не совершенна, но ведь на мне все заживает... заживает.

Когда она перевела взгляд вверх на Руиза, глаза ее были полны изумления.

— Это не Земля Вознаграждения,— сказал Руиз, ему неожиданно стало не по себе. Он не видел ни малейшего смысла в теологической дискуссии, поэтому он лгал так искусно, как только мог.— Тебя страшно изуродовали, но ты не умерла. Врачи в этом месте замечательные, мы так не умеем, поэтому ты так быстро поправляешься.

Она хихикнула, что изумило его — в звуках ее смеха не было истерии, просто милый скептицизм и веселье.

— Ты говоришь «это место». У тебя это звучит так, словно мы больше не во владениях Бхасрахмета. А какие еще есть земли?

Это был поистине трудный вопрос, и Руиз мысленно повертел его и так и сяк, прежде чем ответить.

— Мы далеко от Фараона, Благородная Дама. Очень далеко.

Прежде чем он мог придумать что-то еще, она снова заговорила, и голос ее снова был испуганным.

— Значит, мы в Аду? Но этого не может быть, ведь там один пар сдул бы мясо у нас с костей.

— Это и не Ад,— уверил ее Руиз.— Я не уверен, что могу тебе сказать...

Она мягко тронула его за плечо.

— Ты мне хоть что-нибудь можешь сказать?

Руиз подавил возникшее на секунду острейшее желание рассказать ей о том, что он родом совсем не с ее мира. Его отвлек резкий стук в дверную раму.

— Выйди-ка,— сказал у входа резкий голос Дольмаэро.

Она снова испугалась, отпрянув к глинобитной стене. Руиз ободряюще улыбнулся и пошел к двери.

Когда он вышел, Руиз оказался перед полукругом старшин гильдий, которые злобно смотрели на него с одинаковым выражением возмущения и омерзения на лицах.

Ближе всех к нему стоял Дольмаэро. Здоровенный надзиратель стоял возле Старшины Гильдии. Надзиратель, казалось, горел желанием сделать что-нибудь резкое. Дольмаэро выглядел человеком, который принял неприятное, но все-таки решение.

— Как твое имя и из какой деревни ты родом, безродный?— потребовал ответа Дольмаэро.

— Мне делает честь твой интерес ко мне. Я Вухийя из Саммадона.

— С кем ты разговариваешь, Вухийя?

— Господин?— Руиз прикинулся непонимающим.

— Там, в хижине, безмозглый! Кто разговаривает с тобой?

— А-а-а,— Руиз показал, как понимание медленно осветило его лицо,— ты имеешь в виду Благородную Даму, которая болеет.

Широкое лицо Дольмаэро побледнело.

— Значит, она еще жива,— сказал он словно самому себе. Он стоял, потирая подбородок с несчастным видом. Наконец он, казалось, пришел к решению. Хотя, судя по складкам его рта, решение было не самым приятным.

— Вытащи-ка ее оттуда,— приказал он Руизу.

— А-а-а,— сказал Руиз, пытаясь изобразить дружелюбие,— ты хочешь устроить ее более подобающим образом, достойным ее положения в обществе, правильно я тебя понял?

Дольмаэро не ответил, хотя лицо его стало еще более мрачным. Надзиратель вытащил длинную веревку из перевитых и переплетенных волокон из-под рубахи и обернул ее вокруг своих огромных кулаков.

Глава семнадцатая

Руиз Ав посмотрел на надзирателя, потом на Дольмаэро.

— Почтеннейший Дольмаэро,— сказал он, притворившись

изумленным,— ты же не собираешься причинить вред Благородной Даме?

— Она поношение естества! — Дольмаэро выступил вперед и встал лицом к лицу с Руизом.— Приведи ее сюда! Это неестественно, это оскорбление богов, ей полагается быть мертвой. Мы все ее видели, когда демоны привели ее сюда.

Он оглянулся на остальных, ища подтверждения, пока головы их не закачались, как у болванчиков на веревочках.

— Ее раны еще источали гной! Если бы ее воскресили боги, она была бы совершенна! Неестественно, противу природы!

Тут, словно про себя, Дольмаэро добавил:

— Она должна завершить свою роль. Так решили старшины.

Старшина Гильдии потупился. На лице его отразилось сожаление.

Руиз почувствовал себя, как в ловушке. Его терзали два противоречивых желания. Здравый смысл подсказывал ему выдать феникса толпе. А что, если за загоном наблюдали? Никакой продавец змеиного масла и не подумал бы противопоставлять себя Старшине Гильдии.

Дольмаэро потерял терпение, прежде чем Руиз смог решить, что ему делать и послушаться ли здравого смысла.

— Касмин,— сказал Дольмаэро, повернувшись к надзирателю,— выволоки ее.

Касмин быстро потопал к хижине, свирепо ухмыляясь, и Руиз увидел, что зубы надзирателя были заточены, как иглы, и выкрашены красным. Руиз отступил перед протянутыми вперед руками Касмина, заслоняя собой вход в хижину. Потом он стал отступать внутрь.

Оказавшись в полутьме внутри, Руиз оглянулся на женщину. Видимо, она слышала все. Каким-то образом она смогла вползти в самый дальний угол. Она слабо пыталась закопаться в мусор, наваленный там.

У Руиза не было времени восхищаться ее желанием жить. Он сильно недооценил скорость Касмина. Как только Руиз стал оборачиваться к нему, надзиратель прыгнул на Руиза, набросив веревочную петлю ему на горло.

Касмин притянул его ближе к себе, затянув петлю ровно настолько, чтобы перекрыть дыхание Руиза.

— Я скажу Старшине, как ты сопротивлялся, дерьмовая башка,— прошептал Касмин ему в ухо, хихикая от удовольствия.

Касмин стал двигаться вместе с ним так, чтобы шарканье их ног слышалось тем, кто стоял снаружи.

— Касмин?— Руиз услышал голос Дольмаэро.— Что там происходит?

Прежде чем Касмин смог ответить, Руиз резко откинул голову так, чтоб ударить Касмина в нос. Хрящ сломался с влажным треском, и Руиз почувствовал, как горячая кровь потекла

у него по шее, но, хотя Касмин слегка ослабил хватку, он не отпустил Руиза. Руиз резко двинул локтем Касмина под ребра. Надзиратель только слегка ахнул, когда ребра треснули, и попытался оттолкнуть Руиза прочь. Поддаваясь этому движению, Руиз нагнулся в поясе и, протянув руку между ног, схватил Касмина за яички и стиснул, используя всю свою силу. С высоким, истошным визгом Касмин без сознания повалился на землю.

— Касмин? — голос Дольмаэро был полон беспокойства.— Касмин, тебе же сказали просто вывести оттуда женщину. Ты меня слышишь? Умерь свое рвение, Касмин.

Руиз весь пылал от адреналина. Он улыбнулся, как ему показалось, веселой улыбкой. Он поднял надзирателя за ногу и за воротник и вышвырнул его сквозь остатки занавески, которые прикрывали вход, на солнечный свет. Он легко выступил из хижины вслед за ним и увидел, как старшины гильдий с ужасом и изумлением смотрят на слабо дергающееся в пыли распростертое тело.

— Не беспокойся, почтеннейший Дольмаэро,— сказал Руиз приятным веселым голосом.— Касмин умерит свое рвение.

Он бросил в пыль душительскую веревку Касмина.

— Я хотел бы посоветовать тебе последовать его примеру.

Никто не сказал ни слова, и Руиз пошел обратно.

Глаза женщины казались огромными в полутьме хижины. Она сжалась в углу, и на секунду казалось, что она боится его точно так же, как боялась надзирателя.

— Все в порядке,— сказал он, подходя к ней,— никто тебя не тронет.

По крайней мере, пока, подумал он, но эту мысль он немедленно подавил.

Он поднял ее и отнес обратно на койку. Она ничего не сказала, хотя прижималась к нему гораздо теснее, чем было нужно.

Чуть позже она снова заснула, не сказав больше ни слова. Руиз сидел возле нее и стирал кровь Касмина со своей шеи, мрачно думая о своей собственной глупости. Его единственный шанс выжить, в конце концов, заключался в том, чтобы оставаться неприметным до тех пор, пока он не найдет способа убежать. Феникс был для него решительно опасен, из-за этой женщины он уже дважды сделал весьма примечательные глупости.

Что же с ним такое было, почему он вел себя не так, как обычно? Почему-то лицо Накера снова всплыло перед его глазами.

Вдруг Руиз почувствовал страшную усталость. Частично виной тому были вынужденные физические усилия при его менее чем оптимальной физической форме. Но больше всего, подозревал он, эти ощущения были связаны с его удивительным для него самого поведением. Идея эта немедленно привела его к другой мысли: неужели он становился слишком сентимента-

льным для своей профессии? Или, еще хуже, слишком старым? Этот факт, что он так долго выжил при такой рискованной профессии, был, напомнил он себе, весьма малой гарантией того, что жизнь его продлится.

Она может кончиться как раз здесь, в этом крысином загоне. Он прилег отдохнуть на время. Друзья Касмина могут попробовать отомстить за его унижение, но Руиз в этом сомневался. Руизу трудно было вообразить почтенного ремесленника вроде Дольмаэро, который крадется по темноте перерезать ему глотку. Кроме того, у надзирателя такого пошиба обычно не было друзей за пределами их собственной касты — лишь хозяева и жертвы окружали их.

Он проснулся, когда роботележка прозвенела сигнал на вечернюю трапезу. Феникс, его подопечная, сидела на краю койки, наблюдая за ним. Она выглядела гораздо лучше.

Щеки ее порозовели скорее от хорошего самочувствия, чем от лихорадки. Она пальцами расчесала самые запутанные пряди своих волос, так что теперь они стекали гладким потоком по ее спине, река черного цвета с медным отливом. Перекрученный кусок голубой ткани стягивал ее рубаху на поясе так, что она выглядела на ней красивее, чем раньше. Руиз удивился и ужаснулся, что ее движение по хижине не разбудило его — какое счастье, что враги не напали на него в этот момент.

— Наконец-то,— сказала она.

Руиз протер глаза.

— Я рад, что тебе лучше.

— Это чудо, правда?

В ее голосе чувствовалась насмешка, и Руиз секунду пристально смотрел на нее.

— Да,— согласился он,— чудо.

Брови ее нахмурились.

— Не поддакивай мне, Вухийя. Это не Фараон и не Земля Вознаграждения, и я сомневаюсь, что ты продавец змеиного масла.

На лице ее на миг отразился гнев, но она овладела собой и даже попробовала улыбнуться.

— Ты можешь сказать мне? Ты знаешь, где мы?

Руиз встал и подошел к двери. Он попытался выиграть время.

— Сейчас уже время ужина. Я пойду принесу еды. Тебе надо подкрепиться.

— Я пойду с тобой,— сказала она, встав с изумительной легкостью, если принять во внимание ее недавнее состояние.

Она прошла мимо него и вышла в дверной проем.

Он догнал ее возле дверей, где она стояла, глядя через площадку на серого гуманоидного охранника и роботележку, застыв в ужасе и изумлении. Она впилась ему в руку.

— Что это?

Руиз глубоко вздохнул. Рано или поздно ей придется начать учиться своей новой жизни.

— Они называют себя Пунгами. Они управляют этим... этой...— Руиз запнулся, ища слова, которые были бы помягче. Потом он решил, что ложная мягкость не поможет ей выжить, поэтому стал говорить правду.— Это рабский загон, Благородная Дама.

Она посмотрела на него, глаза ее расширились от шока, потом возмущения.

— Нет! — сказала она.— Нет! Ты знаешь меня? Низа, я Низа, дочь Бхасрахмета, Царя Царей.

Лицо ее исказилось, и она, спотыкаясь, ушла назад в дом бескастовых.

Руиз вздохнул. Он пожелал ей легкого рабства. С ее красотой и умом, она могла бы найти место у снисходительного хозяина. Его тревожило то, что он не мог представить более обнадеживающего будущего для нее.

Низа упала ничком на грязную койку, не обращая внимания на застарелые пятна. Горло ее сдавила паника, но она не стала рыдать. Она стала колотить себя кулаками по вискам, словно таким образом она могла выгнать эту неприемлемую правду из сознания. Казалось, ей предназначалось большее искупление, чем она ожидала, она оказалась в незнакомом месте, окруженная унижающими ее врагами и чудовищами, а ее единственным другом оказался человек безродный, без касты, чья уклончивость вполне соответствовала его странности, его чужеродности. Он вроде бы разговаривал с ней с каким-то подобием надлежащего почтения, но почему-то ей казалось, что он считает себя превосходящим ее во всех отношениях — мысль, почти недоступная любимой дочери царя. Он обращался с ней так, как она сама могла бы относиться к заболевшей любимой блисталке. И как ужасно он расправился с надзирателем, словно его уничтожение было для продавца змеиного масла источником глубокого удовлетворения...

В том коротком ужасном танце Вухийя показался ей не совсем человеком, скорее бездушным зверем, словно один из охотничьих диргов ее отца, которого выпустили на беспомощного зверька, предназначенного для охоты.

И все-таки с ней он был нежен. В те минуты, когда ему казалось, что на него не смотрят, глаза его теряли свой жесткий металлический блеск, линия рта становилась мягче, не такой жестокой.

Она немного успокоилась, думая о своем защитнике. Кто он? Или, более правильно было бы спросить, кто она для него?

Фараонцы отпрянули, когда Руиз подошел к роботележке.

И на сей раз больше от страха, чем от кастового отвращения, что было, по меньшей мере, приятно. Когда он зачерпывал псевдоеду, Руиз чувствовал на спине взгляд Дольмаэро — он не был полон злобы, как можно было ожидать, но скорее размышлений.

Касмина нигде не было видно. Охранник-Пунг без любопытства смотрел на Руиза. Казалось, никаких жалоб не поступало. Когда Руиз принес обратно их обед, феникс сжался на койке, лицом к стене. Плечи ее подрагивали, но она не произносила ни звука. Руиз поставил ее тарелку на пол.

В ту ночь Руиз сидел снаружи, глядя на мерцание охранных полей — листов бледно-зеленого огня, который вспыхивал на стенах. Вдруг он наклонился вперед, окаменев от возбуждения,— секция поля на западной части периметра вдруг замигала и погасла, оставив пятно темноты. Он посчитал секунды. Вскоре поле восстановилось со снопом искр, возникших при вхождении в фазу.

За следующие несколько часов оно гасло еще множество раз и всегда в одном и том же участке стены.

Он позволил себе надеяться. Это было замечательное чувство, и скоро он успокоился достаточно для того, чтобы лечь спать. Он устроился на койке возле феникса. Она пошевелилась во сне, но не проснулась.

— Приятных снов,— прошептал он, как будто она была настоящим человеком, а не просто ролью в этой опасной пьесе.

После короткого ночного сна Руиз проснулся освеженным. Низа все еще спокойно лежала на своей койке, но по тому, как регулярно вздымалась и опускалась ее грудь, Руиз увидел, что сон ее стал более здоровым.

Он снял рубаху и стал заниматься упражнениями. На сей раз он чувствовал себя сильнее, немного быстрее, поэтому он отнесся к себе и своему телу строже. Феникс проснулся, когда он заканчивал упражнения. Глаза ее стали большими от каких-то непонятных ему пока чувств, но она ничего не сказала.

Руиз оделся и вышел из хижины. Мягкий свет раннего утра косо падал в загон, отбрасывая длинные тени. Для роботележки было слишком рано, поэтому Руиз прошелся вдоль стены, ближайшей к замку, чтобы оценить систему безопасности загона. Пока он рассекал грудью прохладный воздух, он раздумывал над тем, почему он так долго не мог начать эту работу. Ему пришло в голову, что его нежелание что-либо делать для продолжения выполнения задания тесно связано с женщиной, которую он лечил и пестовал. Руиз пожал плечами, отбросив эту мысль.

Сама стена представляла собой серьезное препятствие для побега. В ней было шесть или семь метров высоты, и построена

она была из гладкого серого плавленого камня. Руиз обратил внимание на то место, где какое-то животное, роя себе нору, обнажило основание стены на глубину полуметра. Ни выше, ни ниже уровня земли не видно было, чтобы стена от этого пострадала. Руиз предположил, что барьер был достаточно глубоким, чтобы избежать подкопа. Он обратил внимание на сам замок.

К его разочарованию, он опознал механизм, который запирал дверь. Это был фельтманновский молизамок, который невозможно было открыть никаким приспособлением, которое он мог бы смастерить, используя малообещающий материал, который он найдет в загончике.

Руиз как раз стоял наклонившись, изучая замок, когда дверь со свистом взвилась вверх. В шлюзе безопасности замер охранник-Пунг и замахнулся нейронным кнутом, который он всегда носил. В дальнем конце шлюза стоял еще один настороженный Пунг, взяв на изготовку парализующий конус широкого поля действия.

Руиз поспешно отступил назад, улыбаясь бессмысленной и дружелюбной улыбкой. Охранник злобно смотрел на него с минуту, потом дал сигнал роботележке ехать дальше. Руиз отвернулся и пошагал обратно к хижинам. По спине у него бегали мурашки. Но охранник не применил нейронный кнут. Все-таки хорошо, подумал Руиз, что Пунги вроде бы не принадлежат к мстительной или садистской расе, как это часто бывало с работорговцами.

Руиз внес тарелку с завтраком внутрь, к Низе. Она сидела на постели, лицо ее было сосредоточено и спокойно. Он улыбнулся, ставя тарелку рядом с ней, но она отвернулась прочь. Он почувствовал странный укол горести.

Руиз вышел наружу, чтобы съесть собственный завтрак, и устроился в пятне солнечного света, там, где разрушающаяся стена представляла собой удобное сиденье.

К его удивлению, Дольмаэро подошел к нему, когда он приканчивал безвкусную еду.

— Можно мне сесть? — спросил Дольмаэро.

Руиз кивнул.

— Разумеется, почтеннейший Дольмаэро. Чем могу вам служить?

Дольмаэро пристроил свое крепкое тело на стене и смущенно хмыкнул.

— Не думаю, что тебе надо беспокоиться о том, чтобы надлежащим образом ко мне обращаться. Ведь совершенно очевидно, что ты не тот человек, каким кажешься,— Дольмаэро метнул на Руиза проницательный взгляд,— и я уже больше не тот человек, каким был.

Руиз ему на это не ответил.

Дольмаэро пристально смотрел на него, сосредоточенно и доброжелательно.

— Кажется, Касмин выживет, хотя сейчас он совсем не радуется этой перспективе.

— Хорошие новости,— двусмысленно сказал Руиз.

Дольмаэро рассмеялся искренним смехом.

— Ну что же,— сказал он,— мне приходится просить прощения за дерзость моего прихлебателя, хотя я вполне уверенно могу сказать, что ему еще прискорбнее, чем мне.

Руиз вынужден был улыбнуться.

— Послушай,— сказал Дольмаэро,— я обращаюсь к тебе против мнения старшин, которые убеждены, что ты бешеный зверь. Я этого не думаю. Я думаю, что ты человек, который каким-то образом знает больше о нашем положении, чем мы сами, и я хочу попросить тебя сказать нам. Например, где?

Дольмаэро показал на небо, где солнце Суука начинало подниматься выше стен.

— Где наше прежнее солнце? Ночью звезды совсем незнакомые, они как гроздья мелких ягод, они рассыпаны по небу, словно множество мелких лун, а наших лун тут просто нет.

Руиз посмотрел на Дольмаэро с неожиданным уважением. Перед ним был представитель примитивного мира, но с гибким мышлением. Он покачал головой и начал что-то отвечать, но Дольмаэро остановил его жестом.

— Погоди,— сказал Дольмаэро.— Я должен тебе сказать, что решение уничтожить феникса было неразумным, оно было вызвано отчаянием. Будь уверен, что больше таких решений не будет и быть не может. Если ничто не ясно, в нашем положении, по крайней мере, я могу уверенно сказать, что боги отвернулись от нас, поэтому я не стану тратить больше время, надеясь на их жалость или доброту. Вместо них я надеюсь на то, что ты будешь к нам снисходителен. Пожалуйста, скажи мне все, что можешь.

Руиз раздумывал. По его мнению, ничего, если он расскажет старшине о своих переживаниях после того, как их погрузили на корабль из купола-захватчика.

— Я очень немногое знаю, но я расскажу, что смогу. Меня забрали в Биддеруме. Потом я проснулся в железном гробу, после меня взяли под землю, очень глубоко, и посадили там в камеру на долгое время. С тобой поступали так же?

— Нет, нас сразу привели в эту загородку. Я сам очень мало помню про железные гробы, вот только запах пережаренного мяса. А ты больше помнишь?

— Мои воспоминания очень хаотичны,— честно признался Руиз.

Ясные глаза Дольмаэро пристально смотрели Руизу в лицо.

— А что насчет темниц или камер?

— Там был волшебный свет. Одежды там мне не давали, но не было ни жарко, ни холодно. Почти ничего не происходило.

— А потом тебя привели сюда?

— Да,— ответил Руиз.— У меня сложилось такое впечатление, что произошла какая-то ошибка. Единственный пленник, кроме меня, которого я видел в камерах, был фокусник, тот, который исполнял роль Бхаса в пьесе.

Глаза Дольмаэро зажглись интересом.

— Ты видел Мастера Фломеля?

— Его так зовут?

— Да. А как насчет Мастера Кроэля или Мастера Мольнеха? Ты их тоже видел?

— Нет.

— М-м-м-м...— казалось, Дольмаэро погрузился в свои мысли. Потом он сказал:— Кое-кто среди старшин считали, что только мастера могут быть взяты в Землю Вознаграждения, в то время как мы, люд попроще, должны были жить только в Земле Искупления. Видимо, они неправы. Я не уверен, что эти введения обнадеживают.

Последовало продолжительное молчание, пока Руиз приканчивал свой завтрак. Дольмаэро вздохнул.

— Мне кажется, твоя история длиннее того, что ты мне рассказал, но я не могу винить тебя за то, что ты держишь свое знание при себе. Мы тебе пока не дали никаких оснований для доверия, поэтому я благодарю тебя за твои новости.

Он с усилием встал, постоял с минуту, глядя на Руиза с интересом и удивлением, и наконец сказал:

— Твои татуировки мне очень интересны, если только я могу это заметить, не вызывая в тебе враждебности.

Руиз медленно кивнул.

— Ну,— сказал Дольмаэро,— они, понимаешь, словно понемножку взяли от каждой твари таким образом, какого я никогда прежде не видел. Более того, я вовсе не хочу тебя обидеть, но они кажутся мне немного бледными. Интересный вариант.

Потом, казалось бы, без всякой связи с предыдущими словами, он добавил:

— Мое любимое занятие в свободное время — изучение старых легенд. Ты слышал про проклятый культ Саеда Крпашуна? Бхасрахмет множество раз выжигал этот культ как мог. Но некоторые фанатики выжили, и они утверждают, что люди с далеких звезд иногда появляются на Фараоне.

Руиз не позволил своему лицу отразить иных чувств, кроме вежливого интереса. Дольмаэро кивнул ему дружелюбно и пошел прочь. Руиз был поражен. Перед ним действительно был примитивный человек, но с каким острым умом! И если татуировки Руиза уже начинали терять свою интенсивность и яркость, то у него оставалось очень мало времени, чтобы устроить

свой побег. Он вернулся в хижину в очень мрачном расположении духа.

Низа стояла возле двери, держа в руках свою пустую тарелку. Он сердечно улыбнулся ей, проходя рядом. Он собирался тихонько посидеть и рассмотреть все возможности, которые предлагала ситуация, постараться перестроить их так, чтобы найти в обстоятельствах шанс побега.

Однако, когда он проходил мимо нее в хижину, она протянула руку и подергала его за рукав.

— Вухийя, ты мне не помог бы? — спросила она.

Он нерешительно остановился.

— Я была бы тебе очень признательна, если бы ты провел меня в домик, где ванная. Я боюсь идти одна. Ты знаешь, почему.

Глаза ее были расширены, улыбка на губах умоляла. Руиз увидел, что ей очень трудно сохранять достоинство. Когда он не ответил ей немедленно, она нахмурилась, и губы ее задрожали.

Руиз вздохнул.

— Разумеется, Благородная Дама, хотя сейчас я не думаю, чтобы кто-то стал на тебя нападать.

Глаза ее сверкнули, и она улыбнулась.

— Зови меня Низа,— сказала она.— Я назначу тебя Царским другом.

Ему пришлось рассмеяться. Она не обиделась, принимая, вероятно, его веселье просто за радость.

В ванной двое мужчин и женщина-старуха поспешно убежали, перепуганно воздевая глаза к небу. Руиз смотрел, пока Низа сбросила свою рубаху и отмывала тело пригоршней мыльной травы, а потом споласкивала грязь своей болезни прохладной водой из кувшина. Он с удивленным восторгом смотрел на то, как вздымаются и колышутся ее груди, когда она мыла огромную черную гриву своих волос, на то, как мыльная вода сбегает вниз по ее бледной коже, стекая по впадинкам, блестя на выпуклостях. В первый раз Руиз посмотрел на феникса иначе, чем на прелестный, но жалкий предмет. В нем зажглось острое желание, он не мог оторвать от нее глаз.

Низа чувствовала на себе его взгляд, пока мылась. Чуть позже она почувствовала его желание и стала двигаться так, чтобы предстать перед ним самой красивой стороной, так, чтобы показать ему прелестную грудь, мягкую округлость бедер. Сперва она сама даже не очень понимала, что провоцирует его. В конце концов, его положение в обществе было ненамного выше раба, а там, где дело касалось крестьян и рабов, не приходилось кокетничать, там нужно было только приказывать. Кроме того, при его чужестранной красоте и необычной свирепости,

она даже стала сомневаться, человек ли он. Казалось, ему даже не страшно в этом мире демонов — а разве это естественно?

Она старалась не смотреть на него, притворяясь, что не чувствует прикосновения его взгляда. Медленно растирая тело горстью мыльной травы, она вдруг почувствовала из-за ее грубовато-щекочущего прикосновения приятное, теплое возбуждение между ног. Ей стало все труднее подавлять время от времени дрожь удовольствия. Она почувствовала напряжение и боль в грудях.

Но он все же тихо и спокойно сидел в своем темном углу. Внезапно ее сознание показало ей яркий образ Вухийи, который выполнял свои странные упражнения, его тело переходило из одной позы в другую в плавном порыве крепкой, прекрасной плоти.

Низа, казалось, совершенно не обращала на него внимания, пока не вымылась и не расслабилась в глубокой ванне воды, как это было принято по фараонскому обычаю.

Он почти не видел ее тела, только одну маленькую кисть там, где она держалась за край ванны. Он пытался подавить желание, восстановить равновесие в чувствах и мыслях, но желание отказывалось покорно подчиниться. Оно рисовало в его памяти прелестные картины, пока он не мог думать ни о чем, кроме Низы.

— А ты — ты будешь мыться? — спросила она тихо.

— А почему бы и нет? — ответил он.

Он намылился и смыл с себя грязь по предписанной фараонскими традициями манере, и как же было приятно смыть с себя кровь, грязь и пот! Он почувствовал себя чистым в первый раз с тех пор, как покинул «Вигию». Он стоял на ступеньке, ведущей вниз, в огромную ванну, и секунду глядел вниз, на нее. Она плавала на спине, закрыв глаза, волосы ее расплылись в воде темным облаком, груди казались белыми водяными лилиями. Руиз вздохнул, потом соскользнул в ванну.

— Сколько мы можем здесь пробыть? — спросила она, не открывая глаз.

Они были одни в ванном домике, и Руиз подумал, что весть об этом уже разошлась по загону. Неумерший феникс и бешеный бескастовый убийца мылись.

— Да сколько хочешь, — сказал он.

— Хорошо, — она улыбнулась и выгнула спину, так что ее грудь прелестно поднялась из воды.

Руиз почувствовал, что у него перехватило дыхание.

Она медленно опустила ноги в воду и повернулась лицом к нему. Он почти мог чувствовать тепло ее тела сквозь разделявшую их воду. Он молча плавал, сердце его колотилось.

— Ты видел? — спросила она изумленным тоном. — Шрамы... исчезли.

— Да, я заметил.

— Правда, ты был прав насчет здешних докторов. Хотя я теперь не уверена, что шрамы мне не приснились. Шрамы... и то, что было до того.

Руизу стало не по себе от этих рассуждений, но, прежде чем он мог придумать, как бы ее отвлечь, она слегка задела его плечом. Ее кожа казалась такой изысканно гладкой... Руизу трудно было сосредоточиться на других мыслях. Но он не отодвинулся, и чуть погодя она теснее прижалась к нему. Лицо ее было возле самого его лица, он чувствовал на щеке ее дыхание, теплое и нежное.

— Вухийя, ты был в Биддеруме, я помню тебя возле ворот. Ты видел, как я умерла? Если я и не умерла, то была достаточно близка к смерти, чтобы удовлетворить богов, и теперь я безвинна.

Он не чувствовал никакого желания узнать, что за преступление привело ее к Искуплению, все его любопытство сосредоточилось на ее теле. Интересно, какое ощущение будет, если провести руками по этим прекрасным формам, притронуться к самым потаенным ее местам? У него было странное ощущение, что она слышит его мысли — так близко они теперь стояли, но она не отодвигалась.

— Странное дело, но сейчас мне кажется, что я больше живая, в этом странном и страшном месте, где на меня нападают простолюдины, которые мечтали бы увидеть меня мертвой, чем когда я была во дворце моего отца.

Голос ее был завороженный, говорила она медленно.

Прошло мгновение, а потом он почувствовал, как кончики ее грудей коснулись его груди.

— Притронься ко мне,— прошептала она,— вот сюда, где были шрамы.

Она взяла его руку и провела ею по животу. Он обнаружил, что прикосновение к ней так остро приятно, как он себе и не представлял.

Он хотел ее с такой страстью, которая удивила и испугала его. Что же такое с ним, если он мог забыть свое непрочное и опасное положение? Она почувствовала его сомнения и отпрянула, глаза ее стали большими и обиженными.

— Что такое? Неужели я до сих пор мертвая? Неужели я гнию и сама об этом не знаю? Ты боишься запятнать себя? — Голос ее прервался на последних словах.— Неужели могила заразит тебя смертью?

Ему показалось, что она сейчас заплачет, в первый раз за все это время, и понял, что почему-то ее слезы будут для него невыносимы.

— Ты жива. В тебе нет ничего от смерти, Благородная Дама.

Он дотронулся до ее гибкой талии, притянул ее к себе. Она сопротивлялась только миг.

— Покажи мне это, заставь меня поверить в то, что я жива,— сказала она.— Дай мне понять, что я не умерла.

Она охватила его бедра своими сильными ногами и притянула его голову вниз, чтобы он мог целовать ее груди.

Потом он вспоминал, как медленными водоворотами кружилась вокруг них вода, когда он двигался внутри нее, ее откинутое назад лицо, закрытые глаза, губа закушена маленькими белыми зубами.

Солнечный свет, сияя сквозь щели в ванном домике, орошал ее золотыми пятнами и брызгами.

Но еще он помнил, что, хотя она была опытна и страстна в любви, в ней в эти минуты была какая-то странная отстраненность, непонятная безличность в томных взглядах, которые она бросала на него, странная сдержанность в мягких стонах, которые она испускала. По всем правилам своего существования Руиз должен был бы посчитать эту сдержанность ободряющей для себя и безопасной, но сердце его отчего-то сжалось.

Из остатков чувства приличия она настояла, чтобы он вышел из домика первым, прежде нее, и он не видел никаких причин, чтобы ей в этом отказывать. Когда Низа вышла из домика на солнце, Руиз услышал, как она ахнула. Он подошел к дверному проему, где была тень и где он мог наблюдать и не быть на глазах у тех, кто стоял на площадке.

Сперва он увидел работорговку Кореану, одетую в тот же самый космический комбинезон, как он решил, что-то вроде униформы для нее. Возле нее стоял охранник-Мокрассар, с ним рядом — киборг, а также фокусник, которого Дольмаэро называл Мастером Фломелем. С полдюжины охранников-Пунгов стояли в стороне.

Мастер Фломель увидел Низу и вытянулся в струнку, по лицу его пробежал восторг.

— Батюшки, неужели это ты, дорогая наша Низа,— весело закричал Фломель.— Как же я рад, что ты выжила!

В его искренности невозможно было сомневаться!

— Взять ее,— сказала Кореана, и два ближайших охранника-Пунга бросились на нее с поразительной скоростью. Они набросили ей на шею монолиновую петлю-ошейник и увели ее прочь из поля зрения Руиза.

Глава восемнадцатая

Делать было нечего. Она пропала, и теперь надо было снова беспокоиться о его собственном весьма шатком положении, надо было перестать беспокоиться о судьбе какой-то дикарки

с примитивной планеты. И все же, Руиз весь дрожал от гнева — гнева на работорговцев, гнева на свою собственную беспомощность.

Но могло бы быть и хуже, думал Руиз. Здесь был фокусник Фломель, а Руиз мог шагнуть на площадку, и тогда бы Фломель его заметил. Он вспомнил, как злобно глядел на него Фломель в подземной камере, тот взгляд, которым Фломель наградил Руиза в Биддеруме, когда Руиз бросился на сцену возле Фломеля. У Фломеля был вид человека, который замечательно умеет ненавидеть. Руизу повезло, что он не попался в руки фокусника, который тогда наверняка сказал бы работорговке относительно кощунственных действий продавца змеиного масла, а потом... что тогда стало бы с Руизом, ведь спрятаться ему негде!

Пока Руиз наблюдал, Пунги выгнали, словно стадо, старшин гильдии, возглавляемых Дольмаэро, который выглядел неуверенно, но спокойно. Полная противоположность ему, остальные старшины были перепуганы до кататонии. Больше всего, как показалось Руизу, они боялись Мока, и Руиз мысленно похвалил их за правильное понимание ситуации. Его собственные колени подгибались под ним, когда он слишком долго смотрел на здоровенного насекомообразного воителя.

Руиз с трудом понимал отношение Фломеля к Кореане. Складывалось такое ощущение, что фокуснику было невдомек, что он сам был собственностью.

Фломель заговорил.

— Дольмаэро, Азевиль, Тегабидес, как же я рад найти вас в добром здравии,— Фломель говорил голосом оратора, низким и звучным.

Дольмаэро отважно вышел вперед, потом преклонил колено в скупом поклон-приветствии.

— Мастер Фломель,— сказал Дольмаэро без особого тепла в голосе,— мы счастливы видеть вас в безопасности.

Казалось, Фломель не заметил никаких полутонов в приветствии Дольмаэро.

— Благодарю тебя, добрый Дольмаэро. Наверное, ты все удивляешься, что же такое происходит.

— Да, разумеется.

Фломель остановился и бросил несколько озабоченный взгляд назад на Кореану, которая стояла вместе со своими помощниками, не выражая никакого нетерпения. Видимо, она предпочитала обращаться со своей собственностью по возможности ненасильственно.

Кореана кивнула, и Фломель повернулся к остальным.

— Сперва,— сказал он,— я представлю нашего нового покровителя. Вы удостоились чести лицезреть Леди Кореану Хейкларо, Благородную Даму этой области, мецената, который тратит деньги на веселые пьесы и серьезные постановки.

— Великая честь,— сказал Дольмаэро, низко поклонившись в более искреннем почтительном поклоне. Прочие старшины последовали его примеру, по-прежнему дрожа.

Фломель продолжал.

— Относительно нашего прибытия сюда есть много таинственных разговоров и подозрений, я знаю, но достаточно будет сказать, что мы не среди богов или демонов. То, что вашу свободу ограничили исключительно этими стенами, сделано только для вашей же защиты. Там, во внешних коридорах, есть существа, чей характер весьма вспыльчив и неровен.

Тегабидес, небольшой кругленький человечек с постоянным выражением сомнения на лице, храбро заговорил:

— Если вон тот чудовищный жук не демон, тогда что же такое демоны? И красота Леди Кореаны заставляет людей вспоминать про богов, не говоря уже о таинственном способе, каким нас перенесли в это место.

Фломель слегка побледнел. Он заговорил доверительным тоном.

— Не стоит поспешно выносить суждения, тем более вслух, Тегабидес. Высокий воин в броне — это Дальфин, принадлежащий к расе Мокрассаров, он телохранитель нашей Леди и ее палач. Мне подробно объяснили все эти вещи. Пока что у меня нет времени подробно обсуждать их с вами.

Тегабидес, казалось, еще враждебнее посмотрел на Фломеля, но Дольмаэро успокаивающим жестом положил руку ему на плечо.

— Давай внимательно послушаем, что Мастер Фломель сможет нам объяснить из того, на что у него хватит времени.

Самообладание Дольмаэро при таких условиях поразило Руиза. Он сам дрожал от гнева и страха, а ведь он принадлежал к культуре, которая воспринимала как само собой разумеющееся куда более странные вещи, чем Мокрассарский воитель. Но Руиз оправдывал себя тем, что феникс исчез. Он чувствовал какое-то гнетущее, невероятное чувство потери.

— Правильно,— сказал Фломель.— Как всегда, Дольмаэро рассуждает мудро. Леди Кореана милостиво разрешает нам уйти в тенистый дом, чтобы обсудить эти важные проблемы.

Фломель повернулся и отвесил глубокий театральный поклон, который вызвал холодную улыбку на устах Кореаны. Потом фокусник погнал перед собой старшин, и они исчезли из поля зрения Руиза.

Руиз отпрянул в самую глубокую тень. Как будет работорговка проводить время в ожидании, пока старшины договорятся? Вызовет ли рабов для оценки, сколько они могут принести ей на рынке? Проверит ли, как работают все устройства в загоне? Станет ли проверять, как функционирует ванная? Руиз смотрел с нарастающим беспокойством, пока она спокойно стояла на солнце.

Мок мог быть гротесковой статуей, а не живым существом. Киборг, казалось, играл в какую-то игру на информационных полосках, встроенных в его летучую консоль.

Проходили длинные минуты. Руиза прошиб пот.

В конце концов Фломель появился, за ним плелись старшины. Старшины, казалось, слегка повеселели, за исключением Дольмаэро, который выглядел просто больным.

Фломель подошел к Кореане и заговорил просительным и жалобным тоном.

— Благородная Дама, Старшина Гильдии Дольмаэро просит о милости.

— Что такое?— бесцветным голосом спросила Кореана.

Дольмаэро заговорил.

— Есть тут человек, который получил травму. Не могли бы вы ускорить заживление, как вы сделали это с фениксом? Или же, по крайней мере, облегчить его страдания?

Кореана шагнула вперед, и Мок пошел за ней следом. Его огромные паучьи ноги медленно двигались вниз-вверх.

— Вынесите его,— сказала Кореана.

Дольмаэро сделал жест рукой, и минутой позже два человека вынесли импровизированные носилки. На них лежал надзиратель, чье лицо представляло собой одну сплошную рану, расходившуюся в стороны от его расплющенного носа. Касмин резко и судорожно вздохнул, но потом увидел Мока и поморщился от боли.

Кореана стояла над больным, а на лице ее было выражение отстраненного любопытства.

— Как это его угораздило?— спросила она.

— Упал,— быстро ответил Дольмаэро, прежде чем кто-то еще смог ответить, и Руиз вспомнил, что ему можно дышать.

— Упал?— она повернулась к Фломелю.— Насколько хорошо вы знаете этого человека?

— Воистину, очень хорошо, Леди. Он был продан нашей семье с тех пор, когда ему было всего лишь три года. Лояльный, верный слуга, который заслуживает вполне вашей помощи.

Фломель смотрел на Касмина, и, когда до него дошло, какие у того раны, лицо Фломеля исказилось изумлением.

— Опишите роль, которую этот человек играет в ваших представлениях.

Фломель стал защищаться.

— Ну, собственно говоря, Благородная Дама, он не играет никакой роли в наших постановках. Его услуги больше нужны моей особе. Он обеспечивает защиту от злобных посягательств, наставляет упрямых...

Теперь Кореана явно забавлялась за счет Фломеля.

— Иными словами, он выкручивает руки для твоей пользы?

Фломель сперва долго ей не отвечал, потом резко кивнул,

лицо его по-прежнему было искажено подавленным раздражением.

— Значит, он больше не может выполнять своих существенных обязанностей,— сказала Кореана своим чистым ясным голосом.— Все же, я облегчу его страдания.

Она наклонилась над носилками. Возле кончика ее указательного пальца появилось мерцание переливчатого воздуха. Бульканье виброзвукового ножа ясно донеслось до ушей Руиза. Красивым резким жестом женщина вспорола горло Касмину, пронзив его до самого позвоночника, потом ловко отскочила, чтобы брызнувшая кровь не запятнала ее. Старшины бросились врассыпную, как перепуганные цыплята.

Она кивнула Моку. Тот нацелил на труп одно из своих средних щупальцев, хотя тело еще дергалось. Плазменная пика выстрелила белым огнем и зажгла останки сиянием. Большая часть труппы фокусников рванулась в хижину. Только Дольмаэро и Фломель остались, словно приросли к месту.

Когда не осталось ничего, кроме дымящегося пепла, Кореана ушла без церемоний, забрав с собой бледного Фломеля. Прежде чем она исчезла из поля зрения Руиза, Кореана посмотрела как раз туда, где Руиз прятался, но на лице ее не было никакого выражения.

Когда работорговцы ушли, фараонцы снова вышли из хижин и скопились на площади небольшими спорящими группками, избегая почерневшего пятна в центре. Дольмаэро вроде бы не принимал участия в общем обсуждении. Он уселся на низкую стену, не глядя ни на что в особенности, просто уставившись в пространство.

Руиз подождал подольше, прежде чем вышел из домика с ванной, и присоединился к Дольмаэро.

Дольмаэро посмотрел на Руиза ничего не говоря.

— Мне очень жаль твоего человека,— начал Руиз.

Дольмаэро отмахнулся.

— Не обращай внимания. Касмин всегда был шакалом. Когда над ним не было сдерживающего влияния его гильдии, немногого не хватало, чтобы он начал практиковать свои мерзкие приемы на совершенно невиновных людях. И как бы я стал управлять им?

— И все же... Я очень благодарен тебе за то, что ты не открыл источник его ран и их причину.

— Я не солгал,— веско сказал Дольмаэро.

— Нет, наверное, нет. Сказал ли тебе Мастер Фломель, что они собираются делать с Благородной Дамой?

Дольмаэро посмотрел на Руиза, и Руиз почувствовал, что он услышит плохие новости. Казалось, Дольмаэро не хотелось их объявлять.

— Да,— наконец сказал Дольмаэро,— он немного погово-

рил и об этом. Я не уверен, что тебе хотелось бы слышать, что он говорил.

— Скажи мне,— сказал Руиз.

— Ты помнишь, как я сказал, что наше решение прикончить феникса было ошибкой? Теперь я не уверен в этом. Это могло бы оказаться актом милосердия, не вмешайся ты. Мастер Фломель хотел бы использовать ее в будущем представлении.

— Представлении?

— Да, так он сказал. Похоже на то, что мы должны дать представление для таких могущественных людей, в сравнении с которыми женщина-богиня — просто их служанка. Я не понял подробности, но относительно наших услуг эти могущественные люди будут состязаться между собой, кто заплатит дороже.

«Умно со стороны женщины-богини»,— подумал Руиз Ав, хотя его затошнило от одной мысли. Она выставит труппу на аукцион, и они из кожи вон полезут, чтобы принести ей самую высокую цену, думая, что это их шанс произвести впечатление на влиятельных особ их нового мира. Она умело и изобретательно работала с рабами.

— И таким образом, от девушки потребуется умереть еще раз. Мне только думается — сколько раз можно оживлять человека и оживят ли ее? Ты ничего об этом не знаешь?

Руиз молчал. Даже в своих самых мрачных представлениях относительно будущего Низы он не мог себе представить, что спас ее только для того, чтобы она сыграла феникса снова. Но сейчас он понял, что в этом был страшный логический смысл. Она была великолепна в пьесе. И она могла выступать множество раз до тех пор, пока ее сенсорный комплекс не повредится смертельными травмами настолько, что она уже не сможет этого делать. Задолго до этого Низа будет только страстно мечтать, чтобы заполучить мир постоянной смерти.

— Много раз,— ответил Руиз, выдавая тем самым себя с головой, но в данный момент ему было все равно.— Скажи мне, Дольмаэро, когда начинаются ваши репетиции?

— Мне кажется, скоро. Мастер Фломель упоминал что-то насчет того, что сцену доставят через неделю. Тогда мы и начнем. Может быть, и девушка тоже вернется.

Дольмаэро смотрел, как Руиз сражается со своими мыслями, и маленькие яркие глаза Дольмаэро смягчились в сочувствии. Он слегка похлопал Руиза по руке, потом с усилием поднялся и пошел прочь.

В тот вечер Руиз наполнил у тележки только одну тарелку. Дом бескастовых казался очень пустым. Перед самыми густыми сумерками мальчик принес к дверям маленькую масляную плошку.

— От Мастера Дольмаэро,— сказал он и подал ее Руизу.

Руиз тронул подарок Старшины Гильдии, и он жег плошку до поздна, сидя на койке Низы и глядя на крохотное пламя. Но когда последнее масло выгорело и плошка погасла, он поднялся с койки и пошел следить за стеной. Его ночные исследования были облегчены тем, что никого больше возле стены не было. Фараонцы не выходили за пределы своих домов после заката. На Фараоне слишком много голодных хищников охотилось по ночам. Он пошел по своим делам, предположив, что никто не наблюдает за загоном. Если бы так было, он не сомневался, что его давно бы схватили.

Он снова нашел участок стены, где защитные поля время от времени гасли. Отказ в работе был хаотичным, он происходил раз или два в час. Продолжительность нерабочего состояния составляла от пятнадцати до сорока пяти секунд. Однако дважды в эту ночь нерабочее состояние продолжалось меньше десяти секунд. Если бы ток поймал Руиза в тот момент, когда он был бы на вершине стены, со стены он свалился бы по кусочкам. Это не был самый лучший путь к побегу, но пока что это была единственная возможность, которую он нашел. Конечно, по другую сторону стены мог быть всего-навсего еще один загон, а не внешний коридор. Руиз никак не мог придумать способа, которым он мог бы заранее проверить это. Резкое жужжание полей делало подслушивание невозможным.

Весь следующий день у него заняло плетение веревки из кожаных кусочков, которые он нашел в Доме отверженных. В ту ночь он привязал веревку к тонкой палке, которую на конце еще нагрузил куском скалы. Он пошел к бракованной части стены. Когда поля погасли, он перебросил палку через верх стены, надеясь, что на той стороне никто не смотрит в этом направлении. Он медленно потащил палку обратно. Глядя на выгибающийся кончик палки, он смог определить, что верх стены гладко закруглялся, там не было никаких углублений или выступов, за которые мог бы зацепиться крюк. Он вздохнул и стащил веревку вниз.

Когда в следующий раз поле погасло, он попробовал снова, и, прежде чем поле вернулось на место, он уже смог составить себе представление о том, какой формы была верхняя часть стены. Просто для того, чтобы убедиться, он попробовал еще раз, но на этот раз поле вернулось слишком быстро, и веревка упала на землю, но уже без палки. Руиз услышал, как она упала на землю по другую сторону стены, и выругался. Он только надеялся, что никто не заметит палку с обрывком самодельной веревки, а если и заметит, то не обратит внимания и не станет задумываться, откуда он там взялся.

Его следующей задачей было смастерить крюк, который прилегал бы к верхней части стены достаточно плотно, чтобы выдержать его вес. Это заняло у него большую часть дня. Руиз

смастерил его из частей дерева, которые он выломал из коек, и связал крюк до неподвижной плотности полосками сыромятной кожи. Он высушил свое сложное изделие на крыше, на горячем солнце. Когда с этим было покончено, в распоряжении Руиза был предмет, который словно был спилен с рукоятки гигантского пастушеского посоха. Руиз прикрепил к нему плетеную кожаную веревку и приспособление для побега было готово.

Недостаток именно в этой технологии побега был тот, что крюк нельзя было попробовать заранее. Если только Руизу удастся зацепить его за верхушку стены, ему придется взбираться по веревке, чтобы отцепить крюк снова.

Поэтому настало время решать. Надо ли ему бежать немедленно, убегая в неизвестную часть рабских казарм, или ему стоит остаться в загоне подольше, накапливая силы? Его решение осложнялось тем, что Руиза терзало совершенно непрактичное и абсурдное желание снова увидеть Низу, хотя он не мог сделать для нее ничего, что не ставило бы под угрозу то дело, которое он подрядился выполнить для Лиги. Не говоря уже про его жизнь. Он не мог даже подвергнуть ее быстрой и милосердной смерти, не навлекая на себя нежелательного внимания. Она была ценной частью труппы. Кореана наверняка бы обратила свой опасный взгляд на того, кто осмелился бы причинить вред Низе.

Однако, по зрелом размышлении, Руиз посчитал очень странным, что работорговка не поинтересовалась, кто нанес Касмину такие страшные травмы. И почему она позволила Низе, ценному товару, находиться в загоне, больной, раненой, подвергающейся серьезной опасности со стороны суеверных простолюдинов? Руиз не мог представить себе мотивы таких поступков, поэтому он глубоко вздохнул, покачал головой и выбросил из головы все мысли о Низе.

В тот день, когда Руиз закончил работу над крюком, Фломель появился снова почти вечером. Руиз находился в Доме отверженных, наращивая веревку и проверяя, нет ли в ней слабых мест. Он услышал голоса на площадке и осторожно подошел к двери.

Фломель стоял посередине площадки, разговаривая с Дольмаэро и прочими старостами гильдий. Двое охранников-Пунгов стояли рядышком, тела их всем положением выражали терпеливую скуку. Руиз с трудом разбирал, что говорилось.

— Но как они принесут ее? — говорил озадаченный Дольмаэро, показывая в направлении маленькой хижины, где жили помощники фокусников, и потом на небольшой шлюз, через который входили охранники.

Фломель указал наверх театральным жестом.

— Смотри, — сказал он. — Видишь балки и серебристые нити? Слуги Леди подвесят сцену на этих серебристых нитях

и перенесут ее туда, где мы будем репетировать. Не спрашивай меня, каким образом они это сделают. В этих людях много такого, что ни один из нас не понимает.

Ей-богу, это ты с полным правом можешь сказать, подумал Руиз с каким-то злорадным удовольствием.

Дольмаэро выглядел, как человек, который хочет вести себя дипломатично, но его одолевают сомнения.

— Ну, если ты так говоришь, Мастер Фломель... А когда к нам присоединятся Мастер Кроэль и Мастер Мольнех?

— Очень скоро, очень скоро. Видите ли, я уже предчувствую, что с девушкой будут проблемы. В Биддеруме она была великолепна, но ведь тогда она была Искупающей, правда? Нальтрехсет, нам придется полностью положиться на твои снадобья, чтобы заставить ее подчиниться, но до определенной степени она должна добровольно участвовать. Дольмаэро, ты с ней работал теснее всего. У тебя есть какие-нибудь предложения?

Руизу их беседа стала еще интереснее. Насколько Руиз видел, Дольмаэро еще сильнее ушел в себя.

— Никакие мысли мне пока не приходят в голову, мастер.

Сказав это, Дольмаэро отвел взгляд в сторону.

Человек с острыми чертами лица и униженным плаксивым голосом заговорил:

— Мастер, а как насчет безродного, который защищал ее от Касмина?

— Что так? — спросил Фломель, и его узкое лицо потемнело.— Кто такой этот безродный, и почему было необходимо защищать феникса? Кто собирался ей навредить?

Дольмаэро ответил:

— Прежде чем мы узнали, что ты жив и в порядке, мастер, прежде чем мы поняли, что происходит здесь и каково наше положение, старшины решили на совете голосованием, что воскресение феникса было неестественным, и, возможно, оскорблением богов,— тут Дольмаэро остановился со смущенным видом. Все глаза обратились на Дом безродных, где спрятался Руиз. Дольмаэро неохотно продолжал:

— Безродный, Вухийя, такое имя он носит, по профессии продавец змеиного масла, он заботился о ней, поскольку ее по ошибке поместили в Дом безродных. Несомненно, он понял, какая она ценность. В любом случае, я послал Касмина, чтобы тот вытащил ее на наш суд, и Касмин — ты же знаешь, что это был за человек — Касмин напал на Вухийю. Вухийя защищался. Результат ты сам видел.

Фломель потер подбородок.

— Я полагаю, мне надо было бы быть довольным. Девушка гораздо более ценна для труппы, чем был Касмин, хотя мне не хватает его грубоватого юмора. Если бы вы укротили свои религиозные порывы, ничего такого не случилось бы.

Тут глаза Фломеля расширились, и его лицо налилось свирепостью и злобой.

— Погодите,— сказал он сдавленным голосом,— не тот ли это продавец змеиного дерьма, помешанный на собственном товаре, что бросился на сцену в Биддеруме, испортив нам финал?

Фломель двинулся было к Дому отверженных, а его пальцы скрючились, как когти.

— Это тот самый человек?— проорал Фломель.

Дольмаэро поспешил следом за Фломелем.

— Подожди, мастер. Не делай ничего поспешно, молю тебя.

Он догнал Фломеля у дверей, где он остановился, уставясь сквозь колышущиеся занавески в темноту внутри хижины. Руиз Ав тем временем прижался к стене в дальнем углу, там, где его не было видно, думая, что ему делать, если Фломель набросится на него или разоблачит его перед стражниками. Они могли и не принять всерьез обвинения Фломеля. С другой стороны, они могли бы повести Руиза к Кореане, где Руизу придется очень трудно, если ему понадобится объяснять свое странное поведение. Но Фломель остановился, а воздух со свистом вырывался сквозь его стиснутые зубы.

— Выходи, пыльная крыса,— прошипел Фломель.— Выходи и получи по заслугам.

Руиз не издал ни звука.

Дольмаэро убеждал фокусника.

— Мастер, вам нельзя и думать о том, чтобы запятнать руки человеком такой низкой крови. Кроме того, посмотри, что сталось с Касмином.

Несколько секунд Руиз ничего не слышал.

Потом Дольмаэро продолжал:

— Послушай, у меня есть мысль. Феникс, совершенно очевидно, привязалась к этому Вухийе. Он выходил ее, он спас ее от петли Касмина. Кроме того, их видели в любовных объятиях в ванной.

Фломель ахнул.

— Ты дурак, Дольмаэро! Она же принцесса, или была ею, прежде чем стала Искупляющей!

— Тем не менее, это правда, мастер. Я не знаю, по какой причине. Мне это тоже показалось странным... но что не кажется странным в эти безумные дни? По крайней мере, мы можем воспользоваться ее привязанностью к этому подонку, чтобы обеспечить участие ее в пьесе.

Фломель, казалось, раздумывал. Потом он заговорил снова, уже более спокойным тоном.

— Ты снова дал мне хороший совет, Старшина Гильдии. Я подам Леди прошение насчет более внушительного надзирателя. Может быть, она одолжит мне своего огромного жука.

Просто один его вид должен был бы напугать ее так, чтобы она согласилась с нами сотрудничать, а если нет, то мы будем вырывать палец за пальцем змеиному отродью, пока она не поймет, что от нее требуется.

Потом голоса удалились, обсуждая, что еще нужно из вещей для репетиции, что надо попросить, какой материал можно выбрать для пьесы, какие изменения внести в сцену. Мысли Руиза бежали своей колеей, спокойно и отдаленно, и он чувствовал, как смертная сеть стягивает его, стискивая с предостерегающим напряжением. Он сполз по стене. Как раз в тот момент, когда ситуация казалась уже безнадежной, напряжение исчезло.

К тому времени, когда приехал их ужин, Фломель ушел. Руиз отнес тарелку в свое привычное уже место. К его удивлению, к нему присоединился Дольмаэро.

— Что ж, друг Вухийя,— сказал Дольмаэро,— я должен снова извиниться перед тобой. Ты слышал?

— Да. Фломель — мстительный мелкий пердун, а?

— Он серьезно относится к своему искусству, что еще можно сказать про него? Он плох в качестве врага. Но я надеюсь, что ты поверишь в то, что я пытался сделать для тебя все, что мог. Я просто не мог придумать ничего лучшего.

Руиз поглядел на Дольмаэро оценивающим взглядом. Профессия Руиза принадлежала к тем, которые плодят цинизм, но на широком лице Дольмаэро Руиз увидел только усталость и озабоченность.

— Я тебе верю,— сказал Руиз. Казалось, он сосредоточился на своем ужине, но мысленно он уже обдумывал предстоящую ночь.

Глава девятнадцатая

Когда Пунг-охранник увел ее прочь, Низа все еще чувствовала приятную истому, поэтому страх не быстро пришел к ней. Чудовища вели себя с ней мягко, и это казалось таким нелепым, что она шагала между ними к шлюзу без всяких мыслей о побеге.

— Куда вы меня ведете? — спросила она чудовищ, когда наконец смогла говорить. Но они молчали, хотя тот, что справа, показал ей полную пасть зубов-шильев. Может быть, это была улыбка, для того, чтобы подбодрить ее?

В шлюзе дверь поразила ее тем, что уехала вверх, в арку, и она попыталась убежать. Монолиновый ошейник поцарапал ей кожу, когда она оказалась на конце привязи, и она упала на колено, ловя ртом воздух. Охранник покрупнее помог ей подняться на ноги. Кожа на его руках была прохладной и жест-

кой — не противной, но такой чужеродной, что ее передернуло. После этого она пошла за ними покорно.

Потом она стала проявлять интерес к тому, что видела по дороге.

После того, как они прошли по коридорам в течение получаса, она стала понимать, каких гигантских размеров были рабские казармы. В сравнении с ними дворец ее отца был каким-то собранием лачужек. Стены коридоров были сделаны из гладкого серо-белого вещества, которое напоминало ей неглазурованный фарфор. Стены были в несколько раз выше человеческого роста, а проход — узкий, так что только маленькая полоска голубого неба виднелась наверху. Все было очень тихо, словно любая жизнь, которая существовала в этих стенах, была заглушена толщиной стен.

Она не могла удержаться, чтобы не заглядывать в наблюдательные окошки, которые попадались ей по дороге, когда они проходили мимо других загонов, и что-то вроде отстраненного ужаса возникало в ней, когда она тайком бросала взгляды на существа, которые там содержались.

Кто-кто из них, казалось, принадлежал к человеческому роду, хотя не к тем расам людей, с которыми она сталкивалась. Они варьировали по росту, форме и цвету — белые, как лед, черные, как уголь, высокие массивные существа и маленькие юркие. На них были странные одеяния, а некоторые могли похвастаться странными уродствами. Большинство мужчин не брило голов. Кое-кто из них ходил нагишом, некоторые носили одежды такого великолепия, что сам человек, казалось, пропадал на фоне одежды. Эти люди из других миров отличались необъяснимым выражением лиц, пользовались странными жестами, даже их позы казались чужими и странными.

Чудовища, которых она видела, казались ей менее пугающими, поскольку она и не ожидала, что в них что-либо поймет. Она видела загон с существами, которые напоминали иррин, нелетающих птиц фараонских пустынь, разве что у этих были массивные черепа, которые нависали над сгорбленными плечами. Они прижались друг к другу на плоском песке среди низких кустов, сбившись маленькими неподвижными группами. Их мощные лапы были сложены под туловищем. В них было что-то до такой степени пронзительно жалобное, безнадежное и смирившееся. Их огромные золотистые глаза помутились от потерь. Низа почувствовала, как слезы жгут ей глаза просто от одного этого взгляда.

Но там были и другие чудовища, которые не вызывали жалости. В одном из загончиков она мельком увидела колонию быстрых рептилиевидных хищников, которые рвали еще подергивавшееся тело старой женщины. У них были раскосые козьи глаза и, казалось, они чувствовали на себе взгляд Низы, когда

она смотрела на них сквозь мутное стекло наблюдательных окошек. Ее передернуло, и она отвернулась.

— Когда мы дойдем туда, куда направляемся? — спросила она.

Охранники не обратили никакого внимания на ее слова, и она стала подозревать, что они не понимают ее языка.

Она поражалась тому, как охранники находят дорогу по лабиринту. Тут было столько поворотов и развилок. Огромное количество и разнообразие существ, которых она видела, указывало на то, что рабские казармы кипели деятельностью. Но в коридорах она не видела никого, за исключением того момента, когда они остановились на пересечении трех коридоров, чтобы дать скованной цепи пленников и их охранникам пройти. Цепь состояла из дюжины или около того прекрасных женщин, великолепно подобранных по внешности, скованных цепью шея к шее. На них были только коротенькие юбочки из серебристых металлических чешуек и больше ничего. Женщины по виду принадлежали к человеческому роду. Их кожа была бледно-зеленого оттенка, молочного цвета волосы длинные и подобранные в сложные косы. Их широкие лавандового цвета глаза смотрели на Низу, словно она была каким-то уродом.

Низа остро почувствовала, как деморализует ее грязная мешковинная рубаха и влажные спутанные волосы, и она было потупилась от стыда, но она все-таки была дочерью Царя Царей — воскресший феникс — и ее подбородок гордо вздернулся. Она уставилась в глаза этих странных женщин, сложив губы в самую презрительную улыбку, которую смогла изобразить.

Через несколько минут женщины пропали в глубинах коридора, а Низа и ее охранники пошли дальше.

Наконец они подошли к длинной стене, снабженной множеством дверей. Когда они подошли, одна из дверей отошла в сторону, обнажив очень маленькую комнатку. Низа не могла себе представить никакого объяснения тому, что она должна войти туда вместе с Пунгами-охранниками, и она отпрянула на своей привязи, дергая за тонкую прозрачную нить рукой.

Охранник покрупнее снова показал ей свои кошмарные зубы в ухмылке и жестом приказал войти. Низа упрямо потрясла головой.

— Пожалуйста, — сказала она, — зачем нам туда входить?

Охранник тяжело и громогласно вздохнул и схватил ее за руку. Без малейшего усилия он впихнул ее внутрь. Когда туда же втиснулся и второй охранник, дверь захлопнулась.

Низа чуть не заскулила, но подавила в себе все звуки. Чужой запах охранников усилился в замкнутом помещении. Внезапно она почувствовала, будто падает, и тогда стон все-таки вырвался из ее стиснутых губ. Но она заметила, что охранники по-прежнему невозмутимы. Поэтому она решила, что немедленная смерть ей не угрожает.

Тут же лифт замедлил падение и остановился, и это ощущение было почти таким же неприятным.

Дверь отошла снова в сторону.

Ее первой мыслью было то, что каким-то волшебным образом ее перенесли в гарем ее дядюшки Шиманеха, место, где она побывала не раз, переодевшись посетительницей из провинции.

Потолок был низкий, словно он хотел сконцентрировать и собрать все запахи удовольствия. Низа вдыхала десятки тонких ароматов, сладкое вино, пряный дым, глубокий запах разгоряченных страстью человеческих тел. Комната была огромна. С каждой стороны она видела стены, но противоположная стена комнаты терялась во мраке.

Низа увидела похожие на гарем предметы роскоши: глубокие ковры из мягкой ткани, подсвеченные блеском драгоценных металлов и редких камней, все должно было радовать прикосновение так же, как и глаз. Мебель была самая странная: тут диван с ножками в виде раздвоенных копыт, там причудливая козетка в виде параграфа с подушками змеиной кожи. Она осмотрела стул со странными подлокотниками черного дерева — младенцы-вампирята, с растянутыми крохотными ртами, длинными клыками, видными в ухмылке. Низа передернулась и оглянулась.

Где-то вдали и очень тихо играла негармоничная музыка. Кроме этого, все было тихо.

Но, если в том месте была заметна атмосфера, такая знакомая и понятная, связанная с предназначением этой комнаты, были в ней и незнакомые вещи, которые потрясали ее какой-то зловещностью, чужеродностью, вещи, которые она едва могла воспринимать. Например, вместо эротических статуй, которые так любил Шиманех, в нишах извивались странно поблескивающие тени, бледно-голубые, прозрачные, сплетенные в почти застывшем сексуальном экстазе, но все-таки движущиеся замедленными движениями. Казалось, что в нишах вдоль стен занимаются любовью призраки.

И свет. На Фараоне самый яркий свет, единственный, кроме естественного пламени, исходил от газовых рожков, которыми освещался дворец ее отца и несколько храмов побогаче. Но здесь были источники света всех цветов и насыщенности, крохотные цветные огоньки везде были прикреплены к панелям, были огромные шары мягкого пастельного свечения, ослепительные пятна белого каления.

Она и Пунги казались единственными обитателями этой огромной комнаты.

Охранники подвели ее к высокому креслу, которое было обито бледно-коричневой кожей. Они прикрепили ее привязь к крепкому железному кольцу, которое было впаяно в подлокотник кресла, и оставили ее, вернувшись в маленькую комнат-

ку. Тот, что покрупнее, помахал ей дружелюбно рукой, и она помахала ему в ответ. Она почти жалела о том, что они ушли.

Она сидела одна в этом кресле, как ей показалось, около часа. Страх ее постепенно заменился скукой. Она с интересом осматривала свое окружение. Глаза ее присматривались к узору тиснения на коже кресла. Чуть позже она сообразила, что это татуировки. В следующий миг она узнала узор, очень любимый горцами, которые жили на провинциальном плато к северу от столицы, и она сообразила, что за зверь дал свою шкуру для обивки этого кресла. Неожиданно прикосновение его стало для нее чем-то грязным и невыносимым, и она встала возле кресла, оставаясь привязанной к нему.

Наконец за ней пришла женщина. Она была колоссальная — высокая, толстая и мускулистая, с огромными торчащими грудями и широченными бедрами. На женщине было одеяние из прозрачного шелка и высокие до колен сапоги из кожи, сверкавшие отполированной чернотой. Единственное, что в этой женщине было маленьким — это ее лицо, черты ее были собраны вместе в маленький кружок в огромном пространстве жира. У нее была гримаса кокетливого и жеманного безумия, и она, грубо дернув за поводок, который был прикреплен к шее Низы, повела ее в глубь комнаты.

У противоположной стены, на кушетке, заваленной бархатными подушками, ждала Кореана. Она была обнажена до пояса, ее массировали два гладких существа неясного вида, о которых трудно было сказать, насколько они принадлежат к человеческой расе.

Чудовищное насекомое стояло возле нее, чуть позади, в темноте между двумя источниками света, неподвижно, словно статуя. Великанша отстегнула ее поводок, и Низа потерла уставшую шею.

— Подойди сюда,— сказала женщина голосом, как музыка.

Она улыбнулась, и Низа подошла поближе, как сомнамбула. Она остановилась так, что женщина могла ее коснуться.

Кореана похлопала по подушке с собой рядом, приглашая ее садиться. Существо справа от нее зашипело, и Низа увидела, что они были какими-то странными существами, полукошками-полулюдьми. Их лица были укорочены, носы казались черными пуговками, а зубы были белы и необыкновенно остры. Блестящий короткий белый мех покрывал их обнаженные, без какой-либо одежды тела, если не считать того, что шерсти не было на мордочках и розовых ладонях.

Озабоченное выражение появилось на лице Кореаны, и она сделала жест, желая прогнать существа. Немедленно два прислужника улизнули прочь, казалось, они просто стекли с кушетки. Низа услышала тихое рычание, когда одно из существ проползло возле нее, и увидела небрежную холодную ненависть в его глазах.

Низа упала на мягкие подушки, и Кореана подвинулась, освобождая ей место. При близком рассмотрении красота Кореаны показалась еще более ослепительной. Казалось, кожа у нее совсем без пор, у нее был шелковистый блеск, Низе даже захотелось дотронуться до нее, чтобы почувствовать на ощупь такое необыкновенное чудо.

— Низа,— сказала Кореана,— я даже не могу сказать тебе, как я счастлива тебя видеть. Ты знаешь, ты первый феникс, которого я вижу.

Низа ничего не могла ей ответить. Духи Кореаны были очень тонкими, словно теплый призрак запаха, такой притягательный, что Низе захотелось зарыться носом в плоть Кореаны, чтобы найти, где этот восхитительный запах был сильнее всего. Перестань, сказала она себе. Неужели ты так ничего и не поняла и ничему не научилась?

— Так вот, ты первый мой феникс. Я видела много разных трупп с фениксами, но ни один из них не оставался в живых и не воскресал.— Кореана снова улыбнулась, показывая маленькие острые зубы.— Но если бы они мне и встречались бы, они не понравились бы мне так, как ты. Фломель очень много говорит о тебе. Что ты была дочерью короля, или там царя. Что ты самый прекрасный феникс, с каким он когда-либо работал, такая величественная, такая прекрасная. Ты полна такого отважного смирения, которое так много значит для тех, кто понимает в пьесах с фениксами толк.

Казалось, Кореана произносит заранее тщательно подготовленную речь, хотя ее голос не поднимался выше доверительного мурлыканья.

Низа ответила только на один странный момент в этой речи.

— Я единственная — кто выжил? Почему же это? Вухийя говорит...— она запнулась, понимая, что вступает на скользкую почву.

Кореана наклонилась вперед, так что одна небольшая белая грудь коснулась руки Низы в тонкой ласке.

— Вухийя говорит?..— подбодрила Кореана.— Продолжай, Низа.

— Вухийя — это тот человек, который заботился обо мне, когда я была больна,— уклончиво ответила она.

— Да?

— Так вот, он сказал, когда я спросила его, почему я жива, почему шрамы исчезают, он сказал, что, наверное, тут очень хорошие доктора. Это правда?— Низа стала спокойнее.— И еще, вы не могли бы сказать мне, где?

Кореана откинулась назад, гримаса раздражения исказила ее совершенные черты. Это длилось только секунду, но Низа уже не была в восторге от красоты Кореаны.

— Постой, на твои вопросы я буду отвечать по очереди,

Низа. Да, у нас тут хорошие доктора, но большинство фениксов попадало к нам, когда они уже умерли. Может быть, бог оказал тебе особую милость. Может быть, так оно и есть. Или, может быть, у тебя была какая-то особая сила, или помощь, которой у них никогда не было, скажем, спрятавшийся где-то друг. Как ты думаешь?

— Я об этом стараюсь вообще не думать, если возможно,— честно сказала Низа.

Кореана рассмеялась тихим выученным смехом.

— Да? Ну вот, ответ на твой второй вопрос, это Суук, плато Баргерелл Квартиры Черной Слезы, мои апартаменты.— Пауза.— Моя кушетка,— сказала Кореана.

— О-о-о-о,— сказала Низа. Многое из того, что говорила Кореана, для нее вобще не имело смысла.— Я никогда не слышала про Суук. Это далеко от Фараона?

В детстве у Низы была постоянная спутница, старая женщина, которая ухаживала за ней, дула на ее ушибы, успокаивала, когда кто-нибудь ее обижал, рассказывала ей фантастические истории про волшебные земли, которые поднимались высоко над парами Ада, далеко над их обитаемым миром.

— Да, далеко. Теперь скажи мне: кто такой этот Вухийя? Что он за человек?— Кореана придвинулась поближе, и Низа почувствовала, что ее интерес еще более возрос.— У него есть какие-то предположения относительно тебя или меня?

— Он тебя не упоминал. Собственно говоря, он очень мало рассказывает, поэтому я не знаю, что я могу тебе рассказать,— Низа остановилась, посмотрела в глаза Кореаны и увидела там недоброе предостережение. Низа испугалась и заговорила дрожащим голосом:— Вухийя очень силен. Он изуродовал Касмина, надзирателя, очень страшно, когда Касмин хотел меня убить. А Касмина все считали очень сильным человеком. Говорят, на Кровавом Празднике он прошлой весной убил троих человек.

У Низы вдруг появилось страшное чувство, что она предала этого странного человека, который так страстно и чудесно любил ее в ванной.

— Но он не прикончил Касмина, хотя Касмин был совсем беспомощный.

— Ты считаешь, он милосердный?— спросила Кореана.

— Меня он пожалел,— ответила Низа.

— Это, как я думаю, только одно из многих чувств, которые он к тебе испытывает,— сказала Кореана. Она снова рассмеялась и пододвинулась еще ближе, пока не прижалась к Низе. Дыхание ее отдавало пряностями.— Тебе понравилось купаться?— спросила Кореана.

Низа не знала, что ей ответить, но почувствовала, как краска заливает ей лицо. Кореана взяла ее за подбородок и повернула голову Низы, пока Низа не смотрела прямо ей в глаза, ко-

торые били Низу в самое сердце, как голубой металл. Кореана поцеловала ее, губы ее были такими сочными и мягкими, поцелуй — легким жгучим прикосновением.

— Все же на тебе немного остался вкус смерти, Низа,— сказала Кореана.— Но это даже хорошо. Для меня это сладкий вкус.

Совершенное лицо Кореаны все еще было таким прекрасным, что от него захватывало дух,— и это, подумала Низа, было самым непонятным и страшным в ней.

Кореана отодвинулась и дала знак великанше.

— Забери мою гостью в приготовленные для нее апартаменты и дай ей раба, чтобы прислуживал ей во всем, в чем понадобится.

Великанша потянулась к нейронному кнуту, но Кореана нахмурилась и сказала:

— Ей это не понадобится.

У стены Руиз ждал в ночи, когда произойдет сбой в защитном поле. Он ждал и задумчиво крутил в пальцах крюк. Он невольно думал про Низу, которая уже причинила ему столько хлопот, и которая теперь, попав за пределы его досягаемости, продолжала по-прежнему так беспокоить его. Рассудочные существа — такие, как Руиз Ав, строили свои привязанности на рациональных мотивах: интеллект, общность интересов.

И вот он сидел и грезил о женщине с такой планеты, которая при невероятном везении и еще тысяче лет осторожного проникновения земной технологии могла бы претендовать на то, чтобы получить место среди наименее развитых планет пангалактической культуры. От этого становилось обидно.

В своих самых мрачных мыслях Руиз Ав начинал беспокоиться, что стал не лучше любого дурака-романтика.

Защитное поле сбилось и погасло, оборвав его фантазии и мысли, и Руиз встал. «Ну, пора!» — подумал он.

Он закинул крюк на стену, и тот плотно сел на ее вершину; с крюка, покачиваясь, свисала веревка. Он несколько раз дернул. Крюк сел крепко, и он быстро стал карабкаться по стене. Наверху он уселся на стену верхом и сорвал крюк. Пока отрывал крюк от стены, он на секунду оглянулся, и сердце его упало. Казармы были огромные, покрывали тысячи гектаров. И самое худшее было то, что внизу не было коридора, просто еще один загон в форме чаши, гораздо крупнее, чем загон фараонцев, а в центре его было озеро, сиявшее мягким голубым светом.

— А, ладно,— сказал он.

Он остро ощущал холод провода защитного поля между ног. Он решился, перекинул ногу на другую сторону, сорвал крюк со стены и свалился с нее в странный загон.

Это было долгое падение, но он погасил падение тем, что

покатился по травянистому газону. Укрепленные кости его ног погасили силу падения. Когда он наконец остановил свое качение по траве, Руиз услышал шипение и треск вернувшегося защитного поля.

Он скорчился под низеньким кустом. Загон был зеленый и травянистый, в темноте вовсю пели ночные птицы. Куст, под которым он присел, был усыпан крохотными белыми цветочками, а когда он задел ветку, от цветов запахло корицей и яблоками. Он долго и терпеливо ждал, пока не уверился окончательно, что на его внезапное появление нет никакой враждебной реакции. Он посмотрел на защитные поля, которые окружали его новый загон, и к своему разочарованию убедился, что они были в полном порядке. Он только надеялся, что оттуда мог быть еще какой-нибудь выход.

Наконец он подобрал свою веревку и спрятал ее в душистом кусте. Затем пошел вниз по склону холма к центру загона.

Деревья, которые покрывали верх склонов, были похожи на парковые, они были тщательно ухожены и подстрижены, и среди них было легко идти даже в бледном звездном свете. У Суука не было лун, разве что можно было считать за луны бесчисленные крохотные блестки орбитальных станций шардов, платформ с оружием, которые поддерживали своеобразные законы Суука.

Руиз двигался аккуратно, осторожно, производя меньше шума, чем случайный легкий ветерок, который шевелил листву. У деревьев, как заметил Руиз, были листья с легким металлическим блеском, поэтому, шевелясь на ветру, они отбрасывали кругом множество звездных искорок. Это было очень красиво. Лесок производил на него успокоительное, усыпляющее действие, и Руиз полагал, что подземные генераторы гармонии слегка искажают его восприятие. Если технология системы безопасности соответствовала изощренности его конструкции, то Руиза уже, вероятно, обнаружили. Но Руиз крепился и двигался дальше. Казалось, Пунги вели тут неприхотливую и несложную работорговлю. Возможно, что эта неприхотливость распространялась на меры безопасности, которая была на их ответственности, а не на совести того, кто сдавал эти казармы в аренду.

Когда он подошел к озеру, деревья уступили место саду весьма не классического стиля, скорее, деревенскому. Однако он содержался безукоризненно. Тут он услышал голоса и как можно скорее спрятался за ближайшую статую, которая изображала обитателя Корвуса, вырезанного из какого-то черного камня. Крылья статуи опали в жесте покорности и поражения, дав Руизу прекрасное убежище для подглядывания и подслушивания.

Из темноты сада перед ним появились две фигуры. Они шептались друг с другом, гуляя по дорожке белого камня, и Руиз

увидел, что это мужчина и женщина, переплетенные в любовном объятии. Мысленно Руиз подгонял их, чтобы они прошли мимо его укрытия. Как назло, они уселись на скамейке перед статуей, где спрятался Руиз.

— Честно говоря,— сказала молодая женщина,— твоя подруга — чудо Септы. К ней все питают такое сострадание!

— Почему сострадание? Она частичка души моей,— поддразнивал молодой человек. Голос его звучал легко и весело.

— Пародия, а не женщина. О чем только Септарх думал, когда назначил ее твоей парой? Она убога, волосы у нее торчат клочьями, как у морского ежа колючки, она пляшет фульгуру, как лягушка в сапогах.

Юноша рассмеялся.

— Твои высказывания такие красочные. Но в какой-то степени я вынужден согласиться. Наверняка ты гораздо лучше оценишь некоторые мои качества, чем она когда-либо сможет это сделать...

— Да...

В течение нескольких минут Руиз был вынужден слушать, как проходит кульминация их ухаживания. В какой-то момент они скатились со скамейки в траву, потом уснули.

Руиз задумался. Их одежда соблазнительно лежала, раскиданная на ближайших кустах. Его собственная грубая рубаха наверняка бы привлекла внимание в центре загона, который уже перестал казаться ему похожим на рабский. Он быстро стянул рубаху. Крадучись, он собрал одежду молодого человека и вскоре был вполне прилично одет, хотя куртка была тесна в плечах, а штаны коротковаты. Широкая бархатная шляпа покрывала его бритую голову, прикрывая тем самым и поблекшие татуировки Руиза.

Руиз глубоко вздохнул и двинулся к берегу озера.

Над ним, невидимый в мягкой тьме, следовал шарик-шпион Кореаны.

Глава двадцатая

Кореана со всем вниманием устремила взгляд на экран монитора, куда шарик-шпион передавал сведения. Она смотрела, как Руиз собрал одежду храпящего любовника, и рассмеялась.

Возле нее пират-киборг Мармо покоился на своем летающем пузыре, и, казалось, не обращал ни на что внимания. Но когда Руиз, обряженный в свои краденые обновы, повернулся к озеру, он заговорил:

— Ты уверена, что это разумно? Ты же знаешь, как серьезно относится Лорд-Кормилец Преалл к своему маленькому

мирку. Он очень расстроится, если твой неизвестный повредит что-нибудь.

Кореана неотрывно следила за тем, как Руиз шел по саду.

— Плевать я хотела на Преалла. Кроме того, Преалл меня боится, как и следует быть. Если даже твой неизвестный возьмет кувалду и разобьет Теру, отравит морские лужайки, поймает в сети лапочек Преалла и повесит их всех на крюках головой вниз, заберет голографии для своих домашних и напишет на всех стенах: «Это сделала Кореана!» — и то Преалл не скажет мне ни слова. А если и скажет, то я велю ему пожаловаться Пунгам. В конце концов, это они распоряжаются казармами. Это они следят за защитными полями.

— Да, ты права,— сказал Мармо. Его вокодер был настроен на шепот. Он выпятил губы.

На экране Руиз осторожно проскальзывал между прибрежными кустами у озера.

— Посмотри, Мармо. Правда же, он похож на элегантную змею? — улыбнулась Кореана.

— Он мне не нравится. Ты же знаешь, что он — тот самый человек, который спас феникса от этой деревенщины. Почему ты не расправилась с ним тогда? Заморозить его, отправить его куда-нибудь с Суука, туда, где никто и никогда не найдет его, это же всегда прежде срабатывало.

— Да, Мармо, но что, если он слишком быстро действует для нас? Что, если он сможет умереть, прежде чем мы его заморозим, и выслать сигнал? Что тогда? — она пожала плечами.— И, во всяком случае, забавно за ним наблюдать.

Последовало неловкое молчание. Кореана знала, что она пытается относиться к незнакомцу осторожно. Если он был Агентом Лиги, что казалось вполне вероятным, существовал весьма ощутимый шанс, что он был снабжен смертной сетью. Если она решила бы просто убить этого человека, результат мог бы оказаться фатальным для нее самой. В момент смерти поток данных затопил бы сферу тахиона, который немедленно бы активизировался под влиянием смертной травмы мозга. Взрыв данных немедленно бы донесся до Лиги, передав местоположение неизвестного и обстоятельства его смерти.

Но существовали и сомнения относительно того, что он был действительно агентом Лиги. То, что неизвестный действовал в стиле Дон-Кихота, было весьма странно. Или же неизвестный был наглым невеждой, склонным совершать грубые ошибки и не понимающим всю серьезность своего положения, или же он совсем не был невеждой, а просто был абсолютно уверен в себе, настолько, что мог позволить себе бросить в лицо своим похитителям факт воскресения феникса. По крайней мере, было неприятно сознавать, что неизвестный так долго сопротивлялся парализующему полю, что смог сперва прикрепить медицинскую прилипалу к шее феникса. Она всегда счита-

ла, что подобное невозможно. Разумеется, она заплатила очень дорого за технологию, по всем данным, самую новейшую, которая должна была пробить даже самые крепкие системы тренированных или специально укрепленных рефлексов. Эти сомнения заставляли Кореану воздержаться от поспешных действий, пока она не разберется в ситуации получше. Поэтому она расставила свои ловушки и теперь смотрела, ожидая, что неизвестный откроет, кто же он на самом деле.

Если дело обернется так, что он просто прекрасный хищник, тогда он был ей нужен. Она могла бы устроить ему прокачку мозгов, и в конце концов он перестал бы быть опасным для нее. А тогда она навсегда бы присоединила его к своей коллекции красивых вещей.

Руиз достиг берега. Посмотрев в воду озера, он увидел там сказочную страну, мечту любого поклонника моря, фантастический город под водой, который сиял из зеленовато-голубых глубин. Город был построен по причудливому плану, со сложными балконами и шпилями, сложен из какого-то прозрачного камня, в котором светился внутренний свет.

У этого города был какой-то неуловимо заманчивый и притягательный вид, что Руиз приписал генераторам гармонии. Руиз почувствовал сильнейшее желание присоединиться к оргиям, которые бушевали в павильонах, дворах и башнях погруженного в воду города. Человеческие фигуры плавали далеко внизу, лениво перелетая от одного сияющего здания к другому.

Руиз почувствовал волну оптимизма. Если можно было полагаться на внешние признаки, он случайно наткнулся на игровую площадку какого-то состоятельного лица, который специально держал ее на Сууке для развлечения своего и своих гостей. Побег отсюда был бы возможен, поскольку туда и обратно двигалось множество народу.

Руиз исследовал поверхность озера, у которого был вид плотный, скользкий, неводянистый. Он кивнул головой, встал, потянулся и упал лицом вниз в озеро.

Как он и ожидал, он не намок. Не было даже всплеска. Поверхностный слой состоял из полуживого протеина, который обтек его и прильнул к его коже и одежде, предотвращая проникновение жидкости, которая не была водой и была перенасыщена кислородом. Руиз вдыхал, и протеин пропускал к нему кислород. Верхний слой обеспечивал выживание, комфорт и даже светские приличия: бархатная шляпа Руиза осталась крепко сидеть у него на голове. Жидкость давала Руизу небольшой запас плавучести, хотя и делала его весьма легким. В результате Руиз медленно плыл вниз, к городу. Жидкость была ровно настолько прохладная, чтобы это было приятно, хотя ему пришлось потратить несколько минут, чтобы привыкнуть к ощущению жидкости возле его тела. Это было похоже на странное скольжение тальковой пудры по коже.

Сквозь жидкость он мог слышать музыку. Дюжина небольших оркестров тихо играла внизу, и шепот и крики множества голосов странно разнился сквозь жидкость. Руиз подплыл к крупному павильону, направляя свое движение небольшими взмахами рук. Крыша павильона была сделана так, чтобы напоминать морскую звезду, и каждый небольшой луч крыши был украшен ярким огоньком. Огоньки пульсировали, то загорались, то гасли в такт музыке, которая звучала внутри.

Руиз опустился как раз возле балюстрады, которая обрамляла павильон и его танцевальную веранду, где несколько кружевных кабинок давали возможность уединиться усталым танцорам.

Он немного отдохнул возле веранды, глядя на танцоров. Они танцевали сложный танец, вращаясь с медленной грацией. Мужчины, все, как один, были залихватски хороши, женщины настолько же прекрасны, насколько и высокомерны. У всех выражение лица было настолько манерным, что впечатление было неприятным от их одинаковости, словно Руиз наблюдал всего одну пару в зале, полном зеркал, а не три десятка человек, которые заполнили куполообразное помещение.

Руиз узнал в этом руку Клева Суукского, мастера в искусстве зрелой культуры. Этот пример работы Клева, хотя, вероятно, не самый оригинальный его проект, был бы продан за очень высокую цену в дильвермунской Яме. Руиз подумал, уж не краденый ли это проект, потому что это могло быть единственным объяснением присутствия этого образца зрелой культуры в богом забытых рабских казармах. Он покачал головой. Зрелые культуры всегда настораживали Руиза, потому что он никогда не мог представить их себе твердо и ясно. Возможно, это происходило в силу неизбывного ощущения, что среди обитателей такой культуры, в которой искусственно внушенное поведение и мысли были опасно нестойки и хрупки, неконтролируемые человеческие черты людей могут вылиться в самые непредсказуемые поступки.

По крайней мере, то, за чем теперь наблюдал Руиз, явно было частью программы, внушаемой как раз самой культурой. Двое молодых людей в центре танцевальной фигуры, оба стремящихся произвести впечатление экстравагантностью жестов, случайно столкнулись локтями. Немедленно они повернулись лицом друг к другу, прервав гладкое течение танца. Музыка неуверенно затихла. Двое резко заговорили друг с другом, хотя Руиз и не мог разобрать конкретные слова. Прочие танцоры образовали круг, а потом и шар возле спорщиков, и по жадным выражениям лиц зевак Руиз догадался, что должно произойти, хотя все произошло очень быстро.

Оба в одно и то же мгновение выхватили из рукавов кинжалы, похожие на ивовые узкие листья, словно ими управлял один и тот же мозг. Первый удар и оборона были словно про-

должением танца. Жидкость, в которой они плавали, придавала их движениям грациозность даже в поединке. Но тут же все закончилось, и победитель вытащил кинжал из горла побежденного. Небольшое кровавое облако выплыло из глотки упавшего, прежде чем связующий слой смог образовать капсулу вокруг него... Мертвец тихо плавал посреди стремительно пустеющего павильона.

Множество пар стремились выплыть наверх, и на их лицах Руиз прочел выражение неприкрытой похоти. Природа связующего слоя была такова, что в нем было неудобно совершать основные человеческие потребности, включая половые отношения. Это объяснялось тем, что связующий слой не пропускал негазообразные вещества. Вне сомнения, в городе существовали и открытые пространства с воздухом, но Руиз не мог отрицать, что освещенные звездами сады были привлекательнее.

Рука дотронулась до его рукава, и он обернулся, как только мог быстро, в связывающей движения жидкости.

Толстенький человек с хитрым оценивающим лицом плавал перед ним, всматриваясь в Руиза крошечными глазками.

— Вы тоже гость Лорда Преалла, а?— спросил человек, выпуская пригоршню маленьких пузырьков изо рта. Глазки его расширились, когда он заметил татуировки Руиза.

Руиз собрался с мыслями.

— Разумеется,— сказал он самым уверенным и авторитетным тоном.

Человечек расслабился, видимо, убедившись, что ни один раскрашенный дикарь не станет разговаривать таким высокомерным и уверенным тоном.

— Позвольте представиться,— сказал толстяк.— Я высокий Фактор Фхуниак Болард, со станции Мувера.

Руиз воскресил свое предыдущее воплощение, то, которое он использовал на своей печально закончившейся миссии на тронкмир.

— Юхи Нольто Маккиа, потомок Крюгер-Маккиев,— Руиз холодно улыбнулся.— Должен вам сказать, что на Крюгере у нас более занятные развлечения.

Крюгериты были печально известны своей кровожадностью, эксцентричностью, это была раса, которая не выносила, если кто-то вставал поперек дороги их капризам. Руиз прямотаки видел, как колесики вертятся в мозгах Боларда. Толстячок подумал, что приглашать такого гостя было поразительной глупостью со стороны Лорда Преалла — весьма негостеприимно в отношении прочих его гостей, если уж быть откровенным. Но потом Болард решил делать хорошую мину при плохой игре. В конце концов, это было единственно возможное решение.

— Танцы, убийства,— должен признать, неловко получилось,— сказал нервно Болард.

— Вы хотите сказать, что прочитали мои мысли?— осведомился Руиз ледяным тоном.

— Я? Господь с вами, ваша светлость.

— Это хорошо. К танцам я отношусь прохладно. Но убийство может быть необыкновенно занимательным, если только оно совершается с умением и блеском.

— Да, конечно. Прекрасно сказано, ваша светлость.

Теперь Болард мечтал только убраться прочь, и Руиз извлекал определенное удовольствие из того, что терзал толстячка. С того момента, когда Руиз вскочил на сцену в Биддеруме, другие угнетали его. Руиз покорялся. Для разнообразия очень приятно было воспользоваться даже таким незначительным шансом подавить кого-то.

По лицу Руиза расплылась свирепая плотоядная улыбка.

— Вы часто бываете в маленьком царстве Преалла? Хорошо! Будьте моим провожатым, это мой первый визит сюда. Я уверен, что вы не разочаруете меня.

Болард подавил выражение отчаяния на физиономии.

— Вы оказываете мне слишком большую честь, ваша светлость,— сказал он с тщетной надеждой.

— Вовсе нет,— сказал Руиз, схватив пухлую, как тесто, руку Боларда в такие тесные клещи, что Болард не удержался от жалобной гримасы.— С чего начнем, добрый мой Фактор?

Кореана наблюдала за всем этим, задумчиво прикусив нижнюю губу.

— А он ведет себя убедительно,— пробормотала она себе под нос.— Да, убедительно. Интересно, Мармо, может, он действительно из Маккиа? Хотя нет, конечно нет. Но все равно, он очень хорош. Правда?

Мармо внимательно слушал, как всегда.

— Заморозить его и потерять где-нибудь. Ты знаешь мое мнение,— сказал киборг. Он играл в одну из своих бесконечных игр, а его глаза-кристаллы уставились на более крупное око его информационного экрана.

Кореана бросила ему раздраженный взгляд.

— Потерпи. Мы подождем, чтобы он показал, что он такое на самом деле, или вступим в действие в тот момент, когда ситуация станет выходить из-под контроля. Пока что он как раз там, где нам надо, разве нет?

— Вроде бы,— сказал Мармо с глубоким вздохом.

— Вот как раз то, что нам и надо выследить, Мармо: агент он Лиги или нет. Нам нужно безупречное доказательство для одного или другого. Или хоть малейший знак, что он собирается улизнуть. До тех пор мы можем просто смотреть.

Кореана грациозно поднялась со своего сиденья и откинула назад свою длинную косу.

— Теперь ты на вахте, Мармо. При первой же возможности прогони с ним рядом своего убийцу. Я иду спать. Разбуди меня только в том случае, если ты увидишь что-нибудь из ряда вон выходящее.

Она величественно вышла. У порога она оглянулась и увидела, что Мармо смотрит ей вслед, а его фоторецепторы задумчиво поблескивают.

По прошествии какого-то времени, когда Фактор убедился, что ему не грозит немедленная смерть от руки Руиза, он расслабился и стал вполне приемлемым гидом. Они проходили мимо других посетителей погруженного в озеро города, который Болард называл Терой. Руиз свирепо поглядывал на этих прочих, которые после такого приветствия поспешно гребли руками в противоположную сторону. К счастью, никто из них не оказался владельцем, который приплыл, чтобы посмотреть на гостя такого свирепого вида, которого он не приглашал.

Одним из первых зданий, к которому они приблизились, оказался ресторан, и Руиз направил Боларда именно туда, подгоняемый внезапной пустотой в желудке. Прошло уже много времени с тех пор, когда он последний раз ел псевдофараонскую кухню, а потеря сил с тех пор была значительной и требовала восполнения.

Когда они вынырнули в наполненном воздухом ресторане, связующий слой протеина стек с них блестящими струйками. Руиз глубоко вздохнул, это было гораздо приятнее, чем быстрое поверхностное дыхание, которого требовал защитный слой, и запах богатой пангалактической кухни заполнил его ноздри. Они были в ресторанчике одни, если не считать десятка роботов-официантов, которые поджидали возле распределителей.

— Пошли, Болард, попробуем, чем кормит Преалл,— сказал Руиз.

Болард выглядел более радостным и оживленным, чем за все время с того момента, когда он сделал ошибку и заговорил с Руизом.

— Замечательная идея, ваша светлость,— сказал он, облизываясь. Руиз догадался, что Болард относился к тем толстякам, которые постоянно чувствуют себя голодными, невзирая на доступность кодирования от аппетита. Такое кодирование делало обжорство уже не источником удовольствия, а источником муки, поэтому такие люди к нему не прибегали. А тут был Руиз, вроде бы вспыльчивый Маккиа, замечательный повод для того, чтобы дать себе волю. Руиз почти слышал, как Болард про себя объясняет себе ситуацию: «Но ведь его светлость

мог бы смертельно обидеться, если бы я не присоединился к нему за столом...»

Что же, Руиз не в состоянии был отказать своим жертвам в их удовольствиях до тех пор, пока это не причиняло ему неудобств. Он стал есть с настойчивым энтузиазмом и подбадривал своего пленника, чтобы он тоже себе ни в чем не отказывал. Вскоре хорошее настроение Боларда восстановилось. Преалл предлагал своим гостям богатый стол, с изысканной пищей со многих пангалактических миров, роботы приносили блюда нескончаемой рекой: редкостное мясо, пикантные соусы, пирожные, легкие, как засахаренный воздух.

Руиз попробовал по кусочку всего, но удержался от обжорства. Дела пока шли неплохо, но, возникни какая-то опасность, он не должен быть сонным от еды и питья. Кроме того, у него в мозгу всплыла неприятная картина — воспоминание о пьесе в Биддеруме, где играл феникс, и всепожирающая пасть бога богов поглощала бесчисленные яства, которые появлялись так же, словно по волшебству. Это в свою очередь вызвало воспоминание про Низу, лежащую неподвижно и бездыханно, а стилетная лоза пронзала ее плоть.

Темные мысли снизили удовольствие от еды.

Руиз становился все мрачнее по мере удовлетворения своего аппетита, и Болард заметил это.

— Ну что, ваша светлость,— робко сказал он,— что бы вам еще хотелось посмотреть?

Фактор вытер жирные руки.

— Может, игровые комнаты? Эйфориум, или... хотите попасть к персичкам лорда Преалла? Говорят, шлюхи там с воображением и очень опытные.

Руиз кисло ответил:

— Пока что ничто из предложенного меня не прельщает.

Пришло время, подумал он, вернуть Фактора к тому ужасу, который делал его податливым и послушным. Он наклонился к Боларду и заговорил с кривой ухмылкой:

— Вернемся-ка к разговору об убийствах. Скажи мне, Болард, можно здесь найти искусство по этой части, а не просто забой скота?

Подбородки Боларда задрожали.

— Весьма примечательно, ваша светлость, что скоро начинается вечернее представление.

Руиза это не удивило. У культуры, которую он видел перед собой, явно были варварские корни, где поощрялось напряжение всех чувств, где большое количество абстрактных идей, таких, как честь, положение и долг искусственно возводились в более высокий ранг, чем человеческая жизнь.

— Веди меня туда,— сказал Руиз с чуть заметным тоном пресыщенности.

Болард был человеком помпезным и напыщенным, но дура-

ком он не был, и расчетливый взгляд искоса сказал Руизу, что он сделал серьезную ошибку, проявив этот малейший нюанс отвращения.

Но Болард улыбнулся и сказал:

— Тогда в эту сторону, ваша светлость.

Он улыбнулся почти той же услужливой и униженной улыбкой, но Руиз решил пристально следить за Болардом.

В этот момент приземистый человек со шрамами на лице в суровом мундире проктора Блюстителей закона шагнул в ресторанчик. Он посмотрел на Руиза, посмотрел на человека в мундире таким неприязненно-злобным взглядом, что человек почти тут же отвернулся и пожал плечами.

Снова войдя в жидкость, Руиз и его провожатый поплыли вниз, к самым глубоким корням города.

Мармо поглядывал одним глазом, как шарик-шпион показывал, что Руиз и его пленник поплыли глубже.

Задумка Мармо не удалась, но его не очень беспокоила неудача. Если бы неизвестный рванулся к проктору с рассказом о том, как его похитили, тогда проктор, который был одним из лучших надзирателей Мармо и Кореаны, немедленно сжег бы неизвестного без излишних церемоний. Но неизвестный, видимо, был не просто невинный ротозей, который случайно попал в водоворот событий. Он знал, что находится на Сууке, куда не досягал пангалактический закон.

Неизвестный был умен и энергичен, но в глазах Мармо все люди были глупцами, вот почему он служил женщине, которая на свой лад была не больше человеком, чем сам Мармо, который смог по большей части сжечь свою мягкую, непрочную плоть во многих столетиях пиратской жизни среди звезд. Иногда он сожалел о своем прежнем ремесле, которое во многих отношениях было чище и приличнее, чем его теперешнее. Но возраст настигает все существа, и это его занятие было для него полезной и развлекательной формой отдыха от прежних дел.

Разумеется, в его теперешнем положении было много неприятных и унизительных для него аспектов. Например, ему очень не нравилось действовать по указанию Кореаны не применять никаких средств против неизвестного, который продемонстрировал поразительную наглость. В конце концов, именно поле деятельности Мармо пострадало от хитроумных уловок неизвестного, причем не один, а множество раз. Он сопротивлялся парализующему полю. Он прикрепил медицинскую прилипалу к пленнице, которую надо было бы выбросить в открытый космос еще прежде, чем корабль покинул фараонскую орбиту. Во-первых, он вообще смог проникнуть на корабль. Все это бросало не самый выгодный свет на компетентность Мармо. Кореана сказала очень немного после своего первого взрыва, но Мармо был очень чувствителен к тому, как оценива-

ли его обращение с кораблем и всеми другими механизмами, которые находились в его ведении.

В конце концов, они были его братьями и сестрами.

Поэтому он осторожно и аккуратно смотрел одним глазом, пока другим наблюдал за бесконечной игрой, которую он вел со своими сопроцессорами.

Его интерес пробудился, когда он увидел, как неизвестный и его провожатый исчезли в пещере возрождения.

Руиз и Болард проплыли вниз в глубокую яму, облицованную черным гранитом, сквозь мутный слой коричневатой жидкости, а потом в огромную сферическую арену. Яркие наполненные воздухом галереи были усеяны рядами сидений, и они были полны народу, как обитателей Теры, так и посетителей всяческих рас. В центре арены, на тонких и изящных пилонах, медленно вращался шар со множеством граней из блестящего металла, он двигался в медленном потоке, который постоянно проплывал вокруг него. В каждой грани была узкая дверь, рассчитанная на то, чтобы пропустить взрослого человека. Таких граней были десятки.

— Ваша светлость, окажите мне честь и разделите мою личную ложу,— Болард провел его к шлюзу, который вел из жидкости в воздушное пространство, а оттуда в коридор, который по спирали шел вокруг арены.

Ложа Боларда была поменьше, чем остальные, которые по дороге увидел Руиз, но она была достаточно удобна, с широкой софой, с которой сквозь хрустальное окно можно было наблюдать за ареной.

Болард провел Руиза внутрь весьма церемонно, но для чутких ушей Руиза в услужливости Боларда прозвучала фальшивая нота. Неважно, подумал Руиз, главное — держать Фактора под наблюдением до тех пор, пока не представится выход.

— Сейчас начинается представление,— сказал Болард, хрюкнув от предвкушения.

Круглая дверь внизу арены расширилась, как зрачок, и на арену выплыли сражающиеся. Это были две красивые, высокомерные женщины-уроженки затонувшего города. На левых предплечьях их были укреплены иридиевые зеркальца, а в правых руках они несли энергометы. В остальном они были голые, если не считать оранжевой узорной паутинки из биолюма. Руиз смотрел на их лица, но не мог увидеть ни одного признака страха.

Они медленно сводили и разводили ноги ножницами, пока не поднялись на уровень среднего ряда зрительного зала и уставились друг на друга на расстоянии десяти метров в разделяющей их жидкости. Под звуки низкого барабанного боя начался поединок.

Это было мерзко. Энергометы испускали коротковолновые

вспышки жара. Сперва каждая женщина с большим искусством отражала лучи своей соперницы, но потом лучи стали пролетать мимо зеркал и ударять в тело. Мясо испарялось с их тел, а они продолжали жить и сражаться. После обмена многими ударами противницы сосредоточились только на том, чтобы защищать глаза и те мышцы, которые нажимали на курки энергометов.

Течение на арене носило их тела туда и сюда, мимо галереи, где зрители прижались к стеклу в попытках увидеть как можно больше. Представление окончилось, когда одна из женщин ослепла, получив удар в глаза, и вторая взрывом превратила ее в кипящее месиво, прежде чем умереть с победным видом.

Руиз бесстрастно сидел, сознавая, что Болард бросает в его сторону время от времени хитрые взгляды.

— Теперь смотрите,— сказал Болард.— Сейчас будет самая забавная часть.

Рабочие арены быстро выплыли на середину и убрали останки. Затем последовал полный ожидания антракт, и Руиз поглядел туда, куда показывал Болард. Там, на поверхности шара в центре, две двери горели красным светом.

Двери беззвучно распахнулись и вытолкнули вперед две фигуры в облаке крохотных пузырьков воздуха. Они выплыли вперед, и Руиз увидел, что это были клоны тех женщин, которые только что погибли. На миг обе казались ошеломленными, и только слабыми движениями плавали в жидкости. Они увидели друг друга, и теперь Руиз заметил злобу на их лицах. Две женщины рванулись друг к другу и разорвали бы друг друга голыми руками, если бы рабочие арены не растащили их в стороны и не уволокли прочь.

— Наследственные враги,— сказал Болард, хихикая,— инкубатор может произвести клон каждые шесть недель. Эти двое будут снова натравлены друг на друга, до тех пор, пока матка-инкубатор может их производить. Они счастливы только и единственно тогда, когда им разрешается заняться убийством друг друга. Ох, для этих двух ждать шесть недель — целая мука.

Болард снова рассмеялся.

— Полагаю, что самое смешное это то, что они считают себя самыми счастливыми из людей, благословенными, бессмертными, лучше, чем мы, которые приходят посмотреть, как они умирают.

Несколько часов продолжались различные поединки, и Болард становился все веселее по мере того, как все более тошно становилось Руизу. Но наконец все кончилось, и роботы-шумовки процедили кровавый суп, в который теперь превратилась жидкость на арене.

— Вам понравилось представление, ваша светлость?— спросил Болард.

Руиз встряхнулся и перевел взгляд на Фактора.

— Сперва мне показалось изобретательно, если кому-то нравятся просто зрелища.

Боларда смущенно посмотрел на собеседника.

— Ваша светлость?

— Разве не скучно вам делается, Фактор? Разве не хочется вам самому погрузить руки в кровавую кашу, поглубже? — Руиз уставился на Боларда с кровожадным оскалом.— Мне так очень.

Болард слегка побледнел.

— Лорд Преалл оставляет, боюсь, такие развлечения для себя и своих ближайших приятелей, ваша светлость. Э-э-э... вы к ним относитесь?

Руиз ничего не сказал, но Болард, видимо, заметил в его глазах нечто пугающее.

— Что же, это было огромным удовольствием, ваша светлость, но теперь я должен возвращаться на свой корабль. Мы должны сниматься на Архиплато на заре.

Он встал и начал потихоньку отодвигаться прочь. Руиз поднялся и быстро скользнул к двери. Чуть позже он заговорил.

— Позвольте немного пройтись с вами, Фактор.

Болард призвал остатки собственного достоинства.

— Как вам будет угодно,—сказал он.

Мармо забыл про свою игру. Он включил линию связи с Кореаной.

— Кореана,— сказал Мармо своим искусственным голосом,— он идет в космопорт вместе с торговцем.

Глава двадцать первая

Руиз крепко держал пухлую руку Боларда, когда они покинули ложу и прошли по кольцевому коридору, встроенному в оболочку арены. Они шли, и остальные выходящие с представления присоединялись к ним, пока коридор не переполнился пресыщенными и усталыми от развлечений искателями наслаждений. Они иногда бросали на Руиза случайные любопытные взгляды, но этим дело и ограничивалось. Руиз не выдавал своего омерзения.

Руиз увидел, что сомнения торговца расцвели буйным цветом. Даже менее наблюдательный человек к этому времени уже заподозрил бы неладное. В любом случае торговец все еще его боялся, и это было самым главным, даже более главным, чем поддерживать Маккианскую маску. Страх глядел из блуждающих глаз Боларда, сквозил в поту, выступившем каплями на его шее, в том, как он горбил плечи, словно боялся удара ножа.

Руиз решил усилить сомнения Боларда и его страхи и при-

нял другую личину, личину опасного маньяка. Теперь Руиз принялся вращать глазами и злобно ухмыляться. С энтузиазмом, который так присущ помешанным, он стал говорить фразы вроде «Болард, ты мне нравишься!» или «Здорово мы развлекаемся, правда?»

При этом он давал Боларду здоровенного тумака по спине или сжимал его в медвежьих объятиях, от которых трещали кости.

Ответная улыбка Боларда становилась все кислее с каждым разом.

Еще через сто метров кольцевой коридор кончился у причала, где гости ступали на поджидавшие их свободно плавающие платформы. Они пропадали из виду, их заменяли следующие пустые. У причала ждали двое крупных мужчин. На них были одноцветные куртки и штаны слегка военизированного покроя. Руиз немедленно понял, что это служба безопасности, и крепче сжал руку Боларда, который пискнул.

Однако прогулочный степенный шаг Руиза не изменился, когда они подошли к охранникам.

— Расскажи мне о твоем корабле,— сказал он Боларду, еще раз стиснув его за руку.

— Это терратонический пассажирский корабль, ваша светлость. Ничего особенного по части роскоши, но мне он вполне подходит. Возможно, в следующий раз я проведу вас по кораблю, хотя там, право, не на что смотреть.

Руиз выругался про себя. Корабль толстого торговца был только внутрисистемным кораблем, поэтому для целей Руиза он не годился. Корабль, несомненно, спустили со звездного парома. Даже если Руизу удалось бы вывести его в атмосферу, побег наверняка бы не удался ему. Ему все еще предстояло найти дружественный космический причал и убедить инопланетных собственников Суука, чтобы они разрешили ему переждать на одной из их платформ, пока туда не придет какой-нибудь корабль Лиги. Он оторвал свои мысли от этой задачи и переключился на немедленную проблему — проблему охранников.

Охранники были слишком хорошо вышколены, чтобы досаждать гостям невежливыми прямыми взглядами, но глаза их ничего не пропускали. По их телам видно было, как нарастало их внутреннее напряжение по мере того, как Болард приближался к причалу.

— Друг Болард,— сказал Руиз в ухо торговца,— ты мне ничего не хочешь сказать? Подумай тщательно.

— Что вы имеете в виду, ваша светлость?— голос Боларда сорвался от страха.

— Я вот что хочу сказать: ты наверняка помог бы нам избежать ненужных хлопот. Правда же? В конце концов, мы всегда можем вместе противостоять всем врагам, а? Два таких боевых товарища?

Охранников явно насторожила какая-то неестественность. Они вытащили нейронные кнуты, которые они носили в кобурах у пояса, стараясь, чтобы движение выглядело естественно и непринужденно. Они разошлись в стороны, чтобы никакое нападение не могло застигнуть их обоих в одно и то же время. Они больше совсем не глядели на Руиза, даже случайно — большой просчет в тонкости, подумал Руиз.

И все же они не казались испуганными или слишком встревоженными, как будто ситуация, которая разворачивалась на их глазах, была для них повседневной работой. Готовность казалась частью обычного патрульного ритуала, нежели ответом на реальную присутствующую опасность.

— Что такое, Болард? Что они такое знают? — спросил Руиз.

Болард молчал, но лицо его блестело от пота. Руиз перехватил плечо торговца другой рукой, а ту руку закинул дружеским жестом на пухлые плечи торговца.

Руиз ухмыльнулся самой ужасной улыбкой из своего репертуара.

— Я собираюсь причинить тебе боль, Болард. Не спотыкайся и не кричи. А не то я тебя сей секунд убью.

Руиз вцепился двумя пальцами в ухо Боларда. Он крутнул это ухо изо всей своей силы. Болард споткнулся, но вопль подавил. Руиз посмотрел на охранников, которые были всего в десяти метрах от них. Они, по-видимому, не обратили внимания. Руиз отпустил ухо Боларда.

Торговец судорожно втянул воздух.

— Они думают, что вы житель города. У вас нет гостевого импланта, да? Пожалуйста, не делайте мне больше больно. Вы мимо них никак не сможете пройти. Отпустите меня, и я использую все свое влияние. Я помогу вам... помогу... пожалуйста.

Стало быть, они решили, что Болард пытается контрабандой провезти из города парня для удовольствий. Это ложное представление давало Руизу определенное преимущество. Охранники будут ждать хлопот с Болардом, а не с Руизом. Когда они проходили возле охранников, Руиз любовно погладил Боларда по голове.

Один из охранников выступил вперед, человек с плоским лицом и странно бесцветными глазами.

— Сэр, — сказал охранник, вытянув руку, чтобы остановить Боларда, — вы знали, что Живущие под Водой не могут покидать город этой дорогой?

Болард открыл рот, чтобы заявить о своей невиновности, когда Руиз стал действовать.

Он толкнул Боларда на охранника с такой силой, чтобы оба они свалились с ног в кучу размахивающих рук и лягающихся ног, и прыгнул на другого охранника. Ребро ладони Руиза ударилось в кадык охранника, прежде чем тот наполовину выта-

щил из кобуры нейронный кнут. Охранника отбросило назад, он впечатался в стену и упал мягкой грудой на пол, без сознания или мертвый.

Нейронный кнут покатился спокойно по полу, и на секунду Руиз испугался, что не успеет его подобрать. Но его быстрые пальцы ухватили рукоять кнута прежде, чем он успел покатиться дальше по коридору.

Руиз вскочил на ноги в тот миг, когда первый охранник отшвырнул Боларда к стене. Руиз крутнул кнут так, чтобы заставить присоски-жала работать на максимуме, отжал кнопку мощности до смертельной дозы и упер кнут прямо в лицо охраннику. Присоски-жала крепко обхватили лицо охранника. Кнут издал мерзкий гудящий вой. Охранник издал только один сдавленный вопль, когда кнут выжег его мозг — и потом упал мертвым.

Остальные гости сгрудились вдоль стен, стараясь глядеть куда угодно, только не на тела на полу. Те, которые были поближе к арене, убежали обратно в зал, и Руиз понял, что у него очень мало времени, прежде чем администраторы узнают про события в коридоре. Он подхватил еще один нейронный кнут, сунул его за пояс, уверившись предварительно, что предохранитель поставлен надежно.

Болард лежал на полу и таращился на Руиза. Белки глаз торговца казались огромными, а ужас на его лице превратился во что-то необыкновенное.

— Что... кто вы такой?

— Еще одна прелестная мордашка,— сказал весело Руиз. Он грубо поднял Торговца на ноги.

— Пойдем, что ли, милашка?

Руиз тащил Боларда за собой на максимальной скорости, на какую был способен толстяк, тащил его к причалу. Они ступили на поджидавшую платформу и медленно опустились на пол ангара.

Кореана вернулась к монитору, прелестно растрепанная после сна. Она с неохотой оторвала глаза от экрана.

— Он хорош, поразительно хорош. Какая смертельная жалость, что нам придется его прикончить, правда? По крайней мере, абстрактно?

— Ты знаешь мое мнение. Оно не изменилось,— ответил Мармо. Киборг бегал пальцами по информационной полоске распоряжений, направляя Мокрассара Кореаны на правильные позиции.

Кореана одарила его кислым взглядом.

— Да, конечно, Мармо. Нами правит необходимость. И все же разве ты не чувствуешь хотя бы тень сожаления, что нам приходится убивать такое великолепное животное?

— Нет.

Кореана вздохнула.

— В твоих цепях и процессорах нет поэзии, Мармо. Ну хорошо, с практической точки зрения. Что, если он не агент Лиги? Что, если бы мы заручились его поддержкой и верностью? Что тогда?

Мармо взглянул вверх на нее, и Кореана могла прочесть на его лице не больше чувств, чем на панцире жука.

— Непрактично,— сказал Мармо,— рискованно.

Платформа медленно падала сквозь верхние уровни ангара для гостевых кораблей Лорда Преалла. Слишком медленно, чтобы удовлетворить Руиза. У него не было никакого оружия дальнего действия. Если бы люди Лорда сейчас напали на него, все кончилось бы. Но Руиз не видел ничего, что могло бы его встревожить, кроме ряда любопытных лиц, которые выстроились на платформе причала, чтобы посмотреть на их спуск. Никто не гнался за ними.

Но за секунду до того, как платформа приземлилась на дюроцементе, которым был выложен пол ангара, вдали начал звонить звонок тревожной сигнализации... тут же к нему присоединилась целая какофония прочих звонков, сирен, свистков и гудков. До них донеслось топанье шагов, движущихся в военном четком согласии. Руиз рывком втянул Боларда во временное убежище под оплавленным крылом челночного корабля Уриэль, запаркованного поблизости от нижнего уровня космодрома.

Ангар был разделен на тщательно забетонированные самым крепким бетоном стартовые места, полуарки, выполненные из гигантской мономоловой трубы. Сперва Руиз не мог себе представить, почему владелец города обеспечил своих гостей такими стартовыми площадками, которые могли бы преспокойно выдержать удар небольшой гранаты антиматерии. Потом он сообразил, что эти ангарчики были рассчитаны на то, чтобы удержать разрушение только в пределах своих стен. Вероятно, у Преалла были достаточно умные враги, чтобы использовать космический корабль гостя для того, чтобы провезти в нем бомбу в игрушечный городок Преалла.

Машины отъезжающих гостей все еще быстро двигались по дорожкам, направляясь к большому туннелю, вырезанному в стене ангара. Руиз предполагал, что туннель, вероятно, ведет к поверхности за пределами жилых застроек и рабских казарм.

Боларда таращился в пустоту, и Руиз сообразил, что сейчас потеряет торговца, впадающего в шок. Он встряхнул Боларда так, что у того застучали зубы.

— Где она?— прошипел Руиз.

Он снова встряхнул торговца.

— Где твоя космическая лодка?

Боларда не торопился с ответом. Руиз подумал о том, чтобы

сломать ему палец или любым другим путем расшевелить торговца, но тут Болард сказал:

— Следующий ряд, почти в самом конце.

Слишком далеко, это могло оказаться слишком далеко для него, но у Руиза не было выбора. Существовало не много удачливых похитителей-угонщиков космических кораблей. Такой дорогостоящий объект как космическая лодка всегда охранялся самыми изощренными приспособлениями. Если Руиз попытался бы попасть на борт любой другой лодки, стоящей поближе, он не только не сумел бы заставить ее взлететь, но и наверняка сам попал бы в плен в системе обеспечения безопасности лодки. Весь вопрос сводился ко времени. Руиз мог бы попробовать захватить лодку без содействия ее владельца, но на это потребовалось бы время, которого у него сейчас не было.

— Кто-нибудь на борту есть?— потребовал ответа Руиз.

— Нет, на борту никого,— вопрос, казалось, усилил тревогу Боларда.

— Пошли,— сказал Руиз и поднял торговца на ноги.

Они бежали у самых стартовых площадок. В любой момент Руиз был готов почувствовать прикосновение дезинтеграционного луча, который пропорол и поджарил бы его тело. Наверняка в ангаре у Преалла должны быть системы безопасности, хотя Руиз не видел ничего похожего на стационарные орудийные установки, когда они бежали сюда.

Болард стал хватать воздух ртом, издавая пронзительные перепуганные посвистывания физического дискомфорта, и хватался за грудь.

— Остановитесь,— всхлипывал Болард,— пожалуйста, мое сердце разрывается, пожалуйста, остановитесь.

Руиз тащил его дальше.

— Потом помрешь. Сейчас беги.

Звук преследующих их шагов стал теперь громче, и Руиз оглянулся через плечо. Он увидел, как взвод охранников рассыпается за его спиной. Казалось, они все вооружены только нейронными кнутами. Руиз мысленно зааплодировал осторожности владельца этого городка развлечений. Вероятно, Преалла так беспокоила возможность нападения и убийства, что он не разрешал никакого оружия на своей территории.

Чудом они оказались в пределах досягаемости болардовского терратонического корабля. В тот же самый миг, когда Руиз пришел к такому утешительному выводу, он заметил в трех стартовых площадках от себя лодку, довольно потрепанный экземпляр, недавно покрашенный яркой кричащей красной краской.

— Это она?— спросил Руиз.

Лицо Боларда было синим. Торговец уже не мог говорить, но слабо кивнул.

— Скоро отдых, скоро. Держись, дружище Болард, и все будет хорошо,— сказал Руиз, снова ухватив торговца и волоча его с удвоенной энергией.

Они добежали до ангарчика, который содержал в себе лодку Боларда, как раз в тот момент, когда преследующие их охранники подбежали достаточно близко, чтобы начать швырять иммобилизирующие гранаты. Первая из гранат сильно не долетела, но расплывающиеся клубы зеленого пара были острыми сигналами того, что вот-вот должно было начаться. Сам Руиз мог долго сопротивляться газу, по крайней мере, несколько секунд, но Болард окаменеет, как только его коснутся пары газа. А Руизу торговец все еще был нужен.

В кинетическую сеть, которая ограждала обе стороны ангарчика, были вделаны ворота для обслуживающего персонала и владельцев. Руиз схватил Боларда за запястье и прижал его ладонь к входной пластинке над воротами.

Калитка поехала в сторону с отвратительной медлительностью. Как только она оказалась достаточно открыта, Руиз пропихнул туда Боларда, который сперва застрял, потом, когда калитка отъехала в сторону еще немного, пролез дальше. Руиз немедленно проскочил вслед за ним. Руиз нажал на кнопку закрытия, и дверь поехала обратно, почти перед носом приближающегося охранника. Кинетическая сеть была достаточно прочной, чтобы охранники отказались от мысли швырять иммобилизационные гранаты, и Руиз мог несколько моментов выиграть для себя.

— Пошли, пошли! — Руиз подтолкнул торговца к кораблику, волоча навалившегося на него всем весом Боларда. Ноги Боларда едва шлепали по земле, когда они приближались к кораблю.

У терратоника был стандартный идентификационный сенсор возле входного люка, и Руиз надеялся, что он действовал так же несложно, как и выглядел. Он прислонил Боларда к кораблю возле сенсора и сказал:

— Ну, дружище Болард, впусти нас внутрь. Быстро! Я сразу теряю терпение!

Чтобы подчеркнуть свои слова, Руиз грубо вывернул запястье Боларда. Голова торговца дернулась, и он стал нащупывать сенсорную панель, впечатывая код доступа.

— Хорошо, хорошо, продолжай,— сказал Руиз, ободряюще похлопывая Боларда.

Болард обратил на него взгляд, лишенный всякой надежды.

— Вы меня все равно убьете,— сказал он.

— Нет... как ты мог так подумать? Я не хочу повредить тебе, но если мне придется это сделать, значит, придется. Все будет хорошо. Просто впусти нас внутрь.

Руиз бросил настороженный взгляд на кинетическую сетку.

Охранники пытались наложить универсальный образ на входную пластинку. Еще минута — и им это удастся.

Боларда униженно улыбнулся, страшная это была улыбка.

— Да,— сказал он,— я вам верю...

Он зашатался, потом прислонил к сенсору глаз. Видимо, Боларда предпочитал как средство идентификации холофото глазного дна, не самый плохой выбор, технически говоря. Неправильное подключение от чужого глазного нерва или попытка приложить к сенсору вырезанный глаз разрушали связь с изображением в замке, поэтому вор не мог просто вырезать глаз торговца и приложить его к панели.

То мгновение, за которое сенсор узнал глаз Боларда, растянулось в бесконечность. Тело Руиза пело от адреналина. Охранники в конце концов приспособили универсальную отмычку к пластине входных ворот, и, как только замок открылся и щелкнул, Руиз втолкнул Боларда в шлюз и сам взобрался внутрь. Он нажал на клавишу закрытия шлюза, как только охранники ворвались в ангарчик.

Как только замок защелкнулся, Руиз весело помахал охранникам, которые размахивали бесполезными нейронными кнутами и поднимали к небу взбешенные лица и стиснутые челюсти.

— Порядок,— сказал Руиз Боларду, который смотрел на него вытаращенными глазами.— Теперь в рубку.

Кореана ударила кулаком по консоли Мармо от возбуждения.

— Вот, пожалуйста,— сказала она,— разве я тебе не говорила? Он удрал от лучших людей Преалла. Он едва ли вспотел при этом. Разве тебе это не интересно, Мармо? Смотреть на такого человека?

— Мне это кажется беспокойным, больше, чем что-либо другое. Кроме того, мне он кажется весь в поту, и он слишком полагался на замок, по-моему, теперь дело за нами. А если бы люди Преалла взяли его, то мы сейчас были бы в худшем положении, чем когда мы начинали эту... м-м-м... рискованную операцию.

Мармо спокойно летал по рубке, всем видом выражая равнодушие.

— Сухая ты палка, Мармо,— сказала Кореана, откинувшись назад, когда лодка выплыла из ангарчика, раскидывая в стороны охранников.

— Мокрассар к нему готов?

— Он ждет в контрольной рубке в конце того туннеля, как мы договорились,— Мармо поерзал на своем плавательном пузыре.— Скажи мне, что ты будешь делать, если он носит в себе смертную сеть, и сможешь ли ты его заморозить, прежде чем он умрет?

Кореана потеряла свое оживление.

— «Синвергуэнца» всегда наготове. Я возьму, что смогу, и немедленно уеду. Меня они так легко не поймают. И я откажусь от этого лица, если придется. Что ты сделаешь, Мармо? Поедешь со мной?

— Я? Кто знает?

Руиз повел лодку по дорожке к туннелю. В этом конце туннеля он не видел никаких преград или барьеров. Может быть, они были на другом конце, если вообще существовали. Это имело бы свой стратегический смысл, через такое препятствие ему пришлось бы перепрыгивать, когда он наткнулся бы на него.

Тут он въехал в ярко освещенный вход. Охранники отстали, и теперь, когда Руиз оглянулся на экран заднего обзора, он увидел, что они стоят у входа в туннель с потерянным видом. Впереди огни внезапно кончились, и туннель стал темным, как деготь. Руиз зажег огни лодки, замкнул пилота на направляющую полосу, установил переключатель скоростей на максимальную наземную и повернулся к Боларду, который мешком обмяк во вспомогательном сиденье пилота. Цвет лица торговца стал лучше и дыхание потише, но глаза Боларда еще хранили стеклянное выражение безнадежности.

— Ну вот,— начал Руиз светским тоном,— как ты себя чувствуешь?

Какой-то миг Болард не отвечал, и Руиз думал, что он совершенно потеряет достоинство и расплачется, но потом Болард, казалось, обрел достоинство и собрался с мыслями.

— Мне лучше, хотя я все еще думаю, что мне предстоит умереть.

— Глупости. Мне не нужна твоя жизнь. Помоги мне убежать, и тебя как следует наградят за все понесенные тобой потери и неудобства.

Болард немного вышел из апатии.

— Награда? И в какую же инстанцию мне за ней обращаться?

— Для твоей собственной безопасности я тебе этого пока не скажу. Но будь покоен: сотрудничество принесет тебе награду, препятствие моим планам равно боли и страданию.

Болард погладил свое вспухшее ухо.

— Понятно...

Руиз обезоруживающе улыбнулся.

— Давай-ка прогоним такие неприятные мысли. Пока что. Вместе мы преуспеем. Вместе мы пожнем плоды успеха. Скажи мне, какое оружие у тебя на борту?

— Оружие?— казалось, Болард искренне озадачен.— Фактору незачем возить с собой оружие. Мы торгуем только на мирных планетах, где обязывает Связь Мира.

— Да? А что ты тогда делаешь на Сууке?

— Отдых, давным-давно заслуженный и очень нужный. И позвольте вам напомнить, что житель пангалактики, который прибыл сюда по законным делам, может не бояться здесь никакого нападения. Если он следует определенным правилам.

— Правда,— согласился Руиз.

Но с ходу он не мог вспомнить ни одного дела, которое может считаться законным с точки зрения Шардов, инопланетян, которые навязывали Сууку законы со своих орбитальных платформ.

Болард вел себя так, что аура оскорбленной невинности исходила из него с подозрительной энергией. Руиз пристально посмотрел на него и сменил тактику.

— Когда мы доедем до конца туннеля?

— Может быть, минут пятнадцать-двадцать, при нашей теперешней скорости — которая, кстати, кажется мне слишком большой и чрезмерной.

— Пилот лодки ведет нас с той же скоростью, что идет все движение впереди,— указал ему Руиз.— Всегда кажется, что виноватый убегает. Что ты можешь мне сказать про систему безопасности на том конце?

— Очень мало. Туннель выходит на поверхность на стартовых площадках в джунглях. Там стоят технические здания и сооружения, предназначенные для осмотра и починки кораблей, но никаких других приспособлений я не заметил.

— Ты не заметил никаких барьеров, никаких взрывных шлюзов, которые отсекали бы опасные зоны?

Болард пожал плечами и развел руками беспомощным жестом.

— С того момента, когда я покинул платформу Шардов, лодка стояла на автопилоте. Я плохо разбираюсь в навигации. Может быть, там и есть какие-нибудь такие штуки. Я не знаю.

Руиз задумался. Разумеется, стартовая площадка для него будет недоступна, но, если ему повезет, он сможет прогнать ракету по земле, пока не найдет на планете стартовое кольцо, которое позволит ему выбраться из колодца притяжения Суука. Он поднялся из командирского кресла.

— Пошли, Болард, посмотрим на твой кораблик. Как я понимаю, некоторые терратонические корабли были переоборудованы, чтобы перевозить небольшие грузы. Правильно?

Болард снова побледнел. Руизу пришлось снова силой поднять его на ноги и отвести обратно в пассажирский холл корабля.

Лодка действительно была переоборудована так, чтобы вмещать и груз, и когда Руиз увидел, что за груз хранился в переделанном трюме, он потерял остатки симпатии к толстому торговцу. Бывший холл, а ныне трюм, был битком набит стасисными полками, на которых лежали шесть замороженных членов культуры Клева. И Руиз был уверен, что это были три

пары наследственно подобранных и натравленных гладиаторов. Теперь Руиз понял причину, почему Преалл держал свою культуру здесь, на Сууке. Не потому, что она могла быть краденая, хотя так оно, скорее всего, и было, не потому, что гости Преалла мечтали о том, чтобы оказаться в спокойной недосягаемости на Сууке, но потому, что Преалл нарушал авторское право, продавая незаконно скопированные клоны культуры.

— Ай-яй-яй, нехорошо-то как,— сказал Руиз, погрозив пальцем Боларду. Потом он взял торговца за шкирку и завершил свой обыск корабля. К сожалению, Руиз обнаружил, что торговец сказал правду относительно оружия. Ничего полезного в этом смысле на борту не было.

Вернувшись обратно в рубку, Руиз усадил Боларда в катапультирующееся кресло, потом покрепче привязал торговца к сиденью катушкой липкой ограничительной сетки, которую он нашел в шкафчике в трюме. Глаза Боларда сияли облегчением, когда он понял, что в планах Руиза не лежало немедленно его прикончить. Он хотел было заговорить, но Руиз протянул кусок сетки поверх его рта и ободряюще похлопал его по голове.

— Ну вот, теперь нам остается только ждать и увидеть, как пойдут дела,— сказал Руиз.

Руиз откинулся на спинку кресла, отбросив все мысли. Лодка катилась по туннелю на пневматических направляющих, и минуты проходили.

Руиз увидел крохотный огонек вдали. Они быстро приближались к концу туннеля, и свет превратился в полукруг. Последняя лодка перед Руизом перевалила через край туннеля и исчезла в свете. Руиз подумал про себя: может быть, как раз и получится. Как странно. Потом полукруг стал сужаться все больше и больше, пока дверь взрывного шлюза не захлопнулась. Руиз ударил кулаком по панели управления, да так крепко, что пыль полетела из щелей.

— Дерьмо такое,— сказал он.

Отверстие сузилось до тоненькой полоски света, и теперь совсем закрылось. Руиз рывком перевел управление снова на ручное и замедлил движение лодки. Он максимально увеличил мощность огней фар и остановился прямо перед захлопнутой дверью.

Никакой деятельности он не увидел. С одной стороны в обшивку туннеля уходил коридор, пробитый для каких-то технических целей. Подсвеченный знак гласил: ЗАПАСНОЙ ВЫХОД ДЛЯ ПЕРСОНАЛА. Для острого взгляда Руиза там с тем же успехом могло быть написано: ЛОВУШКА ДЛЯ РУИЗА АВА. Он вздохнул. У него разве оставался выбор? Неважно, какой прием заготовил Преалл для него, Руизу придется покинуть комфортабельную рубку терратоника. Он повернулся к Боларду.

— Что же, друг Болард, наши дороги наконец-то расходятся.

Глаза Боларда выпучились еще больше, и он стал извиваться под сеткой, которая прижимала его к сиденью.

— Нет-нет,— успокаивающе сказал Руиз,— не беспокойся.

Он схватил толстую шею Боларда обеими руками, пальцы его искали сонную артерию.

— Я же тебе сказал, что не причиню тебе боли. Ты немного поспишь. Я оставлю воздушный шлюз открытым для людей Преалла. В конце концов они тебя обязательно найдут.

Руиз нажал покрепче. Болард расслабился и ускользнул в бессознательное состояние с выражением смущенной благодарности на широком лице. Когда торговец окончательно потерял сознание, Руиз быстрым движением руки свернул ему шею.

— Не знаю, почему я не оставил тебя в сознании, чтобы ты боялся как следует,— сказал он, думая о тех, кто спал в трюме корабля.

Глава двадцать вторая

Несколько секунд Руиз сидел возле трупа торговца. Все его внимание сосредоточилось на коридоре, который уходил вбок от двери туннеля. Насколько хороша была такая ловушка?

В его пользу говорила общая неуклюжесть и некомпетентность, выказанная людьми Преалла, и тот факт, что туннель заканчивался в джунглях, далеко от застройки и рабских казарм. Может быть, Руизу придется сражаться только с охранниками, которые приставлены к стартовой площадке. Возможно, Преалл пока еще не сумел обеспечить усиленную охрану. Вполне возможно, что основные силы Преалла все еще находились в ангаре или же в самих рабских казармах, путаясь в сложном лабиринте, который вел к стене.

Или же, вполне возможно, они прямо сейчас путешествовали по туннелю к нему. Эта мысль заставила Руиза сорваться с места и действовать. То, что он не подумал до сих пор об этой возможности, испугало его. Он просто-напросто недостаточно сосредоточился.

Руиз развернул терратоник кругом и установил тормоза. Он прокачал поддувку и разогрел моторы, пока маленький кораблик не задрожал. Он погасил фары, подключил автопилот к направляющей полосе, отключил монитор безопасности и ударил по клавише, которая открывала воздушный шлюз. У Руиза возник последний вопрос: было ли хоть какое-то оружие у замороженных клонов в трюме, хотя бы их обычное? Он пошел проверять.

Он выключил стасисные полки. Как он надеялся, обитатели

Теры имели при себе маленькие листовидные кинжалы, прикрепленные к предплечьям, в крепких ножнах живой плоти. Но сами аборигены были словно несколько хрупких статуй, лежащих в поле, которое гасило молекулярную энергию в их телах, и понадобилось бы слишком много времени, чтобы их оттаять. Он заметался по трюму в поисках чего-нибудь достаточно тяжелого и твердого, и нашел увесистый пылесосик, который рылся в поисках грязи в углу.

Руки аборигенов тут же раскололись под весом Руиза, но щеку его поцарапали осколки мороженой плоти.

Вскоре два кинжала лежали, посверкивая, в россыпи множества красных стеклянистых осколков. Руиз поднял их сквозь ткань своей шляпы. Они были так холодны, что задымились и покрылись изморозью. Он бросил их, все еще завернутые в ткань, в свой сапог.

Через секунду Руиз стоял под брюхом корабля, под паутиной трубопроводов и вспомогательных кабелей, которые теперь были хорошо видны в открытом шлюзе.

Руиз пытался смотреть сразу в двух направлениях: в коридор, откуда в любой момент мог выскочить неприятный сюрприз, и в темные глубины туннеля. Далеко-далеко в туннеле он увидел крошечные огоньки, такие, какие могут быть у корабля, который движется по туннелю на большом расстоянии от него.

Он потянулся вверх и резко дернул за кабель тормозов, который сопротивлялся очень недолго и оторвался в вихре искр. Руиз откатился в сторону, и задние колеса корабля прокатились по тому месту, где он только что стоял.

К тому времени, когда он поднялся на ноги, голубое сияние дюз терратоника уже светилось далеко в туннеле.

Мармо смотрел на экран. Неизвестный стоял в конце туннеля, провожая взглядом удаляющуюся лодку с озадачивающим видом удовольствия на жестком красивом лице. Мармо повернулся к Кореане, раздался слабый визг сервоблоков.

— Я начинаю видеть источник твоего восхищения,— сказал он Кореане, которая смотрела на экран с выражением лица, поразительно похожим на гримасу неизвестного.

— А?

— Да. Вы — два сапога пара.

Кореана не стала отвлекаться, ничего не сказав.

— Ты уже продумала, что ты скажешь Преаллу, когда он придет к тебе с жалобой, что один из твоих людей погубил значительную часть его охранных сил, убил гостя и взорвал его туннель?

Голос Мармо не выдавал других чувств, кроме вежливого интереса.

— А как ему догадаться? Преалл знает моих рабов. Разве я до сей поры торговала убийцами?

— А-а-а-а,— сказал Мармо, вернувшись к экрану. Неизвестный теперь бежал по коридору длинными пружинистыми скачками.

— Как насчет охранников, которых Мокрассар убил на стартовой площадке? Я сомневаюсь, что Преалл согласится принять на веру, что их раны нанесло человеческое существо. Я хочу тебе напомнить, Кореана, что ты печально известна в Черной Слезе, как единственная работорговка, которая имеет в своем распоряжении услуги Мокрассара.

— Мармо, ты самым скучным и надоедливым образом интересуешься судьбой и счастьем Преалла. А я вот нет,— сказала Кореана.

Тон ее голоса стал некрасивым. Мармо почувствовал, что даже по его электрическим цепям пробежала дрожь, и больше ничего не сказал.

Вдвоем они молча смотрели на происходившее на экране.

В конце концов Мармо набрался храбрости, чтобы продолжать разговор.

— Может быть, ты удовлетворишь мое любопытство,— сказал он.— С тех пор, как мы начали этот рискованный маневр, я все никак не могу понять, зачем.

Кореана не отрывала глаз от экрана.

— Мармо, я все это объяснила, прежде чем мы начали. Тогда я тебе сказала, что хочу узнать про этого человека все, что можно, прежде чем мы возьмем на себя риск заморозить его. Иначе я сделала бы это еще в казармах!

— Ах, да. Но для чего тебе нужно было столько про него узнавать? Мне кажется, наша реакция все равно была бы та же самая, неважно, независимо от того, кем он окажется. Если он турист, его надо убить. Если он мелкий работорговец, его тоже нужно убить. Если он из Лиги, его надо убить аккуратно. Если бы мы просто убили его небрежно в самом начале, это вообще решило бы нашу задачу, исчерпав все наши предположения, а мы, возможно, избавили бы себя от массы хлопот.

— Мармо, ты слишком логичен. Я знаю, что это именно то, за что я тебе плачу... но неужели у тебя нет любопытства?

Мармо больше не обращался к логике. Почему-то Кореана не хотела признавать, что ей очень хотелось заполучить неизвестного в качестве игрушки — хотя это было более чем ясно по ее порозовевшим щекам, сияющим глазам, напряженной позе тела.

Руиз шагнул в коридор. Его первая часть была пуста, как оно и казалось из терратоника, из рубки. Стены были из безжизненного серого плавленого камня, отполированного до гладкости стекла, а на уровне головы и колен шли светящиеся люминовые полоски. В зеленоватом свете было видно, что коридор шел прямо примерно сто метров, потом резко поворачивал

влево. Если ему и приготовлен какой-либо прием, это должно было быть за тем поворотом.

Руиз быстро двигался вперед, почти не производя никакого шума или даже шороха. Он за секунды преодолел это расстояние, сознавая, что самое страшное разрушение может в любой момент взорваться в туннеле. На повороте он замедлил шаг и прислушался, напрягая уши, чтобы уловить, что происходит в туннеле и коридоре.

Он ничего не слышал. Решившись, он вытащил нейронный кнут и аккуратно выглянул за угол. В этот миг из туннеля накатила ударная волна. Она придавила его, когда он пытался встать на ноги во все еще пустом коридоре, потом подхватила и впечатала в стену с такой силой, что вышибла из него дух.

Он не заметил тоненькое прерывистое жужжание шарика-шпиона, который был уничтожен взрывной волной и лежал чуть дальше от него в коридоре.

Мармо постучал по панели управления экрана, но экран оставался пуст. Кореана посмотрела на него.

— Когда мы его снова увидим, Мармо?

— Я полагаю, когда он войдет в бункер.

Кореана бросила на Мармо еще один взгляд, холодный и оценивающий, и Мармо вдруг вспомнил, какое место он при ней занимает.

— Да, разумеется,— сказал Мармо поспешно.— У меня там дополнительные шарики-шпионы.

— Мы не можем перевести шарик во внешние помещения бункера?

— Нет, пока он не откроет дверь,— Мармо старался говорить скромно.— Но, в конце концов, что еще он сможет сделать во внешнем помещении, кроме как перейти во внутренние?

Руиз поднялся на ноги, морщась от боли. Видимо, из туннеля на него уже не нападут никакие противники. Он посмотрел на серый коридор и увидел, что он заканчивается широким помещением вроде фойе. На дальней стороне этого помещения Руиз увидел несколько дверей, одна возле другой, над которыми посверкивала надпись: БУНКЕР СТАРТОВОГО КОНТРОЛЯ. Он осторожно подошел. Все, что угодно, могло притаиться в фойе, с дальней стороны от него.

Когда он дошел до расширения коридора, он аккуратно протянул нейронный кнут за угол, дразняще его подергивая. Когда ничего не бросилось на него, он пошел дальше. С одной стороны расширение фойе заканчивалось обычным плавленым камнем. Но с другой стороны к двери на поверхность поднималась крутая аппарель. Руиз быстро прошел мимо закрытых дверей и взбежал по аппарели, но, когда он подошел к двери, ведущей на поверхность, сердце у него упало. Толстая металлическая дверь была намертво приварена к раме. Теплый воздух

дул под дверь, воздух, наполненный зеленым ароматом свободы. Он долго стоял возле двери, прислонившись к ней, думая о несбыточных надеждах.

Видимо, его специально загоняли в бункер. Руиз подумал, не может ли он сочинить какой-нибудь сюрприз для того, кто ждет его в бункере. Он вернулся к ряду дверей, которые вели в бункер, на сей раз он внимательно осмотрел каждую из них. Если бы их все можно было открыть, стена, отделявшая бункер от фойе, стала бы широким портиком. Каждую дверь можно было открыть по очереди отдельным рычагом. Слева отпертой двери находился щит управления, который открывал и закрывал все двери одновременно.

Руиз внимательно исследовал щит. Он выудил из сапога один из кинжалов, который теперь согрелся настолько, что можно было дотронуться до него без опаски потерять кожу. С большой тщательностью он всунул кончик кинжала в почти невидимый верхний шов панели управления. Он аккуратно постукивал по шву, пока крышка не отскочила. Он сумел ее поймать, прежде чем она ударилась об пол.

Он предположил, что бункер можно запирать изнутри, но кто-то очень хотел заполучить его именно вовнутрь. Иначе зачем все это? Стало быть, двери без труда откроются. Единственным тактическим ходом, который мог на этом этапе дать ему какое-то преимущество, было бы озадачить врагов тем, что несколько дверей открылись бы преждевременно. Если даже нельзя было добиться этим ничего определенного, по крайней мере, огонь на какой-то момент будет сосредоточен на ложных объектах, а это даст ему возможность выиграть мгновение и оказаться среди них. Он секунду думал, потом вынул снова кинжал из предохранительного слоя бархата, и отыскал контакты двух дверей справа. Минуту он раздумывал, осознавая то, что его возможности катастрофически сужаются и сделано это с незаурядной ловкостью. Но тут же отбросил такие мысли. Почему Преалл, кем бы он ни был, должен был бы интересоваться Руизом, который совершенно Преаллом не интересовался? И кто еще смог бы устроить ему такую ловушку?

Тут он замкнул контакты кинжалом.

Полетели искры, и Руиз отдернул кинжал. В другом конце фойе двери взвились ввысь, так, что стена затряслась, когда они дошли до упора. Руиз немедленно ткнул кинжалом в контакты, которые открывали первую дверь, вогнав кинжал поглубже ребром ладони. Он метнулся под край двери, и она стала открываться, как раз когда он оказался под ней. Он подкатился под поднявшийся край.

Он увидел зрелище, которое парализовало его на секунду, этого хватило, чтобы Мокрассар смог заморозить его ледяным энергометом, который он держал в петле, прикрепленной к своему наружному скелету. Мок уже приготовился, чтобы

встретить отдачу энергомета, и выстрелил ослепительной вспышкой сквозь первые две двери, которые Руиз открыл. Снежинки замороженного газа мерцали на линии огня ледяного орудия, а потом воздух ворвался в бункер с оглушительным треском.

Но инерция падения Руиза и его дорогостоящие дополнительные рефлексы дали ему возможность метнуться за массивный ряд стартовых мониторов. Он отметил свое впечатление, что он был в бункере один с Мокрассаром, как раз в тот момент второй выстрел Мока ударил в ряд мониторов, произведя ушераздирающий взрыв дорогостоящей аппаратуры. Руиз бросился искать убежище, но разве ему оставалась какая-нибудь надежда? Мок был настолько быстрее и сильнее, а у Руиза из оружия были всего лишь смешные кинжальчики. Он услышал грохот закрывающихся дверей, которые запирали его вместе с Мокрассаром. Любой физический поединок между невооруженным человеком и Мокрассаром был просто смешон.

Мок казался вихрем движения среди мониторов, и следующий выстрел не попал в Руиза только случайно, промахнувшись на волосок. Огромный хрустальный экран, выходивший на стартовые площадки Преалла, разлетелся кристальными брызгами. Руизу некогда было раздумывать. Все его физические возможности были задействованы для того, чтобы избежать Мокрассара. На каком-то более глубоком уровне сознания Руиз, однако, понимал, что это тот самый Мокрассар, который следовал всюду за Кореаной, и Руиз почувствовал изумление, смешанное со стыдом, что его так легко обманули, что его так легко привели к безнадежному поединку с рабом прекрасной работорговки.

И зачем, вот что главное?

Насекомообразный воитель двигался немного медленнее обычного из-за величины и тяжести ледяного энергомета, иначе поединок давным-давно закончился бы.

Но скоро он и так завершится, независимо от того, что сможет сделать Руиз. Он уклонился, отскочил в сторону, избежал следующего взрыва, закатился под письменный стол, и все это кончилось тем, что он встретился с Моком в следующем проходе. Он ударил нейронным кнутом по челюстям Мока, но, хотя воитель завибрировал и зарычал, кнут отвлек Мока только на миг. Руиз использовал этот миг, чтобы снова закатиться под письменный стол. За спиной Руиз услышал хруст — это Мок откусил нейронный кнут своими страшными челюстями,— а потом нервы его разорвал страшный удар энергомета.

Кореана стояла, схватившись за края экрана, словно это была могила, куда ее тянули.

— Ох нет, ох нет, только не это,— сказала она.— В чем дело?

Только несколько моментов прошли с той секунды, когда Руиз вошел в бункер, и Мок стал стрелять не в том направлении. Лицо Кореаны покраснело от паники и ярости.

— Что случилось?

Она еще более взбесилась, когда заметила, что, невзирая на разрушение ее безопасного мира этой поразительной неудачей и злым роком, Мармо громко смеялся. Она повернулась к нему, в глазах ее стояла убийственная злоба.

Он увидел это и резко перестал смеяться.

— Кореана,— сказал он,— он не умер. Если только у него была бы смертная сеть, он давно бы был мертв.

Казалось, так оно и есть.

Ледяное оружие только слегка задело его при последнем выстреле, и теперь Руиз, отчаянно извиваясь, пробирался сквозь ту часть бункера, где консоли стояли так тесно, что Мок не мог преследовать его физически, но мог только наклоняться над консолями, стреляя поверх. В этот непростой момент воитель был весьма точен в своих движениях, однако Руиз петлял, делая вид, что стремится попасть в одно место, а сам отскакивал в другое.

Однако, независимо от его усилий, все было почти кончено. Мок приближался все ближе с каждым выстрелом, и похолодевшие мышцы Руиза реагировали все медленнее. Он чувствовал напряжение смертной сети в корнях своего сознания, словно она готова была послать ему некролог через всю галактику. На Дильвермуне гномы Лиги сидели при своих тахионных фильтрах, поджидая его небольшой пакет данных.

Странное дело, но мысль, которая заполнила его мозг в этот момент наивысшей опасности, была о Низе, потерянном им фениксе, то, как солнце пятнало ее нагую кожу в ванной, словно оставляло следы огромных золотистых лап, нежно лаская ее.

Руиз автоматически переключил часть своей оставшейся силы на то, чтобы бороться со смертной сетью, и это сделало его движения еще медленнее. Поле зрения стало сужаться и сереть.

— Подожди,— голос был совершенным по красоте голосом Кореаны.

И, что самое удивительное, Мок остановился.

Руиз находился в сонном мире слабеющих красок, уходя от жизни в океан своего сознания. У него заняло долгие мгновения осознание того, что Мок больше не преследует его с ледометом, что позор беспомощного плена несколько отдалился, но еще больше времени прошло, прежде чем смертная сеть стабилизировалась и улеглась снова на своих привязочных анкерах. Руиз лежал, как мертвый, лишенный всякой устремленности и большей части физического тепла.

Но уши его работали еще несколько секунд, и он услышал

с отстраненным удивлением указания, которые Кореана давала Моку.

— Смотри за ним и задержи, если он попробует бежать, не вреди ему. Я скоро приду.

В воздушной лодке Мармо кипел.

— О чем ты думаешь, Кореана? Хорошо, этот человек — не агент Лиги — у него нет никакой смертной сети. Но ты сама много раз повторяла: этот человек опасен.

С минуту Кореана вообще не отвечала. Она сосредоточилась на том, чтобы вести лодку через встречавшиеся время от времени высоко над землей защитные поля, которые пронизывали воздух над казармами Черной Слезы. Но когда они уже вышли за пределы стены и мчались над багровыми джунглями, она поставила лодку на автопилот и повернулась к киборгу, стянув брови в раздраженной гримасе.

— Этот спор давно уже потерял всякое значение. В первую очередь, позволь напомнить, что мы занимаемся опасным делом. Он мог бы стать нам очень полезным. Не мне напоминать тебе, что мы можем сделать его абсолютно безвредным для нас.

— Но,— возразил Мармо,— наша очередь в Анклаве не подойдет раньше, чем через месяц. Неужели ты оставила бы в своей спальне без присмотра двухступенчатую гадюку, зная, что потом сможешь вырвать ей клыки?

— Я не собираюсь держать его в своей спальне.

— Ты уверена? — Мармо отвернулся, словно внимательно всматривался в джунгли.

На миг Кореана была очарована. Старый пират никогда не показывал своей ревности в отношении разнообразных сексуальных удовольствий Кореаны. Неужели теперь Мармо захотелось разделить ее ложе? В эту возможность трудно было поверить. Кореана сомневалась, что такой эротический союз был бы возможен. Ее обычно богатое воображение отказалось служить ей на этот раз, и она улыбнулась.

— Пока я его еще не хочу,— сказала она, будто это было правдой.— Я планирую вернуть ему общество феникса. Фломель утверждает, что мы можем его использовать, чтобы добиться ее сотрудничества.

— А-а-а,— равнодушно сказал Мармо.

— И к тому же, мы сперва сделаем ему прочистку мозгов, просто чтобы знать, что у него там.

— Это было бы очень правильно.

Они приземлились возле стартовых площадок космодрома Преалла, по другую сторону взлетного поля, напротив разбитых окон контрольного бункера. Кореана быстро шагала, выбирая дорогу между кусками кровавого мяса, которое раньше было бригадой взлетной полосы космодрома Преалла, прежде

чем Мокрассар сжег их. Мармо молча летел рядом, прикрепив к своей металлической руке пистолет-пульсатор. Когда они подошли к бункеру, люк открылся, и она увидела, как Мок стоит наготове, совершенно неподвижный.

Внутри разрушения, произведенные ледометом, весьма впечатляли. Наблюдательные оконца лежали грудами кристальных обломков, которых было по колено под каждой амбразурой окна. Инструменты слежения были уничтожены целыми рядами. Ледомет был предназначен для того, чтобы ловить живую протоплазму без вреда для нее, но менее гибкие и податливые внутренности машин были разнесены в клочья. Сперва она даже не видела неизвестного и почувствовала укол разочарования. Может быть, его задавил вон тот обрушившийся ряд труб охлаждения? Но потом она его увидела, он был частично погребен под нетронутыми пластиковыми полозьями стульев.

— Он в порядке? — спросила она Мока.

Раб-воитель кивнул головой в знак согласия. Кореана пробралась сквозь мусор к тому месту, где лежал неизвестный. Она встала над ним на колени, ее потряс его вид. Трудно было узнать это существо с серым лицом и тусклыми глазами, которое глядело на нее с разве что мягким любопытством. А ведь это был демон, который всего несколько минут назад убивал и разрушал с такой огненной силой и свирепостью. Она протянула к его лицу руку, робко и нерешительно. Это было похоже на прикосновение к заледеневшему металлу. Глаза ее расширились. В какой-то момент в поединке его задело ледяное оружие. То, что этот человек продолжал сопротивляться, сопротивляться Мокрассару... это было чем-то вроде небольшого чуда, и Кореана почувствовала потрясение.

Она быстро встала на ноги.

— Принесите автокувез из лодки. Мы, в конце концов, его чуть не убили.

В лодке сознание Руиза постепенно возвращалось в норму, под влиянием стимуляции крышки автокувеза с подогревом и манжеты переливания, которая вливала восстановители в его кровь. Формы приобрели цвет и значение, он постепенно стал слышать голоса и уловил легкие духи Кореаны.

— В одном отношении, по крайней мере, все получилось как следует, — Руиз понял, что таким металлическим голосом говорит пират-киборг.

— И о чем же ты говоришь, Мармо? Я рада узнать, что ты хоть что-то одобряешь, поскольку во всех отношениях ты считал мои планы скверными.

Руиз наслаждался звуками голоса Кореаны. Он ласкал слух, точно так же, как лицо ее радовало глаз.

— Я вот что хочу сказать: Преалл никогда не поверит, что это ты нанесла ему такой страшный урон. Это было такой

крайностью, что не вписывается ни во что, кроме мести каких-нибудь отвратительных безумцев. Я немедленно прослежу, чтобы охранные поля отремонтировали, и тогда не будет никаких доказательств, по которым в это дело можно было бы притянуть нас.

— Отлично.

Вместе с вернувшимся в тело теплом пришла такая приятная истома и расслабленность. Руиз решил, что подумает про все недавние события, когда придет подходящее время, когда сознание его окончательно прояснится.

Он медленно потонул в целительном забытьи.

Глава двадцать третья

Комнаты, в которые великанша провела Низу, на первый взгляд были более спартанскими, чем какие-либо жилища, виденные ею.

Великанша прижала одну из своих мясистых лап к маленькому прямоугольнику пульсирующего света возле металлической двери. Дверь откочила в сторону со вздохом.

Внутри была тьма, и Низа боялась войти. Великанша нетерпеливо толкнула ее.

Как только Низа переступила порог, мягкий белый свет залил комнату.

— О-о-о,— сказала она разочарованно. Наверняка Кореана не имела для нее в виду жить в этой пустой невзрачной коробке. В комнате вообще ничего не было. Потолок ярко светился, разгоняя тьму. На дальней стене Низа заметила дверь, которая открывалась в другую комнату, поменьше.

Низа повернулась к своей провожатой. Великанша с пустым лицом отвернулась от нее.

— Жди здесь,— приказала она Низе.

Она вышла, и дверь захлопнулась.

Низа стояла в центре комнаты-коробки, слишком пораженная странностью всего своего окружения, поэтому она даже не двигалась. Постепенно изумление покинуло ее, и ощущение было такое, что только удивление, как набивка в чучеле, держало ее на ногах. Она мешком свалилась на жесткий пол и спрятала лицо в ладонях. Она сидела беззвучно, но скоро слезы заструились между ее пальцев.

Наконец и слезы высохли, потому что она больше не могла плакать, хотя из носу все еще текло. Она потерла лицо и пальцами расчесала запутанные волосы.

Ее притягивала дверь, открытая в другую комнату. Она поднялась и подошла к ней. Комната была такая же пустая и бесцветная, насколько она могла судить по свету, падавшему в нее из первой комнаты. Пока она стояла и смотрела в комна-

ту, она услышала, как за спиной снова ахнула дверь, и обернулась.

Странной танцующей походкой в дверь вошло экзотическое существо. Сперва Низа подумала: «Как элегантно!» Ее следующая мысль была: «Как странно». Ее посетитель был высок, широк в плечах, с густой гривой каштановых волос, на нем была рубаха до колен из какого-то легкого, облегающего материала, на котором были разбросаны случайные пятна теплого яркого цвета. Под подолом рубахи были сильные гладкие икры. На узких ступнях были тонкие сандалии, зашнурованные лентами лавандового цвета. Маленькие высокие груди натягивали ткань рубахи, и округлые бедра покачивались при ходьбе. Голые руки были мускулисты, кисти тонкие и длинные, ногти красивой формы были накрашены нежными оттенками красного. Лицо с тонкими чертами непрерывно менялось: только что оно было милым и невинным, словно личико ребенка, а в следующий миг его заполоняло циничное и расчетливое выражение.

Существо заговорило.

— Жгуче наивысшее наслаждение служить тебе, Благородная Дама.

Голос не давал возможности определить пол существа, поскольку это было контральто, мелодичное и звучное.

Существо низко поклонилось, ноги не согнулись при этом, а локоны почти упали до пола.

— Прости мне смелость, с которой я настолько же возвышаюсь над своим скромным положением в жизни, насколько солнце Суука встает над джунглями, но я все же назову свое негодное имя. Меня зовут Айям.

Низа едва соображала, как ответить на такое цветистое самоунижение.

— Здравствуй, Айям,— сказала она неловко.

Айям снова и снова кланялось, видимо под властью истеричной радости.

— О,— воскликнуло Айям низким голосом,— я готово упасть в обморок от твоего незаслуженно доброго приветствия, Благородная Дама. Я готово упасть в обморок от восхищения и наслаждения, как от милости Благородной Дамы, так и от мудрости моей великой хозяйки, чье имя не должно всуе поминаться такими, как Айям...

Айям, видимо, было готово продолжать в том же духе еще долго, но Низа сделала нетерпеливый жест, и поток преувеличений остановился.

— Почему ты здесь?— резко спросила Низа.

Айям свалилось жалкой кучкой на пол.

— О Благородная Дама, Айям в отчаянии, что оно не смогло вовремя сказать Благородной Даме как следует, о горе мне, горе...

— Айям, пожалуйста!

Айям собралось с силами и вытерло свои очаровательные глаза, хотя Низа не видела на щеках никаких слез.

— Да, конечно,— сказало Айям тоном неуверенной сдержанности,— Благородная Дама, Айям ваш раб, который постарается услужить вам изо всех своих слабых сил, чтобы вам было удобно и покойно. Постарается успокоить ваши обиды, приносить и уносить, что понадобится, согревать вашу постель, отвечать на всякую просьбу...

— Да-да,— оборвала Низа речи Айям,— боюсь только, что нам тут все равно не будет удобно, правда?

Она показала рукой на пустую комнату.

Глаза Айям расширились в театральном изумлении, но Низа вдруг поняла, что рабыне весело.

— Благородная Дама,— сказало оно,— это один из самых прекрасных покоев моей хозяйки, и вы сами сможете приспособить его к своим нуждам. Позвольте мне показать вам, хотя, конечно, моя ничтожная особа недостойна ни в чем наставлять такую Благородную Даму...

— Оставь эту тему в покое,— сказала Низа.— Покажи мне, что ты имеешь в виду, Айям.

Рабское существо встало, сбросив личину униженности.

— Начнем с пола,— сказало оно.— Какое покрытие для пола предпочитает моя госпожа?— Айям отступило к двери, указав одной рукой на прямоугольник металла, утопленный в пластик стены.

— Подойдите, Благородная Госпожа, приложите сюда руку.

Низа осторожно приложила руку к пластинке и почувствовала щекотное тепло. Она стала отдергивать руку, но Айям одобрительно кивнуло и сказало:

— Именно так. А теперь, если соизволите, подумайте о том, каким вы хотели бы видеть пол, каким бы вы хотели чувствовать его под ногами. Вы предпочитаете ковер, пандавудский паркет, прохладную землю? Просто думайте, Благородная Госпожа.

Низа подумала, не сошло ли это униженное существо с ума, но потом она вспомнила, что очень много странностей стали для нее привычными с тех пор, как она вступила на тропу Искупления. Поэтому она закрыла глаза и представила себе, что пол покрыт богатейшим мехом пылевой выдры. Она почувствовала под ногами щекотное прикосновение и в изумлении открыла глаза. На жестком полу проявилось пушистое покрытие! Пока она смотрела на него, оно на глазах загустело в блестящий, багряного цвета мех. Она заметила, что ворсинки, прикасавшиеся к ее пальцам, были не такими мягкими, как настоящий мех. Не успела она об этом подумать, как мех стал шелковистым, превратившись в изумительную подделку.

Низа была очарована и захвачена этим. Следующие часы

она провела, превращая свою камеру в роскошную шкатулку с драгоценностями с радостной помощью Айям. Вторая комната стала ванной, и ее Низа превратила в мерцающий грот, весь из фарфора и стекла.

Она заставила стену породить огромную кровать под балдахином, на кровати горой навалены были шелковые покрывала и простыни тончайшей кисеи. В этот момент она поймала на себе косой оценивающий взгляд Айям. Она недолго думала, прежде чем пожелать в углу альков для постели Айям. Айям бесстрастно смотрело, но Низе показалось, что она заметила маленький отблеск разочарования на гладком лице. Этот взгляд принес Низе маленькое удовольствие — значит, она вызывала желание у этого элегантного существа — но рабское существо было слишком странным, уж очень странным.

Кроме того, она чувствовала странное для нее и смущающее чувство неприязни, когда она думала о том, чтобы взять к себе в постель еще одного нового любовника. Каким-то образом жесткое загадочное лицо Вухийи было связано с этим смущением, но она никак не могла понять, почему.

Прошло много дней, сперва в приятных развлечениях, потом в нарастающей скуке. Низа бесконечно купалась, радуясь роскоши никогда не иссякающей воды, богатому мылу и лосьонам, неизменным услугам раба-рабыни. Она много спала. Ела, вынимая еду из шкафчика в стене, который всегда подавал ей то, чего она желала. Она выдумала себе огромный гардероб платьев и великолепных одеяний тех тонов, которые ей шли.

Невзирая на эти развлечения, она становилась все более и более беспокойной. Никто не приходил, и в обществе вечно унижающегося существа ей становилось все скучнее. Приставания Айям становились все прозрачнее, все настойчивее. На третий день после ванны прислуга предложила ей массаж, и она согласилась. Массаж был на Фараоне высокоразвитой формой искусства. Низа лежала на подогретом куске камня-пуховика, закрыв глаза, улыбаясь в предвкушении хорошо знакомого удовольствия.

Она услышала шорохи — это ее прислуга сбрасывала одежду. Это ее не встревожило — жирные массажные масла испачкали бы прекрасную рубашку Айям.

Она почувствовала, как масло льется ей на спину теплой лаской. Сильные руки прислуги задвигались по ее телу, гладя, сжимая, мягко постукивая. Низа вся отдалась удовольствию.

Однако постепенно сноровистые пальцы Айям стали двигаться по более интимным местам.

— Что это ты задумало? — спросила Низа, хотя все было очевидно.

Мускулистые бедра прислуги обхватили ее крепче, а пальцы стали ласкать все глубже. Низа наполовину повернулась под охватившей ее ногами рабыней и открыла глаза.

Соски Айям были напряжены, краска страсти пятнами покрывала грудь. Пенис существа напряженно поднялся над маленьким влагалищем, которое влажно блестело.

Низа закрыла глаза.

— Нет. Слезь с меня,— сказала она голосом, полным завороженного отвращения.

Существо так и сделало, бормоча извинения, которых Низа даже не слушала, тем более не отвечала на них. После этого она стала осторожнее с рабским существом, а оно стало куда менее почтительным.

Когда день спустя дверь в ее камеру наконец открылась, звук удивил ее. Безобразная великанша толкала перед собой медицинскую каталку, а на каталке было неподвижное тело Вухийи.

Великанша толкнула каталку, и она покатилась прямо на Низу.

— Вот,— сказала великанша.— Он будет пока что твоим гостем. Оставь его в покое. Медицинская прилипала разбудит его, когда залечит повреждения.

С этими словами великанша ушла.

Низа наклонилась над Вухийей. Нет-нет, он был жив, но выглядел страшно больным, кожа его посерела, мышцы обвисли в нездоровой расслабленности. Она дотронулась до его лица и потом отдернула руку, слегка передернувшись. Тело его было холодным, слишком холодным. На шее у него было что-то похожее на металлического паука. На нем горели янтарного цвета огоньки. От паука отходили тонкие дрожащие щупальца и тонули в его шее. Низа подумала, неужели она сама была столь же похожа на труп, когда Вухийя впервые увидел ее, и эта мысль вызвала поток нежности. Вухийя ухаживал за ней. Теперь она будет ухаживать за ним.

Низа толкнула каталку через всю комнату, пока она не остановилась возле ее кровати. Она велела комнате продлить занавеси вокруг кровати так, чтобы они включали и каталку, так, чтобы он был с ней, даже когда она будет спать.

Когда она покончила с этим делом, она почувствовала на себе взгляд Айям, которое пыталось оценить ситуацию.

— Айям,— сказала она,— ты будешь относиться к этому человеку, как к моему почетному гостю, понятно?

Рабское существо глубоко поклонилось.

— Да, Благородная Дама. Все понятно.

Низа нахмурилась. «Неужели это существо смеялось надо мной?— подумала она.— Нет, должно быть, это мне показалось». Она обратила все свое внимание на Вухийю.

Руиз проснулся в сказочной стране, по крайней мере, ему так показалось. Пастельные шелка, сквозь которые падал мягкий

свет, сладкие ароматы в воздухе, а над ним парило преображенное лицо Низы. Черные волосы феникса с медным отливом были искусно свернуты, заплетены и перевиты нитями блестящих драгоценных камней. Ее лицо было накрашено с большим искусством. На ней было простое одеяние из какой-то прозрачной ткани, которое слегка касалось ее тела. Когда она увидела, что он не спит, лицо ее зажглось таким сиянием, которое согрело его там, где ему было холодно уже долгие-долгие годы.

— Вухийя,— сказала она, и у нее перехватило дыхание.

Тело Руиза дрожало из-за дозы антиседатива, и он почувствовал маленькие сосущие уколы боли там, где медицинская прилипала убирала из него свои щупальца. Горло его словно заржавело оттого, что он так долго не говорил, поэтому сперва он даже не мог издать никаких вразумительных звуков.

— Где все это?— он услышал пугающую слабость в своем голосе.

— Ты в порядке, Вухийя. Это мои покои. Разве не красиво?

Руиз был сбит с толку. Его последние воспоминания были связаны с Мокрассаром и его ледометом, страшное, рвущееся ощущение в мозгу, когда смертная сеть угрожала стянуться, непрочное чувство облегчения, когда она немного стабилизировалась. То, что его перенесло в надушенную роскошь, дезориентировало его, и это только наполовину было приятным переживанием. Прилипала закончила убирать свои присоски и упала с шеи. Ему хотелось поднять руку и потереть это место, но рука не слушалась его. Затем, постепенно, жизнь стала горячей струей вливаться в его мышцы. Боль исказила его черты, и он увидел, как его страдания отразились на хорошеньких чертах Низы.

— Все в порядке,— прохрипел он,— мне скоро станет лучше.

Она улыбнулась и вытерла ему с лица выступивший от усилий пот. Прохладная ткань была так приятна. В ее жесте сквозила удивительная сноровка, и Руиз понял, что Низа выхаживала его.

Сентиментальные слезы навернулись ему на ресницы. Он проклинал свою слабость, но все, что он мог сделать — это не зарыдать от облегчения. Он снова подумал про манипуляции Накера с его мозгом, но на сей раз он не чувствовал возмущения. Что бы ни сделал уловитель, результат был не без своих прелестей. Сердце Руиза словно было обнажено, это правда, но что ему было ожидать? Каким-то образом Накер срезал мозоли, наросшие в его душе от долгой и полной лишений жизни.

Потом еще одно лицо вплыло в его поле зрения, поразительное лицо андрогина, светящееся злоехидным любопытством. Зрение Руиза внезапно прояснилось, и он нахмурился. Вот, уж, действительно, неприятное столкновение.

— Что это?— спросил он.

Низа похлопала существо по широкому плечу.

— Это Айям, та прислуга, которую мне дала леди Кореана, когда я стала ее особой гостьей.

Руиз прикрыл глаза. Он не только был заперт в камере с представителем одной из самых предательских дильвермунских рас, но и камера вдобавок была в личных апартаментах Кореаны. Он подумал, есть ли еще вариант, при котором события могли бы развиваться еще хуже. Тут он вспомнил, что Кореана теперь наверняка знала, что он не фараонец, даже не пангалактический турист, которого случайно захватили вместе с труппой и фениксом.

Руиз мог ожидать послойной прочистки мозга. Он надеялся, что его защитная личность выдержит натиск.

В течение следующих дней выздоровление Руиза завершилось. Низа была трогательно заботлива, хотя временами ее патрицианское воспитание очень противно вылезало наружу. Руиз просто-напросто игнорировал противные вспышки, и вскоре к Низе возвращалось ее хорошее настроение.

Ее женомуж Айям был постоянным источником беспокойства для Руиза. Он отметил с поразительным чувством облегчения, что Низа отвела Айям отдельную от своей постель. Враждебность женомужа по отношению к Руизу не была очевидна для Низы. Казалось, она вообще не могла понять самую мысль о том, что раб может быть опасен.

— Но ведь,— говорила она ошеломленно,— Айям — это только прислуга. Какой в нем может быть вред? Айям здесь для того, чтобы нам было удобно.

Руиз никак не мог придумать осторожный способ намекнуть Низе, что, хотя они сами тоже были всего-навсего рабами, он весьма и весьма надеялся причинить массу вреда. Камеру наверняка просматривали и прослушивали. Потому он терпеливо говорил:

— Низа, может быть и так, что Айям — совершенно безвредное и мягкое существо, но оно происходит из расы, которая специально закрепляла в себе гены предательства. Дильвермунеров ищут везде, на них колоссальный спрос там, где требуется сделать какое-нибудь грязное дело: подмены в семьях, династическая замена личностей, псевдополитика — назови мне любую гадость, которую надо сделать, и найдется женомуж, который готов за это взяться.

Низа, озадаченная такими незнакомыми преступлениями, поглядывала на Айям, которое пожимало плечами и принимало оскорбленный вид. Низа качала своей блестящей головкой и успокаивающе похлопывала Руиза по плечу. Точно так же, как родители похлопывают перепуганного ребенка.

В конце концов он убедил ее совершенно заключить койку Айям в крепкую каморку, которая запиралась снаружи. Теперь, по крайней мере, было возможно прогнать прислугу с глаз до-

лей. Айям весьма спокойно принимало такое изгнание, насколько это казалось Низе, но Руиз ловил на себе ядовитые взгляды, как только женомужа прогоняли к себе.

Их уединенность принесла свои благотворные результаты, как только Руиз настолько поправился, чтобы проявлять интерес к любви. Теперь Низе уже не было скучно. Часы приятно проходили под цветными шелками кровати Низы. Руиз был настолько счастлив, насколько он мог быть в подобных обстоятельствах, хотя он постоянно пытался представить себе, что планировала Кореана.

У Руиза теперь было время побольше узнать про Низу. Она, казалось, получала удовольствие от того, что рассказывала ему про свою жизнь дочери Царя, хотя она избегала предмета своего искупления и разговоров о том преступлении, которое к нему привело. Ее рассказы изобиловали балами, карнавалами дождя, полуночными купаньями в бассейнах, и глаза Руиза иногда затуманивались, когда она рассказывала. Ему грустно было думать, что ее жизнь любимой дочери царя лишила ее той выносливости и крепости, которые ей понадобятся для того, чтобы выжить рабыней.

Но потом он вспоминал сцену и тот путь, который ей придется на ней пройти, и впадал в мрачное и молчаливое настроение.

Она спрашивала его относительно его собственной прошлой жизни, но он смеялся, поддразнивал ее и всячески уклонялся от прямых ответов на ее вопросы. Он признался, что он торговец, чье дело требовало от него путешествий к далеким звездам. Когда она настаивала на том, чтобы он сказал правду, он говорил, что он что-то вроде искателя талантов. Он отбивался от ее немногих вопросов о жизни на далеких мирах, и, собственно говоря, она выказывала очень мало любопытства. Он понял, что этот предмет вызывал у нее беспокойство и что она предпочитала не думать о вселенной за пределами Фараона. Он не хотел как-либо волновать ее. Путь пока побудет спокойной, пока может.

Он сказал ей свое настоящее имя, поскольку Кореана вытянет его из сознания, как только возмется за послойную прочистку.

— Руиз Ав. Любопытное имя,— сказала она, перекатывая незнакомые слоги на языке.

Айям было заперто в каморке, и Руиз и Низа лежали нагими на кровати, когда появился Фломель. Дверь ахнула и ушла вверх в самый нескромный момент, какой только можно было себе представить, и Фломель ворвался внутрь, а с ним и великанша.

— Низа,— позвал Фломель,— где ты?

Он секунду стоял удивленный и озадаченный, его голова, похожая на морду борзой, словно принюхивалась к камере.

Потом он заметил дрожание занавесок над кроватью под балдахином. Он быстро пересек комнату и развел занавески своим жезлом. К этому времени Руиз и Низа кое-как разжали объятия и сумели натянуть на себя покрывала. Глаза Фломеля расширились, и он ахнул гораздо громче, чем дверь.

— Что такое?— тощая физиономия Фломеля наливалась кровью от ярости, и он весь дрожал.

— Пошел вон от моей постели,— рявкнула Низа, не менее возмущенная, чем фокусник.

Руиз молчал, собираясь с силами.

Никто не двигался, пока великанша не сказала:

— Где женомуж?

Она шагнула в камеру тяжелым уверенным шагом, ее крохотные черты лица ела гримаса подозрения.

— Где это существо?— спросила она снова.

Она заглянула в ванную, потом в постель. Она схватила Руиза массивной лапой и без усилий выволокла его с кровати. Она притянула его поближе и снова заговорила:

— Где оно? Леди будет очень недовольна, если вы причинили вред ее имуществу.

Дыхание ее было зловонным, а мертвая преданность в глазах наводила на мысль о помешательстве. Руиз показал свободной рукой.

— Вон там,— сказал он,— у Айям есть своя маленькая комнатка. Разве это плохо?

Она небрежно встряхнула его, отчего все зубы его застучали, и отпустила его. Он схватил простыню и обернулся ею. Великанша подошла к каморке и открыла ее.

Женомуж выпал в комнату. Видимо, Айям подслушивало возле дверей. Но оно почти немедленно вернуло себе и достоинство и равновесие.

— Наконец-то,— выдохнуло существо.— Великая Банесса, ты пришла, чтобы освободить несчастного угнетенного слугу. Слуга падает и простирается у твоих ног в униженной благодарности.

— Заткнись,— сказала бесстрастно великанша.

Она повернулась к Фломелю.

— Продолжай,— приказала она.

Фломель глубоко вздохнул. Казалось, к нему вернулся самоконтроль, хотя сильные чувства еще светились в его глазах.

— Низа,— сказал он,— как же ты можешь столь низко ценить себя, чтобы развлекаться с таким безродным существом? Пожалуйста, вспомни, кто ты такая. Я обращаюсь к твоему чувству приличия.

Низа все еще была красна от гнева.

Она села на постели, натянув покрывало себе на грудь.

— Это ты, Мастер Фломель, должен был бы помнить, кто

я! И свою собственную касту. Я больше не Искупающий, который должен подчиняться любой твоей прихоти.

Фломель, казалось, удивился.

— Ты больше не Искупающий? Это как же?

Низа улыбнулась.

— Мое Искупление окончено. И я здесь воскресенная.

Фломель обдумал это, гладя длинными пальцами подбородок.

— Возможно,— сказал он,— что ты собираешь на себя новые грехи. Твои злосчастные приключения с этим безродным сродни тем, что привели тебя к первому твоему Искуплению.

— Мы больше не в землях моего отца, фокусник. Тут правят иные законы, как всякий дурак давно догадался бы. И ты не прав, называя Руиза безродным. Я не знаю его происхождения, но я уверена, что оно гораздо выше твоего.

Фломель выглядел так, словно готов был ударить Низу своим жезлом. Руиз вышел из-за кровати, поближе к волшебнику, чтобы остановить его руку, если понадобится.

— Хватит,— сказал великанша.— Кончайте треп. Объясни ей, что от нее требуется. Леди Кореана ждет точности. Нам пора отправляться в загон.

Фломель перевел дыхание.

— Как ты скажешь,— произнес он.— Мои извинения, Низа. Я не могу смотреть на тебя иначе, как на дитя моей собственной плоти, и я глубоко скорблю над твоими ошибками, как скорбел бы твой настоящий отец, окажись он здесь. Но теперь перейдем к делу. Мы начинаем сегодня репетицию новой пьесы.

Низа отшатнулась, пораженная.

— Новая пьеса?

— Да-да. Новая пьеса. Представление, которое гарантирует нам нового покровителя в этом новом мире. Разве тебе не сказали?

— Нет.

— Ну вот, как и раньше, ты будешь главной героиней. Великая честь, разве нет?

Низа вдруг откинулась снова на кровать, лицо ее исказилось.

— Как прежде... Нет, леди Кореана никогда не позволила бы такой вещи.

Фломель улыбнулся.

— Именно Леди Кореана прислала меня сюда.

— Нет, не могу,— Низа посмотрела на Руиза, обращаясь к нему за помощью, но он не мог придумать ничего, ни сказать, ни сделать, он не мог ничего... Глаза ее помутились и она отвернулась в сторону. Он почувствовал величайшую печаль и такой бешеный гнев, что он весь задрожал от него. В его сознании всплыли незваные картины ее первой смерти. Ему при-

шлось сделать над собой чудовищное усилие, чтобы остаться бесстрастным.

Он все еще пытался найти хоть слово утешения для Низы, когда великанша заговорила снова.

— Женщина должна одеться, если только она не хочет отправиться в загон голой.

Она повернулась к Руизу.

— И ты тоже.

Низа поднялась с постели и медленно направилась к шкафу с одеждой.

Руиз шагал возле Низы. Лицо ее было словно высечено из камня. Она двигалась, словно ее уже опоили наркотиками для представления. За ними шагал Фломель, размахивая своим жезлом и немного пыхтя от усилия. Во главе процессии шагала великанша, и от нее исходил кислый неприятный запах. Айям, женомуж, шагал в самом конце процессии, восклицая при виде каждого нового зрелища, жалуясь на скуку в апартаментах Низы. Безжалостный голос женомужа словно иголками колол уши Руиза, но он молча терпел.

Они дошли до загона фараонцев. В наблюдательное окошко он мог видеть, что сцену уже установили, и члены гильдии ползали по ней, как черви по раскрашенному трупу. Низа со свистом втянула воздух, а потом посмотрела в глаза Руиза.

— Не стану, еще раз — не стану,— прошептала она.

Руиз не мог сказать ни слова. Он схватил ее за плечо и крепко сжал. Она накрыла его руку ладонью на миг, потом повернулась к Фломелю.

— Ты,— сказала она горько и вытащила из рукава инкрустированные драгоценными камнями ножнички для шитья. Она воткнула их в живот Фломелю и рванула вверх, распоров его, словно рыбу для жарения. Он пошатнулся назад и повалился на Айям, которое тоже упало. Низа бросилась прочь по проходу.

Банесса повернула свое огромное тело как раз в тот момент, когда Низа исчезла за поворотом коридора. На ее огромном лице появилась гримаса досады, первое выражение, которое Руиз заметил на ее физиономии. Айям вопило в совершеннейшей истерии, пытаясь спихнуть Фломеля со своей груди. Фломель был занят тем, что умирал, сохранив в глазах выражение полного изумления.

Великанша вытащила поисковый прибор из своей портупеи, и сердце Руиза оборвалось. Искатель был жестоким устройством, способным на то, чтобы преследовать жертву по запаху многие мили, запрограммированным на то, чтобы пригнать раба обратно к хозяину небольшими дозами невыносимо болезненного яда.

— Подожди,— сказал Руиз,— я приведу ее обратно.

Великанша посмотрела на него с таким видом, что в нем можно было обнаружить следы интереса и любопытства.

— Ты понимаешь природу искателя? Да,— сказала она.— Этот я настрою на тебя.

Банесса хихикнула.

— Лучше поторопись,— она отстегнула еще один искатель.— А этот для нее, если ты ее потеряешь.

Искатель зажужжал в ее руках, готовый сорваться в погоню. Капля яда дрожала на кончике его жала.

Руиз побежал.

Длинные ноги Низы пронесли ее на значительное расстояние, прежде чем Руиз увидел, как она проскочила в соседний коридор. Он благословил удачу, которая привела ее к нему, прежде чем она потерялась в лабиринте коридоров. Он прибавил ходу и повернул за угол, где увидел, что она ждет его.

— Я подумала, что ты тоже сможешь убежать,— сказала она, улыбаясь и вытянув к нему руки.

Но когда он подошел к ней, она, видимо, увидела в его лице нечто, отчего она побледнела и попыталась уколоть и его своими ножницами. Он легко обезоружил ее.

— Почему?— спросила она надломленным голосом.

— Не сработало бы, Благородная Дама.

— Заткнись,— прошептала она и постаралась отпрянуть от него.

Руиз вынужден был взять ее за запястье и аккуратно потянуть за собой, прежде чем он развернул ее и повел туда, откуда она прибежала. Больше она ничего не сказала, но глаза ее стали темными от ненависти. А несколько секунд спустя появились искатели, которые, грозя жалами, провели их обратно в загон.

Глава двадцать четвертая

У входа ждала Кореана, лицо ее было в огне от бешенства и ярости. За нею стоял Мармо, который следил за медицинской прилипалой, которая держала воедино кишки Фломеля. Фломель лежал на летающем пузыре, тяжко дыша. Глаза Фломеля были открыты. Он посмотрел на Руиза и Низу и отвел взгляд. Пара охранников-Пунгов молча стояла у портала.

Руиз выпустил Низу, и она, споткнувшись, отпрянула от него, глаза ее расширились от предательства и потрясения этим предательством. Руиз мог только бесстрастно смотреть на нее, хотя ему так хотелось объяснить, сказать хоть что-то, что смягчило обвинение, которое он читал на ее лице. Один из Пунгов взял ее за руку и защелкнул мономолевый ошейник у нее на шее.

Банесса стояла рядом, сложив свои массивные лапы. Руиз подошел к ней и протянул окровавленные ножницы. Великанша взяла их, показала Кореане, потом смяла их между пальца-

ми, превратив в безвредную груду металла. Она нажала на кнопку на своей портупее, и искатели вернулись в гнезда.

Кореана поближе подошла к Руизу, раздувая ноздри, белки глаз ее налились кровью.

— Ты,— сказала она,— ведь это твоя вина, а? Теперь я понимаю, что Мармо был прав — надо было убить тебя и покончить с этим.

Руиз стоял молча, уверенный, что всякий ответ, который он сейчас даст, будет неправильным и вызовет новый приступ гнева. Краем глаза он увидел, что на лице Низы беспокойство сменило выражение ненависти, и его сердце немного просветлело.

Кореана напряженно стояла, потом со всей силы ударила Руиза по лицу. У Руиза немедленно перед глазами встала картина — Кореана перерезает горло надзирателю своим ножичком-энергометом, спрятанным в коже пальца. Он подумал, что же увидят его глаза после того, как голова отлетит прочь. Но это просто была оглушительная оплеуха.

Кореана потрясла рукой, словно стряхивала какую-то мерзкую грязь.

— Нет. Сперва ты мне еще послужишь.

Она повернулась к Мармо, который взглянул на нее и сказал:

— Мы сможем переправить фокусника через день.

— Хорошо, значит, это не абсолютная катастрофа. Репетиции отложим до тех пор, пока они не вернутся. Мне бы эта мысль о путешествии нравилась гораздо больше, если бы Мок не сидел бы в своей камере.

Казалось, она говорит сама с собой, но Руиз навострил уши при упоминании о путешествии.

Она повернулась к великанше.

— Банесса, ты будешь отвечать за них. Смотри, чтобы ничего подобного впредь не случалось. Поедут эти: девчонка, трое фокусников и Старшина Гильдии. И вот этот,— Кореана жестом показала на Руиза.— То есть он поедет, если переживет прочистку мозгов послойно. Заберите его вниз и приготовьте.

Мармо издал одобрительный звук.

— Умное решение,— сказал он,— я присмотрю, чтобы все провода прицепили правильно.

Банесса пристегнула ошейник Руизу. Когда великанша повела его прочь, Кореана сказала:

— Оставьте девчонку здесь, Айям за ней присмотрит. Айям, проследи, чтобы с фокусником ничего больше не случилось.

Кореана смотрела на листы распечатки, пока Мармо вел щупами по черепу неизвестного, используя свой инъекционный протез. Киборг необыкновенно аккуратно и опытно выполнял эту работу, и Кореана совершенно не боялась, что ее привлекательная загадка будет повреждена или изуродована во время

испытания. Однако она пожалела, что не потратила больше средств на технологию послойной прочистки мозга. Ее технические возможности в этой области больше не соответствовали последнему слову техники — но что могло похвастаться таким соответствием в галактике, настолько полной разнообразия, что никто не мог обогнать или даже идти в ногу со всеми последними открытиями?

Татуировка неизвестного почти совсем поблекла, оставив только следы. Тело, казалось, выздоровело после ледового удара. Кожа цвета темной меди приобрела свой прежний блеск, а ногти на сильных руках были розовыми и блестящими.

Мармо закончил работу.

— Он твой,— сказал киборг и отлетел в сторону.

Кореана надела на голову аналоговый шлем, следя, чтобы не помять прическу. Она откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и нажала включатель.

Она нырнула в линзу его мозга в вихре пузырьков. Она остановилась как раз под серебристой поверхностью, наблюдая за жизнью, которая кипела там. Мысли стрелами летали туда и обратно, словно стаи быстрых рыбок. Внизу, в голубых глубинах, колыхались более крупные агломерации мыслей, представлений и опыта, богатые, темные, притягательные.

Кореана долго плавала там, постигая вкус и запах сознания ее неизвестного, пикантный, сложный суп. Удовольствие, которое она при этом испытала, убедило ее, что она приняла правильное решение, когда сохранила ему жизнь.

— Не терять — значит, не жалеть,— прошептала она сама себе в восторге.

Она принялась за дело.

— Кто ты? — послание пошло по сознанию, как волна по озеру, хотя озеро это было глубиной с океан.

Пришел ответ.

— Руиз Ав.

— Руиз, кто твой хозяин?

— Я свободный работорговец, стартовавший с Ланксша, где и зарегистрирован.

— Что у тебя за бизнес?

— Я имею дело с избранными человекообразными рабами.

Кореана почувствовала укол удовлетворения. Работорговец! Дело Руиза как раз было таким, что могло прекрасно помочь ей самой в ее делах и планах, еще одно доказательство, что она правильно поступила, сохранив ему жизнь.

Но она была осторожна, пробуя запустить щупы все глубже и глубже, ниже вербального уровня сознания Руиза. И в подтверждение слов она нашла хорошо определенный слой памяти: грубые картины тысяч рабских казарм и загонов, ни с чем не сравнимый запах человеческих существ в заточении, свист нейронных кнутов по телам, вопли аукционеров на рынках тысяч

миров. Чем глубже она проникала, тем ярче становились эти воспоминания, но давление впечатлений становилось все сильнее, и вскоре Кореана с чувством глубокого облегчения выбралась наверх, на менее болезненный уровень. Она не могла сомневаться в реальности этих воспоминаний. И нигде в этих образах она не находила никакого следа Лиги Искусств, никакого указания, что у Руиза была услужливая, поддающаяся влиянию авторитетов личность, которая обычно была необходима для работы в Лиге.

— А что ты делал на Фараоне?

Это был важный вопрос, и Кореана внимательно смотрела, как Руиз собирался с мыслями, чтобы ответить.

— Я был там, чтобы похитить фокусников. Я не ожидал, что меня самого возьмут.

В ответе прозвучали плотные тона страха, смущения, осторожности и сильнейшее желание избежать наказания.

Кореана рассмеялась.

— Не беспокойся,— сказала она, испуская уверенность в его сознание,— все к лучшему.

Она почувствовала, как сознание Руиза слегка расслабилось. Она принялась за другую линию расследования.

— Почему ты спас ФЕНИКСА?

Сознание Руиза совершенно натурально смутилось.

— Я не знаю. Но... она так хорошо играла в пьесе. И она такая красивая, что приятно смотреть. Мне показалось, что ее смерть — это так обидно, хотя я мало помню, что со мной было после того, как меня оглушило поле.

Это был не такой уж приятный ответ.

— А Кореана,— спросила она кисло,— на нее приятно смотреть?

— Да,— немедленно раздался ответ.

Красный отблеск страсти немедленно окрасил глубины сознания Руиза, смыв ее раздражение относительно предыдущего ответа.

Довольная, Кореана отпустила переключатель и вернулась в свое собственное тело. Она секунду сидела, восхищаясь Руизом Авом, думая о том, сколько они сделают вместе, когда он вернется из Анклава. Она сказала себе, что удовольствие будет таким же большим, как и сейчас, когда она исследовала глубины мозга Руиза. Любая разница, о которой может идти речь после генчирования, будет существовать только в ее представлении. Но она тут же подумала, будет ли беззубый тигр таким же красивым.

Руиз проснулся от звуков ссоры между фараонцами. Он лежал на знакомой грязной койке в Доме отверженных. То, что он вообще проснулся, свидетельствовало о том, что его защитная личность выдержала послойную проверку мозга, устроен-

ную Кореаной. Казалось, он за последние месяцы провел слишком много времени без сознания. Эта мысль вызвала жалость к себе, а затем долгие мысли о том, что Руиза гонит злая-судьба. Это задание с самого начала характеризовалось тем, что с его стороны совершенно отсутствовал контроль за событиями. В ретроспективе он понял, что, планируя свой побег через морской город, он действовал с непонятным оптимизмом, а что касается выполнения плана... самый снисходительный наблюдатель сказал бы наверняка, что действия его отличались определенными истерическими излишествами.

Единственными светлыми воспоминаниями во всем фиаско были те часы, которые он провел с Низой, которая была живым символом нынешней некомпетентности Руиза.

Он сел, его застывшие мышцы запротестовали.

Нет, Низа была более, чем символ. Теперь она его ненавидит, но, может быть, она согласится выслушать объяснения, она же очень умна. Он вышел на площадку.

Большая часть труппы оказалась на площадке, кроме Низы и Фломеля. Старшины собрались в жестикулирующий кружок, в центре которого стоял Дольмаэро. Двое младших фокусников слушали ссору старшин. Остальные стояли вокруг мрачными группами, перешептываясь.

— Тихо! — лицо Дольмаэро стало красным. Руиз никогда не видел его таким возмущенным.— Никакого значения не имеет, что вы будете делать, а что не будете. Неужели вы до сих пор не поняли ситуацию? Мы же чья-то собственность!

Старшина с рыбьей физиономией от возмущения стал заикаться.

— М-м-мы?! Мы — собственность?! Мы не рабы. Мы принадлежали к почтенной гильдии. Как же это мы можем быть собственностью?

Дольмаэро выглядел так, словно горько пожалел о своем взрыве искренности.

— Ну хорошо, может быть, собственность — не самое лучшее слово, Эдгерд. Но ведь ты не станешь отрицать, что мы, по крайней мере, пленники?

— Нет, но чья в том вина? Ты наш Старшина Гильдии, почему ты до сих пор ничего не сделал, чтобы защитить наше положение здесь? Какой толк иметь Старшину Гильдии, который не может ничего сделать для членов гильдии?

Эдгерд сжал свои тощие кулаки. Ропот одобрения пронесся по площадке.

Никто пока не заметил Руиза в тени дверного проема, и он сам постарался не привлекать внимания. Атмосфера на площадке была прямо-таки заряжена насилием и безумными поступками.

Широкоплечий парень с татуировками помощника дресси-

ровщика ящериц протолкался вперед. Его мясистое лицо напряглось от бессильной досады.

— Да! — закричал он, и Дольмаэро отпрянул.— Воистину, никакого толка. Мы живем в этих конурах, нас заставляют есть какую-то чужеродную баланду. Теперь они заставляют нас поставить эту новую пьесу, но без всяких подобающих правилам жертв и молитв, без какого-либо договора об оплате, без привычного отдыха и развлечений, которые нам, артистам первого класса, полагаются. И почему?

— Скажи нам, Нусквиаль! — из толпы долетели одобрительные крики.

— Потому что мы дали самое лучшее представление, которое когда-либо видели в южных номархиях? Потому что наши судьбы оторвали от почвы Фараона? Потому что мы попали в лапы демонов? Нет! Я этому не верю!

Руиз был заворожен. Нусквиаля явно по ошибке подготовили к профессии дрессировщика. У парня был великолепный дар риторики и красноречия. Фараонцы слушали его, как зачарованные, ждали каждое его слово.

— Нет! — кричал Нусквиаль.— Я скажу, потому что наш Старшина Гильдии, некогда почтенный Дольмаэро, подвел нас. Разве он вступился за нас перед демонами, которые поймали нас в плен? А? Разве он потребовал от них удобств, которые нам по справедливости причитаются? Почему мы просто должны принимать жалкие крохи, которые Дольмаэро считает нашим уделом? Наша сила — в нашем единстве. Вот тот завет, который нам посылают поколения наших соратников по гильдии. Дольмаэро бессилен, если мы не согласимся выступать.

Нусквиаль прыгнул вперед и схватил Дольмаэро за плечо. Старшина Гильдии потрясенно отшатнулся, но здоровенный дрессировщик ящериц держал его крепко.

Лицо Нусквиаля пылало силой и кровожадностью. Двое старших фокусников отпрянули, желая встать подальше от любой неприятности, которая может произойти. Нусквиаль поволок Дольмаэро сквозь круг старшин к западной стене площадки, и Руиз заметил, что кое-кто из старшин встревожился. Но прочие члены труппы, казалось, объединились в своем возмущении против Дольмаэро.

Руиз неохотно последовал. Его естественные склонности и опыт подсказывали ему не ввязываться. Но он чувствовал странную уверенность, что умнее будет вмешаться. В первую очередь, Дольмаэро был умным, предприимчивым человеком, и труппе понадобится как раз такой вожак в предстоящие годы. И, кроме того, Дольмаэро был добр к Руизу. Во-вторых, если труппа убьет ценного члена новой собственности Кореаны, ее ярость тяжким бременем обрушится на труппу. Кое-что из ее чувств непременно попадет и на Руиза, если он не сделает никакого усилия предотвратить катастрофу.

Нусквиаль толкнул Дольмаэро к стенке, отступил назад и подобрал кусок камня. Дольмаэро выпрямился, сохраняя впечатляющее, но совершенно бесполезное достоинство. Все глаза были устремлены на Нусквиаля. Толпа подошла поближе. Нусквиаль занес булыжник высоко, словно трофей. Он не заметил Руиза, который прокладывал себе в толпе дорогу к нему.

— Этим оружием,— объявил Нусквиаль,— мы проложим себе путь к лучшим временам. Этим оружием мы смоем позор с нашей чести так, как велит освященная временем традиция. Этим мы покажем нашим захватчикам, что мы за люди.

Прежде, чем Руиз успел до него добраться, он швырнул камень изо всей силы. Дольмаэро уклонился от удара, но камень скользнул по его бритой голове, и старшина упал на колени, а лицо его залилось кровью.

Прочие тоже наклонились за камнями. Посреди этой суматохи Руиз слегка постучал Нусквиаля по плечу. Нусквиаль повернулся, лицо его было полно хищного возбуждения. Руиз влепил ему два удара наотмашь, по каждому уху, так быстро, что звуки ударов слились. Глаза Нусквиаля потускнели, и он упал, как подрубленное дерево, ничком в грязь, где и остался лежать, подергиваясь.

Во внезапно наступившей тишине Руиз выступил вперед. Он посмотрел вниз на растянувшегося дрессировщика ящериц, потом задумчиво потрогал его ногой. Нусквиаль лежал, как мертвый. Руиз убрал ногу и дал ему хорошего пинка по ребрам. Звук ломающейся кости потряс воздух.

Руиз обернулся к толпе.

— Добрый день,— сказал он приятным голосом. Он медленно обвел взглядом круг побелевших лиц, никто уже не собирался совершать необдуманные поступки. Руиз улыбнулся.

— Одна мудрость, перефразированная из древнего учения с Миров Рождения,— сказал он.— Пусть тот, у кого нет здравого смысла, первым бросит камень.

Стук брошенных на землю камней прозвучал на площади, и толпа испарилась.

Дольмаэро, стоя на коленях, пытался как-нибудь подняться на ноги. Руиз помог ему встать и добраться до затененной части сцены. Там он посадил Дольмаэро на строительные леса, которые поставили художники сцены, и пошел искать чистую тряпку и миску с водой.

Дольмаэро ничего не говорил, пока Руиз вытирал и промывал ему лицо, хотя он поморщился и тихо выругался, когда Руиз стиснул пальцами края раны, чтобы остановить кровотечение.

Когда Руиз закончил, Дольмаэро поднял на него печальные глаза.

— Вот еще раз ты спасаешь простаков от их же глупости.

Руиз, улыбаясь, пожал плечами. Это было не такое замеча-

ние, чтобы на него можно было ответить. Чуть погодя Дольмаэро улыбнулся в ответ.

— Не то,— сказал он,— чтобы я был неблагодарным. Но скажи мне, ради чего ты пошел на такой риск?

— То же самое чувство, которое должно было бы управлять твоим стадом, Дольмаэро. Страх перед гневом и неудовольствием Кореаны.

Дольмаэро кивнул.

— Да. На свой провинциальный лад я все же правильно догадался. Странно, как нечто столь прекрасное может быть столь смертельно опасным. А?

Руиз засмеялся.

— Я бы указал на одну закономерность, хотя, вне сомнения, ты и сам ее уже заметил: многие самые прекрасные вещи смертельно опасны. Например, возьми леди Низу.

— Низа? Я бы считал ее совершенно безвредным существом, которое представляет опасность разве что для самой себя.

— Безвредная? Спроси Фломеля про нее, когда в следующий раз его увидишь. Она вытащила пару швейных ножничек и замечательно старательно проветрила ему кишки.

Брови Дольмаэро взлетели на верхушку его лба.

— Значит, фокусник умер?

— Нет. Коновалы тут неплохие. И быстро работают. Я тебе могу спокойно поручиться, что скоро мы все вместе поедем в какое-то путешествие. Куда, я понятия не имею.

Дольмаэро долго переваривал эти сведения.

— Ты источник странных предсказаний, Вухийя.

— Зови меня Руиз,— сказал Руиз.

— Тогда, значит, Руиз. Это твое настоящее имя? А, ладно. Твои татуировки смылись, как я вижу.

Руиз потер лицо.

— Вот как, значит. Ну ладно, извини меня за оскорбительный вид, если тебе кажется таковым мое голое лицо.

Дольмаэро хлопнул его по спине и широко ухмыльнулся.

— Ты мог бы раскрасить лицо голубым и съесть собственные ноги, но меня ты никак не обидишь. Я, честное слово, у тебя в неоплатном долгу. Кроме того, голое лицо пугает. Мне кажется, что пугать — это часть твоего ремесла. Каким бы оно ни было.

Дольмаэро встал на ноги, пыхтя от усилия.

— Но теперь,— сказал он,— мне придется позаботиться о молодом Нусквиале. Он всегда был горячей головой. Вот почему я сделал его дрессировщиком ящериц, когда он хотел стать фокусником. Есть люди, которые не так хорошо обходятся с властью и силой, как ты.

Он зашагал через площадь, прежде чем Руиз смог его спросить, как ему найти Низу.

Но он весьма легко ее нашел, в ванной, где с ней возились три древние старухи-костюмерши, как понял их ремесло Руиз. Низа стояла на низенькой табуретке, а женщины пытались задрапировать на ней богатый красный бархат. Штуки других роскошных тканей лежали вокруг в беспорядке. Когда вошел Руиз, сперва костюмерши его не заметили, и он смотрел, как они прикалывали материю, отмечали длину и спорили пронзительными голосами. Низа посмотрела на него, и глаза ее глядели тускло и пусто сквозь него, пока она стояла, подняв руки, чтобы костюмерам было удобнее. Лицо застыло.

Прислонившись к бассейну, развалилось Айям, глядя на костюмеров. Руиз злобно посмотрел на существо, но оно нагло улыбнулось в ответ, совершенно не беспокоясь.

Когда костюмеры наконец посмотрели вокруг и заметили в дверях Руиза, они побросали свои ткани, булавки, мелки и мерные ленты и выскочили через заднюю дверь с пронзительными и хриплыми воплями.

Руиз надеялся, что сердце у них сильное, и такое потрясение они переживут. Он совершенно не собирался приводить к новым смертям среди собственности Кореаны.

— Можем мы поговорить? — спросил он.

Она посмотрела на него без видимого интереса и потом заговорила тихим чужим голосом:

— Почему нет? Ты спугнул старых ворон. Кроме того, ты можешь поступать, как тебе заблагорассудится, ты ведь это уже доказал.

Руиз подошел поближе. Низа все еще держала руки на весу, словно забыла, что они — часть ее тела. Руиз увидел, что зрачки ее стали с булавочную головку. В темноте ванной комнаты она, должно быть, вообще ничего не видала. Он почувствовал укол гнева.

— Неужели знахарь уж попользовал тебя своими зельями?

— Да. Так лучше, — на секунду в ее глазах вспыхнула искра далекого юмора. — Но мне кажется, они не будут в таком уж восторге от моего представления на этот раз.

Руиз посмотрел на ее лицо и не увидел там прежней Низы. В ее теперешнем состоянии не было никакого смысла объяснять ей смысл его поступков возле загона. Лучше подождать того времени, когда она сможет его понять, если вообще когда-нибудь такой момент наступит. Кроме того, Айям был существом Кореаны, которое наверняка донесет, с самыми неблагоприятными искажениями, все, что он может сказать Низе. Он повернулся и вышел.

С десяток охранников-Пунгов пришли за ними утром. Их согнали в центр площадки. Руиза, Низу, Айям-дильвермунера, двух фокусников-ассистентов и Дольмаэро.

Кроэль, фокусник, который играл роль Менка, попытался

было сопротивляться Пунгу, который гнал его на площадку. Пунг слегка притронулся к нему нейронным кнутом, и Кроэль упал на землю, завывая и извиваясь. Кроэль был низкорослым, широкогрудым мужчиной с тяжелыми чертами лица и татуировками в древнем, манерном стиле.

Другой маг, Мольнех, веселый, тощий человек, помог Кроэлю встать на ноги и почистил его от пыли.

— Ну-ну,— сказал он,— разве это достойно?

— Достойно! — Кроэль все еще скулил.— Достойно, ты говоришь? А что достойного в этом омерзительном поношении? Когда мы присоединились к труппе, я решил было, что наши мучения окончились.

— Я тоже надеялся,— сказал Мольнех, глядя на Пунга и обнажая свои желтые зубы в угодливой улыбке.

Пунг показал ему нейронный кнут, и двое фокусников присоединились к остальным без дальнейших происшествий.

Вскоре появилась Банесса, войдя в портал. За нею Пунг тащил воистину несчастное существо, гуманоида неопределенного возраста и пола, в последней стадии голодного истощения или какой-то смертельной болезни, безволосое, одетое в неописуемые тряпки. Великанша тащила пригоршню мономолевых арестантских воротников с кодами, и сердце Руиза упало.

— Внимание,— сказала Банесса.— Вы собираетесь отправиться в короткое путешествие. Вы все должны будете надеть воротники охранной системы, без исключений.

— Извини меня, большая особа,— сказал Дольмаэро,— ты можешь нам сказать, куда мы отправляемся?

— Это неважно,— сказал великанша.— Имя или название вам ничего не скажет.

Но Айям захихикало и ответило.

— Я вам могу кое-что сказать. Вы собираетесь забраться глубоко под землю. Вы встретитесь с потрясающими людьми. Когда вы вернетесь обратно, вы будете такими милыми, такими послушными. Генчи...

Баронесса занесла над женомужем здоровенный кулак и сшибла его наземь.

— Заткнись,— сказала она.

Руиз едва заметил происшествие. Колени под ним подогнулись, и он почувствовал душераздирающее напряжение смертной сети в глубинах своего мозга. Страшное напряжение наполнило его, словно сеть была установлена на то, чтобы срабатывать при первом же упоминании генчей. Он смутно вспомнил слова Накера: «...серебряная пуля, нацеленная на какое-то чудовище...»

Он почти потерял сознание от усилия, которым он противостоял сети. Дольмаэ заметил его страдания и взял его за плечо.

— Тебе нехорошо? — спросил Дольмаэро.

«Нет!!! — кричал он сети.— Подожди!!! Еще хотя бы немножечко. Я отправлюсь туда, я узнаю, где они засели».

Словно услышав его, сеть перестала стягивать его в небытие так внезапно, что на долгий миг Руиз, казалось, завис над бездной, глядя в бесконечную тьму. Зрение его помутилось, и он ничего не слышал.

Потом все прекратилось, и он снова стоял на площади.

— Со мной все в порядке,— сказал он, стряхивая руку Дольмаэро.— Ничего особенного.

Но на самом деле все пошло наперекосяк. Теперь он знал, для чего его послали на Фараон. Да, совершенно справедливо, Лига была заинтересована в том, чтобы прекратить деятельность браконьеров. Но Лига была еще более заинтересована в том, чтобы поймать нелегально работающих генчей, которые были гораздо более ценны, чем любые человеческие силы или рабы. Лига прекрасно знала, что следы приведут его на Суук. А как только он достигнет Суука, надеялись они, его пошлют к нелегально практикующим генчам, которые специализировались на том, что превращали любое человеческое существо в органическую машину.

Он должен был умереть, прежде чем такое случилось бы с ним, и за это он был благодарен, но остальные вернутся домой из Анклава генчей существами без душ, без внутренней устремленности, которая свойственна всем разумным существам. До конца своих дней они смогут существовать только для того, чтобы доставить удовольствие своим хозяевам.

Он не мог смотреть своим товарищам по заточению в глаза.

Один за другим все члены группы были закованы в воротники, кроме Айям. Женомуж стоял поодаль от остальных, улыбаясь.

Руиз коснулся скользкого мономоля, который тесно охватывал его шею. Это была не такая уж сложная техника. За это он мог быть благодарен. На воротнике был локальный радар, инъектор, который мог впрыснуть успокоительное, и отрывающее голову взрывчатое вещество. Имея немного времени и несложные инструменты, он мог бы вполне снять его. Он подпитывал себя надеждой, словно она была каким-то слабеньким костерком. Постепенно часть его внутреннего равновесия вернулась к нему.

Банесса несла контрольную консоль, которая висела на желтой ленте между ее огромных грудей. Руиз удивился, как ее толстые пальцы могут работать с крохотными кнопками консоли. Ответ он получил, когда она включила и запрограммировала воротники. Она махнула кистью руки, и из кончиков пальцев появились тонкие металлические когти. Ими великанша

ловко нажимала кнопки, и Руиз почувствовал вибрацию, когда воротник включился.

Мертвые маленькие глазки Банессы уставились на них. Она обвела взглядом их всех по очереди.

— Показываю,— сказала она.— Вы должны запомнить этот урок.

Она откинула назад голову существа рукоятью своего нейронного кнута. Вокруг шеи существа был такой же воротник, как и на них. Глаза существа закатились, и оно упало, когда Банесса отняла кнут от его шеи.

— Сперва,— сказала она,— воротник скажет мне, где вы находитесь, и, как бы далеко вы ни убежали, мы вас найдем. Во-вторых, если мы не хотим тратить на это силы, мы сделаем так.

Она показала Пунгу жестом, и он оттолкнул существо прочь. Несчастный споткнулся и отполз на полдюжины шагов в сторону. Тут Банесса щелкнула когтем по панели управления.

Они услышали небольшой взрыв, словно топор ударил по крепкому дереву. Голова раба отскочила прочь, тело упало, голова покатилась по земле, и немного крови пролилось в песок.

— Запомните это,— сказала Банесса, снова повесив консоль между грудей.

Она убрала когти, потом сделала знак охранникам-Пунгам.

— Пошли в воздушную лодку.

Все зашагали как можно быстрей.

Глава двадцать пятая

Лодка была стандартным кораблем низкого полета и низкой скорости, согласно тем законам, которые управляли движением на поверхности Суука. Тяжелая мономолевая броня покрывала ее приземистое тело, а на панели управления было специальное устройство, которое давало возможность взорвать панель в случае нападения посторонних.

Они взошли на борт, Айям показывало дорогу, Банесса замыкала шествие. Великанша проследила, чтобы пленников приковали к низким металлическим скамьям по обеим сторонам тесного трюма без окошек. Женомуж проделывал эту работу с наслаждением. Айям, кажется, получало особое наслаждение от того, что затягивало как можно сильнее ремни, которые привязывали Руиза. Его сильные руки вздувались мускулами, и оно улыбалось своей отвратительной дильвермунской ухмылкой. Банесса осмотрела, как был привязан Руиз, и велела женомужу слегка расслабить ремни.

— Твоя хозяйка очень ценит вот этого,— сказала великанша своим странным жужжащим голосом.— Только посмей причинить ему вред, и она с тебя самого сдерет твою драгоценную шкуру.

Айям насупилось.

— Никогда невозможно понять пристрастия нашей Леди. Хотя, разумеется, где мне пытаться понять высокородную Кореану.

— Вот именно, помни это,— великанша потопала дальше и не нашла к чему придраться в отношении прочих пленников.

Руиз сидел на одной стороне с Дольмаэро, а два фокусника сидели напротив. Мольнех был ближе всего к Руизу, а скулящий Кроэль на дальнем конце. Низа была привязана по другую сторону прохода, глаза ее все еще тупо смотрели от всяких снадобий, каким ее накачали знахари. Он пытался чуть улыбнуться ей, но она уставилась на него без следа каких-либо заметных чувств.

Они ждали. Теплый влажный воздух Суука заполнил трюм, и заключенные томились в жаре. Айям уселось возле Низы и слегка развлекалось тем, что смотрело ей в одурманенное лицо. Женомуж стал гладить ее там, где рубаха чуть вздернулась над коленями, поглаживая колено девушки пальцами. Руиз яростно смотрел на происходящее. Айям посмотрело на него, злорадно улыбнулось, и пальцы его скользнули выше. Низа не обращала никакого внимания. Руиз отвернулся, и в конце концов Айям устало от своей игры и пошло к панели управления лодкой. До Руиза доносились голоса, и ему показалось, что он услышал искусственный голос киборга Мармо, который, казалось, был чем-то недоволен.

Топот ног по грузовому трапу сказал, что появились носилки, на которых прибыл Фломель. Айям рванулось вперед, чтобы подхватить носилки с летательного пузыря, который подталкивал охранник-Пунг, и женомуж привязал носилки к пустой скамье возле Низы. Фломель выглядел гораздо лучше, хотя медицинская прилипала все еще шнуровала его брюхо. Он выгнул шею и сообразил, что возле него сидит Низа.

— Помогите!— заорал он замечательно бодрым голосом.— Это она! Уберите ее! Она хочет меня убить!

Айям рассмеялось и похлопало его по щеке.

— Не беспокойся, о благородный сэр, ее когти острижены. Моя низкородная персона проследит за твой безопасностью.

Айям пристегнуло контрольный воротник-ошейник на тощую шею фокусника.

— Вот тебе ценный амулет. Нет-нет, не благодари меня.

Когда женомуж снова ушел вперед, заговорил Дольмаэро.

— Рад видеть тебя снова в таком бодром расположении духа, Мастер Фломель!

Фломель повернул голову, чтобы посмотреть, кто сидит на противоположной скамье.

— Это чудо, старшина. Ничто не сравнить с кошмарным ощущением, когда твои внутренности проскальзывают сквозь твои же пальцы... это заставляет по-новому ценить жизнь.

Хотя я не рекомендовал бы это как обычное лекарство для повышения жизненных сил. А она не опасна?—Фломель кивком головы показал на Низу.

— По-моему, нет. Знахарь хорошо над ней потрудился. Она будет достаточно спокойна.

— Хорошо, хорошо. Ты что-нибудь знаешь про то, куда нас везут, старшина?

— Женомуж кое-что сказал нам, но мы-то все надеялись, что леди Кореана доверяет тебе полностью и сказала тебе, куда мы направляемся.

Фломель выглядел смущенным.

— Видимо, леди очень сильно занята. Иначе, я уверен, она бы подробно мне все рассказала. Но по замечаниям моих сиделок я понял, что мы направляемся, чтобы получить какое-то новое обучение или подготовку для того, чтобы лучше приспособиться к жизни на пангалактических мирах.

Он шмыгнул носом.

— Хотя я не понимаю, зачем вместе с нами посылают этого безродного. Еще одна загадка, да?

Фломель глядел на Руиза блестящими глазами.

Дольмаэро наклонился вперед.

— Пангалактические миры? Что это такое, если можешь, объясни.

Возбуждение появилось на лице Фломеля. Огоньки миноторов на его прилипале засветились янтарным светом. С маленьким шипеньем прилипала ввела Фломелю снотворное, и по лицу его разлилось блаженство.

— Теперь мне надо отдохнуть, старшина. Мы поговорим потом.

Глаза Фломеля закрылись, и вскоре он начал храпеть.

Если не считать шумных вдохов-выдохов спящего фокусника, в трюме снова воцарилась тишина.

Когда моторы лодки разогрелись, наполнив трюм металлическим визгом, фараонцы беспокойно зашевелились в своих оковах.

— Что это за звук, Руиз? Похоже на то, словно тысяча дровосеков разом натачивают топоры,—голос Дольмаэро срывался от напряжения.

— Это моторы—не о чем беспокоиться.

Мольнех повернулся к Руизу со взволнованным интересом.

— Как же так получается,—спросил он,—что ты столько знаешь? Пойми, я не хочу тебя ничем обидеть.

Руиз пожал плечами, но ответил Дольмаэро.

— Может быть, он с одного из этих «пангалактических миров». Ты же видишь, он не фараонец.

Дольмаэро кивнул на нетатуированное лицо Руиза.

— Да?—Мольнех улыбнулся.—Может быть, ты будешь так добр, что скажешь нам, какая судьба нас ждет?

Фокусник коснулся своего воротника-ошейника костлявым пальцем.

— Разумеется, я знаю, что это ошейник раба.

Прежде чем Руиз смог ответить, в трюм вошла Кореана, а за ней Мармо.

— Все на местах? — казалось, Кореана была чем-то мысленно занята.

— Да. В последний раз я спрашиваю тебя, разумно ли это? Подожди две недели, и сюда приедет коллектор из анклава. Надо ли брать на себя стоимость перевозки, вопросы безопасности, если это можно было бы отдать под их ответственность, а не под нашу? — Мармо сделал жест своим протезом, в котором теперь красовался нейронный кнут.

— В последний раз я скажу тебе, зачем это надо. Мы не можем начать репетиции, пока их не обработают. Время поджимает. И ты сам знаешь, в этом потоке у нас есть и еще одно опасное существо.

Она улыбнулась Руизу почти любящей улыбкой.

— Делай свое дело, Мармо, и все будет хорошо.

— Как скажешь.

Кореана погладила Руиза по плечу.

— Будь умничкой,— сказала она ему, наклонившись пониже. Потом она легко поцеловала его в щеку.

К Низе она повернулась нахмурившись. Она внимательно изучала замороченное наркотиками лицо Низы. Потом похлопала ее по голове хозяйским жестом.

— Вот мы позабавимся, когда вы вернетесь обратно!

Тон ее был бодрый. Она бросила на трюм последний взгляд и вышла.

Мормо уставился своими искусственными глазами на Руиза.

— Да уж, будь умничкой,— сказал киборг.— Я буду счастлив любому поводу покончить с тобой.

Он развернулся и полетел вперед.

Лодка оторвалась от земли, спотыкаясь и покачиваясь. Потом она медленно набрала скорость, пока не стала кружить над казармами на высоте ста метров. Фараонцы побледнели.

— Не беспокойтесь,— успокаивал их Руиз.— Это безопасный способ путешествия.

— Ну, если ты так говоришь, Руиз,— голос Дольмаэро слегка дрожал.

Кроэль заскулил. Мольнех привалился тощим плечом к своему коллеге-фокуснику, чтобы как-то успокоить его.

— Ну-ну, Кроэль. Парень из чужого мира говорит, что мы выживем. Это для меня вполне достаточно.

Мольнех лихо подмигнул Руизу. Руиз улыбнулся ему в ответ, удивленный выносливостью Мольнеха в таких чужестранных обстоятельствах. Он чувствовал, что в нем просыпается

теплое чувство к похожему на скелет фокуснику. Мольнех казался самым лучшим и храбрым среди волшебников, невзирая на кажущуюся хрупкость. Руиз поразился, как трусливый Кроэль смог так хорошо сыграть бога рабства.

Моторы визжали, они летели над багряными джунглями, и так проходили часы. Руиз впал в дремоту, голова его склонилась на грудь.

Он проснулся, когда почувствовал удар от приземления. Руиз настороженно оглянулся вокруг.

— Ты быстро просыпаешься,— заметил Дольмаэро.

Низа смотрела на него огромными глазами. Только остатки наркотического дурмана теперь читались на ее лице.

— Ты тоже пленник,— сказала она.

Руиз улыбнулся и пожал плечами. Она не улыбнулась ему, а миг спустя отвернулась вовсе.

Банесса спустилась в трюм, а за ней шел Айям.

— Обед,— объявила великанша.

Дильвермунский женомуж развязал их узы, постаравшись как можно больнее ущипнуть Руиза, пока снимал с него ремни. Банесса бесстрастно наблюдала. Ее когтистые пальцы нависли над консолью управления ошейников-воротников.

Они оставили Фломеля спать в носилках, но остальные сошли по трапу на травянистую полянку.

Солнце Суука ярко светило на перистую розовую траву, отбрасывало голубоватые отблески от окружающих их джунглей. За изогнутыми силуэтами деревьев притаилась шумная темнота. Чужие запахи щекотали нос Руиза.

Фараонцы, подавленные этими странностями, собрались кучкой возле грузового трапа лодки. Банесса показала на консоль воротников.

— Помните про урок. И еще про взрывчатое устройство у нас на борту. Оно убьет любого, кто перейдет установленную черту возле лодки. Кроме того, тут и бежать некуда.

Она посмотрела на джунгли, и даже на ее огромной морде появилось выражение страха.

Наконец Айям распределило между ними самоподогревающиеся пакеты корабельного рациона. Руиз показал фараонцам, как дернуть за полоску активатора, и они удивились этому чуду.

Руиз слопал свою порцию без остатка, хотя это была безвкусная аморфная масса, и посоветовал окружающим сделать то же самое.

— Ешьте, пока есть возможность, спите, пока есть возможность,— сказал он с улыбкой.— Это и есть секрет успешного путешествия.

Только Кроэль отказался от своей порции, и Руиз поделил ее с Мольнехом. Костлявый фокусник ел с огромным аппетитом, невзирая на свою худобу.

— Я и похуже едал,— сказал Мольнех, облизывая свои широкие губы, когда он выскреб последние крохи из упаковки.

Руиз коснулся плеча Низы.

— Тебе надо размять ноги,— сказал он.— Может скоро такого случая не представится.

— Да,— сказала она, и они пошли рядом в тени лодки, не касаясь друг друга.

— Скажи мне,— сказала она наконец,— скажи мне, почему? Это из-за тех металлических шершней? Банесса послала их, чтобы они привели меня обратно?

— Одного из них. Другой предназначался мне. Укол был бы страшен, ты ничего подобного никогда в жизни не знала.

Он обнял ее одной рукой за талию.

— У тебя не было шансов, Низа. Хотя попытка была неплоха.

Она отодвинулась от его прикосновения.

Дильвермунский женомуж увидел их и нахмурился. Потом заговорил с великаншей.

— Время грузиться обратно,— сказала Банесса.

Прежде чем их снова привязали, Банесса позволила им по очереди воспользоваться химическим туалетом лодки.

Лодка летела дальше. Руиз время от времени слегка дремал. Остальные потихоньку расслаблялись и тоже засыпали, кроме Кроэля, который сидел, скорчившись от страха, вращая выпученными глазами.

На следующей стоянке лодка села на высокую траву холмов, и пленники, спотыкаясь, вышли из трюма. Воздух был прохладнее, и легкий ветерок шевелил траву. Солнце быстро садилось за стену острых пиков далеко за широкими степями. На горизонте никого не было, кроме стада пасущихся животных, крохотных на этом расстоянии.

Банесса прислонилась своей огромной тушей к трапу и смотрела, как женомуж выполняет ее распоряжения. С верхней части трапа Мармо просматривал окрестности, пристроив на своем протезе шиповое ружье. Айям вытащило из лодки груду буйков-сенсоров и стало расставлять их через каждые несколько метров, отмечая границу стометрового круга с центром в лодке. Женомуж явно нервничал и вернулся в лодке с каплями пота на физиономии. Пот выступил явно от страха. Руиз сообразил, что в длинной траве водились хищники, хотя трудно было представить себе хищника, который избежал бы прицельного выстрела взрывного устройства лодки, которое пристрелило бы всякое существо, осмелившееся нарушить в любую сторону установленную границу. Возможно, Мармо просто перестраховывался.

Корпус лодки испускал охранительный свет. Он освещал

круглое пространство возле лодки, и по краям пространства Айям воткнуло в землю несколько самозакапывающихся проводов. Провода шумно извивались в траве, потом, как огромные черви, пустили корни в землю.

По одному Айям прикрепило воротники пленников к поводкам-кабелям. Руиз удостоился этой чести последним. Когда Айям прикрепляло провод к ошейнику Руиза, оно прошептало: «Сегодня самая глухая вахта — моя. Приду к тебе с визитом в палатку. Будь готов. Или, может быть, сперва проведаю женщину. Я ее помещу в палатку с тобой рядом. Можешь лежать, слушать и предвкушать».

Женомуж усмехнулся и болезненно ущипнул Руиза за щеку.

Пальцы Руиза болели — так им хотелось сомкнуться вокруг глотки женомужа. Великанша стояла и наблюдала, пальцы ее скрючились над контрольной консолью. Он не верил, что она сразу включит кнопку, которая активирует взрывчатку, если он станет душить женомужа, но ему наверняка вкатят успокоительное, тем самым будут потеряны любые возможности, которые еще могут представиться.

Айям раздало ужин, который никак не отличался от обеда. Пока пленники ели, Айям достало надувные палатки из трюма лодки и поставило по одной возле каждого кабеля. Они раздулись, словно огромные белые колбасы, потом оба, Банесса и Айям, ушли в лодку. Мармо остался, его металлическое лицо медленно поворачивалось, пока он разглядывал травянистые степи.

Низа, казалось, вся погрузилась в думы, ковыряясь в еде. Она ушла в свою палатку без слова, хотя она быстро улыбнулась Руизу.

Дольмаэро присел в траве на корточки, доедая свой ужин, с каждым кусом делая брезгливую гримасу.

— Я полагаюсь на твои утверждения, что эта штука съедобна, друг Ав. Иначе я боялся бы, что меня отравят.

— Я ничего не гарантирую.

Дольмаэро рассмеялся.

— Ты осторожный человек. Скажи мне, почему мы остановились? Неужели летающее яйцо питается для полета энергией от солнца? Или страшные звери по ночам летают по небу?

— Это из-за Шардов,— ответил Руиз.— Они не разрешают никакого движения над землей в той части планеты, где ночь. Никаких ночных полетов.

— Шарды? Кто они такие?

Руиз сообразил, что говорил с ними без своей обычной осторожности. Но... Может быть, Дольмаэро полезно и даже интересно будет услышать описание Суука. Может, пригодится, если им удастся удрать от Кореаны до того, как генчи поработают над ними.

— Дольмаэро, ты знаешь про Акасту в городе царя?

Дольмаэро доел последний кусок своего ужина.

— О да. Такой квартал, где можно найти все, что душа пожелает, были бы деньги.

— Да. Так вот эта планета, которая называется Суук, это Акаста внешних миров.

— Суук... звучит как-то очень противно.

Руиз оглянулся. Никто больше не обращал на них внимания.

— Суук — это планета рабов и работорговцев, мир, где рождаются бандиты, мир, куда они сползаются умирать.

— Вот как? Значит, леди Кореана — бандит? Работорговля не разрешена во внешних мирах?

— О, бандит-то она бандит, это точно. Но рабство легально на большей части пангалактических миров. Она занимается кое-чем еще — она крадет рабов, которые ей не принадлежат.

— А кому они тогда принадлежат, кому принадлежали мы?

Руиз постарался скрыть неприятное чувство, которое вызвал в нем этот вопрос. Он снова недооценил Дольмаэро.

— Не знаю,— сказал он.

Дольмаэро подумал над этим, глаза его были ясными и непроницаемыми.

— А эти Шарды — это кто?

Руиз взглянул на небо, где блеск орбитальных платформ затмевал звезды.

— Суук принадлежит Шардам. Они правят здесь, тут действует их закон. Они не разрешают большим кораблям, крупным флотилиям или большим скоплениям маленьких кораблей приземляться на Сууке. Они не разрешают здесь никакого скоростного транспорта, никакого сильного оружия, никаких крупных городов. Они наблюдают за порядком вон оттуда, Дольмаэро.

Рукой Руиз показал на скопления орбитальных платформ в небе.

— А в остальном им наплевать, что здесь происходит, пока им платят налоги.

Дольмаэро уставился наверх, разинув рот от удивления.

— Какие они? Такие, как ты, Руиз?

Руиз смущенно рассмеялся.

— Нет. Они даже не похожи на людей. Гораздо страннее, чем Пунги. Представь себе речную ящерицу с дюжиной рук, а на каждой руке, на ладони, шепчущие рты с отравленными ядовитыми клыками.

Дольмаэро передернуло.

— Они когда-нибудь спускаются вниз?

— Никогда. Но на платформе есть страшное оружие. Они могут с помощью этого оружия дотянуться сюда и превратить меня в клуб дыма, совершенно не задев при этом тебя.

— Откуда они появились? Почему они разрешают преступникам пользоваться своей планетой?

— Никто этого не знает. Я слышал много догадок... Может быть, они очень старая раса воителей, уставшая от побед и завоеваний, но все еще пытающаяся поддержать свой прежний образ жизни. Они собирают плату за въезд с посетителей планеты и с туристов, весьма прибыльное дело. Может быть, они думают, что управляют каким-нибудь заповедником. Может, они просто считают наши выходки забавными и развлекательными для себя.

Несколько минут они сидели молча. Наконец Дольмаэро сказал:

— И они наблюдают? Они могут сейчас нас увидеть?

— Могут. Но смотрят ли они на нас в данный момент... этого я знать не могу.

Дольмаэро посмотрел на него расширенными от удивления глазами.

— По-моему, лучше мне сейчас пойти спать.

Старшина Гильдии заполз в свою палатку.

Руиз увидел, что он остался единственным из пленников, который еще не ушел в укрытие. Он вздохнул и пошел спать.

Проснулся он в ужасе, пропитанный холодным потом. Прошло несколько секунд, прежде чем он вспомнил, где он.

Он прерывисто дышал, и сердце его колотилось, словно он долго бежал.

Когда он успокоился, он услышал слабые царапанья и шорохи, звуки, которые резко отличались от спокойного фона ночных звуков Суука.

Руиз осторожно высунул голову из палатки. По положению звезд он решил, что время уже миновало полночь. Он прислушался. Звук раздался снова, из палатки Низы. Он изогнул шею, чтобы посмотреть на лодку. Никто не стоял на вахте на трапе лодки.

Адреналин выстрелил ему в кровь. Он выполз из палатки и стряхнул последние остатки сна. Наблюдал ли за ними киборг через мониторы панели управления лодки? Если нет, то у него мог быть шанс.

Он не мог дотянуться до угла палатки Низы. Поводок, к которому он был привязан, был слишком короток. Звуки, которые доносились из палатки, приобрели стучащий, сексуальный ритм. Руиз повернулся спиной и зацепил угол палатки каблуком. Нога запуталась в шнуре, и Руиз изо всех сил дернул.

Палатка подвинулась к нему. Руиз дернул снова, и когда злобная физиономия женомужа показалась из палатки, Руиз поймал его глотку в обе руки.

— Тихо, Низа, ни единого звука,— прошептал он настойчиво. Айям обвисло в мощных руках Руиза, но тот продолжал крушить его гортань под нажимом больших пальцев. Жено-

муж лягался и брыкался, пытался царапать лицо Руиза, но ослабел. Когда он умер, дрожа всем телом, на живот Руиза брызнула струя семени.

С дрожью омерзения Руиз отбросил труп прочь.

— Низа,— прошептал он,— с тобой все в порядке?

Из палатки донесся сдавленный всхлип.

— Низа! Дай мне его вещи! Быстро!

Он услышал, как она зашевелилась, секунду спустя блуза и брюки женомужа вылетели из палатки, а за ними последовало парализующее ружье, которое он носил, когда был на часах.

Руиз нетерпеливо обыскал карманы, бросая время от времени взгляды на лодку. Она оставалась такой же темной и тихой. Он стал надеяться, что остальные спали или потеряли бдительность.

В последнем кармане он нашел ключ, который отпирал его поводок. Он затолкал труп женомужа в свою собственную палатку, потом забрался в палатку Низы.

В темноте он еле-еле мог видеть ее, скорчившуюся у дальней стены. Глаза ее таращились в темноту.

— Оно мертво?— спросила она.

— Да. слушай меня внимательно. Я попробую попытаться захватить лодку. Я отстегну твой поводок. Ключа от ошейника-воротника у меня нет. Если мне удастся сделать то, что я задумал, все будет хорошо.

Он открыл замок поводка и бросил ключ ей на колени, потом нежно похлопал ее по ноге.

— Если я не вернусь через полчаса или около того или если ты услышишь возню в лодке... ты, может быть, захочешь побежать к периметру изенсоров. Попадание из взрывного устройства несет мгновенную и безболезненную смерть. Никакой боли. Понятно?

Она кивнула.

Он повернулся, чтобы уйти. Она протянула руку и на секунду задержала его руку в своей.

У подножия трапа Руиз на секунду задержался и прислушался. Ничего. Он взобрался по трапу, виляя бедрами, как Айям, на случай, если у лодки было специальное оборудование, чтобы различать людей по моторике. На верхней площадке трапа шлюз был открыт и темнел.

Он прислонился к холодному металлу, крепко перехватил парализующее ружье и нырнул внутрь. Трюм был пуст, если не считать маленькой красной лампочки, которая горела над входом. Он быстро прошел до конца трюма в отсек команды к контрольной рубке. Руиз увидел, что в командную рубку ведет лестница. Руиз аккуратно взобрался по ней и осторожно поднял глаза над уровнем пола.

Он не увидел никаких признаков присутствия киборга или

великанши, но из прохода, ведущего на корму, лился свет. Именно там находились каюты команды. Он не увидел никаких камер слежения, никаких устройств для обнаружения посторонних.

Он почувствовал, что удача на его стороне.

Руиз раздумывал. В первую очередь ему нужна была Банесса. Ее консоль управления ошейниками представляла самую большую опасность. Где она? Если она была вместе с Мармо, ситуация была безнадежна. Похожи они были на закадычных друзей? Пожалуй, нет.

Руиз решил, что Мармо предпочтет общество бортового компьютера, там, в контрольной рубке. Банесса может быть в каюте. Он пошел по коридору, откуда шел свет.

Каюта Банессы была самой последней и единственной незапертой. Дверь была слегка приоткрыта, поэтому Руиз осторожно приложил глаз к щелке.

Великанша лежала голая на койке на спине, ее гигантские ступни были обращены к Руизу. Массивные формы ее брюха и груди не давали ему возможности увидеть ее лицо, но он ясно мог различить рогатый шлем сенсопередатчика у нее на голове. Спала она или нет? Смогла ли она настолько погрузиться в свое сенсорное удовольствие, чтобы не прореагировать, когда он рванется в каюту? Была ли она снабжена подкожным изолирующим полем, которое предохранило бы ее от влияния парализующего ружья? «Весьма вероятная ситуация»,— решил он. Подкожные изолирующие поля были стандартным приспособлением против восстаний рабов.

Он заметил землистый пряный запах в каюте. Великанша застонала, задвигала бедрами верх-вниз, потом раскинула колени. Руиз подавил безумное желание хихикнуть. Он поиграл парализующим ружьем. Ему явилась мысль, противная мысль, но, вполне возможно, единственная, которая могла его спасти. Руиз пожал плечами. Банесса была надсмотрщицей рабов и убийцей. Он подумал. Сейчас не время для рыцарства. Он положил большой палец на курок парализующего ружья и взвел его до упора.

Руиз рывком распахнул дверь, бросился вперед, вогнал дуло парализующего ружья между ног Банессы, где, как он искренне надеялся, она не была защищена изолирующей сетью поля. Он отшатнулся от нее, но она была беспомощна, она вся тряслась, пятки колотили по койке. У нее оставалось достаточно сил, чтобы выпустить свои когти, махать руками вверх-вниз, но глаза ее слепо смотрели, и рот открылся для вопля, на который у нее уже не хватило дыхания.

Руиз отскочил в сторону от ее когтей, закатился за ее койку, нашел там ленту, на которой висела консоль управления ошейниками. Он скрестил запястья, обвил ленту вокруг кулаков

и изо всех сил затянул ее на шее великанши. Он поблагодарил небо за то, что лента оказалась крепче, чем выглядела.

Проходили минуты, а великанша все еще подергивалась. Когда она затихла, Руиз медленно встал, растирая онемевшие руки.

Руиз был страшно рад, что ему не пришлось вести с великаншей честный поединок. Он почувствовал себя воистину весьма удачливым.

Он взял консоль управления, скрутил ленту в двойную петлю и повесил ее себе на шею. Потом он обыскал каюту. Он нашел множество странных вещей: стенной шкафчик, полный смехотворно крохотного белья, коробку, полную сенсорной порнографии самого развратного сорта, огромную банку, полную отрезанных человеческих пенисов, которые плавали в консерванте голубоватого цвета, множество ящиков с устаревшим и просто древним оружием. Но нигде он не мог найти ключа от ошейников, воротников.

У Мармо должен быть ключ, надеялся он. Он отказывался верить, что Кореана оставила ключ у себя, чтобы потом послать его со специальным посыльным, хотя в этом был бы свой смысл. Он отказывался даже думать о такой возможности, потому что у Кореаны там, в казармах, должен был быть более мощный передатчик, настроенный на воротники. Она наверняка сама взорвет их, если лодка не сможет достичь своего предназначенного порта.

Он покопался в оружии Банессы. Он вытащил тонкий пружинный кинжал, заткнул его за голенище. Он нашел прекрасно сделанные боло, их шары, призванные своей тяжестью захлестывать веревку на шее жертвы, были выполнены в виде черепов. Он продел их в петлю на поясе. Он нашел старый осколочный автомат с желтым прикладом из слоновой кости и севшей батарейкой. Он неохотно отложил его в сторону. В последнем ящике он нашел ржавое старинное оружие, пистолет-автомат с химическими зарядами, револьвер голубой стали, который стрелял невзрывающимися пулями. Он щелкнул обоймой: чудо, но в ней были патроны, медные, позеленевшие от старости. Он аккуратно проверил каждый патрон, отбросил тот, у которого явно проржавела гильза. Может быть, один или два из них все еще удастся выстрелить.

В конце концов, преодолевая свое омерзение, он вытащил обратно парализующее ружье, но оно совершенно очевидно перегорело.

Он осторожно выбрался обратно в коридор. Его борьба с великаншей вроде бы как прошла незамеченной. Он проверил остальные каюты, нашел их по-прежнему запертыми. Ему придется удовлетвориться тем оружием, которое он пока что нашел.

Руиз двигался так бесшумно, как только был в силах, урав-

новешивая осторожность и скорость. Он вспомнил совет, который он дал Низе, и почувствовал укол тревоги за нее. Сколько времени прошло? Он встряхнулся, оттолкнул прочь эти мысли, сосредоточился на непосредственной задаче.

Коридор вел его вперед, в носовой кубрик. Как раз перед входом в салон была лестница, которая вела в рубку управления. Тут Руиз на миг остановился и собрался с силами.

Потом он медленно поднялся по лестнице и заглянул в рубку. Киборг стоял возле иллюминатора из армированного стекла, неподвижный, и молча глядел на темные степи. Свет на потолке был выключен. Десятки зеленых и янтарных контрольных огоньков горели на главной панели управления, бросая подрагивающие отсветы на полированный металлический череп Мармо. На киборге не видно было никакого оружия, хотя его правый манипулятор не был виден Руизу.

Руиз глубоко и медленно вздохнул, на миг закрыл глаза. Он перехватил древний револьвер в другую руку, а потом вытащил из-за пояса боло.

Глава двадцать шестая

Руиз поднялся в рубку управления, раскручивая на ходу боло. Мармо резко обернулся, и, к ужасу Руиза, в руках киборга оказалось осколочное ружье. Руиз выпустил боло.

Казалось, боло пролетело через разделяющее их пространство, словно ленивая птица в замедленном сне. Его вращающиеся шары-черепа отбрасывали теплые отблески. Ружье неумолимо поднималось на уровень груди Руиза. Руиз бросился в сторону и вниз. Пол был немыслимо далеко внизу. Падая, он прицелился в Мармо из старинного револьвера, но первый его выстрел обернулся бессильным щелчком.

Осколочное ружье выстрелило с мягким прерывистым кашлем как раз в тот момент, когда боло ударили в киборга. Осколки пролетели дождем как раз по тому месту, где только что стоял Руиз, потом рикошетом отлетели от обшивки каюты, один из осколков вонзился Руизу в спину.

Цепи боло крепко сомкнулись, прижав ружье к телу киборга на секунду в совершенно бессмысленном для стрельбы положении.

Руиз охнул и снова нажал курок. Револьвер грохнул, в замкнутом пространстве раздался ушераздирающий грохот, и пуля отбросила киборга к иллюминатору. Мармо отлетел от армированного стекла, видимо, неповрежденный, но он выпустил из руки осколочное ружье. Киборг пролетел вперед, раздирая цепи боло, но Руиз оказался скорее. Он одним прыжком преодолел расстояние до ружья, схватил его и навалился на

спину киборгу. Он прижал дуло к мягкой полоске плоти под подбородком киборга.

— Тихо,— сказал Руиз,— или я проделаю в тебе дырку. Ты мой, жестянка.

Мармо повернул голову и посмотрел в глаза Руизу.

— Это я понимаю. Поосторожнее, пожалуйста, я гораздо более хрупок, чем кажусь.

Руиз стянул концы цепей боло покрепче, завязал концы узлом. Из сапога он выловил кинжал, вонзил его в плечо Мармо и резал до тех пор, пока не отрезал гидравлические механизмы, которые управляли металлической рукой Мармо.

— Разве это уж так необходимо?— казалось, Мармо просто любопытствует.

Руиз ему не ответил.

Стальные пустые глаза Мармо уставились куда-то через плечо Руиза. Волна беспокойства затопила Руиза, и он крутнулся, чтобы выглянуть в иллюминатор. Маленькая белая фигурка бежала к сенсорным буйкам, расставленным возле лодки.

— Низа,— прошептал Руиз.

Он схватился за консоль управления воротниками. На ней рядами были расположены красные и желтые кнопки. Цветные коды отмечали каждый воротник, поэтому он легко отыскал кнопки, которые относились к воротнику Низы, но у него не было никакой возможности узнать, какие кнопки могли взорвать воротник, а какие впрыскивали парализующее средство. Низа уже почти добежала до периметра, и над головой Руиз услышал визг орудийного лафета — взрывное устройство лодки просыпалось. Руиз дикими глазами оглядел рубку. Он не мог найти на панели управления кнопки, которые относились к оружию. Да если бы он смог их найти, времени перенастроить оружие у Руиза не было.

Руиз сунул Мармо под нос консоль управления воротниками.

— Которые убивают, желтые или красные?— требовательно спросил он.

— Желтая,— ответил Мармо, заметно поколебавшись.

Пальцы Руиза задрожали над консолью. Потом он нажал желтую кнопку. Только на секунду он закрыл глаза и обессиленно привалился к стеклу иллюминатора. Он не услышал никакого взрыва, и когда он открыл глаза, то увидел Низу, лежащую на траве в шаге от невидимой смертельной черты периметра. Он повернулся как раз вовремя, чтобы уклониться от бросившегося на него киборга. Мармо ударился о стекло с силой, которой было вполне достаточно, чтобы расплющить Руиза. Сила удара на миг помутила сознание киборга. Руиз прыгнул на него, зажал согнутую в локте руку на шее Мармо, потом уперся ногой в основание летательного пузыря киборга. Руиз

пнул его как следует, и киборг медленно перевалился на бок и упал с грохотом.

Мармо заговорил тоном мягкого упрека.

— Это очень неприятная ситуация. Я не могу сам подняться из этого положения.

— Ты мне солгал. Мне бы надо тебе башку свернуть,— сказал Руиз.— Но я маленько повременю. Кто знает, может, я даже оставлю тебя в живых, если ты найдешь способ оказаться мне полезным.

Мармо вздохнул.

— Смею надеяться, смогу.

— Давай начнем вот с чего. Где ключи к нашим ошейникам?

— Боюсь, что единственный экземпляр у Кореаны.

Руиз встал на колени возле киборга и улыбнулся. Он поднял свой кинжал и стал методично разрезать плотную ткань, которая соединяла голову и торс Мармо.

— Фу, как варварски. Надо воспользоваться ружьем. Это настолько эффективнее...— искусственные глаза Мармо закатились.

Руиз засмеялся и нажал посильнее. Кончик стилета скользнул между соединениями, и показалась капля яркой крови. Киборг задергался и попытался извернуться в сторону.

— Подожди!— сказал Мармо.— Я вдруг вспомнил, что запасной ключ заперт под главной консолью управления.

Руиз захлопнул пружинный нож. Потом подошел к панели управления и заглянул под нее. Он увидел, что среди переплетения проводов был пристроен маленький черный ящичек. На нем поблескивал красный огонек возле крохотной клавишной панельки.

— Ну и как, можно поверить, что ты назовешь мне код?— спросил Руиз.

— Да, задача,— мягко ответил Мармо.— Дай подумать.

Руиз выглянул в иллюминатор. Низа все еще лежала возле периметра. Он почувствовал внезапный приступ беспокойства.

— Думай быстрее,— предупредил он киборга, потом снова открыл свой пружинный нож.

— Спокойно, спокойно, я вспомнил. Перевали меня к этому ящику, и я его открою. если он заминирован, то на меня придется основная сила удара.

Руиз уперся ногой и перевалил киборга. Три поворота — и киборг лежал на боку возле панели управления.

— Тебе придется отпустить мою руку из-под цепей,— сказал Мармо.

— Минуточку,— с помощью кончика ножа Руиз аккуратно отделил панель на груди Мармо. Внутри была главная батарея питания киборга. Руиз как следует схватился за нее.

— Что ты делаешь? — в голосе киборга появились нервные нотки.

— Я тоже не тугодум, — ответил Руиз.

Мармо вздохнул, показалось даже, что он как-то обмяк. Руиз освободил человеческую руку Мармо из-под цепей боло. Киборг протянул руку и постучал по ящичку-сейфу. Из него выпал ключ — полоска мнемонического пластика.

Руиз подхватил его.

— Спасибо, — сказал он вежливо и выдернул батарею питания киборга.

Мармо обмяк и затих. Руиз выбежал из контрольной рубки по трапу через трюм — в ночь.

Руиз снял ошейник с Низы прежде, чем с себя. Он поднял ее на руки, пронес мимо остальных, которые стояли возле своих палаток, на лицах у всех застыло выражение сонного удивления.

Когда они проходили мимо Фломеля, фокусник выступил вперед и поймал Руиза за руку.

— Что происходит? — потребовал ответа Фломель. — Что вы задумали?

Руиз посмотрел на Фломеля, поднял осколочное ружье. Фломель побледнел и руку с плеча Руиза снял. Руиз пронес Низу по трапу в трюм, в лодку. За спиной он слышал возмущенный шепот и спокойный бас Дольмаэро.

Он положил Низу на кушетку. Казалось, дышала она без труда, цвет лица у нее был вполне хороший, и, положив голову ей на грудь, он услышал, как сердце ее спокойно и ровно бьется. Секунду он постоял на коленях возле нее, прижимаясь щекой к теплу ее тела. Он поймал прядь ее волос между пальцами и подивился их шелковистости. Он зарылся лицом в ее волосы, вдохнул их запах.

Страшные картины вставали перед его внутренним взором, картины того, что могло произойти: бегущая Низа, бесцветный кашель взрывного устройства, брызги плоти и крови, это драгоценное тело, распластанное взрывом, как зарезанное животное, просто разлагающийся кусок мяса, в котором не было бы уже Низы. Он оттолкнул от себя эти видения. Этого не произошло. Он не мог понять, почему его все еще всего трясло.

Чуть позже он подошел к Мармо и обыскал многочисленные карманы, прорези и ячейки для хранения предметов, которыми изобиловал летательный пузырь киборга. Главным образом он нашел огромную коллекцию миниатюрных компьютерных игр, которые скоро легли поблескивающей кучкой рядом с киборгом. Но Руиз обнаружил и полезные вещи. Он нашел многофункциональный маленький киберщуп, который, вне сомнения, Мармо использовал для того, чтобы следить за своим механическим здоровьем. Он нашел еще три обоймы для

осколочного ружья. Ему попался универсальный ключ ко всем каютам лодки. Нашел он и кредитную микросхему, которая, как он подумал, должна была послужить для уплаты в конце их путешествия. Он нашел пневматический шприц-ружье, которое было сделано в том же самом стиле, что и их ошейники-воротники, и, наверное, содержало противоядие от успокоительного средства, впрыскиваемого воротником. Он нашел кусок бумаги, смятый и покрытый каракулями, которые должны были означать, очевидно, расписание выхода на связь, и при этой находке сердце Руиза упало. Следующий вызов должен был состояться в полдень.

Когда Руиз опустошил все тайники на летательном пузыре Мармо, он засунул все полезное в собственные карманы и вернулся к кушетке, на которой лежала Низа. Она не выражала никаких признаков пробуждения. Он привязал ее к койке, чтобы она не причинила себе вреда, если попробует подняться до того, как к ней полностью вернутся силы.

Руиз сошел по трапу, неся с собой осколочное ружье и батарею питания Мармо. Остальные пленники сидели около своих палаток, широко открыв глаза в свете, падающем из лодки. Руиз улыбнулся Дольмаэро, послал мрачный взгляд Фломелю, кивнул Мольнеху. Кроэль заскулил и уполз в свою палатку.

— Кое-что переменилось,— сказал Руиз. Он зашвырнул батарею питания далеко в темноту.

Фломель с мучительным усилием поднялся на ноги.

— Это как же?— спросил он требовательно.— Что еще за ужасные вещи вы натворили? Я слышал все про тебя и твои убийственные принципы. Если только ты принесешь вред слугам Леди, ты будешь тяжко наказан, ты еще об этом пожалеешь.

Вопреки своему характеру Руиз был поражен.

— Ты все-таки дурак, Фломель. Как ты себе представляешь, что ты такое? Один из ее «слуг»? Ты же был ее рабом, вещью, которую можно было покупать и продавать.

— Ты лжешь,— зарычал Фломель.— Ты еще за это заплатишь, ох, как заплатишь!

Руиз понял, что бессмысленно что-нибудь объяснять фокуснику. Он вздохнул и поднял консоль управления ошейниками. Глаза Фломеля выкатились из орбит. Он отпрянул, подняв руки жестом защиты.

Дольмаэро встал на ноги.

— Погоди, Руиз,— сказал он,— Мастер Фломель дурак, но неужели он должен за это умереть? Если мы поубиваем всех дураков, то кто же останется?

Фломель бросил на Дольмаэро злобный взгляд, и Руиз подумал, что Фломель не скажет Дольмаэро спасибо за такое заступничество.

Руиз коснулся желтой кнопки возле цветного кода воротника Фломеля. Фокусник повалился без сознания.

— Он останется жить, так я, по крайней мере, полагаю,— сказал Руиз.— Но я извлеку из него кое-какую пользу. Мне кажется, у меня есть противоядие от анестетика, который содержится в воротниках. Я поставлю опыт на нем, прежде чем я попробую его на Низе.

Он подошел к Дольмаэро и прижал ключ от воротника к его шее. Воротник упал на землю. Дольмаэро задумчиво потер шею.

— Как тебе это удалось? Я поражен так, что не могу найти слов.

— Банесса умерла, а получеловек теперь покалечен так, что не сможет нам вредить. Я расскажу вам об этом потом.— Руиз посмотрел на Мольнеха.— Мольнех, я должен спросить тебя: «Если я тебя освобожу, будешь ты поступать так, как я тебе скажу?»

Мольнех нервно улыбнулся.

— Я полагаю, что выбирать мне между твоими приказаниями и тем, что мне придется ждать тут прихода Леди.

— Нет, я тебя здесь не оставлю. На Сууке есть множество интересных хищников. Без взрывного устройства, которое охраняет периметр, ты скоро станешь их обедом или ужином. Я не оставлю даже Фломеля, но мне придется запереть его в трюме.

Тощий фокусник замигал.

— Ты совсем не такой кровожадный, как нам сказали. В любом случае, у меня нет никакого желания снова встретиться с Леди. Она, как мне кажется, будет весьма выведена из себя событиями этой ночи. Веди нас.

Руиз снял с него ошейник.

— Спасибо,— сказал Мольнех.

— На здоровье,— ответил Руиз,— но как насчет Кроэля? Он способен вести себя разумно?

Мольнех надул губы.

— Не хочется мне высказывать насчет него никаких предположений. Как вы думаете, Старшина Гильдии? Мы хорошо знаем, что в таких делах вы судите правильно.

Дольмаэро почесал в затылке.

— Не знаю. У Мастера Кроэля разум негибкий и хрупкий, а при таких обстоятельствах... Не думаю, что ему можно полностью доверять.

— Тогда, пока что, мы на нем оставим ошейник. Как насчет Фломеля? Может логика и разумные доводы пробить его череп?

Дольмаэро посмотрел на распростертого фокусника.

— Фломель разумный человек, пусть и весьма неприятный.

Может, он и послушается. Кстати, где то странное существо, не то женщина, не то мужчина?

— Мертво, в моей палатке.

Дольмаэро поднял бровь, но вопросов не задавал.

Дольмаэро и Мольнех внесли спящего Фломеля в трюм, все еще в ошейнике. Он бешено храпел.

— Как вам кажется, сможете вы привести Кроэля?— спросил Руиз Мольнеха.

— Попробую.

— Вот ключ от поводка,— сказал Руиз, вытаскивая ключ из палатки Низы.— Ошейник мы ему пока оставим.

Руиз смотрел с вершины трапа, пока тощий фокусник присел на корточки возле палатки Кроэля и разговаривал с ним несколько минут.

Немного погодя Кроэль вышел из палатки, неуверенно двигаясь, опираясь на тощее плечо Мольнеха.

Мольнех помог Кроэлю подняться в трюм, шепча ему какие-то слова ободрения. Кроэль тяжко плюхнулся на скамью, уставившись в пол.

— Мастер Кроэль,— сказал Руиз.— Пожалуйста, выслушайте меня внимательно.

Фокусник кивнул не поднимая глаз.

— Положение изменилось, но к лучшему. Это я тебе обещаю.

Кроэль снова кивнул, совсем как ребенок,— жест, совершенно нелепый в таком крупном человеке, как он.

Дольмаэро коснулся спины Руиза, там, где кровь от попавших в тело осколков просочилась сквозь ткань.

— Ты ранен,— сказал он.

Руиз поморщился.

— Это не такая уж страшная рана. Но если ты будешь так любезен, что вытащишь осколки, я тебе буду очень благодарен.

Дольмаэро улыбнулся.

— Ну, это я наверняка смогу сделать.

Руиз нашел аптечку и спустил с плеч свой комбинезон. Дольмаэро пользовал его весьма бережно. Когда он закончил работу, а раны Руиза были покрыты псевдокожей, Дольмаэро заговорил с вежливым любопытством:

— Я ожидал, что у такого человека, как ты, будет на теле гораздо больше шрамов.

Руиз улыбнулся и хлопнул Дольмаэро по плечу.

— Я держу свои шрамы внутри, там, где им и полагается быть.

Руиз принес шприц-ружье, прижал его к шее Фломеля. Фокусник дернулся, когда Руиз нажал на курок, и его глаза тут же широко открылись. Он попробовал встать, булькая что-то от бессильной ярости.

— Заткнись,— сказал ему резко Руиз.— Молчи и слушай, или я тебя снова усыплю. Ты больше не командуешь.

Лицо Фломеля застыло, и глаза загорелись нехорошим огнем. Но он захлопнул пасть. Руиз вздохнул.

— Ладно. Слушайте все. Вы наверняка уже догадались, что Кореана — работорговка. Она собиралась сделать так, чтобы вы поставили спектакль для будущих ваших покупателей. Я скажу вам так: труппы фокусников с фениксом с Фараона обычно получают высокую цену на пангалактическом рынке — она за вас получила бы неплохую сумму.

Дольмаэро заговорил.

— Почему ты здесь, Руиз? Ты же не с Фараона.

Руиз машинально солгал.

— Случай. Я просто турист, которого занесло на Фараон. Я был так же поражен, как и вы все, когда нас схватили.

Дольмаэро задумчиво потер подбородок.

— Как насчет того, что рассказал Мастер Фломель? Ну, что ты прыгнул на сцену как раз перед тем, как нас похитили.

— Да,— сказал Мольнех.— Я тебя тоже видел.

«Прекрати недооценивать Дольмаэро»,— сказал себе Руиз. Он стал выдумывать на ходу.

— Я просто пытался как следует сфотографировать вас своей камерой. Это такая машинка, которая делает картинки, ее все туристы носят с собой. Я поскользнулся и упал. Но все это сейчас совершенно неважно. Теперь нам предстоит решить, что же делать.

— А что мы можем сделать?— спросил Дольмаэро.

— Разумный вопрос. Сперва нам необходимо убрать огромный труп из одной каюты. Потом я постараюсь привести в себя Низу. Потом мы обследуем лодку и решим, можем ли мы ею управлять.

Они оставили Кроэля в трюме, привязав его к скамье. Фломель шел за ними в нескольких шагах, словно боясь оказаться вместе с остальными. Возле двери Банессы Руиз остановился.

— Там, внутри, мерзкое зрелище. Но нам необходимо выволочь ее оттуда. Если нам оставить ее здесь, она начнет нестерпимо вонять через несколько дней.

Он толкнул дверь, и она открылась. Великанша лежала на койке с почерневшим лицом и раскинутыми ногами.

— Будет нелегко,— сказал Дольмаэро.— Она, должно быть, весит килограмм двести. Как же ты смог ее одолеть?

Руиз покачал головой, не желая вдаваться в подробности.

— Застал ее врасплох. Теперь выкатите ее с койки, и мы посмотрим, сможем ли мы ее выволочь.

Фломель встал в головах койки. Он коснулся сенсорного шлема.

— Что это?

Руиз поднял шлем, бросил его с размаху об пол и смял под ногами.

— Тебе не следует этого знать, Мастер Фломель.

Пока Дольмаэро и Мольнех выкатывали труп на палубу лодки, Фломель шлялся по каюте, рассматривая вещи, которые там были. Он стал было поднимать инкрустированный кинжал, но Руиз покачал головой. Фломель бросил ему взгляд, кипящий ненавистью, но отпрянул. Он пошел дальше и наткнулся на банку, в которой великанша держала у себя заспиртованные мужские члены.

— Что это?..— стал было спрашивать Фломель.

Он побледнел.

— Приятная личность, а, Мастер Фломель?— Руиз улыбнулся Фломелю, и тот в первый раз за все время не нашелся, что ответить.

Фломель стоял, погруженный в мысли, а на лице его было мрачное пессимистическое выражение.

Тем временем остальные связали трупу запястья проволокой от сенсорного устройства и приготовились попробовать выволочь тело.

— Хорошо, что мы принялись за это до того, как она окоченела. Нам бы никогда ее не выволочь,— сказал Дольмаэро.

Они втроем едва смогли двигать ее, таща по полу слаженным усилием. Когда они добрались до трюма, Кроэль дернулся, но Мольнех постарался его успокоить. Фломель тащился за ними, думая о чем-то своем.

— Теперь я собираюсь привести в себя Низу,— сказал Руиз.— Скатите Банессу вниз по трапу. А ты поможешь,— показал он на Фломеля.

— Я? Да что я, безродное существо, чтобы касаться мертвецов?

Руиз нахмурился.

— Я не стану тебя убивать за то, что ты дурак. Но кормить тебя я не обязан, и я могу держать тебя на цепи в трюме, если ты не станешь помогать остальным и слушать то, что тебе говорят.

На секунду казалось, что Фломель может броситься на Руиза. Но после долгого молчания он кивнул, мрачно соглашаясь.

— Хорошо,— сказал Руиз. Он прижал ключ к ошейнику Фломеля, снял его и вышвырнул. Потом он вышел из трюма.

Низа тихо лежала на кушетке. Руиз несколько секунд сидел возле нее, восхищаясь ее красотой. Она все еще была прекрасна, невзирая на трагические события ночи. Он прижал шприцружье к ее шее, и она ахнула. Когда глаза ее открылись, Руиз был потрясен темным и мрачным их взглядом.

— Нет-нет, все в порядке, Низа,— сказал он и поднял ее. Чуть помедлив, она обвила руками шею Руиза.

— Я подумала, что умерла,— сказала она шепотом,— и была этому рада. Потому что я подумала, что ты умер.

— Мы оба живы. Если нам немного повезет, то мы и останемся в живых.

Он дотронулся до ее шеи, там, где на ней раньше был ошейник. Потом поцеловал линию ее щеки.

Чуть позже она слегка отпрянула от него и оглянулась по сторонам тесной рубки управления. Увидела перевернутого Мармо и задрожала.

— Он мертв?

Руиз проследил ее взгляд.

— Нет, не мертв, мне кажется, но совершенно обезврежен. А великанша, та мертва. Остальные как раз выбрасывают ее тело.

— А остальные?

— Все в безопасности.

— Ты должен убить фокусников, Руиз. Или оставить их здесь. Им нельзя доверять. Они считают себя лучше остальных.

— Ты хочешь сказать... что они похожи на принцесс?

Она передернулась, не зная, смеяться или обижаться.

— Нет, Руиз, я серьезно. Так было бы безопаснее. И ведь ты можешь без труда убить, правда?

— Ты так думаешь?

Казалось, она увидела в его лице нечто неприятное. Она отодвинулась и обхватила себя руками.

— Ты многих убил в своей жизни, Руиз?

Он встал и подошел к иллюминатору.

— Кое-кого,— ответил он.

— Что?

— Я сказал...— он обернулся и посмотрел на нее.— Ладно. Миров много, Низа, и все они полны жизни. И один из этих триллионов... кое-кто не заслуживает жизни. Кроме того, разве ты сама не просила меня только что убить фокусников? Уверяю тебя, невзирая на то, что они с тобой делали, они только чуть менее невинны, чем ты. Почему же они заслужили смерть?

— Хорошо. Ты прав. Пусть себе живут. Я за ними присмотрю.

Руиз рассмеялся.

— Хорошее решение проблемы.

Низа почувствовала первые проблески надежды, когда она увидела, как Руиз изучает систему управления лодкой. Его сильные руки, казалось, знали, чего они касаются. Они ласкали переключатели и лампочки, экраны и кнопки, медленно постигая смысл этих загадочных вещей. Он был почти богом, он мог

разрушать с божественной небрежностью. «Может быть,— думала она,— он может творить чудеса столь же легко».

Когда солнце поднялось над розовыми степями, Руиз попросил ее раздать питательные упаковки бывшим пленникам. Низа подошла к шкафчику, который он ей указал, покопалась в непривычном замке, наконец открыла его.

— Будь поувереннее,— сказал ей Руиз.— Не пугай Фломеля. Если он попытается сделать тебе что-нибудь нехорошее, Дольмаэро его остановит. Когда покончишь с этим, приходи обратно.

Она отнесла упаковки в трюм. Дольмаэро и Мольнех приняли свои порции с радостью. Кроэль посмотрел на нее тупо, глаза его стали пустыми, и руку он не протянул. Она поставила упаковку рядом с ним на скамью.

Когда она подошла к Фломелю, старший фокусник уставился на нее, и лицо его поочередно выражало то ненависть, то страх.

— Мастер Фломель,— сказала она, протягивая ему еду.— Это не яд. Руиз Ав не велит мне снова пробовать убивать тебя, поэтому я не стану.

Он схватил упаковку, сжав губы в тонкий шнурок.

— Приятного аппетита,— сказала она.

Когда она проходила мимо шлюза, то увидела великаншу, которая лежала, раскинув руки и ноги у подножия трапа. Труп уже начал привлекать внимание огромных жуков-стервятников с переливчатыми крылышками. Когда один из жуков залетел внутрь и укусил Мольнеха в щеку, Руиз убрал трап и закрыл шлюз.

— Приходите в контрольную рубку,— сказал Руиз.

Он повернулся и добрым голосом заговорил с Кроэлем, который все еще корчился на скамье.

— Мастер Кроэль, вы подождете нас? Вверху опасные машины, и вам спокойнее будет находиться здесь.

В рубке управления Руиз наклонился и облокотился на главную панель управления.

— У нас тут одна закавыка.

Только Дольмаэро рассмеялся, хотя Мольнех тоже улыбнулся своей широкой зубастой улыбкой.

— Да, так вот... — ухмыльнулся им в ответ Руиз.— Я хочу сказать вот что: лодка запрограммирована везти нас туда, куда велела Кореана. Я не могу изменить курс. Поэтому мы должны либо ехать в лодке в этом направлении или отправиться куда-нибудь пешком. По-моему, здешние степи слишком опасны. Я не так много знаю относительно диких животных в этой части Суука, но люди Кореаны чего-то очень боялись.

Руиз не упоминал о том, что послание-на-задание постепенно шевелится у него в мозгу, настоятельно требуя, чтобы он

продолжал расследование. Послание-на-задание слабело, поскольку прошло уже много времени и смертная сеть своими судорогами тоже его ослабила, но, по крайней мере, оно оставалось достаточно сильным, чтобы причинять ему неудобства, а значит, делать его менее сильным и эффективным в сложных ситуациях.

Мольнех заговорил.

— Я тоже боюсь. Тут в траве живут голодные существа. В этом я уверен. Но что бы ни имела в виду Кореана относительно нашей судьбы, мне теперь это вовсе не нравится.

— И мне тоже,— ответил Руиз.— Но есть и кое-какие хорошие новости. Мы можем вести лодку по заранее запланированному маршруту к месту ее назначения, а если мы увидим хорошее место, где можно остановиться, скажем, деревню, откуда мы сможем переправиться к нейтральной стартовой площадке,— программа не запрещает мне посадить лодку.

— Тогда именно это мы и должны сделать,— заговорил уверенным тоном Фломель.

Руиз с удивлением посмотрел на фокусника.

— Мне приятно, что ты соглашаешься с моей оценкой ситуации, Мастер Фломель.

Лицо Фломеля стало маской дружелюбия, и Руиз подумал, что никогда еще фокусник не выглядел более предательским существом.

— Есть такая поговорка: когда дует ветер из Ада, даже самое сильное дерево должно кланяться,— Фломель улыбнулся весьма страшненькой улыбкой.

Руиз посмотрел на Низу и увидел, как по ее лицу пробежало выражение омерзения. Она внимательно смотрела на Фломеля. Когда ее взгляд на секунду встретился с глазами Руиза, он ей подмигнул.

Дольмаэро сидел на самом кончике стула. Казалось, он чем-то обеспокоен. Он ломал пальцы, потом уставился в пол.

— Как ты считаешь, Старшина Гильдии?— спросил Руиз.— Скажи нам свое мнение.

Дольмаэро поднял взгляд. Ему явно было не по себе.

— Я думаю, что твой план — единственный возможный в наших условиях. Но... Руиз Ав, я должен тебя спросить: каковы твои намерения по отношению к нам? Право владения нами перешло к тебе? Можем ли мы надеяться вернуться на Фараон?

Руиз заморгал.

— Нет-нет, я не собственник вам. По мне, вы свободны. Любой, кто захочет уйти, волен это сделать хоть немедленно. Он может направляться куда пожелает.— Он повернулся и посмотрел на Низу.— Хотя мне было бы очень жаль, если бы кто-нибудь так поступил. Что же касается того, чтобы вернуться на Фараон.... мне очень жаль, но я боюсь, что это маловероятно, по крайней мере, на этом этапе.

Низа оторвала взгляд от Фломеля и посмотрела на Руиза, на ее лице отразился шок. Остальные, словно зеркала, повторили на лицах ту же гримасу.

— А-а-а-а,— тяжело сказал Дольмаэро.— Это удар, Руиз Ав. Но не совсем неожиданный. Пока ты не завладел лодкой, я вообще и думать бросил о таких надеждах. Все же, не скажешь ли ты нам, почему мы не можем найти какой-нибудь способ вернуться?

Руиз чувствовал себя не в своей тарелке. Как он мог сказать им, что по пангалактическим законам они все еще оставались собственностью Лиги Искусств, и единственный способ для них когда-нибудь вернуться на Фараон — это попасть туда в виде груза со стертыми личностями и памятью? Он старался выиграть время.

— Путешествия между звездами очень дорогие, и мало какие корабли заглядывают на Фараон.

Дольмаэро печально наблюдал за ним.

— Боюсь, что это не вся правда.

Руиз посмотрел себе под ноги.

— Нет. Это сложный вопрос. Мы поговорим об этом позже, если хотите. Но теперь нам надо двигаться. Я жду, что Кореана должна связаться с нами. Она будет очень не в себе, если никто из ее прислуги не отзовется на ее вызов. Я проверил, как мог, нет ли в лодке систем дистанционного управления, и мне кажется маловероятным, что она сможет перехватить лодку и управлять ею помимо нас. Но я не уверен. Поэтому я хотел бы оказаться как можно дальше отсюда, прежде чем она позвонит.

Руиз повернулся к главной панели управления и стал готовить лодку к полету. Не оборачиваясь, он сказал:

— Всем сесть на кушетки и пристегнуть ограничительные сетки. Возможно, полет нас ждет не гладкий.

Когда мотор стал визжать и лодка поднялась в небо Суука, он оглянулся и посмотрел на них. Все напряженно сидели в сетках. На всех лицах было неуверенное одинаковое выражение.

Но Низа улыбалась, глядя на него, и глаза ее были полны такого нежного чувства, что сердце его взлетело, как на крыльях.

Император всего

О, можно ль с помощью сакрального искусства
иль остроты ума и чувства
промчать на сердца быстрых скакунах?
О нет.
Вон капли крови на камнях.

—вырезано на столбе входных ворот Селадона Уинда, фабулярия Моревейника

Глава первая

Украденная воздушная лодка следовала своим заранее запрограммированным курсом, пролетая в десяти метрах над розовыми степями Суука, в направлении далеких голубых гор.

Руиз Ав смотрел на панель управления. Казалось, все хорошо. Моторы гудели, компас ровно указывал стрелкой, куда полагается, коммуникативное устройство благословенно молчало. Его фараонские пассажиры заснули, измученные бурными событиями предыдущей ночи. Он обернулся и посмотрел на них. Особое удовольствие он находил в том, чтобы любоваться Низой, которая спала, наклонив голову на сторону, а прядь черных блестящих волос попала в уголок рта, пухлогубого и чувственного. Три фараонца с татуированными лицами спали в остальных сиденьях противоперегрузочной конструкции. Четвертый сидел в цепях в трюме под палубой, все еще в рабском ошейнике со взрывным противопобеговым устройством и страдая от культурного шока.

Руиз почувствовал странную смесь веселого расслабления и страха от предчувствия чего-то ужасного.

С одной стороны, он все время увеличивал расстояние, которое отделяло его от работорговки Кореаны Хейкларо, что было очень хорошо. С другой стороны, он ждал, что она вот-вот свяжется с лодкой — и это было очень плохо. Она наверняка захочет поговорить со своим адъютантом, престарелым киборгом-пиратом по имени Мармо, которого Руиз обезвредил, вырвав у него батарею питания и выпихнув его из лодки, когда они взлетали над степью. Или она захочет позвать Банессу, свою великаншу-надзирательницу, которую Руиз убил, захватывая лодку.

Очень скоро Кореана будет в страшной ярости на Руиза, а Кореана относилась к таким людям, которых во гневе надо было очень и очень страшиться. Руиз видел, как она избавлялась от нестандартных рабов, переживая при этом не более, чем обычный человек, когда он вырывает сорняк с поля.

И все же его положение безусловно стало гораздо лучше. Прошлой ночью он был пленником в трюме лодки, привязанный за шею среди своих сотоварищей по плену. Сегодня утром

шею его очень приятно ничего не связывало. Даже пусть он не мог изменить курс лодки, он мог управлять ее скоростью, он был почти уверен, что он смог бы заставить ее сесть, если бы ему представилась какая-нибудь другая, более благоприятная, возможность для бегства. Он полагал, что ему удалось обезвредить дистанционное управление лодки, поэтому Кореана не сможет перехватить управление лодкой, хотя в этом он не мог быть совершенно уверен — управляли лодкой не вполне знакомые ему биомеханические системы.

Время проходило, а коммуникативное устройство попрежнему молчало. Голубые горы надвинулись заметно ближе, и стало очевидно, что они направлялись в промежуток между двумя вершинами гор.

Он почти подчинился осторожному оптимизму, когда коммуникатор загорелся и прозвонил приятный сигнал. Ужас немедленно вернулся к нему, хотя он был почти уверен, что на лодке не было взрывного устройства с дистанционным управлением. Почти.

Он секунду обдумывал и отбросил мысль о том, чтобы скрыть сам факт своего похищения лодки. Он мог бы разрушить видеочасть телефона и исказить передачу голоса, но он не сомневался, что Кореана и Мармо пользовались каким-то паролем, предназначенным специально для таких случаев. Он полагал, что, если он просто поставил работорговку перед фактом того, что он захватил лодку, он сможет и ее саму захватить врасплох. Это могло оказаться полезным.

Руиз протянул дрожащий палец и нажал включатель канала передачи.

Видеоэкран расцвел красками радуги, потом вихрь красок успокоился и превратился в совершенное лицо Кореаны. Она довольно долго всматривалась широко раскрытыми глазами в свой экран, неподвижно стоя возле него, видимо, совершенно ошеломленная тем, что видит Руиза Ава, который смотрел ей в глаза. Ее поразительные глаза расширились, кожа побледнела, потом рот ее искривился.

— Ты,— сказала она, и омерзение исказило ее голос.— Ты! Мне бы убить тебя в первую секунду, когда я тебя увидела.

— Видимо, да,— сказал Руиз самым приятельским тоном, на который он только был способен.

— Не знаю, почему я когда-то могла считать тебя симпатичным,— сказала она,— ты самое ничтожное существо. Никогда больше не сделаю такой ошибки.

— Наверное, нет,— сказал Руиз и вздохнул. У Кореаны было лицо, спроектированное одним из самых великих художников пангалактики, поэтому даже отвратительные чувства, которые боролись на лице Кореаны, не могли окончательно испортить шедевр и блистательную работу художника. Было

что-то страшно извращенное, думал Руиз, в том, что такая прелестная женщина, которой можно было только восхищаться, желала ему самой мучительной смерти.

Она овладела собой.

— Где Мармо?

— Где-то в степи.

— Мертв?

— Не знаю,— ответил Руиз и улыбнулся, вложив в свою улыбку максимум обаяния.— Он амортизирует падения летательным пузырем?

Она побелела еще сильнее, на миг глаза ее запылали нечистым огнем. Про себя она пробормотала добравитское ругательство.

Руиз помолчал, думая, стоит ли дразнить ее дальше. А почему бы и нет?

— Но Банесса мертва, если тебе это надо знать. Я задушил ее вот этим,— он показал ей консоль управления воротниками-ошейниками на ленте.

Она рассмеялась, хотя в ее смехе не было ничего веселого, только резкое карканье.

— Хотела бы я на такое посмотреть... но мне кажется, ты врешь, Руиз Ав. Это же была настоящая гора, слишком большая для тебя. Как мог с ней справиться невооруженный человек? Ты трюкач и ловчила, это я запомню, когда верну тебя обратно.

Она дернула какую-то кнопку управления, которую Руиз видеть не мог, и, к его ужасу, воздушная лодка закачалась и резко пошла вниз в ответ на прикосновение.

Остальные проснулись, издавая самые разные звуки паники, хватаясь за ограничительную амортизационную сетку.

Фломель, фараонский фокусник, закричал голосом, который срывался от ужаса:

— Леди Кореана! Я в этом совершенно не виноват, я бы предупредил ваших сподвижников, если бы только знал, что затевает этот дикий зверь!

Руиз оглянулся через плечо и увидел, что Дольмаэро ударил Фломеля по физиономии мясистой рукой.

— Заткнись,— сказал спокойно Дольмаэро.

Фокусник уставился на Старшину Гильдии, лишившись дара речи от возмущения такой непочтительностью.

Руиз сосредоточил все свое внимание на панели управления. Она все еще была выведена из строя, но он с удовлетворением отметил, что она не отвечала как следует и на попытки Кореаны перепрограммировать маршрут лодки. Она наклонилась на левый борт, потом вообще отклонилась влево от сперва намеченного курса, но совершенно не собиралась поворачивать назад, как, вероятно, пыталась заставить ее Кореана.

На видеоэкране лицо Кореаны отражало множество чувств:

триумф, потом недоумение, потом досаду. Она снова выругалась, снова дернула за свои рычаги управления, что вызвало только то, что лодка еще более отклонилась влево и стала двигаться очень неприятно, как-то одновременно и покачиваясь, и подпрыгивая, отчего остальные пассажиры ее застонали.

Руиз выглянул в иллюминатор и увидел, что лодка больше не устремлена в просвет между двумя вершинами голубых гор, но вместо этого теперь она целилась носом прямо в отвесную скалу. Он схватился за рычаг скорости, пытаясь как можно больше затормозить лодку, пока она не зависла в воздухе над таллусовым склоном, все еще дрожа и покачиваясь от странного движения, каким Кореана пыталась направить ее на скалу.

— Заставь ее остановиться,— сказала Низа тихим осторожным голосом.

Кореана, видимо, услышала, потому что по ее губам скользнула отвратительная улыбка.

— Он не сможет этого сделать,— сказала она.

Лодка дернулась и задрожала, потом рванулась вперед, прямо на скалу.

— Если я не могу привести вас обратно, то, по крайней мере, сделаю все, что в моих силах.

Руиз покачал рычаг скорости из стороны в сторону, но теперь лодка окончательно вышла из-под контроля. Он смотрел на стремительно надвигавшуюся стену камня, а лодка все набирала скорость. Краем глаза он видел жадный взгляд Кореаны, словно она надеялась на то, что коммуникатор выдержит удар достаточно, чтобы дать ей вовсю насладиться мучительной смертью Руиза.

На миг сознание его опустело, потом он мысленно увидел изуродованное тело в разбитой и покореженной лодке. Не свое. Низы.

Он стер образ из своего сознания. Почему-то он подумал о безумном Кроэле, который когда-то был мастером-фокусником с Фараона.

С этой мыслью пришел импульс, и он его немедленно использовал, как подсказку своей интуиции. Он поднял консоль управления ошейниками, которую он еще раньше настроил на ошейник Кроэля. Он намеревался использовать инъектор снотворного, если Кроэль начал бы проявлять признаки опасного для окружающих помешательства. Но теперь он нажал большим пальцем кнопку детонатора.

Из трюма донесся глухой грохот, и шум моторов изменился, став тоном выше, громче и громче, пока не достиг последнего душераздирающего визга — и тут в лодке воцарилась полная тишина. Руиз схватился за подлокотники своего кресла и надеялся на лучшее.

Как раз перед тем, как лодка упала и ударилась в таллусовый склон, Руиз посмотрел на лицо Кореаны на видеоэкране.

Работорговка смотрела на него с напряжением во взгляде, и Руиз подумал, что он никогда не видел ее такой прекрасной и такой страшной.

Глава вторая

С невероятным везением воздушная лодка ударилась в таллусовый склон носом вверх, плашмя шлепнувшись на покрывавшую склон гальку и отскочив к основанию скалы. Первый удар почти вырвал Руиза из кресла, но ему удалось удержаться за поручни. Он надеялся, что остальные удержались в креслах, но, в любом случае, предохранительная амортизационная сетка должна была удержать их в целости и сохранности до той поры, пока вся лодка целиком не пришла в негодность.

Лодка проехалась вверх, подняв облако пыли, ее обшивка скрежетала по гальке склона. Лодка замедлила скольжение, врезалась в выступ на вершине склона и остановилась.

Секунду лодка неустойчиво качалась, и Руиз испугался, что она может скатиться вниз. Он подумал, какова высота этого обрыва. Вел ли этот склон в пропасть или же мягко спускался в глубокую долину? Он не помнил. Все его внимание было сосредоточено на мстительном лице Кореаны.

Но потом лодка остановила свое покачивание. Руиз не слышал ничего кроме того, как рвало Фломеля. Видеоэкран был темным, и контрольная панель — мертвой.

— Ну что же,— сказал Руиз,— нам все еще везет.

Он повернулся и посмотрел на остальных.

Низа вцепилась в амортизационную сетку, лицо ее было бледно и серьезно. Мольнех криво усмехался и подобрал подол своей рубахи подальше от Фломеля, которого все еще рвало. Дольмаэро был совершенно бесстрастен и смотрел в иллюминатор.

Фломель, наконец, справился со своим желудком.

— Придет день, и ты пожалеешь о своих поступках, безродный,— сказал он, хватая воздух ртом, как рыба.— Теперь ты разрушил поразительный волшебный корабль леди Кореаны, и мы остались в дикой пустыне без помощи.

Руиз вздохнул.

— Фломель, ну почему тебе так надо быть столь преданным идиотом? Разве ты не можешь понять, что Кореана пыталась расплющить всю лодку об эту скалу?

Он показал на экран переднего обзора, на котором виднелся темный песчаник.

Фломель злобно уставился на него.

— Глупости. Во всем виновато твое копание в этих кнопках. Если бы не это, мы до сих пор в удобстве и безопасности путешествовали бы к месту нашего назначения. Если ты ду-

маешь, что я не вижу насквозь твое подлое вранье, то ты меня страшно недооцениваешь.

— Не беспокойся, я не могу тебя недооценивать. Но я согласен, что в одном отношении дела были бы лучше, если бы я не «копался» и не вмешивался,— сказал устало Руиз.— Ты все еще был бы привязан в грузовом трюме.

Последовало короткое молчание.

— Кстати, о грузовом трюме, как насчет Кроэля?— спросил хриплым голосом Дольмаэро.

Руиз пожал плечами.

— Мне очень жаль,— сказал он, но никто из присутствующих, казалось, не понял смысла его слов.— Кроэля нет в живых.

— Но как ты об этом узнал?— спросил потрясенный Мольнех.

Руиз встал с кресла.

— Я убил его. Я не мог придумать никакого другого способа спасти нас.

Аварийный шлюз уцелел достаточно, чтобы Руиз и Дольмаэро вручную смогли немного приоткрыть его. Остальные промчались мимо безголового тела Кроэля, но Дольмаэро вместе с Руизом немного задержались, глядя на небольшую рваную дыру в машинном отделении, которую прорвало, когда Руиз взорвал ошейник Кроэля. Дольмаэро обратил свой взгляд на Руиза.

— Как ты додумался до этого?

— Не знаю. Удачная идея, проблеск интуиции. Для нас, по крайней мере. Хотя, думаю, если бы я этого не сделал, Кроэль все равно был бы теперь мертв — только вместе с нами всеми. Поэтому он в любом случае не выжил бы. Ну-ка, помоги мне с этими продуктовыми упаковками. Лодка несла достаточно припасов, чтобы хватило еще на один день, но теперь нас меньше, поэтому, если мы будем осторожны, нам может хватить еды на несколько дней.

Дольмаэро повесил полевые рационы на свое широкое плечо.

— Кроэлю и так оставалось жить ненамного дольше. Душа его уже убежала.— Он пожал плечами и отвернулся.— Ты странный человек, Руиз Ав, хотя я очень надеюсь, что ты не обидишься на мои такие слова. Ты можешь убить своих врагов так же легко, как любой другой человек может прихлопнуть клопа. А потом ты сожалеешь о смерти бедного Кроэля, который ничего для тебя не значил. Но я боюсь за твое поразительное везение. Хватит ли нам его?

— Нам бы только смыться с Суука. Если моего везения на это хватит, то большего я и не прошу.

Снаружи Руиз осмотрел свою маленькую группку выжив-

ших. Они все столпились вокруг шлюза, лица у них у всех были несчастные, кроме как у Низы. Податливость Руиза и его чувствительность к ее красоте были причиной большей части его сложностей в последнее время... но свои прелести в этом тоже были. Он еще раз восхитился ее гладкой бледной кожей, ее огромными темными глазами, длинными черными волосами, густыми, мягкими, посверкивающими медными отблесками, ее грациозным телом, длинными ногами. Ее очарование сочеталось с быстрым умом и восхитительно сильным характером.

Он улыбнулся ей. Она ответила ему нежным кротким взглядом, заметив который, Фломель издал негодующее фырканье.

Руиз посмотрел на Фломеля, худощавого человека средних лет с жестким взглядом и самодовольными напыщенными манерами. На его бритом черепе выделялись татуировки старшего фокусника. Фломель был таким же рабом и пленником, как и все остальные, но его непоколебимая важность и глупость заставляла его относиться к своему зависимому положению как к своеобразной форме защиты. Его еще предстояло убедить, что Кореана собиралась продать его труппу тому, кто заплатил бы больше.

Руиз считал Фломеля опасным человеком и даже сейчас был уверен, что Фломель замышляет какое-то предательство. Руиз покачал головой. Что такое с ним случилось, что он не мог просто так убить фокусника, как диктовал ему здравый смысл?

Возле Фломеля стоял Мольнех, который с любопытством оглядывался кругом. Он был высок, неуклюж и тощ до изможденья. На голове Мольнеха тоже были татуировки фокусника, и он помогал Фломелю ставить мастерские пьесы-иллюзии, которые сделали фараонские труппы с жертвами-фениксами столь популярными на пангалактических рынках. Руиз невольно восхищался Мольнехом, его оптимистическим приятием его резко переменившихся обстоятельств. Он не мог не сравнивать замечательную выносливость Мольнеха с фатальной хрупкостью Кроэля, который непривычностью Суука был введен в состояние коматозной паники.

Наконец, тут был Дольмаэро, приземистый, полный серьезный человек, татуированный зигзагообразными красно-зелеными узорами Старшины Гильдии. Он был главой бригады обслуживания труппы — десятков рабочих сцены, дрессировщиков зверей, костюмеров, плотников, лекарей и прочих специалистов, чье мастерство под сценой и за сценой делало возможными фантастические трюки фокусников. На Фараоне его положение было подчиненным по отношению к фокусникам... но на этом новом мире он постепенно занимал главенствующее положение. Дольмаэро серьезно относился к своей ответственности по отношению к людям, подумал Руиз, и ум

его был быстрым и гибким. Когда лодка-ловушка Кореаны захватила как их, так и Руиза Ава с жестокого мира Фараона, Руиз считал, что его маскировка почти само совершенство. Но Дольмаэро был первым человеком, который заподозрил, что Руиз не фараонец.

Дольмаэро никогда не пытался использовать эти сведения во вред Руизу, и Руиз все еще был ему за это благодарен. Он испытывал нечто вроде осторожных дружеских чувств к Старшине Гильдии, невзирая на их совершенно различное происхождение, невзирая и вопреки риску, который всегда присутствовал в дружеских связях, создававшихся при таких сомнительных обстоятельствах.

Задумчивые глаза Дольмаэро смотрели на Руиза.

— Кажется, ты в хорошем настроении. Завидую твоему легкому сердцу. Мое же слишком тяжело от множества вопросов.

Руиз беспокойно посмотрел на Дольмаэро. В случае с Низой им управляло чувство. Но его ответственность по отношению к прочим пленникам так и не стала ясной для него самого. Может быть, что он все-таки должен был объяснить Дольмаэро хоть что-нибудь.

— Я расскажу вам, что смогу,— сказал он Дольмаэро.— Что вы хотите знать?

Дольмаэро вздохнул.

— Боюсь, что я слишком мало знаю про наши обстоятельства, чтобы даже задавать разумные вопросы. Все же... Куда Кореана собиралась нас отправить, прежде чем ты убил ее гигантскую прислужницу и разоружил ее механического человека? Ты об этом знаешь?

— Да.

Эта тема наполнила Руиза неприятными ощущениями — словно мурашки поползли по его спине, в желудке стала подниматься тошнота, на лбу вдруг выступил холодный пот. В глубине сознания зашевелилась смертная сеть, напомнив, что он будет убит, если почувствует в себе щупальца генча. Он передернулся.

— Да. Кореана собиралась послать нас к генчу, чтобы обезопасить нас.

— Обезопасить?

Дольмаэро посмотрел с сомнением, словно он был абсолютно уверен, что Руиза Ава невозможно сделать безопасным.

— Генчи... они инопланетяне, гораздо более странные, чем Пунги, которые управляли казармой для рабов. Они отвратительные существа, но не в том причина, по которой я их боюсь. Они посвятили столетия изучению человеческого мозга и мышления. Они знают нас слишком хорошо. Они могут заставить человека сделать все, что угодно или стать кем угодно.

— А как насчет нас?

— Процесс, который был запланирован для нас, иногда называется деконструкцией. Если нас взяли бы в подземелья в анклав генчей, они разложили бы наши мозги на кусочки и перестроили бы нас таким образом, чтобы мы стали совершенными рабами. Наша главная верность состояла бы не в том, чтобы оставаться верным самому себе, а в том, чтобы быть верным Кореане — или любому человеку, который купил бы нас у нее.

— Звучит очень сложно,— сказал Мольнех.— Наверняка существуют менее сложные способы следить и управлять рабами. На Фараоне мы вполне справляемся. Если раб бунтует, мы его распинаем, или выставляем его на колу в пустыне, или используем его в Искуплении, которое не освящено богами. Остальные рабы смотрят на это и получают урок.

Руиз нахмурился. Иногда он забывал, что прочие пришли с примитивной планеты, что их культурная матрица была совершенно иной. Его особенно беспокоило, что Низа одобрительно кивала своей очаровательной головкой, видимо, находя высказывания Мольнеха совершенно разумными и очевидными.

Но потом ему пришло в голову, что его собственные этические стандарты были более в области теории, нежели практическими. При этой мысли он почувствовал страшную подавленность. Может быть, ему сама мысль о том, что раба можно распять, кажется варварской. И все-таки Руиз Ав уничтожал невинные жизни в ходе каждого дела, которое он выполнял. Множество людей умерло после того, как он прибыл на Фараон: началось с охранника на стене, которого он вынужден был убить, потом Денклар, трактирщик, проститутка Релия, надзиратель Рентлесес — их смерть запятнала его руки. После того, как его поймали и переправили на Суук, список его жертв стал слишком длинным, чтоб его можно было перечитывать и пересчитывать жертвы. Иногда Руиз Ав казался себе самому чем-то вроде случайной и безжалостной эпидемии чумы, которая ударяла наугад, мутировала, от которой не могло быть ни излечения, ни защиты.

Что-то, видимо, отразилось на его лице, потому что Низа заговорила голосом, полным беспокойства и заботы:

— Что такое, Руиз? Может быть, этот новый способ более милосердный, но у нас на Фараоне не научились перестраивать умы.

— Милосерднее? — Руиз горько рассмеялся.— Нет. Генчи делают кукол, марионеток в человеческом образе. Но это больше нельзя назвать живыми людьми. Самое страшное то, что генч превратил бы меня в машину во плоти. И ужаснее всего то, что я сам бы этого не заметил, я продолжал бы считать, что я остался таким же человеком, как и был. Но в один прекрасный день мой владелец приказал бы мне распороть себе брюхо и развесить кишки по кустам, и я подумал бы, что это вполне

разумная просьба, и немедленно так бы и сделал. Даже тогда я не понял бы, что потерял свою настоящую личность.

Последовало молчание, поскольку все обдумывали мерзкую картину, которую нарисовал перед ними Руиз. Даже Фломель, который старательно игнорировал разговор, казался потрясенным.

Немного погодя Дольмаэро посмотрел вверх. Потом он потер свою тяжелую челюсть и почесал татуированную голову.

— Что же,— начал он веско,— я не хочу показаться неуважительным, но... если дело обстоит так, как ты нам рассказал, и эти генчи могут вытворять такие вещи... почему же тогда они не правят всем миром? Или же они все-таки правят?

Руиз в очередной раз был поражен быстрым пониманием положения, которое Старшина Гильдии выказывал уже не впервые.

— Хороший вопрос, Дольмаэро. Генчи не так-то легко могут сделать такое. Усилие по полной деконструкции человеческого мозга существенно уменьшает жизненные силы генча и его полное выздоровление — процесс длительный и не всегда благополучно заканчивающийся. Они могут выполнять меньшие преобразования в человеческом сознании с куда меньшим для себя вредом.

Руизу пришло в голову, что странно было то, что Кореана смогла устроить деконструкцию пяти рабов, таких, как он сам и его сотоварищи, и почему она готова была заплатить чудовищные, астрономические суммы, которые полагались за услуги подобного рода. Однако он очень скоро обнаружил, что ему трудно обдумывать что бы то ни было, связанное с Кореаной — от этого у него начинала болеть голова.

Потом его отвлекли мрачные воспоминания. Он вспомнил Фактора Лиги Искусств на Дильвермуне, который нанял его на работу в этот раз... а потом генча, который работал на Лигу и согласился выполнить установку послания-на-задание и смертную сеть в его мозгу. К своему удивлению он обнаружил, что пришел к решению никогда больше не позволять никому вмешиваться в его мозг независимо от того, примет ли он когда-нибудь подобное задание. Руизу Аву пришло в голову, что, если он благополучно переживет свои теперешние неприятности, то, наверное, найдет себе другую профессию. Маловероятная возможность, подумал он и отмахнулся от этих мыслей.

— Кроме того,— продолжал Руиз Ав,— генчи раса не техническая — кажется, что они не могут или не хотят разрабатывать машины для того, чтобы усилить свои возможности. Иначе они действительно могли бы управлять пангалактическими мирами. О, время от времени какой-нибудь самолюбивый генч достигает существенного влияния, превратив в живые машины несколько влиятельных людей. Частично это зависит от везе-

ния, мне кажется, но по большей части они не стремятся к власти, потому что они не заинтересованы во власти как таковой. Помимо этого, существует совсем не так много генчей — и большинство из них сами пленники.

— Довольно ценные пленники, как я полагаю, если их можно заставить делать свое дело по приказу хозяина,— заметил Дольмаэро.

— Да, они очень ценные,— Руиз еще раз был вынужден проглотить неприемлемую правду. Становилось совершенно очевидно, что Лига Искусств послала его не выследить тех, кто браконьерски перехватывал ценных рабов с принадлежащего Лиге Фараона, а привести Лигу к анклаву генчей на Сууке.

Руиз посмотрел вниз по склону, убедился, что покатая россыпь гальки кончалась отвесным обрывом, и передернулся.

Дольмаэро посмотрел следом за его взглядом, улыбнулся.

— Надо же, какая удача. Надо мне не забыть держаться поближе к тебе, Руиз Ав.

Руиз вздохнул.

— Мы еще далеки от безопасности. Везенье приходит и уходит, Старшина Гильдии.

— Как ты думаешь, что нам теперь делать?— Дольмаэро внимательно наклонился вперед.

Фломель заговорил резким кислым тоном.

— Нам надо положиться на милость леди Кореаны. Она наверняка поймет, что мы не имели ничего общего с бессовестными и беззаконными поступками этого безродного. Скоро она прилетит, чтобы спасти нас из этого страшного места.

Руиз потрясенно захохотал. Даже прочие фараонцы смотрели на Фломеля расширенными глазами, словно он был причудливым зверем из зверинца, которого приучили исполнять экзотические трюки.

Дольмаэро только покачал головой.

— Фломель, Фломель,— сказал Мольнех.— Теперь не время шутить, да и ты не отличался никогда хорошими шутками. Милость леди Кореаны кажется мне весьма ненадежным капиталом. Разве ты не помнишь, какую милость она оказала Касмину, твоему любимому надсмотрщику? Она перерезала ему глотку и сожгла его в пепел.

— Мне кажется, что Фломель слишком глуп, чтобы усваивать какие-нибудь уроки,— сказала Низа.— Он вроде Кроэля, только он лучше скрывает это.

Она посмотрела на Фломеля мстительными глазами.

— И он закончит свои дни как Кроэль, если ему повезет.

Фломель побагровел и сжал кулаки. Секунду Руиз думал, что Фломель ударит Низу, и он качнулся вперед, полный горячего желания наконец совершить нечто буйное. Наконец представлялась возможность покончить с предательским фокусни-

ком. Пальцы его болели от желания переломить тощую шею Фломеля.

Фломель посмотрел ему в глаза и попятился, споткнувшись, назад, внезапно побледнев.

Руиз глубоко вдохнул и выдохнул, постепенно расслабив тот оскал, что застыл на его лице.

Остальные смотрели на него перепуганными глазами. Даже Низа отпрянула прочь, словно вдруг потеряла в нем уверенность. Сердце его сжалось, и он смог улыбнуться ей.

Ее ответная улыбка была искренней, хотя немного настороженной, за что он не мог ее винить. Ей надо было бы быть совершенно безумной или абсолютно глупой, чтобы полностью доверять ему... а она ни к безумным, ни к глупым не относилась.

— Ну что же,— сказал он наконец нетвердым голосом.— Можешь ждать тут Кореану, если хочешь, Мастер Фломель. Она прилетит сюда через пару дней или даже быстрее. Этот скальный выступ послужит тебе навесом, но мы не можем оставить тебе никакой еды.— Он улыбнулся уже другой улыбкой.— И все же, я могу почти гарантировать тебе, что ты голодной смертью не умрешь.

Фломель посмотрел себе под ноги.

— Старшина Гильдии,— сказал он тихо,— что ты мне посоветуешь?

Дольмаэро неохотно задумался.

— По-моему, Мастер Фломель, Руиз Ав — наша единственная надежда. Мы тут все равно что младенцы в пустыне, где полно пылевых волков. Мне кажется, что нам надо следовать за ним до тех пор, пока он нам это позволяет.

— Тогда я должен принять твой совет,— пробормотал Фломель.

Руиз был разочарован.

Он осмотрел оружие, которое ему удалось спасти с разрушенной лодки. Он пристегнул к поясу осколочное ружье Мармо — единственное реально эффективное оружие, которое у них было. Из коллекции старинного оружия Банессы он взял старинный кинжал, тяжелый двусторонний нож-штык, маленький дамский крисс с ножнами, которые можно было пристегнуть к ноге, и короткую дубинку из чистой меди с шипастой головкой. У великанши было и более современное оружие: парализатор, обойма жалящих искателей — но, как большая часть личного оружия, они были запрограммированы так, чтобы повиноваться только лично владельцу. Он бросил их вместе с ее телом.

Он дал кинжал Дольмаэро, который держал его так, словно не имел никакого представления, как с ним обращаться. Руиз вспомнил, что в течение многих поколений на Фараоне не было войн. Ему придется все время помнить, что от Старшины Гиль-

дии ему не придется многого ожидать, если им придется встретиться с враждебными силами прежде чем они выберутся с Суука.

— Проденьте кинжал в ваш пояс, Старшина Гильдии,— обучал Руиз Дольмаэро.— Нет, вот так. Если вы заткнете его за пояс так, как раньше, вам не удастся избежать кастрации, если вы, не дай бог, споткнетесь.

Кинжал-крисс в ножнах Руиз дал Низе.

— А мне как это носить?— спросила она.

— Я тебе покажу,— Руиз встал на колени и приподнял край ее рубахи, наслаждаясь шелковистостью ее кожи. Когда он пристегнул ей крисс, то он оказался снаружи ее бедра. Руиз с трудом заставил себя отнять руки от ее тела. Голова его на миг закружилась от желания. Он понял, что все еще он находится во власти тех безумных романтических порывов, которыми наградил его уловитель умов Накер.

Дубинку он вручил Мольнеху.

— Эх, жаль, что у нас нет большего арсенала оружия,— сказал он.

— Неважно,— ответил Мольнех, с восторгом размахивая дубинкой вверх-вниз.— Нам и этого хватит.

Руиз закатал рукав рубахи и привязал стилет к внутренней стороне руки куском крепкой ткани.

Фломель выступил вперед.

— А где мое оружие?— спросил он.

Руиз повернулся к Фломелю, пораженный его наглостью.

— Извини. Но ведь тебе вряд ли понадобится оружие острее, чем твои мозги.

Фломель открыл было рот, чтобы поспорить, но потом закрыл его и удовлетворился мрачным взглядом.

— Ну,— сказал Руиз.— Вот что нам придется делать.

Очень жаль, объяснил им Руиз, что система питания лодки была невосстановимо повреждена, и поэтому взрывное устройство, которое могло стрелять, теперь им не пригодится. Иначе они могли бы подождать здесь и устроить засаду для Кореаны, когда она прилетит, а она прилетит обязательно.

Он объяснил свой план фараонцам. Они пройдут по перевалу и, может быть, набредут на какое-нибудь поселение или, по крайней мере, на более удобную тропинку. Потом они постараются выйти на какой-нибудь космодром и убраться прочь с Суука.

Руиз намеренно не говорил более подробно, что может случиться с фараонцами после этого. Он сам этого не знал. Он хотел дать Низе возможность остаться с ним, если ей захочется. Он смог бы выкупить ее у Лиги Искусств. Прочие могли удрать на любые планеты пангалактики с его полного благословения, или же он смог бы так устроить, чтобы они могли переправи-

ться на Фараон, хотя Лига настояла бы на том, чтобы их всякие воспоминания были бы стерты, прежде чем они были бы отпущены в их родной мир.

Фараонцы, казалось, тоже не слишком интересовались, что могло их ждать, так что Руиз мог не обсуждать этот вопрос с ними, хотя Дольмаэро выглядел так, словно в нем зрело огромное количество вопросов. Руиз был благодарен, что Дольмаэро пока этих вопросов не задавал и дал Руизу возможность отдохнуть от них.

Руиз справедливо и поровну распределил питательные пакеты. Только Фломель жаловался, что ему приходится что-то нести, а остальные довольно весело приняли свой драгоценный груз. Руиз одарил Фломеля мрачным взглядом, и фокусник успокоился.

В рюкзаки с питательными пакетами Руиз засунул несколько весьма полезных вещей: три самонадувающиеся палатки, флягу с водой на каждого путешественника и импрегнированные плащи от дождя.

Наконец, он взял один из самоукореняющихся поводков, к которым они были привязаны прошлой ночью. Фломель посмотрел на него и обнажил зубы в гримасе омерзения.

Солнце немилосердно припекало спину Руиза, когда они впятером пробирались к перевалу, но с гор время от времени дул холодный ветер, который заставлял его иногда поеживаться. Они перебрались через таллусовый склон и нашли еле видную тропинку, которая вела к проходу между пиками горы. На тропинке не видно было никаких следов того, что ею недавно пользовались, поэтому Руиз не очень-то надеялся, что они скоро найдут хоть что-нибудь, напоминающее поселение. Тем не менее, он был столь же счастлив, как и тогда, когда он высадился на Фараоне. Он был свободен, если не считать послания-на-задание, которое время от времени подталкивало его вперед, к смертной сети, которая таилась в глубинах его мозга. До тех пор, пока он мог надеяться оставаться свободным, смертная сеть будет вести себя тихо и не беспокоить его. Только если он окажется в безнадежном плену у врагов Лиги или в непосредственной опасности умереть, либо открыть тайны Лиги, сеть попробует убить его и послать его самые последние воспоминания в штаб-квартиру Лиги на Дильвермуне.

Руиз заставлял себя быть оптимистичным. Все, что ему надо было сделать — это послать информационную торпеду в Лигу, где он детально объяснил бы, какие открытия ему удалось совершить. Местоположение и личность браконьера, который все это время воровал ценных рабов с Фараона и самый факт того, что анклав мошенников-генчей существовал на Суке. Когда он сделает это, сеть и само послание-на-задание испарятся из его мозга, и он по-настоящему освободится.

Он дал себе волю и любовался гладкими стройными нога-

ми Низы, пока она поднималась по тропинке прямо впереди него.

На вершине прохода они остановились, и Руиз осмотрел местность по другую сторону гор. Холмы у подножия были гораздо зеленее, густой лес за ними показывал, что это была более влажная сторона горной цепи. На дальнем горизонте видна была еще одна горная цепь в тумане. Широкая долина между ними, казалось, простиралась без конца и края в обе стороны.

К своему восторгу, Руиз разглядел прямую линию, которая шла вниз к центру долины, параллельно горам, может быть, в тридцати километрах от них. Она была слишком далеко от них, чтобы как следует разглядеть и понять, но она походила на прямую автостраду, которая прорезала лес. По ней могли ездить машины, достаточно быстрые для того, чтобы увезти их прочь в какое-нибудь убежище, прежде чем появилась бы Кореана.

— Это похоже на сады моего отца,— сказала Низа, которая стояла совсем близко от него.— Где они берут всю эту воду?

Руиз улыбнулся ей.

— Она здесь падает с небес, все время. По крайней мере, достаточно часто, чтобы деревья росли без ухода.

Она посмотрела на него недоверчивыми глазами.

— Конечно,— сказала она снисходительным тоном, словно была уверена, что он смеется над ней.

— Нет, правда,— сказал он.— Погоди, сама увидишь.

Говоря это, он заметил темные тучи, которые скапливались на севере.

— Собственно говоря, нам лучше поторопиться, прежде чем нас отсюда смоет.

Фломель сел на землю.

— Я должен отдохнуть. Кроме того, пора поесть.

Руиз вздохнул.

— Я от тебя устаю, Мастер Фломель. Я тебя не могу здесь оставить. Ты наверняка сказал бы Кореане, куда именно мы пошли. Это произойдет задолго до того, как она кончит тебя убивать. Поэтому, либо ты пойдешь вперед без всякого принуждения и жалоб с твоей стороны, или я оборву твою жизнь прямо здесь и сейчас. Я могу сделать это безболезненно.

Фломель быстро встал.

— Я иду,— сказал он кисло.

— Ты уверен?— мягко спросил Руиз.— Боюсь, что наш союз плохо кончится для одного из нас. А есть для смерти места и похуже.

Он показал рукой на широкое небо, зеленые пространства земли, чистый ветер, который дул из-за гор.

— Есть и худшие способы умереть.

— Нет,— сказал Фломель с большим энтузиазмом.— Я пойду.

Глава третья

Тропинка, хотя и крутая, была в лучшем состоянии, чем на той стороне перевала, поэтому они быстро спускались по ней. К этому времени солнце уже наполовину скатилось по полуденному небу, и они спустились к лесистым подножиям холмов, где деревья были древние и высокие. Руиз задал им быстрый темп, но, за исключением случайного бормотанья Фломеля, никто не жаловался. Пока они шли по тропинке вниз, солнце совсем село, и скоро оно спряталось за облаками, а потом стало еще темнее от ветвей деревьев, которые нависали над тропинкой. Фараонцы сбились в кучку, поскольку им было не по себе от такого изобилия зелени. Единственное обитаемое плато Фараона было таким сухим и бесплодным местом, что только самые богатые и влиятельные фараонцы могли позволить себе содержать сады.

— Что за люди могут жить в таком странном месте?— спросила Низа приглушенным тоном.

— Не знаю. Вероятно, всякие разные люди, как это бывает везде на свете,— Руиз говорил рассеянным голосом.

Ему передалось смутное беспокойство остальных. Лес был достаточно густой, чтобы в нем можно было устроить сотню засад.

Его рассеянность Низа приняла за упрек и отпрянула, и он тут же пожалел о своем тоне.

Невзирая на беспокойство Руиза, ничто и никто не прыгнул на них из густого подлеска. Никакие снаряды и пули не полетели в них, никакие сети не свалились на голову. К тому времени, когда сумерки сгустились над ними, его отряд устал и натер ноги, все они еле тащились, если не считать Мольнеха, который был столь же свеж и бодр, как в начале их пути. По-видимому, его хрупкое тело таило в себе незаурядную выносливость.

Они оказались в поясе известняковых слоев на склоне горы. Кое-где осевшие породы сформировали пещеры. Как раз перед ними в стороне от тропинки зияла здоровенная пасть пещеры. Крыша ее выдавалась вперед как раз так, чтобы защитить их от дождя, который грозил вот-вот начаться, но пещера была слишком неглубока, чтобы привлечь крупных хищников. Пятна сажи на нависающем козырьке крыши указывали на то, что остальные путешественники раньше, чем они, разбивали лагерь на этом удобном месте, но следы все были старые, поэтому Руиз решил объявить здесь привал. Он возлагал все свои надежды на шоссе, которое он увидел с горы. До него они дойдут утром, а ковылять по темноте, спотыкаясь на неровностях тропинки, не сэкономит им время. По крайней мере, цель не стоила риска

вывихнутых щиколоток и ночных хищников, которые могли красться в темноте, чтобы поживиться.

Фломель угрюмо уставился на убежище.

— Это здесь мы собираемся провести ночь? В этой сырой дыре?

Руиз крякнул.

— Будь доволен, что ты не на перевале до сей поры. Что тебе еще понадобится убежище от непогоды,— сказал он.

За последние несколько дней его неприязнь к фокуснику стала гораздо сильнее. Дело было даже не в том, что Фломель устроил первую смерть Низы в той самой пьесе с фениксом, и даже не в том, что он с готовностью и радостью убил бы ее снова по приказу Кореаны. Дольмаэро и Мольнех были равно виноваты в этом. Никто из фараонцев не видел аморальности в жестокости самой пьесы с фениксом, и даже сама Низа, которая в попытке избежать второй смерти попробовала пропороть портновскими ножницами кишки Фломеля.

Нет, Фломель в этом смысле был невинным продуктом своей примитивной культуры, точно так же, как Руиз Ав принадлежал к своей собственной, более цивилизованной.

Но Фломель видел остальных людей только с точки зрения того, могут ли они быть чем-нибудь полезны Фломелю.

Руиз нахмурился, пораженный неприятной мыслью. А намного ли Фломель отличался от него самого? Да, конечно, разница огромна, сказал свирепо самому себе. Иначе я преспокойно убил бы змееныша и жил бы намного легче.

Он встряхнулся. Эти мысли начинали выстраиваться в беспокойную линию.

Он приказал остальным мужчинам поставить палатки под навесом, пока он и Низа собирали хворост для костра. Он мог быть вполне уверен, что Кореана не нагонит их до вечера следующего дня, поэтому костер представлялся вполне безопасной роскошью.

Видимо, многие годы прошли с тех пор, когда последний путник пользовался этим убежищем. Возле пещерки было полным-полно хвороста для костра. Но они ушли подальше, чтобы поговорить без помех.

Низа наклонилась поближе к Руизу, когда он отламывал сухие ветки с маленького поваленного дерева. Он вдохнул чистый запах ее волос. Он улыбнулся и глубоко вздохнул. Она повернулась и посмотрела на него сквозь темную завесу своих волос.

— Я тебя чем-нибудь рассердила?— спросила она.

Голос ее звучал почти враждебно.

— Нет, разумеется, нет,— ответил он.— А я тебя чем-то рассердил?

Она улыбнулась его серьезному тону, и лицо ее стало веселее.

— Нет, на самом деле нет. Но ты стал совсем другим с тех пор, как мы захватили лодку.

— Должно быть, так,— Руиз положил деревце на два камня и сапогами расколол его ствол на несколько кусков, которые удобно было бы сунуть в костер.

— Это потому, что я занимаюсь сейчас своим привычным делом, а не жду возможности действовать. Хотя... ждать с тобой вместе было слаще любого ожидания, которое мне когда-либо доводилось пережить.

Улыбка ее стала теплее, глаза засияли долго сдерживаемыми слезами.

— Я так счастлива это слышать, Руиз Ав. Хотя, может быть, я унижаю себя, когда так говорю. Нет... Это неправильно. Я принцесса, но я уверена, что в своем краю ты тоже принц.

Он похлопал ее по руке.

— Я вырос рабом.

Глаза ее расширились.

— Тогда принцы в твоем краю воистину должны быть велики и могущественны.

Он рассмеялся.

— Я знаю нескольких особенно могущественных. В пангалактических мирах люди любого ранга, даже рабы, могут сделаться царями и королевами, если они так захотят, и если они смогут перегнать, перебороть и перехитрить всех прочих желающих быть правителями. А претендентов много, очень много.

— Твои сильные мира сего не очень отличаются от наших.

Казалось, она немного тоскует по родине и чуть разочарована, что вселенная не оказалась более справедливым и счастливым местом. Она выпрямилась, прижав к груди охапку хвороста, которую она собрала.

— Ладно, пусть так. Ты мне сказал, что сейчас занимаешься той работой, которую привык делать. Что же это за работа?

Руиз пожал плечами.

— Она весьма проста: задача ее — остаться в живых. Я надеюсь преуспеть еще несколько дней, чего вполне достаточно, чтобы нам убраться с Суука.

Она с любопытством на него посмотрела, наклонив набок хорошенькую головку, словно оценивала его.

— Моя уверенность в твоем умении и будущем растет день ото дня. Мы с тобой сегодня разделим палатку?

— Если хочешь,— он почувствовал приятное незнакомое доселе тепло.

— Да, именно этого я и хочу,— сказала она и шутливо толкнула его округлым бедром.

Позже, когда маленький костерок бросал оранжевые отбле-

ски на нависающий козырек крыши пещеры, пятеро поели в полном молчании. Глядя на широкое лицо Дольмаэро, Руиз увидел, что Старшина Гильдии придумал новые вопросы.

— Что? — спросил Руиз.

— Ты не обидишься? — Дольмаэро поднял на Руиза настороженные глаза.

— Нет, говори свободно.

Иногда Руиза очень печалило, что он наводил ужас на всех, с кем сталкивался. Разумеется, Дольмаэро видел, как Руиз совершал на его глазах насилие и убийства — поэтому он вряд ли мог упрекнуть Дольмаэро в излишней осторожности с ним.

Дольмаэро вздохнул и потупился.

— Значит, я могу довериться твоей сдержанности.

Старшина Гильдии долго смотрел в огонь.

— Я бы хотел, чтобы ты рассказал мне правду о себе и о Фараоне. Кто ты на самом деле? И кто такие мы? И какое тебе дело было до нас?

Руиз не был готов к таким прямым вопросам. Его первым порывом, который родился из-за целой жизни, проведенной в камуфляже и неправде, было сказать максимально убедительную ложь — он говорил себе, что все еще должен лгать, чтобы защитить свои тайны или рисковать тем, что спровоцирует свою смертную сеть. Усилия Накера, незаконного уловителя умов, и то, как сеть почти стянулась после его неудачного бегства из рабских казарм Кореаны, несколько ослабили крепления сети... но если Кореана снова поймает его после всего, что было, и он окажется беспомощным в ее руках, сеть непременно сработает, и он умрет. Если бы генчи взяли его и стали пытаться что-нибудь сделать с его мозгом, он тоже непременно бы умер. Если какой-либо иной враг Лиги возьмет его в плен и он окажется беспомощным, он умрет, потому что сработает сеть.

Ему пришло в голову, что, если он скажет фараонцам правду, риск будет невелик, в сравнении с этими остальными возможностями. В конце концов, если кто из них и вернется на Фараон, то только после того, как память у него будет окончательно стерта.

Он вдруг почувствовал страшную усталость от обмана. Осторожность испарилась.

— Вы уверены, что вам хочется знать все эти вещи?

Дольмаэро веско кивнул. У Мольнеха был его обычный вид ясноглазого, дружелюбного любопытства. Фломель презрительно вздернул верхнюю губу и притворился, что он ко всему равнодушен.

— Пожалуйста, скажи нам, Руиз Ав,— попросила Низа.

Так он и сделал.

Он объяснил, что он — вольнонаемный проводник политики Лиги Искусств, человек, чья профессия предполагает причи-

нение боли, наведение ужаса, совершение различных страшных преступлений. Никто, казалось, этому не удивился, даже Низа. Руиз немного даже поразился тому, как легко она приняла эту неудобоваримую правду. Никогда не забывай об этом, думал он. Она происходит из чужеродного общества, каким бы человеческим не был ее род генетически. Почему-то эта мысль не убедила его. Может быть, ему было все равно до тех пор, пока она оставалась тем, кем была — Низой.

Он объяснил, что его наняли, чтобы вынюхать браконьера, который похищал ценных рабов с Фараона. Невзирая на его внезапное отвращение к обману, он был очень осторожен и впрямую Лигу не называл, описывая свое задание и своих работодателей неопределенными словами и уклончивыми фразами. Лига Искусств была не в чести на Сууке, поскольку она была одной из наиболее эффективных межзвездных корпораций и имела сильную полицейскую службу. Он не мог рисковать тем, что один из фараонцев может проговориться и сказать название Лиги в присутствии кого-нибудь из местных.

Но даже и так в его рассказе выявился настоящий статус Фараона. Эти сведения оказались менее приемлемыми для его слушателей.

— Пожалуйста,— сказал Дольмаэро,— объясни дальше. Фараон — чья-то собственность? Словно плантация кошачьих яблонь?

— Что-то в этом роде,— ответил Руиз Ав.

— Но что хотят от нас миры пангалактики? Золото? Змеиное масло?

— Кое-какая часть масла действительно идет на экспорт,— сказал Руиз.— Но главным образом богатство Фараона составляют его фокусники. Вот почему Кореана украла вашу труппу в Биддеруме. Однажды в один прекрасный день она продала бы вашу труппу какому-нибудь коллекционеру театральных курьезов. За огромное количество пангалактических денег.

Дольмаэро словно позабавили эти новости, хотя и невеселые.

— Значит, мы — скот? Или танцующие пылевые медведи?

— Ну нет. На пангалактических мирах институт раба ограничен множеством человеческих весьма гуманных законов. Весьма маловероятно, что с вами стали бы плохо обращаться, если бы вас забрала официальная пангалактическая организация. Теперь насчет Кореаны... вот она могла бы продать вас любому чудовищу, какое только нашлось бы в пангалактике, и никто бы ей не был указ.

Мольнех остолбенел и молчал.

Низа отвернулась и заговорила тихим голосом:

— Я всегда считала, что Фараон принадлежит моему отцу.

Из всех реакций самой странной была реакция Фломеля.

В его глазах зажегся огонь злобной вызывающей гордости, хотя его лицо по-прежнему выражало только демонстративную незаинтересованность в том, что говорится. Казалось, он глядел на Руиза с иной, чем прежде, более изощренной ненавистью. Это выражение на лице фокусника заставило мурашки пробежать по спине Руиза.

— Как давно мы в таком положении? — спросил Дольмаэро.

— Много поколений. Вскоре после того, как ваш народ превратил фокусы в высокое искусство.

Низа издала сдавленный стон горечи и скорби. Руиз дотронулся до ее плеча.

— Что с тобой?

— Нет, ничего. Просто... Я помню, как не так давно, хотя сейчас мне кажется, что это было в какой-то прошлой жизни много веков назад, я стояла на террасе моего отца над городом и выпила тост за своих предков. За тех, которые первыми бродили по Фараону, представляя свои примитивные трюки. За тех, чья смекалка и изобретательность подарили мне такую прекрасную жизнь. А теперь я вижу, что они и сделали меня рабыней...

— Нет, — сказал он, — не все так плохо. У вас не было крупной войны с тех пор, как вы стали миром — поставщиком фокусников. Триста лет назад разразилась чума, которая могла бы убить три четверти населения, если бы ей дали распространиться. Владельцы Фараона остановили чуму, прежде чем она успела как следует начаться.

Она спрятала лицо в ладонях.

— Охотничьи дирго моего отца вполне довольны — они очень давно забыли, что это такое — привольно бродить по пустыням и охотиться. Они получают мясо дважды в день, а егеря следят за тем, чтобы они достаточно много двигались. Наверное, это хорошо.

Руиз не мог найти успокоительных слов для нее. Он обнял ее за плечи и притянул ее поближе. Она секунду сопротивлялась, потом спрятала лицо у него на груди.

Дольмаэро заговорил снова, хотя на этот раз он, казалось, говорил больше сам с собой, нежели с Руизом.

— Я должен найти способ как-нибудь добраться обратно до своей труппы. Я должен попытаться забрать их обратно домой. Я отвечаю за них, пойми. Большая часть их не искала ни славы, ни вознесения в Землю Вознаграждения. Они работали, чтобы прокормить свои семьи. Скажи мне, Руиз. Теперь, когда не стало фокусников, что сделает Кореана с теми, кто остался в ее власти?

Руиз покачал головой.

— Не знаю, Старшина Гильдии.

Он не видел, чем страшная правда может быть полезна

Дольмаэро. По всей вероятности, Кореана просто умертвит остальных, если она будет уверена, что никогда не вернет себе фокусников. Что ей за прок от труппы фокусников без главных фокусников?

Прошло немного времени, огонь почти догорел, пока только несколько угольков не отсвечивало красным в пепле. Ночной воздух был прохладен и свеж, даже влажен, и Руиз остро чувствовал тепло Низы рядом с ним. Он обнаружил, что мечтает, что хорошо бы остановить мгновенье, чтобы он мог так вот сидеть с ней все время, что можно было бы найти способ остановить дугу его жизни здесь и сейчас, прежде чем она скатилась бы вниз к болезненному концу, который, по всей вероятности, ждет его через день-два. Весь день он старался отогнать от себя мысль, что пешком они от Кореаны не спасутся, невероятность того, что средства транспорта, которые пользуются этой автострадой, захотят подвезти такую группу оборванцев, как они.

Всю свою жизнь он отличался талантом отгонять от себя те мысли, которые ему не хотелось думать, талант, который сослужил ему хорошую службу в его авантюрных и буйных приключениях. Теперь, казалось, он потерял эту способность. Он посмотрел вниз, на темную гладкую головку Низы. Может быть, она стала слишком драгоценной для него, но, если и так, с этим он ничего не хотел делать.

Дольмаэро пошевелился.

— Еще один вопрос, если ты позволишь. Потом я должен буду пойти спать. А то не смогу пройти завтра того, что предстоит.

Руиз кивнул ему.

— Тогда скажи мне... кто же ты такой, что помогаешь нам так, как ты это делаешь? Я знаю, что тебе нравится Благородная Дама... это написано у тебя на лице. Но остальные, все мы? Прости меня за то, что я так говорю, но ты не похож на человека, который совершает по прихоти акты милосердия и сострадания.

Руизу Дольмаэро тоже нравился, и ему начинала нравиться энергичная личность Мольнеха. Все-таки Дольмаэро по сути вопроса был прав. Почему он решился спасать и остальных?

Он успешно подвел базу под свои чувства.

— В ответ я надеюсь на вашу помощь.

Дольмаэро развел руками.

— Но что мы можем сделать? Мы не учились насилию и борьбе, и мы ничего не знаем в этом мире.

Руиз немного подумал.

— Во-первых, вот что: мы должны установить вахту, так что один из нас всегда будет бодрствовать. Я не знаю, какие хищники живут в этих лесах и какие люди. В любом случае мы

не должны позволить застать себя врасплох. Поэтому... Мольнех, будешь стоять первую вахту?

— Разумеется,— просиял тощий фокусник.

Руиз взглянул вверх. Он увидел, что угрожающие дождем и бурей тучи сдуло прочь, и сквозь просветы в ветвях проглядывало звездное небо.

— Видите вон ту яркую звезду?— он показал на просвет в кронах деревьев.— Когда она зависнет над этим белокорым деревом, позовите меня, и я встану на свою вахту. А я разбужу Дольмаэро, который потом разбудит Низу.

— А мне что делать?— ухмыльнулся Фломель.

Руиз осторожно отодвинул Низу и встал на ноги. Он взял самоукореняющийся кабель, который накануне забрал из разбившейся лодки.

— Иди сюда, Мастер Фломель. Я тебе подоткну одеяльце поуютнее.

Фломель пошел за ним к самой дальней от костра палатке.

— Ты обязательно должен меня привязать, словно необъезженное верховое животное?

Руиз установил поводок, включил укореняющийся механизм, посмотрел, как тот ввинчивается штопором в скалу.

— Должен, пока тебя не объезжу.

— Я знаю, что грубо разговаривал с тобой, но я же не причинил тебе никакого настоящего вреда. Почему ты мне настолько не доверяешь?

Фломель усмехался кривой улыбкой, даже в смутном свете выражение его лица поражало готовностью к предательству.

Руиз пристроил второй конец поводка вокруг шеи Фломеля и запер его.

— Инстинктивно, скажем так.

— Я многое узнал в эту ночь, Руиз Ав. Как могу я заслужить твое доверие?— улыбка трепетала на тонких змеиных губах Фломеля.

Руиз рассмеялся.

— Пока что мне трудно себе даже представить нечто подобное. Может быть, ты что-нибудь и придумаешь.

Он подергал за поводок, убедился, что тот прочен и надежен.

— Спокойной ночи.

Мольнех занял свой пост сбоку от их укрытия и стоял неподвижно на фоне серого камня. Его трудно было заметить в темноте, поэтому Руиз одобрил его действия. Мольнех был смекалист и гибок в приспосабливаемости к новым условиям. Может, он по-настоящему пригодится.

Дольмаэро улегся спать, и только Низа сидела у потухшего костра, сгорбившись, прижав колени к груди. Он подошел к ней и поднял ее на ноги.

— Пошли отдохнем,— сказал он.

Она посмотрела на него со странно непроницаемым выражением лица, и на миг он подумал, что вот сейчас она скажет, что больше не хочет делить с ним палатку. Он вряд ли смог бы винить ее, если принять во внимание все те неприятные вещи, которые он сегодня ей сказал про ее мир и ее жизнь.

Но тут она взяла его за руку и повела в палатку.

Они лежали, тесно прижавшись, тела их соприкасались с головы до ног. Хотя в их объятиях не было страсти, Низа, очевидно, черпала успокоение в близости Руиза.

Неожиданно это успокоило и самого Руиза. Он обнаружил, как приятно просто держать ее в объятиях, чувствовать, как ее сердце бьется рядом с его сердцем. Ее запах, ее теплое дыхание, щекотное прикосновение ее волос,— все это было удовольствием, вполне достойным этого момента.

Чуть погодя дыхание ее сделалось ровным, и она заснула — но Руизу спать не хотелось. Кто знает, может быть, ему никогда более не придется насладиться подобным счастьем?

Два часа прошли как одно сладкое мгновение.

Когда Мольнех пришел, чтобы позвать его стоять выбранную им вахту, Руиз почувствовал острый укол сожаления. Он осторожно выпутался из объятий Низы, надеясь не разбудить ее. Она пошевелилась, издала невнятные сонные звуки, потом, казалось, снова впала в глубокий сон.

Снаружи низкий туман лежал возле самой земли по колено Руизу. Лес был почти неестественно тих, если не считать храпа, который доносился из палатки Дольмаэро.

— Все в порядке?— прошептал Руиз Мольнеху.

Мольнех кивнул, показал белые зубы в ухмылке.

— Можно сказать одно: ничего не случилось. Это хорошо?

Руиз ухмыльнулся в ответ.

— Время покажет, о волшебник.

Мольнех хихикнул.

— Я необыкновенно ободрен, Руиз Ав.

Он вытянул тощую, как у скелета, руку, и положил ее на плечо Руиза.

— Мы все очень верим в твои необыкновенные умения. Даже Фломель, хотя восхищение его неохотное и ему самому от этого больно.

Мольнех снова хохотнул, но потом посерьезнел.

— Наши жизни в твоих руках, но, принимая во внимание все на свете, я уверен, что дела могли бы быть и хуже.

Руиза странно тронула эта речь.

— Надеюсь, что ты прав, Мастер Мольнех. Мы сделаем все, что сможем. Кто знает, может, этого окажется достаточно.

Мольнех снова похлопал его по плечу, потом отвернулся

прочь и заполз в палатку Дольмаэро. На миг храп стих, потом снова возобновился.

Руиз нашел себе сиденье поудобнее на куче поваленного камня, как раз перед пещерой. Он настроился на долгую ночь. Ему совершенно не хотелось спать, а Дольмаэро, самый старший и грузный из них, завтра вынужден будет исчерпать весь свой запас силы и выносливости, чтобы идти с ними наравне.

И, если он не мог подарить Низе ничего другого, он, по крайней мере, мог дать ей еще несколько часов сна. Он старался не думать о том, что это могла быть ее последняя ночь.

Когда Руиз покинул палатку, Низа проснулась. Она пыталась снова впасть в уют сна, но сон не пришел к ней сразу же. В сознании ее клубились нелегкие мысли, словно они так и поджидали возможности подловить ее одну.

Она думала про Айям, гермафродита Кореаны, чье неосторожное решение изнасиловать Низу дало возможность Руизу Аву захватить воздушную лодку. У нее все еще болело все внизу, там, где мерзкое существо пыталось проникнуть в нее, но боль постепенно проходила. Она вспомнила, как страшно и молча Руиз Ав выволок это существо из ее палатки и задушил его. Эта мысль наполнила ее острым мстительным удовлетворением. Существо умерло с таким изумлением на физиономии, словно в своей смерти получило какую-то странную награду.

Руиз Ав, такой странный человек, такой тревожный клубок тайн. Сегодня в палатке, казалось, он без слов понял, что она более всего нуждалась просто в его ободряющем присутствии, его объятиях и больше ни в чем.

Нет, не в том дело, думала она, что он не умел искусно заниматься любовью. Он был и яростен и нежен, он, казалось, лучше, чем она сама, знал, где ей приятно, когда до нее дотрагиваются, он мог замечательно чувствовать темп ее страсти. В постели его рот, обычно сложенный такими детскими складками, становился мягким. Его красивые руки, руки убийцы, которые не знали пощады, касались ее с такой нежностью, когда именно нежность и была ей нужна, и крепко сжимали ее, когда наставало время силы.

Его страсть и темперамент почти пугали, если бы не приносили ей такого всепоглощающего удовлетворения. Она чувствовала в его страсти то же самое напряжение, которое бывало на его лице, когда он убивал своих врагов. Это было одновременно завораживающе прекрасно и страшно.

Ее воспоминания про Руиза Ава зашли в неприятные области, и она заставила себя думать о предстоящем дне. Что нового она увидит, какие поразительные вещи, которые никогда не существовали на Фараоне?

Потом по ней пробежала дрожь беспокойства. А какие новые чудеса совершит Руиз Ав, чтобы спасти их от Кореаны?

Низа пришла к тому, что ее доверие к Руизу Аву стало почти фаталистическим, она отказывалась верить, что Кореана может оказаться лучше него, переиграть Руиза Ава, невзирая на все преимущества, которые были у работорговки: воздушные лодки, страшное оружие, чудовищные приспешники.

Нет, думала она, снова погружаясь в дремоту, Руиз Ав как-нибудь справится. Сознание ее опустело, и она заснула.

Потом ей стали сниться сны.

Сон начался хорошо. Она снова была Низой, любимой дочерью царя. Снова при ней были все ее удовольствия: ее рабы, ее прелестные комнаты во дворце, ее книги и игры — и обожание всех и каждого, кто знал ее. Она отдыхала в качалке, глядя на прохладные зеленые сады ее отца, на ней было ее любимое платье — длинное, с высокой талией и огромными рукавами-бабочками, расшитыми крохотными блестящими ящеричными чешуйками и сшитое из голубого адского шелка.

Все было так, словно эти прошедшие недели никогда не существовали, ее заключение, ее мучительная роль в пьесе с фениксом, ее смерть в последнем акте, ее воскресение и плен инопланетян, ее странная привязанность к убийце Руизу Аву. Все-все это оказалось каким-то сном-кошмаром, который быстро таял в ее памяти.

Она прогнала крохотный голосок, который шепотом убеждал ее, что это есть сон, и голосок умолк.

Теперь она двигалась по полированным коридорам дворца ее отца, скользя легко, как листок, с той поразительной плавностью, которая дается только в снах. Дорогие знакомые сцены проплывали перед ее спящим взором. Пол из фарфоровых изразцов, на котором она играла ребенком, изразцы сотен оттенков слоновой кости. Фонтаны, в которых она купалась. Прохладные сумрачные комнаты, в которых она играла со своими любовниками — иногда это были сыновья и дочери благородных домов, а иногда просто искатели приключений с городских площадей.

Краткая тьма спустилась на ее сон, пока она не очнулась вновь на своей любимой террасе, выше всех, кроме одной, башен дворца. Солнце ослепительно светило на город, и она чувствовала благодарное изумление. Все это принадлежало ей, дворец, великий город, громада Фараона за стенами города. Все это принадлежало ей, всем она могла распоряжаться.

Она почувствовала восторг, от которого у нее закружилась голова. Она стала такой легкой от радости, что не удивилась, простирая руки, что рукава ее платья превратились в крылья бабочки.

Она поднялась, взлетев над всем, движения ее были быстры, как мысль, нечеловечески грациозны.

Дворец под нею стремительно уменьшался, и солнце стано-

вилось все жарче, но она рвалась вперед и вверх, быстрее и быстрее, пока крылья ее не занялись огнем и она сама не превратилась в комету с огненным хвостом.

Слишком поздно ее охватило беспокойство. Она обнаружила, что пролетела мимо солнца, что его живительное тепло более не достигает ее. Фараон превратился в песчинку, затерянную в пустыне.

Она посмотрела вверх. Над нею было нечто вроде блестящего черного потолка, гладкий купол, у которого не было ни начала, ни конца. Она постаралась замедлить свой полет, чтобы ее тело не разбилось об этот сияющий черный барьер, но не смогла замедлить движение. Она продолжала подниматься вверх.

Наконец крохотное круглое отверстие появилось в гладкой до сих пор поверхности. Тут до нее дошла страшная правда: она увидела, что Фараон и все на нем существовали в чудовищном стеклянном кувшине — а она сама вот-вот пролетит в его горлышко. Закрыто ли оно какой-нибудь пробкой?

Она безболезненно скользнула по гладким стенам, все выше и выше, и замедлила ход, когда горлышко сузилось и ее тело все теснее прижималось к стеклу.

Наконец она застряла, протянув руки вверх, бешено работая ногами. Она старалась протиснуться выше, царапая стекло. Крылья ее рвались, и от этого ей теперь стало больно, страшно больно, но она не обращала внимания на боль и продолжала сражаться за свое освобождение. Она подвинулась на волосок, потом еще чуть-чуть. У нее возникло страшное чувство, что туннель собирается сомкнуться и выдавить из нее жизнь. Она сделала последнее судорожное усилие, от которого чуть не порвались мышцы.

И она вылезла на край горлышка кувшина, где она прижалась к краю, и выглянула наружу, на звездные пустыни. Ее крылья превратились в кровавые ошметки боли, а звезды были холодными огнями, без тепла и смысла, в невозможной дали.

Она была перепугана, но страх ее был странно полон восторга, и в тот момент ей не хотелось просыпаться.

Остальную часть ночи Руиз сидел неподвижно, погруженный в свои мысли, только частью сознания следя за тихим лесом. Он почти не видел надежды на их спасение, вот разве что та автострада, до которой они собирались добираться с утра, оказалась бы оживленной, да еще по ней ездили бы существа необыкновенной доверчивости и наивности. Потому что кто еще остановился бы помочь им?

Когда появится Кореана, она, несомненно, привезет с собой механические искатели-вынюхиватели или каких-нибудь животных-следопытов — это были стандартные средства, которые применяли все преуспевающие работорговцы. В зависимо-

сти от эффективности поисковых устройств Кореаны, она поймает их завтра днем или на следующее утро — если Руиз не сможет найти эффективного способа для них убраться из этого района.

Руиз посмотрел наверх сквозь кроны деревьев, увидел яркие звезды, сияние орбитальных платформ Шардов. Если бы прошел дождь, как это раньше обещала погода, то поисковые устройства замедлили бы свою работу.

Он беспокоился об этом, но никак не мог найти зацепку для решения на гладкой поверхности этой проблемы. Он мог попробовать сделать засаду. У него было осколочное ружье. Но у Кореаны, вне сомнения, будет оружие и потяжелее. Если ее Мокрассарский воин оправился и будет вместе с Кореаной, то встреча с работорговкой будет безнадежной, даже если она будет настолько глупа, что затеет с ним ближний бой.

Нет, все зависело от того, найдут ли они быстрый транспорт, то есть все зависело от того, насколько им повезет. Эта печальная реальность заставила его от бессилия скрипеть зубами. Ему всегда везло, но всегда был настолько осторожен, чтобы не верить в везение.

Никогда не надо нуждаться в везении. Это и был секрет удачливости, теперь удача была ему нужна.

Когда серый свет зари стал просачиваться сквозь ветви деревьев, несколько крупных капель дождя упали сквозь кроны, разбиваясь о лесную подстилку. Потом они остановились.

Глава четвертая

Руиз торопил прочих поскорее покончить с утренними делами — за завтраком, паковании вещей, упражнениями, чтобы размять затекшие мышцы.

Дольмаэро, казалось, ночной сон освежил, но он подошел к Руизу и спросил слегка враждебным тоном:

— Почему ты не разбудил меня на мою вахту?

— Мне не хотелось спать,— ответил Руиз.— Зачем в таком случае мучиться нам обоим?

— Ну хорошо, только в следующий раз разбуди меня. Я могу выполнять свои обязанности.

— Я знаю,— сказал Руиз, понизив голос до доверительного шепота.— Собственно говоря, у меня для тебя на сегодня есть задание. Я попросил бы тебя повнимательнее последить за Фломелем. Низа тоже будет за ним смотреть, но она недостаточно сильна, чтобы остановить его, если он задумает сделать какую-нибудь глупость.

Дольмаэро кивнул.

— Как скажешь. Это странно... было время, когда труппа была для меня всем... и, невзирая на противные черты Фло-

меля, я считал его великим человеком. Он был таким замечательным фокусником,— Дольмаэро вздохнул.— Но времена меняются, и я понимаю, что был глуп.

— Нет-нет. Ты не был глуп, Старшина Гильдии. Ты был, как все остальные. Ты делал все, что мог, используя то, что ты знал.

— Возможно... это так хорошо с твоей стороны, что ты так сказал,— Дольмаэро вернулся к паковании своих вещей.

Тропинка теперь была глаже и шире, и они быстро шли по ней. Какое-то время Руиз с удовольствием позволял себе идти рука об руку с Низой, следом за остальными. Он чувствовал себя немного нелепо, словно школяр, но Низа, видимо, не видела ничего недостойного в таком проявлении чувств. Ее рука крепко держалась за его руку. Иногда она поднимала к нему свое милое личико и улыбалась.

К середине утра они стали проходить мимо свидетельств недавнего пребывания здесь человека: пластиковые обертки от еды, выброшенные предметы одежды, маленькие кучки угля там, где разводили костер. Руиз заставил себя быть осторожнее и внимательнее. Он отпустил руку Низы и объявил привал.

— Нам теперь надо быть осторожнее,— сказал он остальным.— Я собираюсь пробежаться вперед и посмотреть, все ли там безопасно и можно ли нам идти. Вы пойдете за мной более медленным шагом. Если вы услышите или увидите что-то, чего вы не понимаете и что покажется вам опасным — если вы встретите кого-нибудь, например,— сойдите с тропинки и прячьтесь в лесу.

Руиз посмотрел на Фломеля, на хитрое выражение его лица.

— Прежде всего, не давайте Фломелю никуда убежать.

Он отстегнул от пояса поводок и пристегнул его на шею Фломелю. Второй конец поводка он вручил Дольмаэро.

— Если он попытается закричать или иным путем привлечь внимание — убейте его, как можно тише и быстрее. Вы сможете это сделать?

Дольмаэро кивнул, лицо его посерьезнело. Он потрогал кинжал, который носил за поясом.

— Можешь на меня положиться, Руиз Ав.

Выражение лица Фломеля менялось от возмущенного к недоверчивому, однако он ничего не говорил.

Руиз наклонился и коснулся губами губ Низы, прошептав ей на ухо так, чтобы только она одна могла слышать:

— Следи за ними всеми.

Потом он сбежал по тропинке с холма.

Когда он оказался на много сотен метров впереди, он замедлил шаг до более осторожного. Лес не переменился, хотя тропинка стала широкой дорогой, вымощенной кирпичами цвета охры.

Ему на дороге стали попадаться каменные скамьи с причудливо вырезанными ножками и спинками, и ему пришло в голову, что тропинка эта служит для кого-то полянкой для пикников. Но он не встретил никаких туристов, хотя искренне на это надеялся. Лучше всего бы встретить туристов со скоростной воздушной лодкой, бронированной и ощетинившейся оружием. Он посмеялся сам над собой. С тем же успехом он мог мечтать, чтобы эти туристы оказались настолько бездонно глупы, чтобы воспользоваться каким-либо оружием из того, что будет нести на себе такая лодка.

Нет, единственное, что ему нужно — это пять отдыхающих с пятью, скажем, моторизованными велосипедами.

Тропинка петляла по лесу красивыми извивами, и Руизу приходилось бы срезать дорогу напрямик, он бы так и сделал, не будь подлесок таким плотным. Именно из-за извивов тропинки он мог видеть только на небольшое расстояние вперед. В воздухе чувствовались какие-то другие запахи, и он ощущал чувство того, что немедленно должно что-то случиться. Он предположил, что неподалеку должна быть развилка автострады, и стал придерживаться тенистой стороны тропинки, внимательно следя за тем, чтобы все время оставаться одному.

Руиз обошел последний поворот тропинки и обнаружил, что его автострада, на которую он возлагал такие надежды, по сути оказалась каналом.

Тропинка обрывалась на солнечной полянке, на которой стоял причал-возвышение, построенный из блестящего розового гранита, над причалом возвышался декоративный портал с воротами — две колонны в форме вставших на задние лапы куниц, которые поддерживали резную крышу в виде двух крылатых рептилий, чьи морды целовались в воздухе. Там и тут на причале возвышались полосатые шесты, на которых все еще развевались выцветшие кусочки ткани, оставшиеся, видимо, с тех пор, когда причал был покрыт разноцветным тентом.

Непосредственное впечатление, которое создавалось от этого причала, наводило на мысль, что им очень давно никто не пользуется, и сердце Руиза упало.

Он медленно подошел к причалу, все еще настороженный, но с нарастающим чувством бесполезности. Недавно набросанный на тропинку мусор заронил в него напрасные надежды, но то, что у причала был такой покинутый вид, убило эти надежды окончательно.

Он взошел по ступенькам и прошел через причал к каналу. Сам канал находился в безукоризненном состоянии. В нем были две узкие полосы воды, разделенные монобетоном. У спокойной неподвижной воды был неприятно маслянистый вид, но никакого мусора на поверхности воды не было видно. Это было обнадеживающим знаком того, что каналом, может быть, время от времени пользовались. Он посмотрел налево. Канал

прорезал деревья к югу совершенно прямой линией, и хотя ветви деревьев нависали над каналом, ни одна из веток не спускалась настолько низко, чтобы помешать прохождению баржи. Казалось, деревья регулярно подрезали.

Руиз подошел к краю канала. В стороны канала были встроены отталкивающие излучатели, как раз над линией воды, что указывало на то, что канал строили люди хорошего технического уровня. Никакая растительность не портила стороны канала, что еще раз подтверждало высокий уровень инженерной мысли.

Он сел на край канала и стал обдумывать, какой выбор у него есть. Было ли у него время построить плот? Может быть. Он мог использовать осколочное ружье, чтобы валить деревья, но это наверняка сильно уменьшит его заряд. Но что тогда? Когда придет Кореана, ее запаховые искатели наверняка приведут ее к каналу, и ей не понадобится долго стараться, чтобы их найти. Кроме того, сомнительно, чтобы они могли толкать плот шестом быстрее, чем они просто будут идти пешком.

Может быть, им удастся замести след — пройти по каналу по течению пару часов, а Фломеля столкнуть с плота в лес, чтобы сбить с толку искателей? Нет. Если не принимать во внимание, что Кореана никогда не будет настолько глупа, а удача редко улыбается людям до такой степени, это могло бы стать только краткой мерой отвлечения погони. Все их запаховые отпечатки были наверняка в картотеке Кореаны, в ее компьютерах, и наверняка она уже запрограммировала искатели. Она либо проигнорирует запах Фломеля, либо разделит силы, чтобы поймать всех.

Он рассеянно бросил веточку в воду канала. Она секунду лежала на воде, потом он почувствовал в облицовке канала высокочастотные вибрации. Он вскочил и отошел в сторону, но успел еще увидеть, как веточка задрожала и растворилась в вихре пены. Вибрация прекратилась.

Он отбросил идею плота, так же, как и несколько полусложившихся мыслей о том, чтобы использовать канал в качестве места, где можно спрятаться.

Он прошел несколько шагов к югу по краю канала и увидел, что по сторонам его существовали замечательные возможности спрятаться, особенно возле причала. Не было никаких проблем с тем, чтобы прыгнуть из укрытия на палубу проплывающей мимо баржи, если баржа не будет слишком быстро двигаться и на ней не будет слишком много стражей или оружия.

Как только эта мысль промелькнула у него в мозгу, он услышал постукивание мотора и посмотрел на север, тут же увидев баржу, которая медленно двигалась к нему по ближайшему каналу. Он отступил назад в заросли кустов и стал ждать.

Когда баржа подплыла поближе, он увидел, что на ней, очевидно, не было пассажиров или команды. Собственно говоря,

это, наверное, была автоматическая грузоперевозочная баржа, сильно вооруженная от любителей поживиться тем, что плохо лежит, но на глаз никакого оружия на ней видно не было. Корма ее сияла бесцветной сталью, обшивка округленно переходила на борта.

Она казалась самим совершенством. Когда она немного проплыла мимо его укрытия, а он все еще не видел никаких оборонительных видов оружия, он решился на риск и прыгнул на борт. Баржа двигалась довольно быстро, невзирая на внешнее впечатление от ее медлительности, поэтому Руиз споткнулся, прежде чем восстановил равновесие.

Ничто не выстрелило в него, к его удивлению.

Он повернулся и увидел причал, который быстро удалялся от него, деревья туннелем смыкались над каналом. В безопасности, подумал он. Если повезет, Кореана никогда его не найдет,— ее искателям придется обнюхивать оба берега канала, что им придется делать с гораздо меньшей скоростью, чем та, с какой он теперь двигался. Если баржа не привезет его в фатально безвыходную ситуацию, он выживет.

Теплое чувство счастья, которое его пронизало, немедленно погасло.

Низа. И все остальные, но главным образом Низа. Солнечный причал стал всего-навсего ярким пятнышком в тенистом зеленом канале. Нет, не будь дураком, сказал он себе. У них и раньше не было никакого шанса — что изменилось? Если он сейчас соскочит с этой баржи, кто знает, когда подойдет следующая? Может быть, пройдут дни. Или недели. Задолго до этого его шкура украсит апартаменты Кореаны.

Но была Низа. Он не мог знать, что Кореана учинит с Низой и остальными бежавшими, но это наверняка не будет приятным. Мысленно он уже видел, как остальные доходят до причала и видят, что его нет. Как они подумают, что случилось? Фломель наверняка поймет, в этом он был уверен. Это была как раз такая штука, которую наверняка бы выкинул Фломель, попадись ему такая возможность.

Руиз вздохнул и повернулся, приготовившись спрыгнуть на берег. Он увидел пространство между деревьями и прыгнул. Как раз в тот момент, когда он это сделал, послание-на-задание завизжало в его мозгу, что он поступает неправильно.

Он чуть не свалился в канал, но все-таки достал до берега и свалился, покатившись по земле. Послание-на-задание страшно терзало его болью. Оно не могло убить его так, как могла это сделать смертная сеть,— но боль могло причинять чудовищную. В настоящий момент волнами боли послание-на-задание говорило ему следующее:

— Руиз Ав, ты отклонился от выполнения миссии, которая

была возложена на тебя Лигой Искусств и которую ты подрядился выполнить.

Руиз лежал растянувшись, вздрагивая от боли, зубы он стиснул, чтобы не закричать, пока послание-на-задание не прекратило свое наказание. Чуть позже он сел, все еще дрожа. Никогда больше, никогда, пообещал он себе. Никогда больше он не позволит никому копаться в своем мозгу, имплантировать чужие данные вместо его собственных.

Когда он собрался с силами, он встал и начал идти по берегу, назад к причалу.

Прочие как раз пришли, когда он снова оказался на причале. Они стояли тесной настороженной группкой у подножия причала, неуверенно озираясь по сторонам. Они не сразу увидели его.

Он остановился за последним пучком густых веток и секунду наблюдал за ними. Широкое лицо Дольмаэро выказывало смесь разочарования и беспокойства. Мольнех озирался по сторонам, спокойно настороженный. Фломель, все еще привязанный к поводку, который держал Дольмаэро, сиял злорадством.

Низа стояла чуть в стороне от остальных, и, казалось, пыталась набраться спокойствия и уверенности.

Она защищала меня, подумал он, и сердце его наполнилось теплом.

Руиз вышел из своего укрытия, и они подскочили.

— Привет,— сказал он.

Он злорадно наблюдал, как лицо Фломеля вытянулось, но свет, засиявший в глазах Низы, был для него лучшей наградой.

— Мы боялись за тебя,— сказал Дольмаэро с редкой для него осторожной улыбкой.

Мольнех ухмыльнулся, на его лице-черепе это выражение показалось диким и странным.

— Ох, конечно. Но еще мы были самую капельку обеспокоены относительно наших собственных шкур.

Руиз рассмеялся.

— Глупости. Мы все куда храбрее, чем те, кто позволяет себе подобные чувства.

Низа обняла его.

— Я не волновалась,— сказала она.

— Вы слишком оптимистичны, Благородная Дама,— сказал Руиз таким странным тоном, что она секунду остолбенело смотрела на него.

— Ну хорошо, спасибо. По крайней мере, это может оказаться крупной удачей,— продолжал Руиз, показывая на канал.

— Что это такое?— спросил Мольнех.

Фараонцы происходили из такого мира, где вода была сли-

шком ценной и редкой, чтобы так спокойно оставлять ее под открытым небом.

— Это «канал»,— сказал он, используя пангалактическое слово.— Это низкоэнергетическая транспортная система. Такие штуки, которые называются баржами, плавают по ним, их толкают внутренние моторы или подталкивают специально сконструированные суда.

— Странно сложная система для такого мира, где можно с такой же легкостью пролететь по воздуху,— заметил Дольмаэро, словно он не мог до конца поверить в такую странную идею.

— Вполне возможно,— сказал Руиз.— Но она надежно работает, тратит мало энергии и обеспечивает безопасное и красивое средство транспорта. Например, мы бы не врезались в стену горы, если бы мы путешествовали баржей.

— И то правда,— согласился Дольмаэро.

— А как нам вызвать одну из таких барж?— потребовал ответа Фломель.

Руиз улыбнулся грустной улыбкой.

— Ты как раз попал в точку нашей теперешней ситуации, нашей главной страшной проблемы. Мы никак не можем вызвать баржу — мы просто можем надеяться, что одна из них появится прежде чем Кореана догонит нас.

Фломель презрительно фыркнул. Остальные стояли с убитым видом, кроме Низы, которая, вероятно, слишком привыкла полагаться на удачливость Руиза.

— Не так все плохо,— сказал Руиз.— Одна такая баржа проплыла по каналу несколько минут назад. Я прокатился на ней на небольшое расстояние, чтобы увидеть, насколько это было возможно.

— Значит, ты вот где был?— вид у Дольмаэро был немного скептический, и Руиз сообразил: он знает меня лучше, чем все остальные, даже Низа.

— Да. Баржи движутся быстро, но не так быстро, чтобы мы не успели вскочить на борт — при условии, что палубы их не охраняются, так же, как это было с той баржей, на которую вскочил я.

— А пока что нам делать? Поедим, что ли? Уже почти обед.— Мольнех выглядел веселым, но голодным.

— А почему бы и нет?

Они сидели на ступеньках причала и ели последние запасы с лодки Кореаны. Руиз пытался отогнать от себя мысли о неприятности, которая, по его мнению, должна вскоре произойти. У него не было разумных оснований надеяться, что до того, как Кореана их нагонит, по каналу пройдет еще одна баржа. Все же, зачем портить такую прекрасную минуту. Солнце припекало его спину, и Низа сидела возле него, ее бедро тесно

и приятно прижималось к нему. Возможно было, что Кореана не явится раньше завтрашнего утра — если ее не будет, он мог надеяться на то, что проведет еще одну ночь в объятиях Низы. Что же, это было самым лучшим способом провести свою последнюю ночь.

Нет! Он не должен смиряться, не должен сдаваться! Спокойное рациональное поведение в данной ситуации — не самое лучшее. Рациональное, разумное существо в его положении давно бы погибло.

Он осмотрел причал с точки зрения возможности устроить на нем засаду. У него было осколочное ружье. Остальных он мог попрятать в кустах. Он мог привязать Фломеля к одному из шестов, которых так много было на причале, словно жертвенную козу. Возможно, Кореана решит, что Фломель оказался для них обузой, когда они убегали, и остановится, чтобы расспросить его. Кто мог сказать наверняка... Возможно, Кореана окажется достаточно глупа, чтобы появиться из своей лодки без оружия, и тогда он смог бы подстрелить ее. Он посмотрел на резные ворота. Если воздушное судно Кореаны появилось бы на небольшой высоте, что обязательно произойдет в том случае, если она будет использовать механические искатели, Руиз, может быть, сможет спрятаться на верхней планке ворот, в складках крыльев одной из гранитных рептилий.

Ну что же, это был план, пусть и не самый лучший. Все же это было лучше, чем покорная кротость, с которой Руиз начинал принимать обстоятельства.

Руиз покончил со своим обедом и прислонился спиной к теплому камню. Допустим, появится еще одна баржа. Как он сможет переправить всех на борт? Баржи наверняка двигались со вполне приличной скоростью. Руиз был в хорошей форме и мог бы какое-то время бежать по берегу с достаточной скоростью, чтобы успеть прыгнуть на борт, но в остальных он не мог быть настолько уверен. У них был всего один выход — прыгнуть на борт. Любой, кто не сможет, будет оставлен, это было неизбежно. Фломель постарается быть как можно более тяжким крестом. Если он начнет волочить ноги, это может их всех чудовищно задержать.

Остальные доели обед и молча сидели по другую сторону ступенек причала, бесцельно осматривая окрестности.

Руиз встал.

— Пошли,— сказал он.— Нам надо обсудить нашу стратегию.

Остальные поднялись. Дольмаэро рывком поднял на ноги Фломеля. Фокусник теперь смотрел на Старшину Гильдии с той же самой бешеной ненавистью, которой он обычно дарил Руиза.

— Пошли к каналу,— сказал Руиз.

Когда все они оказались на берегу, Руиз заговорил.

— Задача перед нами стоит более сложная, чем это кажется на первый взгляд. Баржи движутся достаточно быстро, и у нас есть всего один шанс — прыгнуть на борт, если предположить, что на них нет ни экипажа, ни оборонительного оружия, как это было на последней барже. Кроме того, мы не знаем, с какой стороны баржа пойдет. Если она пойдет на юг, это будет самое лучшее, поскольку мы находимся на этой стороне канала. Однако, если она пойдет на север, она поплывет по дальней полосе воды.

— А как мы до нее доберемся? — спросил Дольмаэро.

— Хороший вопрос. У меня есть план. Возможно, он сработает.

Руиз посмотрел на деревья на северной стороне полянки. Он выбрал нависающую ветку диаметром с шею Фломеля, вытащил осколочное ружье и выстрелил залп. Вращающиеся осколки проволоки разрезали ветку и уронили ее в канал, где она задрожала и распалась в пыль.

Мольнех осторожно отступил от края канала.

— Я-то надеялся выкупаться, — сказал он с кривой улыбкой.

Руиз улыбнулся и пожал плечами.

— Не советую, — сказал он и повернулся к Фломелю. — Теперь я тебя должен предупредить, Мастер Фломель. Если ты будешь мне хоть в малейшей степени мешать, я в тебя выстрелю из этого ружья. Я не могу позволить Кореане поймать тебя, потому что ты немедленно ей расскажешь про нас, хотя ты заслуживаешь именно поимки Кореаной.

Фломель сглотнул, глаза его расширились.

— Понимаю.

На миг фокусник показался покорным и разумным.

— Как бы там ни было, — продолжал Руиз, — если мы увидим баржу, которая движется на север, я попробую повалить дерево через первую полосу воды, и мы все должны будем перебраться, прежде чем баржа доплывет до причала. Потом мы должны распределиться вдоль берега по очевидным причинам. Я прыгну первый, поэтому смогу помочь ловить вас. Потом Низа, за ней Дольмаэро, потом Фломель и после всех — Мольнех. Это та техника, которую вам придется использовать. Прежде чем баржа поравняется с вами, вы должны бежать что есть сил в том же направлении, куда движется баржа... Когда она поравняется с вами, бегите еще немного быстрее и прыгайте на борт. Если повезет, никто из нас не сломает щиколотку.

— Опять это слово — повезет, — сказал Дольмаэро. Но он улыбался.

— Боюсь, что так, — ответил Руиз.

Фараонцы расположились в тени ворот и стали ждать. До-

льмаэро и Мольнех постарались привести свои заросшие головы в приличное бритое состояние, пользуясь кинжалом, который Руиз дал Дольмаэро. Они по очереди скоблили друг другу головы, цирюльник старательно работал, а тот, кого брили, делал страшные физиономии, пока не слишком острый нож производил свою работу — и вред.

Чуть позже они неохотно согласились побрить Фломеля. Руизу показалось, что на простоватом лице Фломеля показалось определенное удовлетворение, когда он причинял муки старшему фокуснику.

Но в конце концов все они пришли в общественно-приемлемый вид, и их татуировки засверкали на солнышке.

Руиз решил дать своим волосам преспокойно расти, поскольку его камуфляж как продавца змеиного масла был окончательно провален и скомпрометирован. Кроме того, черная щетина на голове уже довольно сильно затемняла его начавшие бледнеть татуировки.

На полянке воцарилось молчание. Единственными звуками, которые Руиз слышал, были легкие щелчки и постукивания, доносившиеся от Мольнеха и Фломеля, которые тренировались в упражнениях на ловкость рук, пропуская маленькие камешки и веточки между пальцами. Руиз посчитал это весьма трогательным проявлением веры. Было весьма маловероятно, что фокусникам придется снова практиковать свое высокое искусство, даже если бы они и смогли удрать с Суука — но все же они оставались преданы своей профессии.

Через какое-то время и эти звуки прекратились, и по причалу пронесся легкий, как вздох, ветерок. В этой еще более глубокой тишине Руиз услышал плеск падающей воды.

Он повернул голову. Ему показалось, что звук шел от северного края полянки, где тоненькая тропинка вела в лес.

— Подожди здесь,— сказал он Низе.— Позови меня, если ты увидишь или услышишь что-нибудь — особенно подплывающую баржу.

Он ушел в лес, следуя тропинке. Меньше чем в пятидесяти метрах от полянки он набрел на чашу фонтана.

Фонтан ронял маленькую струйку прохладной воды на статую из бронзы, которая изображала какое-то пасущееся животное. У него была голова, которая весьма напоминала оленя со Старой Земли, нежная и испуганная, но у этого животного было шесть длинных, крепких ног. Фонтан питал чистое маленькое озерцо, окруженное низким барьером розового гранита. С дальней стороны озерца вода, переполнявшая его, стекала через стенку барьера и дальше в канал.

Руиз сидел на краю бассейна несколько минут, болтая рукой в воде. Он закрыл глаза. Он сидел там, а его сознание было благословенно свободно.

Он прошел обратно к остальным и сказал им про фонтан. Он повернулся к Низе и сказал:

— Хочешь выкупаться? Ты должна быть готова немедленно вылезти из своей ванны, если появится баржа. Даже если это будет означать, что ты должна прыгнуть на борт голая и мокрая.

Низа восторженно улыбнулась.

— О да! Я буду готова выскочить в любой момент, обещаю... но так хорошо будет снова стать чистой.

— Ладно. Благородная Дама выкупается первой, потом все остальные по очереди.

Она раздевалась на ходу, когда они оба шли по тропинке, отдавая ему свою одежду, как только снимала ее с себя. Когда они поравнялись с бассейном, она уже бежала вперед, нагая и прекрасная. Она бросилась в прохладную воду озерца и погрузилась в нее со вздохом наслаждения.

— Ох, как же это прекрасно,— сказала она.— Я провоняла казармами, Айям, настойками, которые в меня вливали знахари, прежде чем я согласилась сесть в лодку.

Она зачерпнула пригоршню серебристого песка со дна бассейна и стала яростно скоблить себя.

Руиз несколько минут смотрел на нее, насыщаясь зрелищем ее красоты, она не возражала против этого. Ее движения даже наполнились той кокетливой истомой, которую он нашел такой привлекательной, когда она первый раз купалась в рабских казармах, в тот день, когда они стали любовниками. Но теперь обстоятельства стали совершенно другими, и, хотя ее тело столь же сильно восхищало его взор, как и в первый день, он был слишком поглощен прочими заботами, чтобы ответить, но так, как следовало бы, и с тем же жаром, какой тогда его охватывал.

Чуть позже он встал на колени возле того места, где вода перетекала через край, и стал отмывать ее одежду в ручье, как только мог, потом выжал ее и развесил на низких кустиках, чтобы она высохла.

Она улыбнулась, словно он сделал нечто оригинальное и забавное.

— Спасибо, Руиз.

Он пожал плечами.

— На доброе здоровье. Может быть, ты то же самое сделаешь для меня, пока я буду мыться.

Секунду она смотрела на него так, словно сочла это замечание оскорблением. Ноздри ее раздулись, она открыла рот, словно собираясь выпалить какую-нибудь обидную фразу. Но потом она увидела, что он улыбается, и ее раздражение, казалось, испарилось, она рассмеялась.

— А почему бы и нет? Должна же у меня быть новая работа

в этом новом мире, раз я больше не принцесса. Может быть, я стану прачкой.

— Ты станешь самой красивой прачкой на Сууке,— ответил он.

— Ты так думаешь? Но ты почему-то ко мне не присоединился.

— Хотел бы, но что, если баржа появится в самый неподходящий момент? Если мне внезапно пришлось бы выбирать между спасением и наслаждением, то боюсь, что я стал бы нерешителен.

— О-о-о,— сказала она, но глаза ее сияли.— Ну что же, по крайней мере, я была бы сейчас лучше, чем в прошлую ночь.

— Ты для меня была вполне хороша и прошлую ночь,— ответил он.

Когда она закончила мыться, он разделся и оттер грязь с тела так быстро, как только смог. Краем глаза он видел, как она неопытными и неловкими движениями полощет его белье в ручье. Когда он надел свою одежду, она была совершенно мокрая и не намного чище, чем до этого, но он торжественно поблагодарил ее.

Фараонцы потрусили к фонтану, когда Руиз и Низа его покинули. Руиз предупредил их, что они должны быть готовы к тому, чтобы быстро действовать, и оставил их плескаться.

Руиз провел остаток дня на берегу, прислушиваясь, не покажется ли баржа, но главным образом, уделяя внимание Низе, которая сидела возле него, прислонясь к его плечу. Она рассказывала ему о своей прежней жизни на Фараоне, как бывало тогда, когда они проводили вместе дни в плену в роскошных апартаментах Кореаны. Теперь Руиз заметил разницу в ее отношении к собственным рассказам. Прежде она пересказывала чудеса дворца своего отца с огромной гордостью. Теперь ее воспоминания, видимо, были приглушены всем тем новым, что она узнала. Все обстояло так, словно она смотрела через обратный конец телескопа, так что все, что она припоминала, выглядело меньше и куда более убогим в сравнении с тем, что она видела с момента своего плена. И все же... ее ностальгическая любовь к тому, что она потеряла, была куда более очевидна, чем раньше, когда она уже не считала, что любимые радости полагаются ей сами по себе.

По мере того, как время шло, солнце садилось за горизонт, а никакая баржа все не появлялась, Руиз становился все беспокойнее. Наконец он решил, что должен приготовиться к худшему. Если Кореана действовала, не теряя ни секунды, она вполне могла появиться в течение следующего часа.

Он созвал остальных.

— Послушайте,— сказал он,— есть шанс, что Кореана заявится сюда, еще до захода солнца. Если нет, мы в безопасности

в течение ночи. Помните, что Шарды не разрешают средствам транспорта с высокой скоростью передвигаться по ночам на Сууке. Но... если она появится, нам надо быть готовыми.

— Я собираюсь спрятаться на верхушке ворот. Там я могу стрелять как следует. В любом случае, если Кореана появится, вы будете действовать сами по себе. Постарайтесь попасть в лес и спрятаться там.

Он послал Дольмаэро и Фломеля на южный край полянки.

— Вы смотрите и слушайте. Если вы услышите, как что-нибудь подходит — кричите. Если Фломель попробует мешать, столкни его в канал.

Он прижал к себе покрепче Низу, поцеловал ее.

— Ты и Мольнех будете следить с севера.

Она сжала его изо всех своих сил, потом ушла без слова.

Когда все оказались на определенных им постах, он сам вскарабкался на ворота. Он сделал это с трудом из-за скользкого гранита, но барельеф был вырезан достаточно глубокими линиями, чтобы можно было в нескольких местах поставить ногу и схватиться рукой. Он дотянулся до верхушки, потом осторожно подтянулся и улегся в щели между телом рептилии и ее сложенным крылом. Он был достаточно высоко, чтобы видеть поверх большей части деревьев. Может быть, он сможет увидеть лодку Кореаны заранее и даст знак остальным бежать в лес.

Руиз Ав попробовал найти позу поудобнее, но только отчасти ему это удалось. Он был максимально готов. Он пробовал не думать ни о чем, кроме удовольствия, которое он получит, убив Кореану.

Глава пятая

Чувства Руиза Ава бежали по крутой колее. Сперва они упали до фаталистского отчаяния, пока он ждал, когда на горизонте покажется воздушная лодка Кореаны. Но, когда солнце упало за горизонт, а она все еще не появилась, его надежда расцвела как цветок. Еще одна ночь. Было ли это слишком большой дерзостью — просить такую милость у своего везения? Он стал думать, что, возможно, это не слишком дерзко.

Он был так взволнован своим видением того, что их гибель откладывается, что он не прореагировал на тот момент, когда Мольнех закричал.

— Что?! — закричал он ему в ответ.

— Что-то приближается! — однако крик Мольнеха не был таким уж радостным.

Руиз последний раз посмотрел на просвет между пиками горы. Никакого признака Кореаны. Он выполз из своего убежи-

ща и обнаружил, что ноги у него занемели от неудобного положения.

Он спрыгнул на землю, едва не упав, и заковылял к Мольнеху и Низе как только мог быстро.

Кореана меряла шагами контрольную рубку разведывательного флиттера, который она забрала со всего космического корабля.

— Ты можешь заставить эту штуку двигаться быстрее? — спросила она у существа, которое сидело за пультом управления.

Пилот повернулся к ней, разинув свою кошачью пасть в пародии на улыбку.

— Да, госссспожа. Можно лететь и поссссскорее. Ессссли Шарды сссмотрят на насссс, как это всссегда и бывает, мы можем сссстать прелесссстной кометой, которая будет пылать этак метров шесссстьссссот. Но тогда боюссссь, нам придетссся осссстановитьсссся.

Глаза существа сверкали — так он был доволен собственным остроумием.

Она не ответила. Она давно научилась относиться к сарказму Ленша как к своеобразной плате за его службу у нее. Видимо, такая наглость была частью его крепко развитого мозга на кошачьей основе — даже генчи не могли вытащить это качество из его мозга без того, чтобы не повредить интеллект и эффективность работы Ленша.

Разумеется, она знала, что Шарды наблюдают. Инопланетные собственники Суука проводили в жизнь свои законы, весьма своеобразные, с поразительной жетокостью и четкостью. Они запрещали определенные виды транспорта, крупные военные корабли, большие военные соединения, ядерное оружие и многие другие удобные элементы современного оружия. Со своих орбитальных платформ они карали нарушителей немедленно и безжалостно.

Иногда это бывало неудобно. С другой стороны, если бы не это, не эти безумные предписания, пангалактические миры с их законами и полицией давным-давно дотла бы выжгли криминальные дела, которые таким буйным цветом ныне процветали на Сууке.

— Терпение, — сказала Кореана самой себе.

Под разведывательным флиттером проплывала мимо розовая степь. Голубые горы, где Руиз Ав разбил ее воздушную лодку, все еще были только слабым пятном на горизонте. А солнце уже было очень низко. Они никогда не доберутся туда до темноты, а разведывательный флиттер наверняка не был сконструирован так, чтобы приспособиться к медленному наземному движению — единственному, которое Шарды разрешали

после захода солнца. Ей придется приземлиться, а тогда Руизу Аву придется до утра подождать своей заслуженной награды.

На какое-то время Кореана погрузилась в мечты о том, что она сделает с этой весьма хлопотливой для нее личностью. Руиз украл ее лодку и несколько самых ценных рабов, убил двоих из ее наиболее полезных приспешников, почти убил бедного Мармо. Теперь Мармо находился в грузовом отсеке, где его пытался починить брат Ленша, Фенш. Медицинская прилипала старательно лечила те фрагменты плоти, которые еще оставались в киборге. Фенш же управлял ремонтным роботом, который чинил механизмы Мармо. Кореана обзывала себя сентиментальной дурой. Если бы она не остановилась, чтобы подобрать Мармо на его изуродованном летательном пузыре, а потом не стала бы идти обратно по собственным следам, чтобы найти батарею питания, они добрались бы до разрушенной лодки задолго до темноты.

У дальней стенки каюты ворочался Мокрассар, его когти скрежетали по пластиковому покрытию палубы. Он только что вышел из ячейки, где залечивал раны в панцире, и вонь от него была особенно мерзкой, но Кореана давным-давно научилась не обращать внимания на эту вонь. В конце концов, это была вонь богатства — очень немногие весьма богатые люди могли себе позволить иметь раба-Мокрассара, к тому же такого прекрасного воина.

Она спустилась в грузовой отсек, где Мармо лежал, прижатый к ремонтному станку. Нижняя часть лица киборга была бледной, на коже выступили капли пота, но он пришел в сознание, и слабая улыбка играла на его губах.

— Как дела? — сухо спросила Кореана.

— Гораздо лучше, спасибо,— ответил Мармо.

Кореана потянула воздух носом. Ее чувства к старому пирату были неоднозначными. Он был с нею уже долгое время, он был существом, которого она могла, пожалуй, назвать своим другом, он всегда находил способ оказаться полезным. С другой стороны, он, видимо, совершил какие-то неразумные поступки. Как же еще Руиз Ав смог завладеть лодкой?

— Что произошло, Мармо? — она всеми силами пыталась подавить раздражение.

Окуляры киборга с тонким шипением сменили фокус, словно он смотрел не на Кореану, а на какое-то воспоминание.

— Он переиграл меня. Я не знаю ничего из того, что случилось с Айям и Банессой, кроме того, что они оба, должно быть, мертвы.

— Да.

Кореана нашла огромный труп великанши и меньшие по размерам останки Айям, покрытые пресытившимися стервятниками. Они лежали неподалеку от того места, где находилась батарея питания Мармо.

— Можешь ты рассказать подробнее?

— Это была вахта Айям, как раз после полуночи. Я был в рубке управления, Банесса в своей каюте. Я понял только то, что Руиз Ав вскочил в люк, ухмыляясь, как демон, размахивая каким-то примитивным оружием. Я смог выпустить заряд — у меня было осколочное ружье — но я все-таки промахнулся, и цепи плотно обвились вокруг меня. На момент я оказался совершенно беспомощен, а потом Руиз Ав выстрелил в меня из какого-то древнего баллистического оружия, и снаряд выбил у меня из руки ружье.

Мармо глубоко вздохнул.

— С этого момента все события развивались не в мою пользу, и скоро он опрокинул меня на спину, а Руиз Ав стал пропиливать мне шею тупым ножом. Он не оставил мне другого выбора, и я должен был помочь ему.

— Ты мог бы выбрать смерть, а не предательство.

Мармо вздохнул.

— Может быть. Но должен тебе сказать, не думаю, что это помогло бы как следует. Этот человек не принадлежит к человеческому роду. Ты уверена, что надо его преследовать? Это может принести больше беды, чем выгоды.

Кореана на него уставилась. Что такое случилось со старым чудищем? В его пиратские дни он должен был перенести гораздо более серьезные поражения. Те жалкие остатки плоти, которые все еще держались на его костях, свидетельствовали о страшных ранах. Что такое был Руиз Ав, если не просто ловкий трюкач с хорошими рефлексами?

— Хорошо, — сказал Мармо, — пусть так. Если ты хочешь непременно его заполучить, я помогу тебе. Как и всегда. Но давай дадим друг другу клятву никогда больше не допускать ту же ошибку: недооценивать его. Мы должны быть очень-очень осторожны.

— Мармо, — сказала она, — он причинил мне страшную обиду, во многих отношениях. Я должна причинить ему еще большую боль, прежде чем я снова смогу быть счастлива. Ты понимаешь?

— Да, Кореана, — сказал он самым слабым шепотом.

Руиз Ав добрался до берега, где стояли Мольнех и Низа, и посмотрел на север.

— Что это, Руиз? спросила Низа.

Он не был вполне уверен. Казалось, приближалась целая флотилия барж, но их очень трудно было рассмотреть на таком расстоянии. Он прищурился от ярких бликов, которые бросало на воду заходящее солнце, и стал ждать.

Секунду спустя он увидел, что на баржах были странные высокие надстройки, огромные невиданные лица, может быть, даже фигуры животных. Они выглядели немного как плавучие украшения на каком-то водяном параде.

— Погодите здесь,— сказал он остальным.— Если вы увидите, что я прыгаю на борт, прыгайте следом за мной. Если со мной что-то случится, бегите прочь.

Он как можно скорее направился к приближающимся баржам.

Чуть позже он был всего лишь в пятидесяти метрах от ведущей баржи и сразу бросился с берега в дремучие лозы, которые давали замечательную возможность спрятаться.

Прежде чем он мог принять решение, надо было в считанные секунды рассмотреть очень много деталей. Всего по реке плыли шесть барж, все были чуть длиннее, чем та грузовая, которая проплыла чуть раньше. Кроме того, у них у всех были более крутые бока. Скульптуры, которые были приварены к их во всех отношениях ничем не примечательным палубам, были странные, даже немного пугающие. На носу каждой баржи были красивые удлиненные лица красивых мужчин и женщин, но они были слишком крупными для скорченных человеческих тел, с которыми они были слиты. Казалось, что громадноголовые гиганты встали на колени на палубах барж. На лицах их было выражение отстраненного восторга — широкие глаза, спокойные улыбки. Скульптуры были выкрашены в сочные основные цвета радуги, а половые признаки их были преувеличены. Груди были массивными висячими грушами, которые занимали фордек от борта до борта. Пенисы были огромными, словно древесные стволы, перевитые венами, они занимали всю длину палубы и загибались кверху под подбородками фигур. Огромные болтающиеся цепи шли от тяжелых поясов на талиях фигур к бортам.

Но он не видел никаких следов того, что на палубе была какая-либо команда. Первая баржа прошла по каналу в вихре пены. Руиз увидел два стандартных шлюза безопасности, вделанные в борта, по штирборту и бакборту. Однако он не увидел никаких следов оружия с машинным разумом — что, впрочем, ничего не означало.

Прошла и вторая баржа. Руиз не смел больше медлить. Когда третья баржа поравнялась с ним, он прыгнул из своего укрытия и пробежал параллельно барже несколько метров. Он едва мог угнаться за нею. Остальным придется помогать. Он свернул поближе к краю канала, подпрыгнул и благополучно приземлился на палубе.

Ничто не попыталось убить его, и он крикнул остальным, чтобы они приготовились. Баржа быстро приближалась к причалу.

Он услышал крики Дольмаэро, который расставлял остальных так, как они первоначально планировали. Он почувствовал прилив благодарности к компетентному и умному Старшине Гильдии.

Низа бежала вдоль берега, и он поймал ее, когда она прыг-

нула, чтобы не дать ей упасть. Он поставил ее на ноги и повернулся, чтобы поймать протянутые руки Дольмаэро, когда Старшина Гильдии потерял опору под ногами и стал падать в воду. Вес Дольмаэро грозил стащить Руиза в воду, повалить его с ног, но он изо всех сил тянул, и вытащил Старшину на палубу, где тот растянулся на животе.

Прежде чем он смог восстановить равновесие и повернуться, Фломель ударил его, стараясь схватить его осколочное ружье, когда сила удара отбросила Руиза от него. Ярость ослепила Руиза. Он присел на корточки и вихрем развернулся, вложив всю силу движения в руку и сжав кисть в тугой кулак. Он на полном ходу ударил Фломеля по лбу. Фокусник отлетел назад, врезался, раскинув руки, в огромное стальное бедро статуи, потом словно стек на палубу, будто в нем совсем не было костей. Однако ружье каким-то образом отлетело от палубного покрытия и с плеском упало в канал.

Мольнех появился рядом с Руизом. Видимо, он был более гибким, сильным и ловким, чем остальные. Он хотел было протянуть Руизу руку, но увидел выражение его лица и отшатнулся. Он даже защитным жестом поднял руки к лицу.

— Успокойся,— пропищал он.— Беда уже случилась, и Фломель за нее заплатил.

— Заплатил?— спросил Руиз, пытаясь овладеть собой.— Если он сдох, то легко отделался.

Низа встала на колени возле фокусника, который действительно выглядел как труп.

— Дышит. Давайте сбросим его в канал,— предложила она.

Лицо ее побелело, словно бумага, если не считать двух красных пятен на щеках.

Выражение ее лица было однозначно хищное, и это почему-то выбило Руиза из его собственной ярости. Он подумал о том, что не может того быть, чтобы он выглядел точно так же, хотя его жесткое лицо наверняка гораздо больше практиковалось в таком страшном выражении, чем ее юное и гладкое.

— Нет,— сказал Руиз,— оставьте его в покое. Если он выживет, я собираюсь его продать первому работорговцу, которого встречу. Если когда и жил на свете человек, который заслуживал бы рабства — то это Фломель.

Руиз приказал своему стаду стоять смирно, пока он не обследует баржу. Дольмаэро серьезно кивнул головой, Низа нежно похлопала по руке. Мольнех был занят тем, что рывком пытался посадить Фломеля в более удобное положение, поэтому он даже не поднял глаз.

Несколько минут Руиз прохаживался по палубе, не находя никаких очевидных приспособлений для поддержания безопасности на борту, никаких потайных люков, кроме тех шлюзов безопасности, которые он увидел еще с берега. Хотя с берега

это не было заметно, баржа была спроектирована так, чтобы дать пассажирам на палубе хоть какой-то комфорт. В различных нишах и закоулках баржи были сиденья и скамьи, которые были покрыты красным камнем-пуховиком. Под аркой, образованной висячими яичками и пенисом фигуры, была роскошная полукруглая ниша, в которой пол был устлан ковром — это позабавило бы Руиза, если бы настроение у него не было таким мрачным. Потеря осколочного ружья нанесла их шансам выжить тяжкий удар. Как он мог оказаться столь небрежным и беззаботным? Естественно, что Фломель хлеб себе зарабатывал тем, что у него были быстрые и ловкие руки. Очень немного можно было найти в мире рук столь же быстрых, как руки фокусников с Фараона. И все же Руиз горько обвинял себя.

Со спины фигуры была спиральная лестница, которая и вела к спине статуи. Руиз осторожно поднялся по ней, но нашел, что верхняя палуба столь же пустынна, как и нижняя. На верхней палубе стояли ряды скамей, которые напомнили ему лодку для прогулок по рекам и экскурсий. Впереди проход с лестничкой вел в наблюдательный пост в черепе статуи.

И нигде он не мог найти способа проникнуть вовнутрь баржи.

Какое-то время он постоял на наблюдательном возвышении, облокотясь на отполированные перила, глядя на туннель деревьев, по которому они проплывали. Солнце почти совсем спустилось за горизонт. Все озарялось тем неуверенным золотистым светом, который освещает мир тогда, когда тени на землю падают самые длинные. Он чувствовал глубокую усталость, которая ничего общего не имела с физическим утомлением. Та незыблемая скала, к которой он привык, выстраивая на ней свою жизнь, казалось, поколебалась. Он больше как будто не в состоянии был следовать тем принципам, которые успешно вели его ранее по жизни. Например: врага нужно убивать как можно скорее, лишь только представится удобный случай. Ему бы надо было убить Фломеля давным-давно, разумеется, ему и сейчас еще не поздно было это сделать. И так он, конечно, и поступит — вот только преодолеет это внезапно возникшее в нем отвращение к убийству.

Но еще важнее для его существования было правило: никого не дари своим доверием. А он нарушил это правило тысячи раз с тех пор, как встретил Низу.

Ему стало страшно. Это был такой страх, какого он не чувствовал уже долгие, долгие годы. Он даже не помнил, когда последний раз испытывал нечто подобное. Он наклонил голову и положил ее на руки. Если он не забыл бы столь крепко, как плачут, наверное, сейчас он мог бы заплакать.

Руиз краем глаза уловил какое-то движение и поднял голову. Над широкой спиной ведущей баржи кто-то смотрел на него

сквозь ограду наблюдательного возвышения. Мгновение спустя человек смущенно встал. Руиз увидел тощего старика, одетого в лохмотья, которые когда-то можно было назвать роскошной одеждой. У старика было тощее волчье лицо, страшно свалявшаяся грива седых волос и большие очень светлые глаза. Выражение его лица было настороженное, но дружелюбное, словно он понятия не имел, кем это Руиз может быть, но не хотел рисковать и чем-либо его обидеть.

Они посмотрели друг на друга. Потом старик поднял хрупкую руку и приветственно помахал ему, жест был настолько незначителен, что можно было принять его просто за старческое дрожание рук.

Руиз помахал ему в ответ, не намного сильнее.

Двое других людей появились по сторонам старика. Одна из них была молодая девушка, в тряпье вроде того, что было на старике, хотя ее одежда была почище. Лицо ее было круглым и неприметным, но она улыбалась с подлинным дружелюбием.

Вторым оказался молодой человек, на котором был невзрачный комбинезон какой-то армейской формы, такие можно по дешевке купить в магазинчиках уцененных товаров тысяч миров. У него было широкое лицо с грубыми чертами, вид у него был глупо самоуверенный. Он демонстративно плечом отпихнул в сторону старика, как только убедился, что никто его за это не упрекнет, а потом уставился на Руиза с бычьей враждебностью на физиономии.

Руиз беззвучно рассмеялся, потом снова помахал им — на сей раз с более веселым видом и отчетливее. Молодой человек открыл рот от удивления, потом захлопнул его с раздраженным видом.

Руиз отвернулся, но на душе у него стало спокойнее, раз на баржах не они одни ехали зайцем. Видимо, остальные использовали эти баржи точно так же. Может быть, они были столь же невежественны, как и Руиз, в том, что касалось опасностей такого путешествия, но, по крайней мере, то, что они были живы, уже обнадеживало.

Он прошел к концу наблюдательного возвышения и уставился на остальные баржи, но, если на них и плыли пассажиры, никого не было видно.

Он чувствовал, глядя на широкое стальное лицо фигуры на следующей барже, что оно невольно его завораживает. Это было лицо женщины с огромными глазами, прикрытыми тяжелыми веками, высокими точеными скулами, каскадом густых волос. Рот ее был чуть более полным, чем могло бы считаться красивым, словно его распирало какое-то внутреннее давление. Пропорции и детали были изысканно выполнены, очень отличаясь этим от грубого гротескного тела. Тела были смехотворны. Это лицо было необыкновенно эротически притягательно.

Он вернулся назад на нижнюю палубу, где Фломель начи-

нал стонать и проявлять прочие признаки того, что он приходит в себя. Мольнех смывал кровь там, где кулак Руиза рассек кожу на лбу Фломеля, и он посмотрел на Руиза со странным двусмысленным выражением.

— Череп у него, может, и треснул, но вроде как не проломлен,— сказал Мольнех тоном, в котором можно было услышать и упрек, и одобрение.

— Мне плевать,— грубо сказал Руиз,— если он выживет, я заставлю тебя отвечать за его поведение — остальные недостаточно быстры.

— Да,— сказал Мольнех.— У Фломеля всегда были ловкие пальцы. Мне очень жаль, что из-за него мы потеряли оружие, Руиз Ав.

— Ладно, вот его поводок, Мольнех. Я пристегну его к шее Фломеля. Вот второй конец поводка и ключ от него. Если тебе придется оставить его где-нибудь, продень поводок в щель или оберни вокруг какого-нибудь крепкого столба, который невозможно выдрать из основания, и застегни его с помощью ключа. Понял?

— Я буду сторож ему, Руиз Ав,— к Мольнеху, очевидно, вернулось его обычное настроение веселого и жизнерадостного ожидания грядущих событий.

— Отлично. Вот что, еды у нас не осталось, но у нас все еще целы наши фляги с водой, а пустые животы в течение пары дней нас не убьют. Самое главное вот в чем: мы с каждой минутой все дальше от Кореаны, что, на мой взгляд, лучше всякой еды.

Только Мольнех, казалось, на миг усомнился в справедливости такого взгляда на жизнь.

Руиз рассказал остальным про свои открытия и находки, про свои догадки относительно прочих пассажиров. Он приказал Мольнеху и Дольмаэро ждать в выстланной коврами нише, где они, если хотят, могут поудобнее устроить Фломеля. Он встал и взял Низу за руку.

— Будьте начеку,— сказал он мужчинам.— Позовите меня, если увидите что-нибудь странное.

Низа хихикнула, и Руиз проследил направление ее взгляда, устремленного на огромный фаллос, который простирался по всей длине баржи.

— Ладно, понял,— поправился он.— Если увидите что-нибудь странное и опасное.

— Мне и это кажется весьма опасным,— сказала она.— Что за народ поклоняется таким странным идолам?

— Не знаю,— признался он.— Я думаю, мы это скоро обнаружим, но, надеюсь, не прежде чем как следует удалимся прочь от Кореаны.

Потом он привел ее на наблюдательное возвышение, где они сидели вместе, тесно прижавшись друг к другу, в молчании, пока солнце не упало в воду и не сгустились сумерки.

Глава шестая

С приходом полной темноты баржа озарилась миллионами крохотных огоньков. Бусинки мягко светящегося разноцветного огня тесно прижимались друг к другу на каждом борту, на каждом боку статуй. Руизу пришло в голову, что баржи, должно быть, представляют из себя замечательное зрелище, если любоваться ими со стороны канала. Он подумал, что интересно было бы знать, смотрит ли на них кто-нибудь.

Низа зарылась лицом в его плечо.

— Мне трудно заставить себя поверить в это,— прошептала она.— А ты? Ты уверен, что это не какой-нибудь лихорадочный бред? Или, может быть, мы с тобой свалились в одну из сказок про гоблинов, какие няня мне в детстве рассказывала? Такие сказки няни рассказывают детям, чтобы их напугать.

— Ты так думаешь?— спросил он.

— Может быть.

— Если это сказка про гоблинов, то что нам делать?

— Я никогда не была плохой,— сказала она и рассмеялась.— Ну ладно, была, только иногда и редко. В любом случае, герой всегда точно знает, что нужно делать. Он никогда не беспокоит принцессу дурацкими вопросами на этот счет. По крайней мере, он ее не спрашивает, ту, которую он спасает, что, по ее мнению, им надо делать.

Руиз вздохнул.

— Из этого следует, что я не слишком уж хороший герой.

— О нет,— ответила она и коснулась его лица.— Ты замечательный герой.

Она подняла к нему лицо и нежно его поцеловала. Ее губы были такими мягкими и так нежно прижимались к его губам, словно спелый сочный плод, липкий от сладости, но в то же время полный жизни и энергии. Его рот потом покалывало иголочками там, где она его поцеловала.

Руиз только сейчас осознал, что они теперь в большей уединенности, чем за все прошедшие дни. Он снова поцеловал ее, более настойчиво, и почувствовал, как ее язык скользит по его губам. Он задышал тяжелее, и сердце его застучало.

Она оттолкнула его, медленно и плавно, и он отпустил. Глаза ее, казалось, стали немного ошеломленными, губы припухли. Она долго смотрела на него неподвижным взглядом, потом, все еще глядя ему в глаза, она легла на скамью на спину.

Он подумал, не опасно ли ему так забываться именно теперь. Он решил, что ему все равно, хотя какая-то древняя его часть в ужасе скорчилась от такой беззаботности.

Он легко коснулся ее колена дрожащими пальцами. Лицо ее

расслабилось, и она возвела взгляд вверх, к звездам. Он медленно, восхищаясь красотой ее кожи, поднял край ее рубахи, гладя сильные мышцы ее ног. Он расстегнул подвязку, которая прижимала к ее бедру кинжал, и уронил его на палубу.

Когда его руки поднялись выше, она вздохнула, и ее бедра раскрылись. Он встал на колени возле нее и стал целовать ее колено, потом поцелуями проследил линию внутренней поверхности ее бедра, пока она не задышала бурно и прерывисто и не выгнулась ему навстречу, подставляя свои бедра его поцелуям.

Много позже она встала на колени на скамье, нагая, сжимая перила, ее влажные пряди волос спутались на спине, голова была закинута, она постанывала в такт его сильным толчкам. Его руки впились в ее бедра, и он смотрел на ее тонкую талию и округлые ягодицы, которые образовывали перевернутое сердечко, он восхищался ее красотой.

Он стал двигаться быстрее, и она стала двигаться ему навстречу, нежно толкая его бедрами, голос ее стал хриплым и прерывистым.

Как раз перед тем, как они испытали последнее жгучее наслаждение за эту ночь, он взглянул вверх и увидел совершенное лицо статуи на той барже, что следовала за ними. Может быть, это было навеяно лихорадочным восторгом минуты, но в тот миг ему показалось, что статуя наблюдает за их соединением, и что глаза ее сияют ничем не смущенным удовольствием. Словно бы статуя восхищалась жаром страсти между Руизом и Низой. Впечатление было поразительно острым. В этом взгляде статуи было что-то извращенное, и в то же самое время в нем было нечто настолько свирепо эротичное, что Руиз подчинился ему, задрожав всем телом, вжимаясь как можно сильнее в тело Низы, как только можно глубже. Он вливал в нее свои жизненные соки волна за волной невыразимой радости. Она заметалась под ним, беззвучно что-то выкрикивая, протянула назад руки, чтобы впиться в его бедра и прижать его к себе еще теснее.

Потом они лежали на скамье вместе. Руиз прикрыл их сброшенными ими рубахами. Это помогало сохранить то тепло, которое еще источали их тела, и потом он целиком отдался восхитительному чувству, которое он испытывал, лежа с Низой под звездным небом. Он находил почти дух захватывающее удовольствие в том, чтобы чувствовать мельчайшие движения ее влажной плоти рядом с его телом. Он пронзительно чувствовал тонкости ее тела, там, где они соприкасались. Мягкость ее грудей, слегка колкое давление ее сосков на его груди, перистое легкое прикосновение ее волос, более жесткие волосы и скользкое тепло между ног, там, где она сжала бедрами его бедро.

Он сообразил, что в ее любовных порывах появилось нечто

новое. Та сдержанность, которую он раньше чувствовал в ней, в тот первый раз в купальном бассейне, та сдержанность, которая относила их близость к разряду случайных связей,— исчезла.

Она отдавалась ему без ограничений и сдержанности. Он подивился про себя, что же изменилось для нее.

Когда они наконец заговорили, сперва они вели речь о каких-то мелочах. Сладость и мягкость ночного воздуха, красота звезд, которые проскальзывали сквозь проплывающие мимо ветви деревьев, успокаивающее мурлыканье моторов баржи.

Низа оперлась на локоть и рассеянно погладила его грудь.

— Ты знал о том, что женщины на Фараоне рожают детей только когда захотят? Каждый месяц, когда кончается кровотечение, они пьют отвар корня далафреи — а потом, когда они выпили его, до тех пор, пока кровь не придет снова, они могут получать удовольствие безо всяких последствий. Пангалактические женщины делают то же самое?

Руиз не был готов к ее вопросу и заговорил не подумав.

— У них есть другие способы. И у пангалактических мужчин тоже. Но тебе можно не волноваться. Когда тебя взяли в плен, то доктор приживил тебе вот это.

Он дотронулся до кожи на ее левом предплечье, где противозачаточная капсула чуть выступала над кожей еле заметным бугорком.

Она с любопытством пощупала легкую припухлость.

— А-а-а,— сказала она голосом человека, который сделал печальное открытие,— это для того, чтобы рабы оставались в товарном виде?

Он кивнул, ему стало досадно за свою бестактность. Он прижал ее к себе покрепче, и она не стала протестовать.

— Это очень легко убрать,— сказал он.— Это можно сделать в любой момент, когда ты захочешь.

Меж ними воцарилось молчание.

Наконец она заговорила задыхающимся шепотом.

— Я никогда тебя об этом не спрашивала, но я много об этом думала. Там, далеко, на твоих пангалактических мирах, есть женщина, которой сейчас хочется, чтобы ты был там? Есть ли такая, к которой тебе хотелось бы вернуться?

— Нет,— ответил он.— Никого такого нет.

Он улыбнулся.

— Я честно признаюсь, что я бы больше хотел быть там, чем здесь, но я не пожелал бы ни за что на свете другого спутника.

Это была правда. Он искренне собирался перестать постоянно задумываться, почему он так изменился и что в нем пошло вперекос.

Он знал, что с ним не так, как раньше.

— Нет, мне не хотелось бы быть с кем-то другим,— сказал он.

«Даже,— подумал он,— если это означает, что я должен буду навсегда остаться где-то здесь и больше не увидеть дома».

— О-о-о,— сказала она и каким-то чудом пристроилась рядом с ним так, что стала еще мягче.

Долгие мирные минуты спокойно проходили.

Он пребывал в том приятном промежутке между сном и явью, пока не услышал, как Мольнех вскрикнул.

— Руиз Ав!

Он резко вскочил на ноги, чуть не уронив Низу на палубу.

Мольнех снова прокричал его имя, но теперь в его голосе не было тех ноток паники, что раньше, поэтому Руиз все-таки оделся, прежде чем подойти к лестнице.

— Подожди меня здесь,— сказал он Низе, которая, совершенно очевидно, все еще была сонная. Она кивнула, роскошно потянулась и наклонилась, чтобы собрать свою одежду.

Руиз спустился по лестнице и пробежал к тому месту, где стояли Мольнех и Дольмаэро. Он увидел, что они таращатся во все глаза на что-то, что лежит на палубе.

Когда Руиз посмотрел вниз, он очень удивился, увидев поднос из нержавеющей стали, на котором стояло множество стеклянных сосудов, две буханки поджаристого хлеба, круг сыра, корзина, которую переполняли маленькие золотистые гроздья винограда, и маленькая зеленая фарфоровая вазочка с тремя красными цветами. С одной стороны стояла стопка пластиковых чашек и салфетница с бумажными салфетками.

— Откуда это появилось?— спросил Руиз.

Дольмаэро пожал плечами.

— Не знаю. Я как раз встал и стал прогуливаться по барже,— у меня ноги затекли. Несколько минут назад здесь такого не было. Теперь вдруг появилось. Я позвал Мольнеха. Он позвал тебя.

Руиз повернулся к Мольнеху.

— А Фломель?

— Привязан как следует,— сказал Мольнех.— Но приходит в себя. Его жалобы бесконечны. Голова у него болит, он весь болит, на нем живого места нет. Его достоинство фатально оскорблено, и он очень голодный.

— Беда какая,— рассеянно сказал Руиз.

Он снова посмотрел на палубу, не увидел в ней никаких швов и стыков, которые могли бы указывать на то, что в ней может быть скрытый люк, из которого могла появиться еда.

В его собственном желудке бурчало, живот посылал ему недвусмысленное сообщение. Все они были голодны. Безопасно ли было есть эту пищу? Он поднял один из сосудов, открыл пробку и понюхал. Вино.

— Тогда ты должен сделать вот что,— сказал он Мольнеху.— Принеси Фломелю сосуд вина, хлеб и сыр, пригоршню винограда. Скажи ему, что мы уже поели. Не хочет ли, дескать, и он. Если он спросит, откуда взялась еда, скажи ему, что я обнаружил запасы еды для пикников на верхней палубе и вломился в эту кладовку.

Мольнех кивнул.

— Он поверит. А если он поест и выживет?

— Тогда мы все поедим.

Они все поели, и таинственная пища не принесла им никакого вреда. Руиз и Низа снова ушли на верхнюю палубу, где Низа облокотилась на поручни и смотрела на проплывающий мимо лес. Руиз сел возле нее и пытался разгадать значение их странных обстоятельств.

Какие возможности лежали перед ними? Самое простое объяснение состояло в том, что они путешествовали с щедрыми и благожелательными отшельниками. Но это казалось абсолютно абсурдным. Почему это отшельники станут путешествовать в таком, мягко говоря, экстравагантном стиле? А если в их обычаях было давать широкой публике бесплатные поездки по реке, еду и вино, почему же баржи не были усеяны гостями?

Может быть, баржи были какими-то ловушками, специально рассчитаными на то, чтобы ловить наивных, неосторожных и бродяжек? Тогда, для таких-то изысканных ловушек, они были весьма неэффективны. Потому что пока, насколько он мог судить, они поймали только восьмерых бродяг, причем пятеро из них попали на эту баржу чистым случаем. И все же это объяснение показалось ему наиболее логичным.

Ему пришло в голову, что можно было бы проверить эту теорию, просто посмотрев, позволит ли ему баржа спрыгнуть с нее. Но сегодня ночью, в темноте он с трудом мог бы избежать того, чтобы врезаться в какое-нибудь дерево на берегу и размазать себя по стволу. Может быть, утром он попробует.

Разумеется, если они проплывут мимо каких-нибудь цивилизованных поселений, тогда они все покинут баржу, если только это окажется возможным.

— Ты хочешь спать?— спросила Низа.

— Немножко,— ответил он, сам удивившись, что это правда.

— Тогда сегодня ночью ты спи первым, а я буду смотреть в оба и караулить.

Он повернулся и прижался щекой к этому прекрасному бедру.

— Хорошо,— сказал он.

К его величайшему изумлению, он действительно заснул,

глубоко и крепко, лежа на скамье и положив голову на колени Низы.

Может быть, ему даже снились сны, хотя из-за давней своей привычки он немедленно подавил желание вспомнить свой сон, как только Низа потрясла его за плечо, чтобы разбудить его. Он вынырнул из сна и сел, потряс головой. Был ли этот приятный сон хоть раз в его жизни? Он никогда этого не узнает.

Свет с неба шел холодный и серый, и в воздухе была та прохлада, которая всегда сопутствует заре. Руиз удивился, увидев, что ночь прошла. Он не намеревался столь долго спать. Он встал и взглянул на проплывающий мимо лес.

Низа неуклюже пошевелилась, словно мышцы ее затекли.

— Я хотела, чтобы ты подольше поспал,— сказала она.— Но я слышала, как Дольмаэро тебя звал.

— Что случилось?

— По-моему, ничего серьезного, он не был похож на человека, который чем-то взволнован. Может быть, завтрак появился,— она потянулась, потом потерла спину и поморщилась.

Он коснулся ее щеки.

— Тебе надо было переложить мою голову на скамью. Ты — самая мягкая подушка, но тебе не надо было так каменеть ради моего удовольствия.

Она рассмеялась и игриво откинула его руку.

— Но ведь ты кое-где закаменел ради моего удовольствия,— сказала она.— И я хочу тоже делать для тебя то, что могу. Ведь сколько всего ты сделал для меня! Я уже и счет потеряла. Ну а я что для тебя сделала?

— Очень много,— ответил он, и в этом он был совершенно искренен.

Действительно, это был завтрак — еще один поднос стоял на палубе. На нем было блюдо, доверху наполненное все еще горячими пышками, белая чаша, в которой были бледно-голубые крутые яйца, сосуды с темно-красным вареньем и медом, и огромный кувшин с каким-то пенистым розовым соком.

Дольмаэро стоял возле подноса, и вид у него был слегка торжествующий. Мольнех выглядел голодным до смерти.

— Одна загадка разрешилась,— сказал Дольмаэро.

— А?— спросил Руиз.

Дольмаэро показал на живот статуи.

— Это появилось вот отсюда. Тот металл открылся, спустился поднос, он висел на тонкой палочке. Поднос опустился на палубу, палочка убралась внутрь, а металл закрылся, как и раньше.

— Это объясняет только «как», но совсем не объясняет «почему»,— заметил Мольнех.— Но я не жалуюсь. Кто бы мог по-

думать, что подобные вещи могут происходить? Для отчаявшихся беглецов мы живем совсем неплохо.

— Возможно,— сказал Руиз.— В любом случае мы можем пока поесть, раз пышки еще не совсем остыли.— Он поднял поднос.— Фломель привязан как следует?

— Разумеется,— ответил Мольнех обиженным тоном.— Я старательно выполняю все твои распоряжения.

— В таком случае пойдемте на верхнюю палубу, где лучше вид на канал, и где нам не придется выслушивать вопли Фломеля,— сказал Руиз.

Кореана выругалась и пнула ногой останки головы Кроэля, непродуманный поступок, который оставил пятно на ее закованной в броню ноге и вызвал еще один взрыв ругательств. Грузовой трюм ее разрушенной воздушной лодки весь пропах смертью и горелой изоляцией. И еще Мокрассаром, который стоял рядом с ней в настороженной позе и всегда наготове.

Мармо подлетел вперед на своем подремонтированном летательном пузыре и осмотрел дыру в стене машинного отсека.

— Безумная удача,— мрачно заметил он,— разве ты не замечаешь, насколько этот человек удачлив? Даже слишком удачлив?

— Брось свои дурацкие пиратские суеверия, Мармо,— Кореана обратила к Мармо свирепый взор.— Вместо этого ты мог бы начать придумывать какой-нибудь полезный совет — поскольку именно за это я тебе и плачу.

— Воистину,— но он более ничего не говорил.

Она подошла к шлюзу и сделала знак Феншу принести ремонтного робота из разведывательного флиттера. Она приказала Мокрассару убрать останки Кроэля. Когда огромный насекомообразный воитель вынес тело, она бешено потрясла головой.

— Он причинил мне огромный финансовый ущерб. Теперь труппа с фениксом разбита, и кто знает, насколько удастся починить лодку.

— С другой стороны,— сказал Мармо,— ты собиралась размозжить лодку о скалу, пока он тебе в этом не помешал.

Она задумчиво посмотрела на Мармо холодным взглядом.

— Хорошо, что ты мне об этом напомнил, Мармо. Я страшно рада, что ложкой собирала тебя, размазанного по стене, чтобы ты мог помогать мне таким вот манером.

— Прости,— сказал он присмиревшим голосом.

Она кивнула.

— Я собираюсь дать Феншу час, чтобы он смог оценить масштабы разрушений. Если он сможет починить ее, я оставлю его здесь с братом. Он сможет привести лодку обратно. Она может понадобиться мне в смысле оружия.

— Все, что есть у Руиза Ава — это осколочное ружье и несколько мясницких ножей.

— Тем не менее. Ну а теперь, поскольку он мог оставить тут импровизированные мины-ловушки, осмотри-ка остальную часть лодки. Когда все будет безопасно, позови меня.

К тому времени, когда все они наелись, свет дня уже лился с неба в полную силу. Стало ясно, что лес переменился. Они встречали время от времени какие-то полянки, заросшие кустами, деревья были более молодыми, словно здесь лес был посажен только в последние сто лет или около того.

— Посмотри,— сказала Низа,— это дорога?

— Вроде бы,— ответил Руиз, изучая прогал в деревьях, пока они проплывали мимо. Маленький причал прилепился к каналу. В нем не было тех декоративных черт причала, с которого они спрыгнули на баржу, но построен он был из такого же розового гранита.

— Может быть, нам надо подумать о том, чтобы покинуть баржу,— дорога, кажется, недавно была использована для значительного движения. Может быть, мы возле какого-то города, где мы можем пересесть на другое средство передвижения, получше.

— Может быть, и нет,— ответил Мольнех, потирая пузо.— И у меня нет никаких возражений против таких условий, что здесь.

— Вот как? — Руиз поднял бровь.— А знаешь ли ты, что на многих мирах существует обычай давать осужденному на смерть преступнику замечательный обед как раз перед тем, как отвести его на казнь?

— На Фараоне мы так не делаем,— сказал Мольнех, но вид у него был потрясенный.

— Кроме того,— продолжал Руиз,— Кореана поймет, что мы отправились в такое путешествие. Она скоро нагонит нас. Еще до полудня, если у нее хватит ума, чтобы облететь канал, прежде чем послать за нами запаховые искатели.

— Она не дура,— мрачно сказал Дольмаэро.

— Да уж.

Руиз решил, что сейчас как раз настало время посмотреть, можно ли было сойти с баржи. Он поднялся, наклонился через перила и посмотрел вперед, надеясь увидеть достаточно открытое пространство, чтобы попробовать свой эксперимент.

Он очень удивился, когда увидел, что они подплывают еще к одному причалу, и еще больше поразился, когда увидел, что возле причала стоит огромная группа людей. Он отпрянул от поручней, повернулся, чтобы сказать об увиденном остальным, и заметил, что баржа замедлила ход.

— Что такое? — спросил Дольмаэро.

— Не знаю.— Руиз понятия не имел, что ему делать. Пока

они не увидели никакой угрозы для себя, было нежелательно проявлять враждебность по отношению к кому бы то ни было.— Нам придется подождать и посмотреть, как мне кажется.

Теперь и остальные увидели причал, и вопросов больше не было.

Они замедлили ход и почти что дрейфовали. Баржа поравнялась с причалом, и они теперь смотрели вниз на толпу. Казалось, она разделилась на большое количество пожилых людей, которые были одеты во что-то вроде черных траурных одежд, и меньшую группу почти голых молодых людей, которые носили какие-то кусочки цветного шелка. У стариков лица были мрачные, молодые, казалось, праздновали какое-то счастливое событие, но никто из них не посмотрел вверх на Руиза.

Центром печали, или празднества, оказалась молодая пара, которая стояла в более нарядной части толпы. У них было на лицах одинаковое выражение счастливого и решительного предвкушения, хотя Руиз был уверен, что под этим фасадом он заметил и изрядную долю беспокойства и неуверенности. Они были совершенно наги, если не считать раскраски на теле и цветных лент в волосах.

Баржа, на которой плыли Руиз и его спутники, проплыла мимо. Потом все баржи остановились. Юноша и девушка выступили вперед и, держась за руки, повернулись и помахали толпе. Старики с каменными лицами провожали их глазами. Остальные захлопали в ладоши и закричали им что-то приветственное..

Молодая пара исчезла за огромными грудями статуи.

Баржи снова возобновили свое скольжение с легким толчком, и причал стал отходить назад. Как раз перед тем, как он исчез из виду, Руиз увидел, что старики стали уходить с причала, а молодежь усаживалась на травке по двое и по трое.

Низа покраснела и отвернулась.

— Как странно,— сказала она,— почему им так хочется заниматься этим прилюдно?

Руиз пожал плечами.

— Еще одна тайна.

Все это зрелище наполнило его еще более мрачными мыслями относительно их благодетелей — в том, что они увидели, был характерный привкус какого-то упадочнического религиозного культа. Тревожные мысли бродили у него в мозгу. Может быть, они стали пленниками одного из многочисленных незаконных культов, которые столь процветали на Сууке? Кое-кто из них практиковал весьма неприятные ритуалы. Надо было решительно посмотреть, смогут ли они покинуть баржу. Он повернулся к остальным.

— Если мы сможем, то должны попробовать покинуть баржу. Я попробую посмотреть, могу ли я спрыгнуть с нее. Если мне это удастся, то вы последуете за мной.

Мольнех нахмурился.

— Я не уверен, что Фломель такой сильный, ведь он был ранен.

Руиз пожал плечами.

— Оставаться ему нельзя. Заставь его быстро прыгнуть тем или иным путем.

— Как скажешь, Руиз Ав.

— Осторожно,— сказала Низа, лицо ее стало серьезным.

Руиз вывел их на нижнюю палубу, где Мольнех отвязал Фломеля и подтолкнул его к середине баржи. Фломель таращился на Руиза с равным выражением страха и ненависти, оскалив зубы в вызывающей усмешке.

Руиз не стал обращать на него внимания, подошел к борту, собрал тело в комок. Как раз перед тем, как он приготовился выброситься на берег, в его сознании прозвучал голос, спокойный и сильный, как колокол. НЕТ! — сказал он, очень спокойно.

Он не мог совершенно остановить свое движение, но голос удивил его до того, что он не ударился о предохранительное поле баржи так сильно, как мог бы.

Все же этот удар выбил голос у него из сознания. Поле запылало ярко-желтым огнем.

Он отскочил на палубу, упав почти без сознания.

В следующую секунду он почувствовал, что Фломель прыгнул ему на спину и стал колотить его.

— Вот наш шанс! — вопил Фломель.— Помогите мне прикончить его!

Потом вес Фломеля каким-то чудом исчез с его спины. Руиз перекатился, встал на ноги, и увидел, что Фломель скорчился возле колена статуи, держась за ребра, хватая ртом воздух.

Дольмаэро прыгал по палубе, держа рукой ногу и гримасничая от боли.

Руиз быстро оценил ситуацию, хотя он все еще чувствовал тошноту и головокружение от столкновения с предохранительным полем баржи.

Он кивнул Дольмаэро.

— Спасибо, Старшина Гильдии. Чтобы прибить мерзавцев, надо кое-что понимать в этом.

— Так я и понял,— сказал Дольмаэро, осторожно ступая на ногу и морщась.

— Как нога?

— Не сломал, как мне кажется...

— Ну и хорошо.

Мольнех выглядел менее веселым, чем всегда, он пристегнул Фломелю поводок, поддернул его так, чтобы тот встал на ноги, и повернул его лицом к нише возле статуи.

— С тобой все в порядке, Руиз?— спросила Низа.

— Более или менее. Но я боюсь, что наш круиз не окончен.

Глава седьмая

Кореана подняла разведывательный флиттер со склона, где лежала ее поврежденная воздушная лодка, оставив позади Фенша и Ленша. Ленш весело помахал ей и уполз назад под лодку.

— Ты счастливее, чем была? — спросил Мармо.

Кореана злобно воззрилась на него.

— Я даю им три дня, чтобы починить лодку, если они будут работать чуть прилежней, чем я от них жду.

— Но, по крайней мере, лодку хоть можно починить.

— Да, в этом что-то есть, полагаю.— Она полетела по направлению к проходу между пиками горы, покрыв за несколько минут то расстояние, которое Руиз и его маленький отряд преодолевали несколько часов.

— Что может быть самым худшим? Если он добрался до канала, он мог поймать баржу, но баржи очень медленно плывут. Он пока что не мог добраться до Моревейника, если даже он поехал на юг. А где еще он мог бы найти здесь быстроходный транспорт? Если он отправился на север, то искатели по запаху найдут его прежде, чем он доберется до космодрома Ледяных Ворот.

Кореана все еще была насуплена.

— У тебя это все так просто получается.

— А разве нет?

— Мне раньше тоже так казалось, но он — скользкая змеюга.— Ее рот опустился уголками вниз, и она впала в мрачное молчание.

Наконец Мармо снова заговорил.

— Вот какая кислая мина! Если ты не перестанешь так обращаться со своим лицом, то скоро его потеряешь. Разве оно не стоило тебе больше, чем десяток таких воздушных лодок?

— Оно гарантировано на сто лет,— ответила она. Но все же она улыбнулась с искусственным весельем и пригладила щеки ладонями.— Ты действительно думаешь, что оно может испортиться?

— Нет,— ответил он.— Я просто дразнил тебя.

Она рассмеялась, и жесткая линия ее рта немного расслабилась.

Она снова нахмурилась, когда они добрались до причала.

— Они здесь были,— сказала она.

Мармо прищурился и посмотрел в армированное стекло иллюминатора.

— Пошли сперва искателей или Мока. Это очень хорошее место для засады.

— Хорошо... Но они исчезли. Я это чувствую.

— Может быть.

Несколько минут спустя они стояли на причале, глядя на кучку пустых оберток из-под еды.

— Интересно, сколько времени назад они уехали,— сказала она, глядя на своих искателей по запаху. Это были два высоких паукообразных механизма, у которых были обонятельные сенсоры и мощные автоматы, встроенные в тела. Один отправился на юг, второй на север.

— Может быть, они не поймали баржу. Может быть, искатели поймают их в нескольких милях к северу или югу.

— Ну да, как же,— сказала презрительно Кореана.

Скоро искатели вернулись с неудачей, потому что не смогли подхватить запах ни на севере, ни на юге. Она не удивилась. Она подняла разведывательный флиттер и повела его по прямой к югу.

— До Моревейника всего несколько дней, даже самой быстрой баржей,— сказала она.— Мы быстро промчимся сперва туда. Если мы их там не увидим, то пойдем к северу. Если мы его не найдем с воздуха, то вернемся сюда и пустим искателей.

— Хороший план,— угодливо сказал Мармо.

Руиз обхватил свою раскалывающуюся от боли голову, пока Низа нежно и осторожно массировала ему шею. Это приятное ощущение не могло отвлечь его от несчастного их положения. Они стали пленниками неизвестных существ. Они путешествовали к неизвестной им цели, перед ними встала неведомая судьба.

На дальней стороне верхней палубы Мольнех и Дольмаэро тихими голосами обсуждали возможные мотивы, руководившие их похитителями.

Дольмаэро относился ко всему мрачно.

— Они рабовладельцы, кто же еще? Во всей огромной вселенной, кажется, нет больше категорий людей, как только рабы или рабовладельцы.

— Ну стали бы рабовладельцы нас так хорошо кормить? Ты стал бы тратить столько усилий на то, чтобы твои рабы были столь сладко накормлены и так хорошо бы себя чувствовали? Ну ладно, ты бы, может, и стал, Старшина Гильдии, но ты нетипичное существо.

По мнению Руиза, на суждения Мольнеха в преувеличенной степени влияли кулинарные переживания.

Дольмаэро покачал головой.

— Может быть, им это вообще не доставляет никаких хлопот. Многие из тех вещей, которые я считал невозможными, так легко и просто здесь делаются. Они летают, воскрешают мертвых... Может быть, для этого народа горячие пышки и свежевыжатый сок дается столь же легко, как нам черствый хлеб и вода.

— Вполне возможно,— ответил Мольнех, но вид у него был все-таки скептический.

Руиз перестал обращать на них внимание и стал изучать лес. Он все более молодел и начинал выглядеть гораздо ухоженнее, чем в тех местах, которые они уже проплыли. Все чаще лесные массивы перемежались проложенными в них дорогами, старательно ухоженными полями и подстриженными газонами. Время от времени они проплывали мимо поселений. Многие состояли просто из грубых хижин, кое-где встречались охотничьи домики, элегантно построенные из камня и дерева, а однажды они даже проехали мимо замка, выстроенного из какого-то блестящего голубого материала, вроде керамических блоков. Он весь словно состоял из тонких шпилей и летящих зубчатых крепостных стен.

— Что это такое? — спросила Низа.

— Богатый дом,— рассеянно ответил он.

«Как раз подходящее место,— подумал он,— чтобы украсть воздушную лодку». Горькие бесполезные уколы сожаления больно ранили его душу. Вскоре Кореана доберется до них, и что тогда? Даже если предохранительное поле действовало в обе стороны, Кореана, вероятно, владела достаточно мощным оружием, чтобы разбить его — наверняка даже у ее Мокрассара такое оружие было.

День тянулся медленно. Чуть погодя Дольмаэро и Мольнех потеряли интерес к своему спору. Мольнех пошел вниз подкарауливать, когда появится их следующая трапеза, а Дольмаэро неподвижно сидел, глядя на проплывающие мимо виды.

У Руиза было чувство горького поражения, и он не мог придумать ничего ободряющего, что можно было бы сказать Низе. Она же, казалось, не относилась к его молчанию как к чему-то грозному или обидному, и он был благодарен ей за ее тихое общество. Он попытался продумать план действия, но ничего не мог выдумать, даже самая дикая идея почему-то не приходила ему в голову. Он подумал, уж не истощил ли он свою фантазию — вот это была бы действительно ужасная вещь.

Наконец от его мрачного настроения его отвлекло какое-то неуловимое изменение в атмосфере, чувство приближающейся опасности, изменения в самом движении воздуха вокруг них. Он услышал странный звук, словно ветер постанывал в тоннеле. Лес впереди стал как бы светлее, словно они приближались к просеке.

Руиз поднялся и пошел на наблюдательную вышку, за ним последовала Низа.

Они стояли на вышке вместе, когда лес кончился и они выплыли на солнечный свет и свободное пространство.

Сердце его упало и взлетело одним резким биением.

— О-о-о... о-о-о...— прошептала Низа.— Что это?..

Руиз глубоко вздохнул.

— Местные зовут это место Лезвием.

— Значит, ты знаешь, где мы?

— Думаю, да.

Теперь баржи двигались сквозь пустынную и бесплодную скалистую местность. Впереди них, казалось, кончался мир, земля уступала место бледно-голубому небу. Канал обрывался в пустом воздухе, казалось, канал превратился в тонкий длинный палец неподвижной воды, которая никуда не вела, ничем не поддерживаемая, кроме монобетонных берегов.

Баржи начали замедлять ход, но по их теперешней скорости торможения очевидно было, что баржи так и не остановятся, прежде чем они доберутся до края. Ветер завывал, продувая пространство насквозь, подгоняя их к краю обрыва.

Низа впилась в его плечо.

— Мы погибнем?

— Наверное, пока нет,— сказал обнадеживающе Руиз.

Он выгибал шею, пытаясь увидеть хоть краем глаза, что лежало впереди, внизу, под обрывом.

Баржи замедлили ход еще больше, и первая из них вылетела в пустое пространство. С ней ничего не случилось, и он почувствовал, как Низа слегка расслабилась. Потом баржа перед ними проплыла в воздухе, тоже без каких-либо печальных последствий.

Когда пришла их очередь, Руиз увидел то, что и ожидал.

Может быть, в тысяче метрах внизу в двадцати километрах от них по прибрежной равнине из яркого океана поднималась к небу куча странных причудливых силуэтов, высоко вздымаясь в ясное небо. Они не были похожи ни на что, доселе известное миру, нечто вроде изуродованных небоскребов или же страшно изрезанных и перекрученных гор, которые иногда в основании даже были уже, чем наверху.

С такого расстояния, на котором они были, невозможно было даже оценить размах этих строений.

— Как же это... Как же может сразу существовать столько воды? Это ведь вода, правда? А это... это строения?— глаза Низы вылезали на лоб.

— Это вода, хотя и не того сорта, чтобы ее пить. Место это называется Моревейник.

Она посмотрела на него.

— Ты здесь бывал?

— Множество раз.

— А что это за место такое?

Руиз вздохнул.

— Это город своего рода. Или, можно сказать, тысяча самых разных городов. Но главным образом, это то место, где рождаются пираты и куда они приползают умирать.

К этому времени и последняя баржа скользнула в никуда. Мольнех с грохотом примчался вверх по лестнице, бледный от ужаса. Все-таки, с удовлетворением отметил Руиз, Мольнех хотя бы сохранил способность двигаться. Дольмаэро вцепился

в поручни, лицо его застыло, на нем выступил обильный пот. В первый раз с тех пор, как Руиз познакомился с ним, Старшина Гильдии выглядел так, словно не способен был вообще что-либо делать. Может быть, он просто страдал страхом высоты.

Оглянувшись на край обрыва, который они перевалили, Руиз почувствовал дрожь того же самого страха. Скала черного базальта, казалось, поднималась сзади в бесконечность, а равнина была так далеко внизу, что она казалась ненастоящей — панорама в какой-то туманной картине.

Он взял Низу за руку и присоединился к остальным.

— Не бойтесь,— сказал он.

— О, разумеется, нет,— сказал Мольнех, осторожно облокачиваясь на поручень. Видимо, он достаточно овладел собой, чтобы еще оказаться способным на саркастические замечания.

Руиз усмехнулся.

— Нет, правда. Это такое устройство, оно зовется «шлюз», если я только не ошибаюсь самым страшным образом. Нас аккуратно опустят на равнину, где мы продолжим свое путешествие.

— Правда? — Мольнех встряхнулся и попытался улыбнуться.

Как раз в это время баржи, которые до того казались неподвижными, вздрогнули и стали опускаться.

Дольмаэро взвизгнул, а потом покраснел и смутился. Он постарался оторвать руки от поручня.

— Меня это очень уж внезапно застало,— объяснил он, но вид у него стал спокойнее, когда они уже не находились на самом верху.

Бока шлюза были из того же самого серого монобетона, который облицовывал берега канала по дороге сюда. По мере того, как они опускались вниз, маленький квадратик ясного неба над шлюзом становился все меньше и меньше, и на барже зажглись огни.

При этом мягком освещении Руиз заметил, что стены шлюза были изрисованы самыми разнообразными рисунками. Видимо, в прочный монобетон они были вожжены различными бластерами, шли они в основном по вертикали, причем почерк растягивался в зависимости от скорости, с которой вандал опускался или поднимался в шлюзе. Многие надписи состояли из обычных инициалов, имен, дат, но остальные состояли из лозунгов, обращений и посланий. Большая часть была на незнакомых языках, неведомых алфавитах и значках, но поблизости от дна огромной шахты Руиз увидел надпись, которую смог прочесть.

«Оставь надежду, коль не можешь плавать». Так гласила надпись, и Руиз рассмеялся.

Они остановились, баржи покачивались и подпрыгивали на маленьких волнах.

— Не знаю, что хуже,— сказал Дольмаэро,— повиснуть на небе или быть погребенным заживо.

Прошла минута, огромные ворота шлюза поднялись, и баржи выплыли на солнечный свет.

Воздух неожиданно задушил их. Было градусов на пятнадцать жарче, и воздух был пропитан влагой.

Руиз почувствовал запах моря и подумал о том разложении, которым вечно веяло от Моревейника.

Теперь они двигались мимо давно возделываемых полей, которые перемежались время от времени болотами или тоненькими извилистыми ручейками. Тут было много усадеб, но стили были чрезвычайно разнообразны. Некоторые из них были построены просто аресси́вно архаически. В полях, которые окружали подобные дома, команды надзирателей присматривали за типичными крестьянскими работами на затопленных полях. Прочие усадьбы были кубиками из стекла и бетона, а поля вокруг них были полны сияющих механизмов и роботов.

— Что это за штуки?— спросила Низа.

— Механизмы? Да просто машины.

— А почему не на всех полях работают машины?— спросил Дольмаэро.— Наверняка они больше могут сделать, чем просто рабы.

— Ну да, конечно. Но это не настоящие фермы, а просто так, для развлечения,— сказал Руиз.

Дольмаэро страшно удивился. Руиз попытался объяснить.

— На пангалактических мирах очень небольшое количество пищи выращивается — большая часть производится из элементарного сырья. Эти же фермеры либо выращивают пищу для своего удовольствия или заняты этим для поставок изысканных деликатесов.

Дольмаэро покачал головой.

— Значит, эти фермы — собственность богатых, которые просто играют в крестьянский труд? Очень странно.

— Да... собственно говоря, это богатые пираты, что не совсем то же самое, что богатые люди.

— А что такое пират?

— Ты же одного такого встретил,— сказал Руиз.— Помнишь Мармо? Он некогда был пиратом, пока не вышел на покой и не занялся работой полегче. Пираты — воры, убийцы, похитители людей. Ареной их деятельности служит им космос.

Дольмаэро задумчиво потер подбородок.

— Значит, они занимаются примерно той же работой, что и ты?

Руиз остолбенел.

— Ну... Наверное, можно сказать и так,— он почесал голову.— Но я совершаю свои беззакония и безобразия по распоря-

жению законно зарегистрированной деловой организации. Может быть, в этом и заключается разница.

— О да, разумеется, я не имею в виду никакого оскорбления,— Дольмаэро выглядел весьма скептически настроенным.

Руиз пожал плечами, и беседа прекратилась.

Солнце палило их, воздух был такой, что дышать было практически невозможно, поэтому они очень скоро перешли на нижнюю палубу, чтобы поискать там места попрохладнее под брюхом статуи.

Только поздним полуднем Кореана догнала их. Руиз и Низа сидели вместе возле поручня у борта, глядя на плоский ландшафт, который проплывал мимо. Шпили Моревейника уже приблизились настолько, что, казалось, зловеще нависали над ними, и Руиз стал надеяться, что они достигнут города прежде, чем Кореана найдет их.

Тут разведывательный флиттер Кореаны промчался мимо них, в десяти метрах от земли, в пятидесяти метрах сбоку. Он развернулся и снова пронесся рядом, обжигая их струей горячего воздуха, и Руизу показалось, что ему видны черные волосы Кореаны сквозь армированное стекло кокпита.

Он рывком поднял Низу на ноги и помчался в нишу под статуей, где они могли найти хоть какое-то убежище. На бегу он закричал остальным, которые скатились в нишу за секунду до того, как он и Низа прибежали.

— Боюсь, что это Кореана,— сказал Руиз.

Фломель подергал свой поводок и уставился на Руиза покрасневшими глазами.

— Теперь, безродный, ты уж точно получишь все, что заслужил,— сказал он злорадно.

Кореана рассмеялась с подлинным удовольствием.

— Замечательно!— сказала она.

Она увидела, как Руиз Ав и его фараонская шлюха помчались, чтобы спрятаться под гениталиями гротесковой статуи, которая венчала баржу.

— Ты их видел?

— Да,— ответил Мармо.— Ты узнала баржи? Интересно, чьи они?

— Нет, я таких барж раньше не видела... Но какая разница? Чего нам бояться существ, которые украшают свои суда такими смехотворными чудищами? Должно быть, это примитивные дикари.

— Возможно.

Она снова рассмеялась.

— Хотя, ты должен признаться, место, где укрылся Руиз Ав, кажется мне поразительно подходящим.

Мармо издал неопределенный звук.

— Ну ладно,— сказала она,— посмотрим, настолько ли они глупы, чтобы сдаться. Если эту труппу фараонцев нам удастся заполучить обратно без потерь, то из этого фиаско еще можно будет что-нибудь спасти.

Она замедлила скорость своего флиттера до тех пор, пока он не полетел рядом с баржей и включила мегафон.

— Руиз Ав! Я тебя вижу! Нет никакого смысла прятаться. Выходите все с пустыми руками, и мы забудем об этом неприятном эпизоде.

Усиленный мегафоном голос Кореаны был легким и звонким.

Руиз осторожно выглянул за край ниши-ямки. Разведывательный флиттер летел всего в двадцати метрах от правого борта. Если бы сюда переносной бомбомет или хотя бы тяжелый огнемет...

— Ну, выходите же... Признаюсь, я раньше немного погорячилась. Я очень обрадовалась, что вы смогли выключить моторы лодки, прежде чем я своим взрывом скверного характера чуть не спровоцировала отвратительный несчастный случай. Мои люди говорят, что повреждения не столь уж велики.

Прошла минута, и она снова возобновила свои увещевания.

— Я поторопилась послать вас к генчам. Наверняка ваш интеллект и смекалка слишком ценный товар, чтобы рисковать им столь глупо. Теперь я понимаю, каким приятным пополнением вы станете в моем деле, честное слово. Мы вместе станем такой замечательной рабочей группой... Вы не выходите? Ну хорошо, не могу же я винить вас в том, что вы мне не доверяете... Но честное слово, я хотела бы помириться с вами. Фараонцы принадлежат мне. Вышли их ко мне, Руиз Ав, и можешь отправляться своей дорогой, никакой обиды между нами не будет. Хотя я надеюсь, что ты изменишь свое решение и в один прекрасный день поступишь ко мне на службу.

Флиттер отлетел ненамного. Фломель улыбался, словно он действительно ждал, что Руиз отпустит его под покровительство Кореаны. Руиза терзало серьезное искушение именно так и сделать. Это как раз было то, чего Фломель и заслуживал.

— Что дальше?— спросил Дольмаэро.

— Она еще немного поговорит. Потом она начнет стрелять. Я не думаю, что она настолько обезумела или настолько глупа, чтобы взойти на борт баржи. Нет, она удовлетворится тем, что постарается разнести нас на клочки издалека.

Низа прижалась к нему, обняв его обеими руками, закрыв глаза.

Фломель ахнул.

— Ты нас не отпускаешь? Почему? Почему? Ты настаиваешь на том, чтобы мы погибли вместе с тобой?

Руиз вздохнул.

— Все остальные могут спокойно отдаться в плен Кореане, но мы, ты и я, Фломель, должны жить и умереть вместе. Кроме того, баржа нас не выпустит.

Мольнех вздрогнул.

— Я не такой храбрый, чтобы рискнуть надеяться на ее милосердие, а вы, Старшина Гильдии?

— И я того же мнения.

Руиз чувствовал черную ненависть к работорговке, не потому, что она вот-вот собиралась его убить — он и так не рассчитывал умереть в своей постели, а потому, что она собиралась украсть у него жизнь, которую он мог бы провести с Низой. Он притянул ее покрепче к себе и сосредоточился на драгоценных ощущениях этого мига: прикосновение ее тела к нему, ее запах, звук ее дыхания. Он успешно прогнал от себя мысли о том, что могло бы их ждать в долгой и прекрасной жизни.

Кореана снова заговорила, и теперь ее голос прерывался от злобы и предвкушения насилия.

— Ладно. Пусть. Можешь оставить себе женщину — мой прощальный тебе подарок. Но вышли ко мне остальных. Ты же знаешь, что они — моя собственность!

— Не собираешься? — прошло несколько секунд, и пушки разведывательного флиттера развернулись, и на солнце блеснули их дула.

Руиз прижал Низу к полу ниши, закрывая ее своим телом. Предохранительные поля баржи вспыхнули сияющим светом, когда снаряды ударили по ним, и уши лежавших заложило от страшного не то визга, не то воя.

На миг атака прекратилась, и Руиз почувствовал вибрацию моторов, которая передавалась сквозь палубу. Он поднял глаза и увидел, как желтая пика огня выстрелила из баржи и коснулась флиттера Кореаны. Он наклонился и отлетел в сторону, покачиваясь и подпрыгивая в воздухе неверными короткими скачками. Он пролетел над несколькими полями, через ряды заборов, прежде чем шлепнулся в болото.

Руиз вскочил на ноги и смотрел, сжав кулаки. От всей души он надеялся, что произойдет еще один взрыв. К сожалению, ничего подобного не случилось.

Вскоре картина упавшего в болото флиттера осталась позади. На барже несколько рядов весьма внушительного оборонительного оружия развернули свои жерла и медленно исчезли под палубой, откуда и появились. Палуба без малейшего следа сомкнулась над ними.

— Вот черт! — сказал он, терзаясь радостью пополам с неуверенностью.

— Что такое? — прокричал Дольмаэро, который с остальными все еще лежал на полу ниши.

Руиз присел на край ниши, тяжело опустившись.

— Мы в безопасности, пока что. Но вот Кореана, может быть, еще жива.

День клонился к закату, и появился еще один ужин. На сей раз Руиз следил за этим, надеясь проникнуть наконец внутрь баржи. Но поднос появился из закрытой ниши, которая по размерам была как раз такова, чтобы вместить поднос, и больше ничего.

В сумерках баржа подплыла к границе между землями, арендуемыми богатыми пиратами за пределами города, на прибрежной равнине, и городом Моревейником. Таможенная башня раскорячилась над каналом, здание, похожее на огромного бронированного паука, присевшего на нежных резных колоннах.

— Это что такое? — спросил Дольмаэро.

— Таможня. Они нас не побеспокоят.

Пиратские владыки, которые правили почти всей деятельностью Моревейника, мало заботились о том, кто и с какими товарами приплывал в их водяной город. Новоприбывшие были ценностью, которая приносила в город товары и свои знания и умения. Но куда подозрительнее относились господа пираты к тем, кто пытался покинуть город. Они не любили давать людям разрешение на то, чтобы покинуть Моревейник... кто знает, какие сокровища они попытаются вывезти контрабандой?

Так оно и было, их баржа прошла под основанием таможенной башни, и они увидели в том канале, через который суда выплывали из города, небольшую ржавую баржу, привязанную к одному из досмотровых причалов. Ее команда стояла рядком, лицом к стене, положив руки за голову, а за командой наблюдали вооруженные охранники. Десятки инспекторов в форме копались на барже, размахивая детекторами, отрывая обшивку баржи, прожигая дыры для проверки то здесь, то там.

Их баржи не останавливали, как и предсказывал Руиз, хотя, когда они снова выплыли на солнечный свет, на том конце таможенной крепости, множество людей высыпало на берега канала, на нависающую над ним галерею, и стали делать им какие-то двусмысленные жесты. Пираты переговаривались между собой шепотом, тихо смеялись, потом снова ушли в глубь крепости-башни.

Наконец они прошли приливной шлюз и углубились в лабиринты вод Моревейника. Над их головами скрученные башни вздымались в темнеющее небо. Они даже загораживали большую часть неба так, что его не возможно было увидеть. Происхождение этого огромного муравейника невозможно было себе представить, разум отказывался выдвигать предположения при близком взгляде на это сооружение. Временами здания

поднимались с оснований, которые явно были возведены человеком, по крайней мере, металл посверкивал сквозь коросту времени, которая покрывала все здесь, в городе. В других местах здания казались продуктом природы, поскольку они совершенно беспорядочно вздымались вверх, состоя из камня, грязи и древних деревьев, которые свисали с террас, что выступали над каналом.

Основания башен насквозь были прогрызены туннелями, проходами, входами, одни из них были на уровне воды, некоторые — повыше, кое-какие были освещены специальным светом, который давал сигнал, если входил кто-то посторонний, прочие входы были темными и неприветливыми.

Остальные, кроме Руиза, таращились на все это, открыв рты. Суда, которые сновали по этим грязным водам, варьировали от потрепанных джонок с раскрашенными парусами и галер с рабами-гребцами до новейших скиммеров и игольчатых лодок. Люди были столь же пестрыми, что и их суда, представляя собой все варианты человеческой расы. Иногда случайный инопланетник вызывал аханье из груди фараонцев, которые не так уж много видели инопланетян за время пребывания в рабских казармах.

Руиз сосредоточился на том, чтобы запомнить, каким путем они прибыли в Моревейник, и попытался запомнить вехи на своем пути в пиратский город.

Глава восьмая

Кореана бранилась тихим, ядовитым, монотонным потоком. Она висела вниз головой в амортизационной сети, не в состоянии что-либо разглядеть из-за грязи и растений, которые облепили смотровое стекло кокпита.

Судно слегка пошевелилось и снова осело. Она прекратила ругань. На это еще будет время потом, после того, как она изыщет способ, чтобы не дать флиттеру окончательно погрузиться в болото.

Она отстегнула застежки сети и плашмя упала на потолок. Флиттер снова закачался и она почувствовала, что начинает бояться. Какой глубины было болото?

Она исследовала себя, согнула и разогнула руки и ноги. Разбитых мышц и переломанных костей вроде бы не было, хотя все у нее болело.

Она подползла к перевернутой панели управления полетом. Посмотрела на показания приборов. Снова выругалась. Флиттер был совершенно мертв и бесполезен. Взрыв, который царапнул его, удивительно методично и последовательно выжег всю систему управления и энергоснабжения.

Она услышала щелчки и скрежет и повернулась. Мармо ста-

рательно переворачивался так, чтобы принять вертикальное положение.

— Ты в рабочем состоянии? — спросила она.

— По-моему, да,— был ответ,— Как Мокрассар?

— Не знаю,— она поднялась и осторожно стала пробираться по потолку, направляясь в грузовой отсек. Когда она протиснулась вверх, в люк, она увидела Мокрассара, который стоял у шлюза, открывшегося при взрыве. Одно из его срединных щупалец висело на тонкой ниточке хитина.

Насекомообразный воитель в остальном казался неповрежденным, а его срединное щупальце снова отрастет, хотя эта травма наполовину снижала его способность стрелять, поскольку его срединные члены несли в себе приживленное оружие.

Мокрассар повернул голову, чтобы посмотреть на нее, и по первому скрежещущему движению его жвал она увидела, что он готовится к бою. Он наклонил голову, мгновенное молниеносное движение — и он откусил прочь жалкие остатки срединного щупальца.

— Что такое? — Кореана подошла к шлюзу и осторожно выглянула через щелку. Она увидела за границами заборов-клеток, которыми было ограждено поле-болото, куда она упала, шеренгу крестьян-сторожей, которые таращились на ее флиттер. На них были шляпы с перьями, и в руках они несли древние предметы оружия: пики, аркебузы, арбалеты. За ними на элегантном механическом скакуне сидел всадник в латах. Латы имитировали стальные пластины, но Кореана была уверена, что на самом деле они гораздо более современные, поскольку не видно было, чтобы всаднику от них было бы тяжело. Всадник носил широкий украшенный меч на перевязи, перекинутой через спину. Скакун, который был более всего похож на стальную лошадь, у которой вместо копыт были когти, была снабжена и более мощным оружием. В ее нагрудной пластине были два отверстия-амбразуры.

Кореана сузила глаза. Мало было того, что она завязла посередь грязной лужи, так для полного счастья ей сейчас не хватало еще и взбешенного местного землевладельца.

Вооруженный всадник приподнялся в стременах и окликнул ее.

— Эй, вы, во флиттере! Выходите с пустыми руками по одному, чтобы я вас всех видел.

— Ну как же, сей момент,— сказала она шепотом.

Она потуже затянула шлем, защелкнула забрало, проверила застежки, которые держали шлем на остальной части брони.

— Даю вам последний шанс,— прокричал землевладелец.

Через несколько секунд пламя чихнуло их груди скакуна.

Вращающийся снаряд ударил в шлюз и разлетелся, засыпав вход осколками стекла. Мокрассар дернулся, потом посмотрел на нее. Осколки изрешетили его камзол, но отскочили от пан-

циря, который был не слабее брони, которую она носила. Однако по одному из его сложных фасетчатых глаз пришелся удар, и теперь из раны сочилась густая желтоватая жидкость.

Кореана оскалилась. Крестьяне двигались на них, по колено погружаясь в болото, поднимая свои аркебузы и целясь в них с мрачной решимостью.

— Сперва,— сказала она,— убей всадника. Потом остальных.

Мок кивнул и превратился в одно сплошное движенье-вихрь. Он ударился о шлюз, открыв его свои весом, пронесся мимо крестьян, прежде чем они успели прореагировать, рванулся к всаднику по дуге, чтобы избежать выстрелов его механического скакуна. Однако скакун реагировал быстро и развернулся, чтобы защитить своего всадника, прежде чем Мокрассар выбрался из болота. Он снова стал стрелять, но Мокрассар уже сообразил, как надо петлять, чтобы избежать выстрелов скакуна, поэтому следующий снаряд промазал. Он взорвался в воздухе, перебив половину охранников и тяжело ранив остальных.

Кореана получала свое обычное удовольствие от того, что наблюдала Мока в действии, хотя исход битвы был предрешен в первую же секунду. Мокрассар прыгнул, оторвав голову всаднику одним рывком своего уцелевшего срединного щупальца. Он продолжал движение до тех пор, пока энергоружье его щупальца не уставилось в амбразуру на груди скакуна. Тогда Мокрассар нажал на курок, тем самым выжигая дотла весь внутренний механизм металлического скакуна, отчего тот застыл, не закончив начатого движения, а тогда Мокрассар уже мчался, чтобы покончить с оставшимися крестьянами.

Как замечательно, думала она, иметь такую неостановимую машину разрушения. Она вспомнила тот раз, когда приказала Мокрассару пощадить Руиза Ава, не убивать его. Какая это была глупость! Она никогда больше не будет проявлять такой мягкотелости. Когда в следующий раз Руиз Ав попадет ей в руки, он умрет мгновенно. Или же нет, лучше он будет долго жить, но так, чтобы ему оставалось только мечтать о мгновенной смерти. Да... так будет лучше.

Мармо подошел и встал с нею рядом, потом выглянул, чтобы посмотреть на Мока, который неподвижно стоял среди исковерканных и изуродованных тел.

— Это что такое?

— Местный болотовладелец, который возражал против того, что мы сели в его владениях без разрешения его милости.

— А-а-а-а... А что теперь?

Она пожала плечами.

— Ленш и Фенш последуют за нами, когда починят лодку и смогут ее повести. Мы могли бы, конечно, попытаться пробиться в усадьбу, но ее, вне сомнения, хорошо охраняют, и если бы

у нас не было Мокрассара, он взял бы нас в плен. Эти отставные пираты обычно наживают себе кучу врагов, и поэтому хорошо вооружены — этот уж точно был хорошо вооружен, невзирая на его игрушки с крестьянами и скакунами.

— Лучше всего подождать здесь и надеяться, что у сквайра нет друзей, чтобы отомстить за него, — он выглянул и осмотрел окрестности болота. — Кажется, эта местность болотистая, но неглубокая, так что мы в ней не утонем.

Кореана кивнула.

— Да, так и есть. Давай сидеть тихо. Кошмарная штука — ожидание, но и оно когда-нибудь кончится. Я проведу время, размышляя, как лучше всего заставить Руиза Ава расплатиться за его грехи.

Мармо с любопытством на нее посмотрел.

— Сейчас он уже в Моревейнике. Наверняка он исчезнет к тому времени, когда мы снова сможем двигаться.

Она злобно посмотрела на него.

— Нет! Я снова его изловлю. Я отказываюсь верить, что он может от меня убежать. Кроме того, как он сможет избежать пиратского сканирования? Разве они позволят такой опасной личности сесть на борт какого-нибудь из их челночных кораблей?

— Тебя он обманул, — сказал ей Мармо.

Она беззвучно оскалилась, потом заговорила смертельно монотонным голосом.

— Да. Но теперь этот вопрос перестал быть только деловым. А ты разве забыл? Он знает относительно генчей. Что, если он узнает, что это не просто несколько инопланетных мошенников, что, если он узнает, что тут на самом деле творится, а к тому же разнесет сведения об этом по всему Моревейнику? Мы окажемся разорены, а один из пиратских правителей завладеет генчами. Мы должны убедиться, что он умрет.

— Понятно, — сказал Мармо.

Если у него и были какие-нибудь дурные предчувствия, то он оставил их при себе.

Когда стало совершенно темно, только несколько мягких полосок света осветили баржу — как раз достаточно для того, чтобы плыть в безопасности. Руиз обратил внимание на то, что те, кто их захватил, предпочли тихую незаметность пышной праздничности освещения прошлой ночи, и он мысленно похвалил их осторожность.

В Моревейнике умные существа старались не привлекать к себе внимания.

Ночь не принесла им никакого облегчения от жары, и Руиз пытался проигнорировать ручьи пота, которые струились по его телу, но это было практически невозможно. Этот воздух должен был казаться еще хуже фараонцам, которые провели

свою жизнь на горячей планете, но на ней не было влажности, поскольку сама вода была там редкостью. Дольмаэро доставалось от этого климата особенно сильно. Он постоянно протирал свое широкое лицо тряпкой, и в его дыхании слышалось нездоровое хрипение. Руиз очень надеялся, что он не заболеет.

— Ой, какое высокое! — Низа сказала это, вытянув шею и закинув голову, чтобы рассмотреть особенно высокий и закрученный шпиль. Нижние террасы, которые начинались в ста метрах над водой, были усеяны крохотными, с булавочную головку, зелеными и голубыми огоньками. С этих террас доносился веселый, какой-то праздничный гомон, составленный из музыки странной, отрывистой, смеха и случайных воплей восторга. Видимо, какой-то праздник как раз отмечали, или, может быть, именно в этой части Моревейника жили те, кто торговал удовольствиями.

Руиз почувствовал укол зависти к веселящимся, и больше, чем просто жалость к себе самому. Он сравнил свою маленькую невеселую группку с совершенно беззаботными людьми наверху. Сравнение заставило Руиза почувствовать свое положение как совершенно вопиюще несправедливое.

Чтобы отвлечься, он стал рассказывать Низе про Моревейник.

— Он даже еще больше, чем кажется, этот Моревейник. Большая часть его строений расположена ниже уровня моря. Многие из тех, кто живет в Моревейнике, никогда не видели солнца.

Дольмаэро заговорил.

— Значит, ты бывал здесь раньше, Руиз? Что ты про это место знаешь? У тебя есть здесь друзья или союзники?

Руиз рассмеялся.

— Никто не знает особенно много про Моревейник, даже те, кто здесь живет. Я в свое время встречал несколько местных жителей, было такое время, но, даже если мы и попробуем их найти, это может оказаться пустой затеей. А если мы тут кого-то и найдем, у них нет никаких причин, чтобы нам помогать.

Вне всякого сомнения, какое-то количество агентов Лиги в Моревейнике существовало, подумал он, но они должны быть в глубоком подполье, так что с ними не было никакой возможности связаться. Могущественные властители-пираты, которые правили Моревейником, были самыми злейшими врагами Лиги. Любой агент Лиги, который попал бы к ним в руки мог бы ожидать в лучшем случае жалкую смерть.

Он мог припомнить только одну личность в Моревейнике, которую, может быть, можно было бы убедить помочь ему. Но Руизу очень уж не хотелось рассматривать эту возможность. Человека этого вряд ли можно было назвать другом, а союзником он мог стать только в том случае, если обстоятельства сде-

ли бы такой союз выгодным для него, и если бы Руиз смог бы принудить его помочь.

Руиз уже стал жалеть о том, что он был настолько откровенен с фараонцами. Если бы кто-нибудь из них сказал бы все, что узнал про Руиза Ава, могли бы возникнуть серьезные неприятности. Его приступ искренности овладел им тогда, когда он практически был уверен, что не переживет наступающего дня, и все же, он оказался просто преступно неосторожным.

— Значит,— говорил Дольмаэро,— ты все еще не знаешь, кому принадлежат эти баржи? И что они от нас хотят?

Руиз пожал плечами.

— У меня такое ощущение, что в этом не будет ничего ужасного,— сказала Низа, совершенно неожиданно.

Воистину, даже в неверном свете фонариков лицо ее не было омрачено страхом или неуверенностью, и Руиз подумал, что хотел бы сейчас чувствовать такой же оптимизм.

Дольмаэро с сомнением покачал головой.

— Разве что-нибудь из того, что случалось с нами в этом мире, не было ужасным?

— Конечно! — ответила Низа.

— Что именно? — с вызовом спросил Дольмаэро.

— Горячие пышки,— ответил Мольнех, показав свои огромные зубы в ухмылке.

— Мое воскресение,— сказала Низа,— и еще кое-какие происшествия были не так уж плохи,— она со значением посмотрела на Руиза, и тот почувствовал, что его сердце радостно вздрогнуло.

Дольмаэро неопределенно хмыкнул, но глаза его посверкивали, и Руиз увидел, что мучительные путешествия не совсем стерли добрый юмор толстого Старшины Гильдии.

— Я мог бы вам еще кое-что рассказать про Моревейник,— предложил Руиз.

— Пожалуйста,— сказал Дольмаэро.

— Хорошо. Вы не задумывались над тем, как он был построен?

— Еще бы!

— Вот так задумываются все прочие. Когда люди впервые прибыли на Суук, Моревейник уже стоял, хотя там жили только животные и несколько неразвитых инопланетян. Те, кто первыми исследовали город, решили, что эти шпили — природные образования, пока не обнаружили в них первые двери. Небоскребы эти были полые, по большей части, но разделенные на миллионы уровней, коридоров, шахт. Никто не знает, на какую глубину простираются эти строения, но поговаривают о поселениях, которые находятся в нескольких километрах ниже уровня моря.

— Кто их сотворил? — глаза Дольмаэро вылезли из орбит от удивления.

— Этого тоже никто не знает, но я слышал множество теорий. Хотите, расскажу свою самую любимую? Кое-кто считает, что просто какие-то расы бросали здесь свои межзвездные корабли, пока они не опускались в землю, и это продолжалось несколько миллионов лет.

— Чьи звездные корабли? Шардов?

Руиз пожал плечами.

— Маловероятно. Их уровень технического развития малопримечателен. Никто не строит таких больших межпланетных кораблей. Может быть, эти строения были построены теми, у кого Шарды отвоевали Суук, хотя это событие состоялось сравнительно недавно.

После этого никто не заговаривал, и лица их всех были серьезные.

Может быть, подумал Руиз, разговоры про безмерные миллиарды лет так подействовали на них. В первый раз, когда он посетил Моревейник, он чувствовал такое же ощущение своей ничтожности.

Нота, на которой гудели моторы баржи, слегка изменилась. Прямо впереди у подножия одного из шпилей поменьше были узенькие воротца. В согласии с украшениями на баржах, столбы, которые эти воротца поддерживали, были выполнены в виде фаллосов.

Когда они подплыли поближе, Руиз увидел, что вокруг столбов были сделаны барельефы, правда, неглубокие, которые изображали совокупляющиеся фигуры.

Низко расположенные красные огоньки подсвечивали воду изнутри.

Видимо, они наконец прибыли к месту своего назначения.

Баржи вошли в лагуну, расположенную между крутыми скалами из чего-то, похожего на черный сплав, и остановились, покачиваясь, возле широких металлических полок — причалов. Единственными звуками были постукиванья барж о причал, и Руиз пытался заставить себя быть повнимательнее и настороженнее.

Причальные кнехты поднялись из причала со слабым жужжанием моторов, спрятанных под настилом. Из барж выползли канаты и зацепились за кнехты.

Тут же все стихло.

— А что теперь? — спросил Дольмаэро.

Руиз покачал головой.

— Кто знает? Мольнех, иди и приведи Фломеля. Нам надо приготовиться.

Мольнех кивнул и заторопился на правый борт, где был привязан Фломель.

Руиз взял Низу за руку. Она пожала ему руку и положила голову ему на плечо.

Они стояли и ждали.

Прямо перед их баржей несколько резких пощелкиваний раздалось изнутри стены. Точно такие же звуки эхом пронеслись по стене там, где стояли остальные баржи. С пневматическими вздохами в стене поднялись несколько дверей, уйдя вверх, по двери напротив каждой баржи.

Почти сразу же люди стали выходить из барж и заходить в эти двери. Из баржи, которая тащилась за ними, вышла прелестная молодая пара, из баржи прямо перед ними — трое своеобразных бродяг, из головной баржи вышли примерно полдюжины человек, все в скрывающих фигуру балахонах.

Руиз посмотрел на их дверь. Голубые полоски огоньков освещали металлический коридор, который поворачивал в сумрак в десяти метрах от входа.

— Пойдем? — хрипло спросил Дольмаэро.

Руиз изучающе посмотрел на причал. Окружающие все здесь вертикальные стены не давали возможности взобраться на них, потому что не за что было ухватиться. Поэтому выбраться на свободу наверх они не могли. Не могли они и уплыть по каналу. Невзирая на шутливые надписи на Лезвии, никто в здравом уме не плавал без защитного костюма в мутных водах Моревейника. Кроме болезнетворных микробов, яда, предательских течений, потонувших странных машин, было в водах Моревейника еще и множество хищников, паразитов, которые жили мусором, который выбрасывали жители Моревейника. Самые страшные хищники среди них были маргары, огромные бронированные рептилии, которые были такими большими, что могли одним глотком заглотить небольшую лодку. Но кроме них были еще и другие, бесчисленное множество, размерами от маргара до крохотных мозготочцев, которые населяли канализационные трубы и энергонакопители, которые сжигали мусор.

Что с ним случится, если они останутся на борту? Руиз вздохнул. Он был пессимистом. Наверняка баржи будут поставлены на фумигацию, чтобы избавиться от возможных паразитов. Их можно будет таковыми посчитать, если они откажутся покинуть баржу.

— Пойдем,— сказал он с неохотой.

Они гуськом сошли с баржи. Руиз шел первым. Он неохотно выпутал свою руку из Низиной — лучше быть готовым к немедленным действиям. За ней шел Мольнех, ведя Фломеля, который корчился и дико вращал глазами. Дольмаэро замыкал процессию. Он шел медленным и достойным шагом.

Руиз на секунду помедлил, прежде чем войти в дверь.

Ему надо было убедиться, что остальные двери не дают возможности убежать, потом он покачал головой и вошел внутрь.

Коридор поворачивал вправо и спускался под небольшим углом. Их шаги отдавались странным эхом, когда они спускались по нему. Потом Руиз сообразил, что они просто повторяют контуры спиральной башни, спускаясь по спирали же вниз. Он шли к самым корням строения.

Коридор был совершенно ничем не примечателен, если не считать трех осветительных полосок. На полу не было пыли, стены были отполированы до блеска. Чистый прохладный воздух лился из вентиляторов, которых не было видно. В остальном тишина была полнейшая.

Коридор внезапно кончился в широком зале с высокими потолками. Их уже ждал служебный робот. Робот стоял неподвижно, пока они все не вошли в зал, а потом заговорил на чистом, ничем не отмеченном пангалактическом языке.

— Ваши комнаты готовы,— сказал он.

— Что эта штука говорит?— спросил Дольмаэро.

— Видимо, нас ждали,— ответил Руиз по-фараонски.— Нам дают комнаты.

— Или камеры — пробормотал мрачно Дольмаэро.

— Возможно,— ответил Руиз.

— Идемте,— сказал робот, и его шасси наклонились, чтобы ехать вперед.

Робот провел их к первой двери из полудюжины.

— Ваша,— сказал он Руизу.

Дверь медленно распахнулась. Руиз подумал над тем, насколько умно принять такое приглашение. Он оглянулся. Никаких приспособлений для охраны видно не было, но он не сомневался, что они существуют. Их благодетели, захватившие их в плен, несомненно, очень любили пользоваться потаенным оружием. Он вздохнул. Какой у него был выбор? Он стал было подталкивать Низу перед собой, но робот вытянул манипулятор и не дал Низе войти.

— Теперь каждый из вас должен быть один,— сказал робот.

Руиз был на грани того, чтобы броситься на механизм с голыми руками, но он подавил это желание. Он ободряюще улыбнулся Низе, поднял ее руку и нежно ее поцеловал.

— Эта штука говорит, что мы все должны жить тут раздельно, Низа. Мне кажется, что пока лучше повиноваться. Будь настороже и помни, всегда найдется выход, если мы будем достаточно умны.

Руиз повернулся к Мольнеху.

— Тебе придется отпустить Фломеля, я полагаю. Мы должны доверять нашим хозяевам в том, что они сами присмотрят за ним.

Он снова повернулся к Низе, чтобы насмотреться на нее.

Потом он вошел внутрь, и дверь захлопнулась за ним.

Его комнатка была маленькой, снабженной всем необходимым и большей частью предметов роскоши, какие могли бы понадобиться пангалактически цивилизованному человеку. Стены сияли мягким белым светом, пол был из теплого, слегка упругого камня-пуховика. Воздушный гамак занимал один угол комнаты. Напротив него в воздухе витало плюшевое левикресло перед темным холоэкраном. Ему почему-то очень не хотелось включать его. В конце концов, он мог бы узнать нечто неприятное о своих хозяевах, которые, похитив их, так гостеприимно пригласили его в комнату и наверняка ожидали, что он воспользуется холоэкраном. Но он мог подождать. В дальней стене виднелась ниша автоповара, как раз над обеденным столиком, прикрепленным к стене.

Руиз подскочил, когда дверь слева от него открылась. Внутри зажегся теплый свет и манил туда. Он услышал, как вода капает в душе.

Он пожал плечами и решил как следует вымыться.

Потом, завернувшись в мягкий халат, который ему подал автоматический шкаф, когда он вымылся, он уселся в левикресло и стал смотреть на холоэкран. Наконец он решился.

— Ладно, что же,— сказал он наконец,— включайся.

На миг экран запылал всеми цветами радуги, потом быстро сосредоточился на изображении необыкновенно красивого человека.

У него было узкое лицо с тонкими прекрасными чертами и прозрачными зелеными глазами. Он улыбнулся профессионально приветливой улыбкой и заговорил гладким баритоном.

— Приветствую тебя, ищущий,— сказал он.— Давай представимся друг другу. Меня зовут Хемерте Ро-диамде. А ты кто?

Руиз не видел смысла в том, чтобы изобретать себе вымышленное имя — остальные быстро выдадут его ложь.

— Руиз Ав.

— Интересное имя. Ты происходишь из старых поселенцев с Земли?

— Мне примерно так рассказывали. Кто может сказать наверняка?

Хемерте снова улыбнулся.

— Верно. Мы думали осеменить звезды, но среди нас всегда были крепкие и замечательные сорняки.

Руизу трудно было следовать за его мыслью.

— Наверное,— сказал он,— не скажешь ли ты мне, кто вы и где мы находимся?

Хемерте раскрыл глаза в театральной гримасе удивления.

— Ты разве не знаешь? Зачем же тогда ты вскочил на борт Искателя Жизни?

Руиз решил, что это название относится к барже.

— У нас сложилась чрезвычайная ситуация — не было никаких прочих средств транспорта, а мы бежали, спасая свои жизни.

— А-а-а-а,— лицо Хемерте разгладилось, когда он понял смысл сказанного.— Значит, вы не намеренно искали у нас спасения?

Руиз почувствовал интерес.

— Спасения?

Спасение и убежище — это то, что им было нужно, если только цена этому не была чрезмерно большая.

— Такова цель Искателей Жизни, принести к нам тех, кто надеется удостоиться спасения и убежища.

Это прозвучало многообещающе, хотя, очевидно, достойные спасения проходили испытания.

— Ясно,— сказал Руиз Ав, хотя ничего не понимал.

— Хорошо. Если вернуться к твоим вопросам, то я — автономное воплощение одного из наших основателей, который расстался с жизнью своей первой плоти почти тысячу шестьсот лет назад. Но это Глубокое Сердце, где бессмертная любовь побеждает вечную смерть.

Речь эта была произнесена с видимым фанатизмом, который должен был зажигать сердца. Однако прозвучала эта речь так, что в ней ясно слышалось то, что она заезжена. Руиз порылся в памяти, надеясь отыскать какие-нибудь сведения о том, что известно о культе, который называет себя Глубоким Сердцем. Ничего определенного он не мог сказать, но это имя он явно где-то слышал. Рано или поздно он, конечно, припомнит.

— Возможно,— сказал Руиз,— но не могли бы вы объяснить подробнее?

— Может быть,— снисходительно сказал Хемерте,— но сперва Объединенные должны будут собраться и обсудить значение вашего присутствия здесь и наш ответ на это.

— Могу ли я спросить, какие варианты вашего ответа будут рассматриваться?

Хемерте улыбнулся.

— У нас много возможностей. Можем выбросить вас маргарам, которые плавают в глубине лагун, или продать вас на рынке рабов уровнем выше. Такова обычная судьба тех, кого находят недостойным,— это отбивает охоту у игриво настроенных людей прыгать на Искатели Жизни.

— О!

— И, может быть, вам предложат убежище,— Хемерте внезапно стал очень серьезным.— У тебя есть определенная жесткая красота — если твой разум соответствует твоему телу, ты можешь найти среди нас место.

Руиз подумал, не стала ли его улыбка кислой.

— А других возможностей нет?

Хемерте покачал головой.

— Такое бывает весьма редко.

— А-а-а...

Хемерте неожиданно стал краток и холоден.

— Может быть, ты захочешь помочь нам устроить поудобнее прочих членов твоей группы. Их язык невозможно опознать, не мог бы ты помочь?

— Это уроженцы Фараона, они говорят на главном диалекте планеты,— сказал Руиз Ав и дал координаты системы.

— Спасибо. Мы через несколько минут принесем модуль адаптера, а наши банки данных соединены с хорошими машинами.

— Отлично,— сказал Руиз бесцветным голосом.

— Да, неплохое начало,— сказал Хемерте.— Ну, а теперь спите, восстанавливайте силы, наслаждайтесь. Докажите нам, что вы в состоянии получать удовольствие от этих простых вещей.

Руиз кивнул.

Прежде чем превратиться в облачко цветных вспышек на экране, Хемерте подмигнул Руизу и сказал:

— Я просто дразнил тебя, когда говорил насчет маргаров.

Низа тоже воспользовалась душем и халатом, но она не имела никакого понятия относительно того, для какой цели может служить холоэкран, поэтому она не обращала на него внимания, пока он не зазвенел и не наполнил комнату туманным разноцветным светом.

Женщина, чье изображение наполнило экран, ободряюще улыбнулась Низе.

— Не бойся,— сказала она мягким тихим голосом.

— Я не боюсь,— ответила Низа. К своему удивлению, она обнаружила, что это было правдой. Неужели она стала привыкать к чудесам?

— Замечательно.

Низе показалось, что женщина была такой же поразительной, как Кореана, только в другом стиле. Тело ее, наряженное в облегающее шелковое одеяние, было полное, более женственное, с роскошными формами. Казалось, она немного старше Кореаны, а ее гладкое овальное лицо несло на себе отпечаток красоты, отполированной годами, в нем была та опытная красота, которую, как подумала Низа, лицо Кореаны никогда не будет иметь. Низа подумала про себя, сколько же лет могло на самом деле быть этой женщине.

— Меня зовут Репента,— ответила женщина.— Как зовут тебя?

— Низа.

— Красивое имя. Оно тебе подходит,— женщина улыбнулась с подлинным теплом.— У тебя будет множество вопросов.

Мы уже поговорили с Руизом Авом, который, как мы поняли, ваш вожак. Мы понимаем, что вы сели на Искателей Жизни по ошибке, мы очень осторожно рассмотрим, что с вами делать. А пока что я буду тебе помогать, чем смогу. Позови меня в любое время, сказав слово «включись».

Низа задумалась.

— А можешь ты мне сказать, кто вы и почему вы посылаете такие баржи? Ведь вы это делаете, да?

— Да, ты совершенно правильно нас поняла, ты очень сообразительна. Мы посылаем Искателей Жизни, чтобы расширить силу и глубину любви, которая всегда ждет человека в Глубоком Сердце — так называют это место, нашу коммуну.

— Я не понимаю.

— Пока нет. Но скоро поймешь. Может быть, здесь для тебя найдется убежище — ты очень красива, и мы имеем все доказательства тому, что ты умеешь любить.

— Простите, что? — Низе трудно было следовать за смыслом слов Репенты.

Репента рассмеялась.

— Смотри.

Она волшебным образом растаяла на экране, ее заменила темнота, потом маленькие искорки.

Низа несколько секунд смотрела на экран, прежде чем поняла, что холоэкран показывает ей сцену прошлой ночи, когда она и Руиз Ав любили друг друга на барже. Она смотрела, стараясь понять, что же именно она чувствовала в этот миг. Частично она была возмущена и оскорблена — она считала эти минуты интимными, драгоценными, принадлежащими только ей, еще Руизу. Но тело ее вспомнило восторг этих минут и отреагировало. Она почувствовала, как сердце ее стучит сильнее, как пробуждается желание. Она невольно восхищалась той грацией, с какой Руиз Ав ее касался. Ничего неуклюжего в его движениях не было и в ее — тоже, словно страсть их действий каким-то образом подняла их над маленькими неловкими жестами, которые неизбежно делают люди, охваченные менее сильными страстями.

Когда запись кончилась и женщина появилась снова, Низа почувствовала острый укол потери, разлуки, которая, видимо, отразилась на ее лице.

— Нет, не волнуйся, — сказала Репента. — Наша традиция такова, что в первую ночь в Глубоком Сердце искатели жизни должны оставаться одни, и поэтому тебе нельзя к нему. Но все будет хорошо, это я тебе могу обещать, потому что я это чувствую всем сердцем, Низа. Двое таких любовников наверняка найдут себе место в Глубоком Сердце.

Низа не могла ничего ей сказать. Она терзалась между гневом и смущением — и еще ее отвлекала страсть, которую она так ясно вспоминала. Она подумала, нет ли какого-нибудь спо-

соба заставить женщину уйти, пусть даже от нее, Низы, ждут, что она станет задавать вопросы.

Словно прочитав мысли Низы, Репента улыбнулась и сказала:

— Теперь спи. Потом позовешь меня, если я тебе понадоблюсь.

Руиз спал неспокойно и проснулся от запаха завтрака, который автоповар подавал ему на стол.

Он ел медленно. Он намазывал маслом последнюю пышку, когда холоэкран ожил и зазвенел.

Женщина, которая на нем появилась, была стройна и высока, а в лице ее была нежная сила и уверенность, которые делали ее прекрасной, несмотря на то, что черты ее лица были не совсем правильны.

— Привет, Руиз Ав,— сказала она, словно они были старыми знакомыми.

— Привет. Кто ты?— спросил Руиз.

Она рассмеялась, показав очаровательно неровные зубы.

— Разве ты меня не узнаешь? Разумеется, я Хемерте.

Внезапно Руиз Ав поймал то воспоминание, которое относилось к Глубокому Сердцу, он с трудом выволок это воспоминание из подсознания. Теперь он знал, где они были, и что именно хотели от него обитатели этого странного места. Однако, подумал он, могло быть и хуже.

— А,— сказала она,— ты про нас знаешь?

— Да, полагаю, что да.

— Хорошо, хорошо. Это означает, что к испытанию ты не придешь неподготовленный.

Руиз, казалось, вновь потерял нить того, о чем идет речь.

— Испытание?

— Иди за роботом, когда он за тобой придет,— сказала Хемерте и растаяла на экране.

Робот остановился перед следующей дверью. Когда дверь отошла в сторону, вышла Низа. Увидев Руиза, он бросилась к нему.

— Странное место,— сказала она, прижавшись к нему.

— Правда,— сказал он, пригладив рукой ее блестящие волосы.

К ним присоединился Дольмаэро, потом Мольнех и Фломель.

— Как спали ночь, Старшина Гильдии?— спросил Руиз.

— Вполне сносно,— Дольмаэро, казалось, был бледен и не уверен в себе. Руиз снова подумал, все ли у того в порядке со здоровьем.

— Еда была великолепная,— сказал, ухмыляясь, Мольнех.

К Фломелю вернулась его былая самоуверенность, он ниче-

го не говорил, но Руиз прекрасно видел, что его ненависть к Руизу не потеряла своей силы и ярости.

Они пошли следом за роботом по еще более неприметному коридору.

Дольмаэро шагал рядом с Руизом.

— Что тебе удалось узнать, Руиз Ав? — спросил он.

— Кое-что. Я вспомнил немногое, что знал про это место, Глубокое Сердце, и про тех, кто здесь живет. Они называют себя Делящимися.

Дольмаэро выпятил губы.

— Звучит высокопарно... но неопределенно. Делящиеся чем? А как их называют другие?

Руиз улыбнулся.

— Очень по-разному... но больше всего и чаще всего их называют Трахальщиками.

— Непристойно,— заметил Дольмаэро,— а что это значит в самой их ситуации, применительно к тому, что они делают?

— Да, что это может значить, Руиз? — Низа легонько потрясла его за руку.

Руиз стал думать, как лучше объяснить им.

— Ну... это такие люди, которые возвели в культ сексуальные переживания. Это очень трудно поддается краткому объяснению, но они считают, что самое высокое человеческое предназначение — это давать и получать сексуальное удовольствие. Все их законы и организации направлены на то, чтобы распространять это мнение.

Низа пожала плечами.

— Я знавала таких людей. Что такого особенного в этих Трахальщиках?

Выражение ее лица ясно говорило о том, что она не находит ничего ужасного в таких воззрениях.

Руиз немного растерялся, но он продолжал объяснять.

— Они заходят весьма далеко в том, чтобы как можно больше разнообразить свои переживания. Они считают, что человеческие существа сделаны так, что наивысшее удовольствие они получают с новыми и новыми любовниками, поэтому они нашли способ максимально усилить эту новизну, новизну своих совокуплений.

— И все же они не кажутся мне такими необычными и странными,— ответила Низа.

На лице Дольмаэро было написано легкое отвращение.

— Они не составляют постоянные связи и союзы между любящими? Они проводят каждую ночь с другим любовником?

— Еще того похлеще,— сказал Руиз.

Они озадаченно посмотрели на него.

— Они проводят каждую ночь с другим любовником, но еще и в новом теле.

— Как такое может быть? — спросил Дольмаэро.

— У них есть способы меняться личностями от тела к телу. Так же легко, как вы можете сменить одежду. Для них это очень разнообразит сексуальные переживания, которые им доступны. Но они всегда ищут новообращенных, потому что...— Руиз заколебался. Сколько он должен им сказать?

— Они никогда не умирают — их разум живет столько, сколько они того хотят. Поэтому они должны находить себе новых любовников где-то еще, чтобы избежать излишней повторяемости. Вечность — долгая штука.

Они казались потрясенными.

— Они разве никогда не стареют? У них не бывает несчастных случаев? — казалось, Низа настолько захвачена этой мыслью, что глаза ее расширились от потрясения.

Он глубоко вздохнул.

— На пангалактических мирах люди живут столько, сколько они могут себе позволить — зажиточные могут вообще жить вечно, если захотят. А если Делящиеся теряют тело в каком-нибудь несчастном случае, то они всегда могут заменить его каким-нибудь телом со стертой памятью, купленным на невольничьем рынке. Или же особью из клона, у которого подавлены проявления личности.

Низа, видимо, терзалась какими-то побочными мыслями. Наконец она заговорила тихим голосом.

— А ты, Руиз? Сколько тебе лет?

Руиз мысленно обругал себя за то, что не увидел личных моментов в его потрясающих откровениях с ними.

— Я чуть старше, чем кажусь,— ответил он мягко.

После этого долгое время никто не заговаривал, словно они с большим трудом переваривали эти необычайные откровения.

Глава девятая

В конце концов они дошли до большого зала. Внизу широкого амфитеатра была круглая сцена, на которой находились человек шесть поразительно красивых мужчин и женщин, которые поджидали их в левикреслах. Концентрические полукруги сидений уходили в темноту за сценой. Только первый ряд был занят прочими путешественниками с барж.

Руиз и его группа прибыли последними. Когда они уселись, женщина, которая сегодня звалась Хемерте, встала и заговорила.

— Приветствую вас, искатели,— сказала она с улыбкой и взглядом, который, казалось, на момент застывал на каждом из них.— Сегодня мы узнаем, как вы можете послужить Глубокому Сердцу. Мы должны применить отбор. Вечность бесконечна во времени, но не в пространстве. Остальные должны бу-

дут отдать нам свою свободу, чтобы покрыть наши расходы. В любом случае вы внесете свою лепту в самый грандиозный эксперимент в истории любви и желания.

«Невеликое утешение для тех, кто не будет избран»,— подумал Руиз.

— Поэтому давайте начнем без долгих разговоров.

Она показала рукой, и робот ввез автокувез по проходу на сцену. В нем скорчился генч. Может быть, это был самый больной генч из всех, которых Руиз видел за свою жизнь. Его сенсорные пучки высохли и крошились, глазные пятна застыли на черепе в причудливых комбинациях. Его бесформенное морщинистое тело напоминало бумажный пакет гнилого мусора. Провода и трубки соединяли его с автокувезом, а на нижнем подносе автокувеза щелкали и жужжали моторы и приборы. За автокувезом плелись два робота, вооруженные мягкими манипуляторами и ловчими петлями.

— Что такое это существо?— прошептала Низа голосом, полным омерзения.

— Помнишь, я тебе рассказывал про генчей? Вот этот один из них, хотя явно не самый здоровый.

— Значит, они хотят взять в плен наши мозги?— спросил Дольмаэро.

— Думаю, что нет,— ответил Руиз.— Кажется, это существо слишком старо и нездорово, чтобы оно смогло пережить хоть одно такое усилие.

Трое бродяг с соседней баржи сидели слева от Фломеля. Крупный молодой человек злобно уставился на Руиза.

— Заткнись,— сказал он,— в этот священный миг не должно быть пустой болтовни.

Руиз спокойно посмотрел на него.

— Ты прав, вне всякого сомнения,— ответил он вежливо,— прими мои извинения.

Молодой человек выпятил подбородок с довольным видом.

Генч остановился перед первым из одетых в белые одежды искателей, протянул к нему тонкое щупальце и притронулся ко лбу искателя. Человек дернулся и окаменел.

На платформе судьи собрались вокруг специального табло. Они перешептывались вместе, указывая на табло, потом покачали головами.

Прошла минута, и Хемерте заговорила.

— Мне очень жаль,— сказала она,— ваше тело безупречно, но ваш ум поверхностный, негибкий, оторванный от ваших страстей. Вы самолюбивы, но не преданы вашим идеям.

Она сделала жест, и робот-охранник взял человека за плечо и увел.

Оценка кандидатов продолжалась. Из шести в белом только двое были приняты. Остальных в молчании увели прочь. Видимо, эти люди придерживались стоических правил поведения.

Генч потянулся к пухлой молодой женщине в лохмотьях. Она повернула к генчу свое личико с таким невинным видом, что Руиз был даже немного потрясен.

На этот раз судьи очень долго совещались, не в состоянии прийти к общему решению. Наконец Гемерте выступила вперед.

— Нам очень грустно, честное слово — это было жестокое и трудное решение,— сказала она.— Твое тело несовершенно, но тела можно заменять без всякого труда. Беда в твоем сознании. Ты страстная, ты разумная, интеллигентная от природы, у тебя есть энтузиазм и желание сделать себя лучше и делать лучшее, на что ты способна. Твоя беда в том, что ты никогда не была прекрасна и поэтому не научилась принимать поклонение.

Она наклонила голову и подождала, чтобы охранники-роботы взяли девушку. Но Хемерте все-таки не кончила свою речь.

— Все же ты такой многообещающий материал, что мы не можем просто продать тебя на невольничьем рынке. Вместо этого мы сделаем вот что: мы сделаем тебя прекрасной и вернем тебя домой. Когда ты решишь, что научилась всему тому, чему должна научиться, снова приходи к нам. Если, конечно, захочешь.

Когда роботы пришли, чтобы увести ее, она на секунду схватилась за руку старика с лисьим лицом, а потом ушла, в слезах и улыбаясь.

Старик шел следующим по очереди. Совет судей был краток, и Хемерте высказалась весьма определенно.

— Ты один из нас,— сказала она, улыбаясь.

Крупного молодого человека судили столь же быстро, но не положительно.

— Ты безрадостная скотина,— сказала Хемерте,— я поражаюсь твоей наглости и тому, что ты осмелился предстать перед нами.

Секунду он сидел в шоке. Но, когда механизмы схватили его в мягкие манипуляторы, он завопил и стал вырываться.

— Но ведь вы взяли старика — этого высохшего сучка, который... у которого не стоит уже сто лет, он сам не помнит, зачем живет.

Элегантное лицо Хемерте осветилось презрением.

— Неужели ты воображаешь, что способность человека любить зависит от состояния его желез? Тело его можно будет обновить. А вот твое сознание никогда не поднимется над его теперешним тупым состоянием.

Его увели роботы, а он все лягался и вопил.

Судьи обошлись с красивой молодой парой быстро, но более мягко. Хемерте сказала им, что они слишком молоды и вели жизнь наивысшего комфорта и блаженства.

— Все же, если вы когда-нибудь избежите рабской участи, вернитесь к нам. Может быть, вам не нужно ничего более, чем опыт, который вы приобретете, будучи рабами, для того, чтобы присоединиться к нам.

«Они приняли это очень храбро,— подумал Руиз.— И они вроде как приняли совет Хемерте всерьез. Они воистину были юны».

Генч притронулся к Фломелю, который отпрянул прочь и потом упал безвольно, как тряпка, когда генч коснулся его нервной системы.

Судьи, казалось, отпрянули от омерзения, лица их застыли от подавленной реакции на то, что они увидели.

— Нет,— сказала Хемерте, ничего не объясняя.— Но мы немного подождем, прежде чем отправим тебя на рынок. Обстоятельства всей твоей группы слишком необычны. Ты не просился в вечность добровольно.

Фломель передернулся и судорожно вздохнул, когда генч отпустил его.

Генч перешел к Мольнеху.

— Нет,— снова сказала Хемерте, но на сей раз она заговорила с хорошим чувством.— Твои страсти отличаются от наших. Если бы вместо Глубокого Сердца мы звались бы Глубоким Желудком, ты стал бы нашим правителем.

К удивлению Руиза, судьи долго совещались по поводу Дольмаэро. Но потом Хемерте, печально покачивая головой, объявила его неподходящим кандидатом на вечность.

— Ты был красивым молодым человеком и снова смог бы стать таким, и у тебя достаточно ума и духа, чтобы поселиться среди нас, но твоя верность уже отдана другому... и ты не можешь взять свое слово назад.

Низа прижалась к плечу Руиза, когда генч передвинулся к ней. Глаза ее расширились от страха. Руиз похлопал ее по руке.

— Не бойся,— сказал он,— это не больно и скоро кончится.

В ее лоб погрузилось щупальце, и она окаменела.

Судьи столпились возле экранчика, улыбаясь и перешептываясь.

— В отношении этой нет никаких сомнений,— сказала Хемерте, долго изучая данные.— Она совершенно приспособлена для вечности. Она всегда была чувственна, всегда была прекрасным существом. Ее культурная матрица завораживающе чужеродна. И у нее есть глубина чувств человека, который однажды уже умирал. Превосходно. Мы должны ее иметь.

Руиз почувствовал тошнотворную смесь облегчения и потери. Наверняка ее существование в Глубоком Сердце было бы для нее лучшей судьбой в сравнении со всем тем, что ее могло ждать. Гораздо лучше, чем ее первоначальное предназначение, которое состояло в том, чтобы играть феникса в труппе Фло-

меля, пока она не умрет множество раз. Это было лучше, чем смерть вместе с Руизом в какой-нибудь темнице Моревейника. Лучше, чем стоять на помосте невольничьего рынка, чтобы быть проданной в какой-нибудь третьеразрядный бордель.

Но она больше не будет принадлежать ему. И он был уверен, что она была способна на более широкую жизнь и интересы, он был уверен, что у нее были и прочие таланты, помимо постельных. Разве это не разновидность рабства — провести свою жизнь, совокупляясь в Глубоком Сердце? Неважно, какое бы глубокое удовольствие это ни приносило, в конечном итоге обязательно должна прийти пустота.

Генч убрал свое щупальце из Низы и подошел к Руизу. Он почувствовал холодный укол, когда щупальце пронзило его череп, и потом — ничего.

Когда он проснулся, это был медленный мучительный процесс. Он пытался вернуться в сознание, словно выплывал из какой-то темной вязкой жидкости.

Он открыл глаза и увидел, что он вернулся в свою не то комнату, не то тюремную камеру. Возле него сидела Хемерте, на ее элегантном лице было выражение глубокой озабоченности.

— Ты не сказал мне, что ты из Лиги,— сказала она.

Он кашлянул и прочистил глотку.

— Я вольнонаемный. По контракту.

Слабость собственного голоса напугала его.

— В любом случае, мы чуть не убили тебя. Старый генч задел послание-на-задание, и он утверждает, что оно вызвало к жизни смертную сеть. Почему-то она стабилизировалась, прежде чем успела взорвать тебя изнутри. Ты в сорочке родился, что остался в живых. И у меня нет объяснения этому.

Руиз снова кашлянул.

— Сеть стирается и слабеет,— ответил он.

Непонимание отразилось на ее лице.

— Ну, что бы там ни было. Во всяком случае, мы хотим тебя. И женщину тоже. Вас обоих.

— Зачем же это я вам нужен?

Хемерте странно посмотрела на него.

— А ты не знаешь? Ты разве вообще не способен заглянуть в себя? У тебя странный и богатый разум, Руиз Ав. У нас в Глубоком Сердце нет никого похожего на тебя. Ты сексуалист, чувственная личность, но ты и стоик. Ты развратник — и спартанец. Ты занимаешься любовью и приносишь смерть с одинаковой ловкостью. Ты наиболее интересный из всех, кто пришел к нам, ты подлинная тайна.

Кое-кто из нас боится тебя. Эти готовы были убить тебя, пока ты лежал без сознания. Они говорили, что ты разнесешь по всей нашей общине раковые клетки нигилизма, которые раз-

вратят и съедят нашу общую душу. Но большая часть наших единомышленников хотела бы у тебя поучиться. Приходи к нам, и ты никогда не останешься один.

— Нет,— сказал Руиз.

— Нет? Альтернатива ведь — рабство.

— Я был рабом. Для меня это временное состояние.

Хемерте разволновалась.

— Мы не можем заставить тебя присоединиться к нам — тогда ты воистину станешь для нас раковой опухолью. Можем ли мы пойти с тобой на сделку?

— Есть вещи, которые я должен доделать.

— Послание-на-задание? С этим мы можем справиться. Генч слишком слаб, чтобы справиться со смертной сетью, но он может стереть из памяти послание-на-задание, а тогда сеть сама постепенно разрушится.

— Дело не просто в этом,— сказал Руиз.

Он внезапно почувствовал прилив ужаса, который пытался скрыть. Остаться здесь, в Глубоком Сердце, вовеки, не имея взамен ничего, кроме бесконечно повторяемого удовольствия совершенно безличного сексуального единения... вдруг все это показалось ему кошмаром. На что же это похоже, навеки похоронить себя заживо в гробнице жадной плоти?

— У меня есть прочие обязанности.

— Какие? Теперь я хочу тебе сказать, что женщина должна остаться. Сначала она может даже протестовать против этого, но наши данные о ее характере уверили нас, что она в самом скором времени приспособится, и тогда она станет одной из нас. Может быть, ты и способен устоять перед нашими убеждениями, ты гораздо старше и закаленнее, чем она, ты больше пережил и стал жестким. Но она — совсем иное дело.

— Я не уверен.

— Неважно,— сказала Хемерте,— она должна остаться. Но именно ты нужен нам больше всего. Скажи мне, почему ты так отчаянно сопротивляешься, почему ты так возражаешь? Многие рискуют своей свободой, рискуют попасть в рабство, но все равно приходят к нам — лишь бы иметь такой шанс, а ты отказываешься без колебаний. Почему?

Руиз сел на постели, чувствуя, что силы постепенно возвращаются к нему.

— Возможно, потому, что я не могу посвятить себя только одному виду удовольствия. Перспектива кажется мне необыкновенно тоскливой — постоянно делать одно и то же.

— О-о-о, ты нас недопонял. Неужели ты думаешь, что мы проводим все наше время в постели? Нет, мы, человеческие существа, не наделены такой необычайной жизненной силой. Мы скоро заболеем, если будем так поступать. У нас есть и остальные интересы помимо этого. У нас есть все стандартные развлечения: видео, эмотигога, психеделические средства. Хобби

очень распространены у нас. Я сама развожу рыбок-огневок. Кроме того, я могу делать обычный фарфор, хотя, надо признаться, мои тела различаются по способностям и ловкости, поэтому качество моей работы непостоянно, иногда хуже, иногда лучше, и временами я впадаю в досаду. Но все-таки в один прекрасный день мы все научимся делать фарфор, когда мой дух пройдет через все тела.

— Это очень привлекательно,— сказал Руиз,— но боюсь, мне покажется, что меня в какой-то степени стало меньше...

— Нет-нет. Совершенно очевидно, что ты совершенно нас не понимаешь. Пожалуйста, послушай: ты совсем не представляешь себе, на что это может быть похоже,— сказала она. Лицо ее загорелось внутренним убеждением, взгляд словно устремился в какие-то ее внутренние переживания.— Я знаю, тебе представляется это так, словно все, что мы ищем от жизни — это грубое и примитивное наслаждение, которое человек получает, совокупляясь с кем-то почти незнакомым. Я же знаю как они называют нас там, наверху. Трахальщики, правда? Но в нашей вере есть нечто гораздо большее. Поверь мне, пожалуйста: чувства нарастают по мере того, как меняются тела, каждое тело прибавляет нечто новое к нашему опыту и познанию жизни. Ты проникаешь в тело любимой, а потом в тебя проникают, когда ты становишься женщиной, ты можешь слить свою плоть и с ним, и с нею, а потом еще с кем-то, и еще, и еще, пока ты не начнешь чувствовать то, что мы ценим превыше всего, всепоглощающее единство с нами всеми, со всеми остальными великими душами, чувство, что ты любишь всю вселенную настолько, насколько это возможно почувствовать и постичь человеческому существу. Ты не можешь понять, на что это похоже.

Она просияла, и против своей воли Руиз почувствовал, что его тронула сила и искренность ее слов.

— Да,— сказал он,— но...

Вдруг настроение ее переменилось. Она, казалось, разгневалась. Она оскалила свои красивые зубы и заговорила резким голосом.

— Мы можем заставить тебя пожалеть, что ты не присоединился к нам. Мы можем продать тебя на уровень ниже, где находится стадион гладиаторов. Там ты тоже будешь жить вечно, но там ты будешь убивать и будешь убитым каждый день. Ведь разве не лучше любить и быть любимым вместо этого?

Руиз ничего не сказал.

— Или же,— сказала она,— мы можем причинить боль и горе тем, о ком ты заботишься. Мы можем продать твоих друзей в очень тяжкие условия работы и жизни. Но если ты придешь к нам, мы их отпустим.

Руиз пожал плечами.

— Отпустите на свободу? Одних и таких наивных в Море-

вейнике? Не очень-то хорошая приманка. Сколько, интересно, они пробудут на свободе и в живых?

Она втянула воздух и овладела собой.

— Извини, пожалуйста,— сказала она,— я говорила в гневе. Это было очень глупо. Мы никогда не сделаем ничего столь постыдно мстительного, если ты к нам не присоединишься. Мы цивилизованные люди. И все же, невольничий рынок в Моревейнике открыт для всех, а ты получил бы очень высокую оценку от владельцев стадиона гладиаторов. Так мне кажется.

Руиз не мог придумать, что бы ему сказать. Он обдумывал свои возможности. Если он не останется, если он каким-либо образом убежит, бросится в жестокий мир Моревейника, какие у него шансы на то, что он выживет и сможет добраться домой? Мало. Но даже и в этом случае перспектива закопать себя в постоянном сексуальном аду в Глубоком Сердце была кошмаром.

Прежде всего, думал он, в Глубоком Сердце он навсегда потеряет тот особый глубинный контакт, который он установил с Низой. Только раз в тысячу лет случайная комбинация может привести к тому, что он окажется в постели именно с ней. Если они оба останутся в Глубоком Сердце. Да и то маловероятно, что они при этом будут в той плотской оболочке, которую они носят сейчас.

Он попытался объяснить.

— Разве ты не замечала никогда разницы между людьми, которые жили во всяких мирах, ходили по земле тысяч планет и по мостовым миллионов городов, и теми людьми, которые были рождены в доме, где родились их деды и прадеды? Которые провели всю свою жизнь в одном месте?

— Люди городов,— продолжал он,— они умны, искушены и гибки сознанием, и часто те, кто остается в родном доме, завидуют им в их искушенности. Но есть свои преимущества и в том, чтобы оставаться в одном месте на протяжении всей своей жизни. Их окружение приобретает для них важность, глубину, которую никогда не дано почувствовать путешественникам... И в такой стабильности люди могут гораздо глубже познать самих себя. Иногда им в голову приходят и более глубокие и серьезные мысли. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Она улыбнулась.

— Интересная аналогия, очень интересная. Мне кажется, я понимаю, о чем ты говоришь и почему ты так чувствуешь — но ведь не всегда людей можно удержать на одном месте, скажем, на хуторе, на ферме? Ты ведь не буколического склада человек, верно? Сколько неведомых странных и чуждых миров ты посетил? Хотя в одном я тебе уступлю — очень мало кто из людей столь привязан и изначально соединен со своим телом так, как ты. Это одна из причин, почему ты нам так отчаянно нужен. Мы можем столькому научиться от тебя. Но, по край-

ней мере, мне приятно видеть, что твои возражения основаны на большем, чем просто слепой страх.

Ему в голову пришла мысль. В ней таилось и холодное омерзение, но он заставил себя все равно рассмотреть ее.

— Может быть, мы сможем договориться,— сказал он.

Она улыбнулась и обняла его.

— Надеюсь. Что ты предлагаешь?

Он слегка отпрянул от ее объятий, но она, казалось, не заметила этого.

— Сперва мне придется обсудить это с Низой, прежде чем я смогу сформулировать свое предложение. Ты можешь это устроить?

Она посмотрела на него вдруг ставшими настороженными глазами.

— Возможности убежать у тебя нет, Руиз. Мы знаем твои возможности, поэтому мы приняли все меры предосторожности.

Он покачал головой.

— Ты ошибаешься в своем представлении обо мне.

— И мы будем постоянно за тобой наблюдать. Не будет у вас возможности говорить наедине.

— Я понимаю,— сказал он.

Робот впустил Низу в его комнатку и закрыл дверь, оставив их наедине.

Низа бросилась в его объятия.

— Я подумала, что ты умер,— прошептала она и прижалась к нему.— Когда это чудовище коснулось тебя, ты отпрянул, а лицо твое стало таким чужим и странным. Чудовище упало со своей тележки и завизжало. Когда они тебя уносили, ты, казалось, не дышал.

Он прижал ее крепче к себе, забыв про наблюдательные мониторы, которые наверняка подсматривали за ними.

— Со мной все в порядке. А с тобой?

— Со мной все отлично. Они со мной прекрасно обращались. Моя комната не такая роскошная, как та, в которой меня держала Кореана, но я не жалуюсь,— она хихикнула.

Он подвел ее к кушетке.

— Сядь со мною. Я должен спросить, что ты думаешь о моем плане.

Она с удивлением посмотрела на него, словно ей никогда не приходило в голову, что у нее могут спросить совета.

— Герои никогда не спрашивают принцесс, что им делать.

— Это не сказка с гоблинами, Низа,— сказал он с улыбкой.— Но сперва скажи мне, они объяснили тебе, на что будет похожа твоя жизнь, если ты с ними останешься?

— Да,— сказала она, опуская взгляд,— объяснили.

— И как ты насчет того, чтобы остаться?— Руиз задал этот

вопрос с неожиданной для себя трепещущей неувереностью, хотя он изо всех сил стремился говорить спокойным голосом. А если она хочет остаться?

Она наклонила голову и исподлобья посмотрела на него.

— Руиз, я должна тебе кое-что объяснить. На Фараоне я жила ради удовольствий плоти. Я держала рабов ради единственного предмета — чтобы они удовлетворяли меня в постели в те ночи, когда я не могла найти ничего более пикантного.

На сердце у него стало тяжко, и он отвел глаза.

— Но,— продолжала она,— теперь все переменилось. Если Делящиеся пришли бы ко мне тогда, я бы с радостью пошла за ними. Теперь — нет. Теперь у меня есть ты,— она приложила руку к его щеке.— Ведь ты со мной, да?

— Да,— благодарно сказал он.

— Они мне все объяснили, Руиз. Я никогда не буду с тобой в том виде, в каком мы сейчас. Наши тела перейдут к другим личностям, а наши личности — к другим телам. Я ведь тебя потеряю, правда?

— В своем роде, да. Но ты здесь будешь в безопасности — Кореана никогда тебя не найдет.

Она слегка отпрянула от него.

— Ты хочешь, чтобы я всерьез подумала над их предложением?

Он кивнул.

Низа встала и вздохнула. Она подошла к автоповару и ловко нажала несколько кнопок. Когда она вернулась, в руках у нее были два бокала бледно-желтого вина.

— Держи,— сказала она, предложив один Руизу.

Минут пять она сидела и потягивала вино, глядя на стену, не обращая внимания на Руиза.

Наконец она повернулась к нему и заговорила осторожным голосом:

— Позволь мне спросить тебя: если мы убежим с Суука, возьмешь ли ты меня в то место, которое ты считаешь домом? Позволишь ли ты мне быть тебе подругой жизни, по крайней мере, до тех пор, пока мы удовлетворяем друг друга своим присутствием?

Лицо ее казалось совершенно спокойным.

— Да,— ответил он. Он почувствовал вдруг такую чистую радость.

— Тогда я не желаю здесь оставаться.

Нежная улыбка, предназначенная только для него, расцвела на ее красивых губах.

— Ты понимаешь, что перед нами все еще множество опасностей? Что нас может поймать Кореана или какие-нибудь другие неприятели?

— Разумеется,— сказала она с легким упреком.— Неужели ты думаешь, что я настолько ненаблюдательна? Я же замети-

ла, что ты притягиваешь трудности и неприятности. И все же... если ты до сих пор жив, значит, каким-то образом ты умеешь из них выпутываться. Это же что-то значит.

— Может быть. Ну что же, тогда вот какое предложение я хочу тебе сделать. А потом передам его Делящимся.

Он сказал ей про свои идеи. Сперва она была озадачена. Когда она поняла суть сказанного после его объяснений, она передернулась.

— Это так странно, Руиз. Так странно. Ты можешь доверять им, они поступят по-честному?

— Надеюсь. Собственно говоря, я и так им уже доверился. Они подслушивают нас, когда мы с тобой сейчас разговариваем.

— О-о-о...

Несколько минут они сидели рядом в уютном молчании.

— Я кое-что заметила,— сказала она.— Ты их уже давно не называешь Трахальщиками.

Перед ними стояла Хемерте.

— Вы, конечно, понимаете, что мы и прежде уже рассматривали такую возможность. В некотором роде вы предлагаете нам то, что мы и сами могли бы взять, не спрашивая вашего разрешения.

— Это не совсем так,— ответил Руиз.— Ваш генч должен был вам сказать, что мой мозг очень сильно замкнут сам на себя. Многие области памяти заблокированы. Если вы просто снимете копию с моего мозга и клонируете тело, чтобы держать сознание, у вас будет та же самая проблема, что и сейчас. Ведь вы утверждали, что вам нужно именно мое добровольное участие.

Хемерте глубоко вздохнула.

— Тогда давайте я повторю все вами сказанное, чтобы убедиться, что я вас правильно поняла. Вы двое согласны разрешить нам снять с вас полные личностные матрицы и добровольно дадите нам клетки тела для клонирования. Ты, Руиз, обещаешь открыть для матрицирования наиболее закрытые интимные уголки своего мозга, чтобы твой дубликат стал бы полностью открыт для нас.

— Я не даю никаких гарантий, что мой дубликат лучше отнесется к пребыванию здесь, чем отнесся я,— сказал Руиз.

— Я понимаю. Мы не волнуемся насчет этого. Мы более всего волновались относительно самозащищенных участков твоего сознания. В остальном ты — само совершенство. Но что ты потребуешь в обмен?

— Когда процедура закончится, ты нас отпустишь — Низу, Дольмаэро, Мольнеха и меня. Ты дашь нам лодку в хорошем рабочем состоянии и личное оружие. Ты уберешь послание-на-задание из моего мозга. Вы купите у меня за справедливую

рыночную цену раба Фломеля — а он ценное существо, фокусник с Фараона. Наконец, ты дашь моим друзьям информационное погружение, чтобы они могли изучить пангалактический торговый язык. Пока что они говорят только по-фараонски, что не дает им ни единого шанса выжить в Моревейнике, если со мной что-нибудь случится.

Хемерте засмеялась.

— По-моему, ты слишком высоко ценишь себя, Руиз Ав. Но, очевидно, ты веришь, что мы держим свое слово.

Руиз пожал плечами, чувствуя тошнотворную беспомощность.

— Не могу найти никакой альтернативы тому, что я должен вам доверять. Боюсь, на старости лет я растерял все остальные возможности.

Хемерте похлопала его по плечу.

— Нет. Твои инстинкты все еще сильны и здравы. Мы соглашаемся на твои условия, они для нас — мелочи.

Постепенно Руизу становилось лучше. Помолчав, он спросил из редкого у него желания поддержать светскую беседу.

— Сколько времени пройдет, прежде чем новый Руиз и новая Низа будут жить в Глубоком Сердце?

Хемерте немедленно оживилась и с гордостью заговорила:

— О, у нас самая лучшая техника по эту сторону Дильвермуна. Мы выращиваем клетки в дисперсионном растворе, а потом используем маноманипуляторы, чтобы реконструировать тело, клетка за клеткой. Никакой примитивной эмбриоакселерации. Сколько времени пройдет? Неделя, ну, самое большее, десять дней. Несколько дней понадобится, чтобы приживить личность.

Эти сведения наполнили Руиза странным леденящим ощущением.

— Тогда я немедленно должен буду уехать.

Вчетвером они стояли на причале, в парном солнечном свете Суука. За нос и корму к причальным кнехтам была привязана низкая обтекаемая лодка, которая питалась от бесшумных магнетических полей. Ее кокпит был покрыт колпаком из армированного стекла, который сейчас был поднят.

Дольмаэро удивленно разглядывал лодку.

— Ей-богу, Руиз, эти последние события кажутся мне еще более удивительными, чем то, что ты захватил воздушную лодку Кореаны. Каким же это образом ты отвоевал нашу свободу?

Руиз смущенно пожал плечами.

— Я продал кусочек себя. И кусочек Низы. И Фломеля целиком.

В потайном кармане его нового комбинезона лежал цилиндрик дильвермунской валюты, тысяча четыреста иридиевых пластинок бумажной толщины. Энергомет был пристегнут

к его предплечью под рукавом, и в действие он приводился вживленными под кожу сенсорами. У пояса у него висело осколочное ружье, крохотные парализаторы размером с перечницу были вложены в каждый его сапог. Тут и там в одежде он спрятал остальное оружие: ножи, нейронный усыпитель, монолиновую гарроту.

— Какую часть от себя и Низы ты продал? — спросил озабоченно Дольмаэро.

— Ту, которую не видать, — коротко ответил Руиз. Низа пожала ему руку.

— А-а-а, — Дольмаэро слегка отпрянул, словно от испуга. — Ну что же, новый язык, который ты нам купил, замечательная вещь. Я теперь думаю такими мыслями, которые мне раньше и в голову не приходили.

— И мне тоже, — откликнулся Мольнех. — Это не самое приятное чувство. Руиз Ав, может, у тебя на то действительно была причина?

Руиз повернулся к Мольнеху.

— А если почему-то я не смогу переводить для вас, как вы справитесь с обстоятельствами?

Мольнех потер подбородок.

— Не хочется даже думать о такой возможности. Мы, деревенские дураки, в таком сложном мире, без защиты Руиза Ава? Нет, такого кошмара я не могу себе представить.

— И я тоже, — сказал Дольмаэро.

Руиз улыбнулся.

— Что же, время идти, — сказал он, — пора. — Он шагнул на палубу быстроходной лодки. Лодка закачалась, посылая во все стороны волны по спокойной глади лагуны.

— Иди сюда, — сказал Руиз, поднимая руку, чтобы поддержать Низу, ступившую за ним. — Поехали, пока Делящиеся не изменили своего решения.

Когда Дольмаэро и Мольнех уселись на кормовой скамье, а Низа пристегнулась возле Руиза, он нажал рычаг, который закрывал колпак. Зажглась контрольная панель, и от моторов донесся слабый шум. Он нажал кнопку, и причальные канаты втянулись.

Он взялся за рычаг управления, и лодка стала набирать ход, уплывая от причала, оставляя за собой пенистый серебристый след.

Когда они оказались на внешней стороне лагуны, направляясь в извилистые каналы, Низа оглянулась, чтобы посмотреть на резные ворота.

— Такое странное чувство, Руиз. Подумать только, что наши вторые «я» будут вечно жить в Глубоком Сердце, делая такие вещи, которые я никак не могла бы вообразить... Это очень беспокойное чувство и все же... мы с тобой в какой-то степени будем жить вечно.

Руиз рассеянно кивнул, уже полностью погрузившись в свои планы. Он пытался отогнать от себя те мысли, которые сейчас так занимали Низу. Его сознание все еще чувствовало себя как бы раненным, как бы хуже приспособленным к миру, словно произошла какая-то существенная дезинтеграция, когда он открыл запертые до сих пор области памяти и сознания. Он чувствовал себя так, словно в нем что-то вышло из-под контроля. Будто его мысли больше не служили ему, словно они отказывались оставаться в границах, которые он всегда им отводил. Его собственный разум впервые за много лет показался ему неведомым миром. Может быть, думал он, это отчасти потому, что исчезла тяжесть послания-на-задание, оставив его с головокружением и неуверенностью во всем.

Как только внимание его отвлекалось и он начинал представлять клоны, медленно развивающиеся в своих резервуарах-инкубаторах, он переводил свои мысли на другие рельсы.

Низа снова заговорила.

— Это так странно, Руиз. Я вот думаю: то, что я чувствую, наверное, должны чувствовать крестьяне, когда они должны продавать своих детей работорговцам или обречь их на смерть от голода.

В ее голосе была такая тоскливая нота, что он обнял ее за плечи и притянул к себе.

— Мы приняли жестокое решение, но все позади. Кто знает, может, их жизни станут намного спокойнее наших.

Глава десятая

К тому времени, когда Ленш и Фенш нашли Кореану, через два дня после катастрофы, ей уже стало основательно тошно: из-за болота, из-за ее сотоварищей, из-за запаха смерти, который пропитал каждую щелочку разведывательного флиттера, из-за собственного кисловатого запаха ее немытого тела.

Водушная лодка осторожно подошла, и, хотя ей приятно было видеть, что котообразные братья выказывали все признаки осторожности в действиях, она к тому же сгорала от нетерпения покончить с болотом. Никто их не терзал, и она не увидела никаких признаков того, что в усадьбе есть какая-то еще жизнь... но кто знает, когда остальные, выжившие обитатели дома наберутся достаточно храбрости, чтобы отомстить за хозяина.

— Скорее,— закричала она, размахивая руками из разбитого шлюза. Но братья сперва окружили несколько раз место катастрофы, видимо, ища, нет ли мин-ловушек, прежде чем они приземлились на краю болота, на брезгливом расстоянии от горы трупов, которые окружали флиттер.

Не ожидая, когда выйдет Мармо и Мокрассар, Кореана вышла наружу и стала пробираться по колено в болоте. Она подо-

шла к шлюзу лодки как раз в тот момент, когда Ленш открыл шлюз и осторожно выставил свою короткую морду.

Его брови любопытно поднялись.

— Ты вроде как плохо выглядишь, хозяйка.

Она без слов оскалилась на него и протолкалась мимо, собираясь немедленно влезть в ближайший душ. Она мечтала об этом больше, чем о чем-то другом, кроме смерти Руиза Ава.

Когда она обнаружила, что братья еще не добрались до того, чтобы починить поломанную канализацию и водопровод лодки, ее гнев наполнил лодку так, что никто не смел сказать и слова, даже братья, которые обычно отказывались пугаться ее гнева и неудовольствия.

— Куда нам ехать, хозяйка,— спросил наконец Фенш.— Домой?

Она повернула к нему лицо, на котором было неописуемое изумление.

— Ты что, спятил? Домой?! Нет, конечно, в Моревейник, причем как можно быстрее!

Руиз вел лодку по малолюдным каналам, пытаясь вспомнить маршрут, которым он некогда ездил и с тех пор успел изрядно подзабыть. Каналы становились все пустыннее. Они не встретили на дороге никаких привычных гадостей Моревейника: ни малолетних пиратов, которые практиковали свою будущую профессию, ни рэкетиров, которые обирали тех, кто проезжал по каналам, принадлежащим тем или иным пиратским группировкам, ни безумцев, которые искали в каналах самых гнусных развлечений, обычно состоявших в случайных убийствах.

Остальным нечего было сказать, поэтому Руиз с полной свободой составлял, а потом отбрасывал план за планом. Сложностей было много. Стартовые площадки космических кораблей Моревейника находились под контролем пиратских властителей, которые применили жесткую систему проверки своих пассажиров. Если Руиз попытался бы купить себе место на челночном корабле, хотя бы на платформу Шардов, ему стали бы задавать всяческие неудобные вопросы. Кто вы? Что вы делали на Сууке? Связаны ли вы каким-либо образом с Лигой Искусств или какой-либо другой супрасистемной организацией? Их технология послойного ментоскопирования наверняка будет гораздо лучше, чем у Кореаны. Наивно предполагать, что он мог бы обмануть или еще как-то перехитрить их. А что, если Кореана решит передать по средствам массовой информации, что она объявляет награду за их поимку? Это была обычная тактика работорговца, который разыскивал свою пропавшую собственность.

Единственный космопорт в Моревейнике, который не подчинялся пиратским владыкам, принадлежал различным ино-

планетным посольствам, которые были, если можно так сказать, еще более заражены манией преследования, чем пираты.

Если им разрешат покинуть город, они могли бы попробовать поехать к берегу, на запад, к Протекторату Камфок, где существовали крупные торговые организации и при них космопортовый комплекс. Но такое путешествие представлялось опасным. Хотя кое-какие местные торговцы и передвигались на этой трассе, ее постоянно обшаривали и пираты в поисках дополнительного заработка.

Они могли бы попытаться украсть воздушную лодку, которая могла бы подвезти их до любого нейтрального космопорта, но в Моревейнике воровство было образом жизни, и что-то столь ценное, как воздушная лодка, не могло остаться просто так, без тщательной защиты. А отъезд с Суука все равно оставался бы проблематичным.

Сами напрашивались многочисленные наземные маршруты, но у них у всех были свои опасные особенности, и Кореане было бы легче найти их таким образом за пределами запутанных лабиринтов Моревейника.

Руиз устало потряс головой. Ему нужна была помощь, пусть он и опасался риска, который обязательно присутствовал в таком обращении. Он знал только одно место в Моревейнике, куда он мог бы обратиться за помощью подобного рода, но он наверняка окажется в таком положении, что его заставят как следует заплатить за эту помощь. Он только надеялся, что цена не будет слишком высока.

Он попытался прекратить думать, дать себе время насладиться их новой свободой. Кто знает, как долго она продлится? Постепенно ему удалось отогнать заботы.

Часом позже они подплыли под низкую широкую арку, которая была снабжена надписью из кованого железа. Надпись гласила: «Казармы Алмазной Фасолинки». Внутри был причал, на котором толпились всяческие лодки, от бронированных канонерок до потрепанных деревянных джонок.

Руиз повернулся к окружающим.

— Вы мне доверяете? — спросил он.

— Конечно,— улыбнулась Низа.

— Почему нет? — ответил Мольнех и пожал плечами.

Подумав, кивнул осторожный Дольмаэро.

— Хорошо,— ответил Руиз.

Он показал рукой на причал у самой дальней стены. Два робота-охранника стояли часовыми по обеим сторонам бронированной взрывоустойчивой двери, которая пока была закрыта.

— Мне нужно оставить вас в безопасном месте, пока я поеду и попытаюсь устроить так, чтобы мы могли улететь с этой планеты. Это единственное место, которое я мог придумать.

— А что это, Руиз? — спросила Низа.

— Казармы для рабов,— ответил он.— Они служат проездным работорговцам, которым нужно место, чтобы на время где-то держать свой товар, пока они не найдут более постоянного места или не приведут рабов на аукцион.

Лица их вытянулись.

— Ох,— сказала Низа тихо.

— Пожалуйста,— сказал он,— не бойтесь. Никто вам здесь не причинит вреда, и даже если Кореана найдет вас здесь, ей придется нанять армию, чтобы вас отсюда отбить. Эти казармы находятся под защитой пиратских властителей. Ей надо быть совсем сумасшедшей, чтобы поссориться с ними.

— Она и есть сумасшедшая, Руиз,— сказала Низа.

— Не до такой степени,— сказал он и подумал: «Нам надо на это надеяться, другого выхода нет».

Прошла минута тягостного молчания, потом заговорил Дольмаэро:

— А что случится с нами, если ты не вернешься?

— Это такая ситуация, при которой у меня нет решения.

Казармы придерживались таких правил, при которых они держали рабов у себя до тех пор, пока заранее оплаченное время не заканчивалось. Потом, после небольшого кредитного периода времени, рабов продавали на рынке.

— А возможно то, что ты не вернешься?— Дольмаэро говорил неохотно, но решительно.

— Случиться может все, что угодно,— ответил Руиз,— но, честное слово, Дольмаэро, я не знаю, что еще можно сделать. Вы не понимаете, какое опасное место Моревейник. Вы не проживете в нем и дня, если вас никто не защитит. Есть, конечно, гостиницы, но их система безопасности смехотворна. Кореана не прилагая никаких усилий выследит вас и поймает, если я оставлю вас там. Я оставлю достаточно средств в казармах, чтобы вас кормили неделю. Я наверняка должен вернуться к этому времени.

— Я тебе верю,— сказал Дольмаэро веско.— Но я волнуюсь. У нас совсем нет никакой возможности влиять на собственную судьбу... Это очень неприятное чувство. Все же я полагаю, что и в самом худшем случае мы окажемся в том же самом положении, в каком были, когда нас поймала Кореана.

— А нельзя мне пойти с тобой?— спросила Низа.

— Прости, но нет. Я, вероятно, столкнусь со многими неприятностями. Я гораздо более успешно с ними справлюсь, если мне не придется волноваться за то, что я должен защищать еще и тебя.

Она опустила глаза.

— Понимаю,— сказала она.

Лодка подъезала к причалу.

— Я должен вас просить сыграть подобающие вам роли.

Говорите, когда вас спрашивают, смотрите, потупив глаза, кажитесь подавленными. Вы будете слушаться?— Руиз посмотрел на каждого по очереди. Они все кивнули. Он особенно долго смотрел на Низу. Потом, спрятав этот жест под контрольной панелью лодки, он пожал ей руку. Он не смел сделать никакого другого нежного жеста, ведь за ними, несомненно, наблюдали. Казармы выставляли над уличным входом мониторы безопасности.

— Прежде всего, не говорите ничего такого, что надзиратели могут воспринять как неподобающее для рабов. Будьте последовательны в своих действиях, и вы будете в безопасности.

Лодка коснулась причала и выпустила причальные канаты. Руиз вытащил свое осколочное ружье и сделал подгоняющий жест.

— А ну выходи,— заорал он,— все выходите!

Фараонцы выгрузились на причал, весьма правдоподобно сгорбившись, лица их вытянулись от отчаяния. Руиз последовал за ними, ловко выпрыгнув и подталкивая их ко входу, который был вделан в стену возле взрывостойкой двери.

Механические охранники смотрели на них без интереса, приподняв наизготовку свои парализаторы. Замок открылся, и они оказались внутри.

Длинный стальной коридор, слабо освещенный, тянулся прочь в темноту. В интервале десяти метров сверкающие знаки указывали на боковые коридоры. Знаки отражали качество казарм и свободные места в данном классе камер. Через каждые пять метров камеры наблюдения и автоматические пушки сканировали коридор.

— Тут самообслуживание,— сказал Руиз.

Он провел свою группку по главному коридору на несколько сот метров, пока они не прошли за пределы той секции казарм, где были только камеры минимальных удобств и служб.

Свет стал попадаться чаще, и по силе он стал ярче, на полу оказался мягкий ковер, из скрытых репродукторов полилась спокойная музыка. Но автоматические пушки были все еще хорошо видны.

Руиз свернул в боковой коридор, нашел там три соседних ячейки. Он провел Дольмаэро и Мольнеха в первые две, надавив ладонью на зеленую пластинку идентификатора, потом подставил глаз красной линзе идентификации сетчатки глаза. Он бросил полдюжины дильвермунских монет в прорезь возле каждой камеры.

Потом он открыл дверь в камеру Низы. Она кротко вошла внутрь, но потом повернулась, посмотрела на него. Руки ее были сложены на груди, глаза огромны. Она не улыбалась.

Когда он закрыл дверь, он почувствовал, что в его сердце словно открылась рана. Он боролся со страшным чувством,

что видел ее в последний раз. «Нет,— подумал он.— Все будет в порядке».

Но у его обнадеживающих мыслей была холодная слабость и неуверенность.

Кореана добралась до Моревейника перед самым закатом. Она послала Фенша в рубку, чтобы тот следил за взрывной пушкой. Моревейник был местом неспокойным даже для тех, кто прилетел в бронированной воздушной лодке.

Только они пересекли невидимую границу между прибрежной равниной с ее усадьбами и беседками и вошли в густой воздух Моревейника, как ее окликнула пиратская канонерка, которая слетела на них из закатных лучей и приказала им подняться выше.

Закипев от этого нового промедления, она приказала Ленш подчиниться.

Канонерка шла рядышком, все ее бортовые пушки были направлены им в борт. Видеоэкран зажегся, и она ударила по кнопке связи.

Старое лицо в шрамах уставилось на нее.

— Назовите себя,— сказал лениво пират.

— Кореана Хейкларо и ее экипаж,— она враждебно уставилась на пирата — в ее нечастых визитах в пиратскую столицу ей никогда раньше не препятствовали.

— В Моревейнике по делам?

— По делам,— огрызнулась она.

— А-а-а,— сказал пират, улыбаясь ледяной улыбкой,— ну что же, по данным моего компьютера вы известны в Моревейнике — вы и прежде здесь бывали, если вы та, за кого себя выдаете. Можете пролетать.

— Как любезно с вашей стороны.

Теперь он рассмеялся, словно она была дерзким, но не очень умным ребенком.

— Должен вас предупредить, что мы можем оказаться не столь любезными, если вы попробуете покинуть Моревейник. В последнее время события очень беспокоят нас. Все покидающие Моревейник гости подвергаются послойной ментоскопии. Вы уверены, что ваши дела не терпят отлагательств, Кореана Хейкларо?

Она зарычала и отключила видеоэкран.

— А мы уверены, Кореана, что наши дела такие срочные?

Она даже не потрудилась ответить.

— Где мы остановимся?— спросил Ленш с сиденья пилота.

— Держи курс на «Веселый Роджер». Можно с тем же успехом продумывать месть в комфортных условиях.

— Прекрасный выбор,— воскликнул Ленш, облизывая свои мохнатые щеки.

«Веселый Роджер» был гостиницей, которую обычно посе-

щали богатые пираты и их клиенты с посторонних миров, которые иногда включали в себя тех, кто прилетел на Суук выкупить похищенных близких, торговцев, которые прилетали в Моревейник, чтобы купить пиратские грузы, посредники, которые торговались в подобных же сделках, или люди прессы, которые брали интервью у знаменитых грабителей и мародеров для видеопрограмм. Отель пользовался репутацией хорошо охраняемого до тех пор, пока клиенты сами не плошали и не расслабляли собственную систему безопасности.

Они оставили воздушную лодку в тяжелобронированном гараже-ангаре. Кореана приказала Феншу оставаться на борту, к его великому раздражению, но она не хотела давать грабителям никаких шансов.

Номер был сносный. С отдельными спальнями для них для всех, с отдельным входом, где можно было запереть Мокрассара — с глаз долой и подальше от его запаха.

После душа Кореана почувствовала, как к ней возвращается самоуверенность, и чувство необходимости немедленно что-то делать поутихло в ней. Она развалилась на огромном диване, закутанная в теплый халат, пока Ленш опытными движениями расчесывал ей волосы.

— Что теперь? — спросил Мармо.

— Утром мы посетим невольничьи рынки. Руиз Ав, наверное, уже успел продать остальных. Ему понадобится наличность, и они будут мешать его подвижности в действиях.

Мармо издал скептическое хмыканье.

— Ты уверена? Когда он захватывал лодку, у меня сложилось сильное впечатление, что он очень дорожит женщиной.— Мармо потер шею, словно вспомнил прикосновение ножа Руиза.

— Глупости. Он избавится от них — это то, что в первую очередь сделала бы я, а он не отличается от меня.

Руиз вел лодку на максимальной скорости на запад, через темные лабиринты в сердцевине Моревейника. Ночь скрывала его и превращала каналы в смутно освещенные каньоны, по которым плыли только прочие неосвещенные суда. Много раз Руиз избегал столкновения только в последний момент. Он стал волноваться, что его способность сосредоточиваться начинает подводить его.

Он надеялся, что, укрыв фараонцев в самом безопасном месте, которое он мог придумать, он сбросит с себя груз ответственности, который давил на него с того самого времени, когда он приземлился вместе с ними на Сууке. Но на самом деле он чувствовал это бремя сильнее, чем всегда. Он не мог совершенно освободить свой мозг от мыслей о них. Он постоянно думал о том, какие страшные ситуации могут возникнуть. Мысленно он видел, как Низа ждет в своей клетушке, а дни все про-

ходят... Пока однажды охранники не придут за нею и не уведут ее на невольничий рынок. Он думал, будет ли она горько обижена на него, если он погибнет прежде, чем успеет вернуться к ней. Он на это надеялся. Ей будет легче, если всю свою горечь она сосредоточит на нем.

Он яростно замотал головой. Сентиментальные бесполезные мысли. Он вдруг почувствовал страшное раздражение на самого себя. Если он не мог сосредоточить свои силы самым лучшим образом, он заслуживал неудачу.

Гнев промывал его мозг волнами, счищая все слабые и нежные чувства, которые не могли принести ничего хорошего Руизу Аву именно сейчас — вместо них остался твердый жесткий комок цели и силы.

Низа сидела на своем тоненьком матрасе и с тоской вспоминала свои роскошные апартаменты, которыми она так наслаждалась в Глубоком Сердце. Ее теперешние квартиры отнюдь не радовали ее. Стены камеры были сделаны из стали. Простая светящаяся пластинка на потолке бросала резкий свет на несколько предметов мебели: стул с прямой спинкой, сухой отгороженный пленкой уголок, где находился сухой душ, смывавший грязь с тела специальными волнами, в другом углу — туалет за ширмой, оконце для подачи еды и кран с водой под маленьким зеркальцем. Над зеркальцем был видеоэкран. Несколько минут назад лицо андрогина появилось на экране, объяснило, как пользоваться теми или иными вещами в комнате, потом сказало, что два раза в день ей можно будет выйти погулять через заднюю дверь комнатки, чтобы пообщаться со своими сотоварищами по плену в установленный в казармах период общения и отдыха.

Она посмотрела на себя в зеркало. И в этой все еще красивой, но измученной молодой женщине ей трудно было узнать Низу, любимую дочь короля. Что переменилось? Глаза ее стали глубже, словно они видели больше странного и страшного, чем можно увидеть человеку ее положения, чем можно было от нее ожидать с точки зрения выносливости. Рот, вроде бы, остался таким же мягким и пухлым, как раньше, хотя и в нем был какой-то обиженный нюанс, а линия губ была странной — не улыбка и не гримаса.

Она думала про Руиза Ава, этого странного человека, такого замечательного. Действительно ли она доверяла ему, когда она согласилась, отвечая на его вопрос. Он был таким загадочным. Иногда она думала, что мотивы его поступков остаются тайной для него самого.

— Так же, как и для всех прочих,— сказала она вслух.— Ничего такого особенного.

Безобразное подозрение не однажды приходило ей в голову с той поры, как она стояла, глядя в последний раз на его силь-

ное жесткое лицо, и дверь в ее камеру закрывалась. Каждый раз она со стыдом отталкивала его, и все же оно не уходило. Что, если Руиз Ав выбрал этот способ, чтобы избавиться от нее и от остальных?

— Нет! — она не будет верить в такое.

Пока не будет.

Руиз притормозил лодку и стал пробираться между ржавеющими остатками какой-то решетки. Из маслянистой воды торчали металлические острия, вздымаясь в ночные туманы. Он был в разлагающемся центре Моревейника, где обитали его наименее почтенные и богатые жители. Дома здесь были в скверном состоянии, если можно так сказать о пещерах неизвестного происхождения, часть из них наполовину сползла в море, часть склонила верхушки вместе, поддерживая друг друга в ненадежной стабильности. Почти никаких огоньков не видно было над водою, хотя время от времени лодка проскальзывала по слабому свечению, идущему откуда-то из глубин.

Руиз искал приметы, пытаясь сравнить свои воспоминания о последнем посещении этого места с тем, что он видел во тьме.

Вот оно! Металлический прут от решетки, который слегка напоминал человека, распятого вверх ногами — это он помнил. Он повернул лодку к низкому переплетению ржавых балок и увидел проем там, где и ожидал его увидеть.

Он проехал под грубой аркой из сваренных вместе балок в лагуну к причалу, где была привязана только одна канонерка, правда, бронированная. Ее блестящий корпус наполовину сидел в воде, привязанный к торчащему из глубины металлическому стержню.

Он развернул лодку и объехал амфибию — канонерка могла и летать и плавать — восхищаясь ее округлыми моторными бульбами, тремя встроенными орудиями, рядом торпедных орудий по всей срединной линии борта. Если бы только у него было достаточно инструментов, чтобы разоружить охранную систему лодки, все его хлопоты и проблемы были бы решены. Но что было думать о пустом, напомнил он себе, если лодка принадлежала Публию, как он подозревал, ее охранительные системы должны были быть воистину весьма хитроумны.

Он вздохнул и позволил своей лодке подплыть к кое-как сколоченному причалу на самом внутреннем крае лагуны. Он только мог надеяться на то, что Публий все еще был хозяином этой части Моревейника и что его существа позволят Руизу войти нетронутым. Может быть, они примут его за клиента — в своем роде, он и был клиент.

Лодка прикоснулась к причалу с мягким металлическим звоном, и Руиз поднялся. Он поднял колпак лодки из армированного стекла и установил мониторы-охранники. Он очень

остро сознавал, что в этом отношении лодка недостаточно защищена, но у него не было времени устраивать на ней сложные сигнализации и ловушки. Первый же компетентный вор, который попадется навстречу, украдет его лодку. Он мог только надеяться, что этого не случится. Или что это уже не будет тем или иным образом иметь значения.

Он цепью привязал лодку к пристани и пошагал в пещерную тьму за пристанью, выглядывая изобретателя чудовищ.

Лабиринт Публия был таким же страшным, как всегда. Стены были вырезаны из древнего топленого камня ржавого черного цвета, кое-где встречались полосатые вкрапления мутно-красного стекла. Низкие потолки поддерживали свечение люминесцентного мха, бросавшего голубоватый свет на сырой пол, на лужи застоявшейся воды и склизлый камень.

Руиз старался идти бесшумно, насколько это было возможно, насторожив уши, поскольку он старался услышать, не таится ли где-нибудь в лабиринте кто-нибудь из чудовищ Публия. Но сперва все, что ему удавалось услышать, была капель воды с потолка и стен и очень слабое гудение мощных моторов внизу. Все-таки он нес свое осколочное ружье в одной руке, поставив наизготовку парализатор в другой.

По мере того, как он углублялся в лабиринт, проходы становились все уже, пересечения коридоров все многочисленнее, все более запутанными, а свет все слабее. Он надеялся, что не забыл дорогу: прошло довольно много времени с последнего его посещения этого страшного места.

В некоторых местах светящийся мох погиб совершенно, поэтому Руиз пробирался сквозь бархатистую тьму с исключительной осторожностью, боясь, что с каждым новым шагом может поставить ногу на нечто такое, что совсем ее откусит. Ему стали слышаться неприятные звуки: далекий рев, топанье тяжелых лап, вздохи страшных существ в темноте. Ни один из этих звуков не означал непременно нечто страшное. В лабиринте была весьма своеобразная акустика, и вполне возможно было, что ни одно из чудищ Публия не подкрадывалось к нему.

Он начинал чувствовать, как вес небоскреба над ним давит на него. Стал побаиваться, что ненадежная и прогнившая конструкция может выбрать именно этот момент, чтобы подчиниться законам притяжения и обрушиться на него. Он знал, что страх этот нерационален, неразумен. Этот небоскреб простоял в Моревейнике под своим теперешним углом к земле миллион лет.

Воздух был жаркий и парной, густой от разнообразной вони. Когда он углубился в лабиринт, он все чаще стал натыкаться на гниющие куски мяса, которые валялись там и сям по коридорам — неудачные попытки создания чудищ или остатки других посетителей, может быть. Свежий помет чудищ был еще

одним риском — Руизу никак нельзя было вляпаться во что-нибудь, а потом идти в скользких сапогах.

Он уже начинал мечтать, чтобы какое-нибудь чудовище появилось. Он мог бы перестать высматривать его и начать действовать.

Когда же оно появилось из бокового коридора, он понял, что за дурацкое желание это было.

Оно было высокое, мускулистое, худощавое, со смутно человекообразным торсом и головой длинномордой рептилии. Лапы его были как-то странно приделаны к туловищу и сгибались в неожиданных местах,— уж слишком много в них было суставов,— но его когти были длинные и острые, и оно прыгнуло на Руиза, выставив лапы и намереваясь его разорвать.

Руиз навел на него осколочное ружье и послал взрыв, который по диагонали разорвал ему грудь. Чудовище упало ничком, все еще собираясь схватить Руиза, но он поднырнул под лапу и отскочил в сторону.

Видимо, осколки перерезали чудовищу позвоночник, потому что оно могло теперь только ползти за Руизом, опираясь на одни передние лапы, скрежеща когтями по камню, на котором хотело найти опору. Оно попыталось заговорить, не то ругаясь, не то молясь. Полуоформленные слова почти можно было разобрать.

Руиза слегка затошнило, но он направил еще один выстрел между желтыми глазами. Существо умирало медленно. После того, как Руиз уже прошел мимо, он все еще слышал скрежет когтей по камню и шарканье ползущего тела.

Он пытался не думать о том, чем бы он мог стать, если бы Публий был в плохом настроении. А это бывало часто. Руиз совершенно не рассчитывал на милосердие и доброту Публия, если такие качества вообще в нем существовали. Он только мог надеяться, что изготовитель чудовищ согласится оказать ему услугу или продать ему услугу по той цене, какую Руиз сможет заплатить.

Он никогда не мог понять пристрастия Публия к его сумасшедшему искусству — Публий, казалось, обитал в человеческом теле, но Руиз не мог себе представить, что такое означало бы — оказаться на миг в голове Публия. Не говоря о том, чтобы жить с таким мышлением, как у него.

А в последний раз, когда Руиз видел Публия, изобретатель чудовищ развлекался тем, что рассказывал Руизу, какие замечательные существа могут быть сделаны из его, Руиза, сырого мяса.

Руиз передернулся. До этого момента он не вспоминал даже, насколько он ненавидел и боялся своего бывшего сотоварища по оружию.

Кореана не могла уснуть, поэтому она сидела в своей ро-

скошной постели и приказала Леншу принести ей стакан молока со снотворным и тарелку масляного печенья. Пока она ждала, чтобы снотворное оказало свое действие, она занялась тем, чтобы просмотреть на холоэкране в спальне предложения, которые печатал в бюллетене официальный невольничий рынок. Она начала с того товара, который должен быть продан на следующий день.

Сперва она предположила, что Руиз Ав окажется достаточно хитер, чтобы выставить свой товар на продажу под фальшивым именем и данными, чтобы она не сумела проследить его, прежде чем он продаст фараонцев и смоется. Поэтому она установила поисковые параметры по принципу поиска товара с планет Жестокого Мира, низкой технической культуры, который обладал бы артистическими умениями и навыками. Она была уверена, что Руиз Ав не сможет устоять перед искушением получить хорошую цену за свои трофеи, а если бы он продал их как необученных примитивов, он получил бы жалкие гроши за мужчин, хотя, впрочем, женщина принесла бы неплохой доход от подземных борделей, если бы ее туда продать.

Официальный рынок в Моревейнике был огромен, и она просмотрела уже сотни фотографий и статистического материала без всякого успеха, казалось, все работорговцы затоварились на Моревейнике примитивными артистами: исполнителями танца дождя с Пуэбло, певцами пламени с Ада 11, дрессировщиками с Серебряного доллара, страстодраматиками с Золотого Ока.

Ее веки начали слипаться, а она посмотрела только малую часть каталога. Прежде чем бросить окончательно, она решила проверить, не сделал ли Руиз Ав глупости, хоть один раз. На этот раз она поставила единственный поисковый параметр: товар родом с Фараона. На холоэкране немедленно появилась жесткое наглое лицо Фломеля, презрительно глядящее на Кореану.

Она с восторгом захлопала в ладоши и прочла статистический материал. Когда она дошла до строки «владелец», она нахмурилась. Теперь Фломелем владела организация, называемая Глубокое Сердце, что означало, что Руиз Ав еще раз оказался противоестественно быстр. Все-таки, она введет свой доаукционный взнос на Фломеля, а завтра она выжмет из него досуха все полезные сведения. Она напечатала трансферный код на своем портативном компьютере и очень обрадовалась, когда строка «владелец» зарябила, стерлась и взамен старой надписи возникло ее имя. Тогда, ободренная успехом, она стала продолжать свои поиски, и была страшно удивлена, когда не нашла никакого упоминания об остальных. Неужели Мармо, в конце концов, оказался прав? Неужели Руиз снова сделал нечто непредсказуемое и отпустил своих компаньонов на свобо-

ду? Или же, что еще более необъяснимо, неужели он продолжал защищать их и оберегать?

Нет. Она покачала головой в яростном отрицании. Он не мог до такой степени оказаться глуп, так что скоро ее собственность вернется к ней.

А потом она найдет Руиза Ава.

Глава одиннадцатая

Теперь Руиз был очень близок к центру лабиринта Публия. Он уже сто раз свернул, прошел несколько километров. Он не видел никаких больше чудовищ, и теперь он больше и не ждал встречи с каким-нибудь из них. Изготовитель чудовищ использовал свои неудачные экземпляры для того, чтобы патрулировать внешние проходы лабиринта, таким образом прогоняя нежелательных посетителей. Однако он запрещал этим существам возвращаться в лаборатории, где они родились, чтобы тем самым не отвращать хорошо платящих клиентов. Они часто приходили посмотреть на его чудеса.

Свет стал лучше, теперь мох время от времени перемежался полосками биолюма над головой, а полы стали чище и суше. Руиз стал беспокоиться о том, как примет его Публий. Согласится ли он вообще увидеться с Руизом, не вышвырнет ли он его прочь, приказав убить? Он настолько погрузился в эти невеселые мысли, что не сразу заметил шорох приближающихся навстречу шагов, и чуть не столкнулся с группой торговцев, которые, очевидно, только что вышли из внутреннего святилища со своими покупками.

Он скользнул в боковой коридор, как раз за миг до того, как первый охранник вышел из-за поворота. Он отступил к стене и замер.

Они его не увидели, но его не впечатлила охрана торговцев: он мог бы безболезненно убить с полдюжины охранников и забрать их товары, которые как раз выносили в двух больших, покрытых тканью, клетках, которые несли по восемь потных маленьких носильщиков. Трое торговцев были грасицианцы, в роскошных костюмах-колоколах, на них были модные инкрустированные драгоценностями маски, а от коридорной вони они прижимали к носам ароматические шарики.

Руиз подумал про себя, что интересно было бы узнать, какие кошмары они приобрели у Публия.

Когда они прошли, он пошел дальше и вскоре дошел до высокой ротонды в центре лабиринта.

Свет здесь был немилосердно яркий, а трое рабов-Дирмов, охранников, караулили шлюз безопасности Публия. Это было строение из монобетона и брони над эскалатором, который должен был доставить Руиза в царство Публия, вниз.

Охранники немедленно направили тяжелые энергометы в грудь Руизу. Он остановился, поднял руки, показав, что они пусты, потом закинул руки за голову.

— Я здесь, чтобы встретиться с Публием,— сказал он и стал ждать.

— Имя?— потребовал Дирм.

— Руиз Ав?

— Цель визита?

— По делу.

При упоминании о деле Дирмы немного расслабились. Тот, кто говорил с Руизом, что-то прошептал в рацию, приколотую у него на обшлаге.

Чуть погодя и прослушав то, что ему сказали, он поднял свое оружие и жестом показал Руизу подойти, но второй так и не опускал своего оружия, продолжая целиться в Руиза.

Первый охранник закинул свой энергомет за спину, когда Руиз подошел к нему, и опытным жестом похлопал его сверху вниз, ища скрытое оружие. Потом он использовал детектор запаха и оружия, чтобы отнять у него остальное, что не обнаружилось при ручном обыске.

Когда охранник удовлетворил свои подозрения в отношении опасности Руиза для его хозяина, он отошел назад и сказал:

— Вашу собственность вы сможете забрать обратно, когда пойдете назад.

Руиз искренне и яростно надеялся, что он действительно пойдет назад и что вернется он в том самом облике, в котором входил сейчас. Но все, что он сказал, были вежливые слова:

— Благодарю вас.

Охранник кивнул и нажал на переключатель на своей манжете, где располагались панели управления многочисленными охранными устройствами. Армированная дверь отошла в сторону, потом — декоративная решетка лифта-эскалатора. Руиз шагнул внутрь кабины и увидел, как решетка захлопнулась. Сияющая палладиевая филигрань немедленно превратилась в картину воющих морд и человеческих лиц, которые были искажены ужасом до невероятности.

Руиз вздрогнул и подумал, умно ли с его стороны было разыскивать Публия.

Но было уже слишком поздно, и он сосредоточился на том, чтобы отточить детали своего рассказа, пока он быстро пролетал мимо различных уровней до самого основания башни, таящегося глубоко в земле.

Казалось, он падал целую вечность, и в душу его закралось подозрение, что Публий решил сбросить его в нежилые уровни ниже своей лаборатории, чтобы таким образом избавиться от него.

Лифт настолько резко замедлил ход, что колени Руиза слегка подогнулись. Видимо, маленькая шуточка Публия. У этого

существа было беспощадное и весьма эксцентричное чувство юмора.

Дверь скользнула в сторону, чтобы показать Публия, который стоял в холле, широко раскинув руки для приветствия. Или, может быть, ему показалось, что это Публий, потому что тело, которое было у человека, было незнакомо Руизу. Это было высокое худощавое тело с презрительным аристократическим лицом. Наверняка это был Публий, потому что у кого еще можно было бы заметить это безумное свечение в глазах, как не у него?

— Руиз,— радостно сказал Публий,— неужели? Мой старый друг, неужели ты наконец выбрался меня навестить?

Руиз осторожно вышел из лифта.

— Публий?

— А кто же?

Руиз позволил Публию закинуть руки ему на шею, и сам смог изобразить ответное объятие. Публий, вероятно, не заметил отсутствия энтузиазма в объятиях Руиза. Он схватил Руиза за плечи и осмотрел с головы до ног, а брови у него прыгали вверх-вниз от любопытства.

— Все еще очень красив, как вижу,— сказал он Руизу одобрительным тоном,— ты просто пропадаешь на этой костоломной должности для Лиги. Я всегда тебе говорил, я знаю, что ты от меня это слышал сто раз, но повторю опять: стань печально знаменитым, а потом продай свой клон. Со временем ты станешь богатым источником телесного материала, не успеешь и глазом моргнуть. Я тебя сам куплю, превращу тебя в этакую ручную змейку и продам какой-нибудь богатой вдовушке вместо комнатной собачки.

Руиз сглотнул и подавил омерзение.

— Я больше не работаю на Лигу, Публий.

Публий рассмеялся низким журчащим звуком, который странно напоминал звук стекающей из ванны воды.

— Ну да, конечно. Не беспокойся. Я никогда никому не скажу, что ты из Лиги, хотя я не могу обвинять тебя в чрезмерной осторожности, в конце концов, это же Моревейник.

— Нет, честное слово,— сказал Руиз.— Я на них больше не работаю.

— Неужели? Вот это мне странно — такой адреналиновый наркоман, как ты, вдруг отрекся от убийства, грабежа и высокой оплаты? Что же такое случилось? Может, ты умираешь? Может, влюбился?

— Не говори глупостей,— сказал Руиз, пытаясь проговорить свои слова убедительно.

— Ты прав, ты прав. О чем я думал?— Публий снова рассмеялся.— Ты же знаменитый Руиз Ав, образец и идеал безрассудного куража, самодостаточности, которого никогда не со-

блазняют нежные предметы, который безоговорочно предан своему собственному бесконечно гибкому кодексу чести.

Теперь в голосе Публия сквозили кислые нотки, и Руиз боялся, что он вспоминал их совместные подвиги на Линии, когда Руиз покинул ряды освободителей-волонтеров, которыми командовал Публий.

— Э-э-э...— сказал Руиз, пытаясь найти другую тему для разговора,— как твои дела?

— Ты правильно сделал, что спрашиваешь,— прокричал Публий громовым голосом.— Когда же в последний раз ты приходил сюда, ко мне, чтобы шантажом вынудить меня оказать тебе еще одну услугу? Тридцать лет назад? Сорок? Много времени прошло, мое искусство расцвело, мое состояние приумножилось, мое влияние существенно усилилось, хотя не вполне достаточно, достаточно никогда не бывает.

Публий сбросил маску хорошего настроения и благодушия и его отвратительная внутренняя сущность стала просвечивать сквозь его новую плоть.

— Ну, а тебе какое дело до всего этого, Руиз Ав? Что тебе на сей раз от меня надо? Старый друг...

— Ничего такого особенного, Публий,— сказал Руиз.

Он пытался не выказывать ни страха, ни досады, хотя был охвачен ужасом.

— Нет? Ничего особенного? Я поражен. Так что это твое «неособенное» означает? И что ты за это заплатишь?

— Руиз глубоко вздохнул.

— Мне нужен транспорт до платформ Шардов, для меня и для трех рабов. Я могу заплатить приличную сумму.

Публий сделал небрежный жест-отмашку.

— И ничего более? Такая простая вещь, поистине!— лицо его исказилось маской изумления и недоверия.— Ты что, спятил? Что тебя заставило думать, что я могу такое устроить, даже для тебя? Пиратские владыки в последнее время находятся просто в какой-то истерике от мании преследования. Разве ты этого не знал? Мои клиенты кипят в отелях, они не могут покинуть город, а их товары гниют в складах, пока купившие их торговцы не возвращают их обратно в Моревейник, туда, где купили. Мне пришлось убить чертову дюжину жалобщиков за последние два месяца — не могу же я позволить им порочить мою репутацию.

— Я этого не знал,— сказал мрачно Руиз.

— Ты только что попал в город, да? Ну ладно, ты мне польстил тем, что так высоко обо мне думал. Ладно, ладно... Мы пройдемся по лабораториям и поговорим.

Публий приклеил на физиономии чрезвычайно хитрую, почти гротескную улыбочку и подмигнул, видимо, окончив свою вступительную речь.

— Дела никогда не бывают столь плохи, как они могут еще быть, правда?

Он положил руку Руизу на плечи и потащил его из холла, в мир белого кафеля, нержавеющей стали и ужаса.

Лаборатории Публия были чрезвычайно обширны, занимали они тысячи квадратных метров, и всегда в них кипела деятельность. Творческая страсть изготовителя чудовищ равнялась только его алчности. Эти два мощнейших стимула вместе смогли заставить лаборатории выдавать продукцию на полную мощность. Руиза всегда удивляло, что пангалактическая страсть к чудовищам могла идти нога в ногу с манией творчества Публия. Это было еще одним примером непознаваемого разнообразия вселенной и ненасытного аппетита существ, которые ее населяли.

Публий провел его мимо отгороженной ямы-арены, в глубине которой десятки приземистых и крепких медведеподобных воинов рубили и кололи друг друга длинными ножами — они скалились, рычали, их белые клыки блестели. В их движениях было нечеловеческое проворство и ловкость.

— Это отборочные состязания,— сказал Публий, поясняя.— Мы начали примерно с двухсот экспериментальных экземпляров. Еще день-два — и покажутся самые лучшие, хотя мы проведем отборочные состязания еще раза два, чтобы исключить возможность случая. Но они будут просто находкой для какого-нибудь фашиста-маньяка на планетке из жестокого Мира, правда?

Он просиял отеческой улыбкой, которая не могла казаться ничем, кроме пародии на творческую гордость.

— Им придется, конечно, надевать ошейники, но нет ничего совершенного... А то и намордники пригодятся... А с другой стороны... Руиз, ты вроде как неплохо владеешь кинжалом? Так вот, ты против двоих таких и двух минут не продержишься.

Возле одной из опорных колонн был стеллаж высоких и узких инкубаторных резервуаров, чье содержимое было закрыто ширмой. Публий остановился возле них и отодвинул ширму в сторону, показав троих взрослых человеческих особей, мужчин и одну женщину. У них была та пухлая бесформенность, которая отличает выращенные в резервуарах клоны, прежде чем их выливают в форму и придают им человеческие личности. Но Руиз уже сейчас видел, что они будут очень привлекательны. Все они по цвету глаз и волос походили на Публия, и Руиз вдруг понял, кто они такие.

— Да,— сказал Публий,— они — это я. Страховка. Если я когда-нибудь умру, их выльют в форму и натравят друг на друга. Самый сильный получит мою личность.

Руиз пришел в ужас. А что, если клоны решат скооперироваться? Выдержит ли вселенная трех Публиев?

Мимо сновали лаборанты, техники, сгорбив плечи и опу-

стив глаза, словно они боялись своего работодателя точно так же, как Руиз.

Они прошли мимо ряда ячеек с окошками, в каждой ячейке сидели различные образцы человеческих игрушек. Кое-кто из них был чем-то большим, нежели просто мужчиной или женщиной, их соматипы были преобразованы на основе какого-нибудь животного стандарта. Среди них была стройная девушка-ящерица, томная и спокойная, которая все время облизывала языком глазные чешуйки. Язык у нее был длинный и раздвоенный. В следующей ячейке сидел мальчик с лицом мастифа. Тело его было мускулистым и кривоногим.

Они прошли мимо женщины без рук, с лысой бесформенной головой, ее гладкая кожа блестела от слизи. Андрогинное существо гладило свои пушистые перистые усики-антенны. У него было насекомообразное туловище, а на груди свернулось щупальце.

Но остальные были еще более странными. Казалось, они частично были составлены из существ, для которых не было аналогов на Старой Земле, хотя Руиз знал, что свой генетический материал Публий в основном берет из человеческого ДНК. Публий в этом отношении был пуристым. Руиз отворачивался от решетчатых щупалец, силикоидных каменистых панцирей, пульсирующей массы желтой хрящеватой клетчатки. Вот еще какое-то весьма шишковатое существо, покрытое сенсорными пучками, как у генча, которое пыхтело через трехстворчатые ротовые отверстия. Симметрия дополнялась тремя пухлыми грудями, тремя влагалищами.

Генчеобразное существо заставило его передернуться, и его охватила волна смятения. Он почувствовал, как его смертная сеть начала стягиваться, потом стабилизировалась. Он избегал думать про генчей, с тех самых пор, как появился в Моревейнике, видимо, это происходило по какой-то причине. Он подумал, что не худо бы знать, сколько еще таких неудачных попыток смертной сети он мог бы вынести, прежде чем или сеть распадется, не вынеся напряжения, или он потеряет вкус к жизни.

— Это образчики. Есть тут что-нибудь такое, что тебе хотелось бы попробовать? — Публий хлопнул его по спине, рассмеялся своим странным булькающим смехом.— Нет-нет, я просто посмеялся над тобой. Я знаю, ты у нас скромник.

Они прошли операционные, в которых лаборанты и техники в белых халатах оперировали клонированные существа, разрезая их и сшивая в новые формы. В других комнатах стояли клавиатуры ДНК, где работники Публия создавали новые расы чудовищ для клиентов, которые готовы были заплатить побольше за то, чтобы их игрушки могли размножаться. Банки полусозревших клонов плавали в прозрачном питательном растворе, автокувезы катались туда и обратно, некоторые из них

везли гротескные трупы, прочие везли анестезированных чудовищ в различной стадии законченности.

И над всем этим, достаточно сильный, чтобы Руиз стал давиться, витал особый тошнотворный запах, который Руиз всегда ассоциировал с Публием и его работой. Это были миазмы органической вони, химикалиев, запах буйной примитивной жизни и случайной небрежной смерти, запах создания и ужаса.

Наконец они дошли до помещений, которые Публий использовал для жилья, когда ему приходилось оставаться в лабораториях подолгу. После бешеной активности они оказались в тихой изоляции.

Публий захлопнул замок и повернулся к Руизу, на его лице явно отразилось усталое презрение.

— Ну что, будешь шантажировать меня снова? Снова угрожать? Неужели тебе никогда не надоест держать над моей головой погибель, которая может разрушить все то, чему я отдавался долгие годы? Ты же не можешь жить вечно, неужели у тебя нет никакой пощады?

Руиз принял униженную манеру.

— Ты сам не оставил мне никакого выбора, Публий. Если бы я не принял предосторожности, ты бы меня немедленно погубил. Я столь же сильно, как и ты, жалею о том, что ты доверил мне тайну своего происхождения. Если бы этого не произошло, ты бы не ненавидел меня столь свирепо, а я не был бы вынужден прибегать к шантажу.

Давным-давно, у костра на привале, на Линии, тяжело раненный и бредящий Публий открыл Руизу свою величайшую тайну: что он родился в Ковчеге рабов Дильвермуна, а не был незаконным отпрыском благородного рода с мира Ях, как он это утверждал. Руиз не понимал силы, с какой Публий защищал свое вранье, пока многие годы спустя изготовитель чудовищ не попытался убить его, и тогда Руиз понял, что означало для Публия это притворство и игра в благородную кровь. Чтобы защитить себя, он оставил в надежном месте меморандум, который должен быть передан по всем каналам оповещения и средствам массовой информации, если только Руиз внезапно пропадет или погибнет.

В более поздние годы, Руиз стал беспокоиться, что Публий жил с угрозой разоблачения так долго, что эта угроза перестала его пугать.

— Честное слово, я хотел бы, чтобы ты убедил меня, что мои предосторожности были напрасны.

Публий крякнул. Он прошел по ковру, что покрывал пол его гостиной, и достал из бара графин и стаканы. Он налил и предложил Руизу рюмку бледно-сиреневой жидкости.

— Ладно, по крайней мере, ты можешь пить со мной без страха, что я тебя отравлю. Очень немногие могут сказать то же самое.

Руиз кивнул и отпил.

— Я очень плохой мальчик,— сказал Публий, садясь на заваленный подушками диван и показывая Руизу на ближайшее кресло.— Теперь: как тебе убежать. Где твоя маленькая дорогая космическая лодочка? «Вигия», правильно? Память у меня замечательная.

— Спрятана на очень далекой планете. Я прибыл на Суук зайцем.

— Почему-то мне это кажется очень подходящим тебе способом,— сказал Публий. Глаза его перестали излучать свой сумасшедший блеск. На миг он показался просто обыкновенным человеком.— А что у тебя было за задание, если не секрет?

Руиз пожал плечами.

— Да нет, больше не секрет. Меня наняли, чтобы выловить браконьера на одной из планет Жестокого мира.

— И как, преуспел ты в этом? Нет, дурак я, что спрашиваю. Ты же не знаешь неудач, правильно?

— Я знаю, кто браконьер,— сказал Руиз.

— Ну вот видишь, я был прав,— Публий глотнул жидкость из рюмки и пополоскал ею рот, прежде чем проглотить.— Так вот, давай предположим, что ты добрался до платформ Шардов,— ты хочешь оттуда добираться коммерческим транспортом?

— Да.

— А-а. Ну хорошо, как я уже сказал, пиратские властители в данный момент впали в истерику. Видимо, они напали на какой-то грандиозный секретный план или открыли великую тайну... Они не знают, что с этим делать. Кое-кто кричит, что надо это уничтожить, кое-кто стоит за то, что надо открытие использовать. Тебя удивит, если я тебе скажу, что я тоже знаю эту тайну?

Руиз покачал головой.

Публий рассмеялся своим странным смехом.

— Во мне тебя ничто не удивляет, а? Может быть, именно поэтому я и не топчу тебя, как ничтожного жучка, каким ты, по сути, и являешься. Ты помогаешь мне надеяться на что-то, на то, что я могу превзойти самого себя. Разумеется, я собираюсь использовать эту тайну, если, конечно, смогу наложить на нее лапу. Скажи мне, как звучит: Публий, Император Всего?

Руиз едва мог придумать, что сказать.

— А что это за тайна?— наконец спросил он.

Публий хихикнул.

— Да ведь это же тайна, разве ты не слышал, что я сказал?

— А-а-а...

Публий принял деловой вид.

— Опять же, я не говорю, что Моревейник невозможно покинуть, но это стало необыкновенно трудно. Дорого. И опасно. Я мог бы помочь тебе — но сперва ты должен оказать мне услу-

гу. Нет, не пытайся грозить мне тем, что ты меня разоблачишь. Я больше не боюсь этого. Я вырос из тайны своего происхождения настолько, что мне уже совершенно неважно, каким оно было.— Публий усмехнулся злорадной улыбкой.— Какой добрый знак, что после всех этих лет ты появляешься как раз тогда, когда мне больше всего нужен именно такой человек, как ты.

Руиз вдруг от напряжения почувствовал страшную слабость.

— Что ты хочешь,— прокаркал он,— чтобы я сделал?

— Очень простую вещь, для такого наемного убийцы, как ты,— сказал Публий.— Я хочу, чтобы ты убил человека.

Наутро Кореана взяла Ленша и Мармо на главный невольничий рынок Моревейника — прокторы отказались впустить на аукцион Мокрассара, поэтому ей пришлось оставить его возле главного шлюза безопасности.

Фломеля держали в одном из отдельных бараков, которые напрямую примыкали к помосту, поэтому она вошла туда первая, ответила на все запросы идентификационного процессора, чтобы он смог установить, что именно она является новой владелицей Фломеля, и открыла дверь в камеру, где тот находился.

Фокусник сидел на своей узкой койке, сгорбив плечи в отчаянии, когда дверь отползла в сторону. Он взглянул и увидел Кореану.

По его лицу пробежала волна чувств, которых Кореана совершенно не ожидала. Она полагала, что увидит ужас, желание вымолить прощение, а вместо этого он показался ей сперва изумленным, а потом восторженным.

— Благородная Дама!— сказал он радостным тоном.— Я знал, что ты придешь!

Кореана была несколько сбита с толку. Либо Фломель был куда умнее, чем она полагала, или он совершено не понимал своего положения. В любом случае она вполне охотно подыграет ему.

— Значит, ты так и надеялся?

— О да! Я знал, что ты меня не бросишь. Остальные были совращены этим безродным продавцом змеиного масла, но только не я! Я знаю, что на самом деле Руиз Ав безродный убийца, вор, возмутитель душ! Я знал, что моя вера будет вознаграждена... и вот ты пришла!

Кореана улыбнулась. Она с удовольствием хотела принять его помощь, хотя она собиралась наказать Фломеля,— если не за то, что он участвовал в захвате ее воздушной лодки, то хотя бы просто за то, что он присутствовал, когда это событие произошло. Она, однако, была человеком гибким и могла отложить это наказание. Она уселась возле Фломеля и похлопала его по колену.

— Расскажи мне все, что знаешь,— предложила она.

Кореане потребовалось все ее невеликое терпение, чтобы выслушать рассказ Фломеля. Воспоминания фокусника постоянно включали в себя воспоминания о том, какие безобразные поступки были допущены по отношению к его достоинству и персоне. Много раз Кореане приходилось прерывать рассказ, прежде чем Фломель окончательно терял нить рассказа. Казалось, он был не в состоянии понять, что ей совершенно не интересны были его личные чувства, она же собрала воедино все силы, которые у нее были, чтобы вытерпеть его излияния и продолжала улыбаться и сочувственно кивать головой в нужных местах.

Когда Фломель сказал относительно того, как их оценивали и судили в Глубоком Сердце, ее интерес усилился.

— Он стал размахивать руками, его схватили судороги, и он стал пускать пену изо рта самым вульгарным образом,— сказал Фломель.— Вот так обнаружилось его низкое происхождение. Может быть, он умер. Он, по крайней мере, лежал на носилках почти неподвижно, когда его вынесли. Лицо у него совершенно посинело.

— Погоди,— сказала она,— попробуй вспомнить,— они вынесли его спокойно или же торопились при этом что есть мочи?

Фломель нахмурился.

— А какая разница?

Она исчерпала запасы своего терпения. Она резко протянула руку и схватила Фломеля за глотку, сдавив ее усиленными специальными волокнами мышцами. Он попытался говорить, но мог только сипеть. Он наполовину поднял руки, словно хотел оторвать ее хватку, и она стиснула его сильнее, так что глаза его вышли из орбит.

— Ты,— сказала она,— моя собственность. Ты не смеешь спрашивать у меня объяснений. Понял?

Он кивнул, лицо его исказилось от боли. Она отпустила его глотку, но не окончательно.

— Ну, говори,— сказала она.

— Быстро вынесли,— прохрипел он,— они его вытащили быстро.

Она отпустила его и встала.

— Тогда он, вероятно, все еще жив, как я думаю. Мне кажется, я почувствую, если он вдруг умрет — мы каким-то образом связаны. Может быть, это моя потребность удовлетворить свою месть... Что еще, Фломель?

Он потер глотку и прокашлялся.

— Не так уж много я могу сказать, Леди. Они отвели меня в мою комнату, а утром привели меня вот в это место. Я остальных не видел, и ты — первый человек, которого я вообще увидел здесь.

Она отвернулась от него и задумчиво обратилась к Мармо.

— Интересно... Он все еще в Глубоком Сердце? Что ты о них знаешь, Мармо?

— Я провел всю прошлую ночь, подключившись к банкам данных, но очень трудно найти полезные сведения. Это саморазвивающаяся корпорация, которая зарегистрирована на Дильвермуне, но совершенно ограниченная в своих владениях здесь. Они именно здесь и обосновались и большего не хотят. Они исповедуют культ сексуального разнообразия...

— Мне не интересна их философия, Мармо. Я вот что хочу знать: как хорошо охраняется их цитадель? Насколько трудно туда проникнуть?

Мармо минуту помолчал.

— Вспомни, что я сказал относительно полезных сведений. Но я могу высказать предположение: они достаточно хорошо защищены. Почти за две тысячи лет с тех пор, как были построены их теперешние владения, архивные записи показывают, что успешной попытки вторжения в цитадель Глубокого Сердца не было. Это в какой-то степени удивительно, поскольку они, по слухам, очень богатая корпорация. Они наверняка должны были бы привлечь внимание пиратских властителей.

— Не ободряет...— сказала задумчиво Кореана. Она отказывалась принять факт, что Руиз Ав мог найти себе убежище там, где она могла его не достать.— Но мы должны попробовать сделать все, что мы можем, а, Мармо? Пошли, проведаем друга.

Она повернулась к Леншу.

— Надень ошейник на фокусника и забери его в подходящие рабские казармы. Хорошая репутация у Алмазной Фасолинки. Потом встреть нас в гостинице.

Руиз откинулся назад, осторожно поставив в сторону свой бокал.

— Я не наемный убийца,— сказал он.

— Что ты говоришь?— удивился Публий.— С каких пор?

— Я никогда и не был наемным убийцей.

— Нет, разумеется, нет. Но ты всегда был готов убить любое существо, которое могло помешать выполнению твоего задания, кем бы оно ни было. Скажи мне, сколько трупов ты оставил за собой во время выполнения этого последнего задания?

У Руиза ответа не было.

Публий рассмеялся своим неприятным смехом с искренним весельем.

— Вот видишь? Ну какая тебе разница — одним трупом больше, одним меньше? А? А я тебя могу заверить, что это очень скверный человек, почти такой же скверный, как я сам — он заслуживает, чтобы его убили, почти так же сильно, как я этого

заслуживаю. Помоги мне в своем лучшем стиле решить мою проблему, и я отправлю тебя с планеты, независимо от того, чего это будет стоить в деньгах, во времени или в крови. Но если ты не выполнишь мое маленькое поручение, то я порежу тебя на кусочки и наделаю игрушек из твоего сырого мяса. Я устал беспокоиться насчет твоего дурацкого маленького шантажа. Человек, вроде тебя, в конце концов обязательно погибает, кто раньше, кто позже, поэтому почему бы не управиться с этим, да и с плеч долой? Через сто лет кому какое будет дело? Только не мне.

Руиз напряг мускулы и приготовился прыгнуть на Публия. Создатель чудовищ когда-то был ужасающим противником, но, может быть, с течением времени его навыки устарели, может быть, Руизу удалось бы подавить его, взять заложником, пока ему не удалось бы удрать из его лаборатории?

Руиз поднял руку странным жестом, и дула парализаторов выдвинулись из стены позади него, нацелившись на Руиза.

— Не делай глупостей, старый друг — и пожалуйста, не заставляй меня задумываться, уж не считаешь ли ты меня настолько глупым, чтобы сидеть и болтать с тобой, незащищенным ничем, кроме твоей замечательной доброй воли. Должен тебе сказать, что я был бы страшно оскорблен, если бы мог вообразить, что ты про меня мог такое подумать. А ты знаешь, какой у меня вспыльчивый характер.

Руиз обмяк в кресле. Чувство бесполезности всего накатило на него. Что еще он мог ожидать? Что он войдет и Публий поможет ему из несуществующей доброты своего характера? Этакое-то чудовище? Глупо, очень глупо.

— Кто этот человек? — спросил Руиз.

Публий встал и грациозным жестом поманил его.

— Пошли. Я тебе его покажу.

Руиз стоял вместе с Публием, глядя в окошечко в камере. Он увидел человека среднего роста и сложения, одетого в относительно модный комбинезон. Лицо его было ничем не примечательное, с ровными чертами, он не был ни толст, ни тощ. Волосы его тоже были неопределенного цвета: ни каштановые, ни белокурые, подстриженные в консервативном стиле. Он сидел в удобном кресле, лицо его лишено было всякого выражения, если не считать легкой настороженности. Руиз подумал, уж не шпион ли это какого-то государства или организации — человек идеально подходил для этой роли по своей внешности.

— Кто это, — спросил Руиз.

— Его зовут Алонсо Юбере.

Руиз был удивлен.

— Почему тебе нужна моя помощь? Вот он сидит. Почему бы тебе не убить его самому?

Публий рассмеялся, и по лицу его расплылось злорадное удовлетворение.

— О, это не тот Алонсо Юбере, которого тебе предстоит убить. Нет-нет. Это другой Алонсо Юбере, тот, в руках которого тайна. Ты знаешь, та самая тайна, которая так распалила пиратов.

Руиз напустил на себя вид холодного равнодушия.

— Видишь ли, этот Юбере на самом деле — мой старый слуга, которого я разобрал на части и перестроил в эту неприметельную личность. Увы, бедный Хедрин — он хорошо мне служил, но мне его тело нужно было больше, чем ему. Кстати, очень давно я генчировал Хедрина. Всем нужен, по крайней мере, хоть один приспешник, которому можно было бы доверять. Поэтому его верность, как и его внешность, абсолютна.

— А-а-а,— сказал Руиз спокойно.

— Ты начинаешь понимать? Это старая как мир идея — заменить ключевую личность дубликатом, который принадлежит тебе. Ты знаешь, насколько невыносимы и длинны в наши дни идентификационные процедуры, поэтому такие попытки больше не предпринимаются, и они не так часто увенчиваются успехом. А Юбере — самый осторожный из людей, кого я знаю. Его идентификационные данные очень трудно заполучить. Но,— продолжал Публий, протянув руки вперед и шевеля пальцами,— мои виртуозные способности обращаться с плотью и духом стали просто фантастическими, они более чем соответствовали этому заданию, и Хедрин стал Юбере во всех отношениях, кроме своей основной верности.

— Понятно. Однако почему бы просто не нанять убийцу на рынке?

Публий ударил его по плечу.

— Так это и был мой план, пока ты не появился у меня на пороге, точно по волшебству. А кто я такой, чтобы издеваться над подарками судьбы и смотреть дареному коню в зубы?

Кроме того, я очень верю в твои навыки и умение. Если вообще возможно добраться до Юбере, ты тот человек, который сможет это сделать.

Глава двенадцатая

Кореана кипела и бушевала. Достаточно скверно было то, что Алонсо Юбере заставил ее ждать, так он еще и отказывался встретиться с нею лицом к лицу! Она была оскорблена... и обеспокоена.

Его неприметельное лицо спокойно уставилось на нее с холоэкрана.

— Дела идут неровно, Кореана. Каким-то образом пиратские властители узнали нашу тайну или хотя бы достаточно для того, чтобы они полезли в это дело с пеной у рта. Мне угро-

жали, и даже мои генчи обеспокоены. А они неглупые существа. Ты сама это знаешь. Они просто не светские личности.

Кореана была потрясена.

— Не может быть!

— Увы, но это факт. Ты, случайно, не знаешь, каким это образом они вышли на нашу тайну?

— Не говори глупостей,— огрызнулась она,— у тебя есть тысячи прочих клиентов, любой из которых мог запросто все выболтать.

Однако ей стало весьма не по себе. Неужели Руиз Ав каким-то образом догадался, что она посылала их в Моревейник, чтобы их обработали? Может быть. Но не это было ключевым моментом тайны, которую она разделяла с Юбере и прочими работорговцами их организации.

— Пиратские властители знают насчет машины?

Губы Юбере искривились.

— Лучше не упоминать вслух подобных вещей, даже здесь,— предостерег он.— Нет, полагаю, что нет. Они знают только то, что неестественное количество генчированных рабов недавно появилось на рынке, и они полагают, что у кого-то есть несколько незарегистрированных генчей, которых этот кто-то не иначе как прячет в подвале. Этого вполне достаточно, чтобы они впали в бешенство от зависти и жадности, такова уж их натура. К сожалению, они быстро вышли на меня и полагают, что я и есть та самая личность. Может быть, мне придется бежать. Будь готова сделать то же самое.

Кореана набрала побольше воздуху.

— У меня здесь есть неоконченные дела. Это и твои дела тоже, поэтому пойдет только на пользу, если ты поможешь мне их завершить. Ты помнишь группу фараонских фокусников, которых я собиралась направить сюда для обработки? Они убежали, и один из них знает, что я везла их для генчирования. А он не фараонец, он пангалактик, в тому же вольнонаемный служащий Лиги... и он весьма способная личность, полная разнообразных талантов и возможностей. Чем дольше он остается в живых, тем больше вероятность, что он распространит сведения, которыми владеет.

Юбере наклонился вперед, лицо его приобрело выражение жадного интереса.

— Что именно он знает?

— Не очень-то много — просто то, что он и остальные должны были быть подвергнуты обработке генчами. Они убежали, прежде чем лодка достигла Моревейника, и он, по всей видимости, не знает, что генчи находятся здесь. Но он весьма умен и смекалист. Не хочу, чтобы у него было достаточно времени над этим подумать.

— Что ты хочешь от меня?

— Мне нужен убийца. Очень хороший убийца, кто-нибудь

такой, кто специализируется на сложных ситуациях. Самым лучшим вариантом будет такой, при котором ты дашь мне генчированного убийцу, чтобы не было никаких сомнений в его верности и лояльности.

Юбере откинулся назад, так что его лицо на холоэкране перестало быть четким и превратилось в случайный набор пятен основных цветов радуги. Он довольно долго молчал, пока Кореана не стала терять терпение.

— Ну? Ты можешь?

Лицо его снова возникло в фокусе, глаза его блестели, и Кореана прямо-таки могла видеть, как за этими глазами в гениально гибком и изобретательном мозгу вращались шестеренки и колесики мыслей.

— Да, конечно. У меня есть как раз такой человек, который тебе нужен. Оставь твоих киборга и Мокрассара. Иди за роботом, которого я пришлю. Мы посмотрим на того убийцу, которого я тебе дам, и ты сможешь его немедленно забрать, если захочешь.

Робот провел Кореану в изощренно сделанный шлюз безопасности, врезанный в древнюю облицовку стены. Как только она оказалась внутри, ее обыскали, сканировали, просветили рентгеном и сняли с нее все внешнее оружие. Наконец робот сомкнул на ее руке лапки нейтрализатора. Теперь, если бы она постаралась выстрелить из сонического ножа, встроенного в ее указательный палец, все, что ей удалось бы — это отстрелить себе руку.

На противоположном конце шлюза ее ждал Алонсо Юбере, его непримечательные черты были сосредоточены, руки сложены на животе.

— Пошли,— сказал он и пошел по коридору.

Она никогда до сей поры не бывала в его крепости, и откровенно разглядывала все, что попадалось по сторонам, стремясь удовлетворить свое любопытство. Стены коридора были из отполированного нержавеющего сплава, чистого, светлого, ничем не украшенного. Потолок был непрерывной светящейся панелью, пол — из губчатых серых изразцов. Ей показалось, что она различает запах дождевых червей, который всегда ассоциировался у нее с генчами. Генчи жили глубоко внизу, и если запах действительно и был, он был весьма слабым и неясным.

Они подошли к ряду комнат, в которые были встроены специальные наблюдательные панели. В каждой из них было стекло, которое давало возможность тем, кто находился снаружи, видеть происходившее внутри. Другая сторона казалась тем, кто находился в комнате, зеркалом. Когда они проходили мимо комнат, она заглядывала в панели, примечая, какой именно товар ее сообщники-работорговцы привозили сюда на обработку генчами. Она увидела множество таких особей, которые вызвали ее алчность, зависть и досаду, но Юбере быстро шел

вперед, поэтому времени на более спокойное наблюдение за чужим товаром у нее не было.

Одно из существ привлекло ее внимание. Они прошли мимо этого окна слишком быстро, поэтому она не могла быть абсолютно уверена в том, что совершенно точно узнала, кто был пленник, но она была на тот момент убеждена, что увидела в камере Иванта Тильдореаморса, одного из наиболее могущественных пиратских властителей, прославленного своей редкостной жестокостью и таким же страшным и непредсказуемым чувством юмора. У нее на лице было все то же самое выражение любопытства и невинного интереса, но мысли ее понеслись вихрем. Неужели Юбере генчировал пиратских властителей Моревейника? Очень опасно, подумала она, но вполне дерзко и предусмотрительно.

В конце коридора был лифт, в который Юбере ввел ее. Дверь захлопнулась, и кабина полетела вниз. В этот миг Кореаны коснулась холодная рука страха. Она посмотрела на бесстрастное лицо Юбере. Неужели он отводил ее к генчам, чтобы обработать ее и совершенно увериться в том, что она для него больше не будет представлять никакой опасности? Нет-нет: ведь процесс требовал многодневных приготовлений, прежде чем он мог быть проведен, а ее люди мигом сообразят, что что-то нечисто, если она не вернется в самое ближайшее время. Разумеется, они не могли бы спасти ее из крепости, в которую Юбере превратил свою цитадель, но они тут же распустили бы сведения о том, как предательски он с ней обошелся; об этом узнали бы остальные работорговцы в организации Юбере, и они наверняка успели бы уничтожить его прежде, чем Юбере смог бы уничтожить их личности и автономность.

Юбере наверняка рассмотрел такую возможность... поэтому пока она могла считать себя в безопасности.

Но она сама удивилась, почему ничего из этих мыслей не пришло ей в голову раньше, прежде чем она позволила провести себя в тайные тайных крепости Юбере. Неужели ее страсть к отмщению была столь сильна, что затмила ее инстинкт самосохранения? Может быть. Но ведь были и другие причины, прекрасные, разумные причины, по которым Руизу Аву полагалось бы быть мертвым.

Лифт задрожал, ударился о пол шахты и остановился. Они вышли из него в другой мир, который был темнее, чем покинутые наверху комнаты. Здесь стены были из какого-то серого сплава, шишковатые, на них виднелись словно потеки и складки, как будто стены были повреждены и оплавлены каким-то древним пожаром. По металлу стекали струйки грязной воды, местами встречались отложения минералов в виде блестящих белых кристаллов. Единственная полусевшая осветительная трубка извивалась неровными петлями по стене, бросая на окружающее голубоватый свет.

— Мы уже в логове генчей? — спросила Кореана. Здесь запах был сильнее.

Юбере покачал головой.

— Нет. Это гораздо глубже, Кореана.

— Насколько же ниже уходят этажи небоскреба?

— Никто этого не знает. Нет, может быть, генчи знают, но они никому не скажут.

Его небрежные спокойные слова заставили Кореану насторожиться. Почему-то ей представлялась совсем другая картина — что Юбере держал своих генчей в аккуратных небольших клетушках, что они покорно подчинялись ему и его прихотям. То, что, как оказалось, Юбере не совсем владел ситуацией и его никак нельзя было назвать хозяином положения, заставило дрожь пробежать по ее спине. Она подумала про себя, что, наверное, она не знает еще множества тайн.

— Сколько же их здесь? — спросила она.

— Я и этого не знаю, Кореана.

— Это как же такое может быть?

Он резко остановился.

— Ты не понимаешь моих отношений с ними?

Она начинала потихоньку сердиться.

— Видимо, нет.

Он сильно сдавил ее плечо.

— Видимо нет, а? Я ими не владею. Я просто посредник. Я даже не поставляю им охрану... Ты знаешь, что у них тут множество народу, люди, которые жили в анклаве черт знает сколько столетий? Они больше уже, конечно, не люди, да и как они могли ими остаться?

Он говорил с такими дикими, горящими глазами, что ее раздражение переросло в сильнейшее беспокойство.

— Нет, они давно уже не люди, но именно они сделают крайне затруднительной, если не невозможной, попытку пиратских владык захватить анклав, неважно, сколько солдат они сюда пришлют. Они не люди. Для того, чтобы выполнить то, что выполняю я, они годятся не больше, чем генчи. Поэтому генчи и пользуются мною как посредником, как мальчиком на побегушках между своим анклавом и человеческим населением Моревейника. Они сами невысокого мнения о своих способностях управляться с городом, но со мной они чувствуют себя вполне надежно. Они мне доверяют.

В этот миг, когда он почти вплотную приблизил свое лицо к ее и какая-то странная смесь гордости и отчаяния засверкала в его бесцветных глазках, Юбере выглядел почти как инопланетянин.

— Понятно, — сказала она.

Он отпустил ее и отпрянул, потом пошел дальше быстрым шагом.

— Нет, ничего ты не понимаешь. Все же, они делают то, что

я попрошу. Они платят мне тем, что позволяют мне использовать свою роскошную машину для того, чтобы делать для нас наших марионеток, поэтому жаловаться не на что.

Она прибавила шагу, чтобы не отставать.

— Я не жалуюсь,— сказала она понизив голос,— но... что они тут делают?

В голосе его была странная легкость.

— Они говорят, что они Становятся Достойными... Что это такое, я сказать не могу. Может, они становятся достойными богами или демонами.

Это были подземные темницы Юбере, наконец поняла она. Они пошли мимо дверных проемов, которые были блокированы болевыми полями и засовами. Из этих темных проемов доносились звон цепей, стоны, проклятия. Что это, враги Юбере?

Когда они подошли к цели, она начала уставать, на нее давило то, что эти темницы были такими древними. Над головой она чувствовала огромный вес небоскреба, словно физический вес, который ее давил, прижимал к анклаву генчей, к его неприятным тайнам. Она также заметила, что и любопытство ее исчерпалось. Все, что она хотела, сводилось к тому, чтобы получить своего убийцу и поскорее убраться восвояси.

Юбере зажег свет, и одна из камер озарилась.

В стимуляторе мышц лежал мужчина, глаза его были закрыты, тело напружинивалось мышцами и выгибалось, пока машина делала упражнения с его телом. Кожа его была плотно натянута поверх массивной мускулатуры, никакого жира на буграх мышц не было. Лицо его казалось достаточно обыкновенным, может быть, оно было чуть маловато для такого массивного тела, но в этом лице она увидела нечто такое, что ее поразило. Она все еще не могла понять, откуда возникло такое ощущение, когда Юбере заговорил:

— Мой брат Реминт.

Тут она увидела сходство и удивилась, почему она сразу не поняла, в чем дело.

— Он был одним из моих самых доверенных и ценных помощников,— сказал Юбере почти мечтательно,— ах, какой мы были парой! Мой интеллект — и его совершенная убийственная сила. Но он потерял правильный путь, позволил своему воображению предать свой разум.

Он стал предателем. Я сохранил его для специальных заданий с того самого дня, как закончил его генчирование. Его первым заданием было уничтожить его сотоварищей-конспираторов, что он и сделал поразительно эффективно. Я приказываю ему постоянно поддерживать форму, быть всегда готовым к службе. Разумеется, я держу его здесь не для того, чтобы засадить его в темницу. В этом нет никакого смысла. Но

его необходимо защищать от врагов, а их много и они настойчивы.

— Насколько он владеет своим искусством?

Юбере посмотрел на нее с легким раздражением.

— Не родился еще на свет убийца, который был бы способен противостоять Реминту. Только весьма маловероятная у остальных людей удача в свое время спасла меня от него и отдала его в мои руки для отмщения.

— Значит, он неудачник? — она вспомнила, что Мармо говорил насчет везения Руиза Ава.

— Только один раз ему не посчастливилось,— ответил Юбере.— Именно тогда, кстати сказать, я и почувствовал, что я воистину судьбоносное существо.

На миг он заулыбался — это была первая улыбка, которую Кореана когда-либо видела на его лице.

Он снова коснулся переключателя, и решетка скользнула в сторону, болевое поле потускнело и погасло.

— Реминт,— сказал Юбере.— Ты мне нужен.

Реминт выключил машину и отстегнул ее ремни. Он выбрался из ложа машины и подошел к ним. Двигался он с грациозной экономичностью, которая немного напомнила ей движения Руиза Ава. Его лицо отличалось каким-то отстраненным выражением, в нем была огромная сдержанная сила, напряжение укрощенной ярости — и она вдруг безоговорочно поверила в ту оценку, которую Юбере дал своему брату.

Реминт остановился в шаге от брата, и ненависть сделала его лицо страшной маской.

— Да,— сказал Юбере Кореане,— он все еще меня ненавидит. Но он должен мне служить. О, разумеется, эта ненависть столь же искусственна, как и все эмоции, которые наполняют его душу, но она по-прежнему такая же активная и жаркая для него. И то искусственное унижение, которое он переживает, когда вынужден мне служить... ну что же, это было самое лучшее, что могли сделать генчи, и меня это очень устраивает.

Юбере посмотрел на своего брата со странно нежной гордостью.

— Что за машина для убийства наш Реминт, Кореана. Ты знаешь, что однажды он убил Мокрассара в невооруженной схватке? Правда, Мок был старый и болел какой-то болезнью вроде гниения хитина, но все же — что за колоссальная победа. А теперь он гораздо сильнее: кости у него все укреплены, волокна мышц утроены. Моносеть вживлена ему под кожу. Прочие рефлексы тоже усилены. Мне кажется, он мог бы даже одолеть твоего Мока, хотя он, действительно, уж очень страшен... Во всяком случае, Реминт, ты должен подчиняться этой женщине, как ты подчинялся бы мне. Разумеется, не в том случае, если она прикажет тебе сделать нечто, что затрагивало бы мои инте-

ресы и вредило бы мне. Но ты уже и так это понимаешь, правда, братишка? Понимаешь навсегда и во веки веков, а?

Кореана подавила дрожь. Она всегда считала Алонсо Юбере бесстрастным расчетливым человеком — как же она ошибалась!

Только когда она вывела Реминта и взяла его с собой, ей пришло в голову, что она так и не узнала, что за план или поступок заставил Реминта обратиться против своего брата.

Фломель нашел, что его новое обиталище ничуть не хуже прошлого. Воистину, эта каморка была чуть лучше, чем камера.

Когда открылась задняя дверь и женщина на видеоэкране сказала ему, чтобы он вышел и пообщался бы со своими товарищами по заключению, он с радостью повиновался.

Он вышел из двери и оказался в высокой комнате с красивым потолком. Вокруг стояли маленькие кучки людей, разговаривая между собой. Прочие совокуплялись в небольших задрапированных нишах или сидели за столами, играя в настольные игры. Фломель с неодобрением поджал губы. Что за вульгарные и фривольные люди эти жители пангалактики! На Фараоне рабы тоже не отличались серьезностью характеров и помыслов. Возможно, во всей разнообразной галактике люди не особенно отличались друг от друга.

Он расхаживал среди прочих пленников, избегая смотреть кому-нибудь в глаза и не обращая внимания на непристойные действия в нишах.

Вдруг он окаменел, не в силах поверить собственным глазам. Дольмаэро, Мольнех и Низа сидели за маленьким столиком, попивая из высоких стаканов и глядя на остальных рабов.

Его первым порывом было радостно броситься к ним, чтобы обратиться к ним, как к потерянным и вновь обретенным дорогим друзьям, но тут он вспомнил, как они сотрудничали с тем безродным убийцей, даже в тех унижениях, которые негодяй заставлял его переживать. В душе Фломеля закипело бешенство, и он сжал кулаки. На секунду ему захотелось подбежать к ним и уничтожить голыми руками. Руиза Ава нигде не было видно, их никто не защищал. Однако тут он взял себя в руки. Ему надо быть терпеливым. Скоро Кореана придет за ним, а пока что он мог повысить свою ценность в ее глазах, разузнав, что можно. Кореана их накажет, он не сомневался. Он собрался с духом, приклеил на лицо радостную улыбку и бросился к ним, выкрикивая радостные приветствия.

Низа в ответ на его крик подняла голову и увидела Фломеля, на лице которого красовалась настолько лживая улыбка, что по спине у нее пробежала дрожь ужаса.

— Дольмаэро! Мольнех! Как я рад вас видеть! — он еще шире осклабился своей непристойной ухмылкой.— И ты тоже

здесь, Низа! Разумеется! А где твой храбрый продавец змеиного масла?

Она не могла заставить себя заговорить. Внезапное, совершенно неожиданное появление Фломеля казалось ей недобрым предзнаменованием.

Но за нее ответил Дольмаэро, сдержанно, настороженно, но вежливо.

— Мы понятия не имеем, Мастер Фломель. Он оставил нас тут, чтобы найти на нас покупателя — так он сказал. Но какая неожиданность, что ты тоже здесь.

— Да, я сам удивился,— сказал Фломель. Он подтащил к столу еще один стул и сел без приглашения.— Значит, он бросил вас на произвол судьбы,— сказал он злорадно, и на лице его заиграла улыбка, которая, правда, тут же сменилась выражением сочувствия и сострадания.

— Боюсь, что так,— сказал мрачно Дольмаэро, и Низа почувствовала восхищение тем, как ловко тот притворяется. Может быть, Старшине Гильдии надо было бы стать фокусником. Он более правдиво играл свою роль, чем Фломель свою. С другой стороны, видимо, ненависть Фломеля к Руизу Аву была настолько сильна, что тот не мог ее как следует скрыть. Дольмаэро же действовал из более расчетливых и спокойных мотивов.

— Ну что же, я никогда не доверял его милости и щедрости — а вы помните, чем он ответил на мою осторожность? Он скверный человек, и я рад, что вы наконец-то разделили мое мнение о нем. Хотя мне очень печально видеть, что вы пришли к такому концу,— сказал Фломель голосом, в котором неискренность так и звенела.

Низе пришлось изо всех сил сдерживаться, чтобы не защищать Руиза. Она сжала зубы и резко кивнула.

Фломель положил ей на плечо руку успокаивающим жестом. Она постаралась не отпрянуть.

— Особенно это разочарование должно было ударить по тебе, дорогая моя,— сказал он со снисходительной улыбкой.

Наверное, Дольмаэро почувствовал, как ей плохо, потому что он быстро заговорил, словно чтобы отвлечь Фломеля от триумфально-мстительных чувств.

— А как насчет тебя, Мастер Фломель? Каким образом ты оказался здесь?

Легкое смущение на миг отразилось на лице Фломеля и потом рассеялось. Низа подумала, что он наконец выбрал, что именно ему соврать.

— Это получилось в результате довольно запутанных событий, Старшина Гильдии — я должен признать, я в них мало что понял. Те, которые всех нас взяли в плен, забрали меня в другую, куда менее удобную камеру, где, видимо, меня купило какое-то влиятельное лицо в городе, которое послало со мной своего слугу-инопланетянина, чтобы он привел меня сю-

да. Странное существо, которое ходило и говорило как человек, но у которого была физиономия и манеры домашней кошки. Очень странно. Что, интересно, произойдет со мной теперь? Я понятия не имею.

Фломель, казалось, погрузился в раздумья о своих таинственных обстоятельствах, но потом философски пожал плечами.

— Ну ладно, что поделаешь, мы вдалеке от старого доброго Фараона. Здесь все происходит совершенно по-иному. А, Мольнех? — он добродушно толкнул тощего фокусника локтем под ребра.

Ответная улыбка Мольнеха была немного болезненной, но Фломель, казалось, этого не заметил. Он продолжал свои размышления вслух.

— Похоже на то, что нам придется приспосабливаться. Значит, вы считаете, что Руиз Ав пока еще вас не продал и только собирается? Может быть, он и не станет, может быть, он вернется за вами через какое-то время и сдержит те обещания, которые он вам дал — дал тогда, когда ему была нужна ваша помощь. Может ведь такое быть?

Хитрое выражение мелькнуло на лице Фломеля, и Низа решила, что он проверяет их — не осталось ли в них искры доверия к Руизу Аву.

Дольмаэро печально покачал головой.

— Боюсь, что нет. Мне кажется, что мы неправильно судили о нем. Мне теперь кажется, что он просто весьма убедительный лжец.

Он посмотрел на Низу. Ей показалось, что он просит ее помочь ему убедить Фломеля. Низа сумела утвердительно кивнуть.

Может быть, Фломель примет ее молчание за бессильную ярость и не увидит, на ком эта ярость сосредоточилась.

Фломель рассмеялся жестоким довольным смехом. Низе вдруг пришло в голову, что у Фломеля была тайна, в которой он находил огромное удовольствие, и она подумала, что хотелось бы знать, какие неприятные последствия эта тайна повлечет для них.

— Скажи мне,— начал Руиз Ав,— какие трудности ты предвидишь в том, чтобы добраться до Юбере?

Они вернулись из камеры, где фальшивый Алонсо Юбере расхаживал в послушании и полном спокойствии. Теперь они все трое сидели в гостиной Публия, попивая сиреневую настойку. Присутствие дублета остро мешало Руизу, хотя он сказал себе, что в этой ситуации нет ничего отличного от компании полуавтономного робота. Но роботы не пьют сладких наливок, облизывая губы после каждого глотка. Роботы не смотрят на человека чистыми невинными глазами, явно выражая жела-

ние помочь и сотрудничать. Роботы не дышат, в их металлической груди не бьется сердце, а мозги их состоят из холодных кристаллов, а не теплой плоти. Руиз никогда не был близко от человека, который прошел обработку генчирования, по крайней мере, если и был, то об этом не знал. Поэтому присутствие дублета причиняло ему острое беспокойство. Что чувствовало это человеческое существо нечеловеческого происхождения? Неужели его чувства столь радикально отличались от всего того, что чувствовали остальные обычные люди? А если нет, что же тогда можно было сказать о ценности и верности жизненного опыта самого Руиза Ава, если невозможно было отделить настоящее переживание от искусственного?

Публий кивнул на фальшивого Юбере.

— Алонсо может рассказать тебе все про свои обстоятельства и окружение. Хотя он не вполне уверен в нескольких важных деталях. Самое печальное, что это включает систему защиты его крепости, а она наверняка должна быть еще более впечатляющей, чем мы можем ожидать.

Руиз встряхнулся, оторвав себя от своих бесплодных размышлений.

— Мне бы хотелось обсудить сперва прочие важные детали. Однако мне не хотелось бы, чтобы ты счел, что я тебе не доверяю... Но факт тот, что я действительно не доверяю тебе. Откуда мне знать, что ты сдержишь свое слово, если я подменю Юбере своей марионеткой?

Публий покачал головой в притворной скорби, хотя рот его все время стремился искривиться в безумной усмешке.

— Руиз, Руиз... Ты меня удивляешь. Мы же такие преданные друг другу товарищи. Как же ты можешь подозревать меня в двойной игре?

Это казалось таким эксцентрично риторическим вопросом, что Руиз не знал даже, что ему ответить.

Публий рассмеялся.

— Ладно, ладно. Ну хорошо, дай подумать... Какие гарантии тебя успокоили бы?

— Пока что воображение меня подводит,— сказал сухо Руиз.— Давай обсудим твое предложение поподробнее. Может быть, тогда что-нибудь придет мне в голову.

— Справедливо,— сказал Публий добродушным голосом.— План по сути дела такой: ты проникнешь в крепость Юбере, забрав с собой моего Юбере. Как только ты окажешься внутри, ты найдешь и уберешь настоящего Юбере, присмотришь за тем, чтобы моя марионетка была как следует поставлена на это место, и уйдешь. Что может быть проще, что может быть чище сработано?

— Прости мою подозрительную натуру, но... что тебя остановит от того, чтобы расправиться с настоящим Руизом Авом после того, как работа будет старательно выполнена?

Публий поднял брови.

— Лояльность? Благодарность?

— Недостаточно,— ответил Руиз.— Однако... вернемся к твоему плану. Как ты себе представляешь наше проникновение в крепость?

— А! Тут я уже проделал многое из твоей работы. Мои люди нашли частично отрезанный проход, который находится всего на несколько сот метров ниже ватерлинии. Наш самый лучший расчет — у нас были старые карты: один из бывших узников Юбере и, что самое важное, вполне опознаваемые отбросы, которые выливаются из соседнего выпуска трубы, показывают, что этот проход соединяется с самыми нижними уровнями цитадели Юбере. Хотя быть в этом абсолютно уверенными мы не можем. Возможно, тебе придется провести кое-какие исследования на месте, чтобы пробраться в его логово, но здесь я полностью доверяю твоим способностям.

У Руиза доверия было куда меньше.

— Допустим, я попадаю вовнутрь. Что дальше?

Публий кивнул фальшивому Юбере, который отставил свою рюмку и наклонился вперед с серьезным выражением на своем непримечательном лице.

— Я сконцентрировал основную часть своих охранных войск на верхних и более доступных уровнях своей крепости, как этого и можно было ожидать. Насколько я знаю, они состоят из полувзвода ударных войск, натасканных в Сид-Корпе, десятка или более роботов-убийц, которых недавно сконструировал Виоленсия-Мурамаса, и полуразумной сети наблюдения, которую четыре года назад установила корпорация Клирлайт-Роботикс. Структура верхнего уровня и его охраняемых входов построена по привычным образцам, насколько я знаю, приемный холл с возможностью общаться только по холосвязи, безопасные замки по последнему слову техники и пересекающиеся запутанные лифтовые шахты. Это район, который можно довольно легко занять даже без использования тяжелого вооружения. И, разумеется, использование тяжелого вооружения для того, чтобы проникнуть в мою крепость, немедленно вызовет быструю и безжалостную реакцию Шардов.

— Хотел бы я только, чтобы моя оборона была такой же мощной,— сказал Руиз.— Но хорошо, продолжай.

Марионетка кивнула.

— Потом, на втором уровне есть казармы для моих машин и войск. Под этими казармами моя квартира — тоже хорошо защищена, хотя менее старательно, как верхний уровень. Потом уровень лабораторий, прочие места, где я работаю.

— А что это за работа?— спросил Руиз.

Спазма безумия исказила черты марионетки, потом выражение разума полностью исчезло с его лица, но тут же все восстановилось. Глядя на это, Руиз почувствовал укол ужаса и бо-

лезненного любопытства. Было такое впечатление, словно марионетка на миг пережила легкий сбой в контактах, словно она на миг перешла в иной мир, чем те люди, которые ее окружали.

Но ему нельзя отвлекаться, решил Руиз.

— Нет, мне нужно знать больше, чем то, что ты мне сейчас рассказываешь. Кроме того, разве я сам не увижу, что против меня сможет сделать Юбере, когда проникну на его уровень. Меня беспокоит твоя позиция, Публий. Ты говоришь почти так, словно не надеешься, что я выживу.

Публий зловеще уставился на Руиза. Наконец он заговорил нехотя и с досадой.

— Ну, как хочешь. Скажи ему, Алонсо.

Марионетка добродушно усмехнулась.

— Я делаю надежных людей. Иными словами, я делаю людей надежными.

Прошла долгая томительная минута, прежде чем мозг Руиза переварил все данные, пока сознание его было болезненно пустым — и вдруг понимание с ревом бури заполонило все его клеточки мозга. «Только не это! — подумал Руиз.— Это как раз то место, где сидят генчи, куда Кореана собиралась нас отправить. Это как раз то место, где Лига хотела заставить меня умереть». Смертная сеть задрожала и застонала в черных глубинах на дне его сознания. Но на сей раз он почувствовал, как ее ткань стала рваться и разрушаться. На невыносимо долгий миг он повис между жизнью и смертью, только краем сознания слыша, что марионетка продолжает что-то бормотать, что Публий смотрит на него с изумлением и беспокойством, что он сам сидит на стуле, что кругом ароматный воздух, который он никак не может вдохнуть — и то, что самая его суть куда-то ускользает во тьму. Внутренний голос его визжал ему какие-то предостережения без слов, он покачнулся, глаза его закатились, поэтому он видел только ржавую, кровавую тьму и звезды, которые мелькали на фоне теплой черной пустоты.

Потом вдруг все это закончилось, и он почувствовал, что Публий прижимал его к спинке кресла, держа в выхоленной руке инъектор.

— Нет! — закричал Руиз.

Он оттолкнул Публия прочь, и изобретатель чудовищ, пораженный этим неожиданным проявлением силы, споткнулся, попятившись обратно.

— Со мной все в порядке!

Публий держал инъектор наготове.

— Ты заставил меня поволноваться. Я подумал, что Юбере меня опередил, то есть, предвидел все мои ходы на десять вперед,— он все еще выглядел очень нерешительно, словно был совсем сбит с толку.— Ты вел себя так, словно тут не обошлось без работы генчей.

— Так оно и есть, без генчей не обошлось,— сказал Руиз.— Смертная сеть.

Он вытер внезапно высупивший на лбу крупными каплями пот. Он еще раз прислушался к себе, ожидая почувствовать тяжесть смертной сети, но она пропала.

А он все еще был жив.

Публий смотрел на него так, словно он только что отпустил шутку в дурном вкусе.

— Разумеется,— съехидничал он.— А почему же ты все еще жив?

Руиз рассмеялся, дрожа от восторга.

— Я ее истрепал, как мне кажется. Но хватит об этом. Что лежит ниже лабораторий Юбере?

Марионетка ответила так, словно ничего не произошло.

— Мои темницы.

— А ниже?

— Неизвестно,— ответил Публий, прежде чем марионетка могла бы заговорить.

У Руиза сложилось твердое впечатление, что двойник собирался сказать что-то еще, но бессмысленно было настаивать на этом. В тот момент, когда заговорил его хозяин, реальность двойника, мир, в котором он жил, переменился. Теперь марионетка верила только в то, что сказал Публий.

— В любом случае,— продолжал Публий,— тот выход, который ты используешь, соединяется с уровнем темниц, как нам кажется... поэтому неисследованные глубины небоскреба не важны для твоей миссии.

— Как скажешь...

— Именно так,— сказал резко Публий.

— Тогда давай я уточню. Ты говоришь, что мне придется спуститься вниз — на сколько метров?

— Шестьсот тридцать шесть,— сказал дублет, пытаясь искренне помочь, за что заработал злобный взгляд от Публия.

— Я должен нырнуть на шестьсот метров вниз, противостоя маргарам и мозгоедам, открыть запечатанный вход, вломиться в темницы Юбере, пробиться к его лабораториям или, что еще хуже, к его жилому уровню, и все это время тащить с собой твоего дублета, убить Юбере, проследить, чтобы двойник начал работать как следует, и чистенько убраться обратно. Правильно я тебя понял?

— Абсолютно правильно, мой старый друг Руиз.

— Ах как замечательно.

Публий фыркнул.

— Ты все видишь в самом неприглядном свете. Я удивлен, что ты выжил в своей профессии столько времени. Убийство и грабеж, знаешь ли, не самые подходящие призвания для реалистов. Но я уже устроил кое-какие вопросы. У меня есть невидимый для сонара батискаф, который готов к погружению.

У него есть накладной ремонтный шлюз, так что ты даже не промокнешь, если случайно что-нибудь сломается. Тебе будет дана возможность пользоваться моими деньгами, чтобы нанять солдат для задания, разумеется, в разумных пределах. Батискаф вмещает только восемь человек экипажа и пасажиров. Твое снабжение по части оружия будет самым щедрым. Что больше ты можешь хотеть?

— Способ, которым я могу не дать тебе вонзить нож мне в спину, в том маловероятном случае, если я преуспею и выживу во время выполнения задания.

Публий вздохнул.

— Готов выслушать любые твои предложения, Руиз.

Руиз потягивал сиреневую жидкость.

— Это вопрос, который требует серьезного размышления. Дай-ка я вернусь к себе, где остановился, и попробую подумать.

Публий усмехнулся и покачал головой.

— Не будь дураком, Руиз. Я теперь никак не могу выпустить тебя из-под своего контроля. Ты весь переполнен самыми опасными сведениями. Я здесь приготовил тебе апартаменты, и тебе можно размышлять тут над гениальными идеями сколько твоей душеньке угодно, по крайней мере, до завтра.

Выражение его лица переменилось, словно потемнело, и он посмотрел на двойника беспокойным взглядом.

— Пиратские владыки все больше беспокоятся и нервничают, и кто знает, насколько они еще отложат свое нападение на Юбере. Они еще не знают толком, каким образом он связан с тайной, и, разумеется, им трудно сделать любое совместное усилие, ведь для него надо объединяться... Тем не менее они работают в этом направлении.

Кое-что в последнем высказывании заставило Руиза насторожиться.

— А что дает тебе право считать, что твой Юбере сможет лучше выступить против пиратов, чем настоящий?

— Весьма остроумный вопрос, который свидетельствует о твоей наблюдательности, Руиз,— сказал Публий, но в голосе его звучало недовольство.— Не знаю, почему я попытался обмануть тебя. Ну что же, могу сказать, что в моем распоряжении есть ресурсы, которых нет у настоящего Юбере, и я могу ими воспользоваться в нужный момент.

Руиз чувствовал себя неожиданно и странно ослабевшим, лишенным возможности управлять событиями — он только мог чувствовать, и то весьма смутно, что под тем фасадом, который ему представил Публий, есть еще весьма глубинные механизмы, которые работают и работают в этом сложнейшем деле. Он страшно досадовал, когда ему приходилось сейчас думать об этом. Он посмотрел на изобретателя чудовищ, и только

страшное усилие воли позволило ему не показать омерзение, которое переполняло его.

— Что ж,— наконец сказал он. Голос его звучал легко, а на губах застыла обаятельная улыбка.— Надеюсь, что ты меня устроил в приличной комнате, Публий. Мы, которые собираемся погибнуть, заслуживаем хорошего сна ночью.

Глава тринадцатая

Кореана молча забрала своего наемного убийцу в «Веселый Роджер». Мармо, который ждал ее в приемной Юбере, говорил с нею только односложно, и, если она не считала бы совершенно твердо, что Мармо исчерпал свой запас человеческих чувств давным-давно, она подумала бы, что Реминт перепугал старого киборга.

Когда они пришли в свой номер, Ленш явно был испуган зловещим присутствием убийцы, его кошачьи черты все время искажались если не трусливым неодобрением, то яростью.

Она сама считала брата Юбере более чем внушительным и устрашающим, так что она не могла по-настоящему сердиться на реакции окружающих.

Она приказала Реминту усесться на оттоманку в углу, где он тихо сидел, уставясь в пространство, словно компьютер, который ждал, когда ему введут инструкции.

Ее самой горячей потребностью была ванна. Может быть, она только воображала себе это, но она все еще чувствовала легкий запах генчей, который пропитывал все в крепости Юбере, и эти чужеродные молекулы словно липли к ней с поразительной настойчивостью.

Она долго нежилась в теплой ванне, думая про отдельные вещи бесцельно и отрывочно.

Она заметила, что ее совершенная кожа стала чуть суше, чем раньше, ее руки нуждались в маникюре. Чуть позже, пока она терла намыленной губкой груди, она почувствовала тупое сексуальное напряжение во всем организме. В конце концов, она уже много дней не видела свои эротические игрушки, своих ручных рабов. Ее растущие потребности были вполне естественны. Возможно, она потом пошлет за кучей человеческих игрушек. У «Веселого Роджера» был контракт со многими фирмами, которые поставляли атрибуты подобных удовольствий. Она думала над тем, чтобы позвать Ленша, он бы немедленно удовлетворил ее, но как любовник он был совершенно неинтересен. Как большинство существ со значительными изменениями ДНК в сторону кошачьей природы, Ленш стремился совокупляться в коротком, жестоком стиле, совершенно небрежно — что на данный момент совсем не привлекало Кореану.

На миг она подумала про убийцу — каково это? Лежать

в этих нечеловечески сильных объятиях? Она тут же прогнала от себя эту мысль с дрожью страха. Сегодня ей что-то не хотелось приключений, что для нее никогда не бывало характерно.

Что-то заставило ее подумать про Руиза Ава. Извращенное тоскливое чувство накатило на нее, поэтому она откинулась на спину в ванне и стала вспоминать, как однажды она сгорала от похоти, глядя на красивую плоть Руиза Ава.

Она охватила ладонями свои маленькие груди и провела большими пальцами по скользким от мыла кончикам сосков. После того, как Мокрассар чуть не убил Руиза Ава, она послала его в те же комнаты, где она держала ту фараонку. Комнаты были оборудованы стандартными наблюдательными мониторами, и она вспомнила те времена, когда наблюдала за тем, как эти двое сливались воедино на шелковой постели женщины.

Кореана скользнула рукой вниз по животу, и пальцы ее задвигались в ленивом ритме. Руиз Ав был красив, на него приятно было смотреть ... да и на женщину тоже... Кореана просто не могла дождаться, когда они снова окажутся в ее руках... Но это было только до тех пор, пока женщина наполовину убила ее собственность, пока Руиз Ав не украл ее лодку и груз. Она желала их обоих свирепым желанием. Она откладывала момент наслаждения, чтобы предвкушение сделало бы наслаждение более сладким. Она просчиталась, прождав чуть дольше, чем было можно.

Но они оба были так хороши. Руиз и фараонка, их тела сплетены, они доставляют себе удовольствие всеми способами, какими мужчина и женщина могут удовлетворить друг друга.

Ее память наполнили образы этих двух тел, слитых в искусной страсти, и пальцы ее задвигались быстрее.

Невзирая на всю ее ярость, она все еще хотела его. Если бы каким-то чудом Реминт в этот момент привел бы Руиза в ее ванную, она заставила бы его удовлетворять ее снова и снова. Она выгнула спину, так что ее бедра поднялись из воды. Она откинула голову и почувствовала, как начинаются первые спазмы оргазма.

Она подумала: а тогда, когда вся сила Руиза Ава исчерпалась бы, она заставила бы его умереть.

Она испытала наивысшее наслаждение, дрожа от этой сладостной для нее картины смерти Руиза Ава.

Позднее, собранная и полная холодной решимости, Кореана вышла, чтобы проинструктировать своего убийцу-наемника относительно предстоящей ему задачи.

— Послушай, Реминт,— сказала она,— есть на свете человек, которого зовут Руиз Ав. Это мой враг. Это опасный человек, который владеет еще и опасной информацией. Мы считаем, что он до сих пор в Моревейнике. Твоя задача будет состоять в том, чтобы найти его и обезвредить. Ты должен в пер-

вую очередь придерживаться следующих правил. Есть несколько решений задачи, я перечислю их тебе в порядке убывания их идеальности, так сказать. В идеале, ты должен доставить мне его живым. Если это не получается по каким-то причинам, ты должен убить его и принести мне его голову как неоспоримое доказательство его смерти. Понимаешь?

Реминт кивнул только один раз, резким решительным жестом. Сила его сосредоточенного внимания была почти пугающей, подумала Кореана. Но она продолжала:

— Есть и еще кое-какие, менее важные подробности твоей задачи. Руиз Ав похитил трех рабов, которые принадлежат мне. Я хочу заполучить их обратно, если задача их освобождения не затруднит и не поставит под угрозу выполнение тобой основного задания. Ты в первую очередь должен поймать или убить Руиза Ава.

Она довольно долго ждала, прежде чем сообразила, что он не станет задавать никаких вопросов, если ему это не предложат.

— Что тебе необходимо знать для того, чтобы начать работу? — спросила она.

Впечатление было такое, что какие-то мощные моторы стали работать в глубине его каменно-холодных глаз. Они запылали целеустремленностью и, к ее удивлению, в них появилось нечто похожее на интеллект.

— Сперва,— сказал он,— скажи мне все, что ты знаешь или полагаешь про этого человека.

Руиз медленно расхаживал взад-вперед по толстому ковру в комнате, которую отвел ему Публий, который сам же и проводил его в нее.

— Эти апартаменты я держу, чтобы производить впечатление на торговых магнатов,— сказал Публий, делая руками широкий жест. Этим жестом он обвел все роскошные предметы комнаты.— Позвони, если тебе что-нибудь понадобится.

Он с минуту ждал от Руиза какой-нибудь реакции, потом пожал плечами и улыбнулся. Потом покинул комнату.

Руиз едва заметил все это. Он слишком был занят своими мыслями о том, как ему обеспечить свое дальнейшее существование. Как мог он избежать того, чтобы выполнять грязную работу Публия? Он попытался рассмотреть имеющиеся у него альтернативные варианты и весьма помрачнел, когда понял, что никаких таких вариантов у него просто нет. Публий поймал его, и почему-то он был уверен, что Публий не блефовал, когда сказал, что теперь ему было наплевать на те сведения, которыми Руиз владел против него. Удрать от Публия казалось маловероятным. В конце концов, Публий весьма сильно уважал те умения и навыки, которые Руиз имел по части насилия

и убийства. Видимо, он и принял подходящие меры против того, чтобы Руиз не сбежал, когда ему заблагорассудится.

Многие часы Руиз посвятил решению этой проблемы. Наверняка Публий не собирался дать ему долго прожить по окончании его миссии. Это Руиз воспринимал как само собой разумеющееся. Но какой возможный нажим он мог оказать на Публия, чтобы использовать в своих целях?

Он стал рассматривать потенциальные источники такого нажима.

Люди честные могут быть связаны словом. Публий пообещает ему все, что угодно, и это не будет означать ровным счетом ничего.

У него было не то положение, чтобы воспользоваться запугиванием. Публий просто посмеется над ним, и совершенно справедливо.

Мог ли он каким-либо образом использовать те жалкие клочки сведений, которые Публий предоставил в его распоряжение? В этой идее таились некоторые возможности, но он был мрачно уверен в том, что Публий никогда не подпустит его к терминалу компьютера информации — единственный такой терминал скоренько убрали при его появлении двое из лаборантов изобретателя чудовищ. Да и кому он мог поведать свой рассказ, чтобы потом иметь возможность навредить Публию? Кто будет хранить эти сведения в сейфе, пока Руиз Ав вернется, и если он вернется? Его единственные друзья на Сууке были заперты в рабской казарме. Ему пришло в голову, что надо было немного больше времени посвятить тому, чтобы спрятать их в более надежном месте. Но в то время он был уверен, что Кореана уже идет по их следам, что она уже настигает их — а дела требовали неотложного его участия.

Жадность Публия казалась ему наилучшим источником нажима. Каким образом он мог бы перевести поток жадности Публия в полезное ему русло, использовать ее так, чтобы она лила воду на его, Руиза, мельницу?

Он покачал головой, словно для того, чтобы стряхнуть паутину рассеянности. Потом уселся и стал растягивать напряженные мышцы. Вот теперь и настало время для четкого и ясного мышления. Он глубоко вздохнул и собрался.

Первое: что Публий ценит? Его репутация, видимо, уже не была для него столь же важна, как когда-то. Его лаборатории, разумеется, но Руиз не видел возможности, каким образом он мог бы взять эти огромные территории в залог без чьей-либо помощи. Его чудища? Его сотрудники? Нет... Публий часто утверждал во всеуслышание, что нет на свете незаменимых личностей — за исключением, разумеется, Публия.

Тогда что же еще? Было ли в плане, задуманном Публием такое важное ядро, которое Руиз мог бы захватить в залог, действуя в одиночку?

Он задумался. Был ли у Публия генч? Чем больше он над этим думал, тем больше приходил к выводу, что иначе быть не могло. Марионетка, которую Публий создал с целью заменить Алонсо Юбере, прошла деконструкцию. Вопрос в том, произошло ли это в собственных лабораториях Публия? Возможно. Если так, то был ли Публий настолько заинтересован в услугах Руиза, чтобы рискнуть генчем как заложником? Полагаю, подумал Руиз, это зависит от того, насколько Публий азартный игрок и насколько высоко он оценивает мои шансы преуспеть. Вероятно, Публий рассчитывает добраться до гораздо большего количества генчей, если он заменит Юбере — но, если Руиз потерпит фиаско, у Публия не останется генчей вообще. Может быть, у Публия были двое генчей — он наверняка был достаточно богат для этого.

Если так, то он может согласиться рискнуть хотя бы одним.

Этого казалось недостаточно. Он стал колотить кулаком по лбу, в паническом бессилии что-либо придумать. Что он мог сделать? Должно же быть что-то. Он отказывался верить, что он стал чем-то вроде орудия, которое Публий может выбрать, использовать, а потом выбросить. Кроме того, от него, от его изобретательности и находчивости зависели другие.

Невзирая на то, что он изо всех сил старался сосредоточить внимание на задаче схватить Публия за глотку и поставить его под свой контроль, рассеивающие внимание мысли продолжали проползать в его сознание.

И все они были связаны с Низой.

Наконец он притушил огни и лег на кровать, заставив свое тело расслабиться. Может быть, он слишком устал, чтобы как следует думать со своей обычной смекалкой, подумал он и поэтому усилием воли заставил себя заснуть.

Реминт допрашивал Кореану, пока не истощил все запасы ее знания и терпения. Этот процесс показал ей самой, да и ему, как немного она, по сути, знала про Руиза Ава. Она нашла этот допрос неприятным, но Реминт был неумолим, поэтому она не могла запретить ему задавать вопросы, чтобы не притупить его будущую эффективность.

Что, в действительности, она знала про Руиза Ава? Она знала, как он выглядел, как говорил, как двигался. Она знала, что он был опытный убийца, беспощадно решительный. До какой-то степени она понимала основу его почти патологической уверенности в себе. По крайней мере, ей это казалось уверенностью в себе. Она знала, что он может быть очень обаятелен. Он был великолепным лжецом, и она начинала подозревать, что он лгал ей и во время послойного ментоскопирования... И что он был чем-то гораздо большим, чем просто свободным художником в области незаконной работорговли. Как мог кто-

нибудь вроде Руиза Ава существовать в таких неинтересных условиях?

Кто же он был на самом деле... и почему он решил сам напроситься к ней в гости, подвергнуть себя ее пристальному вниманию?

Поток вопросов Реминта свернул на тему привязанностей Руиза Ава. Реминт задал сотни вопросов относительно первой попытки Руиза убежать через маринарий ее соседа по территории, Лорда Преалла.

В конце концов Кореана потеряла терпение и спросила:

— Ты думаешь, что у него были какие-то помощники? Ты что, считаешь, что он — часть враждебной нам организации?

Реминт откинулся на спинку дивана и ответил не сразу.

— Ну? — поторопила она.

— У него помощников не было. Таково мое мнение, основанное на этих весьма скупых данных. Он просто очень-очень хороший специалист и еще он очень удачлив.

Кореана с любопытством посмотрела на убийцу.

— Ты веришь в удачу? Странно. Как такое может быть?

Реминт пожал плечами.

— А как еще ты можешь объяснить скрытые механизмы, по законам которых существует эта вселенная? Ты веришь в судьбу, которая пощадила моего брата и погубила мою жизнь?

Казалось, сам этот вопрос ему не интересен. Он привел этот пример только в качестве иллюстрации к своим мыслям. Кореана почувствовала, как мороз пробежал у нее по коже.

— А в ответ на твой второй вопрос я хочу сказать, что считаю, что его действительно послала какая-то организация, хотя, возможно, не та, которая бы специально была враждебна именно тебе. Он может оказаться агентом Лиги — поскольку они владеют той планетой, на которой ты браконьерствовала.

Кореана пришла в ужас.

— Но ведь у него не было смертной сети! Как же он мог быть послан Лигой?

Реминт стал говорить поучающим тоном.

— В первую очередь, не все агенты Лиги снабжены смертной сетью. Этот взгляд на вещи — старательно поддерживаемый миф, разработанный Лигой, чтобы напугать своих врагов. Во-вторых, эти сети можно весьма успешно повредить — если не убрать, то замедлить их действие. По тому, как ты описала мне события на стартовой площадке, откуда они должны были отправиться на обработку генчами, я могу сделать вывод, что как раз в этот момент Руиз Ав испытал на себе воздействие частично активизированной сети.

— Но ведь все это к делу не относится. Руиз Ав сейчас действует без всякой внешней помощи, насколько я понимаю.

— А теперь,— сказал Реминт, к которому вернулась вся его

нечеловеческая сосредоточенность,— расскажи мне о прочих рабах, с которыми он сбежал.

Она так и сделала. Он не пощадил ее, не оставил ей ничего личного, заставил подробно рассказать, какие планы она вынашивала относительно Руиза Ава и фараонки по имени Низа. Пока она описывала то, что теперь сама считала совершенно безмозглой похотью, Реминт не проявлял никаких признаков презрения или возбуждения, что еще более в ее глазах усилило ее впечатление от него как от нечеловека.

Потом он расспросил ее относительно Фломеля, о том, что фокусник рассказал ей относительно действий Руиза Ава с момента их побега. Потом он расспросил Мармо насчет Глубокого Сердца, и Мармо молча протянул убийце заряженную и записанную информационную дискету, которая хранила результаты предыдущих поисков Мармо.

Несколько часов спустя Реминт вдруг перестал задавать вопросы. Он откинулся назад, и словно покрывало упало на его лицо. Казалось, он покинул свое тело и отправился в какое-то другое измерение.

Кореана ждала со всем спокойствием, на которое ее хватало, но прошло около часа, прежде чем Реминт заговорил снова.

И все, что он сказал, было:

— Понимаю.

Кореану охватила страшная досада.

— И что теперь, могучий Реминт? Что ты станешь делать со всеми премудрыми выводами, к которым ты пришел?

Он посмотрел на нее без всякого выражения.

— Я не пришел ни к каким выводам,— сказал он.

— Нет? Так каков же, в таком случае, твой план? Ты организуешь нападение на Глубокое Сердце?

— Преждевременно,— ответил Реминт.— Сперва я должен поговорить с твоим рабом Фломелем.

— Почему? Зачем? Я и так тебе сказала все, что он знает относительно Руиза.

— Нет. Ты сказала мне все, что он сказал тебе относительно Руиза. Маловероятно, что ваше знание одинаково.

— Тогда, пожалуйста,— сказала она, направляясь в спальню.— Ленш тебя отведет в казармы.

Как почти всегда это и бывало, сон Руиза был спокоен, без сновидений, но его мозг, как и всегда, продолжал решать проблему, которая была сейчас всего важнее. Поскольку самой важной была задача, как взять под контроль Публия, он проснулся с зачатками плана.

Он постучал по плоскому экрану коммуникатора. Он немедленно пробудился к жизни. Появился один из наименее страшных монстров Публия, женщина со странно удлиненным телом. В ее глазах были огромные лиловые зрачки, окруженные

пылающей красной склерой. Руиз давно еще пришел к выводу, что у каждого из чудищ Публия была примерно одинаковая доза чудовищности. Значит, свою долю это существо несло внутри.

— Да?— сказала она.

— Я бы хотел повидаться с Публием,— сказал Руиз.

— Я пошлю к вам провожатого. Публий оставил приказ, чтобы вам привели к нему в любое время, когда вы пожелаете, без всякого промедления.

Провожатым оказалась тонкая, как угорь, женщина с серой эластичной кожей и лицом хищной рыбы. На жабры у нее были надеты водные пузыри, и говорила она через вокодер.

— Пойдемте со мной,— приказала она, и больше от нее нельзя было добиться ни слова.

Публий работал в своей личной лаборатории, склонившись над прибором микрохирургии. На подносе лежал под наркозом младенец, кожа на его лице с одной стороны была отрезана и оттянута в сторону. Публий резал лицевую мускулатуру ребенка, используя лазерные лучи толщиной с иголку.

Руиз проглотил свою ненависть и омерзение и подождал, пока Публий закончит и повернется к нему, выключив приборы.

— А я время от времени делаю немножко работы для души,— сказал Публий.— Это дает мне возможность не очень-то зависеть от техников и второстепенных ассистентов, так сказать, поддерживает кровообращение в пальцах.

— Давай поговорим относительно того дела, которое ты просишь меня выполнить,— сказал Руиз.

— Разумеется. Ты что, нашел способ получить гарантию на мои обещания?— Казалось, Публия это страшно развлекает, словно он был совершенно уверен, что, как бы ни был Руиз хитер, он, Публий, все равно сможет его перехитрить.

— Не вполне удовлетворительный способ. Но все же сперва расскажи мне, как именно ты собираешься переправить меня с Суука.

Публий пожал плечами.

— Я собираюсь использовать свою способность применяться к любой ситуации, Руиз. Ты же знаешь меня, знаешь, что я оппортунист, человек, который старается воспользоваться любой возможностью. Я сделаю для тебя то, что покажется мне самым подходящим в тот момент.

Руиз наградил его скептическим взглядом.

— Меня это не удовлетворяет. Я прошу тебя быть более конкретным и подробным, Публий.

Публий нетерпеливо побарабанил пальцами по кувезу с младенцем.

— Ладно, ладно, если тебе уж так необходимо быть таким

подозрительным... Я тебе скажу, что я имел в виду. Хотя, должен тебе сказать, что твоя позиция довольно недружелюбна.

Руиз кисло рассмеялся. Что он мог ответить?

— Когда ты вернешься, Руиз, увенчанный лаврами успеха, чтобы, как я полагаю, потребовать свою плату, я предполагаю воспользоваться тем, что один из пиратских властителей должен мне услугу. Он переправит тебя на одну из платформ наблюдения Шардов, где ты сможешь пересесть на коммерческий транспорт обратно в Дильвермун.

Руиз нахмурился.

— Значит, теперь я вынужден буду доверять не только тебе, а еще и какому-то звездному пирату? Не так уж мне это и нравится. Ты меня не убедил.

Публий издал досадливый звук.

— Ей-богу, ты просто терзаешь мое терпение своими бесконечными подозрениями. Ну ладно, ладно, если ты не доверяешь мне, я предложу тебе надеть бешеные ошейники, тебе и мне, и поеду с тобой на платформу под начало Шардов, чтобы положиться на их милость.

Руиз не ожидал, что Публий сделает такое смелое предложение. Бешеные ошейники были последним словом договорной технологии и весьма притом эффективным средством. Двое людей, которых обстоятельства вынуждали полагаться друг на друга, могли, если их дело не требовало долгого времени, надеть одновременно взрывные ошейники, которые можно было активировать благодаря контроллеру, находящемуся в руках каждого из них. Однако, если один из тех, кто надел такой ошейник, терял голову или погибал при каких-либо обстоятельствах, ошейник другого участника договора немедленно взрывался. Эти ошейники снабжались фильтрами доброй воли, так что их невозможно было включить без согласия того, кому они надевались. Как только ошейники были надеты, снять их можно было только с согласия обоих участников сделки. Их главное ограничение заключалось в том, что это были приборы ближнего действия. Расстояние между участниками сделки или какой-нибудь массивный предмет между ними немедленно делал ошейники бесполезными.

— Ты наденешь такой ошейник со мной вместе прямо сейчас? — спросил Руиз.

— Не будь смешон. Я очень верю в твои навыки и умения. Ты это и так знаешь. Но, в конце концов, ты принимаешься сейчас за весьма опасное задание, и с тобой может случиться всякое.

— Ага, — сказал Руиз, — значит, проблема остается. Как я могу доверять тебе, пока не выполню задание?

Публий пожал плечами.

— Это твои проблемы, Руиз. Разве твоя ночь тяжкого раздумья не породила никаких планов?

— Я не уверен. Скажи мне, есть у тебя генч?

Лицо Публия слегка сморщилось, словно он откусил от исключительно кислого лимона.

— Да. И что с того?

— Один у тебя есть или несколько?

— Да, да. Трое, собственно говоря, хотя один почти мертвец, а еще один едва натаскан в их умениях и искусствах.

— Угу. Отлично,— сказал Руиз, чувствуя, что кое-какая надежда у него появляется.

— Вот тебе мое предложение. Разреши одному из твоих генчей следовать со мной, надев со мною вместе бешеные ошейники. Я буду полагаться на твою жадность. Даже ты не настолько богат, чтобы списать на накладные расходы генча. Когда мы вернемся, я отстегну генча от ошейника, как только мы с тобой наденем такие же ошейники. Все будут в безопасности и счастливы.

— Абсурдно! — рявкнул Публий.— Почему это я должен рисковать таким значительным количеством своей собственности? — лицо его исказилось оскалом ярости, но, как Руиз и надеялся, коварный огонек засветился в глубине его взгляда.

— Потому что ты очень сильно веришь в мои умения и везение.

Четверть часа Публий кипятился и шумел, но в конце концов он согласился отпустить с Руизом своего самого молодого и неопытного генча.

А Руиз очень надеялся, что самодовольство и самомнение Публия заставили его недооценить хитрость Руиза.

Когда Ленш вернулся с Ремингом вместе из рабских казарм, пилот, казалось, преодолел свой начальный страх.

— Хорошие новости,— объявил он, влетая в комнаты Кореаны.— Догадайся, кого мы нашли.

Реминт быстро шагнул в комнату, схватил Ленша за руку и потряс его так, что у того застучали зубы.

— Заткнись, скотина,— сказал он.— Я буду докладывать. Именно так я выполняю порученные мне задания.

В этой фразе не было никаких эмоций или волнения, просто холодная целеустремленность.

Кореана передернулась, но постаралась, чтобы лицо ее было столь же невыразительным, как и физиономия Реминта.

— Что такое вы обнаружили?

— Мы нашли твоих остальных рабов,— сказал Реминт.— Я из этого сделал тот вывод, что Руиза Ава больше нет в Глубоком Сердце. Твой раб Фломель сказал кое-что, что позволяет мне еще более укрепиться в этих подозрениях.

Кореана не могла удержаться от улыбки.

— Воистину хорошие новости. А что такое сказал Фломель?

— Он говорит, что остальные убеждены, что Руиз Ав оставил их здесь, чтобы потом найти на них покупателя на невольничьем рынке. Я прикинул и считаю, что это более чем вероятно.

— Я была права,— сказала Кореана, обращаясь к Мармо.— Видишь, он очень похож на меня... Но я куда более умная. Как нам теперь действовать?

Реминт каменным взглядом смотрел на нее.

— Я придерживаюсь гипотезы, что он весьма не скоро вернется за своими рабами и деньгами за них, если вообще вернется. Несомненно, он устроил все так, чтобы получить деньги не лично, а на счет. Если только мы не сможем получить содействие от прочих рабов — или если казармы откажутся нам помочь,— то тут след и оборвется.

Кореана уселась на кровати и посмотрела на Реминта.

— Не думаю, что мы можем попросить казармы помочь нам. Их дело и его процветание зависит от их репутации относительно непродажности. Поэтому мы просто возьмем остальных. Давай их купим, хотя мне до смерти тошно платить хорошие деньги за то, что и так по закону мое.

Реминт слегка отрицательно покачал головой.

— Невозможно. Руиз Ав велел держать их в передержке неделю. Я проверил по приходным книгам казарм.

Мармо пошевелился.

— Может, он все-таки собирается вернуться за ними?

— Маловероятно,— ответил Реминт.— Возможно, он надеется избежать твоего преследования, пока след не остынет окончательно.

— Да, так и есть,— сказала Кореана.— Значит, мы должны взять их из казарм силой.

Мармо вылетел вперед и стал бешено протестовать.

— Кореана! Ты же натравишь на нас всех пиратских властителей! Твоя страсть к отмщению совершенно вырвалась из-под контроля. Пожалуйста, образумься!

Кореана повернулась к нему и заговорила смертельным голосом.

— Мармо, ты не понимаешь, какие вопросы поставлены здесь под удар. Вопрос теперь уже не касается личного отмщения. Наше выживание поставлено на карту. Реминт, посмотри, как можно выполнить такой план.

Он кивнул и повернулся, чтобы уйти.

— Пошли, Ленш,— сказал он,— нам нужно нанять хворосту — нам понадобятся отвлекающие силы.

Ленш обратил на Кореану умоляющий взгляд, но она ответила ему бесстрастным взором. Он повесил голову и поплелся прочь.

Шесть часов спустя Реминт вернулся. За ним шли четверо

фараонцев, в шоке, сбитых с толку, они вместе были соединены цепями за шею. Фломель посмотрел на нее затравленными глазами, узнал ее и закричал ей:

— Леди Кореана, я так счастлив вас видеть! Не могли бы вы снять с меня цепи? Ваш человек обращался со мной совершенно непочтительно.

Реминт ударил Фломеля ребром ладони, и звук удара прогремел в тишине. Фломель упал на спину, рот его был окровавлен, глаза выпучены.

Реминт передал поводок от цепи Кореане.

— Что, пойти, что ли, нанять ментоскописта для послойной ментоскопии?

— Да,— ответила она.— Но будь поосторожнее с ментоскопистом — не хочу, чтобы им повредили мозги. А где Ленш?

— Он позволил охранникам казармы захватить себя. Я убил его, прежде чем они смогли забрать его с собой.

Когда Реминт уладил вопросы с ментоскопией, фараонцев увели в клетку, которую установили в одной из гостевых спален номера. Реминт пришел к Кореане с докладом.

— Мы оба в наших рассуждениях были неправы,— сказал он.— Руиз Ав собирается вернуться за ними. Он сказал им, что помещает их в самое безопасное место, которое он на тот момент мог найти, что он постарается сыскать для них всех возможность переправиться с планеты и пойдет искать транспорт. Они не до конца уверены, что он вернется, даже женщина не вполне в нем уверена, но я не сомневаюсь, что он их не бросил и вернется за ними, как только сможет.— Реминт помолчал и потом продолжил: — Руиз Ав, кажется, заразился нежными чувствами. Они станут причиной его гибели, точно так же, как они довели до гибели меня.

Кореана изучающе посмотрела в его невыразительное лицо, с отвращением и интересом одновременно. Реминт не проявлял ни жалости к себе, ни презрения к своей судьбе. Видимо, его брат не разрешил оставить ему никаких человеческих чувств, кроме той ненависти, которую Реминт питал к Юбере.

— Что ты предлагаешь?— спросила она.

— Я оставил в казарме ложные следы, которые позволят проследить нас до определенного места, которое мне хорошо известно. Я буду держать это место под наблюдением.

Реминт откинул рукав, показал ей плоский портативный видеоэкран, пристегнутый к его запястью.

— Когда пиратские властители появятся, я позволю им идти по ложному следу. Когда нас проследит Руиз Ав, я выслежу его там и убью.

Кореана кивнула, на нее план Реминта произвел хорошее впечатление.

— Разумный план. Сколько нам ждать?

— Он оставил за них плату на неделю. Поэтому нам не следует ждать больше шести дней, поскольку он оставил их там вчера. Он может вернутья за ними в любой миг, но мне кажется, что ему придется искать несколько дней, в самых худших условиях. Ему придется попотеть, прежде чем он сможет найти способ выбраться из Моревейника в настоящее время.

Она восторженно рассмеялась.

— Хорошо-хорошо. Я должна найти время, чтобы их обработали у Юбере, прежде чем он явится за ними. Как хорошо. Их ты можешь забрать к Юбере, чтобы продолжить выполнение нашего плана.

Глава четырнадцатая

— А что теперь? — спросил Публий.

— Войска, — ответил Руиз.

Публий согласно кивнул.

— Можешь взять кого захочешь из моих казарм с охранными рабами.

Руиз только фыркнул.

— Ну да, разумеется. Нет уж, позволь мне выбирать своих собственных людей. Я буду чувствовать себя не в своей тарелке, если меня будут окружать твои прихлебатели. Возьми-ка меня с собой в Спиндинни и захвати с собой побольше звонкой монеты.

Публий стал было спорить, но без особого запала. В конце концов он приказал принести рабский ошейник. Он застегнул его вокруг шеи Руиза.

— Не могу рисковать тем, что ты удерешь от меня, прежде чем я запру тебя в батискафе, отправляя на задание. Ты можешь сыскать себе такую возможность, пока мы шляемся по городу. Извини, что я такой подозрительный, но ты начал эту лавочку, Руиз.

Руиз устроил ошейник на своей шее как мог поудобнее. Он казался ему гораздо тяжелее, чем он был в действительности.

— Дай мне хотя бы куртку с высоким воротником. Люди, которых я хочу нанять, не захотят работать на пленника или раба. Рабов посылают на безнадежные задания гораздо чаще, чем свободных людей.

— Пожалуйста.

Когда они вылезли из лабиринта, Руиз увидел, что его скоростную лодочку действительно украли. Он этого ожидал, и, как бы не повернулось дело с Публием, эта лодочка больше ему не понадобится, но все равно это происшествие обозлило его.

Публий привел с собой двух Дирмов — рабов-охранников,

и теперь эти двое под руки вели Руиза к той самой бронированной воздушной лодке, которой он восхищался только вчера — хотя ему казалось, что прошло гораздо больше времени с тех пор, как его впустили в крепость изобретателя чудищ.

Публий был напряжен и необщителен. Руиз сделал вывод, что изготовитель монстров чувствовал себя будто раздетым, незащищенным вдали от своей берлоги. Ему доставляло определенное удовольствие то, что Публий чувствовал такое беспокойство и дискомфорт. Однако Руиз был настолько осторожен, что не показывал своего наслаждения.

Дирмы запечатали шлюз, и один из них сел на сиденье пилота, аккуратно вывел лодку из лагуны. Через несколько минут они уже входили в гавань Спиндинни.

— Я пошлю с тобой Хьюи,— сказал Публий, показывая пальцем на одного из Дирмов.— Хьюи, ты должен вести себя так, будто ты принадлежишь Руизу, если только он не попытается от тебя удрать. В этом случае ты просто сорвешь его башку. Ясно?

Дирм торжественно и серьезно кивнул.

Публий поднял вверх контроллер ошейника Руиза.

— И помни про это, Руиз. Я не стану колебаться, если мне придется оторвать тебе голову, даже если я хоть немного начну нервничать. Не заставляй меня нервничать.

Руиз глубоко вздохнул.

— Пошли, Хьюи,— сказал он.

По другую сторону внутреннего шлюза Хьюи вернул Руизу его оружие, потому что ни один человек в здравом уме не войдет в Спиндинни невооруженным. Потом он открыл внешнюю дверь, и они вышли на разваливающуюся пристань Спиндинни.

Спиндинни был развлекательным комплексом, который посещали не состоящие в союзах торговцы, поэтому он служил еще и местом, где можно было кого-нибудь нанять, столицей для заключения контрактов. Руиз и Хьюи спокойно вошли, не получив никаких вопросов от роботов-убийц, которые стояли возле дверей — видимо, они выглядели достаточно грозными, чтобы по праву находиться в Спиндинни. Ведь в этом месте крутились и вольные солдаты, и авантюристы, и наемные убийцы, на что так рассчитывал Руиз.

Как только они прошли внутрь, Руиз испытал острый приступ ностальгии. Воздух показался ему таким родным, насыщенным запахами его профессии: пот, алкоголь, дым, ружейная смазка, озон... Грубые голоса, которые неслись изо всех дверей и окон, окружавших пристань. Он услышал внезапный резкий хохот, проклятия и ругань, фальшивое пение, звон стаканов, пофыркиванье трубок, вздохи и стоны.

Он покачал головой. Каким странным ему казалось то, что

он вообще жил когда-то такой жизнью... хотя это было совсем не так давно.

— Пойдем-ка в комнату сообщений,— сказал он, и Хьюи послушно пошел за ним.

Комната сообщений была островом гигиенического технологического спокойствия, в парных и дымных глубинах Спиндинни. Там были стекло и хром, мягкий гул машин. Руиз уселся возле терминала компьютера и ввел свои требования и шкалу оплаты. Когда он покончил с этим, он снял кабинку для бесед и пошел ждать, когда его потенциальные войска выползут из своих берлог и появятся для интервью.

Четыре часа спустя у него было пять наемников, которых он посчитал компетентными личностями. Этих он отобрал почти из сотни кандидатов, которые к нему обратились. Публий позволил ему выбрать шестерых, но Руиз начинал разочаровываться. К тому же он стал уставать. Каждый новый сеанс с ментоскопом — это было устройство ограниченного действия, которое он использовал для того, чтобы проверить правдивость своих кандидатов — отнимал у него очередную порцию сил. Холомнемонические океаны людей, которые обращались к нему из числа завсегдатаев Спиндинни, были просто темными и мутными водами со страшными опасностями.

Пока что его силы состояли из весьма обильно покрытого шрамами воспитанника гладиаторских стадионов в нижних уровнях, киборгированного клана знаменитого освободителя Номуна, двух серьезных женщин с мира Ях, которые виртуозно владели игольчатым лазером, и маньяка-зверятника, которому страшно нравилось постоянно находиться в шкуре росомахи. Зверятник, наверное, был ошибкой, подумал Руиз, доведенный до отчаяния истощением и досадой на весьма бедный материал, из которого ему приходилось выбирать. Зверятник, вне всякого сомнения, был свиреп, он был опытен в убийствах, но мог ли он в случае необходимости контролировать свое второе *я*, особенно в тех ситуациях, где требовалось больше холодного разума, нежели свирепости? Руиз не был в этом уверен.

Пока они ждали, когда Руиз закончит отыскивать своего последнего рекрута, трое мужчин играли в карты в углу комнаты. Женщины держались за руки и смотрели на Руиза большими золотистыми глазами.

Когда он почти приготовился сдаться и удовлетвориться тем, что он уже нашел, в комнату для бесед ввалилась знакомая фигура — высоченный тощий и угловатый тип, который заплетал свои жидкие седые волосы в жидкий же конский хвостик. Его шишковатое лицо было еще и украшено зеленовато-голубыми полосами раскраски, а одет он был в потрепанный комбинезон, украшенный сувенирными заплатками — нашивками из дильвермунских туристических развлекательных центров.

— Я еще пока не опоздал? — спросил Олбени Евфрат, слегка покачиваясь. Он прищурясь посмотрел на Руиза, потом шагнул вперед.— Руиз? Руиз Ав? Ты что это делаешь в этом дьявольском логове?

— Тебя ищу,— ответил Руиз не совсем шутливо. Он не вполне владел собой, и радость его выражалась во всей его фигуре, не говоря уж о физиономии. Олбени был не святее любого, кто убивал и сражался за деньги и для извращенного удовольствия, которое можно найти в разрушении и убийстве. Но Руизу уже дважды в прошлом приходилось сражаться с Олбени, и он видел, что Олбени способен действовать и из верности и из сострадания. Это очень редкие качества в наемнике-солдате. У него с Олбени завязалась осторожная дружба, пусть даже во втором случае их совместных действий на Линии они кончили тем, что оказались на противоположных сторонах баррикад. Наиболее выдающейся личной слабостью Олбени было его пристрастие к различным химическим развлечениям. В данный момент он казался абсолютно пьяным.

— Меня, стало быть, ищешь,— сказал заплетающимся языком Олбени.— Как странно. Ладно, вот он я, нашелся. Где работа?

— Подкрадываться и вынюхивать, вот где,— сказал Руиз.— А еще и убрать по возможности.

Олбени с сомнением покачал головой.

— Не знаю, Руиз. Никогда не стремился к работе, где нужно было хладнокровие.

— Знаю. Но тут овчинка стоит выделки. Цель очень уж необходимая. Убить ее надо во что бы то ни стало — от этого зависят судьбы очень многих людей.

Тут не было никакой лжи, подумал Руиз.

Олбени вздохнул.

— Ладно, раз ты так говоришь. Не думаю, что ты стал бы мне врать. Ты всегда на сей счет был блаженненьким и никому не врал.

— Отлично,— сказал Руиз.— Давай-ка мы тебя протрезвим, а потом поедем. Дело богатое, но и срочное тоже.

Они все сидели в кабине бронированной воздушной лодки Публия, кроме Публия, который понял все здравомыслие предложения Руиза не показываться на глаза наемникам.

— Один из них может тебя случайно узнать и сломаться в приступе моральных угрызений,— сказал ему Руиз.

Олбени протрезвел, но его все еще трясло. Бортовая аптечка пристегнула ему на запястье трансфузионную манжету и накачивала его восстановительными средствами.

— Итак,— сказал Олбени,— в чем план состоит?

Они ехали в гараж, где Публий держал свою помесь батискафа с подводной лодкой, и у Руиза было несколько минут,

чтобы посвятить его в тот план, который они разработали совместно с фальшивым Юбере. Он объяснил, где и как они вломятся во владения Юбере в небоскребе-пещере. Он подробно обсудил, хотя и не вдавался в ужасающие или мерзкие детали, какие препятствия могут им встретится по дороге. Все они прошли специальную тренировку в военном искусстве в городской обстановке и имели немалый опыт в этих вещах, столь необходимых для этого нападения, хотя Руиз старался надеяться, что им не придется вступать ни в какие неравные сражения.

Время от времени один из наемников пытался задать вопрос относительно того, кто же их объект поражения или же выяснить, где расположены уровни, на которых им предстоит драться, но Руиз уклонялся от этих вопросов как мог дипломатичнее. Он чувствовал неприятное ощущение ответственности за тех убийц, которых он нанял, особенно с тех пор, как к ним присоединился Олбени. Он был уверен, что, узнай хоть один из них, в чем все дело и кого они собираются убрать, Публий тут же позаботился бы о том, чтобы ни один из них не прожил бы достаточно долго после завершения операции, чтобы распространять какие-нибудь слухи.

Когда он покончил с обсуждением плана, он предложил задавать вопросы.

— Вопросов нет?— спросил он, оглядывая лица вокруг себя.— Порядок. Когда мы приедем в гараж, то каждый сможет выбрать для себя то оружие, которое ему больше нравится. Олбени, ты будешь нашей ищейкой. У тебя всегда был прекрасный нос на неприятности.

Он кивком показал на клон-киборга.

— Хаксли займется противоразведочным оборудованием. Это его специальность.

Зверятник, которого звали Дурбан, заговорил сдавленным голосом.

— А я?

— Первый на тропе.— Руиз повернулся к бывшему гладиатору, который вообще не назвался.— А ты будешь прыгать вперед по очереди с Дурбаном, словно играете в чехарду. Так будет надежнее. А вы двое будете прикрывать с флангов,— сказал он женщинам, которые называли себя Мо и Чоу.

— А как насчет тебя самого?— спросил Олбени.— Мы, похоже, всю грязную работу будем делать.

— Хотел бы я быть на вашем месте. Я буду пасти неопытных.

Широкие бесстрастные лица приобрели кислое выражение.

— Это кто же такие будут?— спросил зверятник Дурбан.

Руиз неохотно ответил:

— Генч и небоевой невооруженный дублет.

Теперь лица стали упрямыми и хмурыми.

— Что за черт,— слабо сказал Олбени.

Руиз пожал плечами.

— Ну, именно потому вы и получаете большие деньги. Что я еще могу вам сказать?

— А как насчет такой фразы: «Если вы передумали, то можете вылезать возле первого попавшегося на дороге небоскреба?» — спросила одна из женщин с мира Ях.

— Извините,— сказал Руиз, покачав головой.— Вы же подписались на контракте. Отказ работать означает, что вас продадут в Яме Невольников, только и всего.

— Ты стал жестче, чем я тебя помнил,— сказал Олбени, смущенно покачивая головой.

— У меня контракт еще жестче, чем у тебя,— ответил Руиз, думая о ноже Публия.

Прежде чем они поднялись на борт батискафа, Публий послал Хьюи, чтобы тот привел к нему Руиза. Когда Руиз появился в командирской рубке, Публий стоял у большого иллюминатора с армированным стеклом, глядя на мигающие огни Моревейника. Рубка была освещена только центральной гроздью слабых красных лампочек, якобы для того, чтобы угодить маленькому генчу, который терпеливо ждал в углу. На кушетке в углу рубки сидел фальшивый Юбере и улыбался своей нечеловеческой улыбкой. Четверо охранников-Дирмов стояли по стенам рубки, время от времени ощупывая свое оружие и внимательно глядя на Руиза.

Когда Руиз вошел, Публий поднял руку в приветствии.

— А Руиз! Готов ли ты повернуть течение истории?

— Полагаю, да,— с сомнением ответил Руиз.

Публий поморщился.

— Руиз, у тебя нет никакого ощущения величия этой минуты. Это позорно. Я бы хотел, чтобы ты чувствовал важность твоего задания. Когда ты вернешься с победой, вселенная навсегда переменится.

Руиз начинал уставать от помпезности и напыщености Публия, но свое презрение он старался скрывать.

— Я рад, что ты мне доверяешь, император Публий.

Публий снова просиял.

— О, конечно! Но теперь надо заняться делом.

Он поманил пальцем, и молоденький генч прошлепал по полу и подполз к ним.

— Дай я сниму твой рабский ошейник,— сказал Публий.

Руиз наклонил голову, и Публий прижал молекулярный ключ к замку ошейника.

— Насколько лучше без него, правда?— сказал Публий.— Ты уверен, что обязательно должен надеть бешеные ошейники с моим генчем?

Руиз даже не потрудился ответить.

— Ну, ради бога,— Публий вынул из ниши металлический

футляр и открыл его, показав Руизу два ошейника.— Полагаю, ты захочешь их осмотреть.

Руиз поднял ошейники из гнезд и поднес их к тому месту, где свет был немного поярче. Он заметил, что они были производства Сид Корпа, обычно это служило знаком надежности. Он проверил, не повреждены ли их печати. Он прогнал оба пульта управления ошейниками через их обычную диагностическую цепь, и все это время Публий с нетерпением на него глядел.

— По-моему, с ними все в порядке,— сказал Руиз без особой уверенности.

— Разумеется, с ними все в порядке. За кого ты меня принимаешь?

— За хитрого человека,— сказал Руиз.

— Ну, тогда ты, разумеется, прав,— сказал снисходительно польщенный Публий,— тогда продолжай с ними действовать.

Руиз повернулся к генчу.

— Публий объяснил тебе все устройство и подробности сделки?

Один из ротовых треугольников генча задрожал, потом открылся. Генч заговорил тоненьким свистящим голосом.

— Я должен быть заложником.

— Верно,— ответил Руиз.— Ты понимаешь, как работают ошейники?

— Да.

— Тогда поподробнее объясни, как ты это понимаешь,— предложил Руиз.

— Если я умру, ты умрешь. Если ты умрешь, я умру.

— Правильно. Кроме того, как только мы наденем ошейники, их можно будет снять только по обоюдному согласию.

— Я прекрасно это понимаю,— сказало существо.

— Отлично. Тогда давай приступим,— Руиз защелкнул ошейник у себя на шее, потом пристально смотрел, как Публий надевал ошейник на шейное сочленение генча, прикрепляя его покрепче анестезирующими скрепками. Руиз взял в руки свой пульт управления. Генч открыл еще один рот и протянул манипулятор к своему пульту управления.

Они оба нажали соответствующие кнопки, и Руиз почувствовал, как его ошейник щелкнул и активизировался. Его охватило плохое предчувствие, но он отогнал его. Ему понадобятся все его способности и навыки, каждый миг сосредоточения, чтобы выполнить задание Публия, а потом выжить после благодарности Публия.

— Поехали,— сказал он.

Подводная лодка тихо скользила сквозь черные глубины Моревейника, нащупывая дорогу пассивным сонаром, пролезая сквозь густые дебри глубин. Множество раз Руиз слышал

стремительный всплеск от проплывающего рядом маргара, а сонар постоянно ловил звуки от меньших форм жизни, моторы от прочих, не столь замаскированных подлодок, прохождение прочих лодок по поверхности воды. Сонар анализировал вибрации отражения звука от этих предметов и потом реконструировал зеленоватый призрачный образ подводной стены небоскреба на экране холорезервуара. Сонар отмечал их собственное положение красной точкой, которая ползла вниз по огромной стене почти с незаметной скоростью. Руиз какое-то время внимательно смотрел на экран, потом убедился, что автопилот субмарины работает как следует, и прошел на корму сквозь переполненный грузовой трюм, где наемники сидели со своим вооружением. Он сделал знак Олбени, который поднялся и пошел за ним в личную каюту, где генч и фальшивый Юбере ждали.

— Ты наш радар на случай неприятностей, Олбени,— сказал Руиз,— посмотри на эти бешеные воротники и скажи, все ли с ними в порядке.

— Посмотрим, что я смогу сделать,— сказал Олбени.

Он стал раскладывать щупы и анализаторы для проверки приборов.

Через полчаса он поднялся, старательно исследовав ошейник генча, морща нос от вони, которую издавал генч.

— Этот вот ошейник подлажен,— сказал Олбени.— На том куске, где расположен рецептор, проложена мономолекулярная пленка, которая не пропустит разрушительный сигнал. Когда твой босс тебя убьет, генч не помрет.

Руиз покачал головой. Жадность Публия была монументальна. Он даже не пожелал пожертвовать своим маленьким генчем, чтобы уничтожить Руиза, не вызывая в нем подозрений. Он почувствовал себя немного обиженным. Он протянул руку к панели управления под потолком и включил видеокамеру.

— Давай-ка запишем это на пленку,— сказал он,— может быть, потом понадобится. Можешь ты прочистить фильтр от этой пленки-мономолекулы?

— Без проблем,— ответил Олбени, приложил атомный стиратель к ошейнику и установил таймер.

Руиз обратился к генчу, который бесстрастно принимал действия механика.

— Ты про этот трюк знал?

— Нет. Но я ценная собственность. Вполне логично было бы предположить, что мой владелец захочет меня защитить. Ты собираешься сообщить ему, что его трюк не удался?

Руиз неопределенно хмыкнул. Когда Олбени объявил, что ошейник в рабочем состоянии, он сказал:

— Окажи мне услугу, Олбени. Возьми-ка двойника и выведи его отсюда куда-нибудь. Развлекай его, как хочешь, только

видимых синяков, в случае чего, не оставляй. А мы должны посоветоваться.

Олбени схватил фальшивого Юбере за руку. Двойник спокойно улыбнулся и пошел вперед без протеста. Руиз захлопнул пневматическую дверь за ними и повернул кремальеру. Потом выключил камеру.

— Нам надо посоветоваться,— сказал он генчу.

Низа, держа спину прямо, сидела прикованная к голой стальной скамье за спиной сиденья Реминта. Возле нее Фломель бормотал ругательства. Он проклинал ее, Руиза Ава, злую судьбу, которая привела его к такому несчастному концу.

— Заткнись,— наконец огрызнулась она, устав от его постоянного хныканья.— Ты так и собираешься продолжать столь же презренным образом себя вести?

Фломель злобно уставился на нее.

— Шлюха... Это тебе надо бы помалкивать. Это твоя вина, что все так случилось. Безродного убийцу ты соблазнила в Биддеруме — так он бросился на сцену и наши злые судьбы были предрешены. Если бы не он, мы теперь выступали бы перед принцами пангалактических миров.

Дольмаэро, который сидел спина к спине с Низой, издал звук недоверия и изумления.

— Маловероятно, Мастер Фломель. И наши умы более не принадлежали бы нам, и наши души тоже, не вступись за нас Руиз Ав.

— Ну и сколько еще наши души будут нашими?— спросил Фломель.— Кроме того, если бы я никогда не узнал, что мой мозг был переделан, какая мне разница? Для меня это не кажется уж таким страшным событием.

— Правильно, так и должно было бы быть,— сухо сказал Мольнех.

— Что ты этим хочешь сказать?— спросил Фломель, распаляясь.

— Ты всегда куда более заботился о внешнем проявлении вещей, нежели об их сути. Для тебя это было в порядке вещей, когда мы были фокусниками, такой взгляд даже в чем-то помогал тебе работать. Такова была природа нашего искусства. Но теперь мы — рабы,— Мольнех казался куда мрачнее, чем Низа когда-либо видела его раньше. Она теперь слишком поздно поняла, сколько утешения она черпала в его веселой надежности.

Фломель продолжал скулить, совершенно не слушая, что ему говорят, поливая еще более живописными и выразительными проклятиями Руиза Ава, пока Низа уже более не могла оставаться безучастной.

— Стыдился бы,— сказала она,— Руиз Ав оставил тебе жизнь, когда мы все были готовы тебя убить. Если бы он не был столь милосерден, ты не смог бы сказать Кореане, где мы находимся. Мы все еще были бы по-прежнему в рабских казармах,

а Руиз пришел, чтобы вывести нас оттуда и увезти с этого ужасного мира.

В этот момент массивный человек, который вел лодку, повернул голову и отрывисто сказал:

— Вы ошибаетесь.

— Что ты имеешь в виду?— спросила холодно Низа.

Реминт был для нее страшной личностью. Он казался стилизованным воплощением разрушения, не вполне человеком. В казармах она видела, как он спокойно убивал десятки людей из охранных войск казармы. На лице его ни разу не возникало другого выражения, кроме мощной сосредоточенности.

— Фломель вас не предал,— сказал Реминт.— Как вы думаете мы нашли Фломеля?

— Как?— требовательно спросила Низа, чувствуя страшное ощущение надвигающейся беды.

— Руиз Ав сказал нам, где вы. Он надеялся выкупить вашими жизнями свою, и он хотел заключить с нами сделку. Но ему это не поможет. Мы его все равно найдем, так что он предал вас совершенно напрасно.

— Я тебе не верю,— сказала Низа. Она злобно уставилась на Реминта.— Ты нас, должно быть, считаешь дураками. Если бы Руиз Ав продал нас тебе, то вам не пришлось бы взрывать казарму, чтобы до нас добраться и сражаться с охранниками, чтобы нас похитить.

— А он вас нам не продал. Он уже продал вас кому-то еще. Ваши новые хозяева были весьма спесивы и несговорчивы, поэтому они не хотели продавать вас ни за какую цену, вот почему нам пришлось действовать столь грубо и прямо.— Реминт пожал плечами и вернулся к слежению за курсом лодки.

Низа яростно смотрела на Реминта сквозь пелену жарких слез. Но она более не была абсолютно уверена в том, что он лгал. А в том месте, где раньше было ее сердце, теперь зияла сплошная кровавая рана.

Продолжение романа в следующем томе серии «Монстры вселенной».

Содержание

Контракт на Фараоне 3

Император всего 255

Рэй Олдридж
КОНТРАКТ НА ФАРАОНЕ
Зарубежная фантастика

Сдано в набор 1.11.93 г. Подписано в печать 23.11.93 г. Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 26 п. л. Тираж 50 000 экз. Заказ 1693. Лицензия ЛР № 061013 от 9.04.93.
ТОО «Транспорт».
ГФ «Полиграфресурсы», 101409, Москва, Петровка, 26.
Отпечатано на Ордена Трудового Красного Знамени Тверском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024. г. Тверь, пр. Ленина, 5.

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

